

«Обещание» Кристен Эшли Серия «Бург#5»

**Перевод осуществлен для ознакомления, не для коммерческого использования.
Автор перевода не несет ответственности за распространение материалов третьими
лицами. Мнение автора может не совпадать с мнением переводчика**

После смерти своего брата Бенни Бьянки испытывает неприязнь к женщине, которая, по его мнению, привела к крушению его брата. Он подпитывает свою неприязнь, пытаясь заглушить чувства к Франческе Кончетти, девушке своего погибшего брата. Но когда Фрэнки получает пулю, находясь в бегах с женщиной двоюродного брата Бенни, ему приходится столкнуться со своими чувствами.

Проблема заключается в том, Фрэнки пришла к выводу, что теперь полностью искупила свою вину. За наказание, которого она не заслужила. Она покончила с Бенни и семьей Бьянки. И решила начать новую жизнь вдали от них в Чикаго и своего душераздирающего прошлого.

Но Бенни решил по-другому.

Хотя у Фрэнки все еще имеются демоны, с которыми ей предстоит бороться. И Бенни хочет помочь ей справиться с ними. Но жизнь нанесла Фрэнки столько тяжелых ударов, что она боится поверить в обещание Бенни Бьянки в хорошую жизнь, которую он ей предлагает. Новая жизнь Фрэнки приводит ее назад в Бург, где у Бенни есть связи, и внезапно она понимает, что ей не только не удалось сбежать от него, но она и не хочет этого делать.

*Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения,
предназначена для 18+*

1

Принимаю бой от тебя

— Ты готова?

— Ага.

— Такси вызвала?

— Ага.

— Поехали.

С усилием я поднялась с больничной койки, повернулась и нацелила свою задницу в инвалидное кресло, которое Синди неподвижно держала для меня. Я почувствовала, как губы сжались от боли, но я не показала и виду (по крайней мере, надеялась).

Я устроилась поудобнее, но боль полностью не утихла. К счастью, Синди передала мне мою сумку, которую я положила себе на колени, затем она дала мне большой конверт, наполненный какими-то бумагами. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы все положить на колени и не концентрироваться на боли.

Боль, кстати, была результатом огнестрельного ранения.

Было удивительно, что из-за огнестрельного ранения я пролежала всего полторы недели в больнице. По словам Синди и других медсестер, я быстро выздоравливала.

Я не чувствовала себя сейчас, что быстро выздоравливала.

Чувствовала я себя дерьмово.

Но я хотела выбраться из этой чертовой больницы. Кровать была неудобной. В заведении было чертовски шумно, так что я плохо спала. Не помогало и то, что пулю, которую я словила, пришло в живот, так что мне пришлось спать на спине.

Я никогда не спала на спине. Я храпела, когда спала на спине. Женщины не храпят. Я же знала, что на самом деле женщины еще как храпят. Но для меня, как для женщины, я не хотела быть женщиной, которая храпит. Итак, хотя раньше я все время спала на спине, приучила себя спать на животе или боку, чтобы не храпеть.

Да, я сделала это, хотя в моей постели уже семь лет не было мужчины.

Семь.

И все же я не храпела. Даже обитая одна в постели.

Последняя, самая важная причина, по которой я хотела выбраться из этой гребаной больницы, заключалась в том, что в этой больнице меня навещало больше людей, чем в моей квартире за последние семь лет. Сэл. Мальчики Сэла. Жена Сэла, Джина.

И, что хуже всего, Бьянки. Чертовы Бьянки не оставляли меня в покое. Винни-старший, Тереза, даже гребаный Мэнни.

Потом, конечно, Бенни.

Если честно, Бенни был настоящей причиной, по которой я была счастлива сбежать из больницы.

Я избегала Бьянки в течение полутора недель, притворяясь, что сплю, и это было еще более утомительно, чем не спать. Моя дверь открывалась, и не имело значения, что я делала. Смотрела телевизор. Читала книгу. Листала журнал. Разговаривала по телефону. Я мгновенно притворилась спящей, даже отключив для этого телефонный звонок.

Конечно, я переставала притворяться, если это был Сэл, один из его парней, его жена или один из моих друзей.

Я бы не стала притворяться, если бы это были не Бьянки.

Но вчера Бенни это надоело.

За последние полторы недели он ни раз говорил мне прямо на ухо, его губы были так близко к моей коже, что я почти чувствовала их:

— Детка, открой глаза. Я знаю, что ты притворяешься.

Обычно он говорил и ждал. Но недолго.

Я знала Бенито Бьянки. Я знала всех Бьянки. По натуре они не обладали повышенным терпением, даже не повышенным, вполне обычным для рядового человека. А Бенни был самым Бьянки, так что запас его терпения был сродни терпению комара. Поэтому я могла притворяться, даже не потея.

Я так и делала. Успешно. Полторы недели.

Вчера, однако, я знала, что с Бенни покончено. Это было потому, что он не прошептал мне на ухо, что знает, что я притворяюсь.

О нет.

Вместо этого он прижал мою задницу прямо к себе и растянулся на кровати рядом со мной, подсунув под меня руку, обхватив и прижав меня к себе. Затем он схватил пульт с моего больничного столика и включил гребаный бейсбольный матч.

Я лежала рядом с ним, прикусив язык (образно говоря, если я позволю своим губам двигаться, я больше не смогу притворяться спящей), желая, опять же мысленно, напомнить ему о том факте, что в меня стреляли, и, возможно, ему не следует лежать со мной на больничной койке.

Хотя его лежание рядом со мной не было ужасным. Он был нежен, и было отстойно обнаружить, что Бен может быть нежным физически. Мне не нужно было знать это о нем, так как мне действительно не нужно было знать это о нем, учитывая, что он был братом моего покойного парня, он был итало-американцем, и, наконец, он был сексуальным в том смысле, что Долина Смерти была огненным адом. Он настолько превышал шкалу по своей сексуальности, что шкалу можно было изобрести заново. Я уже вела себя вызывающе по отношению к нему, а он был братом моего покойного парня, так что раздражаться на него было неправильно, то есть совсем неправильно.

Так что мне не нужно было знать, что он умел быть нежным.

Но он был. Что было отстойно.

И это делало его еще горячее.

В конце концов, он был таким нежным, таким теплым и таким твердым — в хорошем смысле, в каком могут быть твердыми мужские тела (или в другом хорошем смысле) — и все это взятое было так удобно, и лежа с ним рядом я действительно заснула.

У меня было такое чувство, что я храпела.

Это была плохая новость.

Хорошей новостью было то, что, когда я проснулась, его уже не было.

Другой хорошей новостью было то, что я надеялась, что храп умерил его пыл. Никому не нравится человек, который храпит.

Можно смириться с этим, если ты любишь человека, но Бенни не любил меня, и я хотела бы, чтобы так и осталось.

Теперь я убиралась из этой больницы к чертовой матери. Не потому, что это был мой выбор, я чертовски уверена, что не говорила «нет».

Синди катила меня к двери, по ходу говоря:

— В этом конверте есть несколько схем. Ты возвращаешься домой, у тебя есть кто-нибудь, чтобы сходил в аптеку вместо тебя?

Да. Есть. Я могла бы обратиться к любому члену семьи Бьянки (в первую очередь к Бену), и они сходили бы вместо меня в аптеку. Они также бы забрали меня домой, уложили в постель, убрались бы в моем доме, наполнили мой холодильник, а затем остались бы на некоторое время, готовили для меня еду и составляли бы мне компанию.

Им нужно было залатать брешь. Я получила пулю за одного из них. Когда-то они считали меня членом своей семьи, а когда Бьянки считают вас членом своей семьи, образуется трещина, и они хотят ее залатать, они приложат массу усилий, чтобы сделать это. Отсюда и визиты Бьянки, во время которых я притворялась спящей.

Но я терпела их дерьмо в течение многих лет. Я терпела, потому что любила их. А любила их, потому что любила Винни-младшего. Еще терпела, потому что они потеряли сына и брата, и им пришлось свалить свою боль на кого-то, и поскольку я их всех очень любила, то позволила свалить им свою боль на себя.

И получила пулю за них.

Хватит.

У меня был Сэл. И Сэл сделал бы для меня все что угодно. Его не совсем легальные дела убили моего мужчину; он был мне должен, а он был из тех людей, которые чувствовали, что подобные вещи никогда нельзя вернуть.

Он также был криминальным авторитетом мафии. Так что, как бы сильно я его ни любила, я не хотела с ним связываться.

У меня тоже были друзья. Раньше у меня было больше друзей до того, как мой покойный парень выбрал карьеру в мафии, но у меня все еще осталось немного друзей.

Я не притворялась спящей, когда они заходили меня навестить, но еще до того, как мне пришла в голову потрясающая идея сунуть нос в ситуацию, из-за которой меня подстрелили, я предпринимала шаги, чтобы продолжить свою жизнь. Я слишком долго топталась на месте в Чикаго — семь лет после смерти Винни. Пришло время покончить с этим. Начать сначала. Мне было тридцать четыре года. Я потратила впустую семь лет. Мне не следует теперь больше тратить время впустую.

Я не могла назвать тех, кого любила, своими родственниками по крови, но я любила их. На самом деле. Но драму, которую они привнесли с собой, того не стоила. В меня стреляли. Полно живущих людей, в которых никто никогда не стрелял, но и они не стреляли ни в кого.

Моя семья не считала огнестрельное ранение драмой. Это не было для них вызовом.

Так что мне это тоже было не нужно.

— Конечно, — ответила я Синди, пока она катила меня по коридору.

— Там у тебя есть схемы приема обезболивающих, — сказала она мне, направляясь к лифтам. — Теперь, ты знаешь, я видела, что с тобой случилось по телевизору. Ты изо всех сил старалась быть героем, помогая спасти ту женщину от этого психа. Ты принимаешь эти таблетки, когда они тебе нужны, и прекращаешь, когда уже не нужны. Будет жаль, если ты превратишься из героя в наркоманку.

Синди говорила правду.

Синди также была афро-американской медсестрой, которая работала в пригородной больнице недалеко от Чикаго, но раньше она работала в больнице в центре города. За последние полторы недели я узнала, что Синди многое повидала, и большая часть этого была не очень хорошей.

Я также узнала, что Синди не любила ходить вокруг да около.

— Я сделаю все возможное, чтобы не стать наркоманкой, — заверила я ее, когда она нажала кнопку лифта.

— Следуй указаниям врача. Прочти их хорошенько, — приказала она. — Поднимай свою задницу с кровати и двигайся. Но не переусердствуй. Слышишь? — закончила она, когда лифт зазвенел.

— Слышу, — пробормотала я.

Она вкатила коляску в лифт и умело развернула меня лицом к дверям.

— Было не очень весело, — сказала я в двери, обращаясь к Синди. — Но я буду скучать по тебе и девочкам.

Как ни странно, это было правдой. Вероятно, я никогда не забуду, как меня ранили и последующие недели, когда приходилось бороться с болью, бороться за восстановление, и делать все это при полном натиске Бьянки. Но медсестры в этой больнице были лучшими. Я не могла сказать это с уверенностью. Никогда раньше не лежала в больнице. Но они были так хороши, что я и представить себе не могла, как же в лучших.

— Да, мы тоже будем скучать по тебе, — ответила она. — В основном мы будем скучать по попыткам выяснить, что с тобой происходит не так, когда ты изображаешь спящую красавицу, когда звонит или приходит тот парень.

Понятно, они проявляли внимание. И не только к моему здоровью.

Я сжала губы.

— Что с ним такое? — подсказала Синди.

— Э-э... — Я ничего не ответила, когда двери лифта снова зазвенели и начали открываться.

— Этот парень приходил к тебе каждый день, — начала она, вывозя меня из лифтов, — я бы на твоём месте уже бы разговаривала по телефону со своим стилистом. Я бы уже сделала причёску. Мои ногти были бы покрашены. Мои ногти на ногах подстрижены. И я была бы уже в пеньюаре.

Я подавила видения себя в пеньюаре, лежащей на больничной койке, слишком нелепо, чтобы лежать в пеньюаре, даже для меня (а во мне было очень мало слишком нелепого), и вспомнила о Джине.

Джина принесла мне несколько новых ночных рубашек и халат, чтобы я могла носить их во время моего пребывания в больнице. Они были хорошенькими в милом смысле, что было очень похоже на Джину и совсем не похоже на меня.

Я все время думала о внешнем блеске и впечатлении, которую способна произвести. Я могла напустить на себя лоск, просто спустившись в вестибюль за почтой.

Но когда дело доходило до постельного белья, чем меньше материала, тем лучше. И если был материал, то мне нравилось, чтобы он оставлял как можно меньше места для воображения (да, даже если я спала одна).

Какими бы милыми ни были те ночные рубашки и халат, что принесла Джина, они подходили для пребывания в больнице, поэтому никакого лоска и впечатления и много материала.

Я решила ходить в больничном халате.

Они были уродливые, бесформенные, и ни у кого не могло сложиться представления о женщине в больничном халате.

И у меня было такое чувство, что у Бенни появились представления обо мне даже в больничном халате.

Синди начала катить меня к выходным дверям, продолжая говорить:

— Итак, мы — девочки говорили об этом с тех пор, как он привез тебя весь в твоей крови. Так вот, я не застала эту часть, но именно эта часть получила широкое распространение по больнице. Горячий парень. Горячая девушка. Кровь. Драма. Новости по телевизору. Такое случается.

Я была уверена, что так оно и есть.

Но пришло время положить этому конец.

— Он брат моего покойного парня.

— Ах, — понимающе произнесла она, все еще поворачивая мою коляску. Когда она продолжила, ее голос превратился из делового любопытства в мягкий, полный заботы медсестры. — Сожалею о твоей потере, дорогая. Когда он умер?

— Семь лет назад.

Она перестала катить коляску.

— Э-э... что?

Я повернула шею, чтобы взглянуть на нее, и увидела, что она смотрит на меня сверху вниз.

— Винни умер семь лет назад.

— И ты делаешь вид, что спишь, когда его красавчик брат звонит тебе! Почему?

— Потому что Бенни, брат красавчик, хочет поговорить, — ответила я ей.

— О чем? — спросила она.

Я понятия не имела о чем.

Но с тем, как он провел большим пальцем по моей нижней губе, когда сказал, что нам нужно поговорить. И потому, как он взял меня на руки там в лесу и побежал к своему внедорожнику после того, как в меня стреляли. И потому, как он поймал мой пас много лет назад, когда я напилась после смерти Винни и глупо, безумно набросилась на него...

Что ж, учитывая все это, я решила, что все это его внимание было направлено не на воспоминание о сестринской любви, а на то, чтобы соединять губы и сплетать языки.

— Не знаю, — поделилась я с Синди.

Ее брови взлетели вверх.

— И ты притворялась спящей так и не узнав?

— Ага.

Ее голова склонилась набок, и она сделала вывод:

— Потому что ни один парень, который выглядит так, не приходит в больницу каждый день к девушке, которая выглядит как ты, чтобы присмотреть за девушкой своего покойного брата, умершего семь лет назад.

Похоже, Синди не только все это видела, но и понимала суть.

— Что-то вроде того, — призналась я.

— Именно, — ответила она.

Она была права, но я не стала подтверждать этого факта.

— Он тебе не нравится? — спросила она, и я почувствовала, как мои глаза расширились.

— Он — Бенни, — ответила я, полагая, что этим все сказано.

— Он, конечно, такой, — согласилась она, понимая, что этим все сказано, потому что она видела его неоднократно (хотя, один раз было бы вполне достаточно).

— И он брат моего покойного парня.

— Девочка, — начала она, снова подталкивая мою коляску к дверям, — Богу все равно, кого ты выпускаешь в свое сердце, главное, чтобы чувства были честными, когда ты выпускаешь его.

Я посмотрела на свою сумку на коленях.

— Насколько я понимаю, Богу не все равно, кого я выпускаю в свое сердце.

— Конечно же, — ответила она. — Но я говорю не об этом. А говорю — это твое сердце.

Я не собиралась обсуждать свое будущее со своей бывшей медсестрой, пока она везла меня к такси, которое должно было отвезти меня домой после пребывания в больнице, поэтому снова сжала губы.

Я раскрыла их, когда почувствовала, как она, притормозила, сделала шаг позади меня, и инвалидное кресло слегка дернулось от ее движения.

Я подняла глаза, когда это произошло.

И увидела Бенни Бьянки в белой футболке, обтягивающей его мускулистый торс так, что заставляла завидовать этой футболке. На нем также были выцветшие джинсы, которые сидели свободно и только намекали на мощь его длинных ног (не говоря уже о силе, стоящей за этой упаковкой), заставляя вас захотеть познакомиться с ногами и всем, что было скрыто... интимным образом. Он стоял, прислонившись к своему «Эксплореру» прямо за дверями больницы.

Скрестив руки на груди, его темно-карие глаза были закрыты темными очками, но я чувствовала, что эти глаза были устремлены на меня.

Он ждал меня.

Не припарковался на стоянку больницы, приехав навестить.

Ждет, когда меня вывезут.

— Эм... Синди, — пробормотала я, не сводя глаз с Бена. — Кто-нибудь на посту медсестры поделился с Бенни, когда меня выписывают?

— Возможно, он сделал запрос, — уклончиво ответила она.

— И ему дали ответ? — спросила я, хотя доказательства были на лицо. Именно тогда я поняла, почему именно Синди везла меня к дверям, а не помощница медсестры или санитар. Она не хотела пропустить такой момент и доставить полный отчет другим медсестрам.

— Мм, — на этот раз Синди промямлила уклончиво.

Разозлиться на это я не могла. Не потому, что это было недостойно, чтобы на нее злиться, а потому, что Бенни двигался в нашем направлении, мы двигались к нему, и все мое внимание было поглощено наблюдением за его движениями.

Он хорошо двигался. Он выглядел хорошо. Он был высоким. Он занимался своим телом, и ему это отлично удавалось. У него были шикарные густые, непослушные черные волосы. И у него было красивое лицо кинозвезды, которое, без сомнения, вызывало миллион свадебных фантазий даже у женщин, которые просто мельком видели его идущим по улице. Мои глаза оставались прикованными к нему, когда двери со свистом открылись, и мы выкатились на улицу в тот момент, когда Бенни подошел к нам.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова, потому что Бен схватил мою сумку с моих колен и сунул ее Синди, пробормотав:

— Не могла бы ты поддержать это, дорогая?

Синди молча взяла, я снова открыла рот, чтобы что-то сказать, и снова не смогла вымолвить ни слова, потому что Бен наклонился, просунул руку мне под колени, другой, обхватив за талию, поднял меня на руки.

Но осторожно.

Боль была, но минимальной. Она скорее была связана с его силой, теплом и запахом его лосьона после бритья.

Дерьмо!

Тогда я сказала. Громко, но неубедительно.

И сказала следующее:

— Бен!

Он даже не посмотрел на меня. Повернулся к Синди и сказал:

— Я заберу это сейчас. — Должно быть, она отдала ему мою сумку, потому что он сразу же продолжил. — Спасибо, красавица. Ты была великолепна. Забираю.

Сказав это, он повернулся и направился к своему внедорожнику.

Я сердито посмотрела поверх его плеча на Синди.

Синди стояла, положив руки на ручки инвалидного кресла, и улыбалась мне.

— Я отменяю тот большой букет цветов и трехслойную коробку «Фанни Мэй», которую заказала для поста медсестер! — закричала я.

Она вытащила свой телефон из кармана халата, подняла его, и я знала, что она сделала снимок, пока Бенни открывал заднюю дверь своего внедорожника, чтобы бросить туда мою сумку, потому что она крикнула:

— Все в порядке. Я поделюсь этим снимком с девочками. — Она перевела взгляд со своего телефона на меня. — Нам достаточно только твоей благодарности.

Мне нужно было еще что-то сказать моей теперь уже бывшей медсестре Синди, но я потеряла ее из виду и не смогла возразить, когда Бенни усадил меня (Боже, нежно!) на переднее пассажирское сиденье.

Я перевела свой свирепый взгляд на него.

— Ты же не повезешь меня домой, — заявила я.

— Ты права. Я — нет, — ответил он, потянув ремень безопасности.

Нет?

— Я в твоей машине, Бен, — указала я.

Его глаза встретились с моими, и я была рада, что он был в темных очках, потому что у него были красивые глаза. Удивительные. Насыщенные темно-коричневые, танцующие от смеха и согревающие чувствами, и то, и другое способно растопить ваше сердце.

К сожалению, его глаза также хорошо смотрелись, спрятанные за очками в серебристой тонкой оправе.

— Я не отвезу тебя домой. Я отвезу тебя к себе домой, — пояснил он.

Я моргнула. И уставилась на него. Я совсем забыла, как круто выглядели его солнцезащитные очки.

Потом высказалась:

— Я не пойду к тебе домой! — крикнула я.

— Поедешь, — ответил он, рассматривая ремень безопасности, который затягивал вокруг меня, он пытался поправить угол наклона плечевого ремня.

Это было оправданно. Мне не хотелось бы, чтобы этот ремень впивался в мое тело. Это убило бы.

Я проигнорировала его задумчивость и заявила:

— Я поеду к себе домой.

— Нет. Не поедешь.

— Я заказала такси, — заявила я ему.

— Нашел его. Дал ему двадцатку. Отправил восвояси.

Он наклонился, чтобы пристегнуть ремень безопасности, и поскольку он был так близко от моего лица, я почувствовала приятный запах его лосьона после бритья. Мне также был хорошо виден его затылок с густыми, черными, волнистыми волосами.

Это были волосы, в которые хочется запустить пальцы. Любой предоставленный вам случай, вы бы им воспользовались.

Если бы стояли рядом и разговаривали.

Если бы лежали, прижавшись друг к другу, и смотрели телевизор.

Если бы целовались.

Я закрыла глаза.

Бог на самом деле ненавидит меня.

Я открыла глаза.

— Ты не можешь отослать такси. Я дала им номер своей кредитной карточки. Они все равно спишут деньги.

Я услышала щелчок ремня, Бенни изменил свое положение, оказавшись лицом ко мне. Он все еще стоял, прислонившись к кабине внедорожника. Он все еще находился близко. И я все еще чувствовала запах его лосьона после бритья.

Вкусный мужской запах.

Да, Бог ненавидит меня.

— Я верну тебе деньги, — сказал он.

— Бенни, это глупо, — огрызнулась я. — В меня только что стреляли. Мне это не нужно.

— В тебя стреляли полторы недели назад, детка. И если бы ты чувствовала себя совсем дерьмово, ты бы молчала.

Я крепко сжала губы.

Бен ухмыльнулся.

Мой клитор запульсировал.

Да. Бог так сильно ненавидит меня. Он наказывает меня на земле, прежде чем отправить в огненные глубины ада.

Бен отошел и захлопнул мою дверь.

Именно в этот момент я могла бы сбежать. С другой стороны, не думаю, что неловкие, болезненные прогулки, совершаемые мною по больничным коридорам, подготовили меня к отчаянному рывку от худощавого, подтянутого Бенито Бьянки. Черт возьми, даже если бы я была в идеальной форме, все равно не смогла бы выполнить отчаянный побег от Бенни Бьянки.

Так что я не сделала отчаянного рывка. А уставилась на него через лобовое стекло, пока он огибал капот своего «Эксплорера», и продолжала смотреть на него, когда он втискивал свое длинное тело на водительское сиденье. Решившись на этот поступок, я продолжала на него пялиться, когда он включил зажигание и стал выводить внедорожник на тротуар.

Именно тогда я заметила, что он не пристегнул ремень безопасности.

— В Иллинойсе есть закон о пристегивании ремня безопасности, Бенни, — отрывисто поделилась я.

Он не взглянул на меня, продолжая рулить при выезде из больницы, но потянулся к ремню безопасности и защелкнул его.

Ну, черт возьми. Он взял курс. Много о себе воображающий курс.

Об этом мне тоже не нужно знать.

Он выехал на улицу.

— Ты можешь объяснить, почему меня похищаешь? — Спросила я.

— Похищаю?! — спросил он, глядя на дорогу.

— Я нахожусь в твоей машине не по своей воле, — указала я на очевидное.

— Точно. — Он ухмыльнулся. Я увидела его ухмылку, и у меня пересохло во рту. — Тогда, полагаю, я похищаю тебя, — добродушно согласился он.

К сожалению, если бы в этот момент я попыталась выцарапать ему глаза, то было бы весьма вероятно, что швы на моем ранении разошлись бы. И еще я не хотела бы пережить настоящее похищение сумасшедшим, бегство по лесу, в конечном итоге полученную пулю, только для того, чтобы попасть в автомобильную аварию всего через несколько минут после выписки из больницы.

Поэтому я решила не предпринимать попыток выцарапать ему глаза или что-то подобное, вместо этого продолжила расспросы.

— Теперь, когда мы это выяснили, не мог бы ты объяснить зачем?

— Затем, что ты не будешь выздоравливать под бдительным оком главаря мафии.

— Я собиралась поехать к себе домой, Бен, — выдавила я.

— А ты не думаешь, что Сэл не подставил бы свою задницу, Джину и всех жен, и подружек чикагской мафии ради тебя, удовлетворяя все твои прихоти? — ответил он. — Ты член семьи, и ты приняла пулю за семью. Он был твоим крестным отцом. Теперь он твоя крестная фея.

В этом весь Бенни.

— Лучше бы Сэл не слышал, что ты называешь его моей крестной феей, — посоветовала я.

— Мне плевать, услышит Сэл или нет, что я о нем говорю.

Неудивительно, что Бьянки, владеющие семейной пиццерией и не имеющей никакого отношения к «Коза Ностре», не очень обрадовались, когда Винни-младший решил связать свою судьбу со своим дядей Сэлом. Они распалились, когда его подстрелили во время разборки мафии, в которых оказался замешен Сэл.

Было не так много людей, способных проявить неуважение к боссу мафии.

Бьянки были исключением. И Бенни, любивший своего брата, а также мать и отца, сестру и еще одного брата, ненавидел сам факт потери Винни-младшего. Он также ненавидел смотреть, как его семья страдает от этой потери. Поэтому он довел свою ненависть неуважение до крайности.

Это пугало меня до чертиков.

Если бы вы знали Сальваторе Джилья так, как знала его я, решили, что он самый добросердечный человек, которого когда-либо встречали.

Но он абсолютно был другим.

Поэтому мой голос стал тише, когда я заметила:

— Тебе нужно быть по осторожнее с Сэлом, Бен.

Он взглянул на меня, прежде чем снова посмотреть на дорогу, спрашивая:

— Что? Ты думаешь, он заберет еще одного сына у моего отца?

При упоминании Винни-младшего я решила, что с меня хватит разговоров.

— Он не станет делать это дерьмо, — продолжал Бенни.

Нет, Сэл не стал бы. Он уважал Винни-старшего. Он мог бы вообще не есть никакого дерьма в своей жизни. Ни от кого и никогда.

Но он вынужден был терпеть дерьмо Бенни из-за того, что случилось с Винни-младшим, потому что он уважал отца Винни-младшего.

Это было удивительно. Сэл полагал, что в своем мире он завоевал уважение у всех — кроме копов, агентов ФБР и налоговой службы, — поэтому он требовал к себе уважения.

Но на семейных праздниках и годовщинах Сэл не встречался с копами и агентами ФБР.

Поэтому терпел дерьмо семьи Бьянки.

Особенно от Бенни.

— В любом случае, детка, его здесь нет, — закончил Бен.

К счастью, это было правдой.

Я решила продолжать молчать.

Хотя бы потому, что на его комментарий нечего было сказать. А также потому, что у меня появилась новая стратегия.

Молчи и сохраняй энергию. Доберись до дома Бенни и попроси его сходить в аптеку. Радостно помаши ему рукой, когда он будет уходить. Вызови такси. К чертовой матери смотри из его дома.

Езжай не к себе домой, а в отель.

В «Дрейк». Я всегда хотела пожить в «Дрейке», теперь у меня появился шанс.

Последнее усилие.

Меня ждала новая работа в Индианаполисе. Руководство довольно прохладно отнеслось к тому, что меня подстрелили и им пришлось отложить начало моей работы. Может из-за того, что меня показывали по телевизору (или мою фотографию показывали), они пришли к выводу, что я герой, а не сумасшедшая сучка на задании, которая чуть не погибла.

Так что я бы заглянула в «Дрейк». Пожила бы там в течение нескольких дней. Вышла бы. Собралась и уехала.

Сэл смог бы меня найти.

Бен, наверное, нет.

Через несколько дней я почувствовала бы себя лучше, появились бы силы для борьбы, если бы Бенни все еще не понял намека.

И я бы уехала.

Бенни вел машину. Я наблюдала, как мы окунулись в город, покинув пригород, куда меня госпитализировали, въезжая в городской район Чикаго.

Я старалась не смотреть по сторонам, но знакомые места были повсюду.

Мой город.

Я здесь родилась. Мне здесь очень нравилось. Мне очень нравилось здание «Ригли». Я любила Сирс Тауэр. Любила Маршалл Филдс (когда это был Маршалл Филдс). Мне нравился вид на озеро. Очень нравился «Бергхофф» (который, к счастью, все еще оставался «Бергхоффом»). Я любила Фанни Мэй Мелтауэйз и Пикси. Мне очень нравился плющ на стенах внешнего поля на «Ригли Филд». Я любила «Бэарс», даже когда они проигрывали. Я любила «Кабс», потому что они всегда проигрывали.

И мне очень нравилась пиццерия Винни. Запах этого места. Ощущение этого места. Картины на стенах. Воспоминания.

Но я семь лет не заходила к «Винни», потому что мне там не были рады.

И пришло время для новых горизонтов.

Так что это было своего рода прощай Чикаго, и здравствуй новые горизонты.

— Ты что-то притихла.

Это был Бенни.

Я даже не посмотрела на него, мне стало тепло, просто услышав его голос. Глубокий и легкий. Такой голос мог бы отговорить не раздражаться из-за того, что что-то пошло не так

на работе. Такой голос мог бы заставить ваше сердце сжаться, слушая, как он разговаривает с маленьким ребенком. Такой голос заставил бы почувствовать себя в мире со всем миром, прежде чем вы закрыли глаза, чтобы уснуть, после того, как он прошептал вам на ухо «Спокойной ночи».

Я посмотрела в боковое окно.

— Фрэнки? — Позвал Бенни.

— Я устала, — ответила я в окно. Это было не совсем правдой, но, к счастью, мой голос звучал именно так.

— Детка, — нежно произнес он.

Черт. Теперь его голос был глубоким, непринужденным и мягким.

Бог сильно меня ненавидит.

Я почувствовала, как его палец скользнул по внешней стороне моего бедра, и крепко зажмурилась.

Полностью. Ненавидел. Меня.

— Мы отвезем тебя домой, уложим в постель, накормим приличной едой, включим телевизор, и ты сможешь отдохнуть.

Наступило мое время, и я не собиралась тратить его впустую.

— Я не собираюсь бороться с тобой, Бен, потому что не могу. Будем сражаться завтра. Но мне нужно купить по рецептам лекарства, быстро.

— Мама скоро приедет. Она накормит тебя, а я схожу за твоими лекарствами.

Я резко повернула голову при слове «скоро придет» и уставилась на него, с недоверием и чертовски испугавшись.

— Придет Тереза?

Он взглянул на меня, потом снова на дорогу.

— Да, детка. Она тоже не купилась на твой якобы сон, но решила ничего не говорить. Теперь она хочет начать действовать. Хочет убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я не хочу встречаться с Терезой.

Глаза Бена снова обратились ко мне и задержались чуть дольше, чем следовало, учитывая, что он был за рулем. Затем он снова посмотрел на дорогу.

— Фрэнки, сага, она хочет...

— Я не хочу встречаться с Терезой.

Его рука протянулась и обхватила мою.

— Сага...

Я не сопротивлялась его руке. Мне предстояла еще одна битва, на которой следовало сосредоточиться.

— Я не могу, Бен. Позвони ей. Скажи, чтобы она не приходила.

Он сжал мою руку.

— Детка, это...

Я сжала его руку.

— Бен. — Я наклонилась в его сторону. — Пожалуйста.

Он бросил на меня еще один более долгий, совсем небезопасный взгляд, затем еще раз сжал мою руку, прежде чем отпустить. Он подвинулся вперед на сиденье, достал сотовый из заднего кармана, я затаила дыхание.

Его большой палец двигался по экрану, и он приложил телефон к уху.

Я вздохнула, потому что это было необходимо для выживания, и снова задержала дыхание.

— Ма, да. Послушай, Фрэнки со мной. С ней все хорошо. Нормально. Она едет со мной домой, но она хочет, чтобы ты пришла завтра. Ты сможешь это сделать?

Завтра. Я выиграла время. Я была великолепна.

— Спасибо, ма.

Да, я была великолепна.

Я не усмехнулась. А выдохнула с облегчением. Это не было победой. Я была искренне взволнована встречей с Терезой. Я любила ее. Скучала по ней. И в ее потере было что-то такое, что ранило глубже, чем потеря любого из Бьянки, за исключением Бенни, но я не собиралась начинать все сначала с этой семьей. И, конечно, Винни, у которого не было другого выбора, кроме как оставить меня одну, кроме того, который он сделал, присоединившись к Сэлу.

Моя мама была никудышной мамой. Она была забавной и веселой. Она была лучшей подругой, какая только могла быть у девушки, будь то в баре или церкви. Шутка ли, даже в пятьдесят три года она была способна привязать мужчин и поймать их на слове, и я точно знала это, потому что она не только выбрала для меня Винни, она выбрала обоим моим сестрам мужей, не говоря уже о четырех своих собственных мужьях. Она пила, как моряк, ругалась, как моряк, и я была не уверена, но улики указывали на тот факт, что она развлекала большинство мальчиков Военно-морской база за последние три десятилетия (плюс). Я узнала об этом, потому что мой отец был одним из них.

Она была лучшей подружкой любой девушки.

Проблема заключалась в том, что она была моей «лучшей подружкой» с двух лет.

Девочке нужна была мать.

И Тереза Бьянки стала для меня именно матерью.

А потом перестала ею быть.

Я ждала двадцать один год «свою» мать.

А потом она исчезла.

— У тебя есть день, дорогая, — тихо произнес Бенни. — День на подготовку. Ты должна встретиться с ней лицом к лицу, Франческа, ты должна позволить ей встретиться с тобой лицом к лицу.

— Хорошо, — сказала я в окно.

— Нормально? — Бен повторил свой вопрос.

— Да.

— Черт, — пробормотал он. — Не умничаешь! Ты точно устала.

— Ко мне вернуться силы после сна, и тогда я начну «умничать», — солгала я, потому что не собиралась оставаться у него дома. Я уже была бы в «Дрейке», пока Бен сходил с ума в своем пустом доме.

— Не сомневаюсь. — Все еще бормотал он, но теперь в его глубоком и непринужденном голосе звучал смех.

Юмор Бенни был убийственным. У него была великолепная улыбка. У него был лучший смех. И я уже упоминала, какими потрясающими были его глаза, когда в них плясал смех. А еще у него было великолепное лицо. И оно было больше, чем просто сногшибательно красивое. Выразительное. Бенни Бьянки был не из тех, кто сдерживает эмоции. Его эмоции искрились. И он выглядел потрясающе.

Но когда он был в хорошем настроении, улыбался и смеялся, это было лучше всего. Раньше мне нравились его улыбки и смех. Раньше я старалась его рассмешить. Даже когда Винни был жив.

Вот каким замечательным был Бенни, когда смеялся.

И его смех стоит моих усилий.

Внезапно я решила, что сейчас вздремнуть — самый подходящий момент. Проблема заключалась в том, когда я прижималась головой к стеклу окна, голова продолжала ударяться о стекло, что сну совсем не способствовало.

Поэтому я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Через две секунды Бенни прошептал:

— Готов пристрелить этого ублюдка еще раз за то, что он заставил тебя такое пережить.

Услышав низкий рокот его слов, который говорил о том, что он действительно имел в виду то, что говорил, я зажмурилась еще крепче.

Он застрелил человека, который стрелял в меня. Его выстрел не был смертельным. Но он застрелил его.

— Мы можем не говорить об этом? — прошептала я в ответ.

— Изрешетить его за то, что он заставил тебя пережить.

Я почувствовала влагу у себя в глазах, но промолчала.

Он снова взял меня за руку, и я снова не убрала свою руку. В моих попытках сдержать слезы у меня просто не хватило на это сил.

— Мы сделаем все, чтобы ты снова была в форме, детка, — пообещал он мне, глубоко и легко.

Опять это королевское «мы».

Я продолжала молчать.

Сделала глубокий вдох и выдохнула.

Бенни держал меня за руку и держал очень долго. На самом деле, он держал меня за руку, пока ему не пришлось отпустить мою руку, чтобы нажать на кнопку открывания гаражных ворот. Я открыла глаза, когда он отпустил мою руку, проследив за ним взглядом. Потом увидела, как он въезжает в свой гараж.

Время начинать операцию «Дрейк».

Я хорошо справлялась, позволив Бену вытащить меня из машины, отнести в дом, поднявшись по лестнице.

Мой план развалился, когда он отнес меня в свою спальню.

Весь мой план превратился в дым, когда он наклонился, положив меня на свою кровать.

Когда он убирал руки, я схватила его за запястье.

Его глаза встретились с моими.

Теперь его очки покоились на голове среди непослушных черных волос. Ни один мужчина не смог бы поднять очки наверх и выглядеть так сексуально. Но Бенни мог.

Господи... чертовски... полностью ненавидел меня.

— Почему я в твоей спальне? — Спросила я.

— Потому что тебе нужно отдохнуть.

— Я могу вздремнуть в одной из твоих спален для гостей.

Он ухмыльнулся.

Пытка!

— Детка, у меня во второй спальне полно всякого барахла, — поделился он. — Битком забита. Едва могу войти туда, столько там барахла.

— Откуда у тебя столько барахла? — Продолжала я допытываться. — Ты одинокий парень. Одинокие парни не накапливают столько барахла.

— Я куратор Малой лиги.

Я уставилась на него.

Пожалуйста, только не говорите, что Бенито Бьянки летом в качестве волонтера предпочитал проводить свое свободное время с группой маленьких мальчиков, играющих в бейсбол.

Но я знала, что такое возможно. Во-первых, пиццерия Винни спонсировала команду Малой лиги каждый год в течение тридцати лет. Во-вторых, Винни-младший, Бенни и Мэнни все играли в Младшей лиге, затем перешли в бейсбол средней школы (Винни, кэтчер; Бенни, первая база; Мэнни, питчер). И, в-третьих, это было то, что Бен сделал бы, потому что он был порядочным парнем.

— Сезон закончился, место для хранения стоит дорого, мы решили тратить эти деньги на экипировку мальчиков, так что все их барахло теперь упаковано в моей второй спальне, — закончил он.

— Тогда посели меня в своей третьей спальне.

— Там мой кабинет.

Это меня удивило.

— У тебя есть кабинет?

Еще одна улыбка. Еще одно свидетельство того, что я не была любимым человеком Бога. Затем:

— Нет. Там старый папин стол собирает пыль. Старый компьютер Карм собирает пыль. А все остальное пространство забито остальным дерьмом из Малой лиги.

— Хорошо, — медленно произнесла я. — Тогда я могу вздремнуть на твоём диване.

Его лицо стало жестким.

— Ты не будешь спать на моем диване.

— Бен...

— Ты приходишь в себя после огнестрельного ранения.

— Я знаю.

— Значит, ты не будешь спать на моем диване.

— Ради бога, это меня не убьет.

Он закончил этот конкретный разговор словами:

— Не подлежит обсуждению.

Именно в этот момент я задалась вопросом, почему я с ним сражаюсь. Конечно, лежать в постели Бенни в доме Бенни, с витающим необычным, но невероятно притягательным ароматом его пряного лосьона после бритья, смешанным с запахом теста для пиццы, было возбуждающе, я не хотела бы испытывать возбуждение. Но он собирался в аптеку, поэтому это возбуждение будет недолгим.

Так что я заткнулась.

Бен посмотрел на мои губы.

Я сглотнула.

Затем Бенни выпрямился и обошел кровать.

Он взял пачку журналов с тумбочки напротив и бросил их на кровать рядом со мной.

— Мама уже побывала здесь, наполнила холодильник и принесла тебе это барахло. Она купила их тебе.

Я уставилась на журналы, лежащие рядом со мной на кровати.

Их была целая куча, Тереза взялась за дело серьезно. Все журналы были хороши: наполненные, как «Пипл» и лоснящиеся, как «Вог» и «Мэри Клер».

Тереза хорошо меня изучила.

Я снова сглотнула как раз в тот момент, когда пульт отскочил от журналов.

— Телевизор, — заявил Бен, и я посмотрела на него. — Есть НВО. Пришло время шоу. Это умный телевизор. Универсальный пульт дистанционного управления. Просто нажми на нем на кнопку экрана, чтобы перейти к Smart TV, и ты сможешь смотреть Netflix. Это займет тебя, пока ты не задремлешь, а я буду в аптеке.

Я посмотрела в сторону телевизора и увидела, что он был по меньшей мере шестидесяти дюймовым.

Какому человеку нужен шестидесяти дюймовый телевизор в спальне?

Это заставило меня задуматься, какого размера телевизор был у него в гостиной.

Пока я размышляла о его телевизоре в гостиной, Бенни снова обошел кровать.

— Как я уже сказал, мама заполнила холодильник, но пока меня не будет, ты хочешь, чтобы я что-нибудь еще купил?

Насколько я знала Терезу, холодильник Бенни был заполнен под завязку, там было бы все, т.е. не было бы ничего, в чем можно нуждаться.

Однако это была прекрасная возможность выиграть больше времени.

Особенно, если я отправлю его не только в аптеку.

— Пудинг из тапиоки, — объявила я.

Он остановился с моей стороны кровати и посмотрел на меня сверху вниз.

— Скажи еще раз?

— Пудинг из тапиоки. Большая коробка, не размером для закусок.

Он уставился на меня.

Я лихорадочно соображала, какую еще хреновину он мог бы купить.

— И любовный роман. Мне все равно, какой именно, но чем меньше на парне с обложки одежды, тем лучше. Татуировки — плюс. Кожа — еще один плюс. И если есть признаки того, что он оборотень, купи всю серию.

— Я не покупаю книги с фотографиями парней без одежды, — сказал Бенни глубокомысленно.

Но попробовать мне все же стоило.

Я махнула рукой, как бы проехали.

— Виноградная фанта. Диет. Орехи кешью в шоколаде. Печенье от «Д'Амато». И сэндвич Линкольн не помешал бы.

Его глаза сузились при моем упоминании о «Д'Амато», как и следовало ожидать, учитывая, что они конкурировали с пиццей «Винни».

Однако он пропустил это мимо ушей и вместо этого заметил:

— Детка, Линкольн находится в Хобарте.

— Да? И что?

— Франческа, я не собираюсь ехать сорок минут в чертовую Индиану, чтобы купить тебе сэндвич.

— Нужно же поужинать, — указала я.

— Да. Поэтому позже я зайду к Винни и сделаю для тебя пиццу.

Мое сердце сжалось.

Я слышала сплетни, что Бенни поддался давлению Винни-старшего и научился священному искусству Бьянки — приготовлению пиццы. Мой друг даже поделился, что Винни повесил новую вывеску для ресторана, сменив ее с пиццерии «Винни» на пиццерию «Винни и Бенни».

С тех пор как я узнала, что Бенни занял кухню в «Винни», мне захотелось попробовать его пиццу. Мама всегда говорила, парень, умеющий готовить — это хранитель (совет, который она сама не принимала на свой счет). Что бы сказала ма, если бы когда-нибудь встретила такого как Бенни, да еще и готовит, думаю она бы сказала, что у меня не все в порядке с мозгами.

Конечно, я не появлялась у «Винни» и не пробовала одну из пицц Бенни. Это было потому, что я бы выбросила свое будущее в помойку.

Я перестала думать, как Бенни готовит пиццу, и сказала:

— Хорошо, тогда завтра вечером сабы. (Сабы – сэндвичи)

Он откинул голову назад и посмотрел в потолок.

Мне нужно было двигаться дальше, поэтому я заявила:

— Думаю, что это все.

Он посмотрел на меня.

— Уверена?

С сарказмом спросил.

Я не стала затевать ссору, просто кивнула.

Его глаза снова сузились.

Я попыталась принять невинное выражение лица.

В конце концов, он пробормотал:

— Черт. Скоро вернусь, — и наклонился, чтобы взять конверт с моими рецептами из моей руки, прежде чем он начал двигаться к двери.

У меня появилась проблема — он принес меня в спальню, но не принес мою сумку. Телефон и бумажник с карточками был в моей сумке, и они мне понадобятся, чтобы заказать такси.

— Бен, не мог бы ты занести мою сумку, прежде чем уйдешь? — Окликнула я его удаляющуюся спину.

Он повернулся и пристально посмотрел на меня.

— Нет. Не мог бы. Потому что в той сумке все твоё барахло, включая бумажник и телефон. Есть домашний телефон, сотовый тебе не нужен. Итак, у тебя похоже есть блестящая идея сбежать, ты не можешь вызвать такси, ты не можешь заплатить за такси, и ты чертовски уверена, что не сможешь дойти туда, где можно было бы поймать такси. Но это не имеет значения. Я подойду к старушке Замбино через дорогу и попрошу ее, чтобы она была начеку. Ты знаешь, что она будет прикована к окну. И она позвонит мне, если увидит, что ты пытаешься сбежать. А еще я подойду к Тони по соседству. Он будет присматривать за задним двором. Итак, у тебя появилась блестящая идея, сага, забудь ее. Потому что твоя задница будет в этой кровати, пока ты не поговоришь с мамой, папа тоже скажет, чтобы загладить свою вину, и у нас с тобой будет встреча умов о будущем.

Именно тогда я почувствовала, как прищурилась, хотя от его слов мое сердце странно забилося быстрее.

— Итак, ты хочешь сказать, что на самом деле похитил меня.

— Если хочешь смотреть на это с такой стороны, давай. Мне насрать. Ты получила пулю в живот, детка. Не задело кишки, но причинило вред, так что я дал тебе полторы недели, чтобы разобраться с твоим дерьмом. Теперь с этим покончено.

— Думаю, я заметила это с тех пор, как ты похитил меня, — ответила я.

— Хочешь свой пудинг и гребаную виноградную содовую? — спросил он.

— Да, потому что тогда я смогу хоть чем-то в тебя запустить, — ответила я.

— Ладно, и то, и другое исключается из списка покупок, — парировал он. — Тебе нужны обезболивающие?

Я захлопнула рот, потому что боль была невыносимой. Я могла бы игнорировать ее, планируя свой побег или спора с Бенни. Но поскольку с побегом произошла накладка, спор забирал много сил, у меня было чувство, что я не могу.

Он увидел, как я захлопнула рот, поколебался лишь мгновение, затем направился обратно к кровати.

Он, не колеблясь, наклонился, обхватил рукой мою шею сбоку и наклонил свое лицо так близко, что я могла видеть его глаза, теплые и нежные, моему сердцу действительно хотелось растаять от его взгляда. Но я просто не позволила бы ему.

— Ты безумно храбрая, детка, — тихо произнес он. — Ты доказала это полторы недели назад. Ты безумно красивая, и я думаю, ты была такой всю свою жизнь. Ты безумно забавная. Ты безумно милая. Но ты просто сумасшедшая, если думаешь, что сможешь сбежать, после того, что сделала для нашей семьи, после того, какой ты была со мной в ту ночь, прежде чем они забрали Кэла и Вай, думаешь, что я позволю тебе переехать в гребаный Индианаполис без разговора. Ты знаешь, о чем он будет. Вот почему ты волнуешься и пытаешься сбежать. Я знаю, что это такое. Вот почему я не позволю этому дерьму случиться. — Его пальцы сжались, и он придвинулся еще ближе. — Мы поговорим. Тебе может это не понравится, мне насрать. Семь лет я лажал. Прямо сейчас это дерьмо закончится.

И с этими словами он притянул меня к себе (нежно, Боже!), поцеловал меня в лоб, отпустил, и прежде чем я успела сказать хоть слово, исчез за дверью.

Я уставилась на дверь, чувствуя, как его слова собираются у меня в груди, и как они собрались в клубочек все вместе, мне понравилось.

Я пялилась на дверь, сожалея, что у меня нет ничего под рукой, чем можно было бы запустить в него, несмотря на то, что его здесь уже не было.

Единственное, у меня были журналы и пульт дистанционного управления, и, если бы я бросила их, мне пришлось бы встать с кровати и пойти за ними.

Поэтому вместо этого я выбрала единственный доступный мне вариант.

Схватила универсальный пульт Бена, направила его на телевизор и начала возиться со всеми настройками, так что ему потребуется по меньшей мере час, чтобы разобраться с этим дерьмом и вернуть все свои прежние каналы.

Покончив с этим, я заполнила его очередь избранного на Netflix программами, которые заставили бы службу национальной безопасности включить его в список наблюдения.

Пока я ждала его возвращения, выбрала самое популярное шоу, не связанное с Бенни, которое мог предложить мне Netflix (точнее, «Доктор Кто»), включила его в фоновом режиме и пролистав сюжет «Мои люди».

Делая это, я заснула мертвецким сном.

На самом деле.

2

Шекспир

Я проснулась, чувствуя прикрытую футболкой грудь под своей щекой и ладонью, руку внизу на моей спине, ладонь покоилась на моем бедре, слыша бейсбол по телевизору.

Я открыла глаза и увидела, что была права, белая футболка натянута на широкую грудь, на грудь, на которой покоилась моя рука.

Я мгновенно перекадилась на спину. Рука, обнимающая меня, позволила мне, но футболка последовала за мной, и затем Бенни приподнялся на локте на кровати, предплечье подо мной, верхняя часть тела нависла надо мной. Теперь я видела футболку, покрывающую широкую грудь и плечи, красивое лицо с зачатками сексуальной пятичасовой щетины, взъерошенные темные волосы и нежные темно-карие глаза.

— Хорошо спалось? — тихо спросил он.

— Почему ты лежишь со мной в постели? — переспросила я не совсем спокойно.

Одна сторона его губ слегка приподнялась, и он повторил:

— Хорошо спалось?

Я решила обойтись без перетягивания каната и рявкнула:

— Да, — а затем повторила. — Почему ты лежишь со мной в постели?

— Смотрю игру, — ответил он.

— Разве у тебя в гостиной нет телевизора?

— Есть, я вернулся домой, зашел тебя проверить, услышал кое-что, что меня напугало. Думал, ты принесла бензопилу ко мне в постель. Поэтому зашел и увидел, что ты спишь и во всю храпишь.

Я закрыла глаза.

Открыла, когда Бен продолжал говорить:

— Телевизор, услышал программу, понял, что это полный п*здец. Детка, ты испортила весь мой список.

Я подавила ухмылку, свирепо посмотрев на него.

Он проигнорировал мой свирепый взгляд и продолжил:

— Телевизор мужчины должен быть таким, каким он хочет его смотреть. Поэтому я решил разобраться с этим дерьмом. Потребовалось некоторое время, я решил, что лучше делать в комфорте, а комфорт означал передвигать тебя, чтобы ты перестала издавать эти ужасные звуки.

Я не сказала ни слова, но подумала, что моя телевизионная уловка потерпела эпический провал.

Бенни действительно сказал «храпела» и ни один раз.

— Господи, Фрэнки, ты даже облажалась с объемным звуком.

— Ни у кого в спальне нет объемного звука, Бен, — сообщила я ему.

— Знаю, — сообщил он мне.

— Почему? — Спросила я.

Он слегка наклонился ко мне, я напряглась, потому что Бенни был крутым. Бенни очень близко был очень сексуальным.

— Скажи мне вот что, сага, — начал он. — Почему женщина спрашивает «почему» о дерьме, которое делает мужчина? Я спрашиваю не просто для того, чтобы спросить. Я, честно говоря, хочу знать ответ на этот вопрос. Мужчина делает то, что он делает. Если это никому не причиняет вреда, почему должно быть «почему»?

Это было более чем немного раздражающе, но он был прав.

— Мы хотим вас понять, — объяснила я.

— Половины того дерьма, которое делает любая знакомая мне женщина, я не понимаю. Ни капельки. И меня не волнует, что я его не понимаю. Она делает то, что считает нужным. Если это дерьмо не задевает меня, кого это волнует?

— Так ты хочешь сказать, что тебе насрать на то, что думают женщины? — Спросила я.

— Я говорю, что мне не нужно знать, что ты думаешь, — ответил он.

— Так вот почему тебе тридцать пять, и ты одинок? — Ехидно продолжила я.

— Нет, — немедленно ответил он. — Мне тридцать пять, и я одинок, потому что я не собираюсь довольствоваться чем-то, что кажется неправильным, не доставляет мне удовольствия, не прикрывает мою спину, не умеет готовить, вести хозяйство, слушать, смеяться, смешить меня, делать потрясающие глубокие минеты и спрашивать меня, почему я занимаюсь дерьмом.

— Не уверена, что такая женщина существует, — поделилась я, и что-то изменилось в его глазах, вероятно, я могла бы понять, если бы попыталась. Но я не пыталась.

— Я найду ее, — ответил он.

— Думаю, не найдешь, — ответила я ему, перестав быть сухой. Я действительно не думала, что он найдет такую женщину. Особенно по той части, касающуюся «потрясающих глубоких минетов». По моему опыту, как личному, так и анекдотическому, большинство женщин находили это изнурительной работой. Это приходилось делать время от времени, но делали все возможное, чтобы это не делать.

Он наклонился еще ближе.

— Тогда я на тренирую ее.

Я почувствовала, как мои глаза прищурились.

— Мы не собаки, Бен.

— Женщина вступает в отношения, и ты хочешь сказать, что она не делает ничего, чтобы обучить своего мужчину? — выстрелил он в ответ.

Делает. Однозначно. Она начинает составлять планы обучения на следующий день после первого хорошего свидания.

Подумав об этом, я решила, что пора сменить тему, и вернула нас к первому вопросу.

— Итак, ты починил свой телевизор. Почему ты все еще остался со мной в постели?

— Мне нравится, что ты рядом. И когда ты не распиливаешь бревна своим храпом, ты издаешь милые тихие звуки, похожие на тихое поскуливание, которое мне нравится слышать почти так же сильно, как мне нравится, когда ты рядом.

Внезапно мы оказались катапультированными на опасную территорию, и эта опасная территория заключалась в сказанных им словах, отчего я почувствовала тепло внутри.

— Бенни, — прошептала я, но больше ничего не сказала.

Бенни не слушал. Ему, видно, было что сказать.

— Я вытащил голову из задницы после семи лет. Я понял. Полагаю, ты тоже. Сказал тебе перед уходом, что больше не собираюсь валять дурака. Играю честно. Ты спросила, я честно ответил.

Я решила не задавать Бенни Бьянки больше ни одного вопроса в своей жизни, а это означало, что замолчала.

Бенни заставил меня долго молчать, прежде чем спросил:

— Ты хочешь есть?

Я проголодалась, поэтому ответила:

— Да.

Его глаза снова изменились, потеплели от беспокойства, и он тихо продолжил:

— Тебе больно?

Однозначно испытывала боль.

Не ответила, а кивнула.

Кожа вокруг его рта на мгновение напряглась, прежде чем он пробормотал:

— Верно.

Затем он задвигался. Осторожно высвободив руку из-под меня, скатился с кровати и сразу же сунул руку в задний карман. Вытащил телефон, затем схватил пульт с прикроватной тумбочки и сунул его в карман, лишив меня дальнейших возможностей телевизионной мести.

Поскольку он спрятал от меня пульт, то, наверное, понял, что я считаю первую попытку впечатляюще неудачной. Не могу сказать, что я была очень уж умна, но мне хватило ума не повторять неэффективные маневры.

Он направился к двери, водя большим пальцем по экрану своего телефона.

Он находился за дверью, когда я услышала.

— Брат? Ту пиццу, которую я испек. Поставь ее в духовку и попроси кого-нибудь принести сюда, когда будет готово. Хлебные палочки. Салат. Да?

Больше я ничего не слышала, так как решила, либо Мэнни согласился выполнить приказ старшего брата и/или Бенни спуститься сам.

Я переместила руку, чтобы она легла чуть выше бинтов на животе, и уставилась в потолок. Мне хотелось подумать, скоро я попробую пиццу, созданную руками Бенни Бьянки. Эта мысль была слишком волнующей, поэтому не могла думать об этом, поэтому стала капаться в других мыслях, о чем можно было подумать.

И пока я лежала в постели Бенни, мои мысли вернулись к тому факту, что в детстве Бьянки ходили в ту же церковь, что и моя семья. Я любила наблюдать за ними, даже будучи маленькой девочкой. За всеми шестерыми.

Я наблюдала за ними, потому что мне нравилось то, что я видела.

Ма, будучи сумасшедшей, шумной, доставляющей неприятности, любящей веселье, ищущей приключений на свою задницу шлюхой (последняя часть была неприятной, но это была правда, и она сказала бы то же самое с сумасшедшей, шумной, веселой гордостью), как ни странно, не пропускала церковь по воскресеньям.

— Нужно смыть грех, моя драгоценная девочка, чтобы можно было согрешить снова, — часто говорила она мне с ослепительной улыбкой.

Годы наблюдая за Бьянки, по правде говоря, я положила глаз на Бена задолго до того, как даже подумывала о Винни. Винни был на пять лет старше меня, так что в свое время он был не в моей лиге.

Бен был другим. Он был на год старше меня. Я ходила с ним в школу, и все девочки в школе с ума сходили по Бенито Бьянки.

Давным-давно ма тоже положила глаз на Бенни. Для меня. Она обычно надевала топ и короткие шорты, укладывала волосы в бигуди, доводила их до крайности, опрыскивая так, что они едва шевелились (другими словами, ее обычная прическа), а затем тащила мою задницу на его бейсбольные матчи.

Несмотря на то, что на Бенни было нетрудно смотреть, и тогда (и сейчас) у него было то, что присутствовало у крутых парней, что отличало их друг от друга и заставляло желать их так сильно, хотя было больно, конечно, но я избегала многочисленных и разнообразных планов ма свести нас вместе.

Хотя бы потому, что он играл на поле даже в старшей школе, и я не говорю о бейсболе. Кража баз всеми возможными способами определенно была специализацией Бенни. К юниорскому году он перебрал всех доступных, легких девушек в нашей школе и начал

концентрироваться на более широком забросе своей сети. *(Юниорская высшая школа в США – 7-9 классы)*

Даже в старшей школе я знала, что не хочу связываться с таким мальчиком, каким был симпатичным он ни был. Неважно, что у него была эта «штука». Неважно, что я тайно наблюдала за ним и сильно желала, чтобы у него была страсть к одному типу девушек (вместо любой девушки, которая бы от этого не отказалась), и страстно желала, чтобы он был моим.

И даже в старших классах я знала, почему непревзойденная привлекательность Бенни Бьянки была для меня непобедимой.

У моего отца, наполовину итальянца, наполовину ирландца, был ребенок — мой брат Дино — от какой-то цыпочки, которую он обрюхатил, прежде чем обрюхатил мною мою мать.

Энцо Кончетти, мой отец, был горячим (все еще). Он был жестким. Сумасшедшим. Искал приключения. И он получал удовольствие от моей мамы. И так, после того, как он сделал ее немножко беременной, он взял ее в законные супруги, и они безмерно наслаждались друг другом следующие пять лет. За это время мама родила обеих моих сестер, Катарину и Наталью, и моего младшего брата Энцо-младшего.

К сожалению, время шло, брак и семья были неразрывно связаны, ни папа, ни мама не переставали сходить с ума и думать, что жизнь заключается только в том, чтобы чертовски хорошо проводить время как можно чаще, насколько это возможно, но если жизнь тебе не предоставляет такой возможности, то находишь ее сам. Рутинная семья и супруга была именно такой тяготиной.

Итак, все пошло так, как и должно было пойти, когда мои родители столкнулись с ответственностью, от которой никуда не деться (хотя они и пытались), ведь у них были дети. Все стало не совсем красиво в семье, уродливо, а родители не хотели выглядеть уродливо. Поэтому они не стали бороться за важные вещи, сохранять что-то, пытались починить свой брак. И, будучи такими, какими они были, они не позволили долго оставаться уродливыми, прежде чем разбежались.

Папа так и не женился повторно. Следующие десятилетия папа занимался тем, что ему нравилось больше всего — отлично проводил время. Папе в настоящее время было пятьдесят шесть, и он жил со своей последней девушкой, которая была на четыре года старше меня.

Ма действительно выходила замуж еще три раза. Все трое ее мужей были хорошими парнями, мне они нравились. Все они потерпели неудачу, потому что парни были хорошими парнями и хотели в конце концов остепениться, или которые остепенились и думали, что смогут повеселиться с ма какое-то время, а затем остепенить ее. Когда они потерпели неудачу, они сбегали. Или, что более важно, она сбегала или делала так, что у них не было выбора, кроме как сделать то же самое. В настоящее время она жила во Флориде, и у нее было кольцо на пальце, она строила планы жениться на пятом номере.

Очевидно, что все это не способствовало созданию стабильного дома в детстве. Мама и папа ладили, у них все получалось, когда они были вместе, и не было ничего необычного в те времена, когда они чувствовали себя одиноко, мама могла оставаться на ночь в доме у папы или папа у нас, они часто соединялись для поездки по переулкам памяти.

У них не было официального соглашения об опеке.

Ну, на самом деле, оно было, просто они не придерживались его. Они плыли по течению. Поэтому нас перебрасывали от одного к другому, к тетям, дядям, бабушкам и дедушкам, парням, подругам, где бы они ни были или, когда им нужно было от нас избавиться. Когда

мы стали старше, мы просто уходили туда, куда сами хотели. На самом деле им было наплевать, где мы и с кем обитали, главное, чтобы мы в конце концов вернулись домой живыми.

Из-за этого у меня развилась глубокая ревность, о которой я никогда не рассказывала ни одной живой душе, к моему брату Дино. Его мама взяла себя в руки, вышла замуж за стоящего парня, подарила Дино брата и сестру, много любви, крепкую семью и хороший дом.

Так что к тому времени, когда я перешла в среднюю школу, четко поняла, что хочу именно такую семью. Я не хотела, чтобы парень хорошо проводил время с миссией по трахаться и напиться как можно чаще, участвуя в кулачных боях на парковке и потасовках в баре, которые случались по пути.

Я хотела крепкую семью. Хотела совместно построить хороший дом. После этого хотела потратить свою энергию на то, чтобы все оставалось хорошо.

Как эти мои желания привели меня к Винни, я понятия не имела, за исключением того факта, что взгляд мамы в конце концов остановился на нем из-за меня.

А Винни был Бьянки.

Винни был хорош собой. Винни был бросающийся в глаза, шумный. Винни был душой любой вечеринки. Не было такого человека, кому бы не понравился Винни. Если только вы не раздражали его безмерно. Тогда у Винни не было никаких проблем, чтобы сообщить вам об этом, и действовать в соответствии своих умозаключений.

У Винни был один жизненный план — жить на широкую ногу. Он просто не знал, как его осуществить.

Поэтому он увидел хорошую идею — бурный успех ресторана своего отца — и попытался убедить Винни-старшего открыть пиццерию по франшизе, сказав отцу, что это сделает их миллионерами.

Завершилось все не слишком хорошо. Винни-старший был категорически против, считая, что пиццерия «Винни» — это качество и традиции, которые, без сомнения, будут потеряны при попытке общенационального франчайзинга. Винни-старший зашел так далеко, что был разочарован (открыто) тем, что его сын этого не понимал и предложил франчайзинг.

Чтобы доказать своему отцу, Винни-младший умыл руки в пиццерии и открыл собственный бизнес по производству сэндвичей. Он понятия не имел, как их нужно делать, хотя я сказала ему, что сначала нужно изучить вопрос и научиться, прежде чем тратить время и ограниченные деньги на подобные вещи. В конце концов, что неудивительно, его бизнес провалился.

Дюжина других идей, все не доведенные до конца, либо умерли сразу же, либо так и остались прожеками.

И решение войти в клан Сэла и его бизнес, к чему Винни отнесся с пугающей легкостью, но я-то должна была понять, что это такое было и чем могло все обернуться, и поняла, когда все произошло.

Несмотря на все это, Бьянки смотрели на меня как на женщину, стоящую за мужчиной, подталкивающую Винни к глупостям, чтобы он смог вручить мне весь мир. Они не судили прямо. Они ни черта не говорили. Но время шло, и я чувствовала вину, которой на мне не было.

Я же не сказала им ни слова.

И не сказала им ни слова, потому что мне нравилась их пиццерия. Мне нравилось то, что она собой представляла. Прочность их семьи. Их история. Их верность. Их шуточки друг

над другом. Их теплота и душевность друг с другом. Их пикантность, когда один из них злился, но это было нормально, потому что это было основано на любви и верности, и было приятно находиться рядом.

Поэтому я держалась, хотя знала, что должна была отпустить семью Бьянки. Я почему-то продолжала надеяться, что Винни в конце концов вытащит голову из задницы и даст мне то, чего я хотела — крепкую семью. Я держалась, потому что мне нравилось быть частью Бьянки, чего я всегда хотела.

И я держалась, потому что любила Винни. Он был шумным и любил жизнь, и я это понимала. Я мечтала о такой семье, живя со своими родителями. Я чувствовала себя с семьей Бьянки комфортно, хотя и знала, что это опасно.

Я держалась.

Хотя держаться особо было не за что.

Я была слишком молода, чтобы понять, что нашла копию моего отца.

В то время я также понятия не имела, что выбрала не того брата. Я понятия не имела, что мне придется наблюдать сначала вблизи, а потом издалека, как Бенни со временем придет в себя.

Сначала он уволился со стройки и пошел работать в пиццерию. Это означало, что он перестал пьянствовать по ночам, потому что работал по ночам.

Потом он купил этот дом.

Дом в середине ряда таких же домов, построенных у тротуара. Переднее крыльцо. Заднее крыльцо. Несуществующий передний двор. Задний двор достаточно большой, чтобы играть в догонялки, вмещал гараж на две машины и еще одно место для семейной парковки. Во всех остальных домах было четыре спальни, но у Бенни было три, с переделанной главной ванной. Гостиная/столовая впереди. Кухня, кабинет, подсобное помещение в задней части дома. Маленькая дамская комната внизу. Семейная ванная наверху.

Этот дом существовал здесь более века, и окружающие жители были в основном итало-американскими семьями, чьи родственники жили в этом районе в течение нескольких поколений и не собирались отсюда уезжать.

Как только он купил дом, избавился от своей мощной спортивной машины и пересел на внедорожник.

И в конце концов он унаследовал пиццерию от своего старика.

Он по-прежнему трахал все, что двигалось, но я обратила внимание, что здесь тоже произошли перемены. Я знала некоторых женщин, которых он брал к себе в постель. Я точно знала, когда все перешло от того, чтобы оторваться, к тому, чтобы найти подходящую.

Конечно, у него были моменты, когда он просто хотел потрахаться.

Но Бенни начал движение по пути, который вел к той, кто помог бы ему построить крепкую семью и создать хороший дом.

Винни никогда этого не делал. Винни этот путь не интересовал. Его интересовал только его собственный путь, каким бы темным он ни был, и он потащил меня за собой по этому темному пути.

Проблема была в том, что я позволяла ему меня тащить.

При этой мысли я почувствовала движение и оторвала взгляд от своего тела, увидев входящего Бена. В одной руке он держал пинтовый стакан, наполненный льдом и фиолетовой жидкостью, в другой — маленькую бутылочку с таблетками.

Я приподнялась, чтобы сесть, Бенни подошел к моей стороне кровати. Поставил все на тумбочку и наклонился, чтобы подложить подушки под спину. Когда он закончил, я приподнялась на подушки, а Бен потянулся к бутылочке.

К тому времени, как он протянул мне таблетку, стакан был у меня в руке.

Я приняла лекарство и решила не спорить, когда Бен сел своей задницей на кровать.

— Пицца скоро при будет, — заявил он.

— Хорошо, — ответила я, ставя стакан на тумбочку.

— Прочел рекомендации твоего врача, — сказал он мне, и я посмотрела в его сторону.

Это его не касалось, и он это знал.

Я решила не высказывать раздражение, и не говорить насколько сильно меня это раздражает, поэтому промолчала.

— Хочу, чтобы ты записалась на обследование на следующей неделе. Я поговорю с ма по этому поводу.

Я не хотела, чтобы Тереза занималась моим обследованием. Я вполне способна позвонить по телефону, записаться к своему собственному долбаному врачу.

Я решила не сообщать ему эту информацию.

— Он написал, чтобы ты должна двигаться. Сначала немного, но там написано, чтобы ты вела активный образ.

— Хорошо, — повторила я.

— И еще там написано, что в течение нескольких дней ты не сможешь принимать душ без посторонней помощи.

И снова мы оказались на опасной территории. Опасной для Бенни, потому что он не собирался ступить на эту территорию. Он мог похитить меня (потому что он это уже сделал). Он мог уложить меня в свою постель (потому что он это тоже сделал).

Но он и близко не подойдет ко мне в душе.

— Если ты думаешь... — начала я.

— Не знаю, — оборвал он меня. — Но я хочу, чтобы ма была рядом, когда ты будешь мыться. У меня есть друг, чья женщина перенесла операцию. Они тогда не жили вместе, она вся такая независимая, думает, что сможет все сделать сама, она решила принять душ. Но когда сняла повязку и увидела это дерьмо, испугалась и потеряла сознание. Ударилась головой о ванну. Получила сотрясение мозга и еще одно пребывание в больнице. Итак, ты позволяешь маме помочь тебе и перевязать твою рану. Не хочешь, у тебя есть подружка, я позволю тебе позвонить ей. Если ты не хочешь, чтобы мама или твоя подружка помогли тебе, я не вру, мать твою, Франческа, ты примешь душ с открытой дверью, я буду находиться в этой комнате, а потом перевяжу тебе рану.

Я уже собиралась высказаться, когда меня осенило, что это отличная идея.

Если я позвоню одной из своих подруг, смогу заручиться ее помощью в побеге.

— Я позвоню подруге, — ответила я ему, причем раздраженно, чтобы он не понял мою игру.

— Хорошо, — пробормотал он.

— Ты купил мне тапиоку? — Спросила я.

Его глаза загорелись смехом, и когда это произошло, я вспомнила, как сильно мне это нравилось, отчего задумалась, была ли у меня другая жизнь (другими словами, я принимала более разумные решения в той жизни, которая у меня была), смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к его смеху. Наблюдая, как глаза Бенни Бьянки загораются смехом. Чувствуя,

как этот свет сияет на меня, согревая повсюду, даже внутри. Может это когда-нибудь станет привычным.

Но у меня никогда не было такой жизни.

Но я знала, если бы у меня была такая жизнь, если бы мы с Беном провели вместе год или пятьдесят лет, я бы выбрала этот свет. Я бы работала ради него. Я бы трудилась каждый день в течение пятидесяти лет, чтобы увидеть этот свет в глазах Бенни.

И я никогда не привыкну к тому теплу, которое этот свет мне дает.

— Да, — ответил он.

— А вульгарный роман? — Продолжила я.

Еще больше смеха в его глазах и

— Черт возьми, нет.

— Бенни, телевидение и журналы не помогут мне далеко продвинуться.

— Я составлю тебе компанию сегодня вечером, мама и я завтра, не говоря уже о твоей подружке, которая придет помочь тебе принять душ, ты будешь в порядке. Послезавтра я пошлю ма купить тебе немного сладостей. Это будет означать, что она сделает это после того, как пойдет в церковь и поставит свечку в помощь твоей душе, но она сделает это.

Она пойдет. Брешь нужно залатать. Она могла хмуро посматривать на меня, но свечку в церкви бы поставила.

— Я вроде как надеялась, что ты принесешь мне пиццу, оставишь меня в покое и пойдешь смотреть игру вниз, — заметила я.

— Ты ошибаешься, потому что твоя задница спускается по лестнице поужинать со мной за кухонным столом, чтобы ты могла немного размяться. После этого мы смотрим здесь вместе в моей постели телевизор, потому что я знаю тебя. Знаю, что ты, бл*дь, сумасшедшая. Пуля в животе не остановит тебя от того, чтобы выползти в окно. Так что моя задница не будет на диване внизу, пока ты не уснешь.

Он намеревался спать на диване.

Это заставило меня почувствовать облегчение.

И в то же время сожаление.

Я долгое время была одна. Жила одна. Спала одна.

Я знала, что Бен опасен, также понимала, что длительное общение с ним значительно увеличит эту опасность.

Это не изменяло того факта, что на него было трудно не смотреть, наблюдать за его движениями не составляло труда, я получала удовольствие от ссор с ним, и это было далеко не отстойно — просыпаться, прижимаясь щекой к его груди, с его рукой, обнимающей меня, ощущением и его запахом повсюду.

Понятно, что я не только не поделилась этими своими рассуждениями, но и не позволила этим мыслям идти дальше.

Вместо этого я пробормотала:

— Неважно. Пока ты не освободишь меня из плена, я буду действовать так, чтобы избежать лишних неприятностей.

— Ты никогда не предпринимала действий, чтобы избежать неприятностей, — ответил он.

— Как правило, ты проделываешь все действия, чтобы отвлечь внимание, чтобы могла осуществить любой вынашиваемый тобой план.

Я сосредоточилась на нем. Сосредоточилась с некоторым раздражением, которое даже не пыталась скрыть, раздражало именно то, что он разгадал мою идею побега.

Он ухмыльнулся моей реакции и продолжил.

— Как я уже сказал, буду откровенен, Фрэнки. Ты должна знать, что я не куплюсь на твое дерьмо. Так что, какую бы подругу ты не пригласила, надеюсь, что она поможет тебе сбежать, выбрось это дерьмо из головы. Старушка Замбино видела тебя по телевизору. Она знает, что тебя ранили за семью, и она хочет позаботиться, чтобы тебе ничто не угрожало, и ты спокойно выздоравливала в моем доме. Скорее всего через полсекунды после того, как я поговорил с ней, официально привлекая ее к делу твоего выздоровлении, она разговаривала по телефону со своей бандой, и, клянусь Богом, я видел собственными глазами, как одна из ее женщин в своем «Крайслере» разъезжала по переулку, когда возвращался домой. Ты застряла здесь. Поддайся этому, и все пройдет намного легче.

Пожилая леди Замбино жила через дорогу от Бенни. Пожилая леди Замбино была итальянкой. Пожилая леди Замбино была очень любопытной. И если бы она знала, что кто-то назвал ее «старушкой Замбино», она бы наняла киллера.

Ей было за восемьдесят, но выглядела она так, словно ей было за пятьдесят. У нее были персиково-рыжие волосы, собранные в пышную прическу, скрепленную позади локонами. Она была подтянутой. Носила джинсы, красивые блузки и туфли на высоких каблуках. Она еженедельно делала маникюр и не обходилась без одного из своих фирменных лаков для ногтей: золотого или винно-красного зимой (ало-красный на Рождество); серебристого или цвета фуксии летом (бледно-розовый на Пасху). Ее лицо всегда было идеально накрашено, и она была образцом — следила за своей кожей, потому что у нее были морщины, но их было немного.

Она ежедневно совершала длительные пешие прогулки в спортивной экипировке, которую многие сказали бы, что ей следует оставить двадцатилетним, но она занималась этим дерьмом, как никто другой.

Она также играла с командой пожилых леди в боулинг в трех разных лигах, и они — эти пожилые леди относились к этой игре серьезно. Если бы был тур для пожилых дам, она была бы чемпионкой. Ее знаменитый мяч был мраморно-черного цвета с ярко-розовыми, золотыми и серебряными прожилками, и она таскала свою задницу и этот двенадцати фунтовый мяч из переулка в переулок без усилий и с большой решимостью.

Если бы она и ее приятельницы по боулингу намеревались удержать меня у Бенни, им бы это удалось.

Другими словами, для меня пришло время действовать экспромтом и разработать другой план.

Итак, я приняла решение.

— Тебя хоть в малейшей степени беспокоит, что я не хочу здесь находиться? Что я не хочу вести с тобой разговор, который ты хочешь? Что я не хочу позволять Терезе сидеть со мной? Не хочу, чтобы твой отец что-то говорил мне, чтобы загладить свою вину? Я просто хочу продолжить свою жизнь после семи не очень замечательных лет, а до этого шесть лет с Винни, которые, как я слишком поздно поняла, не были по-настоящему замечательными, и все это закончилось тем, что я бежала по лесу с женщиной, которую не знала, и грандиозным кровавым финалом с пулей, с изрядным количеством запекшейся крови, которая, к счастью, была не только моя, но, видеть, как Кэл проделывает дыру в голове этого парня, было не весело, хотя я ненавижу этого человека и рада, что он гниет в аду.

— Фрэнки...

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, Бен. Я бы очень хотела сесть в твой внедорожник, чтобы ты отвез меня домой, а потом оставил меня в покое. Я думаю, что я довольно ясно все объяснила, нужно было

оставить меня в покое еще в ту ночь, когда в меня стреляли, я сказала тебе это открыто. Затем разъяснила это более тонко, надеясь, что ты поймешь, притворяясь спящей каждый раз, когда ты или кто-то из вашей семьи появлялся в больнице. Теперь, когда ты говоришь открыто, я также говорю с тобой открыто. Я не хочу того, чего хочешь ты; я хочу, чтобы меня оставили в покое.

По выражению его лица я должна была догадаться, что мне не слишком сильно понравится то, что последует дальше, скорее будет ударом, но я по глупости не приготовилась.

Поэтому, когда он прошептал:

— Но... ты же семья, детка, — это было ударом.

Потому что это было неправда.

И от этого было больно. Сильно больно.

Эмоциональная боль намного хуже огнестрельного ранения, в этом я уже разбиралась.

Я хотела быть семьей... когда-то. Я была семьей... однажды.

Потом перестала ею быть.

— Семья не отворачивается от семьи в течение семи лет, особенно занимаясь таким дерьмом, когда один из членов семьи теряет мужчину, с которым жила.

Я увидела, как он вздрогнул. Он пытался скрыть, но я увидела.

Он быстро пришел в себя, и его голос стал нежным (и, следовательно, красивым), когда он спросил:

— Так ты знаешь, что делает семья, сага?

— Э-э... да, — огрызнулась я. — Знаю, что делает семья.

— Тогда, где твоя мама?

Я тут же крепко сжала губы.

— Где Энцо-старший? — продолжил он.

Я впиалась в него взглядом.

— Где Нат, Кэт, Энцо-младший? Говорил с Синди и девочками на посту медсестер. Ни одного визита. Никого из них.

— Мама во Флориде, — напомнила я ему.

— Детка, в тебя стреляли. Единственное оправдание, которое твоя мать может сказать, не оказавшись у твоей постели после такого дерьма, что она находится, мать твою, на Луне, и НАСА заявило, что ей не получится безопасно вернуться на землю, не сгорев.

— Ты знаешь, Нинетт не из тех мам, которые дежурят у постели больного, — напомнила я ему.

— Я знаю, что ни один из тех людей, которых ты считаешь своей кровной семьей, вообще не относится к типу «дежуривших у больничной постели», заботящихся о своей дочке или сестре. Это не семья, Фрэнки, и это еще раз доказывает мою точку зрения. Ты не знаешь семью. Если бы ты ее знала, то знала бы, что это дерьмо с их стороны неправильное. Черт, твой отец, Нат и Кэт все еще живут в городе, они не притащили свои задницы в больницу, чтобы повидаться с тобой.

— Нат работает по ночам, — указала я. — Днем она отсыпается.

— Она работает официанткой на коктейлях, — ответил Бенни. — Она не врач скорой помощи, который работает в ночную смену и должен спать, потому что, если он так не сделает, на следующий день может совершить ошибку, которая будет стоить кому-то жизни.

Он раздражал меня.

Теперь выводил меня из себя.

— Почему мы говорим об этом? — прошипела я.

— Потому что по какой-то дурацкой причине ты отказываешь себе в том, что хочешь. — Он покачал головой. — Нет, то, что тебе нужно. Я даю тебе, а ты отказываешься протянуть руку и взять это.

— Я пытаюсь донести до твоей тупой головы то, что я этого не хочу, Бенни. Мне это определенно не нужно. Я хочу освободиться.

— Ты врешь, — парировал он.

— Нет. — Мой голос повышался.

Внезапно его лицо оказалось напротив моего лица, и все, что я могла чувствовать, был запах его лосьона после бритья, все, что могла видеть, были его глаза.

— Так ты говоришь, если бы я поцеловал тебя прямо сейчас, ты этого не хочешь?

Я перестала дышать.

Хорошее было в этой ситуации то, что теперь у меня появилось подтверждение того, о чем собирается со мной поговорить Бен. Я догадывалась, теперь же знала.

Это было совсем чуть-чуть, но хорошо.

Чуть-чуть.

— Я девушка твоего брата, — напомнила я ему.

— Ты была девушкой Винни, — немедленно возразил он. — Теперь ты просто Фрэнки.

— Если ты думаешь, что он всегда не будет стоять между нами — история неприязни, за которую твоя семья цеплялась в течение семи лет, и дерьмо, которое они взваливали на мои плечи годами раньше, не будет стоять между мной и ними — ты не прав.

— Я думаю, если мы попробуем, мы оба дойдем до того момента, когда вспомним, что любили Винни, и это будет все, что мы вспомним о Винни. Но мы столкнемся с дерьмом, которое будет неловким и некомфортным, но справимся с ним и в конце концов добьемся своего.

— Ты так уверен? — ехидно спросила я.

— Да, — твердо ответил он.

— И почему ты так уверен, Бен? А? Скажи.

— Потому что, если бы я не потратил впустую семь чертовых лет, вот где мы были бы сейчас, если бы я, наконец, вытащил голову из задницы и сделал свой ход тогда. Вместо того, чтобы сидеть на этой кровати и спорить с тобой о том, куда нам следует пойти, я бы сделал с тобой что-нибудь еще в этой кровати, пока наши дети были дома у мамы, громя ее дом.

Его слова задели меня так сильно, что я почувствовала себя опасно хорошо, поэтому сделала болезненный вдох. Но Бенни еще не закончил.

— Если бы я тогда это сделал, нам пришлось бы жить с Винни, зная, что я украл его женщину. То есть до тех пор, пока его не замочили.

Слово «Что?» вырвалось у меня с придыханием.

— Франческа, ты предоставила мне полторы недели на обдумывание всего этого дерьма, и у меня все прояснилось. Стало ясно, что в ту минуту, когда Винни стал состоявшимся мужчиной, ты его потеряла. Я потерял его. Моя семья его потеряла. Он перестал быть нашим, а стал Сэла. Скажи, что тот путь, который он выбрал, думаешь, не закончился бы его смертью. Как думаешь, мама позволила бы такому мужчине сидеть за нашим семейным столом на рождественском ужине? — Он снова отрицательно покачал головой. — Ни за что, мать твою. Мама и папа упрямые. Они цеплялись за надежду. Но все пошло

наперекосяк, и он двигался, выбрав этот путь, напрямик к тому, чтобы его отвергла семья, он стал мертвым для них в другом смысле, и ты это знаешь.

Я знала. Винни-старший и Тереза хотели его отпустить. Тогда я это понимала. Чувствовала. Это было больно. Винни тоже чувствовал это. Это убивало. Было много вещей, которые семья могла простить, привыкнуть, смириться, но не все, и они не должны были перекладывать вину на меня за эту кучу дерьма.

Но он полностью погрузился в мафию. И в том, что он там делал, становилось все труднее и труднее обвинять меня. Все это было на его совести. Он понимал, и его родители тоже понимали, когда все прояснилось.

Как только ты попадаешь в мафию, уже никогда оттуда не выберешься.

Пути назад не было.

Для него.

Для меня сейчас было совсем другое дело.

Но Бенни продолжил рассуждать по поводу этого вопроса.

— И я достаточно хорошо знаю тебя. Ты бы не стала заводить от него детей, не пошла бы на это, ты не пошла бы и не делала то дерьмо, которое он делал для Сэла, не приходила бы с окровавленными руками после продажи наркотиков на улице, не трясла бы людей, что бы они там ни делали, не подпустила бы его к себе. Я знаю это, Фрэнки. Он жил в свое удовольствие большим количеством способов, нежели жить одним, но честным, и мы оба это знаем.

— Так ты собирался увести у своего брата его женщину? — Спросила я.

— А как ты думаешь, почему я так чертовски разозлился, когда ты набросилась на меня после того, как мы его похоронили? — спросил он в ответ. — Ты украла мое шоу, детка. И ты сделала это слишком, черт побери, быстро. Я был не готов, ты была не готова, и я разозлился. Сильно. Затаил обиду. Зря потратил столько времени. Теперь мы находимся здесь, в этой точке.

— Я не набрасывалась, — резко напомнила я ему. — Ты поцеловал меня...

— Ты сделала шаг, Фрэнки, — сказал он жестко.

Сделала.

Бл*дь.

Сделала, да.

— Это безумие, — огрызнулась я, потому что, черт возьми, так оно и было!

Он подошел еще ближе.

— Это реальность, и ты, мать твою, это знаешь.

— Ничего я не знаю, — выпалила я.

— Прекрасно, бл*дь, все знаешь, — ответил он. — Но понимаю, что ты сама себя обманываешь. Я пробыл в этом обмане семь лет. Отрицая, то, что я хотел на самом деле, испытывая чувство вины из-за этой ситуации. Что я чувствовал к тебе и чего хотела от тебя перед его смертью. Что чувствовал и чего хотела от тебя после того, как он погиб. Но, когда я увидел женщину, которую хотел все это время, истекающую кровью от огнестрельного ранения в лесу, как ей больно и как она переживает все дерьмо, то полторы недели, Фрэнки, этого времени вполне достаточно, чтобы вытащить свою голову из задницы. Я вытащил сам. Теперь ты сделаешь то же самое, а если не сделаешь, я прямо здесь помогу тебе это сделать.

— Ничего подобного! — Мой голос начал повышаться, а сердцебиение участилось. — В первую очередь потому, что мне не из-за чего вытаскивать свою голову из задницы.

— Тебе нужно, чтобы я поцеловал тебя, и доказал?
— Нет! — крикнула я, голос звучал громко, а дыхание было хриплым.
— Шекспир, — отрезал он, и моя голова дернулась.
— Что? — отчеканила я.
— Что он сказал о протестах девушек?
Я почувствовала, что как снова прищурилась.
— Ты все продумал, не так ли, Бенни? — саркастически спросила я.
— Спорим на пятьсот долларов, что я поцелую тебя, и примерно через пять секунд ты перестанешь сама себя обманывать.
Ни за что на свете я не соглашусь на это пари.
— Спор на деньги — это азартные игры — грех, — прошипела я.
— Ага, поэтому ты каждый год едешь в Вегас на шоу?
Мои глаза стали еще более прищуренными.
— Пятьсот баксов, Фрэнки.
— Я прихожу в себя от серьезного ранения, Бен.
— Внимательно прочитай записи своего врача, детка. Там ничего не сказано, что ты не можешь целоваться. Там сказано, что ты должна воздержаться от полового акта, поэтому мы и воздержимся... пока.
Я стиснула зубы, почувствовав, как соски стало покалывать.
Боже, мне хотелось залепить ему пощечину.
Но мне также хотелось, чтобы он поцеловал меня.
А о сексе с Бенни я даже не могла думать, когда он находился так близко ко мне. Черт возьми, ни за что.
— Так, как насчет пари? — насмешливо спросил он, придвигаясь на дюйм еще ближе.
— Отвали, Бен.
Он ухмыльнулся.
Затем повторил:
— Шекспир.
— Это неважно, — пробормотала я, вжимаясь обратно в подушки и отводя глаза.
— Счет 1:0 в мою пользу, — тихо произнес он. — Ты проиграла. Но почему-то мне кажется, что ты наверстаешь упущенное, когда немного окрепнешь, так что мне ничего не остается сейчас, как только пользоваться моментом, чтобы вырваться вперед.
Я отвела глаза и сообщила ему:
— Ты пользуешься тем, что я ранена.
— Ага, — легко согласился он.
Я уставилась на него.
Мы услышали звонок в дверь.
Бен поднялся с кровати, неторопливо подошел к двери и приказал:
— Спускайся, детка. Время пиццы.
Я не стала тащить свою задницу вниз сию минуту.
А пялилась на дверь и делала это еще долго после того, как он исчез. Пока я пялилась, задаваясь вопросом, на самом деле ли произошло то, что только что произошло. А потом я стала задаваться другим вопросом — смогу ли я сделать вид, что ничего не было. В конце концов, поняла, что не смогу.
Потом поняла, что внизу меня ждет пицца, созданная Беном.
Не говоря уже о том, что сам Бенни тоже находился внизу.

И как бы это ни было отстойно (а это был огромный отстойник), я не могла удержаться, поэтому свесила ноги с кровати, направившись к двери с большим возбуждением, чем было необходимо, и все это для того, чтобы попробовать пиццу Бенни.

И пробовать пиццу Бени с самим Беном.

* * *

Я уже проснулась, почувствовав, как Бенни убирает волосы с моей шеи, а затем проводит пальцем по моему подбородку.

Также почувствовала, как это было приятно.

Сквозь закрытые глаза пробивался тусклый свет, затем он погас.

Наконец, почувствовала, что его в комнате уже не было.

Он не закрыл дверь.

Я открыла глаза в темноте.

Счет один в пользу Бенни перед ужином. По одному очку во время и после ужина в мою пользу, потому что мне удавалось сохранять молчание на протяжении всего и после ужина (в основном).

Молчание не было моим оружием. В моей матери были намешаны немецкие, польские и французские корни, возможно, с добавлением еще нескольких других.

Мой отец был наполовину итальянцем, но, учитывая, каким он был, какой была я и все остальные его дети, итальянская кровь явно доминировала.

Это означало, что я была импульсивной, менее терпеливой и имела склонность многое драматизировать.

Так что выдержать молчание, даже не застав, когда откусила первый кусочек пиццы Бенни на толстом тесте (прошло много времени, возможно, я ошибалась, но в этот момент, я готова была поклясться, что это была лучшая пицца, намного лучше, чем у Винни), было с моей стороны настоящим подвигом.

В пиццах Бьянки, как мне рассказывал сам Винни Бьянки-старший в лучшие времена, не было ни одного секретного ингредиента. Дело было не в тесте. Дело было не в соусе. Дело было не в сыре.

Дело было во всех этих ингредиентах.

Все они были домашнего приготовления, их делали сами Бьянки, за исключением сыра, который не натирали на терке и не насыпали сверху. Отрезали кусочки от шарика моцареллы «Буффало», клали, чтобы растопить его мягкую, гладкую, молочную вкусность в остром красном соусе, немного придающем пикантности, и раскладывали на сковороде или вручную с хрустящей корочкой, чтобы вы знали, что Бог есть, и он был итальянцем.

Я могу сделать пиццу вручную (путём подбрасывания теста для пиццы), поэтому счастлива, что могу.

Но я была из Чикаго.

Все дело было в сковороде.

И никто не готовил пиццу на сковороде лучше, чем в пиццерии Винни. Конечно, нашлись те, кто превозносил достоинства Уно и Дуэ.

Они ошибались.

Винни был самый лучший.

Теперь Бенни был лучшим.

Я не стала ему высказывать свое ошеломляющее впечатление от его кулинарных способностей по поводу пиццы в чикагском стиле.

Просто ела ее, держа рот на замке.

Как только Бенни закончил есть, а я нет, он поднялся из-за стола, направившись в гараж.

Потом вернулся с моим телефоном.

Положил его на стол рядом со мной и сказал:

— Позвони подруге.

Я впилась в него взглядом. Он ухмыльнулся мне. Взяла телефон, он сел, чтобы проконтролировать мой звонок моей подруге Ашике.

Я работала с Ашикой, познакомилась с ней после фиаско с Винни. Мы подружились, поэтому она была в курсе моей истории.

Со временем я обнаружила, что все проходило лучше, когда кто-то узнавал уже постфактум, что я участвовала в реалити-шоу жен и подружек чикагской мафии. Наверное, потому, что я смогла попытаться убедить их, что выше этого и иду путем, желая стать хорошим человеком, делающим более разумный выбор. И наблюдая за мной, как я одевалась, тихо проживая свою жизнь без мужчины, для них мои слова стали правдой.

Ашика дважды навещала меня в больнице, и она всегда приходила утром, когда я принимала душ. Она была немного обеспокоена чуть ли не постоянным пребыванием Бенни у моей кровати, но по тону моих ответов поняла, что мне не хотелось бы говорить об этом в тот момент, поэтому оставила этот вопрос в покое.

Это была одна из причин, по которой я позвонила Ашике. Она была очень милой, очень доброй, очень забавной, и она понимала любой намек, как ни одна девушка, с которой я была когда-либо знакома. Она могла прочесть выражение глаз или движение волос с двадцати шагов. Она была мастером по разгадыванию намеков, следовательно, не прессовала меня Бенни, потому что поняла, что я хотела бы, чтобы она оставила меня в покое по этому вопросу.

Она также знала, что сегодня утром я расскажу ей все.

После звонка ей, Бенни конфисковал у меня телефон.

Я не сопротивлялась, просто сидела за столом и наблюдала, как он моет посуду, сожалея во время своего наблюдения за Бенни, потому что мне совсем не стоило знать, что он может быть нежным, может командовать, может приготовить потрясающую пиццу, а также может помыть посуду. Он был похож на мужчину из сна, за исключением того факта, что я могла подняться на ноги, обнять его, поцеловать в шею, затем целовать другие части его тела, мужчины, появляющихся в ваших снах, понятное дело, не предоставляли таких возможностей в реальности.

Пока я размышляла об этом, наблюдая, как он моет посуду, почти уже закончив, он объявил:

— Сегодня ты отдыхаешь, потому что у тебя был трудный день. Завтра твоя задница будет мне помогать наряду со мной.

Идея мыть посуду с Бенни была странно заманчивой.

Так что я перестала размышлять об этом.

Бенни закончил мыть посуду и приказал мне подняться наверх. Я отправилась наверх, потому что чувствовала себя такой усталой, и наверху было единственное место, где я могла бы привести свое тело в вертикальное положение. Я не хотела с ним в очередной раз спорить. Для меня не очень хорошо заканчивались наши споры, я все время проигрывала. Мне необходимо было набраться сил и перегруппироваться.

Он поднялся наверх с моей сумкой, бросил ее на пол у двери в ванную комнату, продолжая отдавать приказы:

— Готовься ко сну, сага.

Затем ушел.

Я подошла к своей сумке с надеждой, чем оценивая существующую реальность, все внимательно просмотрев, поняла, что моя не окрылившаяся надежда рухнула.

Ночные рубашки и халат, которые мне подарила Джина, лежали в сумке. Трусики и туалетные принадлежности, за которыми мой друг Джейми ходил ко мне домой, тоже находились здесь. Моего бумажника и телефона не было.

Я приготовилась ко сну, потом легла в кровать, натянув одеяло до шеи.

Бен присоединился ко мне через десять минут.

Он достал пульт и спросил, что я хочу посмотреть. Придерживаясь режима тишины, довольная как все получилось во время ужина, я промолчала.

Бен снова спросил.

Я по-прежнему ничего не говорила.

Он нашел игру.

Я продолжала молчать, просто лежала, уставившись в телевизор, мысленно задаваясь вопросом, как так получилось, что я вляпалась в такие неприятности, хотя столько лет жила очень тихо.

Именно в этот момент я вспомнила, что слышала когда-то, что Дэниел Харт пришел в ярость, узнав, что находится на прицеле у Кэла.

Джо Каллахан, известный всем, кроме своей женщины, как Кэл (его женщина называла его Джо), был двоюродным братом Бенни. Он был потрясающим парнем, моим хорошим (хотя и далеким в территориальном смысле) другом, который был близок с Винни-младшим и всей семьей Бьянки, потому, что они были семьей, но и по многим другим причинам.

И Дэниел Харт вел войну против Сальваторе Джильи, и война Харта вылилась в то, что Винни-младшего теперь не было с нами.

Когда я получила известие, что Кэлу может грозить или угрожает опасность, я предупредила об этом Бенни. Сразу после этого, как обычно, у меня засвербило в одном месте, и я поддалась этому свирбению, отправившись в чертовую Индиану, чтобы помочь Кэлу и его новой женщине Вайолет, это было самое глупое мое решение, в итоге меня подстрелил не кто иной, как человек, который заказал убить моего парня.

Какой-то рок судьбы буквально преследовал меня.

Получается я сама отправилась на поиски человека, убившего Винни-младшего.

После этого неприятного осознания я осторожно свернулась калачиком на боку, чтобы если усну, то не храпеть. Вскоре после этого я заснула.

Но сейчас я находилась в доме Бенни Бьянки, в постели Бенни Бьянки, и Бенни решил расставить все точки над *i*. Я узнала ход его мыслей, поняла, чего он хотел. А также узнала, что он вытащил голову из задницы.

Но я также понимала, что никогда не начну отношений с ним.

Не потому, что этого я не хотела. Наверное, за свой обман самой себе, меня ждет дорога в ад, но Бенни не ошибся, как и Шекспир — эта конкретная леди слишком сильно протестует.

В темноте, в постели Бенни, я не могла пойти на это.

Мне нужно двигаться дальше, уехать из Чикаго, начать свою жизнь.

И я поняла, что мне необходимо сформировать новый план.

Я понимала, что у меня не хватит ни физических сил, ни духу сражаться в обычном своем стиле — много драматизма, истерик, криков, в конечном итоге я добивалась своего.

Я должна была успокоиться, чтобы начать вести медленный, рассчитанный бой — тихий, согласиться на многие его шаги, чтобы в конце концов получить то, что я хотела.

Так что мне следует встретиться с Терезой, позволить ей стать в очередной раз моей матерью, простить, в чем она видно нуждалась. То же самое и с Винни.

А тем временем необходимо было найти способ заставить Бенни отказаться от его идеи, что у нас есть совместное будущее.

Ничего у нас нет.

Он был хорошим парнем. Приличным. Сильным. Верным. Он продолжил семейный бизнес не потому, что этого хотел его отец (хотя для отца семейный бизнес значил очень многое), Бени очень уважал своего отца, но и потому, что Бенни готов был сделать многое ради семьи, для него семья была всем. Он руководил Малой лигой. Он купил дом и начал поиски хорошей женщины, с которой мог бы создать крепкую семью и построить хороший дом.

Он заслужил встретить хорошую женщину.

Просто эта женщина не была я.

И я должна была найти способ убедить в этом Бенни.

И я бы точно его убедила. Потому что я была на четверть итальянкой, а это означало, что я была не только вспыльчивой, нетерпеливой и драматичной, но и безумно упрямой.

И я бы убедила, потому что у Бенни должна быть хорошая женщина.

Что означало, что ему нечего делать со мной.

3

Сладкая с перчинкой

— Франческа, детка, проснись.

Голос Бенни — глубокий, непринужденный и сладкий — был у моего уха, губы были так близко, я могла чувствовать шепот его губ.

Мои глаза распахнулись, и я сразу же почувствовала боль. Чтобы облегчить ее, стала переворачиваться с боку на спину. Бенни, сидевший на кровати рядом со мной и опиравшийся рукой на другую сторону, подвинулся, освобождая мне место. Развернувшись, чтобы лечь на спину, я сделала мысленную пометку, что быть храпящей женщиной лучше, чем просыпаться с такой дикой болью.

Все еще в полусне, ощутила запах кофе, Бенни пробормотал:

— Принес тебе кофе. Твоя подруга внизу. Она только что появилась. Я пришлю ее наверх с водой и таблеткой.

Я сосредоточилась на нем, заметив, что его волосы пребывали в сексуальном беспорядке после сна, глаза смотрели нежно и сонно, и одет он был в белую футболку.

Видно приход Ашики разбудил его. И Ашика увидела его в таком виде, когда он открыл дверь. Следовательно, если вариант вовлечения Ашики в план моего побега все еще находился на повестке дня, она, скорее всего отвергла бы его, узнав, что в настоящее время я занимаю всю кровать Бенни; следовательно, она и пальцем не пошевелит, чтобы помочь мне сбежать, думая, что я сошла с ума, что хочу сбежать от такого мужчины.

— Тебе нужна помощь, чтобы встать с кровати и дойти до ванной? — спросил Бенни, и именно тогда я поняла, что не скрывала как мне больно, потому что в данный момент чувствовала себя, словно одеревеневшей, готовой сломаться, если сдвинусь еще на дюйм, я даже не хотела пытаться.

Такое всегда за последнее время происходило по утрам. Становилось лучше, когда я немного приходила в себя, двигаясь, разогреваясь и, самое главное, принимала обезболивающие.

Я с нетерпением ждала того времени, когда мое тело не будет таким каждое утро. А все станет намного лучше. Но на это также требовалось чертовое время.

— Я... — Собиралась уже отказаться, не потому, что это был Бенни, я хотела дать ему понять, что мне не нужна его помощь, но и потому, что поступила бы также, если бы был кто-то другой.

Я гордилась этим. Хотя было глупо. Но я была такой.

Бенни понял, что я собираюсь отказаться от его помощи, не позволив мне этого сделать. Он снова переместился, обхватив рукой меня за талию, осторожно увлекая меня за собой. Он поднялся с кровати, одновременно вытаскивая меня из-под одеяла.

Пока он вытаскивал, я открыто поморщилась, не имея сил это скрыть.

В итоге мои ноги оказались на полу, бок прижался вплотную к боку Бенни, его рука обнимала меня за талию, а другая рука легла мне на бедро. Он удерживал мой вес на себе, в то же время поддерживая.

— Я бы отнес тебя в ванную, сага, но ты должна научиться делать это сама, — мягко произнес он.

Я посмотрела на него и кивнула, потому что он был прав. Довольно скоро я буду одна, и мне нужно научиться и привыкнуть делать все самой.

Он кивнул в ответ, его губы приподнялись, глаза потеплели. Затем он повел меня в ванную. Подвел к раковине, поддерживая, пока я не положила руку на стойку. Даже тогда его хватка немного ослабла, но он не отпустил.

— Ты в порядке?

Я не сводила глаз со своей руки на столешнице.

— Угу.

— Франческа.

Я подняла на него глаза.

Как только я на него посмотрела, он поднял руку, нежно взял за подбородок и наклонился. Коснувшись губами моей скулы, когда его губы оторвались от моей кожи, его большой палец переместился и провел по тому месту, где он только что дотрагивался губами, как будто хотел запечатать его губы там.

И поскольку его запечатывание на моей коже, как я знала, будет на вечность, я полностью забыла о своей боли.

— Я пришлю твою подругу наверх.

— Хорошо, — прошептала я.

Он не пошевелился. Просто удерживал мои глаза своими, пока я не сводила с него глаз, затаив дыхание.

Затем его большой палец снова переместился, скользя по краю моей нижней губы. Я почувствовала, как скручиваются пальцы на ногах и на руках и, наконец, внизу живота тоже все скручивалось, и все это скручивание не имело ничего общего с болью.

— Такая милая по утрам, — пробормотал он.

О Боже. Он полностью подготовился. Воспользовался своим преимуществом. Он начал свои облизывания еще до того, как прозвенел звонок.

— Бен...

— Сладкая с перчинкой. Чего еще может желать мужчина?

О Боже.

Прежде чем я смогла вставить хоть слово, его большой палец снова коснулся моей губы, рука, обнимавшая меня, сжалась, а затем он отпустил и вышел из ванной комнаты.

* * *

Я стояла у раковины в ванной Бенни в трусах и лифчике, новая повязка, которую наложила мне Ашика, прикрывала мою кожу на несколько дюймов ниже груди, немного правее.

В руке у меня была щетка-валик, и я обдувала свою густую прядь темных волос теплым воздухом из фена Бенни.

Я не позволила себе задумываться, зачем Бенни фен.

И не позволила не потому, что догадывалась, зачем Бенни нужен фен.

Первая часть моей догадки заключалась в том, что этот фен был не для личного пользования Бенни. Ашика позабавила себя (и меня), ознакомившись с содержимым шкафчиков в ванной Бенни, пока я принимала душ. Мы узнали, что у него есть средство для укладки волос.

Здесь не было ничего удивительного. С его шевелюрой ему необходимо было что-то делать, как-то управляться с ними. Хотя я была немного удивлена (как и Ашика), что средства все были дизайнерского бренда, они стоили бешеных денег и их можно было приобрести только в высококлассных салонах. Это мне показалось не очень похожим на Бенни.

Но фен явно был не для самого Бенни. Скорее всего он просто наносил этот гель на мокрые волосы, как-то их сгребал руками, так как ему было наплевать, в основном потому, что ему просто было наплевать, а отчасти потому, что, независимо от того, насколько небрежно он укладывал свои волосы, у него были такие великолепные волосы, что с ними можно было вообще ничего не делать, он бы все равно выглядел потрясающе.

Я старалась не представлять Бенни, стоящим перед зеркалом в ванной, как бы наугад проводящим своими длинными сильными пальцами по волосам, с полотенцем, обернутым вокруг талии.

Нет, я абсолютно не думала об этом.

Я подумала, что наверняка много женщин побывало в этой спальне, следовательно, и в этой ванной комнате. Одна из них может оставила этот фен (что было более вероятно), либо купила его в знак уважения ко всем женщинам, которые прошли через эту ванную и его спальню, нуждаясь в фене (это было маловероятно).

Я с некоторым раздражением думала, что пользуюсь феном для волос другой женщины, старалась не особо думать об этом, пока укладывала волосы. Если бы я позволила своему разуму порассуждать на эту тему (что, к сожалению, и сделала), я бы сказала себе, что это была я (что-то еще, что я сделала).

Меня выписали из больницы. Пришло время вернуться к той, какой я было до ранения, я очень следила за своими волосами и как следует их укладывала. Я подходила к уходу и укладке в полном оружии. Используя разнообразные продукты. Я использовала термозащитный крем, масла для вытягивания волос, мусс для укрепления и объема, спрей для фиксации. Я могла сделать начес. Потом передумать. Могла по долгу возиться с прической. Могла укладывать один локон в течение десяти минут, чтобы он лег как я хотела.

Но я не... абсолютно не... делала всего этого сейчас, потому что Бен Бьянки видел меня в течение полутора недель в дерьмовом состоянии, так же и выглядящей, и теперь у меня появилась возможность выглядеть более или менее прилично.

Даже Джейми знала, как важно для меня выглядеть прилично, когда она принесла мою упакованную сумку в больницу, то захватила все мои бутылки и баночки для волос, мою расческу и мою щетку-валик.

Увы, с макияжем у нее так не получилось, она взяла только мой увлажняющий крем, пудру, румяна одного-единственного оттенка (когда у меня дома в ящичке для косметики лежало их не меньше двенадцати) и тушь.

Когда я ранее делала макияж, мне пришлось довольствоваться только этим.

Чего я не стала делать, так это довольствоваться единственным тюбиком блеска для губ (по словам Ашики, оттенок: «Ягодный многообещающий»), завалявшийся в ящичке Бена вместе с черными парикмахерскими расческами, пластырями, которые по какой-то причине оказались без коробки, кусачками для ногтей, использованными бритвами, которые следовало давно выбросить в мусорное ведро, а не складывать в этот ящик, случайные таблетки без пузырька, и тому подобное.

Этот блеск для губ определенно принадлежал не Бенни.

Позже, когда я останусь одна, я сделаю то, что прописал мне мой врач — сделаю зарядку, потом зайду в ванную, возьму блеск для губ, выйду в спальню и выброшу его в окно.

Я выключила фен, положила его на столешницу рядом с раковиной и с помощью щетки-валика повозилась с прядью, которую сушила.

— Мне больно это говорить, детка, — начала Ашика, сидя на сиденье унитаза и наблюдая за мной. — Видя, как выглядит этот парень, но у меня все же имеются три старших брата. У моих братьев есть множество собратьев. Но судя по бицепсам этого мужчины внизу, не говоря уже о других вещах этого мужчины внизу, он сможет за себя постоять. Если десять чернокожих мужчин появятся у его двери, чтобы выволочь женщину из его дома, которую он удерживает в плену, думаю, они не будут для него слишком большой удачей.

Ашика была высокой, с большой грудью и пышной попой, с короткими, выпрямленными, уложенными до скул волосами и глазами, заставляющими желать, чтобы она нашла мужчину и родила детей, потому что детям нужно было видеть ее доброту, направленную на них с рождения до последнего взгляда, брошенный на них на своем смертном ложе.

Она позвонила на работу этим утром, предупредив, что задержится, так как должна мне помочь. Когда она не проводила инвентаризацию ванной комнаты Бенни, то напомнила мне, что мой бывший босс не будет возражать, если она опоздает на полчаса или на три часа, ухаживая за мной.

Это было потому, что ему нравилась Ашика. Еще и потому, что он любил меня.

Я знала, что он любил меня отчасти потому, что хотел залезть ко мне в трусики.

В основном он любил меня за то, что я была лучшим продавцом в его отделе продаж. Когда я подала заявление об уходе, мне казалось, что он разрыдается.

Я понимала его. Поскольку была ценным товаром. Я умела продать. Для него я была настоящим подарком. У меня талант, даже я должна это признать.

Началось все, когда я получила свою первую работу в отделе продаж в возрасте двадцати лет, продаж автомобилей. Мужчина, нанявший меня, решил взять меня в шутку. Он хотел посмотреть, как я попытаюсь продавать машины, хотел посмеяться надо мной со своими ребятами, когда я не смогу продать ни одной.

Тогда он не знал, как и многие продавцы автомобилей, что есть женщины, которые действительно разбираются в автомобилях, и одной из таких женщин была я.

Было еще одно, что он не понимал, что существуют и другие самостоятельные женщины, желающие купить машину, без мужчины, привязанного к их бедру и говорящего за них

обоих. Этим женщинам нужен был кто-то, кому они смогли бы доверять, с кем могли бы общаться на одном языке, кто, как они думали, не обманет их, и это тоже была я.

Чего он так и не понял, так это того, что вид у меня был не суровый, я была не прочь пофлиртовать, чтобы сделать продажу, и девяносто восемь и семь десятых процентов мужского населения думали своими членами, ведя со мной переговоры.

Поэтому я убила всех наповал.

Но я недолго оставалась на этой работе, потому что босс был мудаком. Несмотря на то, что я доказала, хвастаясь своими продажами месяц за месяцем, попадая на первое место в отделе продаж, хвастаясь перед хорошими мальчиками, которых он нанял, но никому не нравится работать на мудака. И когда другой дилерский центр сделал мне предложение, я приняла его.

Затем я продала машину владельцу огромного бизнеса по продажам канцелярских товаров, который оценил мои навыки и нанял меня. Позже меня переманил мой нынешний босс, он занимался больничными принадлежностями.

С тех пор ко мне часто приходили охотники за головами, пытаюсь меня переманить.

Я оставалась на этом месте по глупым причинам, цепляясь за жизнь в Чикаго, которая, как оказалось, была уже давно в прошлом.

Но я также оставалась по уважительным причинам. Мне нравилась моя работа, я зарабатывала больше, чем просто хорошие деньги, у меня были отличные клиенты, босс, который хотел залезть ко мне в трусики, но, несмотря на это, уважал меня, и почти все мои коллеги на работе стали моими друзьями.

Два месяца назад фармацевтическая компания из Индианаполиса обратилась ко мне с предложением, от которого я не смогла отказаться. Несмотря на то, что у меня не было опыта продаж фармацевтических препаратов, у меня был опыт продаж в больницах, поэтому я была знакома с правилами игры и с некоторыми игроками в этой сфере. Мне предложили возглавить отдел, моя базовая зарплата была бы почти вдвое больше моей нынешней. Территория, которую мы с моей командой собирались охватить, была обширной, что означало путешествие — идея, которая мне понравилась.

Аварийный люк, наконец-то, открылся, и я решила выбраться наружу.

Конечно, я буду скучать по своему боссу, моим клиентам, моим коллегам и особенно по Ашике.

Я расчесала волосы щеткой для очередного порыва горячего воздуха, устремила взгляд на Ашику в зеркале и сказала ей:

— Если ты пришьешь к его порогу девять чернокожих мужчин, пожилая леди Замбино выйдет из своего дома со своим шаром для боулинга. Может, ей и восемьдесят два, но она безумно виртуозно обращается с мячом. Так что не уверена, что это будет слишком хорошо для твоих братьев и их собратьев.

Произнеся это, я обдала свои волосы горячим воздухом.

Когда я закончила и перешла к новой пряди, Ашика сказала:

— Я беспокоюсь о тебе.

Я поняла, что она сказала мне это, потому что пока она накладывала мне чистую повязку, я рассказала ей о том, что задумал Бенни. С тех пор она выжидала своего часа, вероятно, ожидая, когда я полностью завладею ее вниманием. Поскольку этого не происходило, и в конце концов ей действительно пришлось бы идти на работу, она воспользовалась ситуацией.

Я перевела взгляд со своих волос на нее и заверила:

— Со мной все будет в порядке.

— Такой парень, как там внизу, может быть убедительным, — ответила она.

Я знала об этом и была чертовски этим напугана.

— Со мной все будет хорошо, — повторила я.

— Милая. — Она наклонилась ко мне, поставив локти на колени, но ее глаза не отрывались от моих в зеркале. — Мой следующий вопрос должен быть задан с вином и расслабляющей музыкой после того, как мы сделаем процедуры по уходу за лицом и уложим волосы, но я должна сказать прямо. И этот вопрос был бы таким — почему ты не хочешь, чтобы он убедил тебя?

Я сжала губы и обдала локон горячим воздухом.

Когда я выключила фен, Ашика продолжала смотреть на меня.

— Избегаешь? Фрэнки Кончетти? Девушка, которая всю жизнь действовала в открытую?

— Он брат моего покойного парня, — сказала я в миллионный раз менее чем за два дня.

Хотя, на этот раз, она и так уже знала.

Она кивнула.

— Я понимаю, почему ты не хочешь. Я полностью это понимаю. Но я видела этого парня там внизу, и когда я говорю это, имею в виду не только тот факт, что он выглядит достаточно хорошо, что его хочется съесть. Дело в том, что он был милым, но тверд, когда сказал мне, что я должна присматривать за тобой. Не поддаваться ни на одно твое дерьмо, если ты попытаешься меня убедить, что сможешь сделать что-то самостоятельно, если я не считаю разумным, что тебе стоит это делать самой. И еще, что мне необходимо дать тебе эту таблетку, потому что ты гордая, упрямая и пытаешься скрыть боль. — Она сделала паузу, не спуская с меня глаз в зеркале, и закончила: — Ему не все равно, Фрэнки. Причем очень сильно не все равно.

— Дело не в этом, — ответила я ей.

— А в чем? — Спросила она.

— Дело в том, что это нехорошо, — объяснила я.

— Дело не в том, что это нехорошо, потому что это будет хулиганство.

Я потеряла свой локон и подогрела его еще сильнее, потому что не хотела снова говорить об этом.

Когда я закончила, Ашика все же продолжила.

— Ты затаила обиду.

Я снова посмотрела на нее в зеркало.

— Э-э... да.

Она покачала головой.

— Только Бог может судить его и его семью, как они обращались с тобой. Здесь, на земле, самое правильное — это простить. Труднее забыть, милая. Это твой крест, который ты должна нести, и в этом вся суть прощения. Они дали тебе этот крест, и это ты должна нести его, находя возможность простить. Вот почему прощение — это божественное. Потому что кто-то причиняет нам боль и зло, мы живем с этим злом бок о бок с ними, но именно мы должны найти в себе силы простить их — снять их с крючка. И если они хотят попросить у тебя прощение, дай им этот шанс, потому что только у тебя есть сила их простить, чтобы их душа не была такой тяжелой от грехов. И правильное то, что нужно сделать — это использовать, данную тебе силу.

— Так и есть. Я уже решила. Вот почему не приняла твое предложение сплотить твоих братьев и их собратьев. Я позволю его семье залечить сделанную ими брешь, — поделилась я перед тем, как покончить с этим. — А потом уеду.

Она уставилась на меня в зеркало.

Я вернулась к своим волосам.

Мои руки устали, у меня ныла спина, которая при длительном стоянии и движении усиливалась, я поняла, что мне следует заканчивать с волосами.

Но я этого не сделала.

Ашика больше ничего не сказала. Как раз в тот момент, когда я провела пальцами, покрытыми эликсиром, по волосам и нанесла еще один слой туши, она вошла в спальню и вернулась со свежей ночной рубашкой.

Я натянула ее поверх трусов и увидела, что она действительно миленькая. Ту, что я выбрала вчера на ночь, напоминала вроде кафтан — струящийся и удобный, но полностью закрывающий все.

У этой низкий подол спереди доходил мне на несколько дюймов ниже колен, сзади — почти до лодыжек. Вырез доходил до талии в стиле ампир, со сборкой на лифе и линии талии, которая привлекала внимание к декольте. И последнее, она была ярко-кораллового цвета, отлично смотрелась с моими волосами.

Можно было заметить бирюзовое кружево моего лифчика в вырезе, но...что угодно. Это был бы не первый раз, когда я делала намек на бюстгальтер, в том числе Бену и Терезе.

— Милая ночнушка, — заметила Ашика, окинув ее беглым взглядом.

— Джина. У нее глаз наметан на милые ночнушки, — ответила я ей.

— Сексуально симпатичная, — сказала она мне.

Я посмотрела в зеркало. Декольте было сексуальным. Материал был полупрозрачным, льнущим к телу.

Боже, сексуально мило. Кто знал, что в Джине есть такое?

— Думаю, теперь у тебя все хорошо, и тебе нужно отдохнуть, — посоветовала Ашика.

Я повернулась к ней и поняла намек.

Ей пора было идти.

— Прости, детка, я немного рассеянная стала. Ты должна идти.

— Рада была бы остаться столько, сколько ты захочешь, но да. Нужно повышать продажи, мы же лишились одного классного продавца.

Я ухмыльнулась, поняв ее намек.

Она отодвинулась в сторону и махнула рукой в сторону двери.

Я приняла ее приглашение и направилась в спальню. Оказавшись в спальне, не стала тратить время, тут же растянулась на кровати, подоткнув подушки под спину и откинув верхнюю часть тела назад.

Стало намного лучше.

— Хочешь, чтобы я пришла сегодня вечером с кем-нибудь в качестве буфера? — Спросила Ашика, и я подняла на нее глаза.

Мне бы это понравилось. Было бы мило, как и все остальное, очень помогло бы.

Но она опаздывала на работу из-за меня, мне нужно, чтобы она хотя бы еще пару дней приходила меня навещать к Бенни. Поэтому не следует пользоваться ее временем и добротой на всю катушку. Я не была поклонником таких одолжений, и с моим отъездом у меня было бы не так много возможностей отблагодарить ее.

— Со мной все будет в порядке, — ответила я.

— Ты повторяешь это уже ни один раз, ты хочешь, чтобы я в это поверила, но должна тебе сказать, милая, что не верю.

Я скорчила рожицу, и она улыбнулась в ответ. Затем наклонилась, схватила мою руку и сжала.

— Если я тебе понадобится, ты знаешь, как меня найти.

— Да, детка. Знаю. И я ценю так, ты даже не поверишь. Спасибо, — ответила я.

Еще одно ее пожатие и улыбка, прежде чем она отпустила мою руку и вышла.

— Пока! — Крикнула я.

— Увидимся еще, девочка! — крикнула она в ответ.

Когда она ушла, я посмотрела на тумбочку, не оставил ли Бен случайно пульт.

Не оставил.

Отчего мне захотелось громко хихикнуть.

Возможно, моя уловка с его телевизором на самом деле-то сработала.

Я потянулась за «Вог», когда вошел Бенни. Я также наблюдала, как он остановился в пяти футах от меня, не сводя с меня глаз.

— Я занималась волосами сегодня утром, — заявила я. — Это подвиг, который трудно совершить даже в лучшие дни, так что, Надзиратель, если ты собираешься меня силой заставить спуститься в столовую на завтрак, обещаю голодать до ланча.

Бен ничего не сказал.

Я продолжила:

— Если ты принесешь мне что-нибудь поесть и кофе, я буду мила с тобой в течение пятнадцати минут.

Бен по-прежнему молчал.

Поэтому я решила увеличить ставки:

— Хорошо, двадцати.

Бенни упер руки в бока, но не сказал ни слова.

Я продолжила:

— И ты можешь вернуть пульт обратно. Вчера вечером я видела кофейный кекс «Энтенман» у тебя на столешнице. Ради кусочка, я не буду трахаться с твоим телевизором весь день.

— Я же говорил тебе, тебе нельзя заниматься сексом. Предписание врача.

Я почувствовала, как моя голова дернулась от удивления от его слов, прежде чем спросила:

— Что?!

— Детка, ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, ты сделала пышную прическу, эта ночнушка, выглядывающий лифчик, прикрывающий твои сиськи, хочу увидеть прежде, чем захочу его снять и почувствовать твою кожу.

Мой желудок сжался, и не в плохом смысле.

Но...

Он что рехнулся?

— Что?! — спросила я на этот раз громче.

— На самом деле, если ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, ты должна сначала подумать. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя немедленно — ты сделала пышные волосы, намек на лифчик и показываешь кожу.

Я прищурилась.

— Что с тобой не так?

— Если ты собираешься играть со мной в эти игры, — он махнул рукой в мою сторону, — то получишь последствия.

— Бенни, о чем... черт возьми... ты говоришь? — Потребовала я.

— Волосы, лифчик, ночнушка, кожа, — был его абсурдный (и повторяющийся) ответ.

— Джина купила мне эту ночнушку, Бен, — сообщила я ему. — Она как платье.

— Она облепила все твои формы и оголяет кожу, — сообщил он мне.

— Это один из тех вариантов, что у меня есть, учитывая, что ты не отвез меня домой, чтобы у меня был другой выбор ночнушек, — парировала я.

— Тогда я попрошу маму заехать к тебе домой и привезти другой выбор ночнушек.

Это было бы впустую потраченное время, так как ночные рубашки у меня дома были намного более облегающими и открывали гораздо больше кожи.

Поэтому я посоветовала:

— На самом деле, если ты не в состоянии контролировать свои низменные инстинкты, то тебе следует отправить твою маму в отдел для бабушек в «Мейсис».

Он понял, к чему я клоню, и я тоже поняла, глядя, как напряглась его челюсть.

— Ты делаешь это дерьмо, чтобы меня позлить?

— Позлить тебя чем?

— Пытаешься раздражить, детка. Дразнишь, хотя не можешь после ранения, а это значит, что я не могу преподать тебе урок, который ты должна получить за то, что дразнишь.

Я почувствовала, как моя кровь стала горячее, и на этот раз в плохом смысле.

— Что из всего, что я сделала и сказала за последние полторы недели, создало у тебя впечатление, что я пытаюсь тебя раздражить, Бенни Бьянки? — огрызнулась я.

— Ты, лежащая в моей постели, одетая вот так, выглядишь вот так.

— Я уложила волосы и надела ночную рубашку! — Теперь уже кричала я.

— Вот именно, — ответил он.

— Мы действительно говорим об этом? — с сарказмом спросила я все еще громко.

— У тебя есть халат? — спросил он в ответ.

О, черт. Есть.

Я впиалась в него взглядом.

Бенни прочел мой взгляд, убрал руки с бедер, подошел к моей сумке и, порывшись в ней, вытащил мой халат.

Затем подошел к кровати и бросил его мне на колени, после чего объявил:

— Мама уже едет.

Я закрыла глаза и забыла, что злилась на него, потому что паника сгустилась вокруг моего сердца.

— Она с миром, Фрэнки, — заявил Бенни.

Вот из-за чего я запаниковала. Она не будет со мной ругаться. А будет вести себя мило. По-доброму. По-матерински. Все это время она ощущала себя некомфортно, потому что была неправа, пока не произошло нечто экстремальное. И ее чувство не комфортности заставляло меня чувствовать себя так же не комфортно. Мне пришлось бы принять всю ее доброту, заранее зная, что снова придется от нее отказаться, на этот раз по своему собственному выбору.

Кровать прогнулась, мои глаза распахнулись, Бенни опять уселся на кровать бедро к бедру.

— Ты можешь сказать мне хоть что-то, почему встреча с моей матерью заставляет так тебя нервничать, детка? — спросил он, в его голосе все еще слышались нотки раздражения.

— Что именно? — Спросила я.

— Все что угодно, — ответил он.

— Нет, — наконец ответила я на его вопрос.

— Ты не хочешь мне сказать даже самую малость. — Заявил он как факт, но я решила воспринять его слова как утверждение, нуждающееся в подтверждении.

— Нет, не хочу, — согласилась я.

— Тогда мне придется покопаться в этом самому.

Я сделала глубокий вдох.

Бенни докопается до истины, в этом я не сомневалась.

Господь серьезно, черт возьми, ненавидел меня.

Пришло время привести мой план в действие, поэтому я сказала:

— Твоя семья обвинила меня. Повернулась ко мне спиной. А я любила вас всех. Это было тяжело. Теперь все изменилось. Я понимаю. Но твоя мама изменила свое мнение, пока я приходила в себя после ранения, Бен. Тебе нужно это понять. Я спокойно отнесусь к Терезе. Я посижу и поговорю с Винни-старшим. И после того, как я пройду через все это, мы с тобой поговорим. Но ты должен дать мне некоторую поблажку. Это нелегко для тебя. Подумай, каково это для меня.

Он наклонился ближе, раздражение испарилось, когда спросил:

— Это было тяжело?

Было.

Однозначно.

И с течением времени становилось все тяжелее, пока в конце концов не убило совсем. Но я пережила все это. Я могла бы пережить и похуже.

Или, по крайней мере, надеялась, что могла.

— Э-э, да, Бенни. Было тяжело. В этом-то все и дело.

Он наклонился, опираясь рукой на кровать с противоположной стороны от меня, взял мою руку, подняв ее, прижав к своей напряженной верхней части пресса.

Вот оно что было. Это произошло сразу же. Как только моя рука оказалась на упругом прессе Бенни, который я никогда по-настоящему не смогу исследовать. Сейчас становилось все еще хуже.

— Тебя ждет только хорошее, Фрэнки, я могу тебе это обещать, — мягко произнес он.

Он был неправ. В моей жизни никогда не было ничего хорошего. Если у меня получалось все хорошо, я обязательно потом это теряла. Такова была моя жизнь. Я научилась жить с этим. Мне не нравилось, но у меня не было выбора.

Но этого я ему не сказала. Если он сам этого не понял, я не собиралась его просвещать.

Он сжал мою руку и крепче прижал ее к своему прессу.

— Если ты сделаешь шаг вперед, то поймешь, что это будет лучшее, что у тебя когда-либо было.

Я не понимала, что он обещал, но у меня было такое ощущение, что в его обещании скрываются множество нюансов. У меня также было ощущение, что он был прав — насчет всех этих нюансов.

Проблема заключалась в том, что он должен был найти лучшее, что у него когда-либо будет, и его лучшее будущее никак не может быть связано со мной.

— Мы можем сейчас прекратить этот разговор? — Поинтересовалась я.

Его глаза смягчились, но губы сказали:

— Да. Можем. Я принесу тебе кофейный кекс, но перед этим скажу, как пойдут сегодня дела.

У меня появилось чувство, что я знаю, что такое «дела», но была благодарна ему, что у него был план. Скорее всего, он прозвучал бы как приказ, что было бы раздражающе, но мне нужно было подготовиться, поэтому приму от него все.

— Когда она приедет, я приведу ма наверх. Она сделает то, что должна сделать, я буду здесь с тобой с самого начала. Потом мне нужно пойти в пиццерию. Нужно заняться бумажной работой, папа прикрывает меня по вечерам, пока ты здесь. Он все делает по-своему. Я все делаю совсем по-другому. Понятное дело, мне больше нравится мой способ ведения бизнеса. Он там слегка напортачил с кухней, я разберусь. Он не признает мою систему управления в офисе, это не пойдет на пользу нашему делу. Так что я должен разобраться с этим дерьмом. Мама останется. Я вернусь, как только смогу.

Это был хороший план, лучшая часть которого заключалась в том, что я смогу отдохнуть от Бенни. Я бы предпочла иметь дело с Терезой, чем с ним.

— Хорошо. Но хочу сказать, если тебе нужно быть в пиццерии вечерами, я спокойно могу побыть здесь одна.

— И пока ты будешь здесь одна, будешь строить планы побега. Так что этого дерьма не случится.

Чтобы сохранить ненадежное благодушное настроение, которое у меня было, я решила не отвечать.

— Итак, ты согласна с этим планом? — Продолжил он.

— А у меня есть выбор? — Спросила я.

— Нет, — ответил он.

— Тогда да, я согласна с этим планом.

Он улыбнулся мне.

Я позволила себе на наносекунду затосковать по жизни, в которой могла бы лежать в милой ночнушке в постели Бенни Бьянки, а он сидел бы рядом, держа мою руку на своем упругом прессе, улыбаясь, а я могла бы свободно делать что-то приятное с его прессом и не только прессом, но потом резко выбросила все эту чушь из головы.

— Принеси пульт с моим кексом, — приказала я.

— Вернулась с перчинкой, — пробормотал он, все еще улыбаясь.

Он любил остренькое. Если бы я вела себя умно, то не добавляла бы остроты.

Но я была Франческой Анжеликой Кончетти. И сексуальность была моим вторым природным я.

— У меня сложилось впечатление, что я здесь нахожусь, чтобы поправиться, Бенни. Я не смогу выздороветь, если ты будешь морить меня голодом.

Я почувствовала, как его тугой пресс затрясся от беззвучного смеха, и мне очень понравилось это ощущение. Очень.

Слишком сильно.

Затем он сжал мою руку, отпустил ее и поднялся с кровати, пробормотав:

— К вашим услугам.

Я должна была перестать с ним обмениваться репликами или можно сказать чуть-чуть флиртовать, действительно должна была. Но я этого не сделала, потому что это было мне... не свойственно.

— Хочу отметить, если бы я находилась в своей собственной квартире, в которой нет ступенек, чтобы спуститься вниз и пройти на кухню, моя квартира намного меньше, я могла бы сама себе приготовить кофейный кекс.

— Ты права, — ответил он, не глядя на меня и направляясь к двери. — Но в своей квартире, ты скорее всего не стала бы есть кофейный кекс.

— Точно, я бы попросила Джину приготовить мне домашние тосты с чабаттой, которые, кстати, она без особых хлопот доставила бы мне в постель, будь я в своей квартире.

— Тогда тебе просто повезло, что ты находишься здесь, — ответил он, выходя за дверь — Кофейный кекс с сыром и крамбль от «Энтенманн» лучше, даже чем чабатта от Джини. Вот оно. Мне следовало держать рот на замке.

Потому что он был прав.

* * *

Я лежала в постели Бенни, не отрывая глаз от телевизора, с тарелкой в руке с куском кофейного кекса, размером со вчерашний ужин, который неопровержимо доказывал, что Бен не собирался морить меня голодом.

Я наслаждалась им, пока Бенни принимал душ.

Со мной все было хорошо, отдыхая, ела, на тумбочке стояла свежесваренная чашка джо, а в руке был огромный кусок свежего кекса «Энтенманна», но мне хотелось, чтобы боль вернулась. Боль бы отвлекла меня от мыслей о Бенни в душе. (*джо – кофе. Амер. Сленг. – прим. Пер.*)

К счастью, вода в душе выключилась.

К сожалению, это вызвало в воображении образы Бена, стоящего у раковины в одном полотенце и проводящего руками по волосам.

Я обдумывала предложение Ашики о ее братьях и их собратях, которые могли бы прийти мне на помощь, но Бен очень вовремя вышел из ванной.

Посмотрев в его сторону, я обнаружила, что оказалась права. Он воспользовался гелем, особо не заморачиваясь, чтобы укротить свои густые, непослушные волосы. Они были мокрыми, и с его стороны была предпринята попытка не очень удачная, в результате чего теперь они стали мокрыми, взъерошенными и сексуальными. Это означало, что когда они высохнут, то так и останутся взъерошенными и сексуальными.

На нем была другая белая футболка, другие джинсы — более выцветшие, и на промежности виднелось белое потертое пятно.

У меня пересохло во рту.

Раздался звонок в дверь.

Пришла Тереза.

Мой рот внезапно наполнился слюной.

Взгляд Бена остановился на мне.

— Ты в порядке, — тихо сказал он.

— Угу, — недоверчиво пробормотала я.

— Ты думаешь, я позволю, чтобы кто-то причинил тебе боль?

О Боже. Очень опасная территория.

Мужчина, любой мужчина, сказавший такие слова женщине, прямоком прокладывал себе путь прямо в ее сердце. Мужчина, похожий на Бена, сказавший подобные слова, давал понять, что собирается, прокладывая путь к ее сердцу, копать глубоко. Мужчина, который выглядел как Бен, сказавший такие слова, имел это в виду, он увяз так глубоко, что никогда не сойдет с этого пути.

— Бен...

— Ты думаешь, после того, как ты получила удар за семью, моя мать способна сделать какое-нибудь дерьмо?

Я не ответила.

— Все хорошо, сага, — прошептал он, затем направился к двери.

Я поспешно отставила тарелку в сторону и сделала глоток кофе.

Поставив кружку обратно на тумбочку, не знала, что делать со своими руками и глазами.

И не успела сообразить, как Бенни снова появился в дверях.

Он вошел, а за ним по пятам следовала Тереза.

Позже я обратила внимание на тот факт, что Бен встал в комнате между мной и своей матерью. Я восприняла это, что он таким образом выражал поддержку нам обоим. Он не принимал ничью сторону. И то, что он сказал ранее, означало, если у нас пойдет все плохо, он готов был все уладить.

Это было хорошо для него, как сына. Это был также хороший поступок мужчины по отношению к женщине.

Однако в тот момент я смотрела только на Терезу, которая выглядела неуверенной и этот ее взгляд пробирал до костей.

У Терезы Бьянки был муж, четверо детей, трое внуков, и она сорок лет управляла очень оживленным, очень популярным рестораном. Она никогда не выглядела и была неуверенной. Не было ни одного случая, когда бы она не знала, что нужно делать.

Кроме одного случая, подобного этому.

Она остановилась, сделав три шага в комнату, я наблюдала, как она борется сама с собой, не зная, как встать или присесть, и что делать с руками. Она явно боролась с тем, как выдержать мой взгляд.

Глядя на нее, я не выдержала, выпалил:

— Спасибо за журналы.

Ее голова дернулась, а тело напряглось.

— И кофейный кекс. — Я протянула руку к тумбочке.

Ее глаза устремились за моей рукой.

— Это остатки, — сказала я, быстро объяснив оставшийся кусочек, — потому что Бен отрезал кусочек, как для Рефрижератора Перри, а не для женщины, которая питалась капельницами, а затем желе, отчего ее живот стал размером с мяч для гольфа. *(Рефрижератор Перри — Уильям Энтони — бывший защитник американского футбола, который десять сезонов играл в Национальной футбольной лиге, в основном за команду «Чикаго Беарз». — прим. Пер.)*

— Ты отлично справилась с пиццей вчера вечером, сага, — вставил Бенни, и я посмотрела на него.

Он улыбался, счастливый, испытывая облегчение, его глаза, устремленные на меня, были счастливы и в них читалась гордость.

Он был мужчиной, от которого у девушки легко захватывало дух.

Стоя там и глядя на меня такими глазами, он был более захватывающим.

— Это была пицца Бьянки, — ответила я, больше ничего не сказала, потому что этим было сказано все.

Ухмылка Бена стала шире.

Тереза издала какой-то звук, и мы оба оглянулись на нее.

Она боролась со слезами, и я знала, что она их победит, потому что она такая, какая есть, поэтому я заткнулась и дала ей время прийти в себя.

Я оказалась права. Она выиграла битву со слезами.

И когда она это сделала, слегка приподняла подбородок, прошла еще два шага в комнату и заявила:

— Этот кофейный кекс был для сладкоежек. Не завтрак. — Она посмотрела на своего сына.

— Ты не готовил яичницу с беконом для Фрэнки?

— Она попросила кофейный кекс, — ответил Бенни.

— Завтра она получит яичницу с беконом, — распорядилась Тереза.

— Завтра она получит то, что получила сегодня, то есть все, что, черт возьми, захочет, — парировал Бенни, и это убивало меня, потому что мне нравились его слова, но еще больше мне нравилось наблюдать, как он подшучивает над своей матерью.

Я скучала по этим шуточкам, и мне было больно их снова увидеть, зная, что я не собиралась оставаться членом их семьи.

Тереза скрестила руки на груди и придала своему лицу строгое выражение.

— Скажи мне, почему ты, твой отец и брат чувствуете необходимость все время включать словосочетание на букву «ч» в каждое второе предложение.

В этот момент Бен посмотрел на меня.

— И вот оно, *tesorina* — женщина спрашивает мужчину «почему», когда ответ ни хрена не значит. (*tesorina* – *мальшика*, — *итал.*)

Я не могла сдержаться.

И улыбнулась ему.

В этот момент, когда я улыбнулась, пожалела, что не сдержалась, потому что его лицо изменилось так, что мне захотелось его запомнить на всю оставшуюся жизнь.

— Слово «ни хрена» ненамного лучше, Бенито Бьянки, — огрызнулась его мать, но Бенни не сводил с меня взгляда.

Вместо этого он подошел ко мне, наклонился, схватил меня за голову и нежно притянул к себе, я почувствовала его губы на своих волосах.

Он отпустил меня, и я наклонила голову, чтобы поймать его взгляд.

— Съезжу в ресторан и быстро вернусь, — тихо произнес он.

— Хорошо, — согласилась я.

Он улыбнулся, его рука, обхватившая мой затылок, слегка сжалась, прежде чем он отпустил меня, выпрямился и направился к двери.

— Мы закончили разговор? — спросила его мать ему в спину.

— Ага, — ответил он своей матери уже в коридоре.

Она бросила на меня раздраженный взгляд.

Я тоже ухмыльнулась ей и снова пожалела, что не сдержалась.

Потому что ее лицо приобрело выражение, которое я хотела запомнить на всю оставшуюся жизнь.

— Увидимся, ма! — крикнул Бенни, и, к счастью, чары рассеялись.

— До скорого, Бенни! — крикнула она в ответ, затем посмотрела на меня. — Итак, Фрэнки, я могу для тебя что-нибудь сделать, прежде чем позвоню твоему врачу, чтобы записать тебя на обследование?

Я не должна была этого делать.

Но сделала.

Я посмотрела ей в глаза и снова улыбнулась.

* * *

По дороге домой из ресторана у Бенни зазвонил сотовый.

Он наклонился вперед, вытащил его из кармана, проверил экран и принял вызов.

— Йоу, — поприветствовал он.

— Она у тебя дома? — спросил Кэл, и Бенни покачал головой, глядя на ветровое стекло.

— Ага.

— Плюется огнем? — Продолжил Кэл.

— Иногда.

— Значит выздоравливает, — догадался Кэл о причине, по которой это случилось лишь изредка.

— Ага.

— Ты сделаешь все правильно, когда она поправится.

Он чертовски на это надеялся.

— Ага.

— Вай хочет ее навестить, и девочки хотят с ней познакомиться, — сказал ему Кэл.

У женщины двоюродного брата Бена было две дочери, Кейт и Кира. Великолепные. Сладкие. Совсем как Вайолет. Так что Бенни не был удивлен этой просьбе. Он также не был удивлен тем фактом, что эта просьба была озвучено не совсем как просьба. Потому что это был Кэл.

— Она только что пережила воссоединение с ма. Фрэнки крепкий орешек. И она все еще испытывает сильную боль, *sigino*. Не слишком ли много встреч за такой короткий период времени. Дай нам несколько дней.

— У тебя есть время до выходных.

При этих словах Бенни ухмыльнулся в лобовое стекло.

Так может ответить только Кэл.

— Хочу тебе напомнить, чувак, что сегодня пятница, так что выходные почти наступили.

— Я перефразирую. У тебя есть время до воскресенья.

Внезапно Бенни перестал находить это забавным, и он без колебаний объяснил, почему.

— Ты приедешь, чтобы твоя женщина повидалась с Франческой, или ты приедешь, чтобы убедиться, что я не испорчу ничего?

— И то и то, — ответил Кэл.

Да, он больше не находил это забавным.

— Напоминаю, Кэл, ты позволил своей жизни оставаться в дерьме почти два десятилетия, и только Вай вытащила твою голову из задницы, что и привело тебя к тому, что у тебя есть сейчас.

— Ага, я выучил урок. Теперь хочу убедиться, что парень, который что-то значит для меня, не потратит впустую столько времени и больше, что еще хуже, позволит женщине, которая должна быть в его постели, тратить свою жизнь, ожидая, когда он вытащит свою голову из задницы.

Определенно Бен не находил это забавным.

— Я справлюсь, — тихо ответил Бенни.

— И я собираюсь предоставить моей женщине время с женщиной, которая составила ей компанию в дерьмовой ситуации, и позволить моим девочкам познакомиться с женщиной, которая составила компанию их матери и сохранила ей жизнь, и порадоваться тому факту, что ты взял все остальное дерьмо под контроль.

Бенни решил закрыть вопрос.

— Мы закончили разговор?

— Ага.

— Увидимся в воскресенье.

Кэл, возможно, что-то и ответил, но Бенни не услышал. Он отключился.

Он припарковался в своем гараже и шел по задней дорожке, когда увидел, как его мать вышла из задней двери и спустилась по крыльцу.

— Куда ты направляешься? — спросил он, его тело напряглось, чертовски надеясь, что его мать не убежала, потому что с Фрэнки все пошло наперекосяк.

— К Фрэнки домой, — ответила она, направляясь к нему, не сводя глаз с массивной сумки через плечо, в которой копалась. Она вытянула лист бумаги и остановилась, едва не врезавшись в него, вот почему он остановился на шаг раньше. Помахала перед ним листом бумаги. — Список. Ей нужно вернуться к нормальной жизни, а не разгуливать в ночных рубашках. Собираюсь забрать кое-какие вещи.

Что ж он позволит матери съездить домой к Фрэнки. Так как Фрэнки, бродившая по его дому и лежавшая на его кровати в ночных рубашках, не способствовала его терпению во время деликатной операции, которую он собирался проверить. О чем свидетельствовала его нелепая чрезмерная реакция, когда он увидел ее — с уложенными волосами, ее тело и ее безупречную кожу — в своей постели несколько часов назад.

— Хорошо, — сказал он своей матери. — Ее сумочка в моем внедорожнике.

— Хорошо, сага, — пробормотала она, рассеянно наклоняясь, чтобы поцеловать его в щеку, прежде чем поспешить к его гаражу.

— Ма, — позвал он. Она остановилась и обернулась. — У вас двоих все хорошо прошло?

Он увидел, как ее лицо смягчилось, и она кивнула.

Спасибо, бл*дь. Она хотела этого, и Фрэнки ей это предоставила.

Это многое говорило о Фрэнки. Если бы он оказался на ее месте, он бы не простил. Его семья обращались с ней как с мусором, все они, особенно Бенни, Тереза не отставала. Если бы на ее месте был он, он бы до самой их смерти не простил бы, а потом плюнул бы на их могилу.

Было приятно узнать, что Фрэнки не собиралась подвергать его родителей такому испытанию. Черт, было просто приятно узнать, что она относилась к тем женщинам, в которых присутствовало милосердие.

Самая тяжелая задача прошла хорошо, Бенни решил перейти к хорошим новостям.

— Кэл и Вай приедут в воскресенье, привезут девочек.

И он увидел, как лицо его матери озарилось радостью, Бенни улыбнулся ей.

После многих лет дистанцирования Кэла, пока он залечивал раны, от которых большинство мужчин никогда бы не оправились, возвращение сына пошло на пользу его родителям и самому Кэлу.

И Фрэнки была бы настоящей глазурью, толстым, сочным слоем торта.

И, благодарю Бога, если бы ему удалось уговорить Фрэнки дать им шанс попробовать, Бенни бы оказался именно тем, кто съел бы этот толстый, сочный кусок торта.

Он наблюдал, как его мама улыбается в ответ.

Вся семья собралась снова вместе, здоровая, счастливая, увеличившаяся с добавлением Вай и ее девочек. Единственное, чего его мать всегда хотела в своей жизни — большую, счастливую, разрастающуюся семью, и она могла бы это получить, и Бену нравилось видеть, как ее мечта постепенно сбывается.

— Хорошие новости, — произнесла она.

— Ага, — ответил он.

Ее улыбка стала шире. Она помахала рукой и засуетилась прочь.

Бенни подошел к дому.

Фрэнки не оказалось на кухне, и он не стал утруждать себя поисками ее внизу. А поднялся наверх и напрямик направился в свою спальню.

Однако, когда он вошел, там ее тоже не оказалось. Дверь в ванную была открыта, хотя он не полностью видел помещение ванной, но не мог себе представить, что она могла отправиться туда, забыв закрыть дверь.

Он повернулся и посмотрел в конец коридора, увидев, что дверь ванной открыта, как обычно, одна из дверей спальни закрыта, как обычно, а другая открыта, не как обычно.

Он направился в комнату, которую называл своим офисом, но это была просто еще одна комната, где он и члены его семьи сваливали разное барахло.

Когда он купил этот дом, в нем было четыре спальни. Всем обитателям по спальне, когда-нибудь они все будут заполнены, тогда придется выносить эту ванную комнату в коридор. Единственное, что он изменил в этом доме — это переделал самую маленькую спальню, которая была размером с не большую гардеробную в главную ванную.

Ему нравилось перестраивать. Перестройка напомнила ему о работе на стройке, которую ему нравилась. Что-то строить. Используя свои руки, тело, постепенно наблюдая, как что-то начинает проявляться в результате его работы. Ему также нравились рабочие дни, свободные вечера, он мог сходить куда-нибудь и немного повеселиться, пошалить с парнями, посмотреть игру, подцепить многообещающую женщину, посмотреть, что может получиться.

Работа на кухне в ресторане была адской, да, еще иметь дело совсем молодой ребятней, работавшей с ним, было настоящей занозой в заднице. Они больше беспокоились, что ответит девушка, которой они написали, смогут ли они скоро потрахаться, чем о самой работе, например, достать пиццы из духовки или не сжечь фрикадельки.

Он часто ловил себя на том, что сидит на кухне и удивляется, какого хрена он там делает, надрывая задницу часы напролет, занимаясь многими вещами на автопилоте, чтобы все успеть.

Затем он почувствовал запах соуса, который научил его готовить отец, соуса, который научила готовить отца его бабушка (и так далее), и он был чертовски сумасшедшим, совершенно потрясающим, но Бенни понял, где должен быть. И не только это, он понял, что другого места для него просто не может существовать.

Семейный ресторан — то место, где он должен быть.

Эти мысли пришли к нему, когда он шел по коридору и остановился в дверях своего кабинета, увидев Фрэнки, сидящую в огромном старом рабочем кресле его отца с потрескавшейся кожей. Она смотрела в экран компьютера на столе, который включила.

Он прислонился плечом к косяку и заметил:

— Не подключен к Интернету, детка, так что не сможешь отправить свой SOS таким образом.

Она вздрогнула от его голоса, он напрягся, когда она вздрогнула, думая, что случайные, резкие движения в ее состоянии нехороши.

Но он не видел, как от боли сжались ее губы, и она поморщилась. Она повернула голову к нему. Оглядела его с ног до головы, закончив, его глазами.

— Бен, здесь черный экран и зеленый курсор, серьезно? — спросила она.

— Я же говорю, это древний компьютер saga, — напомнил он ей.

— И с каких пор? — спросила она в ответ. — Со второго класса?

Он ухмыльнулся и скрестил руки на груди, но ничего не ответил. Просто стоял в дверях, ему нравилось наблюдать за Франческой Кончетти, ее шикарными волосами, одетую в халат, сидящую в старом кресле его отца и подтрунивающую над ним.

Когда он промолчал, заговорила она:

— Есть ли какая-нибудь причина хранить его? — спросила она, махнув рукой в сторону компьютера.

— Нет.

— Ты им пользуешься? — продолжила она.

— Нет.

— Не играешь в «Астероиды» или «Космического захватчика»? — продолжала она, глядя на него.

Он ухмыльнулся ее дерзости, но повторил:

— Нет.

— Тогда почему ты хранишь его?

Он понятия не имел, почему хранил, он очень редко заходил в эту комнату, так что не имело значения, находился там древний компьютер или нет.

— Это еще одно «почему», Фрэнки.

Она проигнорировала его замечание и продолжила:

— У тебя есть другой компьютер?

— Нет, — снова ответил он и увидел, как расширились ее светло-карие глаза с веером густых, загибающихся ресниц.

— Ты издеваешься?

— Нет, — сказал он в очередной раз.

— А как ты получаешь электронную почту? — спросила она.

— У меня нет электронной почты.

Ее глаза еще больше расширились.

В прошлом он много думал о Франческе, слишком много ошибался на ее счет (тогда большинство его мыслей были неправильными по разным причинам), ни одна из его мыслей не сводилась к тому, что она была милой.

Но сейчас она сидела в отцовском кресле за письменном столом, такая милая.

— У тебя нет электронной почты? — настаивала она, с легким придыханием недоверия, что заставило его задуматься, какими еще способами он мог заставить ее говорить с придыханием.

— Мне она не нужна.

— Даже для работы?

— Я готовлю пиццу, Фрэнки. Зачем мне электронная почта, чтобы приготовить пиццу?

Она развернула кресло лицом к нему, что было нехорошо. Хотя немного неплохо, потому что он мог видеть ее фантастические, длинные ноги. Ему понравилось то, что он увидел, но он ни хрена не мог с этим сделать, что ему не понравилось.

— Ну, не знаю, — начала она, в ее словах проскальзывал настрой, хороший такой, больше похожий на сладкий с перчинкой самой Фрэнки. — Ну, например, принимать заказы на пиццу?

— Люди могут войти внутрь и сделать заказ.

— Они также могли бы отправить свой заказ по электронной почте или, скажем, позвонить.

— У ресторана никогда не было номера телефона для заказов, и у нас все получалось.

Она ничего не сказала, потому что знала, что это правда. Очередь выстраивалась каждый вечер без исключения, обычно ожидание длилось не менее часа.

Как бы ему ни нравилось стоять в кабинете, любуясь ею в кресле своего отца, а также рассматривать ее ноги и шикарные волосы, пришло время это прекратить.

Поэтому он произнес:

— Ты можешь сидеть, сага? — тихо спросил он.

— Я должна попробовать, — был ее невеселый ответ.

— Не обязательно делать это сегодня.

— Все нормально, — ответила она ему.

— Иди в постель, — ответил он, наблюдая смену выражения на ее лице. Он не мог понять, что это было, но с тех пор, как он привез ее домой накануне, он видел множество выражений на ее лице, не все он мог понять.

Некоторые из ее выражений, как он чисто интуитивно чувствовал, были хорошими, как это, которое она только что изобразила.

Остальные, как он также чисто интуитивно чувствовал, были не очень хорошими. Настолько нехорошими, что были плохими.

— Давай, детка, — подтолкнул он, когда она не пошевелилась.

Казалось, она заставила себя отогнать все мысли, роящиеся в голове, повернулась к компьютеру, сказав:

— Мне нужно его выключить.

При этих словах Бенни вошел в комнату, наклонился к розетке и выдернул компьютерную вилку из розетки.

Он выпрямился, посмотрел на нее и сказал:

— Выключил. Давай.

Ее губы дрогнули, будто она боролась с улыбкой, прежде чем вжала руки в подлокотники кресла и аккуратно взялась за них.

Бену не понравилось, как она это сделала. Она всегда была сгустком энергии. Электричеством. Франческа Кончетти не видела смысла подниматься по лестнице, когда можно пробежаться по ней трусцой или, что чаще, вприпрыжку. Фрэнки Кончетти посещала спортзал. Она занималась спиннингом, пилатесом, зумбой. Фрэнки Кончетти не просто готовила; а готовила, пританцовывая по кухне, пока готовила. Даже просто сидя, казалось, что ее переполняет энергия. Потому что, когда она вставала, произойдет не просто вставание. А взрыв.

Она медленно поднялась со старого кресла его отца.

Видя, как ее энергия куда-то испарилась, ему захотелось вновь пережить тот день в лесу и сделать все снова. Другими словами, не целиться в грудь Даниэля Харта, который стрелял в Фрэнки, а Бенни стрелял в него. А вместо этого целиться выше, как Кэл, снести ублюдку башку к чертовой матери.

Он перестал думать об этом, когда Фрэнки сделала шаг. Он двинулся за ней, следуя в свою комнату. Она подошла к его кровати и забралась на одеяло.

Он направился к другой стороне и пристроился рядом с ней.

Она сразу же начала:

— Бен...

— Тихо, — приказал он, поворачиваясь и наклоняясь над ней, от чего она вжалась в подушки, стараясь от него отодвинуться, Бен от ее реакции усмехнулся про себя.

Он взял пульт с ее прикроватной тумбочки, откинулся на спинку кровати, включил телевизор, затем проделал маневр, пока щелкал по каналам, просунул руку под нее и притянул ее ближе.

— Бен! — рывкнула она.

— Ты ляжешь на спину и заснешь и будешь храпеть, и я не услышу телевизор. Прижавшись ко мне, ты не будешь храпеть, — сказал он, глядя в телевизор, в качестве объяснения ее протеста, который не позволил ей озвучить до конца.

— Тогда я лягу на бок, не прижимаясь к тебе, и не буду храпеть. Но если бы я захрапела, ты бы все равно меня не услышал, потому что телевизор ты будешь смотреть вниз.

Он проигнорировал ее заявление, понял, что на каналах ничего интересного нет, что могло бы понравиться им обоим, поэтому нажал кнопку, переходя на Netflix.

— Бенни, — подсказала она, слегка надавливая на его живот, пытаясь оттолкнуть.

Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Успокойся и угомонись.

Она прищурилась.

— Я успокоюсь и угомонюсь, когда ты не будешь лежать со мной в постели.

— Мы будем вести этот разговор каждый раз, когда я буду с тобой в постели? То есть, пока ты не смиришься с тем фактом, что я буду часто находиться с тобой в постели?

Ее глаза стали еще более прищуренными, и она ответила без колебаний.

— Нет, поскольку тот день никогда не настанет, и этот день, и другие похожие на него, ты перестанешь ложиться ко мне в постель.

— Нет, не перестану.

— Перестанешь.

— Ты же знаешь, что я настроился на долгий путь с тобой. — Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но он продолжил: — И, чтобы ты знала, я получаю от этого удовольствие. Когда ты начинаешь ссориться со мной, мой член дергаться так, как мне нравится, пока ты высказываешь мне свою точку зрения. Так что, детка, ты должна понять, я счастлив, что ты не изменяешь себе, давай, ругайся сколько захочешь.

Вот оно. Готова. Она тут же крепко сжала губы.

Он снова посмотрел в телевизор и улыбнулся.

Затем спросил:

— Ты смотрела «Неудержимые 2»?

В ответ тишина.

Она решила вернуться к молчаливому общению.

Он мог бы поработать и над ее молчаливым общением, учитывая, что не смотрел этот фильм, хотя и собирался, и то, что Франческа тут же успокоилась, означало, что он мог посмотреть фильм. Поэтому он нажал на кнопку.

И почувствовал, как ее недовольство наполнило атмосферу комнаты, когда начался фильм, и продолжал чувствовать ее раздражение и недовольство, пока она не заснула.

Когда она вырубилась, он прижал ее ближе к своему боку.

Так ему нравилось больше.

Он также прижал ее к себе, потому что мог лучше услышать те чертовски сексуальные звуки, которые она издавала во время сна, чертовски намного лучшие, чем, когда ссорилась с ним.

Чертовски сексуальные звуки она издавала нечасто.

Но когда они вырывались из ее горла, Бенни нравился каждый из них.

До понедельника

Раздался звонок в дверь, и глаза Бенни открылись.

Он мгновенно почувствовал, как затекло тело от сна на диване.

Он любил развалиться во сне, вот почему он купил кровать размера кинг-сайз, как только переехал из родительского дома через пять месяцев после окончания средней школы. У него была крошечная квартирка, и эта кровать занимала там почти всю спальню, но ему было наплевать. В доме его родителей он делил комнату с близнецом, и это дерьмо было пыткой из-за того, как Бенни спал.

Он заставил себя сесть и потянулся, схватив джинсы. Встал, потянулся, чтобы тело не казалось таким одревеневшим, натянул их и схватил футболку по пути к двери.

Фрэнки вырубилась к девяти вечера, хотя последние заказы на кухне принимались в половине десятого, он зашел сменить папу, чтобы проследить за закрытием. Он также зашел, чтобы отговорить кого-нибудь из своей ребятни от увольнения, поскольку его отец был сержантом по строевой подготовке на кухне, а его ребятня не привыкла к такому дерьму. Это означало, что он вернулся домой только около полуночи.

Прошлой ночью он вернулся во столько же.

Он привык приходить поздно.

Но он не привык к этому чертовому дивану.

Он надеялся, что сможет уладить отношения с Фрэнки и ему не придется привыкать к этому чертовому дивану.

Он натягивал футболку на живот, посмотрев в окно наверху двери, увидел там подружку Фрэнки.

Он отпер дверь, открыл и поздоровался:

— Привет.

— Привет, — поприветствовала она в ответ, ее глаза блуждали по его телу, останавливаясь на его промежности, задержавшись там слишком долго. Потом ее глаза быстро пошли вверх, и он мог поклясться, что увидел розовый оттенок на шоколадной коже ее щек.

Привыкший к таким взглядам от женщин (без румянца, румянец оказался симпатичным), он сдержал усмешку и отступил в сторону, невербально приглашая ее внутрь, говоря:

— Пойду разбужу ее. Потом приготовлю кофе и принесу вам обоим.

Она уже вошла в дом к тому времени, как он закончил говорить, поэтому повернулась к нему и предложила:

— Я приготовлю кофе.

Он кивнул.

— Займись этим. Кухня в задней части дома. Чувствуй себя как дома.

Она кивнула в ответ и направилась вглубь дома.

Бенни закрыл дверь, направившись к лестнице.

— Э-э... Бенни? — позвала она, когда он поставил ногу на первую ступеньку.

Он остановился и посмотрел на нее, стоящую на полпути по коридору.

— Да?

Ее глаза поднялись к потолку, затем к нему.

— Полагаю, ты из тех, кто не особо приветствует вмешательство, но... — Она мотнула головой к потолку. — Ты знаешь, что ты с ней делаешь?

Она была права. Он не относился к тем людям, которые приветствовали других людей, сующих нос в его личные дела. Кроме того, он ее совсем не знал, и он действительно был не из тех, кто потерпит вмешательство от кого-то, кого он не знает.

Что он действительно знал, так это то, что в субботу она встала рано, чтобы прийти и потусоваться с Фрэнки, пока та будет принимать душ. То же касалось и ее первого раза, когда она отпросилась на работе. Так что он не знал ее, но уважал.

Он также понял по ее вопросу, что она с Фрэнки обсуждала эту тему.

Неудивительно. Женщины любили посплетничать, и этого он в них не понимал. Почему они предпочитали обсуждать со своими подругами своих мужчин, пытаясь понять своих мужчин, когда их подружки были, мать твою, девушками, а значит не могли понять, как работает мужской мозг, и он этого не понимал. Или, что более важно, получить представление о том, что мужской мозг ни хрена не работает. Большинство мужчин делали то, что они делали, и точка, что тут понимать.

Пытаться объяснить это женщине было все равно что биться головой о стену.

Но поскольку Фрэнки обсуждала, а эта женщина готова была прикрыть спину Фрэнки, он был вынужден ответить ей, чего обычно никогда не делал.

— Я знаю, что я делаю, — заверил он ее.

— Фрэнки ошибается, — сказала она ему.

— Да, — тихо согласился он. — В нее недавно стреляли. Это дерьмо тебя потрясет.

— Не поэтому, она не права.

Он знал, что она не ошибалась.

Но он с ней не согласился. Просто заявил:

— Пойду к ней, — надеясь, что это не вызовет дальнейших обсуждений, но ответил так, чтобы его слова не прозвучали как от придурка.

Она выдержала его взгляд, и пока она пристально смотрела ему в глаза, он понял, что должен ей объяснить хоть что-то. И понял он из этого факта, что было ясно, ей было совершенно не наплевать на Фрэнки, он уже знал, что она старалась заботиться о ней.

Поэтому он сказал:

— Я был не прав с ней. Теперь все исправляю.

Она кивнула, и у него возникло ощущение, что она хотела еще что-то сказать, но не сказала.

И то, что она промолчала, по его мнению, указывало, что она проявила к нему уважение, и от этого он уважал ее еще больше.

Она повернула на кухню.

Бенни двинулся вверх по лестнице.

Когда он вошел в свою спальню, увидел Фрэнки на спине, одеяло лежало на ее бедрах, одна нога слегка согнута, выглядывая из-под одеяла, рука лежит низко на животе, другая — на кровати сбоку, а масса темных волос рассыпалась повсюду.

Красавица спит одна в его постели.

Бл*дь.

Она не храпела, что было удивительно.

Еще один сюрприз — он ненавидел храп. Его папа храпел, да так громко, что все детство он ночью просыпался от его храпа. А потом долго не мог заснуть.

Фрэнки же храпела по какой-то безумной причине, которую он считал милой.

Но сейчас она почему-то не храпела.

Он сел на кровать рядом с ее согнутой ногой, низко наклонился и прошептал ей на ухо:

— Фрэнки, детка, проснись. Твоя подруга пришла.

Он поднял голову и увидел, как ее глаза распахнулись, все еще не веря, что эти ресницы были такими густыми, а кончики закручивали кверху, причем без помощи макияжа. Он обнаружил эту удивительную вещь, когда она лежала в больнице. Ему понравилось, он задался вопросом — доминирующая ли это черта, скажем, которую она передала бы своим дочерям.

Но когда ее глаза открылись, она показалась ему дезориентированной, боль мгновенно сжала ее губы, в свою очередь, заставило его сжать свои.

Без предупреждения она попыталась приподняться, и он услышал, как она мяукнула от дискомфорта. Услышав ее мяуканье или стон, он быстро задвигался. Встав с кровати, затем осторожно просунув руки под нее, он поднял ее и поставил на ноги. Продолжая обнимать ее за талию, прижал к себе, а другую руку поднес к ее подбородку.

Она подняла на него сонные глаза, он смотрел в них с большим беспокойством, потому что с каждым днем ей должно было становиться лучше. Вместо этого сегодня утром она казалась гораздо более не в себе, чем вчера.

— Ты в порядке? — Спросил он.

— Угу, — пробормотала она.

— Уверена? — спросил он.

Она выдержала его взгляд, ее взгляд оставался затуманенным, но она кивнула.

— Ванная?

— Угу, — согласилась она.

Он опустил руку с ее подбородка и повел ее в ванную. Как и накануне продолжал поддерживать, пока она не оперлась рукой о столешницу.

— Ты сегодня какая-то не такая, — заметил он, как и накануне, она уставилась на свою руку на столешнице, не фокусируясь.

Когда он заговорил, она откинула голову назад, посмотрев на него.

— Я избавлюсь от этого, малыш.

Его внутренности сжались.

Определенно не такая, как в нормальном состоянии. Она назвала его «малыш».

И Бенни это понравилось, поэтому он улыбнулся ей, сжал ее в объятиях и наклонился, чтобы прикоснуться губами к ее губам. На этот раз не щеку. Ей нужно было привыкать к его губам, и она должна начать прямо сейчас.

Ее глаза все еще были затуманены, когда он поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз, в то же время поднимая руку к ее подбородку, чтобы он мог провести большим пальцем по нежной коже ее полной нижней губы.

— Твоя подруга поднимается с кофе и таблеткой, — сказал он.

— Хорошо, Бен, — пробормотала она.

Глядя в ее затуманенные глаза, но все равно безумно красивые, он прошептал:

— Милая.

Что-то промелькнуло в ее взгляде, он не совсем понял, что именно, но это было что-то хорошее. Поэтому оставил ее наедине с мыслью, которая скрывалась за этим взглядом, и направился из ванной.

Ашика наполняла стакан водой, когда Бенни вошел в кухню.

Она посмотрела на него.

— Кофе варится. Еще не совсем готов.

— Я принесу вам кружки, — сказал он ей. — С чем ты предпочитаешь?

— С молоком и один кусочек сахара, — сказала она, хватая банку с таблетками на стойке и собираясь уходить. — Она нормально?

— Сегодня утром какая-то приторможенная. Приглядывай за ней.

Ее губы скривились, будто она хотела улыбнуться, но не позволила себе. Просто кивнула и направилась к выходу.

Бенни подошел к стойке, прислонился к ней спиной и уперся бедрами. Он смотрел, как она выходит из кухни, затем посмотрел туда, где он видел ее в последний раз, когда она поднялась вверх, устраиваясь поудобнее и прислушиваясь.

Не прошло и пяти минут, как вода в душе включилась.

Он медленно улыбнулся.

Затем осмотрел свою кухню, и оглядываясь вокруг, он вспомнил причину, из-за которой купил этот дом.

Купил он его, когда понял, что ему пора перестать валять дурака со своей жизнью и начать ее обустраивать. Не жить только для того, чтобы работать, зарабатывать деньги, покупать всякое дерьмо, гулять, хорошо проводить время и трахаться. А жить со смыслом.

Он вырос, зная, что Винни унаследует ресторан отца. Поскольку у него не было намерения входить в семейный бизнес, жизнь Бенни принадлежала только ему самому.

Потом он вырос, Винни пошел своим путем (неправильным путем), Бенни понимал, что у младшего брата Мэнни не получится управлять кухней, он не обладал таким характером. Мэнни был общительным, любил яркую одежду, поэтому он работал в передней части ресторана. Но на кухне требовалось кое-что еще, когда Винни не стало, Бенни пришлось вмешаться.

Родители не уговаривали, не указывали, не настаивали. Они просто дали понять, что хотели бы, чтобы ресторан остался в семье, но они не давили ни на кого из своих детей, чтобы они взяли управление бизнесом в свои руки.

Но ресторан, который они создали благодаря упорному труду, и любовь, которую они дарили, означали, что этот ресторан что-то значил для них и для их детей.

Бенни не собирался работать в ресторане, он и не хотел, но со смертью Винни ему пришлось сделать выбор, и был только один правильный.

Для него это было нетрудно. Если бы он не пошел на это дерьмо, захватив ресторан, он понимал, что его жизнь была бы комфортной, и он мог бы дать своей семье все, как его мама и папа давали ему.

Поэтому он сделал правильный выбор.

Эта мысль промелькнула у него в голове, и его взгляд переместился на календарь на стене. Три года назад в апреле месяце он сам приковал себя.

И глядя на календарь, ему пришло в голову, что он не слишком задумывался о своем будущем. Он знал одно, чем бы он не занимался, хотел дать своей семье ту комфортную жизнь, что предоставили ему его родители. Даже еще более комфортную. По крайней мере, трое, может быть, четверо детей. Дом всегда полон шумом детских голосов и взрослых, приходят и уходят знакомые, члены семьи, почти такой же календарь на стене на кухне, как у его матери, полностью размеченный. Тренировки и игры Малой лиги. Танцевальные занятия. Родительские собрания. Барбекю, вечеринки по случаю дней рождений. Женщина, на которую он в конце концов заявит свои права, будет все отмечать в календаре, даже заставит его подписать поздравительную открытку двоюродному брату одного из их детей,

потом напомним, что она забирает их дочку с танцев, поэтому он должен забрать их сыновей с бейсбольной площадки.

До этого момента он не понимал, что именно такая единственная мечта о будущем у него и была все время. Все, что ему нужно было сделать, это найти способ иметь счет в банке, который сможет обеспечить его семье тот комфорт, который им необходим. Но его цель состояла в том, чтобы по чаще, нежели изредка, давать им то, что они хотели. Не говоря уже о том, что он хотел бы позволить себе загрузить всю семью в машину или в самолет, отправившись навестить свою сестру Карм в Калифорнии. Или отвезти их на море, где дети могли бы играть в песке на пляже, а он мог бы трахать свою женщину под звуки прибой, доносящиеся через окно.

Желая иметь семью, которую он в состоянии бы был полностью обеспечить, он никак не мог взять в толк, где его брат ошибся. Учитывая, что они росли вместе, Бенни не мог взять в толк, почему, черт возьми, его старший брат Винни захотел чего-то намного большего.

С тех пор как Фрэнки ранили, ему пришлось болезненно смириться, почему он оказался таким придурком по отношению к ней, а затем составить план, как все исправить.

Тогда он не потрудился разобраться, почему Винни загубил свою жизнь.

Фрэнки, такая чертовски великолепная, абсолютно превосходная... заставить на нее было легко. И Винни делал все возможное, чтобы дать ей все, чего она хотела, пытаясь ее удержать. Но Фрэнки никогда не говорила, что хочет чего-то большего, кроме любви и крепкой семьи, которую она с радостью помогала создавать его старшему брату.

Поэтому Винни сам решил что-то себе доказать.

Бенни просто не понимал, что он собирался себе доказать. И нужно ли было? Их отец не был мямлей, может он и был не совсем целеустремленным, отчего его дети тоже не стремились к какой-то карьере. Мама тоже не была тряпкой, но она никогда им не говорила, что возлагает на своих детей большие надежды, кроме надежды, что ее сыновья слишком рано не обрухают какую-нибудь девушку или не вернуться домой после очередной вечеринки все в крови.

Родители просто хотели, чтобы их дети были счастливы.

Дети для них всегда были их детьми. И у детей не было другого выбора, кроме как повзрослеть, имея голову на плечах. Его родители могли и действительно оказывали своим детям поддержку — давали советы, иногда проявляли разочарование, подталкивая своих детей научиться правильным вещам, но ни один из них не рубил с плеча.

Так что Бенни не понимал своего брата. Не понимал, брат выросл вместе с ним, получая любовь, уважение, хорошую жизнь в семье, откуда в нем появилась эта страсть к легким деньгам, готовый пойти на все, что так сильно облажался и потерял все чертовски рано.

И самое поганое для Винни заключалось в том, что он прекрасно осознавал, что никогда не достигнет своей призрачной мечты. Она всегда бы маячила перед ним вопросительным знаком по жизни, нет, чтобы разобраться в себе самом, найти ответ, стереть этот знак — знак, который никогда не исчезнет.

Винни оставил Бенни с этим вопросом. Он оставил своих предков с вопросом. И он оставил также Фрэнки. Интересно, почему он был таким, каким был. Но что еще хуже, задаваясь вопросом, мог ли кто-то из них что-то сделать, чтобы остановить это.

Бенни не мог отрицать, что это выводило его из себя. Хотя он перестал отрицать, что злился на своего мертвого брата, а не на женщину, находящуюся наверху в его доме. Было неприятно испытывать такое чувство к любимому брату, больше не способного ничего объяснить или заглядить свою вину. Эта рана рваная, болящая, кровоточащая была

постоянно, ее невозможно было залечить. И Бенни подумал, хотя это может быть спорно, что эта рана, оставленная братом, возможно даже хуже, чем то, что Винни перешел на темную сторону, работая на Сэла, жестоко расставшись с жизнью.

При этой мысли он услышал звуковой сигнал кофеварки, что кофе готов. К тому времени, как вода в душе выключилась, он налил кружки. Он принес их наверх, поставив на тумбочку, затем постучал костяшками в дверь ванной, сообщив, что кофе ждет. Он спустился по лестнице, возвращаясь на кухню, когда его родители вошли через заднюю дверь в дом.

— Саго, — приветствовала его мать, направляясь к нему, рассеянно целуя его в щеку, затем направляясь к кофейнику.

— Бен, — поприветствовал его отец, глядя не на Бенни, а на потолок.

Очевидно, Винни-старшему надоело ждать, чтобы разобраться с Франческой. Глядя на него, Бенни подумал, что его отцу, возможно, и надоело ждать, но он не с нетерпением ожидал встречи с Фрэнки.

— Она только что из душа, пап, — сказал он своему старику, и глаза Винни-старшего обратились к нему. — Это означает, что у тебя есть по крайней мере час и сорок пять минут, пока она уложит волосы, поэтому ты можешь выпить кофе и смириться с тем фактом, что она Фрэнки. Она не изменит свои привычки даже ради тебя.

— Я говорила ему об этом, — встала его мама. — Он решил сделать все по-своему.

Винни-старший бросил мрачный взгляд на свою жену, затем сменил тему, приказав:

— Кофе, женщина.

Она повернулась к нему с кофейником в руке, две кружки уже стояли перед ней на стойке.

— Знаешь, как и каждый раз за последние сорок один год, когда я нахожусь рядом с кофейником, уже наливаю тебе кружку. И точно так же, как каждый раз за последние сорок один год, когда ты приказываешь мне принести тебе кофе вместо того, чтобы попросить его, мне хочется швырнуть в тебя кружкой. Сейчас, слыша это в течение сорока одного года, я удивляюсь, почему я сдерживалась все это время.

— Ты сдерживалась, потому что за сорок один год ни разу не заправили бензобак своей машины. Ты получаешь хорошее от меня, Тереза, должна принять и плохое.

— Ты заправляешь мой бак может раз в неделю. Может. Я наполняю тебе кофейную кружку чаще одного раза в день. Это не равноценный обмен, — ответила мама.

Господи. Они пробыли две минуты и уже начали спорить.

— Точно, — вмешался Бенни. — Но если хотите поругаться, сделайте это после того, как я выпью чашечку кофе.

При этих словах Тереза перевела взгляд на своего сына.

— Саго, ты не пил кофе?

— Кофейник опустел только что. Я отнес кофе женщинам наверх. Так что, нет.

Лицо его матери смягчилось, когда он упомянул, что позаботился о Фрэнки. Чего его мать не сделала, так это не отодвинула кофейник в сторону и не поставила еще одну кружку.

Поэтому он подошел, чтобы достать себе кружку.

— Я поняла, поняла, — пробормотала она, прогоняя его, прежде чем заявить: — Я так понимаю, ты не приготовил Фрэнки яичницу с беконом.

При этом Бенни чертовски надеялся, что он сможет разобраться с Фрэнки, как можно скорее. Тогда он надеялся, черт возьми, по его мнению, они могли бы получить то, чего оба хотели. И в этот момент он надеялся, когда это произойдет, кухня перестанет быть его

кухней и будет принадлежать Фрэнки. Тогда она смогла бы побороться за превосходство с его матерью, и Бенни мог бы прекратиться заниматься этим дерьмом на кухне.

— Ма, ты же знаешь, Фрэнки любит сладкое по утрам, — напомнил он ей.

— Тогда я испеку блинчики, — ответила его мать.

Бенни посмотрел на своего отца.

Его отец взял кружку и уселся за кухонный стол Бенни. Он также поймал взгляд сына и пожал плечами. Затем сделал глоток кофе и откинулся на спинку стула, вытянув одну ногу, как будто ему принадлежал этот гребанный стол и дом, в котором он находился.

Поскольку от отца помощи не последовало, то не стоило хлопот отговаривать мать. Фрэнки съела бы блинчики Терезы, несмотря на то, что ей очень нравился кофейный кекс или захотела заменить его на пончики, заставив Бенни тащить свою задницу за ними.

— Кофе, mio figlio, — пробормотала его мама. (*mio figlio* – мой мальчик, — *итал.*)

Бенни посмотрел на нее, она протягивала ему кружку.

Он взял ее и подошел к столу.

Его мать подошла к холодильнику.

Он допивал кофе, слушая, как наверху включается и выключается фен (включается и выключается, и опять), надеясь, что Фрэнки стряхнула с себя утреннее оцепенение. В то же время он надеялся, что его мать принесла с собой одежду Фрэнки, способную прикрыть ее, например, водолазки и мешковатые толстовки, как вдруг раздался звонок в дверь.

Его мать повернулась лицом к кухонной двери, взгляд отца остановился на нем, Бенни поднялся со стула.

Он никого не ждал, но Фрэнки находилась у него в доме. Слухи разносились по округе быстро.

Мэнни тоже хотел заглядывать свою вину перед Фрэнки, но Мэнни ни за что не завалился бы к нему в такую рань. Мэнни жил с женщиной, они были вместе больше года, и ма прикусывала губу, когда они съехались два месяца назад, а на пальце Сэлы так и не было кольца Мэнни.

Сэла была хорошей женщиной. Бенни она нравилась. И его брат приходил на работу с довольным выражением на лице, сообщавшим, что ему нравилось та, кого он оставил дома. Итак, Бен знал, что брату нравится проводить время дома, особенно если мужчина получает то, что мужчина, очевидно, получает... по утрам.

Сэл любил приходить утром. Как и Джина. Парни Сэла знали, что лучше не показываться у дверей Бенни ни утром, ни в любое другое время. Но большой босс и его жена могли делать все, что, черт возьми, им заблагорассудится.

Ради Фрэнки ему пришлось бы проглотить подобное дерьмо, и он бы съел. Когда-нибудь. Потом поговорил бы с ней, если она намеревалась оставить Сэла и его жену в своей жизни, то встречалась бы с ними в другом месте — таково было бы его условие.

Но на полпути по коридору к двери Бен обнаружил, что этим утром ему не придется съедать конкретное дерьмо от Сэлы и Джинны.

Ему предстояло совсем другое дерьмо.

Он понял это, когда смутно знакомый женский голос крикнул из-за двери:

— Да! Пошел ты! И поцелуй меня в задницу на прощание навсегда, придурок!

Он был не уверен (он не так часто виделся с этой женщиной), но подумал, возможно это была Нат, сестра Фрэнки.

Увидев ее голову в верхнем окне двери, он понял, что оказался прав.

Бл*дь.

Фрэнки не нуждалась в ее дерьме. Более того, ему это было не нужно. В лучшие времена она не была его любимым человеком. Необходимость держать себя в руках после того, как ее сестра провела полторы недели на больничной койке, а эта сучка даже не прислала цветов, была не тем, на что у него хватило бы терпения, возможно, когда-то потом, но определенно не сегодня.

Он открыл дверь, решительно встал в проем и увидел, как она подпрыгивает вверх-вниз, указывая пальцем на потрепанный «Додж Стратус», мчащийся по улице.

Он также обратил внимание на ее короткую, обтягивающую черную трикотажную юбку, которая была в сантиметре от промежности, облегающую майку из такого тонкого материала, что он мог легко разглядеть кружево ее бюстгалтера. При этом, по какой-то чертовой причине, вокруг шеи был обернут легкий, объемистый шарф. В ушах, на пальцах и запястьях болталось много серебра и золота. От нее пахло так, словно она только что прошла мимо одной из тех сук в торговом центре, которые предлагали духи, опрыскивая все вокруг, зачем не понятно. И хотя он видел только ее профиль, но он понял, что она довела уроки макияжа Нинетт до крайности.

Давным-давно, когда он еще учился в школе с Кончетти, ему казалось, что Фрэнки была не одной из них. Она абсолютно знала, как подчеркнуть в себе выигрышные черты и сгладить не самые лучшие. Но ее сестры одевались как шлюхи с двенадцати лет и старше, а Фрэнки никогда этим дерьмом не занималась.

Она умела классно укладывать волосы, что и делала, и делала это хорошо, о чем свидетельствует вчерашний день. Она могла открывать кожу, но делала со стилем и классом, отчего выглядела привлекательной, а не дешевой. И ей нравился макияж, но каким бы вечерним он ни был, никогда не переходил грань между классом и вульгарностью.

Нинетт, мать Фрэнки, возглавляла бригаду своих дочерей, обучая их урокам, которые явно не стоит преподавать ни одной девочке. Фрэнки была единственной, выступившей против. Две другие поглотили все от своей матери, вывернув все наизнанку не только внешне, но и на деле.

Они ему никогда не нравились, ни Нат, ни Кэт, не потому, что они одевались как проститутки. А потому что они вели себя как проститутки.

Братья — это совсем другая история. Он нечасто встречался с ее братом Дино и хорошо знал Энцо-младшего.

Дино показался ему честным парнем, ласковым со своей младшей сестрой, приятным в общении.

Энзо был чертовски сумасшедшим, но он обожал Фрэнки, и двум другим сестрам он уделял немного времени, так что Бенни он всегда нравился.

Теперь, когда Нат появилась как гром среди ясного неба, он понял, почему не был самым большим поклонником Нат.

Он просто не знал, что она решила вовлечь его в свою игру класса А.

Когда «Стратус» с визгом завернул за угол в конце квартала, она повернулась к нему. Как будто его даже не было, черт возьми, она подняла одну из трех массивных сумок, стоявших на его крыльце, и швырнула ее прямо ему под ноги в прихожую.

О нет.

Бл*дь, нет.

— Йоу! — рывкнул он, и ее глаза встретились с ним.

— Привет, Бен, — поздоровалась она. То ли не поняв, то ли проигнорировав его тон, она повернулась, схватила другую сумку, закинув ремешок на плечо, затем направилась прямо в его чертов дом.

Она, должно быть, шутила.

— Захвати последнюю, ладно, здоровяк? — приказала она, затем остановилась в фойе и крикнула, задрав голову вверх, к лестнице: — Фрэнки!

Она что издевается?

Он повернулся к ней, оставив ее сумку снаружи у открытой двери, и выпалил:

— Ты что, с ума сошла?

Она опустила плечо, сумка с глухим стуком упала на пол, потом посмотрела на него.

— Слышала, Фрэнки живет у тебя. Только что избавилась от своего придурковатого мужа, так что мне нужно переночевать у нее дома. — И закончила она еще более нагло. — Мне бы не помешала машина, чтобы добраться до дома Фрэнки с ее ключами.

— Ты рехнулась, — прошептал он, потому что он готов был взорваться.

— Что сказать? — спросила она.

И когда она спросила, Бенни понял, что она не пропустила ни единого его слова — Бенни не хотел, чтобы она или ее дерьмо находились в его доме. Нет, не пропустила, но она находилась в своем собственном мире, и ей было совершенно насрать, что он хотел или не хотел. И он чертовски был уверен, что не хотел, чтобы Нэт стояла в его фойе.

Поэтому он решил выдать ей эту информацию.

— Тебя здесь не должно быть, — заявил он ей, затем объяснил: — И под этим я подразумеваю, убирайся из моего дома.

Ее глаза сузились, не в сексуально милой манере, как это делала ее старшая сестра, ему никогда не нравилась эта сучка. Она всегда вела себя грубо и вызывающе, в ней не было той милой женственности. Она любила устраивать скандалы, была несносной, и своим дерьмовым характером доказала, что можно довести эгоизм до крайности.

— Ты не хочешь меня подвезти, ну, что ж круто, держи свои штаны, мудака. Мне просто нужны ключи Фрэнки, — отрезала она.

Бенни почувствовал, как его тело напряглось, и это было хорошо, ему было трудно двигаться.

Но губы двигались сами собой.

— Ты вломилась в мой дом, я не видел тебя, мать твою, годы, и ты называешь меня мудаком?

— Ты только что заявил мне, чтобы я убиралась, — парировала она.

— Это мой дом. Я имею право тебе это сказать, потому что тебе не рады, — ответил он.

Он краем глаза заметил, что Тереза и Винни-старший вышли в холл.

К сожалению, Франческа тоже медленно спускалась по лестнице.

Вдобавок к этому несчастью, на ней была светло-розовая футболка бэби-долл, обтягивающая грудь, и светло-серые свободные, облегчающие штаны для йоги, которые носили женщины, не показывая кожу, но подчеркивая бедра и задницу так, как нравилось каждому мужчине, если его член работал.

Так что никакой водолазки или мешковатой толстовки.

Бл*дь.

Ее глаза были прикованы к сестре, губы зашевелились, задав вопрос:

— Что происходит?

Нэт посмотрела на свою сестру, и прежде чем Бен успел сказать хоть слово, объявила:

— Только что получила заряд от кретина, который называется моим мужем. Нужно место, где можно переночевать. Слышала, ты перебралась сюда, значит, твоя квартира пустует, я собираюсь переночевать там. Мне нужны ключи и быстро, потому что Бенни оказался мудаком, а у меня было плохое утро. Мне не нужно это дерьмо.

Бенни был взбешен. Абсолютно.

Но теперь у него возникла другая проблема.

Судя по тому, как изменилось лицо Фрэнки, его дом вот-вот превратится в зону боевых действий сестер Кончетти. Он видел это выражение ни раз. Винни приходилось мириться, мать твою, с этим, и это дерьмо было единственным, что касалось Фрэнки, когда он не завидовал своему брату.

Но теперь стоявшая женщина на его лестнице, пребывающая не совсем в физической форме, поэтому ей не следовало накидываться на свою сестру. Не так, как начинали ссориться женщины Кончетти.

Поэтому он двинулся к лестнице как раз в тот момент, когда Фрэнки ответила:

— Первое, ты решила попросить переночевать у меня?

На это Нат возразила:

— Мне не нужны хлопоты с твоей стороны.

Фрэнки спустилась по оставшейся части ступенек, остановившись на последней, где внизу стоял Бенни, загораживая ей путь вниз, думая, что расстояние ключевой момент в этом сценарии.

Она проигнорировала свою сестру и продолжила:

— Во-вторых, ты приходишь к Бену и называешь его мудаком прямо ему в лицо, прямо в его чертовом доме?

— Я назвала его мудаком не при тебе, а сказала ему в лицо, — выпалила Нат в ответ. — Он просто случайно стоял там.

Фрэнки и это проигнорировала.

— В-третьих, ты появляешься со своим дерьмом в доме Бена, а я не могу принять чертовый душ без чьей-либо помощи, потому что во мне проделали дыру?

Ее голос становился все громче, поэтому Бенни успокаивающее пробормотал «Фрэнки», хотя, он прекрасно понимал, что его замечание, ни за что на свете не успокоит ее.

— Детка... — начала Нат, и на ее лице отразилась перемена. Видно, слова Фрэнки наконец-то проникли вглубь ее сознания.

Но Фрэнки не закончила, слишком поздно.

— Нет. Бл*дь, нет, — прошипела Фрэнки. — Забирай свое дерьмо и проваливай отсюда.

— Мне некуда идти, сестренка. Мне нужно, чтобы ты мне помогла, — начала Нат.

— Почему? — тут же спросила Фрэнки. — Потому что ты снова облажалась с Дэйви, он снова узнал, я в курсе твоих слабостей, и надрал тебе задницу, и теперь тебе необходимо где-то переждать, пока он не сойдет с ума и не заберет твою изменяющую ему задницу обратно?

Лицо Нат, смягчившееся от чувства вины из-за предыдущего комментария Фрэнки, превратилось в жесткую маску.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свои семейные проблемы перед чертовыми Бьянки и кем бы ни была эта сука. — Она дернула подбородком в сторону лестницы.

Бенни посмотрел в ту сторону и увидел Ашику, стоявшую от него на три ступеньки выше. Он заметил, что Ашике не понравилось, что ее назвали сукой.

Вот черт.

Ему пришлось срочно вмешаться в назревающий скандал. Немедленно. Кончетти умели драться. И ему совсем не нужно было, чтобы неизвестная Ашика тоже бросила свою шляпу на мерещившийся ринг.

— Это должно было случиться, — заявил Бенни, снова переводя взгляд на Нат. — Я вызову такси, дам тебе даже кусок торта, ты можешь пожить в отеле пару дней, пока разбираешься со своим дерьмом.

Фрэнки мгновенно испортила его план, заявив:

— Ты и пальцем не пошевелишь, Бенни Бьянки. А ты, — боковым зрением он увидел, как она ткнула пальцем в сторону сестры, — никогда не называй ни одну из моих лучших подруг сукой.

Он скосил глаза на ее лицо.

— Детка, позволь мне быстро разобраться с этим, чтобы мы могли приготовить тебе завтрак.

— Слухи разлетаются быстро и вот доказательство, — вставила Нат голосом настоящей стервы, на который Бенни следовало отреагировать быстрее, только позже он узнает, что заплатит за это множеством болезненных способов, когда этого не сделал. — Франческа Кончетти, всегда мечтавшая о пиццерии и деньгах, ухватилась за еще один член Бьянки. Снимаю перед тобой шляпу, детка. Никогда не думала, что после того, как ты убила первого Бьянки, у тебя появится шанс на следующего.

Бен стоял как вкопанный, боясь пошевелиться, потому что точно знал, если это сделает то, совершит насилие над этой женщиной. Он оставался неподвижным, чувствуя, как Фрэнки переполняют эмоции, борясь с желанием скрутить ее суку сестру и вытолкнуть ее из дома. Его отец, у которого было больше опыта, а, следовательно, он хорошо научился контролировать себя, вдруг резко пришел в движение.

Сделав несколько шагов в фойе. Он схватил спортивную сумку, отнес ее к двери и отправил в полет на улицу. Он вложил немного силы в свой бросок, потому что она упала не на крыльцо, а на тротуар.

— Эй! Какого хрена! У меня там хрупкое барахло! — крикнула Нат.

Винни-старший не колебался. Он проделал то же самое с другой сумкой.

— Что за черт! — взвизгнула Нат.

Покончив с сумками, Винни-старший встал, положив руку на дверь, устремил взгляд на Наталью, произнес одно слово:

— Вон.

Но она оказалась слишком глупа, чтобы правильно осознать произнесенное им слово, а также считать выражение лица отца Бенни, которое говорило, что разумным шагом было не перечить. Она же решила гнуть свою линию, сказав:

— Пошел ты, старик.

И тогда задвигался Бенни.

Он остановился только тогда, когда почувствовал, как его мать крепко обхватила пальцами его предплечье.

— Предупреждаю, Наталья, — тихо произнес Винни. — Ты уходишь, или я выставлю тебя вон, и я выволоку тебя вон. Ты предоставляешь мне повод для проблем, что я готов поднять на тебя руку, ты совершаешь большую ошибку, потому что мой сын сдерживается, ты не захочешь, чтобы он потерял терпение. Теперь уходи и не возвращайся в этот дом, у тебя нет никаких дел с твоей сестрой, пока она сама не обратится к тебе. Ты меня слышала?

— Позвольте мне кое-что прояснить, — начала Нат, скрестив руки на груди. — Вы, Бьянки годами трахали мозги моей сестре, ее даже подстрелили, пока она спасала одну из ваших женщин, на которых вам на самом деле насрать, в отличие от Фрэнки, а теперь вы все вдруг поняли свою ошибку, готовые целовать ей задницу. Верно?

— Да, верно, Наталья, — ответил Винни-старший. — Возможно, тебе следует эту историю рассмотреть, как урок, полученный семьей — облажался, признай и покайся. Загладить свою вину. И если ты способен понять свою ошибку, находясь рядом с человеком, который тебе не безразличен, в самую трудную минуту, тем лучше. Мой сын сказал, что ты даже не по беспокоилась, когда твоя сестра несколько дней пролежала на больничной койке, а ты у нее не появилась.

— Вас это не касается, но я все же скажу, я работаю по ночам, так что днем мне приходится спать, — ответила она.

— Это не оправдание, и прекрасно знаешь об этом сама, — ответил Винни-старший.

Нат открыла рот, чтобы опять ответить, но Бенни не дал. Его терпению пришел конец.

— Пап, вытащи ее, пока я этого не сделал, — предупредил он.

Глаза Нат метнулись к нему как раз в тот момент, когда Винни двинулся к ней, и он увидел, что она достаточно умна, прочитав по его взгляду и поняв, что ее время закончилось в этом доме.

Вот почему она закричала:

— Черт побери! Черт! Мне некуда идти и нет денег, чтобы куда-то добраться!

— Не моя проблема, — вставил Бенни.

Она посмотрела на сестру.

— Фрэнки, серьезно...

— Я не убивала Винни.

Это заявление было полной неожиданностью. Об этом ходили слухи. Прозвучало это заявление из уст Фрэнки вымученно. Услышав эти слова, все в холле замерли, кроме Бена, который одновременно посмотрел на Франческу, поднялся, тесня ее на ступеньке.

Ее глаза оставались прикованными к сестре.

— Раз ты говоришь мне такое, даже думаешь обо мне так... для меня ты больше не существуешь.

Черт побери.

— Фрэнки, детка... — начала Нат.

— Умерла для меня, — прошептала она, повернулась и бросилась вверх по ступенькам.

Бенни скосил глаза на своего отца и прорычал:

— Убери ее к чертовой матери, пап. Сейчас же.

Затем повернулся, перепрыгивая через две ступеньки за раз, последовав за Фрэнки.

Он зашел в свою спальню и увидел, как Фрэнки расхаживает взад-вперед, лицо бледное, дыхание урывками. Он беспокоился о ее душевном состоянии, но не на шутку встревожился, увидев, как ее рука лежит на ране.

Он стал беспокоиться о ее физическом состоянии, она была явно взволнована, он позвал:

— Детка, иди сюда.

Ее взгляд переместился на него. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но закрыла прежде, чем успела вымолвить хоть слово.

Он все еще ловил взгляд ее глаз, снова он не смог прочесть ее взгляд. Это был плохой взгляд.

— Франческа, иди сюда, — повторил он.

— Мне нужно побыть одной, — заявила она мертвым голосом, ее ноги все еще продолжали ходить вперед-назад по комнате, ему это не нравилось.

— Сага, не нужно тебе быть одной, — сказал он ей. — Тебе нужно еще выпить кофе, позавтракать, посидеть за кухонным столом с людьми, которым на тебя не наплевать.

— Все в порядке? — послышалось от двери, там стояла Ашика, не сводя глаз с Фрэнки.

Потом ее взгляд перешел к Бенни, он сказал:

— Понял, дорогая. Спустишь через минуту.

Она прикусила губу, посмотрела на свою подругу, поколебалась в нерешительности, затем кивнула, Бенни понял, что ей не нравится то, что она увидела. После этого исчезла.

Фрэнки продолжала расхаживать по комнате.

Бенни подошел, нежно притянул ее в свои объятия и положил конец ее нервным перемещениям.

Она не обняла его и не убрала руку с живота.

— Болит? — спросил он.

— Я поспешила с рывком вверх по лестнице, — ответила она.

Черт поberi Нат.

— Ладно. Давай я отнесу тебя вниз, ты ляжешь на диван, будешь есть мамины блинчики, пообщаешься с людьми, которым на тебя не насрать, а когда они уйдут, сможешь рассказать мне, что сейчас творится у тебя в голове.

Ее взгляд переместился на него, он легко прочитал его прежде, чем ее взгляд сменился другим.

Паника.

Он не понял, почему она стала паниковать, но знал одно — должен победить ее панику. Не потом, а сейчас.

Поэтому осторожно притянул ее еще ближе.

— Фрэнки?

Она посмотрела на его плечо.

— Ты прав. Блинчики будет неплохо.

— Франческа.

Она подняла на него глаза, скрыв все эмоции — пустота.

О да, ему необходимо было победить ее панику.

Сейчас.

— Может нам стоит сейчас поговорить, что произошло внизу, — предложил он.

— Винни пришел. Я должна с ним поговорить.

— Он никуда не денется, если подождет.

Она отрицательно покачала головой, ее взгляд устремился в сторону, но он заставил ее сфокусироваться на нем, слегка ее сжав.

— Нат, — удивила она его, прошептав в ту же секунду, как поймала его взгляд. — Она замужем за Дэйви пять лет, до этого жила с ним три года, и я знаю о четырех случаях, когда она уходила от него. Скорее всего, этот не последний. Он хороший парень. Когда она не изменяет ему, а он не злится и не пытается сохранить свое лицо, выставляя ее вон, хотя все знают, что он потом ее вернет, он обращается с ней как с золотом. У них не очень хорошо получается, но они не голодают. Живут в приличном месте. Но суть в том, что он ее любит. Что еще ей нужно? Чего она все время ищет на стороне?

Ее слова так точно соответствовали его предыдущему ходу мыслей о брате, что Бенни это встревожило. В то же время и всколыхнуло что-то глубоко внутри, где у него шевелились самые разные мысли, когда речь заходила о Фрэнки.

Но на этот раз все было глубже.

Фрэнки продолжила:

— Я знаю, что она научилась этому дерьму от моих родителей, решив, что это нормальные отношения — жить в свое удовольствие, веселиться, не важно, что чувствуют при этом люди, которые любят тебя, смиряться с твоим дерьмом и уйдут, а если они уйдут, это не твоя вина. Просто живешь, как хочешь в свое удовольствие, не думая о твоих близких, причиняя им боль.

— Детка... — начал он, но она была в ударе и не готова была сдаться.

— И она моя сестра устроила ужасную сцену перед твоими родителями, которые вообще такого не понимают. Они столько лет вместе, потому что понимают все важные вещи в жизни. И они так же воспитали Карм, которая была привязана к своему мужчине двенадцать лет и даже не думала о том, чтобы посмотреть на другого парня. Черт возьми, даже те четыре года, что она была с ним до того, как они поженились, она никогда бы так не поступила.

Бенни встревожился, услышав, что она вспомнила его сестру и ее мужчину в то время, когда они были вместе, если учесть, что тогда Фрэнки не была частью их семьи.

Но она еще не закончила.

— Она никогда не перерастет свое дерьмо. Никогда не возьмется за ум. Она принесла свое дерьмо к твоей двери, выглядело все отвратительно, но через шесть месяцев или два года она снова облачается и без колебаний заявится к тебе. Кто так поступает?

— Франческа...

— ...моя семья, — ответила она на свой вопрос. — Они устраивают подобное дерьмо. Кэт почти такая же, но по-своему уникальна. И прямо сейчас у Энцо есть две женщины, обе говорят, что беременны от него. Они живут в двух разных штатах, и в настоящее время он живет с другой женщиной, которая, к счастью, еще не залетела... пока. А ему всего двадцать восемь.

— Могу я сказать? — спросил он, когда она на мгновение замолчала.

— О чем тут можно говорить? — спросила она в ответ. — Выглядело все ужасно неловко.

Его брови сошлись вместе.

— Что неловко?

— Бен, — она протянула руку, — это произошло в твоём доме, на глазах у тебя, твоих родителей. Она даже назвала Ашику сукой, хотя никогда ее не видела.

— Да, случилось, да, назвала. Она так сделала. Действительно. Но ее поступки не должны отражаться на тебе.

— Она — моя родная сестра.

— А Винни — моя кровь, мой родной брат. И как это отражается на мне то, что он был в мафии? Моей семье? — он понял, что его слова достигли цели, когда она закрыла рот. — Никак. Думаю, мы все на собственном горьком опыте научились не брать на себя и не сваливать это дерьмо на кого-то, кто его не заслуживает. — Он нежно сжал руки. — Так что не бери на себя ее ошибки.

Она повернула голову в сторону.

— Франческа, — он притянул ее ближе, — не принимай ее дерьмо на себя.

Она продолжала смотреть в сторону.

— Детка, обними меня и посмотри на меня.

Она не двигалась.

— Франческа, сага, обними и посмотри на меня.

Он почувствовал, как она тяжело вздохнула, и, будучи Фрэнки, не сделала того, что он ее просил. Но она подняла обе руки, положила их ему на грудь и посмотрела ему в глаза. Это было не совсем то, чего он хотел, но было хоть что-то.

— Не принимай на себя ее дерьмо, — прошептал он.

И заметил снова что-то изменилось в ее выражении, поменялось в ее глазах. Стало больше, весомее. Он решил, что она собирается что-то ответить, объяснить, но ее тело напряглось, будто собиралась разделить с ним свою тяжесть, отпустить ее.

Потом она расслабилась и сказала:

— Я проголодалась.

Бенни был разочарован. Но она открылась буквально на пару секунд, потом снова закрылась, и он счел мудрым в этот момент принять то, что она добровольно отдавала ему, не настаивая на большем.

Поэтому он спросил:

— Все нормально?

— Да, — тут же солгала она.

— Не правда, — ответил он.

Огоньки заплясали в ее глазах, когда она прищурилась.

Это заставило его почувствовать себя лучше.

— Мы поговорим, когда дом не будет заполнен людьми, когда останемся вдвоем, — пообещал он ей.

— Альтернативный и немного более приятный план, чем разговоры о моей семье или о чем-то еще, о чем ты хочешь со мной поговорить, когда в доме не будет полно людей, все равно, это будто вырывать мои ногти с корнем.

Он ухмыльнулся и притянул ее так близко, насколько это было возможно.

— Ты же знаешь, просто покончи с этим, уступи,пусти меня, и тогда сможешь перейти к хорошим моментам.

Он знал, что она не будет продолжать этот разговор, как только открыла рот.

— Я слишком голодна, чтобы продолжать этот разговор.

— Возможно, слишком голодна. Но и слишком труслива, определенно.

Ее глаза снова сузились, прямо до прищура, и Бенни пришлось сдерживать смех.

Черт, какой бы жесткой она ни была, с ней было весело и легко.

— Я не труслива. А хочу есть.

— Определенно трусишка.

— Нет.

— Абсолютно.

Ее глаза превратились в щелочки.

— Если еще раз скажешь, что я трусишка, я пну тебя в голень.

Он позволил себе улыбнуться и спросил:

— Ты решила смириться и поговорить позже?

— Поговорим завтра.

— Трусишка, — поддразнил он.

— Нет! — огрызнулась она уже громче, и именно тогда он позволил себе рассмеяться, но тихо.

Когда он перестал смеяться, напомнил ей, что сказал накануне вечером:

— Кэл, Вай и девочки приедут завтра.

— Черт. Точно, — пробормотала она.

— Хорошо. План таков, — заявил он, и она сосредоточилась на нем. — Сегодня у тебя день с мамой и папой. Завтра встреча с Кэлом и его девочками. В понедельник, если ты будешь в настроении, мы пойдем куда-нибудь поужинать. Нейтральная территория для тебя. Смена обстановки. И поговорим там, где ты будешь чувствовать себя в безопасности.

Она напряглась в его объятиях.

— Ты говоришь о свидании?

— Да, — ответил он.

Она напряглась еще больше.

— Бен...

Он наклонился к ее лицу и совершенно серьезно глядя на нее, сказал:

— Честное слово, неужели ты думаешь, что я поступлю с тобой жестоко, после того сколько уже сделал неправильного в отношении тебя, и после того, что ты значишь для меня?

Она закрыла глаза.

— Я бы не стал, — ответил он на свой собственный вопрос.

Она открыла глаза.

— Я понимаю, что ты напугана и знаю почему. Но если бы у меня не было того, что я могу тебе предложить, ради чего я готов надирать свою задницу, я нутром чувствую, ты хочешь это так же, как и я, все пошло бы совсем по-другому. Я этого не заслужил, детка. Я даже, бл*дь, этого не заслуживаю. Но я хочу попросить тебя довериться мне.

— Хорошо, — прошептала она прямо, прямо без колебаний.

Господи. Это было приятно.

Он не мог позволить этому чувству почить на лаврах.

Он каким-то образом заполучил ее согласие; хотя ему пришлось воспользоваться своим преимуществом.

Поэтому он спросил:

— В понедельник?

Она сжала губы и кивнула.

Спасибо, черт побери.

Он знал, что в понедельник будет сильно настаивать, чтобы ее поцеловать, потому что хотел заполучить ее губы.

Это убивало, но он не поцеловал ее.

Он все еще лишь пробовал ее на вкус, наклонив голову еще ниже и прикоснувшись губами к ее губам.

Затем быстро поднял голову и сказал:

— Блинчики.

Она расслабилась в его объятиях и кивнула.

Он отпустил ее только для того, чтобы наклониться и поднять на руки.

Потом отнес ее вниз, чтобы она могла поесть блинчиков.

* * *

Полтора часа спустя, пока Тереза мыла посуду на кухне, Фрэнки лежала, распластавшись на диване, копна ее волос разметалась по подлокотнику, на котором покоилась ее голова, широко улыбаясь шутке Винни, который что-то рассказывал ей.

Бенни оказался прав. Она не заставляла его отца находить нужные слова для примирения. Ни на секунду. Буквально через две секунды после того, как Бенни уложил ее на диван, она спросила его отца, не мог бы он принести ей «чашечку кофе», словно обращалась к нему с этой просьбой постоянно.

Его отец ухмыльнулся, открыто показывая свое облегчение, затем шокировал всех до чертиков самого Бени и его маму, сделав для Фрэнки кружку кофе.

Именно в тот момент, когда Фрэнки улыбнулась Винни-старшему, Ашика решила со всеми попрощаться, собираясь уходить.

Бенни подождал, пока все прощаются, пожав руку Фрэнки, обняв Винни, затем он поднялся и пробормотал:

— Провожу тебя.

Фрэнки бросила на него взгляд.

Ашика посмотрела на Фрэнки, прежде чем перевела взгляд на Бенни.

Но Бенни выдержал ее взгляд, она направилась к двери, он последовал за ней, уходя, она попрощалась с Терезой.

Он проводил ее до черного «Лендровера», припаркованного у обочины.

— Продажи идут хорошо, — отметил он, не сводя глаз с ее внедорожника.

— Не жалуюсь, — ответила она, твердо ступая по тротуару.

Он перевел взгляд на нее.

— У тебя есть что-нибудь для меня? — прямо спросил он. У него не было времени ходить вокруг да около, ни желания, ни навыков юлить.

Она скрестила руки на груди, пристально изучая его.

Он считал подругу Фрэнки тихой, немного застенчивой, но не глупой.

Из того, что она сказала дальше, он понял, что насчет последнего оказался прав, но может она была не совсем уж тихой и застенчивой.

— Ты же знаешь, что своим вопросом просишь меня нарушить священное сестринское доверие.

— Знаю.

— Я совсем не знаю тебя, но она — моя подруга.

— Это я тоже знаю.

Она снова принялась за его изучение.

На это у него тоже не было времени.

— Ты меня не знаешь, так что я тебе скажу. Я понимаю, что ставлю тебя в неловкое положение, не хочу тебя обидеть, причина, по которой я тебя спрашиваю, важна для меня и для нее.

После этого она перестала его изучать.

Просто сказала:

— Видел ту рекламу, где парень просыпается на половине кровати, съедает половину миски хлопьев и сидит на половине дивана?

Он услышал ее. Понял. Поднял подбородок, чтобы сообщить об этом, давая понять, что она может продолжить.

Она поняла его жест.

— Это наша Фрэнки. Живет в пол силы. По собственному выбору, заметь. Раньше это было покаяние. Она сама себя наказывала за то, в чем не было ее вины. Вы все стараетесь, чтобы она забыла об этом, но я все еще вижу, как Фрэнки ложится спать на половине кровати и смотрит шоу на половине дивана.

Да.

Он услышал ее. Понял, что она имела в виду. И то, что она сказала, заставило его встревожиться.

— Почему? — спросил он.

— Если я правильно тебя поняла, как ты собираешься позиционировать себя в ее жизни, то должен понять и разобраться с этим, показать мне, что ты способен наполнить ее жизнью. Если тебе удастся, я буду тебе очень благодарна, потому что знакома с ней много лет, она умеет очень хорошо притворяться. Смотри в оба. Слушай. Она смеется вполголоса, даже когда пытается убедить всех, что в полную силу. И каждый ее вдох — половина вдоха. Никто не может так жить, наполовину дыша. Ни один человек, подобный Фрэнки Кончетти, не должен так делать.

Бенни почувствовал, как у него сжались губы, его взгляд переместился на его дом.

Затем он почувствовал, как Ашика подошла ближе, и его взгляд вернулся к ней.

— И это не из-за твоего брата, — тихо произнесла она. — Она использует его как щит, пытаюсь удержать тебя. — Она покачала головой. — Но дело не в нем. Это сидит в ней намного глубже. Вот почему она выбрала его, без обид, но такая женщина, как она, могла бы иметь гораздо лучшее. — Она выдержала его пристальный взгляд и прошептала: — Подумай об этом.

Больше она ничего не сказала, направилась в сторону водительского места.

Бен смотрел, как она отъезжает, его глаза не отрывались от дороги еще долго после того, как она уехала.

Но его мысли были о Фрэнки.

И мысли его были тревожными.

Внезапно он теперь не мог уже понять, была ли она электрической — полной жизни в те дни, когда была с Винни.

Или она пребывала в отчаянии.

И он задавался вопросом, тогда с Винни каждый ее вдох был половиной вдоха?

К тому времени, как он вошел в дом, ответов так и не появилось.

Единственное, что он знал, должен был их найти.

* * *

Несколько часов спустя, когда все давно разошлись, Бенни откинулся спиной на подушки, подложенные к изголовью его кровати, Фрэнки сделала то же самое рядом с ним. После тридцати минут просмотра телевизора, то есть после десяти минут препирательств с Фрэнки о том, почему он растянулся рядом, а не внизу на диване, она заявила:

— Мне нужно, чтобы ты отвез меня завтра домой.

Он перевел взгляд с телевизора на нее.

— Зачем?

— Потому что твоя мама принесла мне только домашнюю одежду. Мне предстоит встреча с дочками Вай. Нужно одеться получше, а не в домашнюю одежду.

Он снова перевел взгляд на телевизор.

— Я думаю, они знают, что тебя ранили, поэтому предполагаю, что не ожидают увидеть в бальном платье.

— Я не хочу в бальном платье. У меня даже нет бального платья. Я хочу быть в красивом платье.

— Думаю, они в курсе, что в тебя стреляли, — повторил он в телевизор. — Так что, мне кажется, они не ждут, что ты будешь в красивом платье.

— У тебя есть неотложные дела, которыми нужно заняться завтра, прежде чем они приедут сюда? — спросила она.

— Нет, — ответил он, чувствуя, что ее раздражение начинает заполнять комнату, сдерживая улыбку.

— И ты не готовишь пиццу для губернатора? — продолжила она.

— Насколько я знаю, нет, — ответил он.

— Тогда дело не в том, что у тебя плотный график, и ты не можешь отвезти меня в мою квартиру, чтобы я забрала красивое платье.

При этом он не обратил на нее внимания. А повернулся к ней всем туловищем и поймал ее пристальный взгляд.

— У тебя есть платье, которое не заставит мой член затвердеть?

Ее глаза прищурились, но рот остался закрытым.

— Я расцениваю это как «нет»? — выдохнул он.

— К твоему сведению, женщинам не нравится, когда мужчины разговаривают подобным образом, Бенни Бьянки.

— Чушь собачья, Франческа Кончетти. Им, бл*дь, нравится подобное дерьмо.

— Нет, не нравится, — отрезала она.

— После нашего разговора в понедельник, когда ты придешь в себя, я расскажу тебе больше, что нравится женщинам, а что нет, когда буду в состоянии проверить результаты моей теории.

Она выпрямилась на подушках.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— Когда я приду в себя?! — заявила она.

— Да, — ответил он.

— Ты пытаешься меня разозлить? — спросила она, и он ухмыльнулся.

— А ты еще не разозлилась?

— Да, но зачем? — Ее голос звучал выше.

— Когда ты злишься, то такая милая. Такая секси. Другими словами, меня это возбуждает.

— У тебя что сейчас стояк?

— Если хочешь проверь.

Внезапно она наклонилась вперед, вытащила из-за спины подушку, развернула ее и шлепнула его по груди.

Затем поняла, что подушка исчезла из ее рук, сама она больше не лежит на подушках, а лежит на спине на кровати, ее бок прижат к его груди, а его лицо очень близко напротив ее лица.

— Не делай таких резких движений, — прорычал он, и она уставилась на него, широко раскрыв глаза, как и он.

— Бенни.

— Я за драку подушками через три недели, когда твои швы рассосутся, ты не будешь просыпаться ошеломленной, будто не в своей тарелке и бороться с болью, и у меня не будет сердечного приступа каждый раз, когда ты резко совершаешь какое-то движение.

— Бен...

— Тебе нужно следить за собой, Франческа. Если ты не будешь этого делать, то я буду делать это за тебя.

Он видел смену эмоций в ее глазах. Хорошие, после того, как он ей все сказал или сделал, ей понравилось, но она не собиралась говорить ему об этом, он почувствовал, как ее тело расслабилось рядом.

— Ты меня поняла? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Тебе не больно сейчас? — настаивал он.

— Нет, Бен. На самом деле сегодня был хороший день, — сказала она ему.

— Ты проснулась сама не своя, — добавил он ей.

— Знаю. Странно как-то себя ощущала. Но я быстро пришла в себя.

— Это меня беспокоит.

Он наблюдал, как все ее лицо смягчилось до выражения, которое делало красоту неопишуемой, прежде чем она сказала:

— Несмотря на фирменное «доброе утро» Нат, сегодня — лучший день, который у меня был с тех пор, как все это случилось.

— Ты хорошо поладила с папой?

— Да, Бенни.

— Хорошо.

Она помолчала мгновение, прежде чем спросила:

— Ты перестал быть вспыльчивым, итальянским парнем?

— Я никогда не перестану быть вспыльчивым итальянским парнем.

При этих словах он почувствовал, как ее тело растаяло рядом с ним, и она прошептала:

— Бен, — но больше ничего не сказала.

Он еще не закончил. Не когда ее тело частично находилось под ним, ее глаза смотрели в его глаза, а ее волосы разметались по всей его кровати.

Ему было что сказать.

Итак, он сказал.

— Я хочу поцеловать тебя.

Она тут же напряглась, не в плохом смысле. Чертовски хорошо. Но ничего не сказала.

— У тебя есть время до понедельника, — сообщил он ей.

Она прикусила нижнюю губу, и, черт возьми, ему захотелось поцеловать ее еще сильнее.

Вместо этого, осторожно и нежно, он перекатился, увлекая ее за собой, подтягивая вверх, он снова оказался на спине на подушках, она прижималась к нему сверху, головой к его груди.

Как только он улегся, Фрэнки обвила рукой его живот.

Прогресс. Наконец-то, бл*дь.

Он уставился в телевизор, но сказал:

— Если хочешь надеть что-нибудь красивое для Вай и ее дочек, я отвезу тебя завтра утром к тебе домой.

— Спасибо, Бенни, — тихо ответила она, прижимаясь к нему еще теснее.

Он скользнул пальцами от ее бедра вверх по боку, по лопатке в ее волосы. Оказавшись в ее волосах, большим пальцем снова и снова накручивал прядь на палец, пока смотрел телевизор.

Он почувствовал ее вздох и понял, что это был наполовину вздох.

Он также понял, что сегодня она открылась ненамного, все еще сдерживаясь с ним.

Сейчас его устраивало и это.

У нее осталось время до понедельника.

5

Ящик в ванной комнате

Я стояла у двери своей собственной квартиры, пока Бенни вставлял ключ.

По крайней мере, он распахнул дверь и отступил назад, пропуская меня вперед.

— Спасибо, — огрызнулась я.

Он ухмыльнулся.

Я закатила глаза, вошла в свою квартиру и сразу почувствовала себя как-то странно.

Я переехала в это место через шесть месяцев после смерти Винни, оставив полулюксовую квартиру, в которую мы переехали с Винни, когда он начал прилично зарабатывать у Сэла. Сэл сказал, что оплатит всю арендную плату за мое старое жилье, но я отказалась, потому что мне это показалось странным. Было как-то неудобно, я могла сама оплатить все. Настоящая причина, по которой я покинула ту нашу квартиру, заключалась в том, что я больше не могла там находиться. В ней повсюду были воспоминания о Винни. Иногда клянусь, даже его запах поражал меня, заставляя возвращаться всем событиям, причиняя такую невыносимую боль, что я не могла дышать.

Я так отчаянно хотела выбраться оттуда, что подписала договор аренды на первое попавшееся жилье. Это было не самое лучшее место, но оно находилось в хорошем районе. При входе сразу попадаешь в столовую из коридора. Кухня находится в стороне. Гостиная рядом с обеденной зоной. С балкона открывается вид на город. Дальше по коридору две спальни, обе с балконами, откуда открывается тоже вид на город. Гостевая ванна в холле. В хозяйской спальне — ванная и гардеробная. Большая подсобная гардеробная для стиральной машины и сушилки, а также кладовка в прихожей.

В квартире находилось все необходимое.

В ней просто не было индивидуальности.

Индивидуальность появилась, когда я все переделала, сделав это место, куда мне нравилось возвращаться домой, местом, где мне нравилось проводить время, в основном потому, что я проводила в нем много времени.

А так обычная квартира, в ней не было никакой индивидуальности.

Теперь все почти вернулось к тому, что мне было странно заходить в мою же квартиру после отсутствия несколько недель. Также было странно заходить в нее, потому что многие вещи были уже упакованы в коробки, готовые к переезду. На стенах ничего не висело, превратившись в пустоту.

Страхнув с себя эту странность, я посмотрела на Бенни, он закрывал за собой дверь, но его взгляд был прикован к коробкам, сложенным в три ряда, прислоненным к стене в столовой. Он не выглядел счастливым.

— Я всего на минутку, — сказала я ему, и его взгляд упал на меня.

— Захвати, что ты хочешь надеть на завтрашний ужин, пока будешь там, — приказал он.

Я бросила на него взгляд, сообщающий, что я чувствую по поводу того, что он мной командует, а затем потопала по коридору, показывая ему, как я чувствую по поводу того, что он мной командует. Последнее я сделала, не глядя на него, но украдкой бросив взгляд, заметила, что он выглядел уже не раздраженным, а ухмылялся.

Оказавшись в своей гардеробной, я передвигала вешалки на перекладине в поисках платья, которое не возбуждало бы Бенни (зная, что это бесполезная попытка; я все же была собой, и внешнее впечатление для меня было главным, по-видимому, я действительно нравилась ему и мое внешнее впечатление), и пока я рассматривала свои платья, задавалась вопросом, почему я согласилась пойти с ним на ужин.

И хотя я задавалась этим вопросом, ответ я и так знала.

Он был убедителен, как мог быть только Бенни, и его убедительность бесспорно должна была увенчаться успехом.

Другими словами, он вел свой хороший бой, и у него получалось намного лучше, чем у меня.

Свидание с Бенни.

Я не могла ему отказать.

Я хотела. Даже боролась с желанием. Но сдалась.

Но хотела четко обозначить свои границы, не лежа с ним в постели и не смотря телевизор.

Удалось ли мне это?

Нет.

Вместо этого я не только лежала с ним в постели, а лежала в обнимку с ним в постели, Бенни играл с моими волосами, и это было так приятно, я не могу даже описать, как это было приятно. В конце концов я заснула рядом с ним, смотря телевизор, пока Бенни играл с моими волосами.

Борьбы не получилось, но я не переживала, уступая, чтобы в конце концов добиться своего. Потому что уступать означало находиться рядом с Бенни, доказавшим, что он гораздо больше, чем только нежный, может командовать, мыть посуду и готовить отличную пиццу. По натуре своей он был защитником. Он был честен. Мог себя контролировать. Я имею в виду ту сцену, что устроила Нат. Чудо, что Бен сохранял контроль все это время. Я была сама не своя, но наблюдая за ним, понимала чего ему стоило сохранять терпение. Потребовался видно ни один год, чтобы отточить этот навык.

И моя повседневная с ним борьба — спор, тоже не сработал, потому что Бен решил, что это «мило».

Я облажалась.

И я поняла, насколько облажалась, когда нашла именно то платье, которое собиралась надеть на ужин с Бенни завтра вечером. А потом я нашла и туфли.

Не простое платье, а рискованное.

По истине коварные туфли.

Я все равно схватила их, аккуратно сложила платье и положила его вместе с обувной коробкой в свою дорожную сумку на колесиках.

Также взяла еще и другое барахло, которое совсем не говорило: «Отвали, Бенни Бьянки», наоборот — «Не возражаешь, если я займу ящик в твоей ванной комнате?»

Боже, я ступила на такую зыбкую почву, похоже на землетрясение.

Я просто не могла найти в себе силы пробиться к твердой земле.

Еще больше ухудшив ситуация, я схватила платье для сегодняшнего дня в силу необходимости, так как в действительности вся моя одежда была с внешним блеском, производящая определенное впечатление, поэтому у меня собственно не было особого выбора.

Но это не означало, что это платье было каким-то другим, которое не оказывало бы внешнего воздействия, чем большинство других. Оно просто было более изощренным.

Видно, я окончательно рехнулась и точно отправлюсь в ад.

Несмотря на маячивший ад, я все равно отправилась в ванную, чтобы переодеться.

Ашика была у нас этим утром и помогла мне принять душ.

Конечно после того, как Бен разбудил меня, отвел в ванную, был милым, нежным и прикоснулся ко мне губами.

Хорошей новостью было то, что наконец-то я проснулась, чувствуя не такую сильную боль, как вчера. Она все еще давала о себе знать, но все было не так плохо.

Я всегда просыпалась немного заторможенная даже до ранения, и какое-то время эта заторможенность сохранялась. Но сегодня все было лучше, больше похоже на мою обычную заторможенность. Я поняла, что это заставило Бенни почувствовать облегчение, не только потому, что он улыбнулся и прикоснулся губами, но и потому, что он сказал мне прямо.

Ашика уехала в церковь, а Бенни посадил меня в свой внедорожник.

Но он не отвез меня прямо ко мне домой. А отвез в «Глазированный и настоянный», купив две дюжины пончиков.

Не только для Кэла, Вай и девочек.

Бен знал, что я люблю пончики. Мой сладкоежка не знал временных ограничений, поэтому он поднимал свою уродливую голову по утрам (и в остальное время дня).

Он вел хороший бой, и у него это получалось намного лучше.

Он также купил два кофе и открыл коробку, как только мы вернулись в его внедорожник.

Я не гордилась и пыталась забыть (хотя это произошло меньше получаса назад), но я съела три пончика по дороге к себе домой.

Что было сделано, то было сделано.

Теперь у меня дела шли еще хуже.

Был сентябрь, но все еще тепло, поэтому я взяла просторное платье-тунику королевского синего цвета с рукавами три четверти и короткой юбкой в обтяжку. Топ был пышный, спадал с плеча, талия затянута так, что верх слегка ниспадал поверх облегающей юбки. Девушки было приятно носить такое платье, потому что она точно знала, что производит неизгладимое впечатление, у мужчины явно возникнет жесткость ниже талии.

Теперь я уже стояла не на зыбкой почве.

А открыто играла с огнем.

Проблема заключалась в том, что мне нравилась Вай, я любила Кэла, поэтому с нетерпением ждала встречи с ними, когда не буду спасать свою жизнь или истекать кровью в шаге от смерти. Я также с нетерпением ждала встречи с дочерьми Вай, хотелось посмотреть на новую семью Кэла, в которой он нашел себя после многих лет, дрейфуя по жизни, после того дерьма, о котором было слишком больно даже думать.

А я была Франческой Кончетти. Так что не собиралась встречаться с его новой семьей в джинсах или штанах для йоги.

Это была наименее сексуальная вещь, которая была в моем гардеробе, не входившая в число моих деловых нарядов (хотя там тоже были короткие обтягивающие юбки).

Даже после мысленной войны, которую я вела сама с собой из-за платья, я не подумала не надевать бронзовые босоножки на шпильках.

Это было потому, что у меня не было туфлей-балеток. Никогда я их не носила. Не с джинсами (которых у меня было всего две пары, и я носила их редко). Не с шортами (все они были нарядными; мой бренд кэжуал также был посвящен внешнему блеску и впечатлению). Конечно, не с платьем.

Меня могли ранить, но со мной должно было случиться что-то гораздо худшее, прежде чем я решу отказаться от своих шпилек.

Странно, но, встав с кровати после того, как я надела туфли, с распущенными волосами, накрашенная, в платье, которое выглядело сексуально, но было удобным, возвышаясь на моих обычных каблуках, я почувствовала себя лучше, чем за последние недели.

Наконец-то я почувствовала себя самой собой.

Я закрыла свой чемодан, поставила его колесики на ковер и выкатила, идя по коридору с большей бодростью, чем когда-либо, крикнув:

— Ладно, с этим покончено. И я заметила, что у нас заканчивается виноградная фанта, так что по дороге домой мы должны заехать...

Я замолчала и остановилась как вкопанная, когда вошла в гостиную / столовую и увидела Бена в углу гостиной с рядом полок, которые я еще не успела разобрать и упаковать.

Он повернулся ко мне и замер, но я не заметила этого, потому что увидела, что он держал в руке — тяжелую, дорогую, красивую стеклянную рамку, в которой, как я знала, находилась моя фотография восемь на десять с семьей Бьянки на Рождество много лет назад.

Мы все столпились перед елкой. Приехала Карм с мужем и детьми, так что мы все прижались друг к другу, чтобы вписаться в кадр. Мэнни, Тереза и муж Карм, Кен, даже стояли на коленях, чтобы вместить нас всех.

Все так широко улыбались, что было нетрудно догадаться, что каждый из нас смеялся.

Мы и смеялись.

Фишка этой фотографии заключалась в том, что Винни-младший подхватил на руки маленькую дочку Карм, ее маленькая ножка прижималась к его груди, маленькая ручка лежала на его горле, его руки надежно и крепко прижимали ее к своему высокому телу.

Я осталась одна.

Я вспомнила то Рождество. Вспомнила, как делали эту фотографию. Вспомнила, что казалось совершенно естественным, что мы с Бенни пошли искать друг друга, мы и нашли. Уже не помню, кто из нас сделал этот шаг, он или я, но это было настолько естественно. Нас просто потянуло друг к другу.

Итак, на этой фотографии все прижимались друг к другу, я прижималась спереди к Бенни, мои руки крепко обнимали его за талию, голова лежала у него на плече. Одной рукой он обнимал меня за талию, другой крепко обнимал за плечи, и можно было увидеть, как его пальцы путались в моих спадающих волосах.

Если бы кто-нибудь посмотрел на эту фотографию, кто был не в курсе, то решил бы, что я принадлежу Бенни, а не Винни. Карм и Винни-старший стояли между нами. Меня и близко не было к Винни.

Зато я крепко прижималась к Бенни.

Это была единственная фотография Винни, которую я выставила на всеобщее обозрение. Фотография, на которой были изображены все Бьянки.

И я держала ее на полках в своей гостиной рядом с телевизором.

Это означало, что я видела эту фотографию каждый день.

Мои глаза метнулись к Бенни, и я начала:

— Я...

Больше я не вымолвила ни слова.

Если бы у меня хватило ума угадать, я все равно не смогла бы угадать, что прочитала в выражении его лица, когда он увидел эту фотографию.

Но когда я посмотрела ему в лицо, то поняла, что он думал не о фотографии.

И я отпустила ручку своего чемодана и успела отступить на три шага, когда он отложил фотографию в сторону и бросился на меня, действуя в соответствии с тем, что он задумал. Три шага, и он поймал меня, развернул, у меня не было выбора, кроме как прижаться к стене, потому что его тело пригвоздило меня к стене.

Я подняла глаза и увидела прямо перед собой его лицо, взгляд его глаз, от которого у меня внутри все сжалось так, как никогда в жизни.

— Бен...

Его руки потянулись ко мне, одна оказалась на моем бедре, другая — сбоку на шее, он прервал меня.

— Ты сейчас серьезно?

— Я...

Прорычал он, у меня от его рычания подкосились колени, когда он заявил:

— Потому что я сейчас серьезен.

Внезапно мне понравилось, что он серьезен, хотя до конца я не была уверена, о чем он вообще говорит.

— Малыш, — прошептала я, понятия не имея, зачем это сказала.

— Да, — прошептал он в ответ, его пальцы на обеих руках впились в меня, лицо приблизилось. — Ты сейчас серьезно.

И он поцеловал меня.

На этот раз никакого прикосновения губ. Он целовал. Пальцы впились в меня, губы открылись, язык проник внутрь, целуя меня.

Я даже не сопротивлялась. Ни одного протеста.

Нет.

Я пробовала горячее, сладкое великолепие Бенито Бьянки, чувствовала его руки на себе и запах его лосьона после бритья. Мои руки поднялись к его шее и скользнули вверх, погружаясь в его густые, фантастические волосы, и я прижала его к себе.

Когда я это сделала, Бенни так восхитительно переплел свой язык с моим, что у меня поджались пальцы на ногах в шпильках. Он запустил одну руку мне в волосы, а другой обхватил мою задницу, притягивая к себе.

Я прижалась ближе.

Бенни целовал меня сильнее.

Боже, он чувствовался так хорошо. Он был так хорош на вкус.

Я не целовалась с тех пор, как Бенни в последний раз подарил мне поцелуй.

Тогда я была пьяна, но до сих пор помню то ощущение, что это было очень хорошо.

Этот же поцелуй был лучше. Гораздо лучше. Слишком намного лучше. Слишком опасный.

И слишком удивительный.

Мне хотелось больше.

Поэтому я прижалась ближе и захныкала от этой потребности ему в рот.

Это привело к печальному результату: Бенни прервал поцелуй, его рука переместилась с моей задницы, обняв меня за талию, другой рукой, скользнув вниз, снова обхватив сбоку меня за шею. Он прижался своим лбом к моему.

— Господи, вот черт, — пробормотал он, и я открыла глаза, увидев, что его глаза закрыты.

Боже, он был прекрасен — так близко с закрытыми глазами, раздражал меня, был нежен со мной, защищал меня.

Всегда.

Я скользнула руками вниз, где могла прижать ладони к мышцам его шеи под ушами, продолжая держать пальцы в его потрясающих волосах.

Его глаза открылись.

Еще больше красоты.

— Я причинил тебе боль?

И больше красоты.

— Нет, — прошептала я.

— Это платье, детка, — прошептал он в ответ, объясняя поцелуй.

— Оно наименее сексуальное из тех, что у меня есть.

Его глаза снова закрылись, и он повторил:

— Господи, вот дерьмо.

Я буквально сошла с ума от его поцелуя, мне захотелось улыбнуться. Я чувствовала, как внутри борюсь с улыбкой, желающей вырваться на свободу. И я хотела ее выпустить, потому что было так чертовски приятно знать — единственное, что мне нужно было сделать, это надеть такое сексуальное платье, тогда могла бы заставить Бенито Бьянки потерять контроль.

Мысль явно была не совсем здоровой. Даже нерациональной, учитывая мое отношение ко всему, что касается нас с Бенни.

Но она у меня возникла.

Я отогнала свою мысль, но едва-едва.

— Ты сказал, что не поцелуешь меня до понедельника, — напомнила я ему, и его глаза открылись.

— Я не знал, что в воскресенье увижу это платье.

— Я не ношу джинсы, — поделилась я.

— Хочу сказать, tesogina, я хочу поцеловать тебя, даже если ты будешь в джинсах.

— У меня возникло тоже такое чувство, — пробормотала я, мой взгляд переместился на его губы.

— Детка, — позвал он, и я снова сосредоточилась на его глазах. — Эта фотография.

Этими двумя словами меня болезненно вырвали из моей зоны счастья — Бенни Бьянки только что поцеловал меня, и бросили в мою обычную зону. Зона, которая мне обычно не очень нравилась, но в данный момент я ее возненавидела.

Я опустила подбородок и прижалась лбом к его груди, говоря:

— Не надо.

— Ты была моей, даже когда принадлежала ему.

Он был прав, хотя даже не имело смысла.

Но я всегда любила Бенни. Мы были близки. Ладили. Из всей семьи Винни я была ближе всех к Бенни. Находясь рядом с ним, я чувствовала себя счастливой.

Я принадлежала Винни, но с каждой неделей, пока Винни делал всякие глупости, я отдалялась от него.

И я принадлежала Бенни. Потом, когда мы потеряли Винни, я облажалась, и он оттолкнул меня.

Я крепко зажмурилась и скользнула руками вниз по его груди, сжимая пальцами его футболку.

— Я должен это сказать. — Произнес он мне в волосы.

— Я не готова.

Его пальцы на моей шее слегка сжались.

— Это должно быть сказано, сага. Я понимаю, что ты сейчас уязвима. Этот поцелуй был как подарок... для нас обоих... но то, что я должен сказать, не об этом.

— Что ты хочешь сказать?

— Я злюсь на него.

Это было для меня таким сюрпризом, что я откинула голову назад и посмотрела ему в глаза.

— Что?

— На Винни. Я злюсь на него. Я потратил годы, злясь на тебя, пытаюсь заглушить свои чувства к тебе, но чувствую сейчас к нему злость. Я смотрю на эту фотографию... — Он покачал головой. — После того, как стало ясно, как я относился к тебе все это время, почему я так относился к тебе, чтобы не чувствовать того, что чувствую к нему прямо сейчас... Я смотрю на эту фотографию и чертовски злюсь, что он не почувствовал то, что чувствовал я в то Рождество, когда мы делали это фото — любящая семья, Рождество, счастье, смех — и я понимаю, что в его жизни было все, что ему было нужно на самом деле.

Я отпустила его футболку, и мои руки скользнули обратно вверх, обвившись вокруг его шеи, ненавидя каждое сказанное им слово, в то же время, но уже по другой причине, мне нравилось каждое им сказанное слово.

Он говорил. Честно. Выкладывал все прямо.

По моему опыту не многие мужчины способны признать свои ошибки, поделиться своими мыслями о своих чувствах, и уж точно не тем, что за ними стояло. Винни никогда не делился. Он все держал в себе. Никогда не разговаривал со мной о чем-то важном в жизни, а это означало, что я никогда не понимала, зачем он совершает глупости.

Бенни тронул меня... глубоко.

Если покопаться... то очень и очень глубоко.

— Бен, — прошептала я.

— Надо было надрать мне задницу за то, что я ничего ему тогда не сказал. Я ничего не сделал. Так что это означает не только, что я облажался и причинил тебе страдания, но и то, что я снова потерял его.

Я ухватила за него еще крепче и привстала на цыпочки, приблизившись к его лицу, прошептав, пока он говорил:

— Милый. Остановись.

— Как? — спросил он.

Я понятия не имела.

— Не знаю, — призналась я. — Но нет смысла злиться, Бенни. Его больше нет. Ты ничего уже не сможешь изменить.

— Я знаю, детка, но это не помогает.

— И что? — Продолжала спрашивать я. — Ты все понимаешь. Ты понял суть того, что изображено на этой фотографии — все, что тебе нужно в жизни. Винни не прошел этот урок, ты же никогда его не забудешь. Отстойно, что своей смертью он преподал тебе этот урок, Бен, но, по крайней мере, он привел тебя к таким мыслям, и ты не будешь отрицать, что это важно для тебя.

Он удерживал мой взгляд, его рука на моей талии скользнула вверх, он начал лениво поглаживать мой бок.

Это было приятно. Непринужденно. Естественно. Бенни.

А земля под моими ногами продолжала раскачиваться.

Но мне было наплевать.

— Ты сладкая с перчинкой и умная, — пробормотал он, слегка приподняв губы, его слова и кончики губ сказали мне, что тяжелый для него вопрос позади.

Я слегка пожала плечами.

— Это было замечательное Рождество, — тихо произнес он.

— Да, — согласилась я так же тихо.

— Скучаю по тем твоим печенькам, которые ты всегда готовила, по тем, в которых тесто напоминает «Поцелуй Херши». (*Шоколадные конфеты Hershey's Kisses («Поцелуй Херши») производятся с 1907 года. – прим. Пер.*)

— Снежки с шоколадной начинкой.

— Ага.

Ага.

О да.

Я знала, что они ему нравятся. Знала, потому что стоило мне сказать, что я собираюсь их печь, он тут же оказывался рядом, сидел на табурете у стойки, обсуждал со мной разную чепуху, пока я их готовила. А также поглощал их буквально из духовки, как только я заканчивала обсыпать их сахарной пудрой и выкладывала на блюдо.

И я сразу поняла, что именно поэтому я и готовила свое печенье каждый год.

Две партии.

Иногда три.

Видно, я еще тогда хотела попасть в ад.

— Мы связаны, — сообщил он очевидное.

— Знаю.

— Я хочу, чтобы мы были больше связаны, детка.

— Знаю, — тихо повторила я.

— Вот так ответив на мой поцелуй, ты хочешь меня убедить, что не желаешь того же, что и я?

Я закрыла глаза и снова опустила подбородок, прижавшись лбом к его груди.

Бенни продолжал смотреть на меня.

— Я понимаю, сага, что оказываю на тебя давление, но серьезно.

— Мы можем поговорить об этом завтра за ужином?

Он молчал какое-то время.

Поэтому я вздохнула с облегчением, когда он обнял меня и сказал:

— Да.

Я откинула голову и снова скользнула руками вниз по его груди.

— Они скоро уже приедут, нам нужно купить фанту.

— Детка, они едут из Браунсбурга с двумя девочками-подростками. Подростки не встанут с постели в воскресенье ни свет ни заря, а сюда четыре часа езды. Они будут здесь не раньше полудня, самое раннее. У нас есть полтора часа, по крайней мере.

Я почувствовала, как мои брови сошлись вместе.

— Кэл разве не написал тебе и не сообщал, когда они выехали?

Мой вопрос вызвал у него широкую улыбку, показав белоснежные зубы. Они были великолепны. Его глаза потеплели от смеха, мне так нравилось.

Впервые увидев его обворожительную улыбку вблизи, у меня не оставалось выбора, кроме как обхватить его руками за талию, так и держаться за него.

— Не уверен, что Кэл любит писать смс-ки, Фрэнки. Более того, я совсем не уверен, что Кэл способен кому-то сообщить, что они выехали.

— Ему придется научиться этому. В его жизни появилась женщина.

Его улыбка оставалась белоснежной и великолепной, даже когда я почувствовала, что земля уходит из-под ног, я все равно продолжала наслаждаться его улыбкой вблизи.

— Не думаю, — заявил он. — Не уверен, что Кэл способен спрашивать у кого-либо что ему следует сделать, если только этот кто-то не находится в его постели и ему нравится то, что она ему там делает.

Мой взгляд переместился к его уху.

— Скорее всего, это правда.

Бен сжал меня в объятиях и вернул мое внимание.

— Ты собрала все, что тебе может понадобиться в этот чемодан? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Сейчас самое время взять все самое необходимое, детка, пока мы здесь.

— Я все взяла.

— Хорошо, — сказал он, затем наклонил голову. Я затаила дыхание и продолжала задерживать его, пока его губы касались моей шеи.

Я также продолжала хвататься за него, это было необходимо, чтобы устоять на ногах.

Но мне все-таки пришлось разжать свои руки, когда он отпустил меня. Он отодвинулся, но поймал меня за руку, взялся за ручку чемодана и потащил меня к двери, говоря:

— Когда мы приедем домой, я освобожу ящик в ванной комнате для тебя.

Мои глаза уперлись в потолок.

«Господи, надеюсь, ты это слышишь, — безмолвно молилась я. — Это идея Бенни, не моя.»

Бен продолжал говорить:

— И в комод в спальне.

Моя рука дернулась в его.

Он проигнорировал мое дерганье и вывел меня за дверь.

* * *

Скорее всего я самолично решила ускорить свое путешествие в ад, потому что полтора часа спустя я свернулась калачиком на боку на диване Бенни, положив голову ему на бедро. Бенни же сидел на диване, положив ноги на кофейный столик, и смотрел игру по телевизору.

Кстати, по телевизору с восьмидесяти дюймовым экраном.

Восемьдесят.

Эта штука была такой огромной, что занимала почти всю боковую стену его гостиной.

А объемный звук соперничал с кинотеатрами.

Несмотря на объемный звук мы слышали, как Тереза хлопотала на кухне.

Когда я была с Винни, я поняла одну вещь — Тереза готовила не потому, что хотела, чтобы ты оторвала свою задницу и помогла ей. Нет. Она не хотела, чтобы кто-то маячил рядом, путаясь под ногами, пока она готовила или потом все убирала. Не хотела никаких помех или отвлечений, потому что только она могла готовить так, как готовила только Тереза, как ей нравилось. Если же пытались помочь, ее настроение тут же портилось.

А плохое настроение Терезы становилось плохим настроением для многих.

Так что, если бы меня не подстрелили в лесу пару недель назад, и Тереза хлопотала бы на кухне, я бы все равно осталась лежать на диване в гостиной.

Несмотря на то, что я лежала внизу на диване с головой на бедре Бени, я все еще надеялась, что Бог не оставил меня, потому что не я выбрала и улеглась в таком положении. А Бенни. Когда я запротестовала очередной раз, он пробормотал:

— Тихо.

Мне казалось, что такая поза не совсем правильная — лежать, положив голову ему на бедро, никогда. Определенно не тогда, когда в его доме находятся его родители, после того, как я добровольно ответила на его поцелуй.

Также я подумала, что это было не совсем правильным поступком — вступать с ним в спор, как я хочу лечь, с его родителями в доме.

Мы появились на пороге дома час назад. Когда мы вошли через заднюю дверь, его родители были на кухне — Винни сидел за столом и пил кофе; Тереза сутилась вокруг множества пакетов с продуктами на столе, пакетов, о содержимом которых я понятия не имела, куда она собирается положить все эти продукты, учитывая, что холодильник Бенни был явно полон.

Винни набросился на привезенные нами пончики, будто у него не было вкусного завтрака, который всегда готовила Тереза перед тем, как пойти с Винни в церковь.

Тереза выпроводила нас почти в ту же минуту, как только мы вошли в дверь, и определенно в ту секунду, когда Бенни выложил коробки с пончиками на столешницу.

Вскоре после этого я обнаружила, что развалилась с Бенни на диване.

В конце концов, его джинсы были из мягкой ткани, бедро твердым, поэтому я сказала себе, что буду вести себя вежливо (из-за его родителей) и устрою ад Бенни позже.

Но на самом деле мне просто нравилось лежать на его бедре, рядом с ним на диване.

— Бен, мама хочет знать, где твоя форма для запекания, — сказал Винни-старший, и я перевела взгляд на край дивана (но не оторвала голову от бедра Бенни), заметив, отца Бена на пороге гостиной.

— У меня нет формы для запекания, — ответил Бенни.

Винни посмотрел в сторону двери, которая вела в фойе, пробормотав:

— Это кончится не слишком хорошо.

— Она хотела готовить, ей следовало принести нужную посуду, — отметил Бенни. — Я собирался заказать барбекю на вынос.

Взгляд Винни вернулся к сыну, и он прошипел:

— Господи, говори тише, чтобы она не услышала то дерьмо, о котором ты говоришь.

— Почему? — спросил Бенни.

— Потому что семья собирается. Парень, ты же знаешь, что нельзя подавать барбекю на вынос, когда приходит семья.

— Я одинокий парень, пап. Им повезло, что я вообще подумал о том, чтобы их накормить, — ответил Бенни, и я не смогла сдержаться, мое тело начало трястись от сдерживаемого смеха.

Почувствовав мой смех, рука Бенни, лежавшая на моей талии, сжалась.

— Иди на кухню и помоги ей найти какую-нибудь посуду, чтобы она смогла использовать ее для приготовления лазаньи, — приказал Винни.

— Пап, у меня ничего нет, что мама смогла бы использовать для приготовления лазаньи, — ответил Бенни.

— Тогда тащи свою задницу в магазин и купи то, что она сможет использовать для приготовления лазаньи, — продолжал давить Винни.

— Этого дерьма просто не случится, — прорычал Бен.

Мое тело начало трястись сильнее.

— Винни! — крикнула Тереза из кухни. — Я приготовила уже лапшу! Где форма?

— У Бена ее нет! — крикнул в ответ Винни.

— Что?! — на грани визга закричала Тереза. — Я приготовила лапшу! Что мне теперь делать с лапшой, соусом и сыром, если нет формы?

Я подняла руку, обхватила бедро Бенни, уткнулась в него лицом и фыркнула.

— Господи, черт побери, я схожу в магазин, — раздраженно пробормотал Бенни. Я почувствовала, как напряглись мышцы его бедер, готовясь встать, даже когда почувствовала, как его рука скользнула к моей шее сзади, не вербально сообщив, что он встает.

Я подняла голову и посмотрела на него, улыбаясь, как дура.

Он не улыбался.

— Хорошо, что тебе весело, детка, но это дерьмо совсем несмешное, — заявил он сразу после звонка в дверь.

Я повернула голову и устремила взгляд вверх спинки дивана.

— Они уже приехали! — Завизжала из кухни Тереза.

Я потеряла опору в виде бедра Бенни, затем потеряла опору дивана, когда Бенни поднял меня и поставил на ноги на мои шпильки.

Мы обернулись, и я увидела, как Винни уже стоит у двери с широкой улыбкой на лице, открывая ее.

Бен взял меня за руку и повел к двери, появилась Тереза с поднятыми руками и криком:

— Доброго времени суток!

Я услышала:

— Дядя Винни! Тетя Тереза! — закричали в ответ девочки-подростки, но я их еще не видела.

Мы с Беном добрались до фойе и ждали там целых три минуты, пока Тереза протискивалась на крыльцо, брала в ладони лицо каждого из приехавших, двигая головой взад-вперед, целуя, прежде чем их всех пригласили пройти в дом, чтобы пожать руку (Кэл) или обнять (Вай и девочки) Винни.

Я наблюдала, как Кэл принимал поцелуи Терезы так, словно предпочел бы сразиться с аллигатором. Но Вай ответила на ее поцелуи и объятия, а великолепные дочери Вай вели себя так, словно фирменное драматическое приветствие Терезы было наслаждением, которого они никогда не испытывали.

Девочки ворвались в фойе, практически сбив с ног Кэла и их мать, бросившись к Бенни, закричав:

— Бенни!

Он отпустил меня как раз вовремя, получив удар от них обоих, когда со всего маха они врезались в него. От их натиска он отступил на шаг, удержал равновесие и обнял, что-то бормоча, я не расслышала, потому что была полностью поглощена этой сценой.

Это было потому, что что-то в этом мне очень понравилось. Было прекрасно наблюдать, как Бен проявляет нежность к великолепным дочерям Вай, просто ослепительно.

Но у меня сложилось впечатление, что Вай и Кэл, особенно Вай, были относительно новичками в большой итальянской семье, поэтому удивилась, как девочки так быстро подружились со всеми.

— Привет. — Услышала я.

И повернула голову, увидев Вай вблизи, совершенно забыв, что наблюдала за ослепительным зрелищем Бенни Бьянки, воркующим с двумя молодыми девушками.

— Привет, — ответила я, глядя в глаза Вайолет.

Я не вспоминала, просто думала о ее визите, ждала с нетерпением встречи с ней, будто она была моей близкой подругой, находившейся от меня в нескольких часах езды, поэтому мы не часто выпивали с ней коктейли каждую пятницу вечером, просто планировали встречи на особые случаи.

Глядя ей в глаза сейчас, впервые увидев ее в нормальных обстоятельствах, меня вдруг осенило, что в последний раз, когда я видела ее, Дэниел Харт приставил пистолет ей к голове. Все то время, пока мы были вместе, нашим жизням угрожала серьезная опасность или мы спасались бегством.

Вместе.

Она не бросила меня, когда, вероятно, это было бы благоразумно.

И я не оставила ее, когда, вероятно, это было бы благоразумно.

Мы держались вместе.

И мы прошли.

Глядя в ее прекрасное лицо в фойе дома Бени, я почувствовала, как нахлынули эмоции, видя ее наворачивающиеся слезы на глаза. А потом мы оказались в объятиях друг друга, прижавшись друг к другу так чертовски крепко, что я уткнулась ей в шею, а она — в мою.

— Прости, — плакала я ей в шею, мой голос звучал хрипло и сдавленно, приглушенный ее волосами.

— Нет, это ты прости, — всхлипывала она мне на ухо таким же голосом.

— Я была идиоткой, — сказала я ей, крепко обнимая и все еще плача.

— Я была полным придурком, — сказала она мне, крепко обнимая и тоже все еще плача.

— Нет, ты не была, — всхлипнула я.

— Ты тоже не была, — всхлипнула она в ответ.

— Господи. — Услышала я, как пробормотал Кэл.

— Заткнись, Джо, — огрызнулась Вайолет, но сказала в мою шею, не отходя от меня ни на дюйм.

Мы крепко держались друг за друга.

Со своей стороны, я держалась, потому что с ней было хорошо. Она чувствовалась такой живой.

И мы прошли через это.

Внезапно тело Вай дернулось, и она спросила:

— Я не делаю тебе больно?

Я подняла голову, она подняла свою, и мы встретились взглядами.

— Со мной все в порядке, — прошептала я.

— Я рада, — прошептала она в ответ, и я поняла, что она имела в виду, рада, что со мной все в порядке, не только в том, что я терплю ее объятия.

Я улыбнулась ей. Она улыбнулась в ответ.

Увидев ее улыбку, я почувствовала, что лицо снова начало сжиматься, но я справилась и встряхнулась.

— Ты в порядке? — Спросила я.

— Безусловно, — ответила она, затем спросила: — Хочешь познакомиться с моими дочками?

— Конечно, — ответила я.

Ее улыбка вернулась, продолжая удерживать меня одной рукой, она развернула нас к своим дочерям. Я провела рукой по лицу, когда увидела, что одна ее дочь повисла на Кэле. Другая на Бенни. Обе смотрели на свою мать и меня, и обе пары глаз были влажными.

— Кейт, Кира, идите сюда и познакомьтесь с Фрэнки, — произнесла она.

Они осторожно продвигались вперед, несомненно, зная, что я все еще окончательно не поправилась.

Я выбросила свободную руку, они подошли намного быстрее, но не сбили меня с ног.

Я так поняла, что старшая Кейт, добралась до меня первой. Вай отпустила свою руку, чтобы ее дочь смогла слегка меня обнять и сказать мне на ухо:

— Приятно познакомиться.

Когда она хотела уже убрать свою руку, я крепче ее обняла и сказала:

— Мне тоже, милая.

Она повернула голову, посмотрела мне в глаза, и ее губы задрожали, но она сдержалась и улыбнулась.

Я отпустила ее, за ней последовала Кира.

Ее объятие было таким же легким, но я поняла, что все закончится слезами, когда она сказала мне на ухо:

— Спасибо, что позаботились о Мамалючис.

Затем ее руки дернулись, и она потеряла самообладание.

Я крепче ее обняла, и мои глаза переместились на Бенни, наблюдавшим за нами с теплотой и напряжением, от его взгляда у меня перехватило дыхание, если бы Кира позволила мне дышать.

Я оторвала взгляд от Бена, повернула голову и прошептала ей на ухо:

— Всегда пожалуйста, детка.

Тело Киры содрогнулось от рыданий.

Кейт прижалась к своей маме, и я услышала, как она всхлипнула. Поэтому поймала ее взгляд и улыбнулась ей.

Она снова взяла себя в руки и улыбнулась мне в ответ.

Внезапно Кэл оказался рядом, его рука обвилась вокруг шеи Киры сзади, и он спросил нежным, тихим голосом, которого я никогда в жизни от него не слышала:

— Не хочешь меня пустить к Фрэнки, Кири? — Его голос был таким красивым, если бы Кира снова позволила мне вздохнуть, его голос бы заставил меня задержать дыхание.

Она резко отпустила меня, как будто ей стало неловко, кивнула и вытерла мокрое лицо.

Вай обняла ее и прижала к себе, а Кэл — меня. Он обнимал не крепко, но своими объятиями он многое сказал, и я почувствовала, как опять стала терять самообладание.

Поэтому судорожно вздохнула, но сдержалась, Кэл отстранился, посмотрел на меня сверху вниз и спросил голосом, предназначенным только для меня:

— Как ты?

Я поняла, что он имел в виду.

— Думаю, мне стоит избавиться от этих каблуков, — ответила я, потому что все эти объятия были великолепны, но они не очень хорошо сказывались на моей ране.

Затем Кэл, лучший друг в мире Винни-младшего, сделал нечто странное.

Он отпустил меня, оставив руку у меня на поясице, после чего мягко, немедленно и твердо подтолкнул меня прямо к Бенни, тихо сказав:

— Ей необходимо сесть.

Бенни тут же заявил на меня права, обняв за талию, повернул меня в сторону гостиной и ввел нас внутрь, сказав:

— Располагайтесь.

Компания последовала за нами, но я не видела, как они шли за нами, потому что Бенни усадил меня в угол дивана и мгновенно наклонился, одной рукой держась за сиденье рядом со мной, другой за подлокотник, его лицо было в дюйме от моего.

— Принести таблетку? — Спросил он.

— Нет, я справлюсь. Может, станет лучше, если я не буду реветь.

Его голова немного откинулась назад, глаза скользнули по моему лицу, и он сказал:

— Хорошо. Если тебе что-то понадобится, попроси папу или маму.

Я кивнула.

— А теперь мне нужно сходить в магазин и купить эту чертовую форму для запекания.

Я почувствовала, как мои губы дрогнули, прежде чем снова кивнула.

Он увидел, как изогнулись мои губы, прежде чем снова заглянуть мне в глаза, ухмыльнулся и подмигнул.

Затем исчез.

Но его ухмылка и подмигивание остались, и я обнаружила, что боль стала затухать.

Ухмылка и подмигивание Бенни Бьянки были лучшим лекарством, которое могла получить девушка.

* * *

— Школа потрясающая, самое лучшее в ней — это Джаспер Лейн.

Это произошло после лазаньи, которую Тереза подала на обеденный стол Бенни после того, как провела почти все время, пока готовилась лазанья в его столовой, убирая со стола то, что выглядело как трехлетней давности почта, и атаковав старомодный, определенно потертый восьмиместный стол полиролью «Пледж».

Мы находились в гостиной. Вай не знала, что ей следует оставить Терезу одну, пребывала на кухне с матерью Бенни, помогая ей мыть посуду.

Я вернулась на диван, снова села, но не на угол. Бенни сидел там, я прижалась к нему, он обнял меня. Кейт сидела на другом конце дивана. Винни-старший сидел в кресле Бена. Кэл сидел в другом кресле. Кира сидела на полу и единственная говорила без умолку.

Я краем глаза наблюдала за Кэлом, который совершенно открыто смотрел на Бенни и меня, прижавшихся к краю дивана. На его губах играла легкая улыбка, в глазах горел теплый огонек юмора, и появилось понимающее выражение на лице.

Я не понимала этого выражения. Он и Винни-младший были одного возраста, они были очень близки, как братья. Он пытался отговорить Винни от работы на Сэла, но оказался один из немногих, кто готов был принять Винни таким, каков он был. Вот какие тесные были у них отношения. Ему не нравилось, что Винни был в команде Сэла, но он не собирался из-за этого ставить крест на их дружбе.

И то, как Бенни обнимал меня, явно не по-братски, мне казалось, что это должно было Кэла разозлить или, по крайней мере, встревожить.

Очевидно, что это было не так.

Ему это явно нравилось.

И это было очень странно.

Странно, но Винни-старший тоже никак на это не отреагировал.

Отчего я почувствовала себя неудобно, плюс те мысли, которые роились у меня в голове, не говоря уже о том, что в доме было полно людей, у меня не было времени разобраться почему.

— Джаспер Лейн такой горячий, в этом нет никаких сомнений, но он также и игрок.

Это исходило от Кейт, и в тот момент, когда она произнесла эти слова, Кэл перестал понимающе ухмыляться на Бенни, который переплел свою ногу с моей, что было приятно, хотя понимала, что не должна этого допускать (хотя и допускала, стремясь определенно заработать билет первого класса прямым в ад), его внимание переключилось на Кейт.

— Ничего подобного, — отрезала Кира.

— Абсолютный игрок, — заявила Кейт.

— Нет! — Голос Киры повышался.

— Кира, у него уже было три подружки, а мы учимся в школе примерно месяц, — заявила ей Кейт.

Я перестала тайно наблюдать за девочками и начала прислушиваться и пялиться на них, открыто ухмыляясь (широко), когда мрачный, защищающий, отцовский взгляд появился на лице Кэла.

Он любил Вайолет. Я поняла это, когда он сделал все возможное и сотворил чудо, нашел нас у черта на куличках в лесу и убил человека, чтобы спасти ее.

Он также любил ее дочек.

И мне это нравилось.

— Поэтому он ищет очередную дуру, — парировала Кира.

— Он кого-то ищет, — пробормотала Кейт.

— Никакого Джаспера Лейна, — постановил Кэл, и я увидела, как Кира бросила взгляд на Кэла.

— Джо! — закричала она.

— Никакого Джаспера Лейна, — повторил он.

Я почувствовала, как Бенни сжал меня в объятиях, и посмотрела на него, заметив широченную улыбку, обращенную на своего двоюродного брата.

Мое внимание вернулось к девочкам, когда Кира воскликнула:

— Он милый!

— Он вне досягаемости, — объявил Кэл.

— Джо! — громко повторила она.

Кэл хмуро посмотрел на нее. Потом я перестала ухмыляться, открыто начала пялиться на него, когда увидела нечто необычное.

Я не могла поверить собственным глазам, что такое возможно.

Но это происходило.

Он сдался.

— Сколько ему лет? — спросил Кэл.

— Он десятиклассник, — ответила Кира (Кира, кстати, училась в девятом классе).

— Подожди, пока ты подрастешь, он подрастет, тогда посмотрим.

Я наблюдала, как Кира несколько секунд изучала своего «Джо». Затем увидела, как ее лицо смягчилось, глаза загорелись. Именно тогда я поняла, что она обвела вокруг пальца большого, сильного мужчину Джо Каллахана.

Должно быть, поэтому она сказала гораздо спокойнее и определенно ласковее:

— Хорошо, Джо.

— Тебе следует знать, что это забавно, — вставил Бенни в этот момент.

— Заткнись, — прорычал Кэл.

Бен хихикнул, я хихикнула, Винни-старший откровенно рассмеялся.

Лицо Кэла приняло еще одно мрачное выражение, на этот раз раздраженное, поэтому я перестала хихикать и посмотрела на Киру.

— Иногда это самое лучшее, — поделилась я своей женской мудростью.

— Что значит самое лучшее? — спросила она меня.

— Неуправляемость и подростковый максимализм. Позволяешь взрослым немного выпустить пар, и берешь их в оборот, когда они почти ручные. Это лучше всего, — сказала я ей, и рука Бенни напряглась, но на этот раз не ослабла.

— Ручные звучит как-то не весело, — заметила Кира. Кэл громко вздохнул, и я улыбнулась, но только для того, чтобы не рассмеяться.

С девочками-подростками Кэлу предстояло многое решать, уговаривать и улаживать, я подумала, что со стороны понаблюдать за этим будет весело.

— Это не то ручное приручение, а несколько в другом смысле, — объяснила я. Она выглядела смущенной, поэтому я продолжила. — Я просто хочу сказать, послушай Кэла. Возможно, ты сейчас не поймешь, потому что молода, но потом все встанет на свои места. Он хочет быть уверен, что ты постепенно будешь учиться жизни, а значит пойдешь не по трудному пути.

— Верно, — прошептала Кира, глядя на меня, на Кэла и впитывая мою женскую мудрость, как губка.

— Итак, — произнесла Кейт, и я посмотрела на нее. — Это как если бы Джо был Одиноким Волком, а потом Моуди и мы оказались с ним, он все еще горяч и крут, но теперь ему больше приходится думать о нас.

— Что-то вроде этого, — ответила я, улыбаясь ей в ответ.

— Одинокий волк?! — спросил Бенни.

— Заткнись, — прорычал Кэл.

Я снова хихикнула.

— О чем вы говорите? — спросила Тереза, и я посмотрела через спинку дивана, она и Вайолет присоединились к нам.

— Кое-что, о чем мы больше не говорим, — ответил Кэл.

Я широко улыбнулась Вай, Кейт встала с дивана, чтобы сесть на пол с сестрой, а Тереза могла сесть на угол дивана. Вайолет втиснулась рядом со мной.

Как только она это сделала, схватила меня за руку и не отпускала.

Я положила наши руки себе на бедро и прижала крепче.

— Я приготовила канноли, а Бенни купил столько пончиков, что их хватило бы на целую армию. Кто-нибудь в настроении съесть что-нибудь сладкое? — спросила Тереза.

— Я! — закричала Кира.

— И я! — воскликнула Кейт, уже поднимаясь на ноги.

Тереза, едва успев присесть, снова встала.

— Пойдемте приготовим кофе и принесем сладкое.

— Я бы не отказался от кофе и чего-нибудь сладкого, — пробормотал Винни-старший, поднимаясь с кресла и следуя за ними.

— Бен, на пару слов, — произнес Кэл.

Я почувствовала, как Бенни напрягся рядом со мной. Посмотрела на него и увидела, что он пристально смотрит на своего двоюродного брата. Затем он кинул взгляд на меня, и его взгляд смягчился.

— Скоро вернусь, сага, — тихо произнес он.

— Хорошо, — ответила я.

Он осторожно отодвинулся от меня и встал на ноги.

Мужчины ушли, я посмотрела на Вай.

— Не знаешь, о чем они решили поговорить? — Спросила я.

Вайолет смотрела поверх дивана, наблюдая за уходящими мужчинами, но на мой вопрос ее взгляд остановился на мне.

— У Джо явно что-то на уме. К сожалению, он не поделился со мной.

Я посмотрела поверх дивана и увидела, они вышли на крыльцо. Другими словами, там, где никто их не мог подслушать.

Я снова перевела взгляд на Вайолет.

— Все нормально?

Она кивнула.

— Полиция обнаружила кровавую бойню, оставленную Хартом в его доме у озера. Он выстрелил в тебя. Оружие Джо и Бенни было зарегистрировано. Копы были в курсе, что нас похитили, и они все знали о Харте и его одержимости мной. Итак, в конце концов, они не выдвинули против Джо обвинений в том, что он проделал дыру у него в голове. И, очевидно, ты в курсе, то же самое с Бенни за то, что он выстрелил ему в живот.

Я все это знала. Сэл объяснил мне в больнице.

Поэтому я уточнила:

— Нет, я имею в виду тебя, девочек, эту историю. — Я наклонилась ближе. — Они прекрасны, Вай, — сказала я мягко. — Такие милые. Удивительные. Но они кажутся...

Она сжала мою руку.

— Они потеряли отца, потом своего дядю и почти меня и Джо из-за Дэниела Харта. Они цепляются за семью, потеряв самых дорогих им людей. Джо и я следим за этим, но я думаю, что лучше, если они будут цепляться за любовь, а не разыгрывать ее.

— В этом ты права, — ответила я.

Она склонила голову набок и приподняла брови.

— А ты и Бенни?

— Долгая история, — пробормотала я, и она ухмыльнулась.

— Вы двое хорошо смотрите вместе.

Я открыто поймала ее взгляд.

— Я также хорошо смотрелась с его братом.

Она выдерживала мой пристальный взгляд в течение долгих секунд, прежде чем осторожно спросила:

— Он тебе нравится?

— Он куратор местной Малой лиги.

Ее губы дрогнули, и она пробормотала:

— Он тебе нравится.

— Он также брат моего покойного парня, — отметила я в гребаный миллионный раз за три дня.

Она оценила выражение моего лица и заметила:

— Чувствую, ты не хочешь говорить на эту тему.

— Поскольку Бен ясно дал понять, что он думает по этому поводу, это практически единственное, о чем я думаю, о чем мы говорим, и говорю я об этом еще кое с кем. Так что да, мне бы не помешал перерыв.

Вайолет кивнула.

— Точно. Если тебе когда-нибудь понадобится обсудить эту тему с кем-то, кто просто выслушает, или тебе когда-нибудь понадобится рассказать об этом кому-то, кто просто выслушает, или ты когда-нибудь захочешь просто поболтать, позвони мне. Хорошо?

Это было так мило, что я ухмыльнулась, заявив:

— Я чувствовала, что ты просто космос.

Она ухмыльнулась в ответ и ответила:

— А я знала, что космос — это ты, когда взломала то окно, чтобы мы смогли сбежать.

Я пожала плечами.

— Я подумала, что раз Харт расстреливал людей в другой комнате, нам пора было сматываться от туда.

Она начала хихикать и сквозь смех произнесла:

— Ты была так права.

Я тоже начала хихикать, и мы смеялись какое-то время, пока не успокоились, наши глаза были прикованы друг к другу, а наши руки крепко сжимались.

— Ты уже ходишь, разговариваешь, выглядишь великолепно, спишь хорошо? Или сидишь на таблетках? — спросила Вай шепотом.

— Одна хорошая вещь, Бенни забрал меня из больницы, у меня действительно не было возможности как следует взбеситься из-за всей этой истории с Хартом. Но мы с тобой здесь, а он нет, так что в конце концов все получилось.

— Да, — согласилась она.

— А ты? — Спросила я.

— У меня есть Джо, — ответила она, и я улыбнулась. У нее был Кэл. Кэл овладел ею. И, очевидно, это было единственное, что ей было нужно.

— Ты ему очень подходишь, — сказала я ей.

— Мне с ним очень хорошо, — ответила она.

Отличный ответ.

— Он любит твоих дочек, — добавила я.

— Они его обожают, — заявила мне она.

Еще один отличный ответ.

— Спасибо, что сделала его счастливым, — прошептала я.

— Милая, это было не трудно, — прошептала она в ответ.

Мы снова улыбнулись друг другу. Затем, будучи женщинами и, следовательно, склонными совершать безумные поступки без всякой причины, расхохотались.

* * *

Несколько часов спустя, когда все разъехались, я вышла из ванной в еще одной сексуально милой ночной рубашке от Джини и увидела Бенни с босыми ногами, в футболке и джинсах, растянувшегося на кровати.

Его взгляд остановился на мне, прошелся по моему телу, и он пробормотал:

— Господи.

Отчего я почувствовала себя просто потрясающе и в то же время раздраженно.

— Ты мог бы избежать пыток, и посмотреть телевизор вниз, — заметила я.

Его глаза поднялись к моим.

— Мог бы.

Это было все, что он сказал.

Я вздохнула, подошла к халату в ногах кровати, надела его, завязала пояс и забралась в постель.

Бенни лежал на этой кровати, и мне следовало бы закатить истерику по этому поводу, но мне хотелось поскорее лечь под одеяло. Сегодня был важный день с большим количеством объятий, перемещений и сидений. Мне было приятно все это делать. Но станет легче, когда я лягу. Было не совсем поздно, но это не означало, что мое тело не требовало отдыха.

Я перевела взгляд на телевизор, Бенни листал программу передач по телевизору, как мужчина, стоящий перед холодильником, не обращая особого внимания на продукты, не понимая, чего он конкретно хочет, ему не нравится то, что он видит, и он готов так стоять перед холодильником в течение следующего получаса, думая, что волшебным образом появится что-то, что он вдруг захочет съесть.

— О чем вы говорили с Кэлом? — Поинтересовалась я.

— Он хотел убедиться, что у тебя все хорошо, — ответил Бен, глядя в телевизор.

— Он мог бы спросить меня об этом, — указала я, глядя на Бена.

— Он не спросил тебя. А спросил меня. — Я и так это уже поняла.

— И вам потребовалось выйти на крыльцо, где никто не мог вас услышать? — Продолжила я.

— Да, на крыльцо, где никто не мог услышать, — заявил Бен, и это не показалось мне потрясающим. Наоборот еще больше раздражало.

— Бенни! — огрызнулась я, и он посмотрел на меня.

— Спрашивай то, что ты хочешь спросить, детка, — мягко произнес он, читая меня и зная, что я люблю ходить вокруг да около.

Так что я перестала ходить вокруг да около.

— У Кэла, похоже, появилась идея о нас с тобой, — заметила я.

— Не появилась, так как он неоднократно говорил мне, после того, как это дерьмо произошло с Хартом, чтобы я наконец вытащил голову из задницы и разобрался с тобой и с собой.

У меня отвисла челюсть.

Я захлопнул ее, чтобы заявить:

— Нет никаких «ты и я».

Его глаза скользнули по мне в его постели, остановились на моих глазах, и он тихо сказал:

— Детка.

Вот черт.

— Мы поговорим об этом завтра, — напомнил он мне. — Прямо сейчас могу сказать, что у тебя был длинный день, тебе нужно отдохнуть.

В этом он не ошибся. Он был внимательным, все подмечающим.

Еще одна хорошая черта в Бенни.

— Иди сюда, — приказал он.

— Мне и здесь хорошо, — откатила я, переводя взгляд на телевизор.

— Фрэнки, иди сюда, — позвал он.

Я посмотрела на него.

— Мне и здесь хорошо, Бенни.

— Детка, — твердо заявил он, но больше ничего не сказал.

— Мне тут удобно.

— Иди сюда, — сказал он еще раз.

— Бен, мне хорошо здесь.

— Иди сюда.
Я прищурилась.
— Ты это серьезно?
— Франческа, иди... сюда.
— Ты будешь повторять, пока я не придвинусь? — огрызнулась я.
— Да, — ответил он.
— Ты так раздражаешь, — заявила я ему.
— Иди сюда.
— Еще больше раздражаешь.
— Иди сюда.
Я свирепо посмотрела на него, сообщив:
— Мне хочется ударить тебя подушкой прямо сейчас.
— Иди сюда.
— Бенни! — крикнула я.
И я больше уже не лежала на своей стороне кровати.
А была плотно прижата к Бенни на его стороне кровати.
Это было приятно. Естественно. И правильно.
Я стиснула зубы.
Затем разжала, чтобы сказать:
— Ты чертовски раздражаешь.
— А ты в некотором роде миленькая.
Я снова стиснула зубы.
Бен остановился на каком-то телевизионном шоу, действие которого происходило в тюрьме.
— Я не буду смотреть тюремные сериалы, — заявила я.
Бен ничего не сказал, не переключил канал.
— И военные шоу тоже, — бессмысленно продолжила я.
Бен не пошевелился, канал остался прежним.
— Бен, найди что-нибудь другое, — приказала я.
— А, пожалуйста? — произнес он единственное слово как требование.
Я подняла голову с его груди, глянув на него.
Он ухмыльнулся мне.
Затем протянул мне пульт дистанционного управления.
Да, Бенни Бьянки, мужчина — настоящий мужчина передал мне пульт.
К его телевизору!
Еще одна хорошая черта в Бенни.

6

Любовь никогда не ошибается

— Спасибо, детка, и еще раз, не беспокойся, что не придешь завтра.
Это было на следующее утро. Я стояла у входной двери дома Бенни, Ашика вышла на крыльцо. Я приняла душ, готова была встретить новый день и отпустить ее с дежурства в душе.
— Уверена? — Спросила она.

— Вчера мне было уже лучше, сегодня еще лучше, — напомнила я ей.

— Ага, — ответила она. — И все же, если я тебе понадобится, просто позвони.

Моя Ашика. Потрясающая.

— Что мне нужно сделать, так это купить тебе билеты на Ашера, когда он в следующий раз будет выступать в Чикаго.

Ее глаза стали огромными.

— Подруга, ты же знаешь, что будет нехорошо, если я с этим мальчиком буду находиться в одном здании, даже если это здание — стадион.

Я знала, что Ашике нравилось его улыбочное личико. И более важная вещь этот мужчина умел двигаться на сцене.

— Хорошо. Чтобы Ашер не вынес тебе судебный запрет, я найду что-нибудь другое, — ответила я ей.

На этот раз ее глаза стали ласковыми, прежде чем она произнесла:

— Знаю, что с моей стороны было бы глупой тратой времени, пытаться тебя отговорить от чего-то. Но хочу прояснить, ты мне ничего не должна.

— Я знаю, — ответила я.

— Хорошо, — прошептала она.

Моя Ашика. Такая потрясающая.

Я воздержалась, не стала обнимать ее, потому что скорее всего бы расплакалась, а я только что сделала макияж.

Она ухмыльнулась мне.

— Держи меня в курсе, что у тебя с ним происходит, — приказала она, кивнув в сторону коридора позади меня, имея в виду Бенни.

— Как только верну свой телефон, обязательно все расскажу, — пообещала я.

Она продолжала ухмыляться и сказала:

— Пока, детка.

— Пока, Ашика.

Она устремила взгляд куда-то мимо меня и крикнула:

— Пока, Бенни!

— Увидимся! — Прокричал в ответ низкий голос Бени из дома на кухне.

Она издала тихий смешок, качнула головой, я смотрела, как она спустилась к своему «Лендроверу» и села за руль. Я закрыла входную дверь, как только она двинулась в путь.

Повернулась и посмотрела в конец коридора, расправила плечи и направилась в сторону кухни.

Пришло время поговорить с Бенни. Я готова была отстаивать свои права, он выслушает, но даже если будет против, я для разнообразия все равно добьюсь своего.

Так я решила еще в душе.

И то, что я решила еще в душе, должно было произойти сейчас.

Я прошла по коридору, свернула на кухню, сделала два шага внутрь, остановилась и уперла руки в бедра.

И увидела, что Бен уже успел собраться. В зубах у него был зажат пончик, в руке — термокружка, телефон он засовывал в задний карман, ключи от машины лежали на стойке перед ним. Его волосы еще были мокрыми, он принимал душ в ванной в коридоре. Я слышала, как лилась там вода.

— Бен, — позвала я.

Он посмотрел в мою сторону, засунул телефон, поднял руку к пончику, откусил и сказал с набитым ртом:

— Да?

— Нам нужно поговорить, — сообщила я ему.

Он прожевал.

— Да, — с готовностью согласился он. — Сегодня утром что-то случилось с отцом Фрэнсисом, мама пошла к нему, и пока ты была наверху, я поговорил с миссис Замбино. Сегодня она отведет тебя в свой боулинг. Игра в лиге. Она говорит, что она и ее девочки составят тебе компанию. Мне нужно попасть в ресторан и заняться кое-какими делами. Встретимся здесь.

Я поняла, что прищурилась, заявив:

— Я не пойду в боулинг со старой леди Замбино и ее подружками.

— Пойдешь, — ответил Бен, прежде чем откусить еще один кусочек пончика.

Я отрицательно покачала головой, чтобы не отвлекаться от своей цели, опять заявив:

— Бенни, нам нужно поговорить о том, о чем я хочу поговорить.

— Не могу. Она будет здесь через пять минут, а мне пора. Один из наших поставщиков придет в ресторан через двадцать минут. Я сделал заказ. У него хорошие продукты, но известно, что он обманывает своих клиентов, так что я должен присутствовать при разгрузке, чтобы он не обманул.

Хотя обычно я нахожу это интересным внутреннейю работой популярной пиццерии, и что поставщик может «обвести вас вокруг пальца», но в данный момент я не собиралась отвлекаться даже на это.

— Я хочу получить назад свой телефон, — объявила я, и Бенни сосредоточился на мне.

— Детка... — тихо начал он.

— Нет, — оборвала я его. — У нас есть планы на сегодняшний вечер. Я тебе пообещала, и я сдержу его. Я не буду убегать. Но я выписалась из больницы, и у меня есть своя жизнь. Друзья, которые, вероятно, интересуются мной. Работа, с которой я уволилась, но при увольнении попала в больницу, у меня есть дела, их нужно сделать, клиенты, с которыми нужно связаться. А еще у меня есть новая работа. Они знают, что я пережила трагедию, теперь скорее всего думают, что я просто испарилась. Я должна им позвонить, отметить, что жива и здорова, для этого мне нужен мой телефон. Я бы предпочла сделать несколько звонков. И, чтобы не навлечь на себя гнев старой леди Замбино, которая сейчас, я так думаю, в полном восторге от возможности продемонстрировать мне свое мастерство на дорожках, я буду звонить из боулинга.

Бенни выглядел явно несчастным, стоило мне упомянуть о новой работе.

Но он шокировал меня до чертиков, сказав:

— Он во внедорожнике. Я схожу за ним

— Правда? — удивленно хрипло спросила я, потому что, действительно, была шокирована, что он, черт побери, так легко сдался.

Он перестал выглядеть несчастным и стал выглядеть совершенно по-другому, мягко добавив:

— Да, милая. — Он снова сунул пончик в рот, схватил ключи, сунул их в карман, подошел ко мне, затем вынул пончик изо рта, прежде чем обхватить пальцами мое бедро и наклонил голову, коснувшись губами моей шеи. Поднял голову, посмотрел мне в глаза и прошептал:

— Вернись.

— Хорошо, — тоже прошептала я.

Он отправил в рот последний кусочек пончика и исчез за дверью, а я стояла и думала, оказывается все так просто.

Может мне раньше следовало попросить назад свой телефон.

Или позавчера попросить.

Я все еще думала об этом, когда Бен вернулся с моей сумочкой. Он не передал мне ее в руки. Отнес на стол, бросил на него, а потом подошел ко мне.

Очень близко и по какой-то причине я не отступила. Не отстранилась. Не пошевелилась.

Это означало, когда он поднял руку, чтобы обхватить сбоку меня за шею, и опустив голову, я стала для него полностью открытой.

А также это означало, когда прикосновение губ, которого я ожидала, стало чем-то большим, чем просто прикосновение его губ (он открыл рот, мой открылся одновременно, он юркнул языком внутрь) я смогла попробовать чудесный вкус пончика и Бенни.

Отчего желудок ухнул вниз.

И почти до того, как мой желудок стал ухать вниз, его губы и язык исчезли. Зато пальцы продолжали удерживать меня за шею, а глаза смотрели в мои, он прошептал:

— До вечера, детка.

— До вечера, — на автомате прошептала я.

Его глаза улыбались. Пальцы сжались. Затем он отпустил меня и вышел за дверь.

Я стояла на его кухне, уставившись на дверь, понимая, что вот такие прощания, когда ему нужно пойти на работу, могли бы стать постоянными в моей жизни.

Бен, отправившийся в ресторан, чтобы проконтролировать своего поставщика, не облапошил ли тот его, сжимающий мою шею, проводящий языком у меня во рту, отчего у меня во рту остался вкус Бени и пончика, и я, смотревшая, как он выходит за дверь с «До вечера, детка», говорило о том, что мы встретимся вечером.

И я стояла на кухне Бенни, уставившись на дверь, понимая, что очень хочу такой жизни. И было совсем невыносимо понимать, насколько сильно я ее хотела. Я хотела такой семьи и такой жизни буквально с детства. И я хотела этого еще больше, думая, что у меня может быть такая жизнь с Бенни.

Но боль пришла, когда я вспомнила, что у меня этого никогда не будет.

Размышляя об этом, я услышала, как открылась входная дверь и миссис Замбино крикнула:

— Франческа Кончетти! Шевели ногами! Мы должны забрать Филлис, и я не хочу опаздывать!

Я сделала глубокий вдох.

Затем взяла свою сумочку, заглянула, зарядное устройство было на месте, потому что, Бог свидетель, после нескольких дней отправиться в боулинг без зарядки, называлось бы — облажалась по полной, поэтому крикнула:

— Иду, миссис Замбино!

* * *

Я сидела в кресле в боулинг-клубе и наблюдала, как миссис Замбино пускает свой мяч в полет. Мяч быстро покатился по дорожке, затем немного в бок и бац! Мяч с такой силой врезался в кеглю, что она отлетела на другую полосу, и вышел сплит.

Я вскочила со стула, подняв руки, не обращая внимания на немаловажный укол боли в ране, и крикнула:

— Вперед, Замбино!

Она и вся ее компания, когда кто-то получал сплит, что случалось часто, разворачивались от дорожки и мгновенно начинали трясти задницей, с поднятыми вытянутыми руками, покачивая предплечьями, скандируя:

— Вау, вау, вау.

Все ее подружки исполняли один и тот же танец и пели, когда выбивали сплит с двойным хлопанием «дай пять».

Она подошла ко мне, и ее радостный взгляд стал суровым.

— Франческа, сядь, — рявкнула она.

— Вы зажигаете, — воскликнула я ей.

— Знаю, — ответила она. — Теперь садись. Не хочу, чтобы вся семья Бьянки обвиняла меня в том, что у тебя что-то случилось со швами из-за моего звездного выступления в боулинге. Я села, но откинула голову назад, улыбаясь ей.

Она грациозно опустила на сиденье рядом со мной, я заявила:

— Я займусь боулингом, как только полностью поправлюсь, чтобы быть похожей на вас потом.

Ее глаза просканировали мою голову, прежде чем она объявила:

— Тебе нужно научиться приручать свои волосы и использовать румяна в качестве акцента, а не военной полоски на скулах, если ты хочешь быть похожей на меня.

— Прости, я все еще под кайфом от твоего сплита, — сказала я ей. — И твои язвительные слова, не испортят моего кайфа.

Ее губы искривились в попытке скрыть от меня улыбку.

— Я ее заметила! — заявила я, поднимая руку и указывая пальцем на ее губы.

Она оттолкнула мою руку и встала, направляясь к зоне отдыха в конце боулинга, крикнув:

— Дай мне мою пепси-колу, Лоретта.

Как сделал бы любой официант боулинга, Лоретта передала напиток королеве.

Я перевела взгляд на дорожку, все еще ухмыляясь, когда у меня в руке зазвонил телефон.

Мне удалось дозвониться до своего бывшего босса, заверив его, что я позабочусь о бизнесе.

Мне также удалось дозвониться до моего нового босса, сообщив ему, что я все еще жива и планирую приехать в Индианаполис и выйти на работу, как только смогу. Наконец, мне удалось написать нескольким моим друзьям, сообщив им, что у меня все хорошо.

Потом меня затянула игра в боулинг.

Я подняла телефон, посмотрела на экран, увидела незнакомый номер. Поскольку это могло быть что-то важное по работе (старой или новой), я приняла звонок и приложила телефон к уху.

— Фрэнки Кончетти слушает.

— Детка.

Это был Бенни.

Мой желудок снова ухнул вниз, а Бенни в данный момент меня даже не целовал.

— Хорошо проводишь время? — Поинтересовался он.

— Миссис Замбино только что выбила сплит, — поделилась я.

— Впечатляет, — пробормотал он со смехом глубоким и непринужденным голосом.

Боже, он убивал меня.

— Поставщик не обманул нас, — сказал он. — Я все сделал, так что могу заехать и забрать тебя.

— Нет, — ответила я ему. — Я хочу остаться до самого конца. Команда Замбино надирает задницы, отлично играет, они танцуют и скандируют каждый раз кричалку, когда выбивают

сплит или спэр. Я хочу посмотреть, как они это делают, просто размазывая по полу своих соперников.

На этот раз он смеялся открыто, когда сказал:

— Итак, ответ на мой предыдущий вопрос — да. Ты хорошо проводишь время.

Я не подтвердила, потому что не хотела признаваться, что мне правда хорошо в боулинге в компании пожилых женщин, по целому ряду причин.

Он был в курсе одной из этих причин, поэтому пробормотал:

— Безумно упрямая.

Да, ради Бога.

— Ты уже сделала все звонки? — спросил он.

— Если я отвечу «да», когда вернусь домой, ты снова конфискуешь у меня телефон?

— Нет.

— Тогда да.

Отчего он рассмеялся.

Я вздохнула, слушая его смех, наслаждаясь каждой секундой.

Он перестал смеяться, и в ту минуту вырвал меня из прекрасного мира, в котором я позволяла себе понежиться пару секунд, катапультировав меня в яму ада, в которую я попала через несколько недель после смерти Винни, когда мы с Беном напились, и я совершила безумный, глупый поступок, набросившись на него как пьяная шлюха.

— Заказал столик у «Джузеппе». В семь.

Услышав его слова, я болезненно вздохнула.

Пиццерия «Джузеппе» была похожа на пиццерию Винни. Стоит понять, что это было за место. Тусовка по соседству, и двоим это нравилось. Это не означало, что они не делали все, чтобы их бизнес процветал и развивался. Они просто делали то, что делали, и делали это хорошо, сосредоточившись исключительно на своем деле и вознаграждая тех, кто понимал важность значения сарафанного радио.

Это был цветущий уголок в переулке. Парковки не было. В телефонной книге их номера тоже не было. Можно было прийти с надеждой, что найдется столик, или вам могло повезти, если внучка Джузеппе, Елена, которая сейчас управляет рестораном, дала бы вам свой номер телефона, чтобы вы могли заказать себе столик.

Я понятия не имею, если бы она разместила в социальных сетях страницу своего ресторана, и у нее был бы список Йелп с семью тысячами пятизвездочных отзывов. Хотя, вероятно, было бы всего три тысячи пятьсот звездных отзывов, учитывая, что другая половина, знавшая о «Джузеппе», хотели бы сохранить это место в секрете, в надежде, что, придя туда, смогут получить свободный столик. Но место и сама еда были настолько потрясающими, что другая половина не смогла бы удержать язык за зубами по этому поводу.

В «Джузеппе» была лучшая итальянская кухня. В ресторане был приглушен свет. Столики маленькие. Декор в основном насыщенных красных тонов. Настроение романтическое. Туда ходили на День святого Валентина. Туда же отправлялись, чтобы сделать предложение своей женщине, чтобы сообщить своему мужчине, что ты забеременела. Туда не водили своих детей, никогда, но рассказывали им об этом ресторане, как заветную семейную тайну, чтобы однажды они попросили свою женщину выйти за него замуж в этом ресторане или сказать своему мужчине, что у них будет ребенок.

Это было идеальное место для первого свидания, если ты действительно нравилась парню, и он не возражал, чтобы ты это знала. Это было такое место, куда парень приглашал тебя

на первое свидание, ты сидела напротив него, сразу решив провести с ним остаток своей жизни.

Но для меня это была настоящая катастрофа.

Винни отвез меня в «Белый замок» на наше первое свидание. Он думал, что это будет забавно, и, будучи молодой и влюбленной в него, я подумала, что это, действительно, было забавно, учитывая мою глупость и сладости, которые там пробовала.

Бенни решил отвести меня к «Джузеппе». Он предпочитал не играть в игры.

— Фрэнки? — Позвал Бен.

Я посмотрела на свои колени и начала глубоко дышать.

— Милая, ты здесь? — спросил Бен.

— Я... эм, да, — выдавила я. — Здесь.

— Ты в порядке?

— Да. Все прекрасно.

— Ты не против «Джузеппе»?

Нет, никогда. Никогда, никогда, никогда.

— Звучит потрясающе, — выдавила я.

Он помолчал, прежде чем сказать:

— С тобой что-то не так.

— Когда миссис Замбино забила сплит, я вскочила и почувствовала боль. Я все еще вроде как выздоравливаю.

Я чувствовала вину за свою вранье, хотя первая часть и была правдой, вторая была ложью, и это была та часть, заставившая его волноваться.

— Господи, должно быть, это был потрясающий сплит, — пробормотал Бенни.

— Да. — По крайней мере, это было правдой.

— Успокойся, детка. Нам предстоит важный вечер.

Да, предстоит.

Потому что все закончится сегодня вечером.

— Да, — ответила я.

— Отпускаю тебя. Наслаждайся игрой. Не хочу, чтобы ты отвлекалась.

Еще больше доброты от Бенни.

Я закрыла глаза, сказав:

— Да. Увидимся позже.

— Пока, cara.

И услышала, как он отключился, ощущая его отключение на физическом плане, предзнаменование грядущих событий, и боль во мне усилилась.

Через секунду я почувствовала руку, крепко обхватившую мою челюсть, и мою голову подняли за подбородок.

Я открыла глаза и посмотрела в темно-карие глаза миссис Замбино.

— Ты побледнела как полотно, — тихо сказала она, вокруг нас раздавался стук шаров и кеглей.

Я не ответила.

Она взяла мой подбородок ладонью и заглянула глубоко мне в глаза.

Затем спросила:

— Это Бенито?

— Да, — прошептала я.

Она кивнула и, не убирая руки с моего подбородка, сказала:

— У тебя через дорогу живет пожилая женщина. Если тебе потребуется жизненная мудрость, Франческа Кончетти, ты двигаешь ногами к моему дому. Я дам тебе совет.

Затем она отпустила мой подбородок и пошла на очередной бросок.

Я сглотнула, прежде чем прерывисто вздохнуть.

Мне была необходима мудрость, любой человек нуждался в мудрости.

Но я ни в коем случае не начну двигать ногами в сторону дома этой женщины, чтобы услышать мудрость миссис Замбино.

Излишне говорить, что остаток моего времени со старой леди Замбино и ее командой был не таким приятным, как в начале.

Когда все закончилось, она сначала высадила Филлис, а затем направила свой кадиллак к дому. Она болтала с Филлис, пока ее везла, как только мы остались одни в машине стало убийственно тихо, пока она рулила по улицам Чикаго в районе, который я называла домом детства.

И это мне напомнило, что Бенни купил дом в нашем районе.

Семейный человек, держится рядом, наслаждаясь историей предков.

Бог не ненавидел меня. Скорее всего он презирал меня.

Она остановилась у дома Бенни, машина работала на холостом ходу, я повернулась к ней.

— Спасибо, что присмотрели за мной, миссис Замбино.

Она пристально посмотрела мне в глаза и кивнула.

Я повернулась к двери, положила руку на ручку и пробормотала:

— Увидимся.

И не успела открыть дверь.

Обернулась, когда миссис Замбино обхватила мое колено своими серебряными когтистыми пальцами.

Я поймала ее взгляд, она сразу же перешла к делу, тихо говоря.

— Мой Алонсо, упокой его душу... — Она осенила себя крестным знаменем свободной рукой и продолжила. — Бог послал ему испытание, подарив трех дочек. Он жил с четырьмя женщинами в доме. И вся атмосфера в доме была девчачьей. Дом был полон женщин, мои дети были рядом. Он все время думал о нас, заботился о нас.

Она замолчала, я ничего не сказала, потому что не знала, к чему она это мне рассказывает.

— Он наслаждался каждой минутой, — прошептала она.

Грустный тон ее голоса заставил меня затаить дыхание, отчего я вспомнила, что Ал Замбино умер всего два года назад.

Она продолжила.

— Мой Ал часто говорил, если бы он был моложе, то заставил бы Энцо Кончетти понять смысл той красоты, которую он создал, имея в виду вас, его дочерей, той красоты, которой он пренебрег.

И от этого мое дыхание стало хриплым.

— Нет ничего более ценного, сказал бы Ал, чем ваша малышка.

— Миссис Замбино, — прошептала я.

— Ему разбивало сердце, когда он узнал, что ты и твои сестры видели в себе только то, что ваш отец научил вас видеть — смазливую мордашку и красивое тело. А не то что заложено у вас внутри. Хороший бы отец научил бы вас понять всю вашу ценность.

Мое дыхание все еще оставалось хриплым, а сердце начало биться быстрее.

— Я...

Я замолчала, когда внезапно ее рука метнулась вперед, она снова схватила меня за подбородок, повернув мою голову в свою сторону, уверенно, но нежно.

— Ты хорошая девочка, Фрэнки Кончетти, — заявила она.

Я почувствовала, как слезы защипали в глазах.

— Хорошие девочки достойны хороших вещей. — Она отпустила руку с моего подбородка, ее взгляд скользнул мимо меня к дому Бенни, затем вернулся ко мне. — Позволь себе иметь хорошие вещи.

— Это неправильно, — тихо ответила я ей.

— Есть всего лишь одна вещь на прекрасной Божьей земле, и это, — она наклонилась ко мне, — любовь никогда не ошибается.

Я покачала головой.

Она выдержала мой пристальный взгляд.

— Если ты хочешь получить мудрый совет, Франческа, то пожилая леди живет через дорогу, готовая дать тебе мудрый совет.

Я сжала губы.

Ее глаза снова посмотрели поверх моего плеча, прежде чем вернуться ко мне.

— Бенни ждет.

Я повернула голову и посмотрела на дом Бенни, он стоял на крыльце, скрестив руки на груди, в своей фирменной униформе — футболке и джинсы, но на этот раз футболка была темно-синей.

Я оглянулась на миссис Замбино.

— Спасибо за сегодняшний день.

— Завтра еще одна игра в чемпионате, если захочешь присутствовать, не пожалеешь.

Я ухмыльнулась ей.

Она многозначительно уставилась на мою дверь.

Я вышла и едва успела закрыть дверь, как ее кадиллак задвигался по улице, направляясь к гаражу ее дома.

Бенни смотрел, как я иду к нему, не двигался, пока я не остановилась в шаге от него.

Он опустил руки, уперевшись ладонями в бедра, когда я присоединилась к нему на верхней ступеньке крыльца.

— Что у вас там было? — спросил он, его глаза метнулись в сторону дороги, прежде чем вернуться ко мне.

Я уставилась на него, глядя снизу вверх. Он был высоким. Красивым. Он был хорошим сыном. Хорошим братом. Хорошим парнем. Он станет хорошим мужем и замечательным отцом.

Я хотела бы попробовать с ним осуществить последнее.

Но не могла этого допустить.

— Нам нужно поговорить, — объявила я.

Он пристально всматривался в выражение моего лица, я видела, как менялось его выражение, пока он меня изучал. И поняла, когда его лицо смягчилось.

О да. Я очень хотела бы с ним попробовать создать семью.

— Детка... — начал он.

— Сейчас, — оборвала я его.

Он изучал меня еще долгие секунды, прежде чем кивнул, подошел к двери, распахнул ее передо мной.

Я вошла, направившись напрямиком в гостиную, бросила свою сумочку на диван.

Услышала, как закрылась дверь, повернув голову в ту сторону, Бен вошел в комнату. Мне необходимо было сделать это сейчас. Я должна была вытащить это наружу. А потом уйти.

— Я любила твоего брата, — заявила я, отчего он резко остановился, его глаза остановились на мне, внезапное напряжение завибрировало в комнате.

— Я знаю, — медленно согласился он.

— Нет, Бен, я любила *твоего брата*, — подчеркнула я.

— Я знаю это, Фрэнки, — ответил он.

— Когда я была с ним, я не думала о нас, — поделилась я, подняв руку и помахав ею между ним и мной. — Никогда.

— Хорошо, — сказал он в качестве подсказки, когда я замолчала.

— Когда он умер, это сломило меня.

Он закрыл глаза, поморщившись, открыл их и снова сосредоточился на мне.

— Я знаю, детка, — тихо ответил он.

— Это сломило меня, потому что я любила его. Сломило, потому что я скучала по нему. Сломило меня, потому что я не отношусь к тем достаточно сильным женщинам, способным остановить своего мужа, бросающего свою жизнь коту под хвост.

Голос Бена был все еще тихим, но твердым, когда он заявил:

— Ты не несешь ответственность за смерть Винни.

— Не несу?! — Спросила я.

— Нет, — ответил он.

— Уверен, что так думаешь? — Вставила я.

Понимание отразилось на его лице. Он сделал шаг ко мне, но остановился.

— Я это заслужил.

Я отрицательно покачала головой.

— Я не наказываю тебя, Бен, честно. Я верю, когда ты говоришь, что сейчас думаешь по-другому. Но, скажу только, я все еще не верю.

— Фрэнки, Винни повелся на всякое дерьмо, в результате с ним это и случилось.

— Женщина должна прикрывать спину своего мужчины, — парировала я.

— Не тогда, когда ее мужчина повернулся спиной к своей женщине, — ответил он.

Его слова поразили меня, как пуля (мне знакомо было это чувство), я закрыла рот.

— Именно так он и поступил с тобой, и ты это знаешь, — заявил Бенни.

Я посмотрела в сторону.

— Именно так он и поступил, и ты знала это, поэтому и закончила с ним, — продолжал Бенни.

Я посмотрела на него.

— Не так ли? — настаивал он.

— Да, — прошептала я, а затем призналась в своей ужасной тайне, — я отказалась от него. На этот раз Бен покачал головой.

— Сага, он забрал все, так что не от чего было отказываться.

Его слова снова сильно задели меня, и я резко вдохнула, как будто получила удар.

— Ты же высказала ему свое мнение? — спросил он.

— Все равно это недопонимание друг друга останется между нами, — объявила я. — И так будет всегда.

— Как? — спросил Бенни, прежде чем напомнить мне: — Он умер.

— Я любила твоего брата, Бенни, — повторила я.

— Да. Любила. Он был милым. Был хорошим парнем. Он тоже любил тебя. Был чертовски тобой одержим. Я был рад, что мой брат испытывает такую любовь. Но потом я чертовски разозлился, когда он обосрал всю эту любовь.

Еще один штрих к характеру Бенни.

Я не могла этого выносить.

— У нас ничего не получится, — заявила я.

— Почему? — Спросил он.

— Потому что люди увидят нас у «Джузеппе», подумают: «Вот она, Фрэнки Кончетти. Встречается с братом своего покойного парня. Цепляется за другого Бьянки».

— Любой, кто подумает такое дерьмо может поцеловать тебя в задницу, и пока будут продолжать так думать, могут поцеловать и мою задницу.

Казалось, что у него имелся ответ на все, но я не собиралась сдаваться, поэтому наклонилась и крикнула:

— Это неправильно!

Он наклонился вперед, повысив голос, раскинув обе руки, спросил:

— Последние четыре дня были неправильными, Фрэнки? Ответь мне. Что было не правильным в них? Ты не хихикала со мной? Ты не делилась мудрыми мыслями с одной из приемных дочерей Кэла? Ты в моей постели не прижималась ко мне, чтобы посмотреть телевизор? Ты не ела мою пиццу и наслаждалась каждым гребаным кусочком? Ты не сидела за кухонным столом и обедала с моей мамой? Папа не прикрывал твою спину, когда твоя сучка сестра заявила ко мне домой? Как насчет того, что что-то из этого неправильно? Вот тогда-то я и потеряла терпение.

— Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь думал, что я с тобой по какой-либо другой причине, кроме той, что ты просто Бенни! — закричала я. — Никогда, Бен. Никогда. Ты этого не заслуживаешь. Ты не заслуживаешь, когда-либо думать о чем-то подобном!

Пока я кричала, его туловище дернулось назад, даже когда его подбородок врезался в шею. Когда я перестала орать, он прошептал:

— Какого хрена?

— Ты прав, — огрызнулась я, протягивая руку. — Я накинулась на тебя после похорон Винни. Ты поцеловал меня, но я сделала первый шаг.

— Я знаю это, детка, — ответил он, все еще шепча.

— Это был поступок в стиле шлюхи.

— Ты была пьяна.

— Это был поступок шлюхи.

— Франческа, тебе необходимо было облегчить боль, ты была не в себе, напилась до потери сознания. Как и я. Ты потеряла своего мужчину, я потерял брата, ты женщина, я парень, это дерьмо случилось семь лет назад. Оно было неправильным. Мы оба облажались. Мы оба это поняли. Но это уже в прошлом.

— Больше ничего? — Подрезала я.

— Все и точка, — немедленно ответил он.

— И ты не думаешь, что я шлюха.

Его тело стало твердым, и мое сердце сильно сжалось.

— Ты думаешь, что я шлюха, — прошептала я.

— Нет, — выпалил он.

— Думаешь. Я вижу это по твоему лицу, Бенни Бьянки.

— Детка...

Я покачала головой, глядя на дверь, требуя:

— Отвези меня домой.

— Детка...

Я посмотрела на него и закричала:

— Отвези меня домой, Бенни!

— Фрэнки, детка. Бл*дь. Я знаю, что Винни лишил тебя девственности.

Я сделала два шага назад и уставилась на него.

Он наблюдал, как двигаются мои ноги, и его глаза впились в мое лицо.

— Да. Это неловкое, некомфортное дерьмо, через которое нам видно суждено пройти сейчас. — Он поднял руку, провел ею по своим потрясающим волосам, глядя в сторону и бормоча: — Через все это дерьмо, оставленное им.

— Винни рассказал тебе об этом? — прошептала я, и Бенни оглянулся на меня.

— Да, — выдавил он.

— О Боже мой, — выдохнула я.

— Ты любила его. Он был хорошим парнем, пока не стал плохим. Но он любил трепать языком.

— О Боже мой, — повторила я.

Мне хотелось умереть от стыда на месте. Хотелось вернуться в лес и не выбираться оттуда.

Винни рассказал обо мне, то есть *обо мне*.

Бенни!

— Фрэнки...

— И что еще он тебе рассказал? — Спросила я.

— Детка...

Я наклонилась к нему.

— Что ты еще знаешь, Бенни Бьянки?

Он ответил, мне показалось, что он с трудом произносит слова:

— Знаю, что мне нужно кое-что сделать, чтобы тебе понравилось опускаться на мой член.

Я посмотрела на потолок и воскликнула:

— О Боже мой!

— Детка, иди сюда.

Я посмотрела на него и покачала головой.

— Нет. Отвези меня домой.

— Фрэнки, иди сюда.

— Так стыдно и унижительно, — прошипела я.

— Я говорю тебе, я знаю, что ты не шлюха. В тебе раньше ничего не было от шлюхи, в тебе это просто не заложено, детка. Черт, тебе был двадцать один год, когда ты перестала быть девственницей, и с тех пор у тебя не было мужчины.

— Откуда ты знаешь? — огрызнулась я.

— Детка, я был влюблен в тебя. Ты все еще мне нравишься. Я никогда не переставал быть влюбленным в тебя. Я на многое обращал внимание по поводу тебя.

Несмотря на то, что мне очень понравились его слова, я была слишком подавлена, чтобы позволить этому хорошему чувству проникнуть внутрь, поэтому просто уставилась на него.

— Я прав, не так ли? — настаивал он.

Я продолжала раздраженно смотреть на него.

— Я прав, — пробормотал он.

— Отвези меня домой, — потребовала я.

— Фрэнки...

— Правда, — выдавила я. — Как ты думаешь, мы сможем выйти за рамки этого? Если ты знаешь, что твой брат был первым?

— Это даже не приходило мне в голову, когда вчера моя рука покоилась на твоей заднице, а мой язык был у тебя во рту. Даже не начинай, Фрэнки, потому что ты тоже не вспоминала о Винни, когда мы целовались.

Я закрыла рот, который открыла, чтобы возразить, Бенни меня опередил, хорошо меня изучив, потому что я даже не вспоминала о Винни. Он не приходил мне в голову. До тех пор, пока Бенни сейчас не заговорил о нем.

Это касалось только Бенни и того, что Бенни делал со мной.

— Хорошо, тогда как насчет другого? — выпалила я. — Я не большой поклонник минетов.

— Тогда, не обижайся на моего покойного брата, он неправильно тебя учил.

Я вскинула руки.

— Ты не находишь весь этот наш разговор странным?

— Детка, серьезно, я раздену тебя и доведу до того, что ты будешь так увлечена процессом, кончишь раньше, чем я смогу вынуть свой член из твоего рта и погрузиться в тебя.

— Рррррр! — Закричала я, главным образом потому, что внезапно у меня возникло непреодолимое желание сделать Бенни минет.

С ума сойти!

Так же внезапно я оказалась в его объятиях.

Я дернулась всем телом, но его руки сжались крепче.

— Спокойно, — прорычал он.

Я замерла и уставилась на него, глядя снизу вверх.

— Ты не шлюха. — Продолжил он рычать.

Я продолжала пристально смотреть на него.

— И мне плевать, кто и что подумает о нас, увидев нас вместе. Они будут нас осуждать, они ответят за это перед Богом, а не передо мной или тобой.

Я просто продолжала пристально пялиться на него.

Бенни выдержал мой пристальный взгляд, потом спросил:

— Ты обедала?

— Старая леди Замбино угостила всю свою команду «Кони догс» из киоска по продаже снеков в честь их оглушительной победы.

— Очень жаль. Я собирался отвезти наши задницы в «Линкольн» за сэндвичами.

При этом предложении мои плечи расправились, и я поделилась:

— Но все равно хочу есть.

— То есть сэб наверху твоего списка, а «Кони дог» испортил твой чертовый опыт в «Джузеппе». (сэб – сэндвичи. – амер. Сленг. – прим. Пер.)

— Ничто не сравнится с «Джузеппе».

Бенни ухмыльнулся.

Затем спросил:

— Ты закончила психовать?

Я абсолютно не психовала.

Это осознание заставило меня обмякнуть в его объятиях.

Я устремила взгляд на его плечо, говоря:

— Все кажется странным.

— Да, — согласился он, и я оглянулась на него. — Странно. Неловко. Отстойно. Напоминает мне, что я должен был пригласить тебя на свидание, когда хотел пригласить тебя в выпускном классе, но не сделал этого, потому что всем было известно, что ты не даешь. Но теперь мы здесь. Мы справимся с этим. И, по крайней мере, сейчас я уверен, что смогу убедить тебя выложиться и дать мне намного больше, чем я мог бы получить в семнадцать лет.

Я моргнула, глядя на него.

Затем спросила, задыхаясь:

— Ты хотел пригласить меня на свидание, когда мы были в старшей школе?

— Детка, ты безумно красивая, у тебя отличные сиськи, отличные ноги, отличная задница и невероятная улыбка, и тогда у тебя тоже было все это. Так что да. Черт возьми, да. Каждый парень в старшей школе хотел тебя подцепить.

О Боже мой.

В старшей школе у меня было всего лишь три свидания.

Три!

И ни одно из них не было хорошим.

Я почувствовала, как мои брови сошлись вместе.

— Тогда почему они не приглашали меня?

— Потому что, Фрэнки, детка, ты не давала.

Именно тогда я почувствовала, как градус моей крови начинает подниматься.

— Это единственное условие, чтобы девушку пригласили на свидание?

— В значительной степени. После того, что ей нужно быть горячей. Но у тебя это все было.

— Это отвратительно, — прошипела я.

— Фрэнки, — сказал он, и мое имя громыхнуло от смеха, который сотрясал его тело, прижатое к моему. — Это было восемнадцать лет назад, тогда я думал исключительно своим членом.

Мои брови взлетели вверх.

— А сейчас ты так не думаешь?

— Ладно, тогда я думал своим членом девяносто девять процентов времени, сейчас я думаю своим членом только пятьдесят процентов времени, и в любое время, когда рядом с тобой.

— Это тоже отвратительно.

— Это комплимент.

— Неудачный.

— Детка, — сказал он, его руки сжались. — Не шути с идеей о том, что я все время думаю о своем члене и о том, куда хочу его засунуть, когда с тобой.

Я с нетерпением ждала того времени, когда смогу чем-нибудь в него запустить, не в ущерб своей ране, когда он злил меня.

Например, когда он был прав и пытался быть правым грубо, я находила это раздражающе возбуждающим.

— Думаю, мне неплохо было бы вздремнуть, — заявила я.

Его руки еще крепче сжались, когда он расхохотался.

Я наблюдала вблизи его лицо, и ненавидела себя за то, что наслаждалась каждой секундой.

Его смех перешел в смешки, рука на моем боку переместилась, погладив, и он снова сосредоточился на мне, спросив:

— Хорошо. Ну что, ты закончила психовать?

Я перестала злиться.

Но было еще кое-что.

И я поделилась с Бенни.

— Меня вся эта история про «нас» пугает, Бен.

Он наклонил голову, его лицо оказалось в дюйме от моего, ответил:

— Я понимаю, милая.

— Не знаю, как с этим справиться, — призналась я.

— Ты хочешь попробовать? — Спросил он.

Это был сложный вопрос, на который я не собиралась отвечать вслух, поэтому держала рот на замке.

— Хорошо, я скажу тебе, сага, — произнес Бенни, потому что я продолжала молчать. — Но, по твоему предыдущему заявлению, могу сделать вывод, что ты уже дала мне свой ответ.

И, опять же, он оказался прав.

— Итак, — продолжил он, — как насчет того? Остайся со мной.

Я покачала головой.

— Я переезжаю в Индианаполис.

На это он отрицательно качнул головой.

— Со дня на день, детка, не в будущем. Ничего, кроме следующего дня, черт возьми, следующей минуты, каждой следующей минуты. Остайся со мной, пока мы с этим разбираемся. Если что-то пойдет не так, ты уедешь. Если я не смогу провести тебя через это, я отпущу тебя. Но предупреждаю, я буду надирать свою задницу, чтобы все получилось.

Боже, еще одно ценное качество Бенни.

— Есть много препятствий, — указала я.

— Франческа, никто никогда не получал золотую медаль за то, что сидел на заднице и ничего не делал. Ты работаешь, усердно работаешь над своей целью, веришь в нее, хочешь получить, стремишься к ней, получаешь свой приз, когда достигаешь цели.

Теперь мудрость исходила от Бенни.

Я не могла этого вынести, поэтому опустила подбородок и прижалась лбом к его груди.

Рука, которой он гладил меня по боку, изогнулась, другая рука скользнула вверх, обернувшись со спины вокруг моей шеи, когда он спросил мне в волосы:

— Тебе действительно нужно вздремнуть?

— А ты реально собирался отвезти меня в «Линкольн»?

— Да.

— Тогда мне не нужно вздремнуть.

Его рука на моей шеи сжалась, я подняла голову.

Когда я подняла голову, Бенни, как я уже поняла, не упускал любой возможности, наклонил голову и опустил свои губы на мои. И тут же устроил пляски языком. На этот раз этот поцелуй был больше, чем просто тестирование. Это был крепкий напиток.

Мне нравилось. Каждую секунду. И я закончила тем, что обняла его.

— Останешься со мной? — прошептал он, все еще прижимаясь губами к моим.

— Да.

Я почувствовала, как его губы улыбнулись.

И закрыла глаза.

Затем почувствовала, как его губы коснулись моего лба.

После этого он отпустил меня, взял за руку, и повел к двери, сказав:

— Поехали за сэбами.

7

Минута за минутой

В шесть сорок этим вечером я стояла в ванной Бенни, разглядывая себя в зеркало.

Волосы были более пышными, чем обычно, намного.

Макияж более глубоким, дымчатым, сексуальным.

Платье на мне было черным с серебристым отливом. Спереди оно прикрывало от горла до середины бедра, включая длинные рукава.

Было облегающим. Везде.

А на спине ничего не было. Ничего. От лопаток до талии все голое.

С этим платьем не следовало одевать нижнее белье. Бюстгальтер невозможен, но я справилась с проблемой трусиков, найдя прозрачные черные стринги, которые можно было заметить, только если платье сдвигалось определенным образом. Так что под платьем на мне не было ничего, кроме этих стрингов.

Я надела массивные серьги-капли, которые почти касались плеч, и широкий браслет со стразами поверх складок, образованных материалом на одном из моих запястий. С другой стороны, на моем среднем пальце красовалось кольцо с прикрепленными изящными мерцающими цепочками, свисающими с тыльной стороны ладони к другому браслету.

А на ногах у меня были серебристые босоножки на платформе, на тонком, как карандаш, каблуке в четыре с половиной дюйма, с тонким ремешком на лодыжке и двумя тонкими ремешками на пальцах.

Мне необходим был маникюр и педикюр.

В остальном с головы до пят, я была вся готова для первого свидания.

Облом заключался в том, что я чувствовала усталость. Насыщенный на эмоции день и разговор с Бенни, поездка в «Линкольн» и обратно, мои усилия в ванной комнате по подготовке выбили меня из колеи.

Но я не собиралась упускать сегодняшний вечер.

Я дала Бенни обещание. Остаться с ним. Минута за минутой.

Я собиралась это исполнить.

Хотя не знала, правильно ли или нет.

Хотя во время разговора мы кинули много всякой дряни, но ничто из сказанного ни в малейшей степени не обеспокоило Бена.

Я также понимала, что почти все, начиная от медсестры Синди, не знающей всю мою историю, до Кэла, знающего полностью все от начала и до конца, до Терезы и Винни, которые фактически участвовали во всей моей истории, до старой леди Замбино, не столь уж случайного наблюдателя — не думали, что я и Бенни — это неправильно.

Так думала только я.

Поэтому я собиралась остаться с Бенни, наслаждаясь минутой за минутой и постараться все пережить, да поможет мне Бог.

Несмотря на свою усталость и то, что у меня немного побаливал живот, я была доведена до крайности, собираясь пойти, возможно, в самый романтичный ресторан в Чикаго с Бенни Бьянки.

Я повернулась к двери, открыла ее, выключила свет, вышла и замерла как вкопанная.

Бен, немного наклонив голову вперед, стоя боком ко мне, натягивал пиджак от черного костюма. Надевая его поверх рубашки темно-синего цвета, словно полуночной, в тонкую темно-серую, темно-бордовую и темно-синюю полосы. Его волосы были частично уложены, и как только он поправил на плечах пиджак, кончики его волос коснулись воротника.

Мой желудок сжался, а во рту пересохло.

Его взгляд остановился на мне, и он замер, как и я.

Затем эти глаза потемнели так, что у меня задрожали колени и запульсировал клитор.

Я внутренне приготовилась к тому, что с таким взглядом, он готов был на меня наброситься.

Но он остался стоять на месте. Мы просто стояли и смотрели друг на друга. Взгляд Бенни был сексуально-чувственным. У меня было такое чувство, то же самое он видел в моих глазах.

После того как некоторое время мы заторможено пялились друг на друга, Бен прошептал:

— Безумно красивая.

Мое сердце сжалось, и как только оно сжалось, мне стало чертовски хорошо.

— Всегда была, — тихо и спокойно продолжил он.

Я заставила себя обрести дар речи, слова вырвались наружу, прозвучав хрипло.

— Ты тоже хорошо выглядишь.

Часть темноты ушла из его глаз, сменившись на ласковое выражение, когда он приказал:

— Иди сюда, Фрэнки.

В кои-то веки я сделала, как мне велели, подошла к нему.

В тот же момент, как я только приблизилась, он нежно притянул меня в свои объятия, наклонил голову, прикоснувшись своими губами.

Он поднял голову, спросив:

— Готова?

Я кивнула.

Он ухмыльнулся, слегка меня сжал, затем отпустил. Выключил свет на тумбочках, затем подошел ко мне и взял за руку. Вел меня за руку всю дорогу до кухни, выпустил мою руку только тогда, когда схватил сотовый со стола и сунул его во внутренний карман пиджака.

Мы были у двери, когда он вдруг спросил:

— Тебе не нужна твоя сумочка?

Я подняла на него глаза.

— Та, что у меня есть не подходит к моему наряду, другую не взяла, когда была у себя дома.

— Тебе нужно, чтобы я что-нибудь захватил твое с собой?

Я замолчала и устала на него, задаваясь вопросом, он вообще настоящий?

Странно, выбивало даже из колеи, сравнивая Бенни с его братом, но даже в этом случае факт оставался фактом. Винни никогда не предлагал что-нибудь мое захватить, иногда ворчал, когда я просила.

Хотя, предложение Бенни было нечто большим. Поскольку мой опыт общения с мужчинами был не очень большим, но мои подруги говорили мне то же самое.

— Детка? — подсказал он.

Снова оказавшись на неизведанной территории, я осторожно ответила:

— Мой блеск для губ.

Его взгляд прошелся по моему платью, и он спросил с более чем легким недоверием:

— Который сейчас на тебе?

Я кивнула.

— Я оставила его в ванной комнате.

— Я принесу, — пробормотал он и двинулся в ту сторону.

— Бен, ты не хочешь уточнить, какой? — крикнула я ему в спину.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Детка, если ты думаешь, что у меня не запечатлен в памяти твой оттенок, то ошибаешься.

Мое сердце снова сжалось.

Бен исчез.

Он вернулся, подошел поближе и помахал передо мной тюбиком блеска для губ.

— Этот?

Он был чудесным человеком.

— Ага.

Он сунул тюбик во внутренний карман пиджака, спросив:

— Что-нибудь еще?

— Нет.

Ухмыльнулся, взял меня за руку и повел к двери.

Мы находились в его внедорожнике, направляясь к «Джузеппе», когда одна мысль пришла мне в голову.

— Ты случайно не знаешь, где моя машина?

— Что?

Я повернулась взглянуть на него.

— Я бросила свою машину перед домом Дэниела Харта.

— Да, точно. Мэнни пригнал ее.

Я уставилась на него.

— Что?

— Мэнни, — заявил Бен. — Полиция отдала нам твою сумочку в больнице, сообщила, где находится твоя машина и что ее можно забрать. Отдала Мэнни твои ключи, он загнал твою машину на подземную парковку, поставил на твое место. Припарковал, где был указан номер твоей квартиры в гараже.

Это было так мило.

— Сказал, что тебе нужно отрегулировать в ней кое-что, — продолжил Бен. — Отличная тачка, детка, 280Z верхняя линейка. Но ты должна позаботиться о ней. — Он сделал поворот и закончил бормотанием: — Я перегоню ее к себе в гараж, загляну под капот.

— Ты не обязан этого делать, — остановила я его, поворачиваясь лицом вперед. — Есть механик, специализируешься на этой модели. Из-за сумасшедших событий, связанных с новой работой и переездом, я не успела к нему загнать машину на диагностику. Я собиралась это сделать до поездки в Инди.

— Я это сделаю, — сказал Бенни.

— Есть механик, Бен, — ответила я.

— Я знаю, как обращаться с Z, Фрэнки.

Я закрыла рот, потому что вспомнила, что он точно знал. Не потому, что у него была такая же, а потому, что когда-то у него была девушка, у которой была такая же машина.

И я также вспомнила еще кое-что, о чем забыла, что всегда считала милым в Бенни, на самом деле во всех Бьянки. Когда он был с этой девушкой, он всегда заботился об ее машине. Винни делал то же самое с моей машиной. С мужчинами Бьянки, механики и автомастерские по замене масла оставались в прошлом.

Я также вспомнила еще кое-что.

Эта девушка с машиной Z продержалась с Бенни дольше, чем любая другая, более двух лет. Я тогда была с Винни, так что я была с ней знакома. Ее звали Конни. Она была очень красивой и очень милой. Вся семья надеялась, что их отношения во что-нибудь да выльются, включая и меня.

Но этого не произошло, как правильно сказал Бенни, Винни был болтуном, поэтому я знала, почему этого не произошло.

Она была слишком милой. Слишком.

— Мой брат — мужчина, которому нужен вызов, детка, — заявил тогда Винни. — Женщина должна будоражить его кровь не только одним способом. Понимаешь?

В то время я не понимала. Мне нравилась Конни, и я решила, видно Бенни совсем рехнулся, раз позволил ей уйти.

Теперь же я поймала себя на мысли, что Конни выполнила бы все, что приказывал бы ей Бенни. А также поняла, что какое-то время он возможно воспринимал бы это нормально, но потом ему надоело бы к чертовой матери.

От этих мыслей мне стало тепло и в то же время неловко.

Я решила поинтересоваться, хотя не могла сказать, правильно ли, может его ответ заставит меня почувствовать себя еще больше неловко, а может сам Бенни испытает неловкость от моего вопроса, но я решила рискнуть:

— Как Конни?

— Замужем за Томми Ласко. Двое детей, еще один на подходе. Они переехали в Калумет-Сити три года назад, — равнодушно заявил он.

При его словах, мои глаза расширились, и я снова повернулась к нему.

— Томми Ласко?

— Ага.

— О Боже мой, — выдохнула я.

— Ага, — согласился Бенни.

Томми Ласко был хулиганом в школе, превратившегося в мудака. Он был хорош собой, но не так хорош, как любой парень Бьянки, включая Мэнни. Винни и Бенни были поразительно красивы в том смысле, что привлекали внимание и не отпускали. Мэнни был горяч, он тоже привлекал внимание, но был не таким как два старших брата.

Но мудака всегда был менее привлекательным мужчиной.

Я повернула голову и произнесла в ветровое стекло:

— Мне кажется для нее он не очень.

— Она счастлива.

Я снова посмотрела на него.

— Уверен?

Я увидела, как он пожал плечами.

— Они подходят друг другу. Хотя мало вижу в их союзе смысла, но он любит ее. Обращается с ней как с золотом. Он большой мудака для всех остальных без исключения, но очень высокого мнения о ней и их детях. Каким-то образом она увидела в нем то, кем он стал с ней, не тем придурком, как для всех остальных, и каким-то образом он нашел способ не быть придурком с ней.

По крайней мере, это было хоть что-то.

Я снова посмотрела на дорогу, бормоча:

— Почему я не слышала об этом?

— Они живут тихо, как ей нравится. Он полностью поддерживает ее в этом.

Еще один шокирующий факт о Томми Ласко. Он был из тех мудаков, которым нравилось распространять свою мудацкую сущность повсюду, громко и гордо.

— Ну, что ж мило, — заметила я.

— Ага, — согласился Бенни.

Я потеряла губы, раздумывая, а потом решилась.

— А ты не чувствуешь себя немного неловко? Вы, ребята, были вместе какое-то время.

— Нет, — немедленно ответил Бенни. — Рад, что она счастлива. Она мне не подходит. Я сильно ранил ее чувства тогда, что было отстойно. Мне самому не нравилось так поступать с ней, потому что она была милой, но она была не для меня. Но она в конце концов нашла то, что искала, ничего не могу с собой поделаться, как только порадоваться за нее, что она наконец получила то, что хотела.

Он действительно тогда разбил ей сердце... сильно. Она была опустошена, когда Бен порвал с ней.

Но тогда было ясно, когда произошло это дерьмо, Бенни оставил их отношения позади. Он решил это твердо и двинулся дальше, оставив все как есть и не оглядываясь назад.

И именно над этим стоило задуматься.

Бен повернул, и мы оказались на улице, которая вела к переулку, где находился ресторанчик «Джузеппе».

— Я высажу тебя у двери, милая, — сказал он. — Возможно, придется припарковаться на некотором расстоянии, не хочу, чтобы ты много ходила.

Еще одна черта в Бенни.

— Хорошо, — тихо согласилась я. — Но мне нужно освежить блеск для губ.

Он порылся в кармане пиджака и протянул мне тюбик. Я опустила козырек зеркала и провела тюбиком по губам, когда Бен свернул в переулок. Подняла козырек, посмотрела, как Бен едет по переулку и увидела.

Двое изогнутых перил из кованого железа поднимались к короткой лестнице, ведущей в здание. Вывеска, тускло освещенная двумя арочными фонарями над ней, гласила: «Только у Джузеппе». Кашпо, прикрепленные к кирпичной кладке здания от уровня тротуара до самого верха, над утопленной дверью в ресторан, утопали в цветах и зелени, то же самое с двумя высокими привлекательными кашпо по обе стороны перил. Глубокие скамейки по обе стороны двери за кашпо, где люди могли подождать столиков или выйти покурить, не стоять. Скамейки были освещены большим количеством арочных светильников, по два на каждую скамейку.

Высший класс.

Бен остановился и перевел «Эксплорер» на холостой ход. Я открыла свою дверь, но он оказался у нее прежде, чем я успела опустить ногу на подножку.

Я так и не успела поставить ногу на подножку. Положив руки мне на бедра, он вытащил меня из внедорожника и поставил на ноги. Не спрашивая, вытянул тюбик блеска для губ у меня из руки и спрятал его в карман пиджака. И после этого, хотя ступеньки были всего лишь в четырех футах от нас, он подвел меня к ним, держа за руку.

Провел меня на верхнюю площадку, я посмотрела на него снизу вверх.

— Вернись, — сказал он, затем наклонил голову и прикоснулся губами к моим свеженакрашенным губам без видимого отвращения к этому факту. Я смотрела, как он неторопливо возвращается к своему внедорожнику, прижимая большой палец к губам, стирая мой блеск. Что-то странное, но нежеланное всколыхнулось у меня внутри, когда

он это делал. Затем я наблюдала, как он захлопнул пассажирскую дверь, которую оставил открытой, обогнул капот, въехал под углом и уехал.

Я некоторое время не сводила глаз с переулка, прежде чем повернулась и посмотрела вниз на ступеньки.

Винни никогда не водил меня сюда.

В самом начале еще до того, как мы стали встречаться с Винни, у меня было свидание с парнем, который отвез меня сюда.

Как только Винни узнал, что какой-то парень отвез меня к Джузеппе, потребовал эксклюзив. Он понимал, что это может означать, когда парень ведет женщину к Джузеппе. Почему он сам не отвез меня сюда, теперь я уже никогда не узнаю.

Но сейчас я не могла войти внутрь. Одна. Поэтому вместо этого подошла к скамейке, села и стала ждать Бенни.

Он появился довольно-таки быстро, вышел из полутени, я заметила, как он тут же прищурился, глядя на меня.

Поднялась на ноги, он быстро подошел ко мне.

— Почему ты не вошла? — Спросил он.

— Жду тебя, — ответила я.

Он изучал меня секунду, прежде чем взял за руку и, не говоря ни слова, повел к лестнице.

Потом мы оказались внутри. Музыка играла так тихо, что ее едва можно было слышать.

В воздухе повис слабый гул разговоров, заставляющий предположить, что посетители предпочитали говорить шепотом. Приглушенный звон столового серебра о фарфор или хрустала о стекло. Свет свечей на столах и нескольких бра на стенах. Свежий, необычный, но сдержанный букет роз на стойке администрации.

Любовь витала в воздухе.

Ее шелковистое ощущение скользнуло по моему горлу, когда Бен остановил меня перед стойкой, пред нами появилась Елена. На ней было аккуратное черное платье-футляр, доходившее до колен, пара изящных черных босоножек с носочками-кикабу, волосы были убраны назад.

— Фрэнки и Бенни, — тихо произнесла она, ее губы изогнулись в легкой улыбке, руки опущены по бокам.

Елена была на десять лет старше меня, может быть, немного больше. Я знала ее не потому, что ела в ее ресторане только один раз, а потому, что она ходила в ту же церковь, что и моя семья, жила в нашем районе, так что я видела ее повсюду, и, даже имея собственный ресторан, она не раз приходила в пиццерию Винни (потому что все в районе не раз бывали у Винни).

Она очень подходила своему ресторану так же, как и ее отец до нее и, если верить слухам, ее бабушка до ее отца. Настоящая элегантность.

Она подошла ко мне первой. Взяла меня за руки, наклонилась и прикоснулась одной щекой к моей, затем переместилась, чтобы коснуться другой, прежде чем удержать мои руки и отодвинуться, поймав мой взгляд.

— Ты нормально? — спросила она.

— Да, — ответила я.

— Такая храбрая, — тихо произнесла она.

Она слышала. Это не было неожиданностью. Она была соседкой. Не говоря уже о том, что эта новость звучала по телевизору.

— Спасибо, — ответила я.

Она сжала мои руки, прежде чем отпустить, и повернулась к Бенни, оказав ему тот же прием, но без рукопожатия. Вместо этого она позволила своей руке легко лечь на его плечо.

Она отодвинулась от Бенни и сказала:

— Давай отведем вас к вашему столику.

Не дожидаясь нашего ответа, она заскользила по ресторану. Бен положил руку мне на голую поясницу и повел меня за ней.

Прошло совсем немного времени, как Бенни заказал столик, и я была удивлена, что Елена привела нас к главному месту — угловому столику, еще более тихому и уединенному, чем любой другой столик, благодаря стратегически расположенному кашпо. Она стояла в сторонке, одобрительно улыбаясь, когда Бен еще раз доказал, каким потрясающим он может быть, подошел ко мне, чтобы отодвинуть мой стул.

Я села. Он подвинул меня, обогнул стол и сел.

Елена подошла и протянула руку через стол, говоря:

— Сейчас принесут вам меню. Если вам что-нибудь понадобится, просто скажите. — Она опустила подбородок и закончила: — Buon appetito.

С этими словами скользнула прочь.

Я наблюдала, как она двигается, говоря:

— Она — чертовски крутая.

И услышала, как Бенни усмехнулся, соглашаясь:

— Да.

Я посмотрела на него.

— Ты был здесь раньше?

— Да, на тридцать пятую годовщину свадьбы мамы и папы. Они арендовали комнату. И привели сюда друзей.

— О, — пробормотала я, когда молодая женщина в потрясающем, но изысканном черном платье буквально подлетела к нашему столику и вручила нам с Беном узкое длинное меню в кожаном переплете.

Мы поблагодарили, едва она отошла, как появился официант в белой рубашке, черном галстуке, черных брюках и безупречно длинном белом фартуке с подставкой для шампанского, которую он поставил на пол с креслом Бенни.

— Комплимент от Елены, — пробормотал он, поставив на стол два бокала, вынул пробку и умело налил. — Я вернусь за вашим заказом и готов ответить на любые ваши вопросы, — заявил он, засовывая бутылку обратно в лед, затем отошел.

Шампанское было сюрпризом. С другой стороны, не каждый день девушка из района переживает похищение, ранение, ее история попадает в новости, а через пару недель идет на свидание со своим спасителем.

Все мы, выжившие в этой ситуации, были достойны праздновать. Это было очень похоже на Елену — думать с нами на одной волне и реализовать задуманное.

Я потянулась к своему бокалу шампанского, но увидела, как пальцы Бена сомкнулись на ножке, прежде чем я его взяла.

Он отодвинул бокал, и я посмотрела на него.

— Когда ты принимала последнюю таблетку? — спросил он.

— Сегодня утром, — ответила я.

— Тебе нужно выпить, чтобы пережить этот вечер?

Боль была невыносимой, и по опыту я знала, что, скорее всего, будет еще хуже. Так что ответ на этот вопрос был утвердительным.

Поэтому я дала ему этот ответ.

— Да.

— Фрэнки, почитай аннотацию, которая прилагается к твоим лекарствам. Никакого алкоголя.

Я моргнула.

— Но я у «Джузеппе».

— Да. И я привезу тебя сюда еще раз, тогда ты сможешь выпить столько шампанского, сколько захочешь. А сегодня не стоит.

Я потянулась за своим бокалом, сказав:

— Уверена, что все будет хорошо.

Бен отодвинул его дальше, заявив:

— Я не уверен, поэтому ты не будешь пить.

Я сосредоточилась на нем.

— Бен, всего лишь один бокал.

— Франческа, нет.

Именно тогда я пристально посмотрела на него и заявила:

— Это свидание становится совсем невеселым.

Мои слова ни в малейшей степени его не смутили, к такому выводу я пришла, когда он совершенно спокойно заявил:

— Будет совсем не весело, если у тебя случится припадок, или ты заснешь и не проснешься, или у тебя начнется приступ жуткой боли или другие причины, фармацевты поместили не просто так эту фразу в аннотации к лекарствам — ты не должна пить, пока принимаешь эти таблетки.

— Скорее всего, все будет не так драматично.

— Детка, в тебя стреляли. Вопреки всему святому в Чикаго, где уже давно нет бутлегерства, как в двадцатые, твой мужчина решил стать богатым и умным в итоге был убит. Твой брат вот-вот обанкротится из-за алиментов, которые будет выплачивать, или его история станет фильмом, снятым для телевидения, когда все те сучки, которых он пометил или пометит, потеряют рассудок и отвернутся от него и / или друг от друга. Ты — магнит для драм. Я знаю, что ты с приветом, потому что хочешь рискнуть на пустом месте. Но ты не сделаешь этого со мной.

— Как так получается, что ты можешь быть таким рациональным, заботливым и быть таким невероятно раздражающим? — спросила я внезапно, и он ухмыльнулся.

— Это сюрприз.

Я закатила глаза.

Бенни сделал глоток из моего бокала с шампанским.

Я открыла меню и принялась изучать его с намерением выучить каждое слово, даже если на это у меня уйдет вся ночь.

К сожалению, было бы невежливо заставлять официанта постоянно возвращаться к нашему столу, спрашивая, готовы ли мы сделать заказ. Поэтому, когда он появился в первый раз, я заказала жареных кальмаров, салат из шпината и ризотто с лобстерами, причем последнее было самым дорогим блюдом в меню.

Я закончила свой заказ словами:

— А в заключении, не утруждайте себя предложением взглянуть на поднос с десертами.

Просто принесите сюда поднос.

Он кивнул и посмотрел на Бенни, который сделал заказ, закончив его словами:

— У вашего бармена хватит духу приготовить «Девственный Беллини»? *(Коктейль «Девственный Беллини (Virgin Bellini)» В бокал для шампанского капнуть немного сиропа гренадин, налить до половины бокала персиковый сок и дополнить содовой. – прим. Пер.)*

Я сжала губы, потому что любила «Беллини». Мой любимый коктейль. Бенни, очевидно, помнил, и это было мило, что он помнил.

— Уверен, что он знает как, — ответил официант.

— Хорошо, тогда принесите моей девушке и постарайтесь проследить, чтобы в ее бокал не пустел.

Официант кивнул, взял меню, соединив его с тем, что забрал у меня, и унесся.

Бен посмотрел на меня.

— Приятно узнать, что «Линкольн» не умерил твой аппетит.

Я схватила салфетку, развернула ее и положила себе на колени.

Бенни продолжил, как только я положила салфетку на колени:

— Также приятно узнать, что мне необходимо будет повысить себе зарплату, чтобы я мог иногда приглашать тебя куда-нибудь и мог себе это позволить.

Я скрестила ноги под столом и стала передвигать свои столовые приборы, выравнивая аккуратно вокруг тарелки, хотя их уже и так тщательно разложили.

— Франческа, — позвал он.

Я скосила на него глаза.

— Что?

— Я бы купил тебе тарелку, доверху наполненную сапфирами, и был бы счастлив, сидя напротив тебя, пока ты перебирала их, если бы даже злилась на меня за то, что я рационален и заботлив.

Мой желудок сжался, сердце сжалось, я наклонилась к нему, чтобы прошептать:

— Перестань быть таким потрясающим.

Он откинул голову назад и рассмеялся, показывая мне, что не собирается прекращать быть таким потрясающим потому что, когда он смеялся, то становился еще более потрясающим.

Когда он закончил смеяться, его рука метнулась через стол и сомкнулась вокруг моей.

Подавшись вперед, он переплел свои пальцы с моими и положил наши руки на стол.

Потом посмотрел мне в глаза и заявил:

— Я годами ждал этого момента, детка. Спасибо, ты делаешь так, что ожидание того стоило.

— Ты все еще потрясающий, — сообщила я ему.

— Да, и это чертовски мило, что тебя это раздражает.

— Теперь ты ведешь себя потрясающе и безумно, — поделилась я.

Его голова слегка склонилась набок.

— Мужчине нравится то, что ему нравится. Я мужчина, которому нравишься ты с твоим характером.

— Как скажешь, — пробормотала я, хотя мне нравилось, что ему нравился мой характер, мне это очень нравилось.

— Что делает тебя счастливой? — внезапно спросил он, и я почувствовала, как мое тело содрогнулось от его вопроса, не только потому, что он задал его совершенно неожиданно, но и потому, что он был слишком значимым для меня.

— Что?!

— Что делает тебя счастливой? Чего ты хочешь в жизни?

— Я... — начала я, затем перебила саму себя, что собиралась сказать. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я хочу знать, хватит ли у меня сил сделать тебя счастливой.

Боже мой.

Бенни.

— Бен, — прошептала я.

— Я хочу детей. Трое или четверо. Мальчиков и девочек, но для меня их пол не играет особой роли, — заявил он. — Вот. Я хороший ресторатор. Доволен деньгами, которые у меня есть в банке. Появятся дети мне придется купить дом побольше. И я говорил уже тебе, какую женщину я хотел бы. Вот чего я хочу от жизни. Это сделало бы меня счастливым.

Он сказал прямо и открыто. Никаких уговоров, никакого дерьма, никаких игр, никакого утаивания дерьма, ожидания чего-либо, чтобы понять, подхожу ли я ему.

Он прямо сказал, что хочет получить, чтобы стать счастливым.

Выглядело все красиво.

Но я ничего не ответила, поэтому он спросил:

— Ты хочешь детей?

— Да, — ответила я.

— Сколько?

— На самом деле мне все равно, но больше, чем одного.

Его пальцы на мгновение сжались в моих, прежде чем он продолжил:

— Тебе нравится твоя работа?

— Да.

— Хочешь остаться на ней или стать мамой-домоседкой?

— Не знаю. Думаю, узнаю, когда появится первый ребенок.

— Согласен, — произнес он.

— А ты хочешь, чтобы мама твоих детей была домоседкой? — Спросила я.

— Хочу, чтобы она была счастлива, — ответил он. — Так что мне наплевать, если она так хочет. Чем бы это ни обернулось, мы разберемся.

Еще более потрясающий.

— Я переезжаю в Индианаполис, Бенни, — выпалила я, и моя рука напряглась в его. — Я должна. Я...

Его рука слегка дернулась.

— Не в следующую же минуту, детка.

Я закрыла рот.

— Я скажу вот что, — продолжил он. — Если ты хочешь получить этот приз, то должна работать ради него. И если на твоём пути встретятся препятствия, придется преодолевать их. Находить способ их преодолеть. Если мы хотим получить этот приз, то найдем способ. Это большое препятствие, с которым предстоит столкнуться.

Но его слова были просто идеальными.

— Хорошо, — тихо ответила я.

Его большой палец двигался, поглаживая тыльную сторону моей ладони, он спросил:

— Ты довольна нашим предыдущим разговором?

— В основном, — ответила я.

— С какой частью ты не согласна?

— Со всеми частями, все еще выглядит неловко и неудобно, — ответила я ему, имея в виду все, что он предлагал.

Его голова снова склонилась набок.

— Винни приводил тебя сюда?

Я отрицательно покачала головой.

— Я приводил сюда Конни.

Мое дыхание сбилось, и я уставилась в его глаза.

— У тебя есть прошлое, у меня есть прошлое, — заявил Бенни. — Ты любила мужчину. У меня была женщина, которая что-то значила для меня. Но это было тогда, Фрэнки, не сейчас. Просто твой мужчина был моим братом. Мы можем сделать из этого проблему, а можем просто опустить этот вопрос.

— Тебе легко отпустить этот вопрос? — Поинтересовалась я.

— Нет, но не потому, что он был твоим любимым мужчиной. Не потому, что ты была в моей жизни, как женщина моего брата, и мне пришлось наблюдать твою любовь к нему, а потом его потеряла. Потому что он поступил с тобой неправильно, и это меня бесит. Думаю, что со временем моя злость на брата утихнет.

— Ты хотел пойти со мной на свидание в старшей школе, — заметила я, даже не зная, почему вдруг это сказала, но Бен, должно быть, знал почему я это сказала, потому что его большой палец перестал поглаживать, снова сжав мою руку.

— Любила моего брата, думал, что ты крутая, ты была с ним, не позволяла мне думать об этом. Последние пару недель я позволил своим мозгам разобраться в этой ситуации. Тогда я не испытывал никакой ревности. Это не значит, когда между вами двумя пробежала черная кошка, это не стало ударом, потому что я все испортил в свое время. Ты была рядом, свободна, а я годами ни хрена не делал шага в твою сторону, его сделал Винни только лишь потому, что я валял дурака тогда. Но когда ты стала с ним вместе, мое валяние дурака закончилось, так и должно было быть. Итог таков — мне не доставляет радости, что ты потеряла то, что потеряла, когда потеряла его. Но его потеря не меняет того факта, я рад, что получил шанс. Я мог бы испытывать вину из-за этого, но на нас нет вины. Винни сам во всем виноват, что так закончил жизнь. В конце концов, так оно и есть.

— Но ты сказал, что подумывал приставать ко мне, когда я была с Винни, — указала я.

Он кивнул.

— И по этому поводу я тоже мог бы испытывать чувство вины, но ко мне это не относится. Он сделал свой выбор, да, он был моим братом, но я знал точно, что ты заслуживаешь лучшего. Дошло до того, что между вами двумя что-то пошло не так, стало ясно, что лучше уже не будет. Так что все пришло к тому, что я начал понимать, что хочу сделать тебя счастливой.

Я отвела взгляд, но его рука, пожимающая мою, заставила меня посмотреть ему в глаза, когда он продолжил.

— Если бы ты была не с Винни, а с каким-то другим придурком, поступившим с тобой неправильно, я бы сделал то же самое. Я бы переехал к тебе. Возможно кто-нибудь сказал бы, что это был бы idiotский поступок, будь твой мужчина моим братом или нет, но мне насрать. И по этому поводу я бы тоже не испытывал никакой вины. Вина лежит на этом придурке, бл*дь, за исключением того, что этот придурок оказался моим братом. Вычеркни Винни из уравнения, Фрэнки, и в итоге ты получишь мужчину, который хорошо к тебе относится. В этом нет ничего плохого. Ты можешь плевать огнем или целый год парить мне мозги, но все равно не сможешь убедить меня в обратном.

— Твои родители понимают, что происходит? — спросила я едва слышным шепотом.

— Да, — ответил он также тихо, как и говорил, но не шепотом.

— И они не против? — Теперь мой голос был шепотом, но писклявым.

— Им больше лет, чем нам. Они знают, что ты хорошая женщина. Они хотят, чтобы ты была счастлива. И они чертовски хотят, чтобы я был счастлив. Они достаточно судили, когда это было не их дело, и суждения, которые они выносили, были хреновыми. Они прошли урок, милая. От них не ускользнуло, что жизнь есть жизнь, и цель состоит в том, чтобы получить как можно больше счастья, пока живешь. Все могло бы пойти по-другому, если бы я сделал шаг, пока мой брат был жив. Они могли бы тогда коситься на меня, не одобрять. С другой стороны, они нутром чуяли, что он поступает с тобой неправильно, поэтому может и не выказывали бы неодобрения. Этого мы уже не узнаем. На данный момент в нашей сценарии никто не пострадает, потому что он умер.

— У тебя есть ответы на все, — заметила я без сарказма. Просто у него действительно были ответы на все вопросы, ответы на трудные для меня вопросы, которые, как мне казалось, вообще не существуют.

— Потому что есть ответы на эти вопросы.

— Почему так легко даются тебе эти ответы?

— Потому что я не делаю из них огромной проблемы.

Я почувствовала, как мои брови нахмурились.

— Ты думаешь, я делаю?

— Я думаю, поскольку ты любила моего брата, то почему-то считаешь, что предаешь его память, позволяя себе получить желаемое со мной. Но его память — это память, детка. Здесь нечего предавать. Все сводится к принятию решения, чего ты хочешь. И я хочу уточнить, прости за грубость слов, но я должен уточнить этот момент до конца. Он предал тебя до того, как его забрали из этого мира. Поэтому мой вопрос — почему, если он ушел, ты остаешься преданной ему?

— Ты слишком злишься на него, — прошептала я, совсем не испытывая хорошего предчувствия по поводу правдивых слов Бена, и совсем не испытывая хорошего предчувствия по целому ряду причин.

— Да. Потому что я любил его, и злюсь, что его убили. Злюсь, из-за чего его убили. Злюсь на себя, как повел с тобой после его смерти. Злюсь на то, что он сделал с тобой, родителями и моей семьей перед смертью. Я должен справиться с этой злостью, и я это сделаю. Но не вбивай себе в голову это дерьмо, чтобы сделать то, чего я от тебя хочу. В старшей школе я знал девушку, которая была сладкой с перчинкой, я упустил с ней тогда свой шанс, потому что был молод и глуп. Годы спустя я поумнел, получил еще раз этот шанс, и я им воспользуюсь. Винни просто оказался тем, кто оказался между нами. Это отстойно, потому что тебе от этого труднее, но я вижу эту ситуацию именно так. Он все усложнил. Но это в прошлом. Теперь есть только ты и я.

Слушая все, что он говорил, проникающие глубоко в меня, я почувствовала, как мое дыхание участилось, мне показалось, что я наконец-то получаю кислород после стольких лет, когда не могла вздохнуть полной грудью.

— Ты говоришь все правильные вещи. — Я сказала, как бы обвиняя и защищаясь, потому что хотела дышать; просто так долго жила без кислорода, что не верила, будто могу вздохнуть сейчас.

— Нет. Я говорю правильные вещи.

Мгновенно его слова вызвали у меня смешок, я не смогла его сдержать.

Бенни ухмыльнулся мне, спросив:

— Разве смешно?

— Я и сказала, что правильные, — объяснила я, улыбаясь ему в ответ.

Заметив мою улыбку, он внезапно потянул мою руку через стол, я зачарованно наблюдала, как его темноволосая голова склонилась над ней, а затем почувствовала, как его губы коснулись моих пальцев.

Он продолжал крепко держать меня за руку, даже когда его глаза поднялись к моим.

— Пару недель назад, когда ты тащила за мной из Чикаго, потом свернула, чтобы последовать за Вай, я почувствовал страх, детка. Казалось гнев, но это был страх, пробирающий до костей. Сэл сказал, что они схватили тебя, это вырвало мои внутренности. Не мог думать, потому что я знал, если бы задумался, то подумал бы о том, сколько времени потратил впустую, не выяснив отношений с тобой. Вошел в тот лес, увидел, как ты лежишь на земле. Единственное, что помешало мне разрядить обойму в этого ублюдка, это крик Вай, а ты посмотрела мне в глаза и произнесла ее слова одними губами, превратив их в гребаную шутку. Настоящая, черт побери, Фрэнки. Я никогда в жизни не любил женщину так, как сейчас. Честное слово, ты безумно красивая, и я был влюблен в тебя уже давно, не знаю, почему сейчас нахлынули эти эмоции. Я просто знаю, что бы это ни было, чувствую, что тот день был очень важным, чем-то огромным. Так что я хочу узнать все хорошее из этого важного и огромного. Все, о чем я прошу, позволь мне это испытать.

Я уставилась ему в глаза, слова застряли у меня в горле, мысли теснились в голове, чувства собирались в сердце, но прежде чем я смогла вымолвить хоть слово, тихий, почтительный голос официанта произнес:

— Мои извинения. Леди, «Беллини».

Опытной рукой, несмотря на то, что мы с Бенни чуть ли не лежали на столе, он поставил бокал рядом со мной и быстро удалился.

Я слегка отодвинулись назад, предоставив место бокалу, а когда официант ушел, Бен уставился ему в спину, будто хотел кинуть в него нож.

— Бен, — позвала я.

Он посмотрел на меня.

— Минута за минутой, милый, — прошептала я.

Он закрыл глаза, его рука все еще была в моей, сильно сжал, он снова опустил голову, поднимая мою руку, и прикоснулся губами к моим пальцам.

Я стиснула зубы, держа его за руку, борясь со слезами.

Он положил наши руки на стол, посмотрел на меня своими прекрасными глазами и прошептал в ответ:

— Минута за минутой, детка.

* * *

Три с половиной часа спустя я вышла из ванной и обнаружила Бенни на постели, уставившегося в телевизор. Поскольку он был в костюме, сейчас переоделся в серые, синекрасные клетчатые пижамные штаны, к которым присоединил белую футболку, свободно сидевшую на животе и плотно прилегающую к груди.

Я прикусила губу и направилась к кровати.

— Таблетка на тумбочке, милая, — пробормотал он в телевизор.

— Спасибо, — пробормотала я в одеяло, которое откидывала.

Я скользнула внутрь, повернулась, увидела таблетку, которую Бен принес для меня рядом со стаканом воды, который он также принес для меня, приняла ее, чувствуя его теплоту и заботу, и это было чистое безумие, но я чувствовала себя счастливой.

Я устроилась рядом с ним, но легла на кровать, положив голову на подушки, потому что устала за это день. У меня даже не хватило духу сесть прямо.

После тяжелого разговора, ужин прошел великолепно. Еда была феноменальной. Мы с Бенни болтали, подшучивали, смеялись, погрузившись в воспоминания совершенно естественным образом, за исключением того, что вспоминали то, что было раньше, когда мы были друзьями, плюс многое другое.

Я наелась, была довольна (хотя, была бы более довольна, если бы выпила бокал шампанского), мы оба молчали по дороге домой, но Бенни всю дорогу держал мою руку на своей ноге.

Когда мы оказались на кухне, он повернул меня, свободно держа в своих объятиях, наклонился, прикоснулся губами к моим и сказал:

— Иди наверх. Я поднимусь через минуту.

Я не стала с ним спорить. Поднялась наверх.

Сейчас было сейчас.

Я бы предпочла, чтобы мое первое свидание с Бенни Бьянки, на котором я начала избавляться от идеи вбить клин между нами, закончилось между нами жаркими поцелуями. Но из его слов после короткого поцелуя я поняла, что закончу вечер свидания, скорее всего, в обнимку с ним в постели, смотря телевизор.

Мне это тоже бы подошло.

После такого дня новых встрясок я не выдержу.

И то хорошее, что становилось потрясающим из всех черт натуры Бенни, означало, что он, вероятно, понял, что я вымоталась, поэтому не собирался на меня давить.

— Детка, сделай мне одолжение? — спросил он, все еще глядя в телевизор.

— Да? — подсказала я, когда он больше ничего не сказал.

— В следующий раз, когда я поведу тебя куда-нибудь, когда рана уже заживет, надень это платье.

Мои губы скривились, но я ничего не сказала.

Он продолжил:

— И я уверен, что они милые, но считай ты получила от меня разрешение снять трусики.

Конечно, у Бенни Бьянки были навыки, чтобы заметить трусики.

На это я внутренне улыбнулась, на словах пробормотала:

— Как скажешь.

Он проигнорировал мое «Как скажешь», продолжив:

— Если бы ты носила эти туфли каждый день до конца своей жизни, я был бы счастливым человеком.

Возможно, эти туфли не были коварными.

Скорее всего, они были чудесными.

Я не смогла сдержать улыбку, но она была малюсенькой, направленной в телевизор.

Пять минут спустя, когда началась реклама, Бенни повернулся ко мне. Наклонился, подняв руку, чтобы обхватить за подбородок, и приблизил свое лицо к моему.

Я посмотрела ему в глаза и затаила дыхание.

— Я был бы счастлив прямо сейчас, если бы мне не пришлось спать еще одну ночь на диване внизу, — тихо произнес он.

Я знала, о каком диване он говорит.

Было слишком быстро. Слишком быстро.

Но после ужина этим вечером мне было все равно.

— Не спи на том диване, — тихо ответила я. Хотя мой голос, возможно, был тихим, но сердце колотилось бешено.

Его глаза стали ласковыми, лицо еще приблизилось, и губы оказались на моих губах. Я только коснулась языком, но это был вкусный поцелуй, который мне очень понравился, прежде чем он отстранился.

Бенни, не теряя ни возможности, ни времени, подвинулся, скользнув под одеяло. Затем он просунул руку под меня и переместил так, чтобы я прижималась к его боку.

Я скользнула рукой по его плоскому животу.

— Завтра в десять у тебя осмотр у врача, — напомнил он мне.

— Да, — подтвердила я. Я вспомнила.

— Я отвезу тебя.

— Хорошо.

— Также позвоню Мэнни. После того как отвезу тебя домой, мы с ним съездим за твоей Z, чтобы я мог посмотреть ее.

— Хорошо.

— Мне нужно будет вернуться в пиццерию, Фрэнки. Хочешь, можешь позвонить подруге, чтобы она по болталась с тобой завтра вечером, пока я работаю?

— Будет неплохо.

Он сжал меня в объятиях.

— Хорошо.

После того как он закончил сжимать, его рука скользнула вверх в мои волосы. Затем он начал наматывать локон на палец.

Я не знаю, почему я это сделала, за исключением того, что я хотела это сделать, но я не получила немного из того, что хотела, и многое из того, что хотела, когда он вытянулся рядом со мной.

Итак, я сделала.

Повернула голову и поцеловала его футболку поверх груди.

Когда я это сделала, его пальцы перестали наматывать мои волосы, я почувствовала, как напряглись мышцы его живота под моей рукой.

Но когда я снова прижалась щекой к его груди, его пальцы снова задвигались в моих волосах, и его тело расслабилось рядом со мной.

— Спокойной ночи, милый. Спасибо тебе, — произнесла я в телевизор.

— Спокойной, детка.

Я обняла его и расслабилась рядом с ним, задаваясь вопросом, так ли это на самом деле. Если это так — получить то, чего хотела всю жизнь. Пусть он растянется рядом на кровати. Обещание рядом на всю ночь, чтобы проснуться с ним утром. Обещание, что это продолжается и на следующий день, а также вернется вечером к ужину. Обещание, которое останется обещанием — прекрасным, вечным, манящим, даже когда минута за минутой претворятся в жизнь, оставляя свой последний вдох на земле, зная, что ты прожил жизнь, наполненную красотой.

Если это и было так, то это чувство было странно безмятежным.

Можно было подумать, что нечто столь великолепное скорее всего будет связано с фейерверком.

Но такое обещание было не таким.

Оно было тихим, безмятежным, уютным.

Прекрасным.

Ты повзрослел

Я почувствовала, как руки крепче обхватили меня, и дымка сна слегка рассеялась.

Когда это произошло, почувствовала намного больше, и это намного больше состояло из моего тела, плотно прижатого к твердым мышцам Бенни, тепла нашего кокона из одеял и безопасности, создаваемой обоими.

Это было странное чувство.

Но мне оно понравилось.

Я откинула голову назад, открыв глаза, и увидела Бенни.

В полусне мой живот все равно ухнул вниз.

— Привет, — прошептал он, его голос был глубоким, слегка хриплым, и от его хриплости мой живот снова ухнул вниз.

— Привет, — ответила я.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Неуверенно, я мысленно пыталась проанализировать предыдущую ночь и обнаружила, либо кровать Бенни с ним рядом была чудодейственным эликсиром, либо то, что я приняла таблетку позднее и действие ее еще не закончилось, потому что чувствовала себя потрясающе хорошо.

— Хорошо, — ответила я.

— Хорошо, — пробормотал он, и я напряглась, когда он поднял голову и уткнулся лицом в мою шею.

Мое напряжение длилось миллисекунду, пока не почувствовала его губы на своей шее, тело растворилось в ощущениях, мои руки соскользнули с его груди, одну, просунув под его тело, он подвинулся, чтобы я смогла обхватить его обеими руками.

— Сейчас встану. — Прогрохотал он мне в кожу.

— А я еще вздремну, — ответила я.

— Мм. — Его тихое бормотание прокатилось дрожью по моей шее, скользнувшей вниз по позвоночнику, мои руки задвигались по интригующим бугоркам и ложбинкам его спины. Его губы скользнули вверх по моей шее, и я почувствовала, как его язык коснулся моего подбородка.

Я закрыла глаза, опуская руки ниже под его футболку и двигаясь вверх, желая исследовать его бугорки и ложбинки, кожа к коже.

Так было намного лучше. Его кожа была теплой и мягкой, бугорки и ложбинки завораживали.

Пока я беспрепятственно исследовала его грудь, одна из рук Бенни скользнула к моей заднице и обхватила ее.

Я сжала губы, чтобы подавить свое собственное «мм».

Но его губы приблизились к моему уху, и он прошептал:

— Мне нравятся твои прикосновения, детка, и нравятся они слишком сильно. Прекрати это сейчас же.

Я почувствовала разочарование, как только его рука сжала мою задницу, прежде чем переместиться к ложбинке на спине, и он оторвал голову от моего уха. Я открыла глаза, встретившись с ним глазами.

— Если доктор даст добро, мы продолжим, — тихо произнес он. — Если нет, мы будем ждать. Ожидание того стоит, знай, когда мы продолжим, оно того стоит.

Все еще сонная и слегка возбужденная, потому что я впервые исследовала тело Бенни, у меня не хватило духу не выпалить:

— Ты даже утром выглядишь потрясающе.

Он ухмыльнулся, глаза стали ласковыми, сексуальными, полными обещаний, сказав:

— Я всегда потрясающий, детка.

Из-за его высокомерия моей ласковости хватило ровно на три минуты, я прищурилась, глядя на него.

— Неужели? — Спросила я.

— Черт возьми, да, — ответил он, все еще ухмыляясь.

Прежде чем я успела возразить, он наклонил голову, прикоснулся губами к моим и отстранился.

— Поспи. Я быстро схожу в душ. Я разбужу тебя, когда тебе нужно будет собираться.

Сказав это, он еще раз прикоснулся к моим губам, убрал руки и скатился с кровати.

Но пока он все это проделывал, я пришла к выводу, что ни за что не смогу спать с голым Бенни в душе, находящимся в соседней комнате.

И все же я уютно устроилась под одеялом. Осторожно подтянув колени ближе к животу и все еще не чувствуя боли, улеглась поудобнее, закрыла глаза и прислушалась к шуму воды.

И почувствовала, как на губах медленно расплывается улыбка.

Улыбка исчезла, когда ворвались другие мысли.

Я не просыпалась в мужских объятиях уже больше семи лет, последними мужскими объятиями, в которых я проснулась, были объятия Винни.

Винни, как и Бенни, любил обниматься во время сна. Ему нравился контакт. Он всякий раз не упускал возможности дотронуться, как только мог — наяву, во сне, физически, словесно, даже давал мне знать, что думает обо мне, когда занимался своими делами. Иногда он приходил домой с цветами. Или приносил маленький сладкий подарок просто так. Или посылал открытку с любовным посланием. Винни потом смеялся над тем, что написал на открытке, но мы оба знали, что он правда имел в виду эти слова, когда писал, и поэтому это было очень сладким.

Когда он начал работать на Сэла, постепенно превращаясь в того, кем стал, «в состоявшегося мужчину», эти маленькие радости начали уменьшаться. Не физическая его привязанность ко мне. Словесная привязанность, подарки и открытки.

Понятно, что больно умные парни, пока изучали науку Сэла (определенно те, кто ее проходил) не должны были делать сладких милых подарков своей женщине. Очевидно, эти больно умные парни не должны были проявлять слабости даже по отношению к своей женщине. Очевидно, эти больно умные парни считали, что делать подобные вещи для любимой женщины — это слабость, в то время как женщина, которую он любил, думала обратное.

Трещина между нами стала образовываться еще тогда, когда он попытался предложить отцу сделать франчайзинг с пиццерией, я пыталась его отговорить (а он не слушал)...

Трещина становилась все глубже каждый раз, когда он совершал очередной безрассудный поступок, и я пыталась ему объяснить его безрассудство (а он не слушал)....

Трещина стала между нами еще больше, когда он связался с Сэлом...

Она и разлучила нас.

Я просто не хотела себе признаваться в этом и сдаваться.

Теперь я это поняла, вынужденная смириться с этим фактом, находясь в постели брата Винни.

И, лежа в постели Бенни после того, как впервые услышала намек на «Доброе утро» от Бенни Бьянки, намек — милый и сексуальный, намек, который, я точно была уверена, в дальнейшем мог стать только больше и лучше, меня поразила одна мысль, что для меня совершенно не имело значения, что я находилась в постели брата Винни. Я вспоминала о том, что у нас с ним было, и о том, почему все пошло наперекосяк. Теперь все разложилось по полочкам. Если бы я жила своей жизнью в течение этих семи лет до того, как меня ранили, чего я как раз и не сделала, то нашла бы мужчину, и по мере того, как постепенно привыкала бы к новому мужчине в моей жизни, эти мысли неизбежно посещали бы меня. И чтобы вернуть себе психическое здоровье и продолжить жить своей жизнью, мне в конце концов пришлось бы смириться с этим вопросом.

Винни был мертв. Я осталась жить. Он сделал свой выбор, я пыталась его отговорить ни один раз (я кричала на него) до посинения, пыталась его свернуть с этого ужасного пути.

Но он остался верен себе.

Сейчас его нет рядом со мной.

Но я есть.

И теперь решила двигаться дальше, и решив, нашла другого мужчину.

И этот мужчина просто случайно оказался его братом.

Вот и все. Вот куда привела меня жизнь. Если я позволю этому произойти и перестану бороться с Бенни, все может быть просто.

Для Бенни все было просто.

И ради Бенни я могла бы найти свой способ сделать это простым.

При этой мысли мои глаза закрылись, а из соседней комнаты доносились звуки воды.

К тому времени, как вода выключилась, я уже спала.

* * *

Я сидела рядом с Беном, пока он парковался перед моим жилым комплексом.

Я сжала губы и продолжала их сжимать, наблюдая, как Мэнни и его подруга выходят из красного «Шевроле Тахо», стоящего перед нами.

Мы должны были с ними встретиться после посещения врача, доктор назвал улучшение моего состояния «удовлетворительным» и повторил то, что сказал в больнице — швы внутри «рассасывающиеся» сами по себе, «клей» снаружи используется в косметических целях, надеюсь, мои рубцы исчезнут или будут едва заметны. Затем он приказал не увеличивать дозу обезболивающих, а принимать их только в том случае, если они мне действительно необходимы, и дал добро на «немного более напряженную деятельность и легкие физические тренировки».

У меня не хватило смелости спросить его, включают ли «легкие физические тренировки» в себя секс, потому что я старалась не думать о сексе с Бенни.

Хотя очень хотела секса с ним. В этом не было никаких сомнений.

Но у меня был в жизни один любовник, и этот любовник делился кое-чем с Бенни, так что он кое-что знал обо мне. Поэтому, если я позволю своим мыслям обдумывать секс с Бенни, скорее всего сойду с ума. Так что я не позволила своим мыслям двигаться в этом направлении.

Сейчас мы находились у моего дома, чтобы забрать мою Z, и мне предстояло пройти еще одно испытание — Мэнни, последний член семьи Бьянки, который провел последние семь

лет в лагере не самых больших моих поклонников. В отличие от Бенни (у которого была причина, учитывая, что я первая набросилась на него) и Терезы (которая не хотела плохо думать о своем сыне), у Мэнни не было причин прерывать со мной общение. Но он просто вычеркнул меня из своей жизни.

Я хорошо относилась к нему, можно сказать, что мы с ним сблизилась (не так, как с Беном, но мы были близки) и это было больно, потерять всех Бьянки.

Кармелла, их сестра, осталась верна себе. Она была второй по старшинству и рано начала взрослую жизнь, выйдя замуж и родив детей. Будучи девушкой с семьей и детьми, она повзрослела намного быстрее. Она видела, как обстоят дела с Винни-младшим, и была первой позвонившей ему, сказав, если он выберет Сэла, она будет лояльной к нему только на семейных встречах, но в остальном он для нее мертв.

Затем он все же связал свою судьбу с Сэлом, и умер для нее еще до того, как умер физически.

Она, в отличие от других, никогда не винила меня. Она все знала и понимала. Так что я никогда не теряла с ней связь.

Конечно, мы ежедневно не болтали с ней по телефону. Но, опять же, мы не занимались этой фигней, когда Винни был жив. Но она присылала мне открытки на Рождество и день рождения, время от времени переписывались с ней по электронной почте.

По застенчивому, нерешительному выражению лица Мэнни, когда он заглянул в окно внедорожника Бенни, я поняла, что ему не терпится встретиться со мной лицом к лицу.

Оказалось, что не так уж трудно сорвать с крючка кого-нибудь из Бьянки. Дело в том, что незавершенные дела прошлого настигали тебя в настоящем, когда я уже решила из всех сил двигаться дальше.

Бенни припарковался, мне удалось выпрыгнуть самостоятельно из машины в туфлях на платформе и высоком каблуке. Я плотнее запахнула куртку, на дворе стоял октябрь, и как раз этим утром бабье лето в Индиане сказало: «Прощай! Прощай!».

Бенни встретил меня на тротуаре и, крепко сжав мою руку, повел нас к Мэнни и его женщине.

Я решила побыстрее покончить с этим и крикнула «Привет», широко улыбаясь, когда мы были в десяти футах друг от друга.

Мэнни удивленно моргнул, я заметила, как дернулась голова его женщины.

Отчего сосредоточилась на ней.

Про себя отметила, что она была хорошенькой и миниатюрной, что неудивительно для Мэнни. Ему нравились маленькие, но округлые женщины, всегда нравились. У нее были сильно вьющиеся темные волосы, красивые голубые глаза, она была одета почти так же, как и я, что сказало мне, что это была ее обычная униформа — каблуки на платформе, куртка, свитер и джинсы.

Я также заметила, что она была напряжена, и мне это понравилось. Не потому, что она напряглась, может нервничала, а потому, скорее всего, она была в курсе нашей истории, вернее моей истории с семьей Бьянки, поэтому беспокоилась за своего мужчину.

Другими словами, мне тоже пришлось снять ее с крючка.

Поэтому, когда мы подошли ближе, я выдернула руку из руки Бенни, подошла вплотную и обняла Мэнни.

Ему потребовалась секунда, но затем его руки свободно сомкнулись вокруг меня.

Это было хорошо, и так оно и было. Дело сделано. Стоя в объятиях Мэнни, я официально вернулась в лоно семьи Бьянки.

Отчего мой голос стал звучать хрипло, когда я сказала ему на ухо:

— Спасибо, что забрал мою машину от дома Харта. — Затем я обняла его, отодвинулась от него и широко улыбнулась.

Он секунду смотрел на меня с удивлением своими темными глазами, прежде чем тихо сказал:

— Без проблем, Фрэнки. Рад, что смог что-то для тебя сделать.

Я продолжала улыбаться ему, потом отстранилась и протянула руку его женщине.

— Привет, я Фрэнки.

— Э-э, Села, — ответила она, пожимая мою руку, ее глаза метались между Мэнни и мной.

Я понимала, что она не хотела показаться грубой, когда не смотрела на меня, но она хотела получить подтверждение от своего парня.

Да, она мне понравилась.

Чтобы предоставить ей такую возможность, я быстро сказала:

— Приятно познакомиться, — направив свою улыбку в ее сторону. Затем сжала ее руку, отпустила и посмотрела на Бена.

— Мы можем подняться очень быстро ко мне в квартиру, чтобы я могла забрать свой ноутбук и еще кое-какое барахло?

Он улыбался мне, глядя сверху вниз, его глаза светились теплотой и счастьем — одобрение, как я справилась с этим нелегким делом, ясно читалось на его лице, его губы шевельнулись:

— Все, что захочешь, милая.

Я одарила его ухмылкой, затем глянула на Мэнни и его девушку.

— Как только мы вернемся, может все вместе пойдём пообедать.

Мэнни медленно улыбнулся мне. Села уставилась на меня и придвинулась ближе к Мэнни.

Бенни обнял меня за плечи и крепко прижал к себе, пробормотав:

— Хороший план.

— Ладно, я уже проголодалась, пошли, — сказала я, направляясь к зданию, обнимая Бенни и увлекая его за собой.

Я успела сделать два шага, прежде чем Мэнни обогнул нас с боку и остановился, схватив меня за руку.

Я посмотрела на него.

Он заговорил.

— Должен сказать...

— Не надо, — прошептала я, крепко сжимая его пальцы. — Не надо. Конец. Конец для всех. Просто позволь этому закончиться, Мэнни. Хорошо?

Он выдержал мой пристальный взгляд, его рука с силой сжала мою, прежде чем он сказал:

— Да, Фрэнки.

Я одарила его еще одной улыбкой. Он ответил мне такой же и отпустил мою руку.

Бенни подвел меня к зданию.

Я набрала код, чтобы открыть дверь. Мы были в вестибюле, он вел меня к лифтам, наклонив голову так, чтобы я слышала его.

— Ты знаешь, что ты чертовски крутая, а? — спросил он.

В моей груди потеплело, едва улыбнулась, я подняла голову, он поднял свою. Когда он поднял голову, я поймала его взгляд.

— Черт возьми, да.

Он притянул меня ближе, смеясь.

* * *

— Пошло к черту! — пробормотала я, наклоняясь вперед и кладя свой ноутбук на кофейный столик Бенни.

Я поднялась с его дивана и прошлась по дому. Пункт назначения: гараж, где Бенни работал над моей машиной Z.

Понятно, что мы перегнали Z. Мы также перекусили на скорую руку с Мэнни и Селой. Мужчина, как и его брат, не упустил возможности, которую предоставило ему мое быстрое прощение. Он снова превратился в прежнего Мэнни, подшучивал, подкальвал, отпускал много шуток и вообще вел себя как надоедливый младший брат, которого все обожали по пустяковым причинам, и обожали его все, потому что он был надоедливым.

Села оттаяла, поняв, что я не собираюсь устраивать взбучку Мэнни, даже пассивно-агрессивным способом, и я была удивлена, обнаружив, что она оказалась милой, в том смысле, в каком была милой Конни. Очевидно, в отличие от своего брата, Мэнни не хотел ежедневного вызова от женщины. Он хотел, чтобы женщина слушалась его и приходила туда, когда ей прикажут. Наблюдая за ними двумя, я была рада, что он нашел ту, кого хотел, и преуспел в этом.

По пути в гараж я не обратила внимания на свою куртку, которую повесила на спинку кухонного стула Бенни. Думала, что не буду слишком долго находиться на холоде, поэтому она мне не понадобится. Итак, я вышла, спустилась по крыльцу и цементной дорожке и пошла к гаражу. Открыла боковую дверь и услышала музыку, хотя музыку услышала еще до того, как открыла дверь. Песня [Металлик «Где бы я ни бродил»](#).

Меня охватило еще одно желание улыбнуться. Было не так много музыки, которая мне не нравилась, но нельзя было отрицать, что в глубине души я любила металл. Бен тоже был помешан на металле. Об этом я знала еще со средней школы. Я полюбила металл тоже со средней школы, и прямо в этот момент у меня пронеслась мысль, если все получится между нами, скорее всего, мы не будем ссориться из-за того, что будет играть на стерео.

Я встала между его внедорожником и моим Z, который был загнан задним ходом в гараж, половина туловища Бена находилась под капотом.

Есть такие вещи, которые могут делать только мужчины, считая их вполне нормальными, он понятия не имел, что, делая эти вещи, мужчины доставляли бы личное удовольствие таким девушкам, как я.

Работа под капотом автомобиля была одной из них.

Я справилась с трепетом и позвала:

— Эй.

Он оторвался от того, что делал, положил предплечья на грязное одеяло, которое набросил на борт машины. Его руки были в черном масле, в одной руке он держал какой-то инструмент, перевел взгляд на меня, и мое трепетание внизу живота стало труднее контролировать.

— Ты должна надеть куртку, — было его приветствие.

— Я не останусь здесь на долго, — поделилась я.

— Ты должна надеть куртку, — повторил он.

Внезапно трепетание стало намного легче контролировать.

— Я не собиралась оставаться здесь долго. Но поскольку тебе нужно дать мне указания в стиле Бенни, тогда возможно, я пробуду здесь год.

Его глаза улыбнулись, а губы пробормотали:

— В стиле Бенни.

Я его позабавила своими словами.

Отчего была счастлива и слегка взволнована — противоречивые эмоции, которые, как я уже поняла, Бенни умело во мне вызывал.

— Хочу отметить, что ты сам в футболке, — заявила я, так как было холодно, мне не хотелось начинать ссору с Бенни. Иначе я пробуду в гараже намного дольше, чем планировала, подтвердив его правоту насчет, что мне стоило надеть куртку.

— Я парень.

Услышав его слова, я моргнула, затем уставилась на него, забыв за чем пришла, в основном потому, что его замечание очень раздражало, а когда он раздражал, у меня было все время в мире, чтобы поругаться с ним.

— Женщине значит нужна куртка, а у парня что иммунитет к холоду? — Спросила я.

— Нет. Моей женщине нужна куртка, потому что я не хочу, чтобы она замерзла или простудилась. Мне насрать на других женщин. Они могут бегать голышом в пятьдесят градусов. Но ты должна быть в куртке. ($+50^{\circ}F = +10^{\circ}C$ – прим. пер)

— Ну вот, опять ты меня раздражаешь.

Его губы изогнулись.

— Я же говорил тебе, что я — подарок.

Я приподняла брови.

— Как ты думаешь, если бы я бросила вызов, человек, который не вставит последнее слово, проиграет, тогда бы мы проторчали здесь целую вечность?

— Возможно.

— Давай не будем этого делать, — предложила я.

— Я не против, если бы ты вернулась и надела куртку.

Теперь я не была счастлива, а была просто взбешена.

Вот почему запрокинула голову, повернув голову к гаражной двери, и закричала:

— Prrr!

— Детка, — позвал он.

Я снова посмотрела на него.

— Давай перейдем к той части, зачем ты пришла, — предложил он.

Я глубоко вздохнула и спросила:

— Может тебе принести пить или еще что-нибудь?

Он ухмыльнулся и ответил:

— Нет.

Я кивнула. Предложение сделать что-то приятное для него, пока он делал что-то приятное для меня, было отклонено. Теперь пришло время перейти к тому, зачем я пришла.

— Твой пароль к Wi-Fi не работает.

Секунду он выглядел озадаченным, прежде чем спросил:

— Что?!

— Твой пароль к Wi-Fi не работает. Я пытаюсь подключить свой ноутбук, чтобы проверить свою электронную почту. Пароль, который ты мне дал, не работает.

— Ты набираешь его правильно?

— Ну, судя по тому, что я набирала его сорок пять тысяч раз, предполагаю, что в один из тех раз я все же набрала его правильно.

— Сорок пять тысяч?! — спросил он, брови поползли вверх вместе с кончиками губ. — Я здесь всего двадцать минут, детка. Должно быть ты набирала с бешеной скоростью.

Я закатила глаза, прежде чем снова перевести их на него и сказать:

— Бен, если я смогу получить доступ к своей электронной почте, то смогу разобраться с некоторой рутинной, сделать кое-какую работу, вернуться в ритм, почувствовать, что моя жизнь снова под контролем. Я могу сделать это на своем телефоне, но на моем ноутбуке это было бы намного проще. Было бы полезно, если бы ты смог покопаться у себя в мозгу, и сказать, правильный ли пароль ты мне дал.

— Честно говоря, понятия не имею, — ответил он. — Я использую интернет только для телевизоров, установил его по крайней мере год назад. Но пароль, который я тебе дал, пароль к маршрутизатору.

Поскольку его пароль был 13579000BB, хотя это было бы трудно забыть, я перепробовала все — вводила на один 0 меньше, на два 0 больше, вообще без 0, но что-то было не так.

— Ты его где-нибудь записывал? — Поинтересовалась я.

— Конечно, — ответил он.

— Куда?

— Понятия не имею, — ответил он с усмешкой.

Я посмотрела на свою машину, затем снова на него, почувствовав, как холод просачивается сквозь мой тонкий свитер. Мне нужно было все выяснить до того, как я буду дрожать, давая Бену возможность доказать, что он оказался прав.

— Хорошо, ты сейчас кое-что делаешь для меня, поэтому просто спрошу, когда ты закончишь с моей машиной, ты сделаешь кое-что для меня — найдешь, где ты записал пароль?

— Конечно.

— Спасибо, — пробормотала я, делая движение, чтобы уйти.

— Детка? — позвал он, и я оглянулась на него.

— Что?

— Иди сюда, — приказал он, все еще опираясь руками о борт моей машины.

— Что, Бен?

— Иди сюда.

— Как ты недавно заметил, здесь холодно. Так что просто скажи... что?

— Иди сюда.

Я прищурилась.

— Ты это серьезно?

Он ухмыльнулся.

— Бен, что ты хочешь? — Спросила я.

— Франческа, иди... сюда.

— О, ладно, — огрызнулась я и обошла машину, останавливаясь рядом. — Что? — коротко спросила я.

— Иди сюда, — повторил он, не двигаясь, кроме шеи, чтобы иметь возможность посмотреть на меня снизу вверх.

— Я уже подошла, Бен, — указала я.

— Нет, детка, не подошла. Единственное, чего я хочу, прежде чем ты вернешься в дом, дотронуться до твоих губ.

Его слова вызвали трепет вместе с уханьем вниз, в груди сразу потеплело.

Но я не была бы собой, поэтому не сдвинулась с места, а наклонила торс к нему, прижавшись губами к его губам.

Я намеревалась только дотронуться до его губ, он даже не пошевелил руками, удерживая меня, прикоснувшись языком к моим губам. Естественно, его обещание языком, заставили

мои губы раскрыться сами собой, и его язык тут же скользнул внутрь. Мне так понравилось, что тело отреагировало, мне пришлось ухватиться за его бока, чтобы не упасть.

Он отпустил мои губы и тихо сказал:

— Я скоро закончу и найду тебе пароль.

— Спасибо, милый, — прошептала я, его поцелуй (как он настаивал на нем, как принял его, небрежно наклонившись ко мне от машины, но все же умудрившись полностью завладеть моим ртом, я посчитала горячим), заставило мои эмоции выплеснуться.

Я все еще стояла близко к нему, поэтому увидела улыбку в его глазах. Поэтому, скорее всего, он тоже видел только мою улыбку.

Я сделала шаг назад, Бен повернулся обратно к моей машине.

Я шла к дому, думая о том, что потратила недели, сходя с ума по идеи меня с Беном. Мучая себя постоянно. Желая быть с ним, при этом, находя, уйму предлогов, отговорить себя от этой затеи.

Но получив желаемое (легкость, естественность, волнение происходящие от этого) теперь я задавалась вопросом, зачем я так себя мучила?

* * *

Я стояла в холле дома Бенни, наблюдая за ним в столовой и испытывая эмоции там в столовой.

Эти чувства, буквально приковали меня к месту.

И самое странное были мои ощущения от его спокойных, безмолвных действий.

Бенни.

Он пришел из гаража на сорок пять минут раньше, вымыл руки и сразу отправился на поиски пароля.

Отчего со мной и случился глубокий шок, который я сейчас испытывала.

Потому что прошел по меньшей мере час после того, как я вышла из гаража, попросив найти куда он записал пароль. Когда он вернулся, то сразу же начал искать, я даже брови не подняла, намекнув ему, что он обещал, и я кое о чем его просила.

Он не мог вспомнить, куда записал пароль.

Он не нашел его в кабинете, ни на столе, ни в беспорядочных бумагах, сложенных в расширяющуюся папку, даже в стопках бумаг, беспорядочно сложенных у стены.

Затем он пошел на кухню, где был не один, а целых три ящика, набитых всяким хламом, в том числе клочками бумаг, корешками счетов и конвертами, которые следовало давно выбросить.

Там он тоже не нашел.

Сейчас он перебирал какое-то барахло в столовой, пытаясь найти пароль, но барахла было так много, что мог понадобиться целый год, чтобы разобрать все.

Я предложила свою помощь, но он ответил, что помнит, как выглядело то, куда он его записал, я, скорее всего, не найду, даже если он окажется у меня в руке.

И я пребывала в глубоком шоке, потому что Бенни был Бьянки. Я знала его много лет, и это на него было совсем не похоже, на того, которого я знала. Это был не тот Бьянки. Даже Тереза была на такое не способна. Причина, по которой я пребывала в ступоре, заключалась в том, что Бенни был совершенно спокоен, он не психовал и не злился. Он ни капли не проявлял раздражения, разочарования или нетерпения.

Он искал клочок бумаги с написанными цифрами в течение сорока пяти минут. Клочок бумаги, который лично ему был совершенно не нужен. Клочок бумаги, который был бы для

меня спасением. Этот клочок бумаги явно был ему не нужен, судя по тому, что он пользовался интернетом уже год, роутер находился в рабочем состоянии, то есть, для него пароль был пустым звуком.

Я думала, что он вот-вот сдастся, попросит меня и дальше пользоваться своим телефоном или потащит мою задницу в интернет-кафе. Я даже думала, что он взорвется, вымещая на мне свое раздражение из-за того, что не может вспомнить, куда засунул этот клочок бумаги. Он не сделал ни того, ни другого.

Он просто продолжал искать.

Я не могла это осмыслить.

Не могла, потому что Винни-младший поискал бы ровно пятнадцать минут и сдался бы. Он бы извинился, но занялся бы потом своими делами, а я стала бы искать то, что было мне необходимо.

Винни-старший переложил бы поиск на Терезу, несмотря на то, что она до конца бы не понимала, что конкретно нужно искать. Но пока искала, непрерывно бы спрашивала его, было ли это то или вот это то, отчего Винни-старший, в конце концов, присоединился бы к ней в поисках. И потом он, наконец, взорвался бы, не на кого-нибудь, а просто взорвался бы, потому что не запомнил куда засунул клочок с важной информацией, где быстро мог бы его найти.

Семь лет назад Бен был копией своего отца.

Теперь он стал другим.

— Черт, вот он. — Услышала я его бормотание, и мое внимание переключилось на него в столовой.

Он направился ко мне с клочком бумаги в руке. Подошел, протянул его мне и сразу же обхватил рукой сбоку мою шею, наклонившись, чтобы поцеловать, пока я стояла совершенно неподвижно, все еще пребывая в шоке.

Он поцеловал мою макушку, отпустил и сказал, направляясь к лестнице:

— Проверь, милая. Мне нужно разобраться со своим дерьмом и добраться до ресторана, но я хочу убедиться, что все работает, прежде чем уеду. — Я развернулась лицом к лестнице. Заметила, как он остановился и посмотрел на меня сверху вниз. — Если и этот не подойдет, я пойду к Тони. У него такая же система, как у меня, думаю он будет не против, если ты подключишься к его интернету.

Я почувствовала, как мои губы приоткрылись.

Бен повернулся и побежал вверх по оставшимся ступенькам.

Я уставилась на лестницу, опустила взгляд на бумажку в руке, затем снова подняла глаза на лестницу.

Он уже опаздывал.

Он искал этот листок бумаги до тех пор, пока не нашел, хотя уже опаздывал.

На самом деле он мог бы не искать его для меня, а просто попросить своего соседа Тони позволить мне воспользоваться его Wi-Fi.

Но он продолжал искать.

Терпеливо.

Для меня.

Я не знала, как на это отреагировать, и понимала почему.

Потому что Винни-младший никогда бы так не поступил. Так же и Винни-старший. Дело было не в том, каким Бенни был раньше.

И мой отец тоже, хотя он мог быть мягким и одновременно вспыльчивым. Он никогда бы не потратил сорок пять минут на поиски клочка бумажки, даже если бы это было важно, даже если бы этот клочок засунул куда-то он сам.

Если он не мог найти что-то в течение пяти минут, то кричал: «Тебе это нужно, найди сама, черт возьми», и уходил.

И я знала об этом, потому что, само собой разумеется, он прожил жизнь, растеряв много важных вещей. У него были дети и много женщин, нуждающиеся в этих важных вещах, которые просили о них, но он не мог их найти в себе, может поэтому он просто продолжал жить своей жизнью так, как считал нужным, особо не заморачиваясь, он не хотел, чтобы что-то ограничивало его.

Например, сохранять важные вещи.

Его женщин и детей.

Размышляя о своем отце и о том, каким он был раньше (вероятно, таким и остался теперь), мне было трудно осознать поступок Бенни, поэтому я стояла на том же месте, когда он стал спускаться по лестнице. Он всего лишь сменил свою заляпанную машинным маслом футболку на новую, скорее всего, это заняло у него около двух минут, но все же.

Заметив, что я так и стою, Бен подошел ко мне с уверенным и обеспокоенным выражением на лице.

Он поднял руку, снова обхватив мою шею, спросил:

— Детка, ты в порядке?

Я посмотрела ему прямо в глаза и заявила:

— Ты искал сорок пять минут пароль для меня, опаздывая, но продолжал его искать.

Новое выражение появилось у него на лице, пальцы слегка впились мне в кожу, когда он ответил:

— Я одержал победу с паролем, приятно, что я его нашел, чтобы ты могла получить доступ к своему ноутбуку, но я также хотел его найти, потому что было бы отстойно, если бы роутер вышел из строя или что-то в этом роде, черт побери, и мне понадобился бы пароль, чтобы снова подключить мои телевизоры, а у меня его не было бы под рукой. Так что я искал его и для себя тоже.

Он ответил прямо, честно, не утаивая, что искал его и для себя, а не чтобы заработать очки передо мной.

Еще одно выражение появилось на его лице, когда он заметил, как мое лицо изменило свое выражение прежде, чем он пробормотал:

— Видишь, я тоже выиграл.

— Ты повзрослел, Бенни Бьянки, — прошептала я, и именно тогда мягкость и нежность появились на его лице, а его рука на моей шее притянула меня ближе.

— Ты сегодня упростила задачу Мэнни, и это добавило еще одно доказательство к той куче, которую я уже знаю, поэтому ты тоже повзрослела, Фрэнки Кончетти, — прошептал он в ответ.

— Да, но мне нравится, что ты повзрослел.

При этом он подарил мне удивленное удовлетворение, прежде чем его глаза потемнели так, что мое сердце учащенно забилось. Его рука на моей шее притянула меня еще ближе, на этот раз его голова склонилась к моей.

Потом он поцеловал меня. Ни вторгшись языком, ни жарким поцелуем, когда я оказалась прижатой к стене в своей квартире. А глубоким, влажным, долгим, потрясающим поцелуем. Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Готов убить, чтобы продолжить в том же духе, но мне пора на работу.

Да.

Он определенно повзрослел.

И мне понравилось.

— Тебе составит кто-нибудь компанию? — Поинтересовался он.

— Да. Моя подруга Джейми.

— Хорошо. Если вам двоим понадобится ужин, позвони мне на мобильный. Я пришлю кого-нибудь из ребятни с пиццей или ригатони, запеченных в горшочке, или еще с чем-нибудь.

Ригатони в горшочке Бьянки. Уступают по вкусу пиццы Бьянки, и некоторые (ошибочно) утверждали, что они лучше.

Джейми точно нужно попробовать.

Мне тоже.

— Спасибо, Бен, — прошептала я.

— В любое время, детка, — прошептал он в ответ.

Я поднялась на цыпочки, прикоснувшись своими губами к его.

Когда я качнулась назад на своих каблуках, он ухмылялся.

Я улыбнулась ему в ответ.

Он воспринял мою улыбку, его глаза опустились к моим губам, прежде чем вернуться к моим глазам, он заметил:

— Я так понимаю, ты не проверила пароль.

Я отрицательно покачала головой.

Его рука слегка подтолкнула меня в сторону гостиной, когда он приказал:

— Займись этим, милая. Я должен идти, но, если мне нужно поговорить с Тони, я заскочу к нему.

— Хорошо, — пробормотала я, выбравшись из его объятий, направившись в гостиную.

Пароль, написанный на бумажке, отличался на одну букву от того, который дал мне ранее Бенни. Он заканчивался не на ВВ, а на ВАВ — его инициалы. Бенито Алессандро Бьянки.

И у меня все получилось.

* * *

Я почувствовала, как руки крепче обхватили меня, и дымка сна слегка рассеялась.

Когда это произошло, почувствовала намного больше тело Бенни перемещалось к моему, пока он перемещал мое тело к своему.

Я откинула голову назад, открыв глаза, сквозь темноту увидела Бенни.

В полусне мой живот все жн ухнул.

— Спи, детка, — прошептал он.

— Вечер прошел хорошо? — сонно пробормотала я.

— Обычное безумие. Оно закончилось. Спи.

— Спасибо, что прислал ригатони в горшочке. Джейми понравились, — сказала я ему тихо-тихо.

— Если тебе понадобится еда в любое время, я тебя накормлю. А теперь давай спи, милая.

Я опустила подбородок, прижалась лицом к его шее и пробормотала:

— Хорошо, Бенни.

Он сжал меня в объятиях.

Я передвинулась, чтобы обнять его за талию, положив руку.

Затем я сделала, как он велел, снова заснула.

9

С тобой нелегко

Мои руки находились на руле моего Z, я направлялась в сторону пиццерии Винни и Бенни. И я была вне себя.

Это был первый раз, когда я села за руль своей машины с тех пор, как подъехала к дому Харта, следуя за машиной с головорезами Харта, везущими Вай.

Но не по этой причине я была вне себя.

Прошло три дня с тех пор, как мы с Бенни впервые примерили на себя идею Бенни и меня, посмотреть, насколько она жизнеспособна.

Предыдущие три дня были хорошими, идея вроде бы подошла.

Я определенно поправлялась. Больше передвигалась, меньше уставала, боль превратилась из иногда острой и иногда ноющей в иногда ноющую.

Это означало, что за последние три дня мне удалось многое сделать. Разгрести электронную почту и договориться с моими клиентами о переводе их к новым представителям. Поболтать с друзьями, дав им понять, что со мной все хорошо.

И два утра я ходила с миссис Замбино на ее силовые прогулки, из которых она убрала «силу» (свой мяч для боулинга) из уважения ко мне, но все равно прогулки были приятными. Выхожу, двигаюсь, набираю в легкие свежего воздуха и получаю удовольствие от миссис Замбино, которая была хорошей компанией в стиле капризной, всезнающей старушки.

А накануне вечером я угостила Ашику одной из пицц Бенни в пиццерии — еще одно преодоленное препятствие, я пришла туда впервые с тех пор, как мы потеряли Винни. Я попросила у Бенни номер Селы и позвонила ей, предложив присоединиться к нам, и она согласилась.

Единственно странным было то, что я увидела над пиццерией табличку с именем Бенни, но еще странное заключалось в том, что видеть его имя над пиццерией было приятно. Как будто я гордилась тем, что он сделал и чего достиг, но также гордилась, что была его женщиной, когда входила в ресторан, над дверями которого красовалось его имя. Что-то осязаемое. Реальное. Не Бенни создал эту пиццерию, но я знала, что он сохранял и берег многолетние традиции на кухне, потому что ресторан ничуть не утратил своей популярности. Следовательно, именно Бенни поддерживал семейный бизнес и традиции в рабочем состоянии.

Нет, поддерживал процветание семейного бизнеса.

Так что я гордилась им и гордилась тем, что мужчина, который делал такие важные вещи, хочет быть со мной. И эта гордость пришла вместе со странным чувством покоя.

Было бы легко это состояние испортить, вспомнив время с Винни, предпочитающим делать как раз совсем неправильные шаги в жизни, чем жестоко поплатился за это.

Но я не стала отпускать мысли в свое прошлое. Я вошла с девушками в его ресторан с высоко поднятой головой, заранее зная, что мой мужчина поразит их своими блюдами, а также понимая, если я буду держать себя в руках и не буду надумывать то, создавая лишние сложности, что не нужно надумывать, то меня ждет настоящее «Вау» — мужчина только для меня.

Мы девочки прекрасно провели время, нам было весело, Бенни работал на кухне, не изображал из себя сторожевого пса, поэтому я смогла выпить пару бокалов кьянти, что было совсем не отстойно.

Мэнни, работающий в зале ресторана (иногда с Терезой, иногда она брала отгул на вечер), часто подходил к нашему столику, потому что за нашим столиком сидела Села, это было мило, несмотря на то, что они жили вместе, но он хотел уделить ей внимание даже сейчас, когда мог.

Винни-старший, как и Тереза, «вышел на пенсию», но эти слова можно было толковать вольно. Бен говорил, что отец частенько навещался, совал свой нос везде, даже работал на кухне, помогая Бену, или приходил, чтобы у Бена мог выдаться свободный вечер. Но в основном ресторан он оставил на попечении Бенни.

Тереза не привыкла сидеть без дела и расслабляться вечерами за игрой или полицейскими шоу, тоже «вышла на пенсию». Это означало, что она по-прежнему появлялась в ресторане чаще, нежели отдыхала на пенсии.

Терезы не было вчера вечером, но Мэнни нашел время подойти к нашему столику, чтобы развлечь нас.

Бен также появился один раз, поцеловал меня, поприветствовал девочек, сказал Ашике, что она непременно получит удовольствие от пиццы.

Ашика и получила.

На самом деле она мне сказала, попробовав пиццу (и свежие хлебные палочки, а также отдавав порцию большого салата с банановым перцем, оливками, домашними гренками и полезной присыпкой из свежесжатого сыра пармезан в легкой заправке на масляной основе), что я не должна ей ничего за душ. Я выплатила ей долг.

Я поняла. Еда была очень вкусной, а теплая и гостеприимная атмосфера ресторана, со столиками в красно-белую клетку скатертями, с фотографиями семьи по всем стенам, невозможно было превзойти.

И все же я собиралась сделать для нее кое-что еще. Я должна была. Иначе я не была бы собой.

Я просыпалась четыре утра подряд в объятиях Бенни с нежным «привет», тычками носом и теплых пожатий рук, но дальше Бенни не шел. Мы часто целовались. Никаких жарких и интенсивных поцелуев, он часто целовал меня, либо завладевая моим ртом в сладком поцелуе, прикасаясь своими губами к моим, либо не торопясь, чтобы сделать поцелуй глубже, но не настойчиво. Не толкаясь языком.

Были и другие знаки — обнимание, время от времени поворачивал меня в своих объятиях, просто, чтобы обнять и прикоснуться губами к моей шее, у меня было ощущение, что он дает мне время привыкнуть к нему. И дело было не в том, что он хотел быть уверенным, что я нахожусь в хорошей форме и здорова. Речь шла о том, что он хотел быть уверенным, что я в хорошей физической форме и здорова психически. И готова вместе с ним сделать следующий шаг.

Мы правда жили вместе, но Бенни все еще давал мне возможность ходить с ним на свидания, чтобы узнать друг друга получше, и в этом был весь Бенни. Задумчивый. Щедрый. Сладкий.

Потрясающий.

Итак, это были хорошие три дня.

Нет, если не считать моих собственных проблем, испортивших первую часть, это были хорошие девять дней, которые Бенни пытался улучшить с самого начала.

Минута за минутой шла работа.

Сказочно.

Так и было.

И вся эта сказка была десять минут назад.

Теперь я беспокоилась, что наше «минута за минутой» потерпит неудачу, провалится с треском.

Об этом я думала, когда свернула в переулок за пиццерией и припарковалась рядом с «Эксплорером» Бенни, единственной машиной на стоянке для сотрудников.

Было относительно рано. Пиццерия открывалась не во время обеда, а ближе к ужину. Посетители начинали заходить в четыре тридцать, чтобы заказать еду на вынос, но занимать столики начинали только в пять.

Но Бен пришел, чтобы приготовить соус. За последние три дня я узнала, что у него есть ребятня, способная приготовить гренки, взбить домашнюю заправку «Цезарь», перемешать салаты, готовить домашнюю пасту, запеканки и катать фрикадельки.

Но соус и тесто для пиццы готовили только Винни или Бенни.

Я припарковалась и вышла, быстро направившись к задней двери. Молилась, чтобы она была открыта, мне необходимо было быстро добраться до Бенни, а не потом, как я постучу в дверь, надеясь, что он услышит. Я попробовала открыть дверь, и на этот раз мои молитвы были услышаны.

Вошла и увидела то, что раньше видела сотни раз, входя в пиццерию через заднюю дверь кухни, когда была с Винни. В пространстве вокруг двери были сложены использованные бочонки. Пустые ящики из-под овощей. И использованные коробки.

С одной стороны, была дверь в туалет для сотрудников, с другой — большое помещение с полками из нержавеющей стали, на которых хранилось все необходимое для приготовления — от муки твердых сортов до туалетной бумаги.

Я шла по коридору, миновав еще две двери: с одной стороны, дверь в кабинет, в котором теперь сидел Бенни; с другой стороны, дверь из нержавеющей стали, ведущая в холодильник.

Мне было любопытно посмотреть, как Бенни захватил офис Винни, но я была на задании, подпитываемая паникой, поэтому продолжала двигаться, миновав последнюю дверь со встроенным морозильником, и оказалась на кухне.

Посередине стоял рабочий блестящий стол из нержавеющей стали с полкой наверху с обогревающими лампами, куда ставят приготовленные тарелки или пиццы. Там же стояли три иголки для накалывания заказов. Кухонные принадлежности висели на крючках. Было еще больше столов из нержавеющей стали вдоль стен. Большие раковины. В задней части находилось больше раковин и промышленных посудомоечных машин. На стенах шкафы из нержавеющей стали, в которых хранились тарелки, миски, стаканы. В нижних шкафах хранились кастрюли, сковородки, сотейники, подносы и ящики со столовыми приборами. Небольшие решетчатые стеллажи под настенными шкафами обеспечивали легкий доступ к травам и специям. Массивные печи для пиццы и три огромные плиты ресторанный образца. Владения Бенни. Его королевство. Где он работал, чтобы выплачивать ипотеку, и работал так, чтобы его двадцать пять сотрудников — ребятня тоже могла платить свою аренду.

Я остановилась на кухне, внезапно перестав думать о своей проблеме, вместо этого подумав, каким сокрушительным грузом может быть роль хозяина бизнеса, когда многие люди зависят от его действий, от того количества правильных решений изо дня в день. Начиная от правильного составления расписания на закупку помидоров, до уверенности,

что обслуживающий персонал прошел нужную подготовку, чтобы каждая пицца и хлебные палочки были качественными, ужин клиентам запомнился надолго, и чтобы посетители всегда хотели прийти еще.

С этими мыслями я перевела взгляд налево и увидела Бена в его белой футболке и джинсах, стоящего у одной из плит, помешивающего что-то в одной из двух огромных кастрюль. Воздух был наполнен аппетитным запахом чеснока, с легким привкусом свежесрезанных трав, позади Бенни на рабочем столе я заметила большие разделочные доски, на одной из которых лежали остатки зелени, на другой – разрезанные помидоры в собственном соку.

— Детка.

Обратился он ко мне, и мои глаза перешли на него.

Как только он обратился, его взгляд скользнул по моему лицу, голова склонилась набок, и он сразу же двинулся ко мне, говоря:

— Господи, что случилось?

— Ты сказал минута за минутой? — Спросила я. Он остановился в футе от меня, удерживая мой пристальный взгляд и медленно кивнул. — Что ж, следующая минута будет намного сложнее, чем предыдущая, — заявила я.

— Рассказывай, — потребовал он.

— Ты на работе, — ответила я.

Его голова слегка дернулась в удивлении от моих слов, он сказал:

— Да, но ты приехала, и ты напугана, так что теперь я не на работе. А стою здесь и жду, когда ты мне все расскажешь.

Я отрицательно покачала головой.

— Я хочу сказать, что ты работаешь. Я схожу с ума, а ты работаешь, и я должна взять себя в руки, дождаться, когда смогу обсудить с тобой, когда ты сможешь сосредоточиться на этой проблеме, а не тогда, когда у тебя может подгореть соус.

Я видела, как его лицо стало твердым, прежде чем он ответил:

— Соус готовится вечно, черт возьми, и ему не грозит подгореть. Но мне насрать, даже если он сгорит. Если тебя что-то тревожит, расскажи, я выслушаю, даже если это займет пять часов. Приготовить соус я смогу и еще.

Господи.

Бенни.

— Я хочу сказать, — продолжала я, думая, что ему необходимо прислушаться к моему предупреждению, — о стрессе. Ты должен это знать. Я пыталась сама себя отговорить и не приходила сюда. Я знаю, что ты работаешь, и с моей стороны это нехорошо, что я тебя прерываю. Я пыталась около тридцати секунд. Но мне не дает покоя, я втяну тебя в эту проблему, рассказав, что меня беспокоит, получается в основном свалю всю проблему на тебя, потому что хочу, чтобы ты помог мне все урегулировать.

— Ладно, Фрэнки, будет неплохо, если ты перейдешь от разглагольствований к делу, чтобы я мог что-то урегулировать для тебя.

Господи.

Бенни.

— То, что я скажу, не будет разглагольствованием, просто чтобы ты был в курсе, — пояснила я. — Это черти что. Разглагольствования — это плохо, но в некоторых случаях причуды в стиле Фрэнки еще хуже.

— Детка, — медленно произнес он, его голос стал тише, как бы предупреждая. — Расскажи мне в чем суть.

— Я только что разговаривала по телефону со своим новым работодателем, — заявила я. Его тело напряглось, он пристально смотрел на меня.

Он понял, что меня могло напугать.

— Они дали мне время до завтра сообщить им окончательную дату моего выхода на работу. Я наблюдала, как его грудь расширяется от глубокого вдоха, затем он сократил короткое расстояние между нами, заняв мое личное пространство, подняв руки и положив их мне на шею с двух сторон.

Он наклонил голову, его лицо стало совсем близко к моему, и тихо сказал:

— Хорошо, детка. Здесь нет ничего удивительного. Мы же предполагали, что это произойдет. Они не собираются ждать вечно. Они просто устали ждать.

Я кивнула.

Они, безусловно, устали меня ждать. Они не были придурками, но они запустили процесс приема на работу, и это стоило немалых денег. В понедельник я должна быть в своем новом офисе в Индианаполисе. Они понимали, что меня там не будет, но никто не собирался бесконечно мириться с моей неопределенной датой выхода. По понятным причинам я очень уклончиво отвечала им по поводу новой даты выхода на работу, потому что в меня никогда не стреляли. и я не знала никого, кто пережил бы подобное. Я понятия не имела, сколько времени потребуется на восстановление, чтобы вернуться к хорошему или достаточно хорошему состоянию и выйти на новую работу после переезда в другой штат.

Врач дал мне рекомендации по этому поводу, но с предупреждением, что я не только перенесла огнестрельное ранение, что было по-своему достаточно экстремально, но и при экстремальных обстоятельствах. Так что мне требовалось время не только для исцеления тела, но и привести свою голову в порядок.

Таким образом, мой пыл поубавился, потому что я знала, что мне придется иметь дело не только с новым работодателем, но и с Бьянки.

В данный момент было сейчас. Мне становилось лучше, боль отступала, и с Бьянки все было хорошо, в первую очередь с самым важным из них, который стоял в моем личном пространстве, обхватив руками мою шею.

Было так хорошо, чувствовала потрясающе, я готова была сходить с ума каждую минуту, чтобы он меня так обнимал.

Но когда что-то крупное посягало на это потрясающее, я не могла смириться.

— Мне не нравится, — прошептала я после того, как эти мысли промелькнули у меня в голове.

— Что? — спросил Бен.

— Иногда я не могу справиться, — призналась я. — Я заботилась о себе долгое время, действительно долгое время, дольше, чем потеряла Винни, и у меня неплохо это получалось. Но это не значит, что иногда я не могу справиться.

— Фрэнки, милая, бывают моменты, когда никто не может справиться.

Его ответ сбивал с толку, потому что Бенни не был «никто», судя по моему опыту за последнее время (не говоря уже о более раннем опыте), я не знала таких моментов, когда он не мог справиться.

Поэтому спросила:

— У тебя разве были такие моменты, когда ты не мог справиться?

Он молчал, я заметила, как напряглась его челюсть.

Наблюдая за его выражением лица, поняла, что это могло означать, он всегда мог справиться, поэтому прошептала:

— Вот видишь.

— Ладно, как насчет, — начал он. — Когда мой брат портил свою жизнь и причинял боль людям, которых я люблю больше всего на свете, я не мог справиться, о чем свидетельствует тот факт, что обвинил в этом дерьме хорошую женщину и все выглядело очень уродливо в течение семи лет.

О, точно. Было время, когда Бенни не мог справиться.

— Круто, спасибо, — пробормотала я, и он ухмыльнулся.

— Ага. Так что бывают моменты, когда никто не может справиться.

Я снова кивнула, чувствуя себя немного лучше.

Бенни снова заговорил, и я почувствовала себя не так уж и плохо.

— Ты откажешься от аренды своей квартиры?

Я снова кивнула.

— У тебя будет жилье в Инди? — продолжил он.

— Компания выделила мне представительские апартаменты на октябрь, они входят в их предложение. Но да, я согласилась и развела квартиру, она будет свободна с первого ноября. Грузчики готовы приехать, забрать мои вещи и перевезти их в первые выходные ноября.

— Хорошо, — пробормотал он, его пальцы слегка впились в мою шею.

Ему это не понравилось.

Мне тоже.

Я знала еще тогда, что не выйдет у нас «минута за минутой».

— Бен, — позвала я, его имя прозвучало неуверенно.

Его лицо стало чуть ближе, единственное, что я видела перед собой.

— Ты должна поехать, детка. Ты хотела эту работу. У тебя есть контракт по аренде. Ты взяла на себя обязательства. Ты должна поехать.

Я сжала губы, чувствуя, как защищало глаза и сжалось сердце, он был прав, и я не понимала, как это отразится на нас.

Мы подходили друг другу. Это как ты примеряешь что-то подходящее и чувствуешь себя при этом великолепно, и покупаешь. А теперь получается, что кладешь обратно на стойку и уходишь?

— Но Индианаполис — это не луна, — продолжил Бенни. — Всего в четырех часах езды отсюда. У нас есть телефоны. Есть машины. У нас есть кое-что, над чем нам стоит работать, преодолевать разные трудности, находить выходы. Если ты чувствуешь, что готова выйти на работу, то сообщи им дату твоего выхода. Я возьму отгул, поеду за тобой, ты на своей машине, а в моем внедорожнике будут твои пятнадцать чемоданов.

Это заставило меня улыбнуться, но моя улыбка была неуверенной.

Бенни продолжал:

— Я останусь с тобой на пару дней, удостоверюсь, что ты устроилась, дождусь твоей мебели, помогу обустроиться.

Я облизнула губы и кивнула, чувствуя, как груз с души уходит, сменяясь легкостью, потому что у Бенни все получалось.

Он продолжал.

— У тебя новая работа, ко многому нужно привыкнуть, но кое-что еще ты должна сделать в промежутке между тем как я отвезу тебя туда, и приездами ко мне.

— Хорошо, — тихо произнесла я.

— Когда ты собираешься начать? — спросил он.

— Я, ну, предпочла бы чувствовать себя ближе к ста процентам в физическом плане, и мне нужно упаковать вещи, чтобы подготовиться к переезду. Значит, не на следующей неделе. А, э-э, через неделю в понедельник.

— Хорошо, — сказал Бен деловым тоном. — Я разберусь с папой и Мэнни по поводу пиццерии.

Я уставилась на него на мгновение, прежде чем прошептать:

— Послушать тебя, так все легко и просто.

— Это важно для меня, поэтому я полон решимости не усложнять ситуацию, где это возможно.

При этих словах я подалась вперед и мой лоб ударился о его грудь.

Когда я это сделала, его руки задвигались. Одна обернулась вокруг моей шеи сзади, другая скользнула вверх по моим волосам, обхватив затылок.

И, уткнувшись мне в макушку, он пробормотал:

— Видишь, мы вернулись минута за минутой. Все просто.

Просто и легко.

Точно.

Боже, Бенни.

— Мы начали неплохо, у меня новая работа в Инди, от которой я не могу отказаться, потому что связана там арендой квартиры, удерживающейся за мной по крайней мере на год, а у тебя есть эта пиццерия. — Я вытянула руку, указывая на кухню, хотя и не убрала свой лоб с его груди. — Что означает, что ты никогда не сможешь переехать.

— Не в следующую минуту, Фрэнки, — напомнил он мне.

Я дернула головой назад, он был вынужден поднять голову, а руки задвигались, остановившись под моим подбородком.

— Нам стоит об этом подумать, Бенни, — заявила я, повысив голос.

— Зачем?

— Зачем?! — Повторила я, не позволив ему ответить. — Потому что в этой ситуации на горизонте может замаячить удар, и мы должны все спланировать.

— Зачем? — снова спросил он, и я почувствовала, как прищурила глаза.

— Потому что, несмотря на то, что мы знали, что такое произойдет, это произошло, и теперь мы должны иметь дело с этой ситуацией и должны спланировать, как мы будем справляться.

— Ах, вот в чем вся трагедия, — пробормотал он, шевеля губами, как будто боролся с усмешкой.

Не стоило ему так говорить.

Он еще и ухмыляется?

Уф... нет.

Мое раздражение от этого только усилилось. Я сорвалась с места и крикнула:

— Бенни!

Выражение его лица изменилось, выражение глаз изменилось, как и осанка, все изменилось, я сделала вдох, задержала, когда он заявил:

— Честное слово, Фрэнки, ты думаешь, я бы ждал столько времени со старших классов, получив шанс сделать тебя своей, а затем позволил бы четырехчасовой поездке и долбаной годовой аренде заставить меня сдать?

Мое дыхание вырвалось со свистом, но на этот раз Бенни не дал мне ответить.

— Нет. Выкладываю все начистоту, Фрэнки, в конце концов, Конни практически жила со мной. Вот как я жестко разбил ей сердце. Она думала, что была уже... Но я пришел в себя, она думала, что я вернусь домой, в дом, который она убрала, ужин, который приготовила в духовке, она ломала себе спину, чтобы облегчить мне полностью жизнь, когда это моя работа.

От его монолога я с шипением втянула воздух.

Но он не остановился.

— Было время, когда я не думал о подобном дерьме. Тогда я решил, что по какой-то причине она не сделала меня счастливым. Просто. Она просто не сделала меня счастливым, поэтому я покончил с нашими отношениями. Но время, когда я не думал об этом дерьме, утекло в лесную даль три недели назад, Фрэнки. И я подумал, и ты оказалась в моем доме, в моей постели, и я чинил твою Z. Я хочу быть уверенным, что у тебя есть Wi-Fi, чтобы ты могла делать что-то на своем компьютере. Я слушаю тебя, когда ты возвращаешься с прогулки со старой леди Замбино. Рассказываешь с блеском в глазах, говоришь, что надоело ее ныть, но тебе нравится каждая минута, пока она гуляет с тобой и доставляет тебе удовольствие. Итак, все сводится к следующему: я не хочу, чтобы все в моей жизни было легко, Фрэнки. У меня появился шанс. Я хочу работать над своим будущим, чтобы получить сладкое, попутно наслаждаясь перчинкой, потому что сладкое, бл*дь, намного слаще, когда ты его заслужил.

— Бен, — прошептала я, но больше не произнесла ни слова, потому что он не закончил.

— Детка, ты не можешь все спланировать в жизни. Ты можешь все предусмотреть, планируя, но жизнь найдет способ перепутать все твои планы, врезаться под дых, заставить карабкаться вверх. Благодаря этому у тебя либо хватит смелости и сил не отступить, понимая, что это важно, и держаться за все, что у тебя есть, либо не хватит, и ты сдашься, потому что оказался слабаком. Точно знаю две вещи: я, бл*дь, не слабак, и ты тоже.

Он замолчал, а я ничего не сказала, потому что понятия не имела, что сказать.

Поэтому он продолжил:

— Если посмотреть, у нас было всего одно свидание, мы еще не трахались, и мы живем вместе девять дней. Это время пошло тебе на пользу?

— Да, — прошептала я.

— Да, для меня это тоже было отличное время. Достаточно хорошее, я знаю, что это важно для нас, я это понял, так что собираюсь держаться за все, что у меня есть, и, как и предлагал раньше, иди со мной, Фрэнки.

— Хорошо, — тихо ответила я.

— Так что да, будет отстойно, — заявил он. — Я бы предпочел жить, зная, что ты приведешь своих подружек в мой ресторан, выпить кьянти и съесть мою пиццу. Я бы предпочел, чтобы в ближайшем будущем ты лучше узнала Селу, потому что мой брат, может и не торопится, но наденет ей кольцо на палец. Ты уже семья, а это значит, что находишься в таком положении, когда вы двое можете стать не кровными, но сестрами, тебе явно не хватает нормальной сестры, так что, черт побери, не помешала бы одна хорошая. Я хочу ложиться в постель рядом с тобой ночью и знать, что утром я проснусь рядом с тобой. Но в данный момент я не могу получить то, что хочу. Я ждал много лет. Я не собираюсь делать чертовых сальто, зная, что мне придется еще подождать, я справлюсь. Я просто должен знать, ты со мной?

Я знала, как ответить.

— Да, с тобой, Бенни.

Он уставился на меня.

Потом сказал:

— Черт, надо помешать соус.

По какой-то причине мне захотелось хихикнуть, но я сдержалась и просто кивнула.

Он наклонился и быстро, слегка раздраженно, но все же сладко поцеловал меня в лоб, убрал от меня руки и подошел к кастрюлям на плите, которые более точно можно было назвать чанами.

Он помешивал соус.

Я приблизилась, остановившись недалеко от плиты, опершись бедром о стойку из нержавеющей стали.

— Знаешь, я — заноза в заднице, — сообщила я ему, и его взгляд сразу же упал на меня.

— Это была именно та часть, с тобой нелегко.

Господи.

Боже мой.

Бенни.

Я сделала вдох и выпустила воздух, а вместе с ним выпустила и кучу всякой дряни. Той, что я не очень хорошо умела делать сама. Всякой дряни, с которой я жила, потому что у меня никогда не было никого, кто помог бы мне разобраться с этим дерьмом, а это означало, что я закопала кучу этой дряни куда-то глубоко в себя, и жила с ней чертовски долго, загрязняя свой ум и тело. И вот, Бенни оказался удивительно искусен, направляя меня к чистоте.

Выпустив эту кучу, я выпустила все и через минуту подошла к Бенни.

Находясь рядом, пробормотала:

— Соус так вкусно пахнет.

— Потому что он не хорош, а чертовски потрясающий.

При этих словах я не смогла сдержать смеха. И выпустила на волю свой смех, отчего высвободилось еще больше дряни, заставив меня почувствовать это.

Теперь я была не просто чистой.

Еще была и та сладость, которую мне подарил Бенни.

Я почувствовала эту сладость еще сильнее, все еще хихикая, когда его рука протянулась и обвила меня вокруг моей талии. Он притянул меня к себе, моя грудь оказалась прижатой к его боку груди, я наблюдала с близкого расстояния, как он помешивает соус, а сладкий, пряный аромат окутывал меня.

Я обняла его и прижалась щекой к его груди.

— Теперь ты в порядке? — тихо спросил он, продолжая помешивать соус.

— Да, — ответила я так же тихо.

— У нас есть план на следующий базиллион минут? — продолжил он, и я улыбнулась, уткнувшись ему в грудь.

— Угу.

Он продолжал все еще помешивать, когда я почувствовала, как его губы коснулись моих волос, и он продолжал помешивать и обнимать меня, отстранившись.

Я стояла в изгибе руки Бенни Бьянки, наблюдая, как другой рукой, держа деревянную ложку с длинной ручкой, он помешивает богатый, густой красный соус, с крошечными кусочками кремового цвета измельченного чеснока и темно-зелеными кусочками секретной смеси свежих трав, вращающихся по кругу, наполняя воздух чистым ароматом — благодатью.

Еще одно обещание.

И вдыхая этот потрясающий аромат, меня вдруг осенило, что я обнаружила себя — меня, Франческу Кончетти, прожившую тридцать четыре года с небольшим количеством замечательных, мимолетных моментов счастья и никогда особо не ожидающей радости от жизни, стоящую на кухне пиццерии в объятиях красивого, хорошего, порядочного мужчины, живущего жизнью, полной надежд.

Обещание Бенни.

Поэтому я прижалась ближе, обняла его крепче и сделала глубокий вдох, позволяя благодати, витающей в воздухе, проникнуть прямо туда, чтобы она могла осесть сладостью. И когда я это сделала, Бен прижал меня еще крепче к себе, помешивая соус.

* * *

Мне следовало держаться за него крепче.

Я должна была позволить этой сладости войти очень глубоко. Очень и очень глубоко. Но я не позволила.

10

Вернись ко мне

Я почувствовала, как руки крепче обхватили меня, и дымка сна слегка рассеялась.

Когда это произошло, ощутила, как мое тело плотно прижималось к твердому телу Бенни, в теплоте нашего кокона из одеял и чувством безопасности, созданную нами.

Я откинула голову назад, открыв глаза, и увидела Бенни.

В полусне мой живот все равно ухнул вниз.

Как всегда.

— Привет, — прошептал он, его утренний голос был прекрасной смесью глубокого, легкого и грубоватого.

— Привет, — ответила я.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо, — ответила я.

Он поднял голову и уткнулся лицом мне в шею, спросив:

— Нет, детка, как ты себя чувствуешь?

Сначала, все еще в дымке сна, я не поняла.

Затем руки Бенни задвигались по материалу моей ночной рубашки на спине, это поразило меня. Его движения не были похожи на ленивую ласку по утрам.

Это было что-то совершенно другое.

И если бы я не среагировала на его движения, то уж точно среагировала бы на его язык, скользящий по всей длине моей шеи к задней части уха, вызывающий дрожь, пробежавшую по коже.

И если бы и его язык не помог, Бен просунул колено между моими ногами, заставив закинуть ногу ему на бедро, на это точно нельзя не среагировать.

Внезапно ощутимая эрекция прижалась к моему животу, заставив желудок сжаться, и меня охватила паника, потому что сейчас я точно знала о его намерениях. Поняла, что он устал ждать. Поняла, что время пришло.

Но у меня был всего один любовник и давно. Я хотела, чтобы у Бена было то, что он хотел, так, как он хотел, но больше всего хотела, чтобы ему понравилось то, что он получит.

Не говоря уже о том, что все зависело от этого.

Всё.

Так же внезапно, как паника сжала мой живот, когда его рука скользнула по моей заднице, в то же время его зубы прикусили кожу позади моего уха, отчего я задрожала в его объятиях.

— Фрэнки? — позвал он на ухо.

Я повернула голову и вдохнула его запах, прежде чем прикоснуться губами к его шее и прошептать:

— Я чувствую себя хорошо, малыш.

Бен провел носом по моему подбородку, опустив руку под мою ночную рубашку, я почувствовала тепло его руки, кожа к коже, на спине.

Его глаза встретились с моими.

— У меня появилась идея, как я могу сделать следующие несколько минут чертовски классными, милая.

Я надеялась, что «классное» займет больше времени, чем несколько минут, хотя этого не сказала вслух.

А сказала:

— Посмотрим, что они нам принесут.

И увидела, как его глаза улыбнулись.

А мои закрылись, потому что его голова наклонилась, и он поцеловал меня.

Поцелуй был таким же, как оказаться спиной к стене в моей квартире, сплошь руки, рты, язык и потребность, за исключением того, что я лежала на кровати Бенни, крепко прижимаясь к нему, что было намного лучше.

Но когда он оторвался от моих губ и прижался бедрами к моим. Я почувствовала кое-что более лучшее, и захотела получить еще больше.

Поэтому скользнула руками под его футболку, вверх, впитывая его тепло и силу кожей пальцев.

Приятно, достаточно хорошо, прижав бедра к его, ему это понравилось. Ему очень понравилось. Я поняла это, когда он зарычал мне в рот, прижался своими бедрами к моим и перевернул меня так, что я оказалась на спине, а он на мне.

Еще лучше.

— Пожалуйста, черт возьми, скажи мне, что ты можешь, — пророкотал он в мои губы.

— О да, — выдохнула я ему в лицо.

Именно это ему и было нужно. Его губы накрыли мои, этот поцелуй не был повторением у стены. Этот поцелуй был глубже, горячее, обжигающе.

Боже, Бенни умел целоваться.

Он доказывал в этот момент, что может делать и другие вещи, его рука скользила вверх по моему боку, он стал ласкать мою грудь.

Клитор запульсировал, спина выгнулась, я прервала поцелуй, прошептав:

— Бенни.

Он не ответил, просунул пальцы в чашечку ночной рубашки и потянул ее вниз, затем провел ладонью по моей обнаженной груди, разница была незначительной, но этот нюанс был поразительным.

— Бенни. — На этот раз мой шепот стал резче.

Желудок сжался, Бен частично соскользнул с меня, я открыла глаза, увидев, как его голова наклонилась, пальцы сомкнулись вокруг моего соска, перекатывая, затем потянули.

Мяуканье скользнуло вверх по моему горлу, когда я почувствовала, как между моих ног собирается влага, его взгляд вернулся к моему лицу.

От его взгляда, от его глаз, наполненных жадой, я затаила дыхание.

Он снова перекатился, потянув за сосок, и мое дыхание мягко вырвалось.

Он сделал это снова, мои глаза закрылись, а бедра приподнялись.

Он сделал это снова, и я начала задыхаться.

— Господи, детка, я заставлю тебя кончить, просто лаская твою грудь? — пробормотал он, его голос был слегка недоверчивым, слегка благоговейным и полностью возбужденным.

Я попыталась открыть глаза, но не преуспела в этом.

К счастью, мне удалось вытащить руки из-под его майки, затем скользнуть ими вверх по его спине в волосы. Я надавила ему на затылок и поняла, что ему не нужны слова.

Его губы коснулись моих, он сказал:

— Хорошо, Фрэнки, все, что хочешь.

О, мне это было действительно нужно, и Бенни сдержал свое слово, потому что он немедленно провел губами по моей шее, груди, сомкнулись на моем соске и втянул его.

Глубоко.

Стон вырвался у меня из горла, пальцы сжались на его затылке, и он вобрал сосок еще глубже. Затем языком провел по нему пару раз, пробормотав:

— Черт возьми, да, — затем опустил другой край моей ночной рубашки, Бенни переместился к другой груди.

Я выгибалась навстречу ему, обвивая ногой его бедро, вцепившись пальцами в его густые волосы, мышцы моего живота напряглись от предвкушающего ликования, как только его рука скользнула по груди к месту назначения, куда я и хотела, чтобы он поскорее добрался, но мы оба застыли, услышав крик Терезы снизу:

— Бенни! Фрэнки! Вы здесь?

Я замерла всем телом, то есть все мои мышцы пришли в ступор, но Бен зашевелился. Подняв голову и изогнув шею, он устремил взгляд на дверь. Я не видела его лицо в анфас, но то, что успела заметить напоминало выражение безумного сексуального желания, пытающегося побороть жар ярости.

— Бен! Франческа! Вы здесь? — крикнула Тереза уже гораздо ближе. Должно быть она поднималась по лестнице.

Бен перекатился на кровати.

Опуская на место чашечки моей ночной рубашки, бормоча:

— Ма, ты должно быть, бл*дь, издеваешься надо мной! — он посмотрел на меня и отрезал:

— Не двигайся. — После этого скатился с кровати, поднялся на ноги и вышел за дверь, захлопнув ее за собой.

Я лежала на кровати, все еще оцепенев, уставившись на закрытую дверь.

И услышала, как Бен раздраженно произнес:

— Господи, ма, ты это серьезно? — и его слова пронзили меня насквозь. Порочно. Омерзительно. Разрушительно.

Паника. Отчаяние.

Чистый ужас.

Это было иррационально. Я понимала. Но даже понимая, я была бессильна победить этот ужас и панику.

Я машинально скатилась с кровати, подбежала к шкафу, вытащила один из четырех чемоданов Бенни.

Затем побежала в ванную комнату. Услышав тихие голоса на лестнице, не прислушиваясь, я открыла чемодан на полу и сгребла все свое барахло, попавшееся на глаза. Бросила его в чемодан, даже не посмотрев, куда оно приземлилось.

Открыла ящик, который выделил мне Бенни, и опустошила и его.

Затем бросилась в душ, распахнув дверь, вошла внутрь. Случайно схватила шампунь Бена и мгновенно поставила его обратно на встроенную полку, будто прикосновение к нему обжигало.

Схватила свой шампунь, кондиционер, затем повернулась и замерла, ванная комната, которой я пользовалась больше недели, наконец с пугающей ясностью предстала передо мной совсем в другом виде.

Его дом не был новым. Достаточно давним, но эта ванная была новой.

Я также знала, что Бен не относился к тем людям, готовым нанять строителей, чтобы вложиться в эту ванную комнату.

Он нанял.

И нанял, думая о самых разных вещах.

Большая душевая кабина, достаточно большая для двоих, вся стеклянная, кроме облицованных плиткой стен белого матового цвета, очень привлекательная, но не соответствующая его личному вкусу. Такую плитку хотели бы иметь многие.

Перепродажа.

Перепродажа в рамках подготовки к обмену, расширению, строительству дома для его растущей семьи.

Мое дыхание стало прерывистым.

Отдельная ванна, большая, глубокая, овальная, с экстравагантным краном и насадкой для ручного душа, расположенного сверху.

Именно в такую ванную, женщина, любящая принимать ванны, могла бы наполнить пеной с пузырьками и погрузиться в нее, отдыхая от дневных забот.

Бен не принимал ванну. Никогда. Я не могла сказать, что точно знала этот факт, но могла сказать, что это факт.

Двойная раковина. Две аптечки. Место между раковинами, чтобы не было тесно двоим. Глубокие, хорошо сделанные шкафы внизу. Достаточно места для косметики, туалетных принадлежностей, средств первой необходимости, ибупрофен — всего, что самое необходимое, но гораздо больше места, чем нужно одному мужчине.

Полки, встроенные в стену, чтобы при желании можно было разложить красивые полотенца. Или положить безделушки для ванной комнаты, если в этом вы видели своего рода фишку.

Вся ванная была не в стиле Бенни. Полотенца, которые пора было бы заменить, были засунуты внутрь, лишь мимоходом попытавшись их сложить. Ничего больше, таков его стиль.

Он оборудовал эту ванную для женщины, которую найдет, чтобы поселить ее в этом доме.

И он оборудовал эту ванную комнату с расчетом на покупателей, которые в конечном итоге купят этот дом, когда придется расширяться и спальни будут заполнены детьми.

Бенни Бьянки не жил минута за минутой.

Бенни Бьянки все планировал.

Я вышла из ступора и в панике выскочила из душа, услышав голос Бенни в спальне:

— Перекинулись парой слов. Ма... Фрэнки?

Я молчала, бросив бутылочки в чемодан, они с глухим стуком упали на другое барахло.

— Детка, она ушла, не будет...

Слова слышались уже ближе, и я понимала почему. Я также поняла, почему он замолчал. Потому что стоял в дверном проеме.

— Фрэнки, какого хрена?

— Мне пора уходить, — пробормотала я, сгибаясь пополам, задрав задницу в воздух, сжимая пальцами край его чемодана, чтобы вытащить его из комнаты.

Я почувствовала, как руки обвилились вокруг моих бедер, и резко выпрямилась, крутанувшись и споткнувшись, сделав два шага назад.

Мой взгляд упал на лицо Бена, оно было не менее выразительным, чем всегда. Беспокойство. Замешательство.

— Осторожнее, детка, — мягко произнес он.

— Мне нужно уходить, — повторила я.

— Что-то случилось, — заметил он все еще мягким голосом. Мягким, глубоким.

Чем полностью меня убивал.

— Мне нужно уходить сейчас.

— Что случилось, милая?

— Мне нужно уходить сию минуту.

— Что случилось, Фрэнки?

Все, что я держала в себе последние девять дней, последние семь лет, последние тридцать четыре года, разлетелось на куски. Я наклонилась и закричала:

— Я должна уйти, Бенни!

Он вздрогнул от моего крика, но не пошевелился, его голос был таким же мягким, когда он сказал:

— Поговори со мной, tesorina.

— Я не могу, — заявила я.

— Почему? — осторожно спросил он.

— Я не хочу потерять тебя.

Еще большее замешательство отразилось на его лице. Он оглянулся в спальню, его глаза были направлены на кровать, затем посмотрел на меня.

— Как может то, чем мы занимались несколько минут назад, может означать, что ты потеряешь меня?

Я проигнорировала его вопрос, бормоча.

— Я потеряла тебя. Потеряла Винни, я совершила тогда глупость и потеряла тебя. Я не могу, не хочу потерять тебя снова. Не тебя. Не Терезу. Не Винни-старшего. Не Мэнни. Я не могу потерять, потому что не могу потерять тебя.

— Милая, мы никуда от тебя не денемся.

— Ты можешь, — ответила я.

— Никто из нас никуда от тебя не денется, — парировал он.

— Хотя ты мог бы, — огрызнулась я. — Это может плохо кончиться. — Я подняла руку и взволнованно дернула ею взад-вперед, указывая на него и на себя. — Может плохо кончиться между нами, и я снова потеряю вас всех.

— Не потеряешь, Фрэнки.

— Обещаешь?

Это не было мольбой.

Это был вызов.

Бенни был слишком честным. Слишком. Слишком порядочный. Слишком потрясающим, чтобы давать обещание, которое не смог бы потом выполнить.

Но он также был слишком Бенни, поэтому нежно и осторожно медленно ответил:

— Я не способен предсказывать будущее, детка.

Я как-то странно дернула головой.

— Нет. Не способен. Я тоже не могу. Но я не могу так рисковать. Меня ранили, и сейчас я думаю, что в этом было нечто хорошее. Хорошее, Бенни, — повторила я, его лицо помрачнело. — Благодаря моему ранению, вы все вернулись ко мне. Я знаю, чего ты хочешь. Мне нравится то, чего ты хочешь, но это обжигает и убивает. Я хочу быть с тобой. Хочу, чтобы ты был рядом. Но я не могу так рисковать, потеряв больше. Мы должны вернуться к тем отношениям между нами, как раньше. Ты не можешь мне дать обещание, что не испортятся мои отношения со всеми, но ты можешь пообещать мне, что мы сможем сохранить все как раньше.

— Как раньше?! — переспросил он.

— Ты и я — друзья, семья.

Я почувствовала, как эти слова пронзили мое сердце, появилось новое выражение на его лице, когда он прошептал:

— Ты хочешь остаться друзьями?

Но я не замедлила прошептать в ответ, на этот раз определенно с мольбой:

— Пожалуйста, давай будет так, Бенни.

Он изучал меня мгновение, выражение его лица было более чем несчастным, моя грудь быстро поднималась и опускалась, кровоточащее сердце все еще находило способ сильно биться.

Затем он сказал:

— Что-то не так, Фрэнки, мы должны разобраться.

Он был прав.

Но он не будет разбираться в моем дерьме.

— Бенни... — начала я, но он оборвал меня.

— Если ты не можешь сделать это сама, то должна довериться мне, чтобы я помог тебе вытащить из тебя все, что тебя гложет, детка.

— Я влюбляюсь в тебя.

Он замер.

Тихо и неподвижно.

Бенни. Я. И воздух вокруг нас.

Был мертвенно неподвижным.

И Бен выглядел уже не спокойным. Выражение его лица снова изменилось, он дарил мне красоту — чистую, неразбавленную красоту — его лицо потеплело, глаза смотрели ласково, он сделал шаг ко мне.

Моя рука взлетела вверх, и я закричала:

— Не подходи ко мне!

— Детка, ты потеряла мужчину, и ты...

— Нет! — закричала я. — Ты думаешь, что понял, но это не так. Дело не в потере Винни. Дело не в том, что я недостаточно сильна, решив завести отношения еще раз. Дело в тебе. Все дело в мужчине, который приходил ко мне домой, дразнил меня и смешил, пока ел мое рождественское печенье. Дело в том, что среди всей семьи я нашла тебя и прижалась к тебе

для рождественской фотографии, чувствуя теплоту и безопасность, семью вокруг меня. То, что у нас могло бы получиться было бы потрясающим, удивительным, самым лучшим. Но это может плохо кончиться. И опять вы все исчезните для меня. Ты — все, что у меня есть. Ты — все, что у меня когда-либо было. И когда я говорю это, имею в виду тебя и твою семью.

— В тебе есть сила, чтобы попытаться, — ответил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Разве ты не понимаешь, Бен? Во мне нет ничего.

Его взгляд стал настороженным, когда он тихо сказал:

— Не понимаю, милая.

— Если ты не понимаешь, значит, не совсем меня хорошо знаешь.

Его спина выпрямилась.

— В тебе есть многое, Франческа.

— Для меня это ничего не значит, Бенни.

Он выдержал мой взгляд, подбородок стал твердым, что меня немного напугало, он медленно произнес:

— Ты сильно ошибаешься.

— Да? — Выстрелила я в ответ. — Ты так думаешь? Хорошо, тогда что произойдет, если настанет день и ты поймешь, что я права?

Он продолжал удерживать мой взгляд, глядя пристально, казалось, что он пытался меня разгадать. Затем сделал видимый вдох, поднял руку, придал своему лицу строгое выражение и настоятельно сказал:

— Нам нужно успокоиться и поговорить об этом не в ванной.

— Мне нужно уйти.

— Это как раз тебе не нужно.

По его словам я поняла, что он действительно разгадал меня.

Слезы так быстро навернулись у меня на глаза, что не было никакой надежды сдержать их. Они тихо капали. Слезы, говорившие все без особых рыданий и стонов. Слезы, пришедшие из глубокого колодца, выходящие наружу только тогда, когда ты плакал о самом важном.

— Я хочу, чтобы ты всегда думал обо мне, как сейчас, Бенни, — тихо сказала я ему.

— С чего ты вообще взяла, что я буду думать о тебе по-другому, милая? — спросил он меня так же тихо.

— Потому что я — это я.

— Детка, нам нужно выбраться из этой чертовой ванной и...

Он заткнулся, когда я взмолилась:

— Пожалуйста,пусти меня.

— Ты же не можешь всерьез просить меня об этом?

— Прошу тебя, Бен, дай мне уйти.

— Ты же не можешь всерьез думать, что я скажу «да».

Слезы продолжали литься, но я ничего не сказала.

Бен сказал:

— Иди сюда, Фрэнки.

Боже.

Бенни.

Слезы потекли быстрее.

— Детка, иди сюда.

— Я хочу, чтобы у тебя была женщина, заслуживающая эту ванную, Бенни.
При моих словах что-то ударило его. Его взгляд стал опустошенным, и было трудно наблюдать, как он прошептал:
— Господи, иди сюда.
— Я хочу, чтобы у тебя было то, чего ты заслуживаешь, милый, и это не я.
— Черт возьми, я... — процедил он сквозь зубы, делая движение ко мне.
Я сделала еще один шаг назад, махнула на него рукой и покачала головой.
— Я уйду, Бенни. И, честное слово, если ты меня будешь сейчас останавливать, я буду с тобой драться.
Он остановился как вкопанный и посмотрел мне в глаза.
Я почувствовала, как упала последняя слеза, выдержав его взгляд.
Мы долго смотрели друг другу в глаза.
Бенни нарушил контакт.
— Не поступай так с нами.
— Знаю, но не надо меня ненавидеть.
— Не делай этого, Фрэнки.
— Если я это сделаю, разозлится. Но потом поддерживай со мной связь. Мне нужно, чтобы ты поддерживал со мной связь, как раньше, Бенни.
— Если ты так поступишь с нами, мы не сможем, Фрэнки.
Я почувствовала, как слюна наполнила рот от такой возможности, но я проглотила ее и кивнула.
— Тебя это устраивает? — спросил он, его лицо превратилось в маску оскорбленного недоверия.
Меня не устраивало.
Но было лучше сделать хирургический разрез, двигаться дальше и продолжать жить без Бенни и его семьи, как я научилась делать это раньше, подальше от них, где не было бы ежедневной пытки в разговорах знакомых и моих воспоминаниях.
— Предполагаю, я должна, — ответила я.
Я с ужасом и необычайной болью наблюдала, как его тело напряглось вместе с каждым мускулом на лице.
Затем он набросился на меня так быстро, что у меня не было возможности пошевелить ни единым мускулом, моя голова находится в его руках, а его лицо в дюйме от моего.
— Ты хочешь уйти, хорошо. Хочешь вернуться, это обещание, которое я могу сдержать, Фрэнки, не заставляя у меня потом выпрашивать прощение. — Он придвинулся еще ближе и прошептал: — Но, прошу тебя, бл*дь, потратить это время вдали от меня, разберись с тем, черт возьми, дерьмом внутри себя. И если ты обнаружишь, что не можешь справиться одна, мне плевать. Я займусь этим сам. Просто вернись ко мне.
Закончив говорить, он притянул меня к себе, прижался губами к моим и крепко поцеловал меня с закрытым ртом.
Поцелуй — клеймо.
Поцелуй — определенно обещание.
Поцелуй, причиняющий боль из-за чувств, которые этот поцелуй пробуждал.
Поцелуй, который длился совсем недолго, прежде чем Бен отпустил меня, повернулся и ушел.

У птиц было веселое Рождество

Бенни вошел через заднюю дверь, стряхнул с себя снег и бросил спортивную сумку на кухонный стол, туда же и ключи.

Ему нужно было принять душ, одеться и отправиться в ресторан. Он повернулся, направляясь к лестнице, когда зазвонил его сотовый в сумке.

Вернулся назад, расстегнул молнию на своей сумке, достал телефон и посмотрел на экран.

Он принял звонок и приложил трубку к уху, возвращаясь к двери, приветствуя:

— Привет, ма.

— Привет, Бенни. Ты помнишь, что Карм, Кен и дети прилетают завтра?

Он побежал вверх по лестнице, говоря:

— Ма, помню.

— Завтра вечером ужинаем в пиццерии. Мэнни знает, что стол должен быть готов.

— Ага.

— Обязательно найди время, чтобы выйти и поздороваться, да?

Он стиснул зубы, идя по коридору и задаваясь вопросом, почему его мать думала, что через миллион лет он забудет о своей сестре, которую не видел больше года, тем более, что она прилетала со всей семьей, провести с ними неделю на Рождество, почему ма думала, что он не выйдет к ним, когда они придут в ресторан и не поздоровается.

Но он не задал ей этого вопроса.

А сказал:

— Я выйду обязательно.

— Уверен, что не будешь спать на диване в канун Рождества?

Он зашел в ванную и сразу направился в душ, чтобы включить воду и нагреть, так что, когда он закончит с этим нелепым звонком, не теряя времени, смог бы подготовиться.

— Я живу в десяти минутах езды от тебя, — напомнил он ей. — Я могу прийти первым делом утром, и мне не придется спать на твоём диване.

— Дети рано встают на Рождество, — отрезала она.

— Тогда я встану и приду пораньше, — ответил он.

— Они встают очень рано.

— Тогда я приду очень рано.

— Бенни...

— Ма, — оборвал он ее. — Мы уже говорили об этом. — Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть сказанное. — Дважды. Я не собираюсь спать на диване. Я доберусь не утром, когда дети Кармы встанут и разозлятся, а буду через пять минут после рассвета, идет?

Он услышал ее вздох, прежде чем она сказала:

— Хорошо, Бенни.

— Хорошо, я только что вернулся из спортзала. Надо принять душ и идти в ресторан.

— Ладно, саго, увидимся завтра вечером.

— Вот и отлично.

— Пока, Бенни.

— Пока, ма.

Он отключился, бросил телефон на раковину, снял одежду, бросил ее на пол и встал под душ.

Десять минут спустя с мокрыми волосами в футболке, джинсах и ботинках, он уже был внизу у своего шкафа в прихожей, потянувшись, чтобы вытащить кожаную куртку, когда раздался звонок в дверь.

Он раздраженно вздохнул и направился к двери, увидев своего соседа Тони, стоящего снаружи.

Он отпер дверь, открыл и увидел Тони с коробкой, завернутой в коричневую бумагу.

— Приходил почтальон, приятель. Оставил это у меня, — сказал Тони, протягивая коробку Бенни.

Бен взял коробку и пробормотал:

— Спасибо, чувак.

— Без проблем, — ответил Тони, затем поднял руку и пробормотал: — До встречи, — прежде чем сбежать по ступенькам и направиться к соседнему дому.

Бенни закрыл дверь, запер ее, повернулся и пошел обратно по коридору, взглянув на коробку, увидел почтовый штемпель и остановился как вкопанный.

Индианаполис.

— Черт, — прошептал он, заставляя себя двигаться и вернуться к шкафу.

Жонглируя коробкой, он схватил куртку, закрыл дверь и направился на кухню, думая, что бы это ни было, это могло быть от Вай. Она, Кэл и дети были во Флориде, но она могла отправить ему посылку перед отъездом. И именно такая женщина, как Вай, могла отправить рождественский подарок парню, который ничего не прислал бы взамен, даже открытку.

Но если это было от Вай, на посылке не было бы почтового штемпеля Инди, если только она не была в городе по делам и случайно не зашла бы в почтовое отделение, что было маловероятно.

Значит, он понял от кого была посылка.

И он также понял, что должен, по крайней мере, отложить ее в сторону, а лучше выбросить в мусорное ведро.

Он не сделал ни того, ни другого.

Хотя явно должен был выбросить. Определенно выбросить.

Вместо этого он открыл коробку, вытащил квадратную жестянку, украшенную красно-зеленым и золотым рождественским орнаментом. Сверху был прикреплен маленький конверт с круглой наклейкой из золотой фольги.

Было написано: «Бенни».

Он поставил жестянку, оторвал конверт, открыл, вытащив рождественскую открытку со снеговиком, украшенную слишком большим количеством гребаного блеска, со словами «С праздниками!» на нем.

Открыл открытку.

Внутри было написано: «Счастливого Рождества, Бенни. Наслаждайся и будь счастлив. С любовью, Фрэнки».

Он стиснул зубы, и именно тогда ему следовало отнести жестянку и карточку в мусорное ведро.

Он этого не сделал.

Открыл банку, почувствовал сладкий ореховый запах сдобного теста, увидев огромную гору рождественского печенья Фрэнки с шоколадной начинкой и сахарной пудрой.

Бл*дь. Посылка пришла по почте, и все же на крышке был намек на конденсат, что означало, что она упаковала печенье еще теплым и тут же отправила.

Он уставился на печенье, вспоминая еще раз, в череде слишком долгих воспоминаний, как она пыталась выйти с ним на контакт.

Она звонила, зная, что он не ответит, в основном, когда он работал в ресторане, и его голосовая почта сообщала: «Просто позвонила. О, это Фрэнки», как будто ее имя не высвечивалось, записанное в его контактах или он не узнал бы ее голос в темноте с дюжиной других голосов, даже через пятнадцать лет.

Или она говорила: «Просто звоню, чтобы сообщить, что все хорошо. Нравится новая работа. Подумываю завести собаку. Надеюсь, у тебя все хорошо. Если захочешь, позвони мне».

Или она еще говорила: «Привет, Бен. Подумала о тебе, выкроила минутку, решила позвонить. Если хочешь поболтать, ты знаешь мой номер».

Он, бл*дь, не звонил.

Почти три месяца назад он вышел из ванной, надел футболку, джинсы и ботинки и ушел из своего дома. Когда вернулся, было пусто.

Фрэнки не было.

Она не вернулась.

Она звонила.

Но она ушла из его дома, уехала из города... и не вернулась.

Она хотела, чтобы он присутствовал в ее жизни.

Она хотела остаться с ним друзьями.

Хотела остаться в своем *бан*том мире со своей *бан*той головой, принимающей *бан*тые решения и живущей *бан*той жизнью.

И она могла оставаться там.

Ему не нужно было это дерьмо.

Он уставился на печенье, думая, что ему также чертовски не нужно ее печенье.

Но он продолжал смотреть на него.

«Я влюбляюсь в тебя».

Эти слова еще раз атаковали его мозг, в череде слишком долгих воспоминаний, и на этот раз их было слишком много.

Вывернув туловище и жестко ударив по крышке коробке, он отправил жестянку в полет через всю комнату. Она с громким металлическим звуком ударилась о стену, и печенье разлетелось во все стороны, приземляясь и взрываясь в виде кусочков с сахарной пудрой, тесто ломалось и крошилось, обнажая шоколадные поцелуи.

Бен не смотрел на это.

Он накинул куртку, схватил ключи, его ботинки захрустели по печенье, когда он выходил за дверь.

На следующий день он вынес это дерьмо через заднюю дверь вниз по крыльцу во двор.

Выбросил жестянку прямо в мусорное ведро в задней части дома вместе с открыткой.

У птиц было веселое Рождество.

12

Заживление трещины

Я мерила шагами свой гостиничный номер с телефоном в руке, кусая губу, волнуясь, не зная, что делать.

Я знала, что хотела сделать.

Но я не знала, как мне следует это сделать.

Было начало марта, я находилась в Чикаго в командировке.

Находилась в своем гостиничном номере, собираясь поужинать в одиночестве, до ужина оставался еще час.

Бенни должно быть был в ресторане.

Я перестала звонить ему в январе. Он так и не перезвонил.

Я пыталась стать с ним только друзьями. Он просто не позволил мне.

Это была его игра, и у меня не было другого выбора, кроме как принять его правила игры.

Я сильно его обожгла. Я облажалась, понятия не имея, как избавиться от этой ситуации.

Просто была уверена, не хочу, чтобы Бенни мирился с моим дерьмом, даже если не смогу его убедить, что я ему совсем не подхожу.

Я была уверена, что приняла правильное решение, но оно почему-то причиняло боль. Было больно не общаться с ним ни в качестве моего парня, ни в качестве друга, и было больнее, что причинила ему боль, но все равно мое решение было правильным.

На этот раз я не потеряла остальных членов семьи Бьянки. Тереза звонила, выкладывая все новости, будто я все еще жила с Бенни и все было хорошо. Она даже ни разу не упомянула о нашем расставании.

Это было для меня большим шоком. Я думала, что она гораздо более дотошная, не говоря уже о том, что знала я это по своему опыту, она могла затаить обиду. Но она не произнесла ни слова. Она передавала приветы от Винни-старшего, или то, что он просил ее передать мне, что мне нужно вернуться в Чикаго и прийти к ним поужинать. Так что я знала, что Винни-старший тоже двигался дальше, не держа зла, просто передавал все через Терезу.

Мэнни был парнем, поэтому он не прилагал особо усилий поддерживать связь, но Села прилагала, поэтому я была в курсе, что Мэнни на меня не злился. Села ни за что не стала бы поддерживать со мной связь, если бы Мэнни разозлился на меня. Поскольку она продолжала со мной общаться, я узнала, что Мэнни подарил ей обручальное кольцо на День святого Валентина. Я также узнала, что она ответила согласием. И непосредственно от Терезы я узнала, что она (это «она» относится как к Селу, так и к Терезе) была в восторге. В скором времени должна была собраться полная месса — вся семья, меня собирались пригласить, а Тереза планировала надеть шляпку на свадьбу.

Мне это показалось странным, трещина между Бенни и мной снова разверзлась, а вся его семья просто игнорировала эту трещину.

Но это работало. Мне нравилось, что они были со мной, не отвернулись, поэтому я не просила и не жаловалась.

Расхаживая по номеру, отчетливо понимая, что я не должна звонить. Бен пришел бы в бешенство. Я не должна была давить на него. Пусть лучше злиться на меня до тех пор, пока не встретит хорошую женщину, не заявит на нее права, не построит дом и семью и, наконец, не поймет, что я оказала ему услугу.

Я быстро перешла на мысли в другом направлении. Даже зная, что была права в отношении его, я не могла представить его с «хорошей» женщиной. Вообще не могла об этом думать. Когда он найдет ее, я тоже найду в себе силы продолжить с ним отношения, когда он решит их продолжить. Я бы нашла способ полюбить ее, даже если мне это было неприятно. Я нашла бы способ принять его в качестве друга.

Я бы нашла способ.

Что означало, что я обязана оставить наши отношения как есть.

Я хорошо это понимала.

Но перестала расхаживать, наклонила голову и подняла свой телефон. Мой большой палец быстро летал по экрану, чтобы мои мысли не успели меня остановить.

Увидев его имя на экране.

Одно последнее прикосновение, и я нажала на звонок.

Мне стоило отключиться.

Но я не отключилась.

А поднесла телефон к уху.

Слушала гудки, закрыв глаза.

Я держала глаза закрытыми, услышав его глубокий, непринужденный голос, произносящий единственные слова, которые я слышала от него за последние пять месяцев: «Вы позвонили на голосовую почту Бена, оставьте ваше сообщение».

Я услышала звуковой сигнал, открыла глаза и начала:

— Бен? Это Фрэнки. Послушай, я знаю, что прошло много времени с тех пор, как я звонила в последний раз, но сейчас я в Чикаго. Остановилась в «Бельведере». По работе. Но, э-э... на сегодня я закончила с работой, собираюсь пойти поужинать. — Я втянула в себя воздух и продолжала бессвязно говорить: — Подумала, может... ну, не думаю, что ты согласишься, но все же подумала, что позвоню... узнаю, не хочешь ли встретиться и выпить. Мы могли бы поговорить. Не знаю, может все уладить. Я знаю, что ты на работе, после работы. Я буду ждать в баре отеля. Если захочешь, приходи, выпивка за мой счет.

«Выпивка за мой счет?!»

О Боже, мне не следовало звонить.

Пришло время покончить с этим.

— Это, ну...все. — Я закрыла глаза и глупо прошептала: — Надеюсь, что ты прийдешь, Бенни.

Я нажала кнопку отключения и пожалела, что вообще набрала его номер. Также пожалела, что не могу стереть это сообщение. Еще мне хотелось перемотать свою жизнь назад к старшим классам, и там неделю или две встречаться с Бенни.

Но я не могла сделать ничего из этого, поэтому сделала то, что могла.

Отправилась ужинать одна.

Потом я пошла в бар отеля выпить. Один глоток превратился в два, затем в три. Приближалась полночь, у Бена было достаточно времени после закрытия пиццерии добраться до меня, я отвадила мужчин, пытающихся подойти ко мне, и тех, кто выпил и пытался набраться смелости подойти ко мне — легкая мишень, пьющая одинокая женщина в баре отеля.

Я поднялась в свою комнату, держа телефон под рукой.

Прошел час, прежде чем я сдалась.

Надела ночнушку, почистила зубы, умыла лицо, увлажнила, скользнула в постель и выключила свет.

Я перекатилась на бок и устроилась поудобнее.

Почувствовала, как одинокая слеза скатилась по переносице вниз на губу, слеза была соленой, я слизала ее языком. Затем потянулась, прижала к себе еще одну пустую подушку и закрыла глаза. Прошло какое-то время, очень много времени, дольше, чем обычно, но я поняла, что в конце концов уже привыкла к тому, что мое сердце постоянно разбивается.

Так что в конце концов я обрела сон.

Я резко проснулась, когда услышала громкий стук в дверь.

Приподнялась на локте в темноте, сморгнула остатки сна, стук прекратился.

Я прислушалась.

Тихо.

Может мне приснилось?

Ответ пришел, когда стук возобновился — три твердых, громких удара.

Я повернулась, включила прикроватную лампу и сбросила одеяло. Поднялась на ноги и быстро направилась к двери.

Я выглянула в глазок и перестала дышать.

Бен стоял, склонив голову, насколько я могла судить, подняв обе руки, опираясь ими на дверь.

Это меня убило. Мужчина мог быть таким горячим, просто опираясь на дверь.

Пока я наблюдала в глазок, он отстранился, затем я отпрыгнула назад, когда в дверь ударили еще три раза.

Не задумываясь, не зная, который час, не принимая во внимание тот факт, что на мне не было ничего, кроме сиреневой ночнушки из почти прозрачного, эластичного материала, с чашечками из нежного розово кружева, такое же кружево шло по подолу чуть выше попы, я отперла дверь и распахнула ее настежь.

Голова Бена дернулась, и я вспомнила, что нужно дышать, только чтобы втянуть еще больше воздуха.

Мы уставились друг на друга.

Я первая собралась с мыслями только для того, чтобы сказать:

— Бенни.

Это разморозило его тело, он протиснулся внутрь, заставив меня отступить на два шага. Я сделала еще два шага, он ухватился за дверь, захлопнул ее и щелкнул замком.

О Боже, я точно не могла сказать, как к этому отнестись.

На новой зыбкой почве с Бенни я неуверенно поздоровалась:

— Привет.

Его глаза пугающе сузились, когда он спросил:

— Да, ну?

Я сжала губы.

Но открыла их, как только выражение его лица стало странным, пока его глаза медленно сканировали меня в моей ночной рубашке.

— Откуда ты узнал в каком я номере?

Его глаза снова встретились с моими.

— Бретт Риццоли — техник ночной смены. Я позвонил ему. Он узнал твой номер.

Я была удивлена, что Бретт Риццоли вообще работал, учитывая, что он потратил свои школьные годы и еще потом несколько в поисках лучшей травки.

— Который сейчас час? — Спросила я.

— Поздно, — ответил Бен.

— Бен...

Он прервал меня словами:

— Бл*дь, Фрэнки... без дураков, печенье?

Я захлопнула рот, потому что поняла, о чем он говорит, и мой жест «что-я-надеялась-будет-продуманным» больше уже мне не казался таким продуманным. А казался глупым, даже бессердечным.

— Ты злишься, — бессмысленно заметила я.

— Э-э, да, — саркастически согласился он.

— Прости, — прошептала я.

— Ты не вернулась ко мне, — отрезал он.

Я стиснула зубы.

— Я ждал, Франческа. Ты, бл*дь, не вернулась ко мне. А потом послала мне это чертовое печенье?

Я почувствовала, как мое сердце бешено колотится в груди, уставившись на Бенни.

Разозлившийся с маленькими каплями влаги в волосах, которые говорили, что шел дождь или снег, еще больше капель было на его кожаной куртке, высокий, сложенный... красивый. Бенни.

Впитывая его всего, чувствуя вибрацию его злости, разливающуюся по воздуху, давившую на меня, от этого у меня все мысли испарились. Ни одной.

Было только действие.

И это действие заключалось в том, что я преодолела разделявшие нас четыре шага и набросилась на Бенни.

Следующим действием я запустила пальцы в его волосы, наклонила его голову к своему лицу, затем приподнялась на цыпочки и прижалась губами к его рту.

А в следующее мгновение дотронулась языком до его губ.

Все остальные действия производил Бенни.

Я стояла, потом мои ноги обхватили его бедра, его руки оказались под моей задницей, а его язык у меня во рту. Он пошел вперед, повернув. Потом мы сели, Бен присел на край кровати, я сидела у него на коленях.

Мы целовались, переплетая языки, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону, напиваясь запоем друг другом сильно, влажно, отчаянно.

Его руки поднимались по моей ночнушке, опустившись прямо в трусики.

Боже, им там самое место, мне так было хорошо.

Я захныкала ему в рот, но губы не убрала, передвинув руки к его куртке, спуская ее с плеч.

Я лишилась его руки у себя в трусиках, когда он сорвал с себя куртку. Смутно услышав, как она приземлилась на пол с глухим хлопком, смутно, потому что большая часть моего внимания была исключительно сосредоточена на его руке, засунутой обратно в мои трусики.

Как бы мне не нравилось его рука в моих трусиках, я хотела получить большее.

Поэтому задрала его футболку на спине, прервав поцелуй, потребовав:

— Снимай майку, малыш.

Не успела я произнести эти слова, как руки Бена потянулись к низу футболки. Он разорвал ее пополам, и она исчезла.

Я увидела обнаженную грудь и плечи, потрясающую грудь и плечи, затем все пропало, потому что Бенни запустил пальцы в мои волосы, наклонил мою голову, завладев моим ртом.

Я не стала упускать такой возможности, оказавшись в этом положении, захватив Бена без рубашки, целующего меня. И прижалась бедрами к его твердой промежности, проводя рукой по его груди, ниже по его прессу, мне очень нравилось его тело, но на уме у меня было нечто большее. Я вывернула из-под него руку и потеряла его промежность на джинсах.

— Черт, — простонал он мне в рот.

— Сейчас, — прошептала я ему на ухо.

Его брови взлетели вверх над темными, горящими глазами.

— Сейчас?!

Я надавила рукой на промежность.

— Сейчас, детка.

Больше он не сказал ни слова. Слегка сдвинулся в сторону, я потянулась к его ремню. Он открыл бумажник, пока я расстегивала пуговицы на его джинсах. Я мельком заметила, что Бенни Бьянки носил с собой ни один презерватив, а три, но не позволила этому факту укорениться в моем сознании. У меня была цель, и эта цель — засунуть руку в его боксеры и, наконец, получить то, чего я жаждала слишком долго.

Увидеть его член было нетрудно. Он был большой. Слишком. И все это могло стать моим. Я вытащила его член из боксеров и обнаружила, что он тоже прекрасен.

Погладила.

Бен зарычал.

Его рык заставил мои бедра дернуться, я посмотрела на него.

— Поторопись, — умоляюще произнесла я.

— Нужно расстегнуть, детка, — прошептал он.

Я не хотела, но расстегнула пуговицы до конца.

Бен уже достал презерватив (слава Богу) и натянул его, пока я смотрела, извиваясь у него на коленях.

Он едва успел надеть резинку до основания, как я оттолкнула его руку и взялась за него. Пальцами другой руки сдвинула трусики в сторону, затем направила его член, покачивая бедрами, прижимая его к себе.

Руки Бена легли мне на бедра, пальцы впились в плоть, он пророкотал:

— Черт возьми, детка.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я хочу тебя, Бенни.

Он посмотрел мне в глаза.

— Тогда возьми его, Фрэнки.

Я рванула вниз, наполняясь Бенни.

О Боже.

Идеально.

Как только он оказался во мне, руки Бена потянулись вверх, пальцы глубоко впились в плоть, задирая ночнушку на спине.

Но он не снял ее. Я двигалась на нем верхом и двигалась быстро, жестко, снижаясь, шлифуя его член, мне приходилось сдерживаться, чтобы не кончить сию минуту. Он просунул руку под мою ночную рубашку, обхватил затылок и потянул мою голову вниз, желая завладеть моим ртом.

Я позволила Бенни завладеть моим ртом в жестком, пожирающем поцелуе, пока я скакала на его члене.

Почувствовала, как его другая рука скользнула внутрь между нами, вниз, затем большой палец оказался на моем клиторе.

Он надавил и закружил.

Бенни внутри меня, Бенни снаружи. Почти восемь лет не было нормального секса, кроме того, что я давала себе сама, и теперь, наконец, у меня он есть с Бенни. В тот момент, как его большой палец сделал круг, моя голова откинулась назад, я резко и сильно закричала, оргазм пронзил все тело.

Все еще кончая, Бен оторвал меня от себя, затащил на кровать, перевернув на спину, сорвал с меня трусики, накрыл своим телом, снова оказавшись внутри.

— Да, — выдохнула я, все еще пребывая в оргазме.

Бен толкнулся вперед, его бедра наклонились в сторону, рука скользнула по моей заднице, по задней части бедра, высоко поднять мою ногу, обхватив под коленом.

— Да, — повторила я, задыхаясь, открыв глаза и увидев, как он приподнимается на предплечье, опять входит, смотря на меня сверху вниз.

— Безумно красивая, — прошептал он.

О Боже.

Бенни.

Моя рука была зажата его телом, поэтому я ухватилась за его предплечье, ухватилась с силой, как только могла, подняв другую руку вверх и проведя ею по новым, незнакомым, но потрясающе сказочным выступам и ложбинкам его груди и пресса.

Я приподняла бедра, чтобы предоставить ему лучший доступ так же, как и себе, он вошел, начал двигаться, выдавив:

— Черт возьми, да, Фрэнки.

— Действуй, — прошептала я.

— Понял, — проворчал он.

Господи.

Мой Бенни.

Я перекинула ногу, которую он прижимал к кровати своим весом, ему на бедро, двигая бедрами в тандеме с ним, позволяя пальцам скользить по рельефу его пресса, глядя ему в глаза, чувствуя, как великолепие Бенни Бьянки постоянно наполняет меня.

Он дернул мою ногу вверх, углубляясь, что мне показалось, будто касался кончиком своего члена до моего лона. Я выгнула шею и выдохнула:

— Вот так, малыш, трахай меня.

При этом он закинул мою ногу себе за спину, его рука скользнула вверх по передней части моего бедра к боку, потерла материал ночнушки, прикрывающей мою грудь, проведя по моему напряженному соску, заставляя меня застонать. Затем его рука двинулась вниз, и его большой палец снова оказался на моем клиторе.

Я наклонила голову к нему и простонала:

— Близко, Бенни.

— Бл*дь, так и есть. Давай, Фрэнки, — прорычал он.

Наши бедра двигались, Бен надавливал и перекатывал клитор, затем стал надавливать и перекатывать сильнее, пока его бедра врезались в мои, у меня перехватило дыхание.

— Бенни.

— Уже скоро, сага, давай, — простонал он.

Слишком поздно.

Я уже была на волне оргазма. Впившись пальцами ему в спину, обхватив его ногами, свободной рукой, обвившись вокруг его шеи сбоку, с силой удерживая, спина выгнулась на кровати, и меня пронзил очередной оргазм.

Я почувствовала, как Бен вошел глубокое, его большой палец переместился с моего клитора на заднюю часть моего бедра. Я как раз собралась с силами, чтобы открыть глаза, когда он начал долбиться, его дыхание стало резким. Открыв глаза, увидела, как его голова опустилась, почувствовала, как его рука крепко сжалась на моем бедре, резкие вдохи превратились в жесткие стоны его освобождения.

Его движения замедлились, стали мягче, он не скользнул внутрь, отпустил мое бедро, поднял голову, поймал мой взгляд и наклонился ко мне всем телом.

— Ну, э-э... и как это поможет залечить трещину?

Вопрос исходил от меня. Прямо из моего рта. Я услышала его и не могла в это поверить.

Бенни тоже не мог. Я поняла, когда он моргнул. Затем уставился на меня.

Затем его голова откинулась назад, и он расхохотался.

Именно в этот неподходящий момент, вырвавшиеся некстати слова, заставили меня стать нормальным, рациональным человеком, которым я всегда хотела стать (но редко была), а не безумной, сумасшедшей шлюхой, как я вела себя сейчас, что часто случалось с Бенни.

Я знала, что Бен почувствовал напряжение, охватившее мое тело, потому что его голова откинулась назад, глаза встретились с моими, в них не было ни капли смеха.

— О нет, сага, черт возьми, нет, — прорычал он. — Только не снова, и не потому, что я прижал тебя к кровати, а мой член все еще тверд внутри тебя.

— Я снова набросилась на тебя, — прошептала я, в голосе звучал ужас, отчего тон начал повышаться, когда я закончила: — На этот раз буквально.

— Да, набросилась, спасибо, черт возьми.

Я моргнула, прежде чем спросить:

— Ты не злишься?

Его голова дернулась, глаза сузились, в голосе прозвучало недоверие.

— Детка, я хотел быть прямо там, — он прижался своими бедрами к моим, мои ноги напряглись, обхватывая его, — долгое бл*дь время. Я там, — он снова прижался к моим ногам, — мне нравится. С чего бы мне, бл*дь, злиться?

Я не хотела поднимать эту тему, но не могла смириться с тем фактом, что должна была поднять этот вопрос, и единственный способ, который смогла придумать в этот момент, тихо сказать:

— Из-за печенья.

Я знала, что Бен тоже не хотел поднимать эту тему, когда мрачное, пугающее выражение промелькнуло на его лице.

— Это был дерьмовый план, Фрэнки, — тихо ответил он.

Он сказал это тихо.

Он не кричал разозлившись. Он не разозлился. В его словах не было сарказма.

Он высказал свое мнение и сделал это тихо.

Боже, мой Бенни.

— Я не хотела тебя терять, — сообщила я ему.

— Ну, просто хочу сообщить, что есть другой способ меня не потерять — игра, которую ты разыграла пятнадцать минут назад. Хотя, на будущее, я могу также стучать твоей задницей по моей кровати, а на моей кухне ты можешь испечь столько печенья, сколько захочешь.

Несмотря на то, что я находилась на каменистой почве, ничего не могла поделать, как только услышала его слова, автоматически прищурилась и уставилась на него.

— Стучать моей задницей?!

Мрачный, пугающий взгляд исчез, его сменил смех, когда он сказал:

— Ага. Ты можешь быть рядом, я мог бы поесть печенье и потрахаться, когда захочу, я не собираюсь злиться, что ты готовишь мне печенье.

Мой желудок сжался при мысли, что Бенни набросится на меня (не говоря уже о том, чтобы снова трахнуть).

Однако это было не то, чем я поделилась вслух.

— Теперь я могу официально сообщить, что женщинам не нравится, когда мужчины так выражаются, Бен.

Он приблизил свое лицо и прошептал:

— Тогда почему, когда я это сказал, твоя киска сильнее сжалась вокруг моего члена?

Я была почти уверена, что именно так и было, потому что наряду с уханьем живота от его слов, я почувствовала другие, более приятные ощущения в других местах тела.

Как бы мне ни нравилось подшучивать над Бенни, в нашем нынешнем положении мне нравилось подшучивать еще больше (Бенни навалился на меня своим весом, я чувствовала тепло его тела после первого секса с ним, секса, который включал два оргазма), сейчас не время подшучивать над ним.

Сейчас самое время высказаться.

И, будучи самой собой, я начала это делать.

— Бен, не уверена то, что мы только что сделали, было умным.

Выражение его лица стало настороженным, он спросил:

— Почему?

— Ну, почти уверена, что ты не пропустил, учитывая ту драму, которую я устроила в твоей ванной пять месяцев назад, но я немного облажалась.

— Нет, детка, не пропустил, — немедленно ответил он, но ответил мягко. — Но ты кое-что упустила. Кое-что действительно чертовски важное.

Поскольку я тогда была в полном дерьме, поэтому у меня возникла твердая идея, что я пропустила много вещей, которые были действительно чертовски важны.

Однако мне хотелось узнать сейчас, что он имел в виду.

— Что я пропустила? — Спросила я.

— Ту часть моих слов, что я не хочу легкой жизни.

Мой живот сжался, конечности сжались вокруг него, я посмотрела ему в глаза.

— Ты ушла от меня, закрылась и ушла из моего дома, и это было х**во, — тихо произнес он. — Но я чувствую, что тебе это было необходимо, и мое чутье верно, потому что ты своим уходом, поняла, что в конечном итоге трахала не только мне мозги, но и себе, похоже себе даже больше.

Я сжала губы, потому что не собиралась ему отвечать, когда он сказал, что я «трахала ему мозги», не в хорошем смысле, и я ненавидела тот факт, что причинила ему боль.

Но он был прав. Я действительно так и поступила. С собой и с ним.

— И, Фрэнки, — продолжил он, — помимо того, что ты устроила дерьмовую драму, потом еще творила другое дерьмо, главное заключается в том, что ты не хочешь быть моим другом. Ты звонила и приготовила мне печенье не потому, что хочешь, чтобы я был в твоей жизни в качестве друга. Ты звонила и испекла для меня печенье, потому что хочешь, чтобы я находился в твоей жизни именно в таком качестве.

Он подчеркнул свои слова, снова прижавшись бедрами к моим, а также на мгновение придавив меня своим весом на кровати.

— Да. Я тебе это говорила, — напомнила я ему. — А также сказала, что я тебе не подхожу.

— Детка, как насчет того, чтобы я сам решал, кто мне подходит, а кто нет, — заявил Бенни.

Услышав это, я снова моргнула.

Бен продолжил.

— Поскольку ты облажалась, полагаю, ты согласишься, что только что произошло между нами и то, что ты только что дала мне, только что набросилась на меня, в буквальном смысле, ты не сможешь этого отрицать или сделать вид, что ничего не произошло, несмотря

на то, что секс был невероятно чертовски горячим, доказывая, что мы оба хотим быть явно не друзьями, и еще, если учесть насколько мы реально чертовски хорошо подходим в сексе. Он мог бы говорить это постоянно, я готова была бы слушать.

— Поэтому я собираюсь сказать тебе, — продолжил он. — Я позволил тебе разыграть свою пьесу пять месяцев назад, надеясь, что ты соберешься с мыслями и вернешься ко мне. Я согласился тебя отпустить, — он снова надавил на меня своим весом, потом переложил свой вес на бок, — что вернешься ко мне. После этой ночи тебе стоит понять одну вещь — я не позволю тебе снова уйти от меня.

Мое дыхание участилось, я посмотрела ему в глаза.

Бен еще не закончил говорить.

— Хочу внести ясность. Когда я говорю, что не позволю тебе снова уйти, имею в виду, что больше тебя не отпущу. И именно в эту минуту, Франческа, тебе придется решить. Мы вместе будем разбираться с твоим дерьмом и посмотрим, куда нас могут привести наши отношения? Или ты хочешь продолжить свою дерьмовую игру при нулевом контроле, и у тебя есть намерение продолжать в том же духе, дурачить меня, ты осознаешь, что делаешь, и у тебя нет намерения приложить усилия, чтобы разобраться в себе, разобраться в нас, дав нам шанс?

Настоящий Бенни, предпочитающий не ходить вокруг да около, не терять времени даром. Моя грудь усердно поднималась, давая возможность дышать, пока сердце быстро билось в груди. И то, и другое, вкупе с охватившим меня страхом, не позволили мне ответить.

Поскольку я молчала, рука Бенни нашла мою. Он переплел наши пальцы и потянул наши руки вверх, прижав их к своей груди, мягко сказал:

— Детка, просто да или нет. Учитывая, что мы только что разделили, ты хотела разделить со мной физическую близость или нет, ты вернулась ко мне?

— Да.

Одно слово, один вдох, оно прозвучало сдавленно и испуганно, так я себя и чувствовала. Со страхом за себя и страхом того, что в конечном итоге я могу все испортить с Бенни и его семьей.

Произнесенное мной слово было чисто эгоистичным поступком с моей стороны. Неправильно.

Но в то же время оно было правдивым.

Услышав мой ответ, явно не в курсе моих мыслей, Бен закрыл глаза, облегчение отразилось на его лице, затем он прижался своим лбом к моему.

Я тоже закрыла глаза.

Боже, я надеялась, что минуту назад не облажалась по-крупному.

Потом открыла глаза, он перевел дыхание и снова посмотрел на меня.

— Сколько ты пробудешь в Чикаго?

— Завтра у меня еще несколько встреч с докторами, я должна им представиться, а также новому члену моей команды, который на три года старше меня — парню, в фармацевтическом бизнесе он уже десять лет, в то время как я работаю в этом бизнесе всего пять месяцев. Так что завтра я хочу продолжить свои попытки убеждать его, что четко знаю, что делать и как, и он должен подчиняться, потому что я его босс. Я уезжаю послезавтра.

— Послезавтра пятница.

— Ага.

— Значит, ты не уезжаешь в пятницу. А уезжаешь в воскресенье. Завтра утром ты соберешь свое барахло, когда я пойду домой, заберу его с собой. Когда ты закончишь со всеми встречами, убедишь этого мудака, что он должен уважать тебя, приедешь ко мне.

Я приеду к нему домой.

Я почему-то не почувствовала страха или ужаса.

Наоборот, ощутила внутри тепло, безопасность и счастье.

Отчего тут же почувствовала страх.

— Согласна? — подсказал Бен, поскольку я так была поглощена своими чувствами, что опять промолчала.

— Да, Бенни, — прошептала я.

— И пока ты будешь до воскресенья, мы поговорим, трахнемся, разберемся во всем и составим план. Предупреждаю, Фрэнки, мы будем много трахаться, потому что у нас был всего лишь один раз секс, и мы явно уже разобрались в этом вопросе. И я предполагаю, если мы много будем трахаться, дерьмо само рассосется.

— Это предположение, — пробормотала я, и он ухмыльнулся.

— Есть одна единственная хорошая вещь в пятимесячной простое, детка. Ты полностью восстановилась, так что мне не придется сдерживаться, боясь причинить тебе боль, я могу жестко оседлать тебя. Лучше, если ты будешь скакать на мне по-настоящему жестко.

Еще одно уханье живота, отчего я впилась в него взглядом.

К сожалению, Бен продолжил, совсем не обращая внимания на мой взгляд.

— Личный рекорд, заставив женщину так быстро кончить... дважды.

— Эм... Просто отмечу, что первый раз я тоже кое-что делала.

Ухмылка вернулась.

— Ерунда, детка. Ты упорно трудилась, чтобы кончить, но тебе так и не удалось, пока я не пустил в ход свой палец.

Это было правдой.

Отчего очень раздражало.

Я закрыла рот и продолжала впиваться в него взглядом.

Ухмылка Бенни превратилась в улыбку.

Улыбка исчезла, когда его взгляд прошелся по моему лицу и, наконец, вернулся к моим глазам.

Когда его глаза встретились с моими, он прошептал:

— Предоставь это моей Фрэнки. Когда она что-то делает, даже если не собирается этого делать, то делает со всей ответственностью.

Судя по голосу, ему это нравилось.

С другой стороны, мы были там, где были, после того, что мы только что пережили вместе, так что для меня это не было сюрпризом.

И все же мне понравилось, что ему это нравилось во мне. Мне также понравилось, что он позволил так легко мне отделаться. Конечно, секс был отличным и стал потрясающим стимулом, чтобы заставить мужчину дать мне возможность сорваться с крючка. Но я круто облажалась, и все же он не отстранился, не заставил меня вымаливать у него прощение, а дал мне еще один шанс.

С другой стороны, тогда пять месяцев назад войдя в ванную, он пообещал, если я вернусь, он не заставит меня умолять его принять меня назад.

Он был верен своему обещанию.

Я все еще не была уверена, черт возьми, что делаю. Хуже того, я сильно беспокоилась, что в конце концов поступлю неправильно по отношению к Бенни.

Но, похоже, я просто не могла перестать бояться и переживать на этот счет.

— Уже поздно, Бен, — тихо напомнила я ему.

— Ага, — ответил он, соскользнул вниз, поцеловал меня в плечо, откатился в сторону. Он окинул взглядом мое тело, прежде чем его глаза вернулись к моему лицу. — Нравится ночнушка, Фрэнки.

— Спасибо, — прошептала я.

Бен схватил меня за бедра, перекатывая на бок, натянул на меня одеяло. Только тогда он встал с кровати.

Я наблюдала за его спиной, когда он поправлял джинсы по пути в ванную. Точнее, я наблюдала, как двигались мышцы его спины, когда он направлялся в ванную.

Всего несколько минут спустя я наблюдала, как он, одетый только в белые боксеры, неторопливо возвращается к кровати.

Свет погас прежде, чем он скользнул рядом. Как только лег, притянул меня в свои объятия. Я закрыла глаза.

Я скучала по нему. Я провела месяцы, каждую ночь, каждую без исключения, задаваясь вопросом, что, черт возьми, со мной случилось, что я убежала от него. Желая вернуть все, что было в его доме. Желая получить это навсегда.

Теперь, когда у меня действительно был Бенни, я была не уверена, что когда-нибудь смогу от него отказаться.

Даже если я сделаю так, что Бенни сам захочет отказаться от меня.

— Я чертовски напугана, — прошептала я ему в горло, прижимаясь к нему лицом.

— Знаю, Фрэнки.

— Я не знаю, как это пережить.

— И это тоже знаю.

— Я не хочу трахать тебе мозги снова.

— Ну, и не надо.

— Это не так просто, — прошептала я.

Его руки скользнули по моей спине, он опустил подбородок, сказав:

— И это я тоже знаю, милая, — прошептал он в мои волосы. — Я также знаю, что мы не будем разбираться сейчас в том, что тебя так тревожит. Несколько часов я боролся с выбором — приходить к тебе или нет, в результате не смог побороть желание прийти, сейчас я рад, что его не поборо. Но сейчас три часа ночи. Тебе завтра на работу. Так что сию минуту ты будешь спать. Завтра мы приступим к выяснению, как справиться с твоей проблемой.

Я сделала резкий вдох и выдохнула, сказав:

— Хорошо, Бенни.

— А теперь давай спать.

— Хорошо, милый.

Я прижалась ближе, прижимая руки к его груди и поворачивая голову, чтобы прижаться щекой к его ключице.

Его руки вокруг меня сжались крепче.

Я закрыла глаза, магии Бенни (не говоря уже о двух оргазмах) хватило, чтобы утихомирить все дерьмо у меня в голове, которое призывало, чтобы к нему прислушалась, боясь столкнуться с ним лицом к лицу. Мое тело расслабилось, и я начала погружаться в сон.

Я остановилась, когда руки Бена сжались, и он пробормотал:

— Чертовски рад, что ты залечила трещину, детка.

Бенни выдал мне это прямолинейно и честно.

— Надеюсь, что ты таким радостным и останешься, — пробормотала я в ответ.

— Думай о призе, Фрэнки, — прошептал он.

Приз.

С Бенни.

Это был самый лучший приз, который мог быть.

— Хорошо, Бен, — прошептала я в ответ. — Буду постоянно держать его в мыслях.

Он придвинул меня ближе, переплел свою тяжелую ногу с моей и скользнул рукой вверх, чтобы накрутить локон моих волос.

Я устроилась поудобнее, сделала глубокий вдох, позволила его пальцам, скользящим по моим волосам, дать мне расслабление и прошло совсем немного времени, прежде чем я заснула.

* * *

Зазвонил будильник на моем телефоне, и сразу после этого зазвонил будильник у Бена.

— Черт, — простонал он, перекатываясь и увлекая меня за собой. Я почувствовала, как он потянулся, должно быть схватил мой телефон и прикоснулся к нему, чтобы отключить, потому что трель прекратилась.

Я моргнула, но увидела светящийся экран моего телефона, поняла, что Бенни тоже смотрел на него, пробормотав:

— Господи, уже шесть?

После четырехчасового сна мои первые мысли должны были быть, как я собираюсь пережить важный предстоящий день, заполненный встречами с одним из моих представителей, который накануне ясно дал понять, что ему не очень нравится работать под моим руководством.

Но мои мысли были совсем другими.

Мои мысли были, как хорошо проснуться рядом с Бенни в одних боксерах, а я была без трусиков, после двух вчерашних оргазмов, приняв дурацкое решение вернуться к нему.

Я мысленно вернулась назад в номер гостиницы, когда услышала, как телефон с грохотом упал обратно на тумбочку, затем оказалась на спине, Бен на мне, потому что он перевернул меня в это положение.

— Тебе нужно вставать? — Спросил он.

— Мне требуется полтора часа, чтобы собраться, и у меня в восемь встреча за завтраком с моим представителем, — ответила я.

— Значит, нужно вставать.

— Ээээ...да, — подтвердила я настолько разочарованно, насколько себя чувствовала.

Я почувствовала себя намного менее разочарованной, когда Бен переместился, уткнувшись лицом мне в шею, пробормотав:

— Хорошо, давай собирайся. Я пока вздремну.

Я обхватила его руками и предложила:

— Ты можешь дремать сколько хочешь. Я попрошу на ресепшен тебя разбудить, чтобы у тебя было достаточно времени поспать, и вывешу табличку на двери «Не беспокоить», чтобы тебя никто не беспокоил.

Он оторвал свое лицо от моей шеи, заглянув мне в глаза в полумраке и сказал:

— Звучит, как план.

Я ухмыльнулась, тоже в полумраке.

И произнесла:

— Я должна собраться, милый.

И потянулась, чтобы прикоснуться к нему губами, но не стала по-настоящему целовать, потому что знала, что вообще тогда не вылезу из постели, если захочу большего. Но когда я начала выбираться из его рук, он сжал меня.

Я снова посмотрела ему в лицо.

— Должен тебе кое-что сказать, — пробормотал он, и я почувствовала, как у меня внутри все сжалось, потому что по выражению его лица было не похоже, что он хотел сказать то, что должен был сказать. — Я уже тебе в основном все сказал вчера, — продолжал он. — Но стоит прояснить, проясню только один раз, потому что к вечеру все будет ясно и понятно.

Мой желудок сжался, когда я спросила:

— Что будет ясно и понятно?

Он прижал меня еще сильнее к себе, ответив:

— Ты уже однажды отреклась от меня, детка. Мне это не понравилось. Нисколько. Если бы это была не ты, второго шанса у тебя бы не было. Поскольку это сделала ты, я даю тебе второй шанс. Если ты не придешь сегодня вечером ко мне домой, все будет кончено. И мы говорим о завершении, сага. Я не буду отвечать на телефонные звонки. Не буду звонить, когда ты будешь в городе по делам. Если ты придешь на семейный праздник, для меня существовать ты все равно не будешь. Потому что все кончено. Если ты придешь ко мне сегодня вечером, то свяжешь себя обязательствами перед нашим будущим, потому что пути назад не будет.

Я глубоко дышала, сдерживая панику, сосредоточившись на его словах, не отвечая.

Поэтому Бенни сказал:

— Ты понимаешь это, детка?

— Понимаю, — выдавила я.

— Хорошо, — пробормотал он, скользя рукой по моим волосам, обхватывая затылок и притягивая мою голову к себе.

Его поцелуй не был прикосновением. Он был сложнее, с закрытым ртом и намного приятнее.

Но он был от Бенни, а значит последовало и все то великолепие. Он понимал, что у меня есть обязанности перед фирмой.

Поэтому прервал поцелуй, еще раз прикоснулся губами к моим, прежде чем прошептать:

— А теперь вытаскивай свою задницу из кровати. Мне нужно поспать, чтобы наверстать упущенное.

— Хорошо, Бен.

Он сжал меня в объятиях. Я ответила ему тем же, а потом вытащила свою задницу из кровати.

С тех пор как я начала работать, приходилось много ездить в командировки, поскольку моя территория занимала половину континентальной части Соединенных Штатов, у меня появилась система. Добравшись до своего гостиничного номера, я всегда распаковывала вещи, чтобы чувствовать себя как дома. Каждая вещь в гостиничном номере находилась на отведенном ей месте, когда мне она могла понадобится, а я работала с торговыми представителями и врачами, расписание могло корректироваться постоянно. Я не хотела

рыться в своем чемодане в поисках трехъярусной сумки с драгоценностями, чтобы найти нужные мне серьги в тот момент, когда уже должна была находиться за дверью, чтобы успеть на встречу.

Дополнительным преимуществом такого порядка, я могла сейчас собраться относительно тихо (ничего не могла поделаться с феном, он не мог беззвучно сушить волосы) за закрытыми дверями в ванной комнате, выйдя почти готовой, осталось только взять из шкафа при свете рассвета, выбранный один из моих деловых костюмов и туфли.

Когда я зашла в спальню, увидела Бена на боку кровати, одна рука засунута под подушку, другая широко раскинута, одеяло спущено до пояса, волосы в беспорядке, пряди упали на лоб.

Я не думала в душе. Я не осознавала, что я сделала или что я делаю. Я не приступала к геркулесовой задаче, пытаюсь понять свою панику или, как поступила с Беном пять месяцев назад.

Я готовилась к предстоящему рабочему дню.

Но, глядя на него в постели, мои мысли стали путаться, переворачиваясь, кружась, столько всего проносилось одновременно, было похоже, как если бы вы взяли книгу и со скоростью света прочитали бы ее от начала до конца, содержание пролетело бы перед вашим взором за секунды. Но в содержании вам нужно было найти главную линию. Вы обязаны были ее найти.

От этого зависела бы ваша жизнь.

Я добралась до конца книги, повернулась к шкафу, сняла с вешалки платье и взяла туфли. Отнесла их в ванную, надела, дополнила аксессуарами, повторно опрыскала волосы духами.

Покончив с этим, так тихо, как только могла, собрала вещи в ванной. Выйдя за своим чемоданом, отнесла его в ванную комнату и вернулась, чтобы собрать одежду. Собрала вещи. И не используя ролики, боясь шуметь, отнесла его и поставила у двери.

Подошла к кровати, еще раз взглянула на Бенни Бьянки, забрала свой телефон с прикроватной тумбочки. Вернулась к шкафу, чтобы захватить блейзер. Натянула его на плечи, вытащила волосы из-под воротника, затем взяла легкий плащ, который бросила на стул, сумочку, ключ-карту и сумку с компьютером. Подошла к двери, повесила табличку «Не беспокоить» и пошла по коридору к лифтам, потом к стойке регистрации, попросив меня рассчитать.

Другими словами, когда все содержание книги прошло у меня перед глазами, я нашла главную линию.

* * *

Я набрала имя Бена на своем телефоне и нажала кнопку подключения.

Поднесла телефон к уху и стала ждать. Последовало несколько звонков, и я поняла почему он не подходил, потому что джинсы Бена остались в ванной. Потом меня перекинули на голосовую почту.

Слишком далеко, он не сможет услышать.

Мне следовало догадаться и положить его телефон рядом с ним на тумбочку.

Я не подумала об этом, поэтому отключилась, искала отель на Сафари, нашла и позвонила.

— «Бельведер», чем мы можем помочь вам?

— Не могли бы вы соединить меня с номером четыреста тринадцать?

— Конечно. Один момент.

Я ничего не слышала. Затем услышала щелчки. Наконец гудки.

— Йо? — произнес сонный голос Бена.

— Это твой дружеский звонок для пробуждения, — весело заявила я. — Пора вытаскивать свою задницу из постели и убираться из этого номера, или мне придется заплатить за этот день.

— Детка. — Теперь его голос был сонным и веселым.

Мне нравился его голос сонный и веселый, поэтому я захотела добавки.

— Конечно, не я бы за него платила, а моя компания, но мамочка так не играет со своими работодателями.

Меня только позабавило его грохочущий глубокий смех, когда он спросил:

— Мамочка так не играет?!

— Ага, — ответила я.

— Детка, есть много вещей, которые в тебе есть, но улица — к тебе не относится.

— Я вполне могла бы заняться бизнесом на улицах.

— Ты могла бы, если бы твой отец был не итальянцем, а афроамериканцем. Но поскольку это не так, то не можешь.

— Мы будем ссориться из-за того, могу ли я вести бизнес на улице или нет? — Спросила я.

— Нет, поскольку я должен вытащить свою задницу из кровати раньше, чем твоей компании придется заплатить за дополнительный день, ты не будешь пользоваться этим номером, так что у нас нет времени, так как это займет год.

— И прямо сейчас, чтобы закончить эту конкретную дискуссию, я смогла бы заниматься бизнесом и на улице.

— Неважно, — пробормотал он, но в голосе все еще слышался смех.

— Ладно, мне пора на встречу.

— Сага.

От его внезапной перемены в тоне я остановилась как вкопанная в коридоре медицинского офисного здания.

— Что? — прошептала я.

— Собранный чемодан стоит у двери.

Мое сердце подпрыгнуло, но рот тут же заявил:

— Ну, я не доверяю тебе собирать мои вещи. Ты бы все помял.

— На то они и вещи, Фрэнки. Просто берешь и бросаешь все барахло в чемодан и закрываешь. Чемодан застегнулся, ты преуспел.

— Бен, от одной мысли бросить вещи в чемодан, не складывая и не продумывая стратегию размещения, у меня мурашки бегут по коже.

— Тогда хорошо, что ты сама собрала свое барахло.

— Знаю.

— Нет, Франческа. — Его голос был глубоким, низким и наполненным смыслом. — Хорошо, что ты собрала свои вещи.

Мой голос звучал тихо и в то же время со смыслом, когда я ответила:

— Знаю.

Он секунду молчал, возможно, обдумывая мои слова, потом спросил:

— Ты можешь примерно сказать, когда будешь у меня дома?

— Учитывая мое расписание, может мне стоит прийти в ресторан, взять у тебя ключи, пойти к тебе домой и встретиться там, когда ты освободишься.

Об этом я думала в течение последних нескольких часов с тех пор, как вышла из номера. Это были не очень хорошие мысли, в первую очередь потому, что все скорее всего знали, что я бросила его, хотя его семья заняла нейтралитет, другие могли не быть такими уж нейтральными. И когда дело дошло до пиццерии, эти другие могли оказаться там.

Это тоже были нехорошие мысли, потому что Бенни работал допоздна, а я хотела его увидеть, но мне также нужно было поспать.

Возможно я бы вздремнула, пока он был в ресторане.

— Э-э... милая, ты вернулась ко мне. Я сегодня не работаю, — сказал Бенни, прерывая мои мысли.

— Ты вызовешь Винни-старшего на замену? — поинтересовалась я, сама не зная, как к этому отнестись, потому что Бьянки не сразу узнают о моем возвращении.

— Нет. Мэнни может прикрыть кухню на день или два. Он иногда так делает, когда я беру выходной, и он ничего там не портит на моей кухне. Однако в долгосрочной перспективе он не может там работать.

Я нашла эту новость интересной.

У меня не было времени выяснить, почему она меня заинтересовала.

У меня было время только на то, чтобы сказать:

— Хорошо.

— Я позвоню Мэнни, приеду в ресторан, удостоверюсь, что у него все хорошо. Итак, еще раз, когда я тебя увижу?

— Около шести.

— Хорошо. Тогда увидимся около шести.

Внезапно я почувствовала себя невероятно счастливой и не смогла удержаться от того, чтобы не сказать ему «Ага».

— Да. — Ввернул он мне.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Увидимся, Бенни.

— До встречи, Фрэнки.

Я отключилась и посмотрела в конец коридора, где Трей, мой торговый представитель, стоял, склонив голову к своему телефону, водя по нему пальцем, с раздраженным выражением на лице.

И подумала: «Да пошел он». Я хорошо справлялась со своей работой, несмотря на то, что в течение четырех месяцев находилась в простое, уткнувшись носом в информационные листовки для пациентов, брошюры компании, отчеты о прошлых продажах и оценки команды.

Ему придется смириться с этим.

Я собиралась задержаться в этой компании.

Или, по крайней мере, на следующую минуту.

Что будет после этого, мы посмотрим.

У меня порхали бабочки в животе, пока я испытывала приятно-неприятные (или неприятно-приятные) воспоминания, паркуя машину перед домом Бенни.

Я глубоко вздохнула, взяла свою сумочку и компьютер и вышла из арендованной машины. Стоило мне выйти из машины, будто она обладала ясновиденьем, потому что я увидела миссис Замбино на крыльце ее дома в сапогах на высоком каблучке, с поднятыми волосами, со скрещенными на груди руками, прикрытой свитером, который, я была почти уверена, видела знаменитость в журнале «Юс» за прошлую неделю.

На миссис Замбино свитер сидел лучше.

Она смотрела на меня с суровым выражением на лице.

Ну, вот и все. Хотя семья Бенни сохраняла нейтралитет, как Швейцария, но миссис Замбино явно на меня злилась.

Я проигнорировала ее насупленное выражение, жонглируя сумками, с энтузиазмом помахала ей рукой, прокричав:

— Привет, миссис Замбино!

Ее тело раздраженно дернулось, затем она молча развернулась и вошла в дом.

Я сделала мысленную пометку, что мне нужно поговорить с миссис Замбино, повернула к дому Бенни.

Я была уже на верхней ступеньке крыльца, когда дверь распахнулась.

Затем уже не была на верхней ступеньке крыльца, потому что рука Бенни метнулась вперед, обхватила меня за талию и втащила внутрь.

Дверь захлопнулась примерно за секунду до того, как я врезалась в стену фойе Бена, прижатая телом Бенни.

— Диван или кровать? — спросил он, его глаза находились в дюйме от моих, и у меня запульсировало между ног.

— Ч-что? — Переспросила я, не в состоянии осмыслить происходящее достаточно быстро, чтобы дать соответствующий ответ.

— Кровать, — пророкотал он, его глаза опустились на мои губы. — Там много места. Мы разложим диван, когда я сосредоточусь.

Когда он сосредоточится?

Что это значит?

У меня не было возможности спросить. Моя сумочка и сумка с компьютером уже лежали на полу, рука была зажата в руке Бенни, и он тащил меня к лестнице.

Когда мы добрались до лестницы, у меня все еще не было возможности спросить, так как мне пришлось сосредоточиться, чтобы не врезаться лицом в ступеньку.

После этого мне пришлось сосредоточиться на том, чтобы не споткнуться в коридоре.

Затем мне пришлось сосредоточиться, чтобы оставаться в вертикальном положении, когда Бен развернул меня лицом к себе, спиной к изножью кровати, стянул с меня плащ вместе с блейзером и отбросил их в сторону.

Только тогда я хлопнула руками по бедрам, посмотрела ему в глаза и рявкнула:

— Ну, привет, Бенни Бьянки.

Его ответом было рука у меня на груди, а потом толчок.

Я тихонько вскрикнула и упала спиной на кровать.

Бенни меня толкнул.

Затем его губы коснулись моих.

А потом он поцеловал меня.

Наконец-то до меня дошло, что это горячо, все это, начиная, как он втянул меня в дом. Поцеловал и мне нравилось, какой он на вкус. Поэтому я обвила его руками и поцеловала в ответ.

Если бы у меня было время подумать об этом в тот день (чего у меня не было), я бы подумала, что первый раз испытала неконтролируемые эмоции, потребность и том факте, что не трахалась более семи лет. Я трахалась с Бенни Бьянки, и все это объясняло, почему все прошло так быстро, горело так ярко и было так приятно.

Но, к счастью, у меня не было времени подумать об этом. Потому что, если бы я подумала, начала бы беспокоиться, когда страсть поутихнет, секс перестанет быть таким обжигающим, и у меня будет достаточно времени погрузиться в свои мысли, как это было с Винни. Задаваясь вопросом, правильно ли я все делаю в сексе. Задаваясь вопросом, нравится ли ему то, что я делаю, возбуждаю ли я его, или он возбужден, готов и совершает просто движения, чтобы войти в меня и закончить все побыстрее.

Если бы у меня было время подумать об этом, это бы засело у меня в голове, и все свелось бы к тому, правильно ли я все делаю с ним в сексе, я давно не практиковалась или вообще никогда не обладала нужными навыками, и нравилось ли Бенни то, что я делаю.

У меня не было времени подумать об этом в тот день, и у меня действительно не было времени думать об этом в тот момент.

Потому что Бенни был человеком действия. Мне следовало догадаться об этом, учитывая, что он еще в молодости редко упускал возможность.

Я находилась в его постели без швов на животе, он скучал по этому.

Речь шла о руках, губах и звуках. Прикоснись и попробуй на вкус. Запах его лосьона после бритья. Волнующий звук, с которым он расстегивает молнию на спине моего платья. Его руки двигаются, скользят по моим бокам. Вкус его кожи на шеи. Ощущение его твердости на моем бедре, моем животе, моем бедре. Шелковистая ласка подкладки моего платья, когда он стянул его с меня через голову. Его язык на моем соске поверх лифчика. Ощущение его волос в моих руках. Возбуждение, когда он сорвал с меня трусики.

И тогда это случилось.

Он раздвинул мои ноги, перекатился между ними и прижался ртом.

Уже воспламененная сенсорным исследованием, ощущение его заставило меня воспламениться.

Я уперлась пятками в кровать, глубже погружаясь в его рот, но сделала это за наносекунду до того, как он закинул мои ноги себе на плечи.

Именно тогда я уперлась пятками ему в спину. Он зарычал, уткнувшись в мое лоно, и я даже не вспомнила, что на мне были шпильки. До меня также не дошло, что это было не рычание от боли, а что-то совершенно другое.

Он наслаждался мной, затем его рот сомкнулся вокруг моего клитора, сильно пососал и засунул внутрь два пальца.

— Боже, — закричала я, выгибаясь всем телом, двигая бедрами еще ближе ко рту Бена.

Я была вне себя от возбуждения, но кульминация, которая захлестнула меня от того, что Бенни дарил мне, была неожиданностью.

К еще большему удивлению, Бен делал невозможное. Он сосал, трахал меня пальцами, я упиралась шпилькой в его спину, требуя большего, постанывая и поскуливая.

Он вытащил пальцы, провел языком по моей влажности, и я содрогнулась, почувствовав, как он отстранился от меня.

Открыла глаза, поджала ноги, подняла голову, обнаружила, что он стоит в ногах кровати, вымученно прошептала:

— Нет.

— Я не оставлю тебя, детка, — прошептал Бен в ответ, прежде чем сорвал футболку и потянулся к джинсам.

Я зашевелилась.

Бен разделся, я стояла на коленях на кровати, одетая в чулки с кружевом наверху, туфли-лодочки на шпильках и лифчик. Его темные, горячие глаза блуждали по моему телу, губы прошептали:

— Господи, — и он вернулся ко мне.

Его руки сомкнулись вокруг меня, мои сомкнулись вокруг него, и он упал вперед, увлекая меня назад.

Я обхватила его ногами, когда он потянулся к своей тумбочке.

Он подставил мне свои губы, передвинув бедра, целуя, и, пожалуйста, Боже, одновременно надевая презерватив.

Внезапно я почувствовала, как кончик его члена скользнул по моей влажности, и так же внезапно оказался внутри.

И снова у меня был Бенни.

— Да, — выдохнула я ему в рот.

— Черт возьми, да, — простонал Бен мне в рот, снова завладев моими губами в глубоком, влажном поцелуе, двигаясь внутри меня.

Это продолжалось некоторое время. Какое-то время было потрясающе. Бен поочередно целовал меня, потом его губы передвигались на шею. И если бы я могла думать о чем-то, кроме всего того, что Бенни заставлял меня чувствовать, я не могла бы сказать, что мне нравилось больше (хотя, вероятно, поцелуи).

Но я знала, что он был готов, и он хотел, чтобы я кончила одновременно с ним, потому что его рука скользнула между нами, большой палец коснулся моего клитора, и он, уговорив, отправил меня напрямик туда, где хотел меня видеть.

Ему не потребовалось много уговаривать меня.

Мои конечности судорожно сжались вокруг него, и крик вырвался из горла, когда он подвел меня к краю.

Я крепко ухватила за него, наслаждаясь путешествием, и пару минут спустя Бен присоединился ко мне.

Он остался во мне, я почувствовала, как его прерывистое дыхание выравнивается на моей шее, руки двигаются медленно и нежно, бродя по моему телу везде, куда он мог добраться. Наконец, его губы прошли от моей шеи к моим губам, он коснулся, встретившись со мной взглядом, и, наконец, завершил наш праздник милым, нежным способом, который я запомню на всю оставшуюся жизнь, коснулся кончика моего носа своим, и я увидела его улыбающиеся глаза.

— Привет, Фрэнки.

Настала его очередь увидеть улыбку в моих глазах, когда я ответила:

— Привет, Бенни.

— Ты носишь чулки каждый день? — спросил он, и мои брови сошлись вместе от странного вопроса.

— Ум... да.

— С кружевом наверху?

— В основном.

Он посмотрел на подушку над моей головой и пробормотал:

— Трахни меня.

Его реакция сбивала меня с толку.

— Это плохо? — Спросила я.

Он оглянулся на меня.

— Сколько у вас врачей и представителей парней?

— Эм... — Пробормотала я в ответ, и это было все, что успела сказать.

— Вот именно, — пробормотал он.

— Они же их не видят, Бенни, — указала я на очевидное.

— Видят, Фрэнки.

Вот тогда-то мои глаза расширились.

— Они не могут видеть мои чулки.

— Ладно, может и не могут, но они их чувствуют.

На самом деле?

— Нет, они не могут их чувствовать! — огрызнулась я.

— Твои ноги и задницу, ты в платье, они абсолютно могут. А если не могут, тогда представляют тебя в чулках, и поверь мне, ты вдохновляешь на хорошую визуализацию, даже если мужчина не обладает таким навыком.

Хотя это был комплимент, мысль о том, что мужчины, с которыми я работала, визуализировали меня, лучше не думать об этом. Поэтому я не стала об этом думать, даже чуть-чуть не стала.

— Ладно, может и могут. Ну...и что? — Сдалась я, чтобы двигаться дальше.

На этот раз его брови поползли вверх.

— И что?!

— Да. И что?

— Детка, ты понимаешь, что здесь происходит, а?

Внезапно мне стало трудно дышать, поэтому, когда я ответила «Да», прозвучало слегка со вздохом и немного неуверенно.

— Здесь ты и я, а это значит только ты для меня и только я для тебя. Это значит, что ты моя и просто трахаешь меня. Это значит, что я, чистокровный итальянец, не большой поклонник того, что ты видишься с парнями, которые представляют тебя в лифчике, трусиках, чулках и на каблуках.

Вся неуверенность покинула меня, и мои глаза снова прищурились.

— Я не могу уволиться с работы, потому что мужчины думают обо мне своими членами.

— Ты можешь надеть брюки, — тут же ответил он. — И сменить шпильки на балетки. —

Он сделал паузу, прежде чем закончить: — Уродливые балетки.

— Я не ношу уродливые балетки! — громко заявила я.

— Хорошо, тогда купи несколько не уродливых балеток.

— Я вообще не ношу балетки. И брюки, — опять заявила я.

Он уставился на меня секунду, прежде чем повторил:

— Трахни меня.

— Мы можем перестать говорить на эту тему, ты мог бы меня покормить? — спросила я, а потом добавила: — Я проголодалась.

Выражение его лица сменилось с сексуально удовлетворенного с раздражением на сексуально удовлетворенное с добавлением теплоты, прежде чем он спросил:

— Чего бы ты хотела?

Я хотела одну из пицц Бенни. Чего я не хотела, что ему пришлось бы идти в ресторан, чтобы ее приготовить.

Но, чтобы сделать выбор, мне нужно было больше информации.

— А что ты предлагаешь?

— Сэндвичи с курицей барбекю или что-нибудь, что доставляет удовольствие.

— Я так понимаю, мама перестала забивать твой холодильник едой.

Его лицо смягчилось, он ответил, пытаясь мягко обойти трудную для нас тему:

— Да, детка. Пять месяцев — долгий срок, это должно было случиться.

Его нежное выражение лица выглядело потрясающим.

Но его слова все еще жалили.

— Я идиотка, — выпалила я шепотом.

Бен тяжело вздохнул, вышел и перекатился на спину, увлекая меня за собой. Когда я оказалась на нем сверху, он поднял руки, собрал мои волосы, убирая их с моего лица по обе стороны, и посмотрел мне в глаза.

— Отстой, правда, но, видимо, ты, бл*дь, все же не разобралась в своем дерьме.

— Очевидно, что нет, — пробормотала я, мой взгляд переместился к его уху.

— Детка.

Мой взгляд вернулся к нему.

— Давай начнем с самого простого дерьма. Ты хочешь барбекю или хочешь что-нибудь заказать?

Начать с легкого дерьма было хорошей идеей.

И все же я должна была спросить.

— А чье барбекю?

— Джека Дэниела.

Я почувствовала, как мои глаза становятся большими.

— О Боже, его барбекю просто бомба, — выдохнула я.

Он ухмыльнулся и пробормотал:

— Барбекю значит.

— Да, — согласилась я.

— Хорошо, тогда слезай с меня, детка. Я должен избавиться от этого презерватива и накормить свою девочку.

Я скатилась, и Бен скатился вместе со мной.

Затем не отводила глаз от его задницы, пока он неторопливо направлялся в ванную.

Насладившись этим шоу и позволив себе на мгновение посмаковать это зрелище, когда он исчез, я заметила свой чемодан у стены.

Нашла свои трусики на полу, подняла их, скинула туфли, натянула трусики и сняла чулки.

Мой открытый чемодан стоял на полу, я на коленях рядом с ним, копаясь в своем ограниченном выборе вещей для деловых поездок, когда увидела босые ноги Бенни поверх края его выцветших джинсов на полу рядом с моим чемоданом.

Я подняла глаза (выше и выше), наткнувшись на бедра, обтянутые джинсами, кубики на прессе, которые я знала, поскольку любила их исследовать руками, грудь и плечи — линии, бугорки и ложбинки, покрытые гладкой оливковой кожей и, наконец, его красивое лицо, опущенное ко мне.

— Тебе нужно что-нибудь надеть? — Спросил он.

— Я не брала с собой повседневную одежду для отдыха в доме у Бена, — ответила я, и его губы изогнулись.

— Хорошо. В следующий раз возьми, — приказал он и подошел к комоду. Открыл ящик, вытащил выцветшую красную футболку, развернул и бросил мне.

Я натянула ее, и едва она коснулась моей задницы, как он взял меня за руку и потащил к двери.

Мы зашли на кухню, Бен достал мясо. Он нарезал на куски, пока я доставала тарелки и раскладывала булочки. Бен открыл себе пиво и взял бутылку вина. Я схватила бокал для вина себе (кстати, была почти уверена, что бокал он позаимствовал из своей же пиццерии). Он налил, затем перешел к мясу, разделил его между булочками, положил на него ломтик швейцарского сыра и снова поставил в микроволновку, пока сыр не расплавился.

Пахло божественно, выглядело лучше.

Лучше было то, что все это заняло около пяти минут.

— Гостиная, — произнес он как команду, продолжая готовить сэндвичи. — Захвати мою тарелку. Возвращайся за напитками. Я принесу остальное.

Я увидела, сидя в углу его дивана с тарелкой в руке и бокалом вина на кофейном столике передо мной, «остальное» состояло из банки маринованных огурцов с укропом и семь пакетиков чипсов.

Семь.

Кое-что новое можно было узнать о Бенни Бьянки. Очевидно, ему всерьез нравились снеки. Я уставилась на чипсы и отметила «Доритос Кул Ранч», с сыром «Доритос Начо», с барбекю «Джейс Мескит», «Джейс» со сметаной и луком, «Читос», с барбекю «Фритос Хани» и с сыром «Принглз Чеддер».

Чувствуя, что хочу чипсы, я осторожно перекатилась вперед на коленях, балансируя тарелкой в руке, и потянулась за «Джейсом Мескитом».

— Наверстаем упущенное, — произнес Бенни, когда я откинулась на спинку дивана.

Я поставила тарелку на колени, развернула пакет с чипсами и посмотрела на него.

— Что, милый?

Он не стал повторяться.

Спросил:

— Ты завела собаку?

Мое сердце сжалось, потому что своим вопросом он дал понять, хотя и не отвечал на мои голосовые сообщения, он их слушал.

Мне это понравилось.

— Нет, — ответила я. — У меня была проблема с квартирой, которую мне выделила фирма. Что ж... — Я поколебалась. — На самом деле проблем с квартирой было около семи тысяч. Потом у меня возникла проблема, похоже им, было наплевать, что душ не сливался даже через три дня, а мусоропровод не утилизировал продукты. После того как это все продолжалось какое-то время, я послала их. Одна из наших представительниц перешла на работу в другой штат, у нее еще не кончился договор аренды. Так что я переоформила на себя ее договор. — Я ухмыльнулась ему, держа чипсы в руке на полпути ко рту. — Теперь моя новая квартира находится в Браунсберге. — Я отправила чипсы в рот и прожевала.

— Без шуток? — спросил он, приподняв брови, его глаза улыбались.

Я покачала головой.

— Без шуток. Переехала две недели назад. Вай и Кэл приглашают меня на ужин на следующей неделе.

— Тогда ты знаешь, что она ждет ребенка, — заметил Бенни с сэндвичем в руке, и как он сказал то, что сказал, откусил и половина мяса упала на тарелку.

Нам нужны были вилки.

И, может быть, ножи.

Определенно салфетки.

Я одарила его счастливой улыбкой при этой новости и ответила, вставая с дивана.

— Да. Она сказала мне. — Я поставила свою тарелку на кофейный столик, сказав: — Принесу вилки и салфетки.

— Салфеток нет, детка. Бумажное полотенце.

Да. Верно. Он был парнем. Конечно, он не стал бы заморачиваться на салфетки.

Я вернулась, вручила ему вилку, нож и порцию бумажного полотенца и только уселась обратно с тарелкой в руке и чипсами наготове, как он спросил:

— Твой бывший домовладелец здесь, наверное, отпустил тебя не с легким сердцем, ты нарушила условия аренды?

Именно тогда я поняла, что мне не следовало начинать этот разговор.

Я поставила тарелку на колени и начала резать сэндвич.

— Фрэнки?

Отрезала кусочек и положила его в рот.

Так вкусно.

— Франческа.

Услышав мое полное имя и то, как он его произнес, я посмотрела на него.

— Он вылил на тебя достаточно дерьма, — заявил он как факт, судя по выражению моего лица. Затем выражение его лица стало пугающим. — Он все еще не оставил тебя в покое?

Я прожевала, проглотила и пробормотала:

— Ум...нет.

— Требуется неустойку, — предположил он.

Я снова посмотрела в свою тарелку.

Ему не понравилась моя тактика, ведения разговора, я поняла, когда он снова выдал:

— Фрэнки.

Я посмотрела на него и быстро сказала:

— Я позвонила Сэлу.

Его лицо сразу нахмурилось, и он потребовал:

— Скажи мне, что ты этого не делала.

— Не потому..., чтобы... э-э, получить поддержку от него или что-то в этом роде. А чтобы попробовать, сможет ли кто-нибудь из его адвокатов вселить в моего арендатора страх Божий. Ну, смогли ... сработало.

— Вселить в арендатора страх Божий — значит получить поддержку от Сэла, Фрэнки, — сообщил мне Бенни.

Я промолчала.

Хмурый взгляд не изменился, когда Бен спросил:

— Ты что, с ума сошла?

Это был сложный вопрос.

— Детка, — отрезал он, когда я не ответила.

— Он собрался через суд снять деньги с моей кредитки, Бенни, — сказала я в свою защиту.

— И ты наняла адвоката мафии, чтобы угрожать своему бывшему арендодателю?

Я склонила голову набок в знак своего невербального согласия.

— Ты не будешь в долгу перед Сэлом, — тихо сказал Бен.

— Сэл сказал, что для меня это халява.

— Сэл никогда не делает «халяву», и ты это прекрасно знаешь. Ты не будешь его должником. Ты ни за что не должна быть его должником. И если бы у меня был выбор, ты бы не имела с ним ни хрена общего.

— Он член семьи, Бенни, — тихо напомнила я ему, потому что в случае Бена Сэл как раз был фактически его кровным родственником.

— Он социопат, Фрэнки, — ответил он.

С этим, вероятно, нельзя было поспорить.

Хотя Сэл казался очаровательным человеком.

Я решила не высказывать свое мнение Бенни.

И вернулась к еде, предположив:

— Может нам не стоит говорить о Сэле.

— О, мы как раз поговорим о Сэле, — заявил Бен, и я оглянулась на него с чипсом в руке.

— Только не сейчас. Он не является главным приоритетом.

Внезапно мне захотелось поговорить о Сэле.

— Не смотри на меня так испуганно, — сказал Бенни, теперь мягко, и я сосредоточилась на нем, его тон отразился на лице. — Мы едим, навЕРстывая упущенное. Просто наслаждаемся едой и разговором. Важными тяжелыми проблемами можем заняться позже.

— Я предлагаю в следующем феврале заняться тяжелыми проблемами, — пробормотала я пакетику с чипсами.

— Тогда ты все еще будешь со мной, детка, я готов согласиться, — сказал мне Бенни.

Я с надеждой оглянулась на него.

— Но, просто хочу сказать, — продолжил он, — это может быть нездорово.

И мои надежды рухнули.

— А теперь просто ешь, милая, — настаивал он. — И скажи мне, нравится ли тебе твоя новая работа. Расскажи о своей новой квартире. А я расскажу тебе, как Чикаго пережил настоящее землетрясение, устроенное ма, когда Мэнни подарил Селе бриллиант, который она так хотела от «Тиффани», а не фамильное кольцо тети Мэри, которое, даже я парень, не разбирающийся в ювелирных украшениях, понимаю, что оно — настоящее уродство в заднице.

Я хихикнула, глядя на Бенни.

Затем отправила чипс в рот.

После этого рассказала ему о своей работе, о своем новом месте жительства и слушала его рассказ о его семье.

* * *

— Я много езжу по работе, — заявила я.

Это было после ужина и после минимальной уборки, самой утомительной частью которой было отнести все чипсы обратно на кухню. Мы с Беном вернулись на диван, но устроились по-другому.

Я — на спине, а Бен — на мне.

Как только он устроил меня в такое положение, я решила, что хотела бы жить, дышать, спать и есть в таком положении, если смогу.

— Я понял, ты живешь в Браунсбурге и приезжаешь сюда, — сказал Бен с усмешкой, его руки, как они делали с тех пор, как он уложил меня на спину, блуждали.

— Я хочу сказать, что обычно я уезжаю по крайней мере раз в две недели. Я набираю мили для часто летающих пассажиров.

Это превратило ухмылку в улыбку.

Я потеряла его улыбку, когда он опустил голову, чтобы его губы могли коснуться моей шеи, где он пробормотал:

— Звучит многообещающе.

— Да, — тихо сказала я, решив, что мне не нравится, когда мои руки лежат на его спине поверх футболки.

Я запустила их под его футболку, затем вверх по коже.

Лучше.

— Что у нас на завтра? — спросил он мне в шею.

— Две встречи, — ответила я ему на ухо. — Потом я должна была лететь обратно. Но моя секретарша перенесла рейс на воскресный.

— Превосходно, — пробормотал он.

Я замолчала, когда его блуждающая рука прошлась по моей заднице.

Но мой разум застыл, когда он прошептал мне в кожу:

— Что тебя так напугало?

Я понимала, о чем он спрашивал, и испугалась, потому что у меня не было ответа.

Он поднял голову и посмотрел на меня сверху вниз.

— Что напугало тебя в тот день в ванной, детка?

— Не знаю, — прошептала я.

Его голова наклонилась в сторону, рука переместилась с моей задницы вверх по боку, обвившись вокруг моей шеи, а большой палец начал поглаживать мой подбородок.

Как только он успокаивающе прикоснулся ко мне, спросил:

— Не знаешь?!

— Тереза тогда пришла, — тихо ответила я.

Его челюсть затвердела.

Я крепче обняла его.

— Не вини ее.

— Она не должна вот так вваливаться ко мне домой, в курсе она, что у меня там женщина или нет. Тем более, что знала, что ты была здесь.

— Это не ее вина, — настаивала я.

— Ладно, может, и нет, — сдался он. — Но дело не в этом. Я тридцатипятилетний мужчина, и моя мама заходит ко мне, кричит, поднимаясь по лестнице, когда моя разгоряченная женщина лежит в моей постели, а дверь спальни открыта? Она все испортила, начиная с того, что пришла, не предупредив.

Вроде так и было.

И так делать не очень любезно со стороны Терезы.

— Больше она так делать не будет, — заявил Бен.

— Держу пари, что нет, — пробормотала я.

— Так что насчет того, что ее появление вызвало у тебя такой страх? — спросил он.

Я покачала головой.

— Не знаю. Может просто... просто... — Я искала подходящее слово, пытаюсь объяснить. Проблема заключалась в том, что я была не уверена, что нашла причину. — Просто мы делали следующий шаг, большой шаг. Появилась Тереза, напомнив мне, что я потеряла и получила назад, и я испугалась. Например, взбесилась в стиле Фрэнки, раздувая из этого огромную проблему, занимаясь глупым дерьмом, которое причиняет людям боль.

Его внимание полностью сосредоточилось на мне, а голос стал странно осторожным, когда он спросил:

— Когда ты в последний раз так психовала в стиле Фрэнки?

— Я делаю это постоянно, — ответила я ему. — Ты это знаешь.

— Нет, детка. Когда ты в последний раз психовала в стиле Фрэнки, причиняя людям боль? Я закрыла рот и задумалась.

— Когда, Фрэнки? — настаивал он.

Я открыла рот.

— Я... я думаю, не знаю.

— Может в прошлом? — Спросил он.

Было ли в прошлом?

Я тоже об этом думала.

— Не знаю, — призналась я.

— Тогда почему ты это сказала?

Почему я сказала?

О мой Бог.

Я посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Не знаю.

— Да, — прошептал он в ответ.

— Ты — единственная семья, которая у меня когда-либо была, Бенни, — сказала я, все еще шепотом. — Единственная хорошая. Единственная настоящая. Однажды я потеряла тебя. Всех вас. Я просто... запаниковала. Это была паника, милый. Я не психовала. Я сходила с ума, я пребывала в шоке.

— Видел твою панику и шок, — сообщил он мне. — Даже, бл*дь, чувствовал.

— О Боже, — выдохнула я. — Мне так жаль.

— Мне тоже, но я не сожалею, что увидел их и почувствовал. Извини, но ты даже не попыталась разобраться, я мог бы понять, смогу ли помочь тебе пройти через них.

На это я ничего не сказала.

Бенни сказал:

— Если паника и шок снова появятся, Фрэнки, нужно, чтобы ты их не запикивала в себя еще глубже, а выпустила, чтобы они подняли голову, тогда ты сможешь добраться до них, чтобы найти способ справиться с ними, по крайней мере, чтобы ты была ни одна, и я мог бы присмотреть за тобой.

— Что, если я не смогу этого сделать? — нерешительно спросила я.

— Не знаю, сага. Вот почему ты должна делать то, что должна делать, выпустить их наружу.

Я решила визуализировать, медитировать, добывать кристаллы и талисманы — все, что мне может понадобиться, чтобы не запикивать эти важные вещи так глубоко, чтобы снова не облажаться. Не говоря уже о том, что я больше не испытывала той паники, потому что это было не веселое дело. И последнее, не заставляй Бенни почувствовать ее еще раз.

Его большой палец, скользящий по моим губам, отвлек меня от моих мыслей, и я снова сосредоточилась на нем, он мягко сказал:

— Знаешь, ты не похожа на свою мать.

Я закрыла глаза.

— Детка, даже до того, как ты переспала с Винни, казалось, что ты не была частью своей семьи, — продолжил он. — Все так говорили.

Я открыла глаза.

— Энцо-младший — крутой и забавный, — сказал мне Бен. — Он не напивается. У него есть шестое чувство, когда дело доходит до определения местонахождения прекрасного пола. И он бросил бы все, если бы тебе понадобилось прикрыть спину. Но я знаю, что одна из вещей, которую он бросил бы — это свою женщину, даже если бы она была в центре своего собственного дерьма, чтобы он мог вернуть свою сестру. Он игрок. Ему под тридцать, и он все еще говорит глупости, когда видит толстушку, от чего выглядит полным придурком. И он лучший из той команды, которую ты называешь своей семьей.

— Он и Дино, — ответила я ему.

— Дино — аномалия, доказательство того, что тебя не подменили в больнице, потому что у него твоя кровь, и он хороший парень. Но он хороший парень, потому что он выбрался из той передраги, в которой ты росла. Ты же выбралась, благодаря настоящему чуду.

От его слов у меня перехватило дыхание, когда я посмотрела ему в глаза.

— Ты так думаешь?

— Черт возьми, да, — ответил он. — Говорят, Нэт вернулась к Дэйви, и с тех пор она переспала с двумя другими парнями, он просто еще не знает о них. Она также потеряла работу и нашла другую с тех пор, как мы видели ее в последний раз, говорят, что она подалась в танцы.

О, черт. Это было нехорошо. Это означало, деньги, много мужчин и не очень много одежды. Бедный Дэйви.

— Кэт исчезла с лица земли, что может означать все, что угодно, — продолжал Бен. — Твоя мама, не знаю где, и мне насрать. И за то время, что я был с тобой после того, как тебя выписали из больницы, за то время, что мы провели на этом диване, ты ни слова не обмолвилась о своем отце, а он живет в пятнадцати, черт побери, минутах езды. Ты облажалась со мной и прислала мне печенье. Ты назначаешь встречи и думаешь, как заставить сотрудника уважать тебя. Твой наряд сегодня, детка... сексуален, чертовски сексуален... но, по общему признанию, это тоже нехорошо. Судя по всему, ты живешь в высококлассном многоквартирном доме. Путешествуешь по работе, твои боссы размещают тебя в шикарных отелях. Твое будущее включает в себя повышение по службе, возможность завести собаку — но только такую, какую я хочу — найти какой-нибудь способ, делая все это, вернуться к жизни со мной. Ты — не они. Ты совсем не похожа на них. Ты выросла в дерьме и все равно выросла умной, сильной, способной, веселой и любящей. Так что да. Черт возьми, да. Это настоящее чудо.

Все это было слишком сильно, слишком прекрасно, я не могла это все переварить сразу. Я даже не могла в это поверить.

Я, конечно, не могла это комментировать.

Но мой голос звучал очень хрипло, когда я спросила:

— Какую собаку ты хочешь?

Он высказался с нежностью в глазах, а также своим голосом, показывая мне, что знает, что мне нужно это, когда сказал:

— Дружелюбную к детям.

Дружелюбную к детям.

Боже, он просто меня убивал своими словами.

— Мопса? — спросила я, и нежный взгляд исчез.

— Ни за что, бл*дь.

— Они милые, сладкие, задиристые и дружелюбные.

— Любая собака, которая будет жить в моем доме, должна быть по крайней мере в пять раз больше кошки, и когда я говорю в пять раз, имею в виду большую кошку.

— Это единственное правило?

— Ага, и собака должна быть лабрадором, золотистым ретривером, немецкой овчаркой, боксером или бульдогом.

Мое сердце радостно забилося в груди, когда губы произнесли:

— О Боже, Бенни, нам нужен бульдог по кличке Черчилль.

Я получила в ответ нежный взгляд, и он последовал сразу за словом «нам», но купалась в нем недолго, потому что он заявил:

— Мы не назовем нашего бульдога Черчилль. Если у нас будет бульдог, его будут звать Гас.

Я скривила лицо.

— Скучное имя.

Он проигнорировал выражение моего лица.

— Лаб, Чарли. Голден, Хони, Шепард, Аттила. Боксер, Бруно.

Боже, он все уже спланировал.

— Это все скучные имена, Бенни, — заявила я, хотя Аттила был вроде как крутым.

— Ты выбираешь собаку, я выбираю имя, — предложил он.

Я покачала головой.

— Нет, ты выбираешь собаку, я выбираю имя.

— Договорились, — мгновенно согласился он.

Вот черт!

— Нет, подожди, я хочу выбрать собаку! — Запричитала я.

Его губы приподнялись, и он покачал головой.

— Сделка совершена.

— Мы не пожали друг другу руки.

Что-то изменилось в его лице, и мне понравилась эта перемена.

Также перемена и в его голосе.

— Правда? Мы заключаем сделку и пожимаем руки? — спросил он, его лицо приблизилось ко мне.

— Да, — твердо заявила я.

Его голова повернулась и рука на моей шее напряглась, лицо исчезло в другую сторону.

— Мы пожмем друг другу руки позже, — сказал он в мою кожу, затем его губы приоткрылись, и я почувствовала, как его язык заскользил.

— Хорошо, — согласилась я, внезапно затаив дыхание.

— Сними трусики, детка.

— Хорошо, — прохрипела я, совершенно задыхаясь, перемещая руки, чтобы засунуть большие пальцы по бокам трусиков, думая, что я вот-вот узнаю значение, что Бен имел в виду, когда говорил о диване, что ему нужно сосредоточиться.

В скором времени я обнаружила, что оказалась права.

И также обнаружила, что мне понравилась сосредоточенность Бенни.

Определенно понравилась.

* * *

— Бен.

— Да.

— Бен.

— Черт возьми, да.

Я опустилась на его член, жестко кончая. Пока я скакала на нем, Бен находился в сидячем положении, крепко держа меня за плечи.

Мы с Беном выяснили, как только я испытаю оргазм, он возьмет дело в свои руки. Поэтому он перевернул меня спиной на кровать и использовал свою силу. Его бедра прижимались к моим, лицо уткнулось в мою шею, одно предплечье упиралось в матрас, другая рука на моей заднице, приподняв вверх, чтобы он мог войти глубже.

Я скользнула обеими руками к его заднице и сжала, удерживая и уговаривая одновременно. Ему не нужны были мои уговоры. Была суббота, ночь. Он вернулся домой из ресторана, разбудил меня, почувствовав прилив энергии, и мой оргазм стал результатом кропотливой работы Бенни надо мной.

Он глубоко вошел и застонал, оторвав лицо от моей шеи, его рука крепко сжалась на моей заднице, пальцы впились в кожу.

Перед тем как кончить, он не воспользовался шансом, а перевернул меня, связанных телами, я оказалась на нем сверху. Оказавшись наверху, он глубоко вздохнул и, продолжая удерживать мою задницу, другая его рука легла на поясницу.

Я уткнулась лицом ему в шею и вздохнула.

Пятница удалась. Бен взял еще один выходной, чтобы побыть со мной. Итак, Бенни пригласил меня на ужин и в кино. У нас был вечер свидания. Не к «Джузеппе», но все равно все было сладко.

В этот день, в субботу, мы спали у него дома. Лентяйничали. Шептались. Занимались любовью. Потом Бен отправился в ресторан, а я устроилась на его диване, смотрела телевизор, расслабляясь, пытаюсь найти в себе ту точку, где могла бы принять обещание жизни, которую предлагал мне Бенни.

Легко.

Мы договорились, что семье официально пока не будем сообщать о моем возвращении к нему (хотя было ясно, что миссис Замбино, разговаривая по телефону, не было никаких сомнений, что неофициально уже все знали), пока я не буду готова.

У меня было такое чувство, что Бен пошел мне навстречу, чтобы полностью убедиться, что мое возвращение состоялось. Но я не стала уточнять. Он не действовал, приглядываясь или присматриваясь ко мне, он просто «брал быка за рога». Но я подозревала, что мой резкий отъезд из-за появления Терезы вызывал у него головную боль. Я видела и понимала, что он не хотел повторения подобного, если я вдруг взбешусь, сделаю что-то глупое, облажаюсь и сбегу.

— Это становится слишком, малыш, у тебя есть мое разрешение отказаться от меня.

Пробормотала я ему в шею, совершенно не думая об этом, слова сами собой как-то вышли наружу. Те, о чем я думала раньше, просто вырвались наружу.

Когда они вырвались, хватка Бена на мне на мгновение усилилась, прежде чем он снова перевернул нас. Он вышел из меня, в итоге оказавшись полностью на мне своим весом.

Было темно. Когда он пришел домой и разбудил меня, чтобы заняться со мной любовью, он не потрудился зажечь свет.

Но при свете луны и уличных фонарей, проникающем через окна, я видела очертания его красивого лица. Просто не могла считать его выражение.

— Почему ты это сказала? — тихо спросил он.

— Не знаю, — ответила я шепотом.

— Почему ты это сказала, Фрэнки? — повторил он.

Я обхватила его руками и крепко прижала к себе, чувствуя, как страх скручивается в животе.

— Не знаю, милый.

— Это же откуда-то взялось, — отметил он.

— Да.

— Как нам добраться туда, чтобы мы могли раскопать из-за чего?

— Не знаю.

Он замолчал, и я тоже, крепко прижимаясь к нему, глядя в его лицо в темноте.

Наконец, он заговорил, тихо и сладко, глубоким голосом.

Но то, что он сказал, было страшно.

— Хорошо, сага, пока я соглашусь с этой кучей «не знаю». Но потом, ради тебя, ради меня, ради нас, я не смогу с этим соглашаться. Я не могу копать вслепую. Ты должна показать мне, куда я должен воткнуть лопату. И это должно исходить от тебя, Фрэнки.

— Я знаю.

И я действительно знала. Просто не знала, как мне найти это место, и не хотелось попасть туда, где Бену надоест мои «не знаю».

— Так найди, куда ты хочешь, чтобы я воткнул эту лопату, детка, — настаивал он. — И пока ты будешь искать, постоянно думай о том, что я с тобой, на твоей стороне. Это означает, если тебе нужно будет поговорить, я все время рядом. Нужно выплеснуть свое волнение, я также рядом. В итоге, я все время рядом.

После его слов я почувствовала, как страх испарился. Скользнула рукой вверх по его спине в волосы, спрашивая:

— Как ты научился быть таким потрясающим?

— У меня перед глазами все время маячит приз, милая.

Я скользнула рукой по его щеке, приподнялась и прижалась губами к его губам.

Бен наклонил голову и поцеловал.

Поцелуй был глубоким, сладким и легким.

Когда он закончился, Бен передвинулся, целуя меня в шею, затем скатился с кровати.

Пошел в ванную, потом вернулся ко мне.

Обнаженный, он прижал меня к себе, пробормотав:

— Спи.

Я прижалась к нему еще ближе, закрыла глаза.

— Спокойной ночи, Бенни.

— Спокойной, Фрэнки.

Свернувшись калачиком в изгибе его тела, заснула.

* * *

— Отстойно, — заявила я, стоя в объятиях Бенни перед таможней в аэропорту О'Хара.

— Ага, — согласился Бен.

— Я бы хотела, чтобы пропускали провожающих через таможенную службу, чтобы я могла выглянуть в окно самолета, увидеть, что ты стоишь внутри и наблюдаешь за мной. Ты мог бы приложить свою руку к стеклу, я могла бы приложить свою к иллюминатору, и у нас был бы этот миг, который произойдет через полчаса, а за это время мы могли бы выпить кофе.

Губы Бена слегка приподнялись, прежде чем он заметил:

— Мы не в романтическом фильме снимаемся.

— От этого фильм стал бы только лучше, поскольку был бы настоящим, — ответила я.

Бен проигнорировал мое заявление, продолжил:

— И я бы не стал этого делать.

Мои брови взлетели вверх.

— Даже для меня?

— Это банально. Я не банальный.

— Да, но... миг.

— Этот миг не будет с моей рукой на стекле. А будет моим языком у тебя во рту и моей рукой на твоей заднице.

Я уставилась на него, почувствовав спазм между ног.

Бен ухмыльнулся и наклонил голову, бормоча:

— Держу пари, что ты стала мокрой.

Я пристально посмотрела на него, потому что он был прав.

Бен улыбнулся шире, потому что понял, что он прав, затем наклонил голову еще ближе и в последний момент в стиле Бенни положил руку мне на задницу в аэропорту О'Хара.

Я не возражала. Мне нравилось. В слух не призналась бы, но это было намного лучше, чем моя идея.

Он прервал поцелуй и приказал:

— Позвони мне, когда приземлишься.

— Хорошо.

— Я поговорю с Менни, он выйдет несколько вечеров подряд, чтобы я мог съездить к тебе.

— Хорошо.

— Проверь свое расписание и выбери время, когда наберешь свои мили для часто летающих пассажиров.

Обняв его за плечи, я сжала руки, улыбаясь, стараясь не рассмеяться, поскольку мы уже проходили через это.

Тогда сказала:

— Хорошо, Бенни.

Его выражение изменилось. Мне понравилась эта перемена так же, как я и ненавидела ее, потому что его выражение лица говорило, как сильно он будет скучать, отражая, видно, мои чувства.

— Чертовски рад, что ты залечила трещину, Фрэнки.

— Я тоже, Бенни.

Его глаза потеплели еще больше.

Затем он наклонил голову, прикоснулся губами к моим и сказал:

— Иди, детка.

Я сжала губы, кивнула, еще раз сжала его и отпустила.

Восемь раз проходя через таможню, я оглядывалась, махая рукой, корча рожи и посылая воздушные поцелуи.

Каждый раз, когда оглядывалась, Бен стоял на том же месте, скрестив руки на груди, и улыбался мне.

В последний раз, когда я оглянулась, пройдя через охрану и направляясь к вестибюлю.

Бен все еще стоял там же, улыбаясь мне.

Немедленно

В трехтысячный раз за этот вечер я услышала шум машины, подошла к своему окну и выглянула наружу.

Три тысячи оказалось золотым числом. Я поняла это, когда увидела машину – «Эксплорер» Бенни.

Я подбежала к двери своего дома, распахнула ее и выскочила наружу, мчась прямо к Бену, который за это время успел выскочить из своего внедорожника.

Я не замедлилась. Врезалась в него на лету, обвив руками за шею, ногами его бедра. От удара он отступил на шаг назад, но я лишь смутно обратила на это внимание. Это произошло потому, что я наклонила голову и прижалась к нему губами.

Одна его рука у меня на спине, другая под задницей.

Чтобы вздохнуть, мне в конце концов пришлось оторваться от него.

Но когда я подняла голову, широко улыбнулась ему и сказала:

— Привет, малыш. Добро пожаловать в Браунсбург.

Он улыбнулся в ответ, сжал меня в объятиях и ответил:

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что ты рада меня видеть.

— Две недели — слишком долго, — возразила я.

— Да, — сказал он, все еще улыбаясь. — Теперь, я должен занести тебя внутрь и тащить свою задницу обратно к внедорожнику, чтобы забрать свое барахло, или ты отпустишь меня, чтобы мне не возвращаться сюда второй раз?

— Полагаю, отпущу, — сказала я ему.

Я сказала, но не отпустила.

Бен ждал.

Я обнимала его руками и ногами, продолжая ему улыбаться.

Поскольку я продолжала висеть на Бене какое-то время, Бен засмеялся, слегка приподнимая меня, давая понять, что с моей игрой покончено.

Именно тогда до меня дошло, что он находился в дороге уже несколько часов, мне следовало завести его в дом, открыть пиво и накормить. Как только я его накормлю, получу от него что-нибудь еще, не на улице же.

Я расслабила свои конечности, он поставил меня на ноги. Но сразу же схватил за руку, изменив мое положение, открыв заднюю дверь своего внедорожника. Он забрал сумку, хлопнул дверью и направился со мной к открытой двери моей квартиры.

Шел он, оглядываясь по сторонам, мы двигались по извилистой дорожке, ведущей к моему дому, он посмотрел на меня сверху вниз и отметил:

— Крутое место, детка.

Так оно и было. Жилой комплекс «Брэндал» в Браунсбурге. Крутая арендная плата, но ландшафтный дизайн был потрясающим. Комплекс содержался в чистоте, имел охрану, был огорожен, в нем было сделано все по последнему слову техники, каждый план этажа для каждого блока был разным, по-своему потрясающим.

У меня была квартира на первом этаже с двумя спальнями. Она была спроектирована и благоустроена таким образом, что фасад был затенен и в основном скрыт, входная дверь представляла собой альков, увитый плющом, спрятанный под квартирой на верхнем этаже. Из окон столовой/кухни открывался вид на бассейн, из спален — на кукурузные поля, которые сейчас находились под паром, а гостиная выходила во внутренний дворик, в

котором было достаточно места для пары шезлонгов и двухместного столика, что я и расставила вокруг своего собственного личного двухъярусного фонтана.

Мне нравилось это место. Оно было потрясающим. Удаленное от города, следовательно, тихое, но рядом были все удобства, почти прямой доступ к работе, ухоженное место. Это была лучшая квартира, которая у меня когда-либо была.

— Подожди, пока не увидишь внутренний двор, — заявила я Бенни.

Он посмотрел на меня сверху вниз, прежде чем использовать мою руку, чтобы протолкнуть меня через входную дверь.

Я высвободилась, когда он закрыл дверь, бросил свою сумку и огляделся.

Я сделала два шага вперед, повернулась и спросила:

— Пиво перед экскурсией по квартире или экскурсия, а потом пиво?

Бен перестал разглядывать открытое пространство, состоящее из изогнутой гостиной/столовой / кухни, и его взгляд остановился на мне.

Не глядя, он бросил свои ключи на маленький столик с мраморной столешницей у моей двери, и ответил:

— Экскурсия.

— Хорошо.

— В спальню, — продолжил он, дрожь пробежала по внутренней стороне моих бедер.

Очевидно, поездка ко мне совсем не вымотала Бенни.

— Хорошо, — прошептала я.

— Немедленно, — закончил Бен.

Я пристально посмотрела ему в глаза.

Затем развернулась и быстро проследовала в свою спальню.

Бен последовал за мной.

* * *

Некоторое время спустя в футболке Бенни, я вошла в спальню с двумя холодными бутылками пива в руках и увидела Бена в своей кровати, простыня до пояса, спиной к моему изголовью, грудь обнажена, ленивый взгляд устремлен на меня.

Я хотела остановиться, воспользоваться моментом, чтобы запомнить его, еще лучше пойти за фотоаппаратом и сделать снимок. Однако это удлинило бы время моего присоединения к нему.

Поэтому вместо фотоаппарата я забралась на кровать на коленях, переместилась, оседлав его, и в тот момент, когда я села на него, он согнул колени, наполовину окутав меня неподражаемостью Бенни.

Так было намного лучше, чем картина, на которую я любовалась несколько секунд назад.

Я протянула ему его пиво и поднесла свое к губам, сделав глоток.

Когда наклонила голову, Бен спросил:

— Ты будешь меня поить или кормить?

Я склонила голову набок и спросила в ответ:

— Ты голоден?

— Заставила меня делать всю работу, сага, — заметил он, и я почувствовала, что мои глаза начинают щуриться.

— Это было всего десять минут назад, Бен, так что память свежа, ты не позволил мне делать ничего.

— Ты не слишком усердно сопротивлялась.

Он был прав.

Но я все равно раздраженно посмотрела на него.

Он ухмыльнулся, положив руку мне на талию, скользнул ею на спину, вверх по моему позвоночнику, одновременно подталкивая меня ближе к себе.

— Нравится твоя кровать, — пробормотал он, когда я наклонилась так, как он хотел.

— Кровать крутая. Но будешь продолжать вести себя как придурок, будешь спать на диване.

Его глаза загорелись смехом от моей угрозы, которая, как он точно знал, совершенно была пустая. Он проигнорировал угрозу и продолжил:

— Твоя квартира — крутое дерьмо.

— Знаю.

— Скучал по тебе, Фрэнки, — прошептал он, и от его слов я наклонилась вперед, прижавшись лбом к его ключице.

— Я тоже по тебе скучала, милый, — сказала я ему в ключицу.

Он крепко обнял меня за спину и спросил:

— Теперь ты будешь меня кормить?

Я снова приподнялась и посмотрела на него.

— Конечно, у меня все готово, но, заметь, я не покупала готовое барбекю. Сегодня утром, перед тем как пойти на работу, положила для ужина все в мультиварку, и там готовилось весь день.

— Это радует, но ты собираешься продолжать хвастаться или у меня действительно будет шанс попробовать?

На этот раз я проигнорировала его и поделилась:

— Не по сезону, но на десерт снежки с шоколадной начинкой.

Его тело замерло под моим, глаза вспыхнули, он уставился на меня.

О, нет. Может слишком рано? Ошиблась? Неужели это напоминание заставит его разозлиться на меня?

Я получила ответ меньше чем за секунду — моя бутылка пива встретилась с его бутылкой на моей тумбочке, я оказалась на спине на своей кровати, Бен на мне, он целовал меня.

Когда закончил, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Сначала я съем десерт.

Я улыбнулась.

* * *

— Следующий будет мальчик.

Это было объявлено за ужином за столом Вай и Кэла следующим вечером, и объявлено это было Кэлом после того, как Вай сообщила, что у них будет девочка, и они назовут ее в честь печально ушедшей мамы Кэла, Анджелы.

— Я даже эту еще не родила, — огрызнулась Вай.

Я сжала губы, придержав язык, очень хотелось посоветовать Кэлу что дразнить Вай, находящуюся на седьмом месяце беременности, вероятно, не стоит.

Кэл полностью проигнорировал ее и заявил:

— Еще нет, но следующий после этой девочки будет.

Глаза Вай стали огромными.

— Я хочу, чтобы были сестры, — неразумно заявила Кира в этот момент. — У моей подруги Хизер есть два брата, и в их комнатах так воняет. Как... что-то ненормальное.

— Джо нужен мальчик, чтобы он не чувствовал себя в меньшинстве, — вмешалась Кейт.

— Но у него есть я, — сказала Кира своей сестре.

— Ты не мальчик, — заметила Кейт.

— И что? — Вернула Кира и, не дав сестре вставить ни слова, продолжила: — Поскольку это будет девочка, маме придется родить, к примеру... еще троих, чтобы Джо не оставался в меньшинстве.

— Я согласен, — пробормотал Кэл, прежде чем отправить в рот ризотто с морепродуктами.

— Джо! — Практически закричала Вай.

Кэл посмотрел на свою женщину и сглотнул, прежде чем сказать:

— Ну, что? Я не против еще троих.

— Можем мы, пожалуйста, закончить обсуждение Вай, превратившуюся в фабрику по производству детей? — спросила сама Вай.

Кэл бросил на нее взгляд, красноречиво говоривший, что для рождения ребенка требуется двое, к счастью, девочки пропустили его взгляд, так как они хихикали над словами матери. Но именно тогда я почувствовала, что что-то происходит по правую руку от меня. Я повернула голову и увидела, как Бен откинулся на спинку кресла, небрежно положив руки на подлокотники, его глаза были устремлены на своего двоюродного брата, на его лице застыло выражение, я пожалела, что у меня нет камеры с собой, чтобы запечатлеть это выражение на вечность.

Он был рад за Кэла. Открыто рад. Он был счастлив, что после кошмара, пережитого Кэлом, заставившего его полжизни прожить особняком, все закончилось вот так — красивая, добрая женщина, беременная его ребенком, напротив него в конце стола; две великолепные девочки вели себя с ним так, будто Кэл сидел с ними за этим столом не семь месяцев, а восемь лет, и им это нравилось; прекрасный дом; потрясающая еда на столе.

Счастье.

Доброта.

Всюду.

Я протянула руку и обхватила бедро Бена, и он устремил на меня этот взгляд.

Я наклонилась к нему, он понял мой наклон. Он встретился со мной на полпути и прикоснулся своими губами к моим.

Когда мы оторвались и вернулись к своим тарелкам, Кира, очевидно, заметила наш мимолетный поцелуй, спросила Кэла:

— Прошло несколько месяцев. Могу я теперь сделать ход к Джасперу Лейну?

Кэл пристально посмотрел на свою девочку и сказал:

— Нет.

— Джо! — воскликнула она.

— Нет, — повторил он.

— За последние три месяца у него была только одна девушка, — сообщила Кира Кэлу, откровенно выдав, как ей нравился Джаспер Лейн, следовательно, она уделяла ему пристальное внимание.

— Да? Он все еще с ней? — спросил Кэл.

— Ум... нет, — пробормотала Кира.

— И как долго он был с ней? — продолжил Кэл.

— Около недели, — вставила Кейт, и Кира скосила глаза на сестру, одарив ее таким взглядом, каким любая младшая сестра смотрит на свою старшую сестру, что та ее выдает.

— Тогда нет, — твердо заявил Джо.

Кира откинулась на спинку стула.

— Кира? — Позвала я, и ее глаза обратились ко мне. — Хорошее приходит к тем, кто умеет ждать.

После моих слов Бен положил руку на спинку моего кресла. Кира внимательно смотрела за Беном, ее глаза метались между Беном и мной и его руки на спинке моего кресла. Недовольство прошло, и она улыбнулась. Затем продолжила есть.

Именно тогда я мельком заметила, что Кэл смотрит на Бенни почти таким же взглядом, каким Бен смотрел на него ранее. Не так открыто, но удовлетворение в его глазах было легко прочесть.

Это означало, что он увидел в глазах Бена счастье.

И причина, по которой он увидел, была связана со мной.

Когда я увидела взгляд Кэла, почувствовала, как по животу разлилась теплота.

Я снова посмотрела в свою тарелку с феноменальным ризотто, приготовленным Вай, которое, по словам Кэла, будет «лучшей вещью, которую мы когда-либо пробовали».

Он был неправ. Пицца Бенни была лучше.

И все же ризотто было потрясающим.

Поэтому я продолжила его есть.

* * *

— Отстой, — прошептала я поздно вечером на следующий день.

— Ага, — прошептал Бен в ответ.

— Следующая моя очередь, — напомнила я ему.

— Да, — согласился Бен.

— Я займусь этим немедленно.

— Хорошо, детка, — ответил Бен. — Теперь поцелуй меня.

Я посмотрела ему в глаза, прежде чем приподняться на цыпочки и поцеловать его.

Бен поцеловал меня в ответ.

Потом мне пришлось отпустить его, чтобы он мог сесть в свой внедорожник. Пока он усаживался, заводил мотор и выезжал с дорожки, я вернулась на тротуар перед своей квартирой.

Я стояла и махала, когда он отъезжал.

И продолжала стоять там же, хотя уже не махала, когда его машина скрылась из виду.

Только тогда я повторила шепотом:

— Отстой, — и вошла в свою пустую квартиру.

* * *

На следующий день я быстро направилась в свой офис, вошла и закрыла за собой дверь, села за стол и схватила мобильный.

Я легко нашла его телефон. Поскольку его номер мелькал постоянно в моих последних сообщениях.

Нажала «Вызвать» и поднесла телефон к уху.

— Сара, — ответил Бен.

— Знаешь что? — Воскликнула я.

— Говори, — приказал он.

— Ну, в ближайшие три недели у меня намечается куча поездок. Но после, я только что поговорила со своим боссом, он сказал, что не понимает, почему я могу иногда работать из своего дома в Браунсбурге, но не могу с таким же успехом работать из твоего дома в Чикаго.

— Без дураков? — спросил Бен.

— Честно, — ответила я.

— Отлично, детка, — сказал он глубоким, легким и счастливым голосом.

Я щелкнула на своем компьютере, открыв расписание, говоря при этом в телефон:

— Похоже... — Я сделала паузу, изучая расписание. — Я мог бы приехать к тебе в пятницу вечером, как прилечу из Атланты, чуть меньше чем через три недели с сегодняшнего дня.

И я могу остаться... — Я щелкнула, дальше изучая свое расписание. — По крайней мере, до следующего четверга. В пятницу у меня назначена встреча в офисе, я спрошу, может смогу провести ее по видео-конференции. Это даст нам целую неделю. — Когда я закончила, мой голос от волнения стал выше.

— Когда ты возвращаешься из Атланты? — спросил Бен.

— Рейс приземляется в 7:45.

— Вечера?

— Ага.

— Приезжай в субботу, — скомандовал Бен.

Я откинулась на спинку стула и моргнула.

— Почему?

— Ты приземлишься в 7:45, по крайней мере, до начала девятого вечера ты не сможешь сесть за руль, пока пройдешь таможню, то да сё, ты — одинокая женщина поздним вечером на дороге.

— Я смогу приехать, ну и что!

— Держу пари, что сможешь, но не будешь.

— Бенни.

— Фрэнки, — сказал он тихо таким тоном, которого я никогда не слышала.

Услышав его тон, я невидящим взглядом уставилась в окно, занимающего всю стену в моем кабинете, внимательно слушая то, что говорил Бени.

— То, что ты хочешь побыстрее приехать, я рад, но сейчас я думаю о другом. И меня это нервирует. Потому что, честно говоря, для меня это важно. Я знаю, что ты можешь позаботиться о себе, но есть придурки, которые, несмотря на то, что ты можешь позаботиться о себе, лучше позаботятся о чем-то другом, о том дерьме, которое они устраивают. Ты вынуждена будешь делать остановку, чтобы сходить в туалет, у тебя может спустить колесо. Господи, да что угодно. Ночью на дороге ты будешь слишком уязвима, хотя ты и думаешь, что будет все в порядке. Уроды выходят по ночам, Фрэнки, и ни один из этих гребанных уродов не доберется до моей малышки. Я хочу увидеть тебя, как можно скорее, но предпочел бы, чтобы наша встреча произошла не после того, как я несколько часов буду сходить с ума доберешься ли ты до меня целой и невредимой. Так что приезжай утром, ладно?

После того как он замолчал, я застыла на своем месте.

Ночь за ночью, черт возьми, день за днем, повзрослев в двенадцать лет и до того момента, как я свалила к чертовой матери, я могла находиться где угодно, с кем угодно, делать что угодно, и ни один из моих родителей не заботился об этом. Моим сестрам было наплевать так же, как и моему брату.

Что касается меня, я была старшей сестрой, смотрела в лицо своим братьям и сестрам и пыталась контролировать их. Я была в курсе, куда они ходили, иногда даже следила за ними, проверяя, не лгут ли они мне (они часто мне ввали, поэтому, когда я их находила, то выпускала все свое дерьмо на них и их друзей, чтобы они перестали мне врать).

Но никто никогда не беспокоился, где была я. Никто не беспокоился, как я должна туда добраться. Никто никогда не беспокоился, доберусь ли я туда целой и невредимой.

Я любила Бенни за его заботу, но Винни знал, что я могу постоять за себя. Он знал, какой женщиной я была и кем стремилась стать. Он мог быть мачо и защищать, но в основном позволял мне быть собой. Он даже не пытался меня как-то ограничивать потому, что не хотел, чтобы я слетала с катушек.

Бенни было наплевать слечу ли я с катушек.

Бенни хотел, чтобы мне ничего не угрожало, и я добралась до него целой и невредимой.

Бенни было небезразлично, где я находилась, куда направлялась и как я туда доберусь.

Именно в эту минуту, испытал впервые это чувство за свои тридцать четыре года, у меня запершило в горле и зашипало в глазах, мне пришлось приложить усилия, чтобы сдержаться, не расплакаться на работе.

— Фрэнки, — мягко позвал Бен, потому что я молчала. — Не злись, детка.

— Тише, Бенни, — прошептала я хриплым голосом. — Я выясню одно из своих «не знаю».

Он замолчал.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Дав мне время, Бен подсказал:

— Ты поделишься со мной своим «не знаю», что выяснила?

Я открыла глаза.

— Да, милый, но сейчас я на работе, и все немного безумно. Огромный график, и следующие три недели я буду везде. Это одна из тех вещей, которыми я хочу поделиться с тобой, когда приеду. Но скажу, что это хорошая вещь, ты первый человек в моей жизни, которому не наплевать, как я доберусь в то место, куда хочу, не будет ли мне что-то угрожать по дороге.

Он снова замолчал, но на этот раз тишина была напряженной. Наполненная теплом. Наполненная добром. Все эти чувства обрушились на меня после того, как я отключилась от вышек сотовой связи за сотни миль.

Когда его молчание затянулось, я позвала:

— Бенни?

— Тише, детка, я пытаюсь понять, радуюсь ли я тому, что позаботился о тебе, или больше злюсь, что о тебе никогда никто не заботился.

— Ну, я счастлива, — ответила я ему.

— Хорошо, — тихо ответил он.

Я сделала глубокий вдох, чтобы держать свои эмоции под контролем, пока Бен продолжал говорить.

— Сейчас один из тех моментов, когда день вдали от тебя кажется чертовски долгим, а до этого вчерашний день вдали от тебя был чертовски долгим. Три недели просто убивают, — заявил он мне.

— Я на расстоянии телефонного звонка, милый.

— Да, и это отстой, потому что этот телефонный звонок не заставит тебя помчаться в магазин и не закончится тем, что ты спросишь меня, что я хочу на ужин.

— Ты работаешь во время ужина, — отметила я.

В его голосе послышалась улыбка, когда он ответил:

— Заткнись, Фрэнки.

На моем лице была улыбка, когда я сказал:

— Мне пора возвращаться к работе, милый.

— Верно. Поговорим позже.

— Точно. Пока, Бен.

— Пока, детка.

Мы разъединились, и я доставила себе удовольствие ощутить благодать этого телефонного разговора, включая мое прозрение. Самое замечательное было не то, что я вдруг осознала, что у меня никогда не было никого, кто бы так обо мне заботился. А самое замечательное было в том, что у меня появился мужчина, который так заботился обо мне.

Мое умиротворенное состояние закончилось, когда мое внимание привлек Трэвис Бергер, вошедший в кабинет директора по исследованиям и разработкам.

Трэвис был исполнительным вице-президентом по операциям. Он мне нравился. Он был целеустремленным, агрессивным, сложен как питбуль. Он также пригласил меня на ланч в мой первый рабочий день, провел время, узнавая меня получше, искренне сказал мне, что они рады видеть меня в своей команде, сказал как храбро, по его мнению, я себя вела во всей этой истории с похищением и пулей. Другими словами, ввел меня в объятия «Уайлер Фармасьютикалз».

Но теперь он выглядел взвинченным, даже раздраженным.

Я не могла бы сказать, что знала его очень хорошо. Он постоянно мелькал по офису, но я нечасто с ним пересекалась, он был на пять ступеней выше меня по карьерной лестнице — я менеджер по продажам на Востоке, подчиняющаяся помощнику директора по продажам в США, который подчинялся директору по продажам, тот в свою очередь, помощнику вице-президента по продажам и маркетингу, который подчинялся вице-президенту, а тот отчитывался перед Трэвисом Бергером.

Он был молодым для этой должности. Я не встречала человека на этой должности в его возрасте. Наша компания была огромной и многонациональной, число сотрудников исчислялось тысячами, ему было под сорок.

Когда я не колесила по всей стране, то сжигала поздними вечерами и ночами свои жировые отложения, так как только начала у них работать, мне нужно было успеть многое сделать, многому научиться и многое доказать, я уходила домой, а он продолжал сидеть за своим столом в своем офисе (гораздо более широким) со стеной из стекла.

Он не всегда был приветлив. Могу сказать, это было не в его характере. Но он казался одним из тех тихих, бдительных типов, которые не могут забыть или недоглядеть что-либо, контролируют свои эмоции и без проблем скажут вам, что вы облажались, но сделает это тихо.

Так что его взволнованный вид удивил меня.

Зазвонивший телефон в моей руке вывел меня из этих мыслей, а имя моего представителя в Чикаго на экране заставило меня меньше размышлять и больше раздражаться.

Но я зарабатывала большие деньги; мне приходилось мириться с этим дерьмом.

Так что у меня не было времени думать, как сильно я влюблялась в процесс влюбленности Бенни Бьянки. А также я не думала, что может означать, что исполнительный вице-президент нашей компании был чем-то раздражен.

Я ответила на звонок.

* * *

— Привет, детка.

— Все словно сошли с ума, в первую очередь жуткие пробки, не говоря уже об агенте по прокату автомобилей, который долго болтал с женщиной, желающей успеть на самолет, а теперь маршал на моем рейсе смотрит на меня так, будто собирается меня схватить и заставить перевести мой телефон в режим полета. Так что это отстой, но я попала на этот рейс совершенно случайно, и могу только сказать тебе «привет» и «пока». Я позвоню тебе, когда приземлюсь, — сказала я Бенни после его приветствия.

За последние три недели это стало нашим обычным общением. Он работал, когда я не работала. Я работала, когда он был свободен. Это означало короткие обрывочные разговоры, когда у меня было время на работе, и телефонные звонки по выходным, если нам везло.

Но Бен знал мое расписание командировок, потому что он потребовал его от меня.

Конечно, я объяснила ему, если бы у него была электронная почта, я могла бы легко отправить ему свое расписание по электронной почте, а не пересказывать его по телефону, пока он записывал. Он ответил, что ему не удастся услышать мой голос по электронной почте, поэтому для него лучше записать, слушая, как я диктую.

После этих слов я перестала доставать его с этим дерьмом по поводу электронной почты.

Теперь Бенни ожидал, что я позвоню, когда поднимусь на борт перед вылетом, и позвоню снова, когда приземлюсь. Он не возражал, чтобы я позвонила снова, когда вернусь домой или в отель, но у него не было с собой на тот момент ни расписания, ни телефона, чтобы он мог ответить на мой звонок, если он готовил на кухне в ресторане. Он всегда принимал мои звонки, когда я садилась в самолет и он четко знал, когда колеса должны коснуться земли.

Мне это нравилось.

Мне нравилось, потому что мне нравилось общаться с Бенни любым возможным способом.

Мне нравилось, потому что Бенни хотел хоть так участвовать в моей жизни вдали от него.

Мне нравилось, когда он требовал от меня этих звонков, и понимала, что он хотел быть в курсе моих передвижений, потому что я открыла ему правду, сообщив, что рада, что ему не наплевать на меня. Мне нравилось, что он сдерживался, когда мы были не вместе в данный момент, и делал это с оглядкой на женщину, которой он меня знал.

Наконец, мне нравился тот факт, что я влюблялась (в основном) издали в Бенни Бьянки.

И так быстро, исходя из моего предыдущего опыта, когда Бен забрал меня домой из больницы, я понимала, если бы нас не разделяло расстояние, то произошло бы все намного быстрее.

Возможно, мгновенно.

— Ты заметила маршала? — спросил Бен, отрывая меня от моих мыслей.

— Ага. Он горячий парень. — Я почувствовала недовольные флюиды от Бена по телефону, которые заставили меня улыбнуться, но они также заставили меня сказать: — Понятное дело, что ты сексуальнее.

— Выкрутилась, но не очень хорошо.

— Неважно, — пробормотала я.

— Позвони мне, как приедешь домой, — приказал он.

— Слушаюсь, *saro*.

— И позвони мне утром, прежде чем уйдешь.

— Ты на быстром наборе.

— Ихвати ту ночнушку, фиолетовую с розовым на груди. Я испытываю ностальгию.

Этот приказ вызвал приятную рябь, и я прошипела в телефон:

— Бен, не провоцируй меня, когда я нахожусь в пятнадцати минутах от тридцати тысяч футов над землей.

Он не сбился с ритма, когда ответил:

— Первый попавшийся шанс, отпуск, на самолете, клуб «Майл хай».

Боже!

Бенни.

— Ты меня слушаешь? — огрызнулась я.

Его голос был нежным, когда он прошептал:

— Возвращайся домой в целостности и сохранности, Фрэнки.

Я шумно выдохнула, мне не нравилась его тактика подавления моего раздражения, демонстрируя еще больше прекрасных черт характера Бенни. Но я еще не придумала другого выхода, кроме как подавлять свое раздражение.

Влюбленность в Бенни выбивала меня из колеи.

Господи, ну и ладно.

— Так и сделаю, милый, — сказала я ему. — Позвоню.

— Хорошо. Пока, сага.

— Пока, Бенни.

Он отключился.

Я посмотрела на горячего парня, который видно только в моем богатом воображении был маршалом авиации, и перевела свой телефон в режим полета.

* * *

Я припарковала свой Z на свободном месте в переулке позади дома Бенни.

Схватила свой большой чемодан с заднего сиденья, поставила его на ролики, выдвинула ручку и едва успела убрать сиденье, как Бен оказался рядом.

Затем я была прижата к боку моей машины, Бен прижался ко мне, одна рука оказалась на моей заднице, другая обвилась вокруг моей груди, большой палец поглаживал близко к соску, язык у меня во рту.

Когда он поднял голову (и после того, как мои глаза распахнулись), он сказал:

— Добро пожаловать домой, Фрэнки.

Я прижалась к нему еще сильнее и улыбнулась.

Бен улыбнулся в ответ, отпустил меня, схватил за ручку мой чемодан, другой рукой меня за руку и потащил нас к своему дому.

Бен оставил мой чемодан на кухне, продолжая тащить меня наверх, в свою спальню.

Но я заметила.

На всеобщем обозрении.

Белый лист бумаги, вверху жирным шрифтом написано «Франческа», а внизу мелкими каракулями — даты и время.

Мое расписание.

На холодильнике Бена.

Да.

Я влюблялась в Бенни.

Причем очень быстро.

* * *

Я почувствовала, как Бен приблизился у меня за спиной.

Хорошей частью было то, что он задрал свою футболку на мне и обхватил мою задницу поверх трусиков.

Хуже всего было то, что он заглянул поверх моего плеча на то, что я делала у его кухонной плиты, и быстро спросил:

— Запеканка из тунца? Ты это серьезно?

Я повернула шею, глядя на него вверх, указав очевидное:

— Твои шкафы пусты, Бенни. У меня было два варианта. Запеканка из тунца или лазанья из курицы и грибного супа-пюре.

Пока я говорила, он перевел взгляд с запеканки, которую я готовила, на меня.

— В ящике полно меню доставки.

— Моя жизнь за последнее время заполнена едой вне дома, обслуживания номеров, позднего возвращения домой и еды на вынос в моей машине. Я хочу поесть домашней еды, — ответила я.

Лицо Бена смягчилось, пока я говорила, и он пробормотал, сжимая мою задницу:

— Все, что хочешь, детка. — Затем он отошел, заявив: — Завтра мы пойдем в супермаркет.

— Я согласна, — сказала я запеканке.

Это было после того, как я провела весь день в постели с Бенни.

Неправда. Он встал и приготовил нам сэндвичи, пока я дремала, поскольку за руль я села в шесть утра и рванула на всех парах в Чикаго, а по прибытии основательно и энергично трахнулась с Бенни Бьянки. Он вернулся в свою спальню с двумя сэндвичами с салями, индейкой и проволоне, политыми майонезом и дижонской горчицей.

Он также принес три пакетика чипсов.

Бенни и его чипсы.

Мне это нравилось.

Теперь мы выбрались из постели. Настало время ужина. Бен договорился о замене в ресторане, так что это время было нашим.

И я готовила.

Я перестала натирать сыр чеддер в миску и открыла баночку с «Принглз». Затем чипсы вытряхнула из банки в сыр.

— «Принглз»? — спросил Бен, и я повернула шею, он развалился в одних джинсах за кухонным столом, с пивом в руке, не сводя с меня глаз.

Бенни Бьянки, хозяин дома, наблюдает, как его женщина готовит.

Почему это было так горячо?

— «Принглз», — ответила я, затем повернулась обратно и схватила металлическую ложку, помешивая. — У нас будет не запеканка с тунцом. У нас будет сырная, хрустящая запеканка из тунца с прингловой начинкой а-ля Фрэнки.

— Если бы я знал о хрустящем верхе, не стал бы ворчать.

Я оглянулась через плечо, взглянув, не издевается ли он надо мной, ухмыльнулась ему, когда заметила, что говорил он вполне серьезно.

Мужчина, который оценил запеканку из тунца с хрустящими чипсами.

Мне это понравилось.

Безумие в этом было то, что я думала о запеканке из тунца, а это означало, что я официально вошла в зону женской влюбленности, зону, которая сводила женщин с ума.

Поскольку я уже была слегка сумасшедшей, это было опасное для меня место.

Словно прочитав мои мысли, что я сумасшедшая, Бен сказал:

— Три недели.

Сначала я не поняла, поэтому оглянулась и спросила:

— Что?

— Ответ на твое «не знаю».

Вот тогда-то я и поняла.

Я перестала размазывать «Принглз» с сыром и, взяв ложку в руку, повернулась к Бенни и спросила:

— Мы можем поговорить об этом, когда поставлю запеканку в духовку?

— Ты понимаешь, что я влюблен в тебя? — вдруг спросил он в ответ.

Я подумала о четырех оргазмах, которые у меня были за сегодня, и медленно ответила:

— Э-э... да.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Ты понимаешь, что ты мне нравишься?

Мое дыхание стало прерывистым.

Но мне удалось выдавить:

— Да, Бенни.

— Хорошо. Поэтому ты должна поделиться со мной тем, что поняла тогда о себе, что было важно для тебя. Ты расскажешь мне и, чтобы это ни было, для меня это тоже будет важным. Я дал тебе время. Я могу дать тебе еще десять минут, детка, о чем я прошу, так это о том, не вынуждай меня вытягивать из тебя свое открытие клещами.

Он хотел сказать, когда я взбесилась, мы потеряли тогда то, чем наслаждались за несколько часов до моей истерики и даже будучи не вместе за недели до этого. У меня не было причин объясняться перед ним в своем дерьмовом поступке, который разлучил нас на несколько месяцев. Тогда я случайно поняла часть этой причины. И ему нужно было сказать эту причину, чтобы он имел хоть какую-то надежду, что я пытаюсь разобраться в дерьме, засевшем во мне, что больше так не поступлю.

Я заставила его долго ждать.

Ему это надоело.

Выслушав его, я выпалила причем молниеносно, одной фразой:

— Никому никогда не было дела до того, где я была и чем занималась в юности.

— Ты сказала, я понял, что почти это уже знал, — ответил Бен.

Я набрала в грудь воздуха и повернулась обратно к «Принглз».

Смущенно произнесла:

— Такова была моя жизнь. Я никогда не задумывалась об этом, пока ты мне не сказал по телефону, что беспокоишься обо мне.

— Хорошо, — заявил он, когда я замолчала. — Итак, и что из этого следует, сага?

— Из этого следует, что поскольку у меня никогда этого не было, следовательно, у меня нет определенной подготовки, чтобы воспринимать заботу другого человека и многое другое, как вполне нормальную вещь. Я не совсем хороша в этом.

— Хороша в чем?

— Во всем, — прошептала я в миску, затем увидела, что вода в кастрюле с лапшой вот-вот закипит, поэтому подошла к плите и убавила огонь.

На обратном пути столкнулась с Бенни.

Его руки легли мне на бедра, я запрокинула голову, глядя на него.

— Ты же знаешь, что это чушь собачья, верно? — тихо спросил он.

— Мозгами, может быть. Но сумасшедшая Фрэнки, которой я, так уж случилось, являюсь, не знает.

— Давай, вернемся немного назад, — заявил он. — Ты встретила мужчину, в которого влюбилась, переспала с ним и находилась рядом с ним, когда он решил связать себя с мафией.

Я сжала губы.

Бенни продолжил.

— Однако, несмотря на то, что твой муж был в мафии, ты продолжала жить своей честной жизнью, несмотря на то, что находилась рядом с ним.

Я разжала губы, чтобы напомнить ему:

— Я уже призналась тебе, что отказалась от Винни, хотела его бросить.

— И это разве плохо? — вернул он.

— Нам обязательно снова затрагивать эту тему?

— Я не знаю, но можем нам обязательно? — Он сделал ударение на «нам».

— Она сбежала, — заявила я, и брови Бена сошлись вместе.

— Не понял, повтори.

— Ма. Она сбежала, — сказал я ему. — Неоднократно. От папы. От других мужей. Бойфрендов. Каждый раз по-разному, но это длилось долго, очень долго, когда она бросала своих детей.

— Продолжай, — убедительно произнес он.

— То же самое и с папой. Женщины приходили, женщины уходили.

— И?

— Никаких связей. Никаких корней. Ничто не останавливает.

— Я пытаюсь поймать суть, милая, но не улавливаю.

— Этому я научилась. Вот так меня воспитывали. Этот путь я знаю.

— Черт, — прошептал он, наконец, поняв мои слова.

— Ага, — ответила я.

Он произнес:

— Так вот почему ты надирала задницу, столько времени пытаешься отговорить Винни, не в состоянии решиться и бросить его.

— Я не хотела быть похожими на них.

— И ты думаешь, что сделаешь то же самое со мной?

Я покачала головой, сказав:

— Не знаю. Возможно.

— Тебе нужно все как следует обдумать, милая.

Я не понимала, что он имел в виду, поэтому спросила:

— Что обдумать?

— Во-первых, твои предки, они были дерьмовыми родителями. Я знаю, что они твои родители, детка, но факты говорят, что как люди они дерьмовые.

— Бен... — начала я, но он не закончил, поэтому продолжил.

— Ты разговаривала со своей матерью или отцом с тех пор, как ты выписалась из больницы?

— Ну, мама звонила, чтобы пригласить меня на свою свадьбу.

Его губы сжались, но он все же сумел произнести:

— Классика, как на нее это похоже.

— Она просто такая, — сообщила я ему.

— Да, и, черт возьми, суть заключалась в том, что у тебя не было выбора тогда, кроме как принять их поведение. Ты можешь выбросить этот шаблон или использовать его, какая она

есть. Если бы она была моей матерью, я бы давно ей помахал рукой на прощанье, бл*дь. Что это говорит о тебе, Фрэнки?

Его слова проникли глубоко, и я совершенно затихла.

Бен, смотря на меня и держа за руки, увидел мое состояние.

Вот почему он сказал:

— Точно.

— О Боже мой, — прошептала я, что-то затрепетало в моей груди.

— Именно, — повторил он. — Нат как только облажается в очередной раз, тут же бежит к тебе. Твоя мать поймала очередного богатого, бл*дь, парня, приглашает тебя на свадьбу. Что слышно об Энцо-младшим?

— Он звонит. Нечасто, но регулярно, — тихо ответила я.

Бенни коротко кивнул один раз.

— Да, выливает на тебя свое дерьмо. Его жизнь — чертовый бардак, но ты не говоришь, чтобы он сам разобрался в своем дерьме. Ты не говоришь своей матери, что она испортила тебе детство, и ты не хочешь смотреть, как она выходит замуж за очередного придурка, чтобы потом разбить ему сердце. Ты не делаешь ничего из этого дерьма, потому что ты Фрэнки. Ты всех готова поддержать, впитывая их дерьмо в себя.

Все, что он говорил, так глубоко задевало меня по больному, что мне пришлось поднять руки и ухватиться за его запястья, чтобы не упасть.

Но Бен не прекращал.

— Знаешь, детка, для женщины не нормально прожить тридцать четыре года, когда всем кругом насрать на нее. Я разобрался со своим дерьмом с Винни, понимая, что у меня не было выбора; Винни умер, и я должен отпустить то, что ему не сказал тогда. Но услышав твои слова, снова разозлился на него.

— Он знал, что я в состоянии позаботиться о себе. Он уважал меня, и был не против, — объяснила я.

— Чушь собачья, — отрезал Бен. — Ты понимаешь, что я могу позаботиться о себе. Я знаю, как водить машину, поэтому могу добраться безопасно до нужного мне места. Если кто-то попытается вторгнуться в мое личное пространство, я справлюсь с ситуацией. Но все равно было бы приятно, если бы ты была рада, что я добрался домой целым и невредимым, даже если бы я просто отправился в чертовый супермаркет. Ты проявляешь эти чувства независимо от того, имеешь член или киску, если тебе безразличен этот человек. Но, если у мужчины есть женщина, он обязан заботиться об этой женщине. И в этом нет ничего неуважительного. Он не оставляет ее одной, потому что знает, что она способна справиться и позаботиться о себе сама. Я считаю, что это неуважение к женщине.

Я перестала дышать.

Бен продолжал.

— Разозлился на твоих родителей за то, что они так с тобой поступали. Зол на Винни за то, что он так с тобой поступил. Вопреки этому, я рад, что смог дать тебе почувствовать совсем другое отношение, и то, что ты получила это сейчас, означает, что оценишь. Также означает, что мне не придется мириться с твоим дерьмом, когда я делаю то, что должен делать, как мужчина, заботясь о тебе.

Эта штука в моей груди перестала трепетать.

— У тебя все хорошо получается, милый, не облажайся, — предупредила я.

— Невозможно, — мгновенно парировал он. — Я тебе нравлюсь. Ты — Фрэнки. Я мог бы там в номере гостиницы обращаться с тобой дерьмово, и ты бы не сопротивлялась. Но, к счастью для тебя, у меня нет ни малейшего намерения делать это.

Это трепетание вернулось, и это больше не было трепетом.

Оно потрясло меня до глубины души внутри.

Я держала его за запястья, смотрела ему в глаза и в этот момент точно поняла, почему я так быстро влюблялась в Бенни Бьянки.

Потому что у него не было ни малейшего намерения обращаться со мной дерьмово и ни малейшего намерения не заботиться обо мне.

— Видишь, в итоге я выиграл, — тихо сказал он, глядя прямо мне в глаза.

— По-крупному, — тоже тихо ответила я.

— Ты боишься причинить мне боль, — продолжал он говорить мягко. — Творила то дерьмо, на котором выросла, наблюдая, как поступают твои родители.

Я неуверенно кивнула.

— Думаю, что да.

— Итак, чтобы защитить меня, ты решила заранее «сбежать», как твоя мать.

Я просто продолжала кивать.

Он поднял руки, мои последовали за ними, даже когда он обхватил мой подбородок и наклонился так близко, что я могла видеть только его лицо.

— Детка, оставь это дерьмо. — Его пальцы впились в мою кожу. — Этого нет в тебе.

— Что, если есть? — Мой голос звучал измученно.

— Как оно может быть? — мягко спросил он.

— Я же являюсь той, кем являюсь.

— Если бы в тебе было это дерьмо твоих родителей, подумай, Франческа, когда бы ты ушла от Винни?

Я не ответила, просто держала его запястья у своего подбородка и смотрела ему в глаза, зная, что ушла бы от Винни почти сразу же.

Возможно, после того, как идея франшизы пиццерии отца потерпела крах.

Вероятно, после того, как провалился магазин сэндвичей.

В ту минуту, когда у него начались отношения с Сэлом.

Определенно.

— Вот ты и ответила на вопрос. — Произнес Бенни, наблюдая за выражением моего лица.

— А теперь, если у тебя есть кто-то, кто заботится о тебе; у тебя есть кто-то, кому не наплевать на тебя. И живя так, как жила, теряя дерьмо, о котором даже не подозревала, что оно у тебя есть, ты когда-нибудь будешь думать, что уйдешь? — спросил он.

— Нет, — выдохнула я.

— Нет, — согласился Бен.

Я продолжала держаться за его запястья, глядя ему в глаза, говоря:

— Думаю, у меня лапша переварится, Бенни.

— Мне пох*й, Фрэнки.

— Также думаю, что мне понадобится текила на ужин, — продолжила я.

— К счастью для тебя, продуктов нет, но текила у меня есть.

— Ты крутой, Бенни Бьянки, — прошептала я и увидела, как он закрыл глаза.

Затем почувствовала, как его руки притянули меня к нему. Он поцеловал меня в лоб, прежде чем отодвинуть мою голову назад, снова посмотрел на меня.

— Ты позволишь мне дать тебе хорошее? — прошептал он в ответ.

Господи.

Бенни.

— Да.

— Ты собираешься еще раз взбеситься и бросить меня?

— Нет.

Его пальцы снова впились в мой подбородок, когда он сказал:

— Вот это моя Фрэнки.

Я хотела, действительно хотела, но я не смогла их остановить. Слезы застилали мне глаза, одна скатилась по щеке.

Бен увидел ее, притянул меня за подбородок к своей груди и отпустил только для того, чтобы крепко обнять.

Я сделала то же самое.

Еще одна слеза скатилась вниз, но я крепко ухватилась за Бена и медленно взяла себя в руки.

Пока я пыталась успокоиться, Бен крепко прижимался ко мне.

Несколько минут спустя он передвинулся, прикоснувшись губами к моим волосам, сказал:

— Я сварю лапшу, детка. Ты разбирайся с остальным.

— Хорошо, — согласилась я.

— Ты в порядке? — спросил он.

Мне было не просто хорошо, а очень хорошо, чем когда-либо в объятиях Бенни Бьянки.

— Ага.

— Хорошо, — пробормотал он, затем поцеловал меня в макушку, отпустил и пошел к лапше на плите.

Я повернулась к стойке и разобралась с остальным.

* * *

На следующий день мы с Беном отправились в супермаркет.

И у нас появились салфетки.

15

Сумасшедший

Я торопливо выходила из кухни для персонала по пути в свой офис с чистой кофейной чашкой, потому что была пятница, и никто не хотел возвращаться в офис в понедельник, видя засохшие остатки кофе с прошлой недели в своей кружке.

Несмотря на то, что буквально только что протикало четыре часа дня, помещение стало почти пустынным. Был май, лето набирало обороты, и у людей уже давно прошло желание сидеть по домам. Они хотели гулять, проводить время на природе как можно больше в выходные.

Я была одной из последних в офисе, несмотря на то, что проработала уже семь месяцев, я не относилась к тем, кто сбавляет обороты. У меня были цифры, которые необходимо было достичь, но я не рассматривала цифры, которых необходимо было достичь, как цифры, которых необходимо достичь. Я рассматривала их как цифры, которым необходимо было надрать задницу. Я руководила своими представителями так, чтобы они надирали этим

цифрам задницу, и, хотя Бен находился в данный момент у меня дома, позвонив десять минут назад и сообщив, что он приехал, я хотела быть уверена, что на работе все хорошо, прежде чем уйти. Я не видела его две недели с тех пор, как провела с ним неделю. Он уедет во вторник, у нас будут долгие выходные, я взяла отгул в понедельник.

Так что мне пришлось привести все свои дела в порядок, чтобы я могла полностью сосредоточиться на Бене, не позволяя работе вмешиваться в наши отношения.

Я уже собрала вещи, поэтому добравшись до своего кабинета, поставила кружку, схватила сумочку и сумку с компьютером, взяла ключи и сотовый со стола и выскочила за дверь.

Я проходила мимо двери Рэнди Бирмана, директора по исследованиям и разработкам, увидела, что он единственный остался в офисе. Он сидел в кресле, смотря в окно, прижимая телефон к уху.

За все то время, что я работала в офисе, я так и не пришла к выводу, как думать о Рэнди, учитывая, что большую часть времени он вел себя как придурок. Он обращался со своим помощником как с дерьмом, почти каждый день был раздражен и был чрезвычайно скрытен. Всегда за закрытыми дверями. Вбегал в свой офис в тот момент, когда звонил его мобильный телефон. Закрывал жалюзи на стеклянной стене своего кабинета, будто мы все умели читать по губам или обладали сверхчеловеческим слухом.

Парень занимался исследованиями и разработками в фармацевтической компании, поэтому скрытность была частью его должностной инструкции. Но в мой первый день я подписала соглашение о неразглашении на долбанных двенадцати страницах, я была менеджером, как и все на нашем этаже. Я имела право покупать акции компании по заниженной цене (опцион на акции). Мне нравилось получать мою зарплату. Мне нравились нули в конце моей зарплаты. Я бы вряд ли спустила в унитаз все эти бонусы, думаю, что никто на этом этаже не пошел бы на такое. Если бы мы это сделали, мы бы очень хорошо запомнили интерьер зала суда, продали бы почку, чтобы заплатить нашим адвокатам, потому что Уайлер подал бы на нас в суд, пока мы жили бы в коробке на улице.

Тем не менее мне пришлось сделать пару усилий, поработав с этим парнем.

Поэтому я остановилась у его двери и собиралась постучать, чтобы помахать ему на прощание, когда услышала, как он говорит:

— Мне насрать. Это в последний раз. Если ты снова подойдешь ко мне, то заставишь меня действовать, и мои действия тебе не понравятся. Ты меня понимаешь?

В его голосе не было радости, и слова определенно не были радостными, поэтому я не постучала. Я попятилась и направилась к лифтам, думая, что, возможно, мне не следует в дальнейшем прилагать усилия к Рэнди, чтобы завести нормальные рабочие отношения. Ничто из того, что делал Рэнди, не доказывало, что он был кем-то иным, чем тем, кем казался.

Придурком.

И по моему опыту, такие придурки никогда не стоили потраченного времени, даже (а может быть, и особенно) когда ты с ними работала.

Я с благодарностью оставила его позади и села в свою машину, счастливая, что еду домой. Домой — потрясающую квартиру, в которой имелся внутренний дворик с мебелью для патио, которой я наконец-то могла пользоваться. Дом, в котором меня ждал горячий парень, которого я начинала любить (ладно, в основном я уже любила), и после двух недель телефонных переговоров с ним, мы проведем вместе три потрясающих дня.

Таковы были мои блаженные мысли, когда зазвонил телефон.

Я бросила свой сотовый в сумочку на сиденье рядом со мной, но мой блютуз был в виниловом чехле на ручке переключения передач.

Я схватила его, вставила в ухо и нажала «Вперед».

— Вы дозвонились до Франчески Кончетти, — поприветствовала я.

— Фрэнки, *amata*. (*amata* – любимая (*итал.*), прим. Пер.)

Сэл.

— Привет, Сэл.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Ага. А ты?

— Дела идут хорошо, — ответил он.

— Как Джина?

— У Джины не так уж хорошо.

Я почувствовала, как у меня напряглась шея.

Я знала, что не должна этого делать. Бен был прав, Сэл, вероятно, был социопатом. Но он все равно мне нравился.

Я могла бы легко обвинить его в смерти Винни, но он не выкручивал Винни руку, заставляя Винни работать на него. Но он не отказал Винни, когда тот решил присоединиться к его команде, в этом вопросе все зависело от Винни.

И когда Винни работал на Сэла, до и определенно после, Сэл и его жена Джина были добры ко мне. Если убрать часть о мафии, они были теми родителями, которых я хотела бы иметь. Я бы никогда не сказала этого Винни-старшему и Терезе, потому что они бы сошли с ума и, вероятно, никогда больше бы со мной не разговаривали, но Сэл и Джина были очень похожи на них.

Сэл был немного более впечатляющим, более грубые острые края, покрытые налетом утонченности, которая приходит с деньгами и властью. Джина была более спокойная, чем Тереза, но она нашла способ делать то, что должна была делать итальянская женщина, мать и бабушка, а именно вмешиваться, добиваться своего, руководить и контролировать свою семью.

Сэл любил меня и заботился обо мне не только потому, что Винни умер, он просто считал это своим долгом. Заботиться обо мне. Искренне. То же самое и Джина.

Учитывая, что он был криминальным авторитетом, а она — его супругой, разумно было бы разойтись с ним после смерти Винни, оставить только рождественские открытки, в конце концов потеряв их адрес и прекратив даже это.

Но я была собой. Фрэнки.

И, по-видимому, даже когда должна была, то не смогла «сбежать».

Эта мысль заставила бы меня улыбнуться, но я не улыбнулась, потому что забеспокоилась о Джине.

— Что-то не так? — осторожно спросила я.

— Да, *amata*, что-то не так. Она очень любит свою Фрэнки. Она услышала, что Фрэнки переехала в Инди, но часто приезжает домой в Чикаго, а ей не звонит? Она давно не получала предложения встретиться за чашечкой кофе? Фрэнки не приходит и не садится за наш столик?

Дерьмо.

Я глубоко вздохнула и тихо поделилась:

— Сэл, милый, ты, наверное, знаешь, я встречаюсь с Бенни Бьянки.

— Знаю, сага, и рад за тебя. Хорошо для него. Самое время этому парню вытащить голову из задницы.

Я моргнула, глядя на дорогу.

Сэл продолжал.

— Но похоже он опять засунул голову в задницу. Он наконец-то заполучил тебя, и где ты сейчас? В Инди. Он в Чикаго. Amata, что это такое?

— Мне нужно было найти работу в Инди, Сэл.

— Его пиццерия зарабатывает больше денег, чем «Тиффани», Франческа.

— Что это значит? — спросила я, притормаживая на светофоре.

Я услышала, как он раздраженно выдохнул, а затем объяснил, как будто я была немного тупой.

— Это значит, что ты не должна работать.

О. Вот что это значит.

— Я не отношусь к таким женщинам, Сэл.

— Бенни придется вытащить голову из задницы... снова... он бы поговорил с тобой и сделал тебя такой женщиной.

Я напомнила себе, что Сэл был боссом мафии — боссом мафии, который любил меня, но боссом мафии, который совершал множество довольно страшных вещей с людьми, которые выводили его из себя.

Поэтому я не стала проявлять свое раздражение, когда сказала:

— Люблю тебя, Сэл. Ты это знаешь. Не пытаюсь тебя обидеть, но пятидесятые давно уже прошли.

— Я отдаю тебе должное, Фрэнки, не поверю, что ты не могла найти работу в Чикаго?

— Это не работа, Сэл, это карьера. И подобным образом сделать нельзя, иначе обнаружишь, что твоя карьера очень быстро оборвется, — сообщила я ему, когда загорелся зеленый свет, и я нажала на газ.

Он помолчал, когда я переключилась на вторую, затем на третью и двинулась к следующему светофору, надеясь, что свет останется зеленым.

Наконец, Сэл заговорил.

— Бенни и ты, это означает не очень хорошие вещи для моей Джинны?

Я понимала, что он имел в виду. Он знал, что Бен ненавидит его. Бен, возможно, и не испытывал отвращения к Джине, но Джина шла в комплекте с Сэлом, так что он не имел с ней ничего общего. Мои отношения с Бенни — Бенни, который, возможно, и не требовал, чтобы я убиралась у него дома, пока он готовит пиццу, но все равно был настоящим мужчиной, не говоря уже об итало-американском мужчине, он вполне мог, в дальнейшем, потребовать, чтобы я не имела ничего общего ни с одним из них.

Сэл спрашивал о Джине.

Но Сэл любил меня, так что Сэл тоже спрашивал и за себя.

Я подумала, что это было мило, и именно поэтому они не выпадали из моего рождественского списка в течение восьми лет.

— Мы еще толком не разобрались с этим, — сказала я Сэлу.

— Понимаю, — пробормотал Сэл.

— Хотя, могу сказать, снова буду за вашим столиком, но уверена, вы не удивитесь, узнав, что Бенни не будет со мной. Ты знаешь, что вы с Джинной значите для меня очень много. Но поскольку между мной и Беном расстояние, когда у нас есть время вместе, все сводится

к тому, чтобы потратить это время, чтобы быть вместе. Значит, что я посвящаю время только ему. Но в следующий раз, когда приеду, обязательно уделю время тебе и Джине.

Я приблизилась к своему повороту и включила поворотник, когда Сэл ответил:

— Джина была бы счастлива, *amata*.

Его голос сообщил мне, что Сэл был бы тоже счастлив.

Плюс еще пять лет в моем рождественском списке.

По крайней мере.

— Ладно, Сэл. Передай Джине от меня «привет», и я скучаю по ней.

— Будет сделано, Фрэнки. *Addio, mia bella*. (*Addio, mia bella*. – До свидания, моя красавица (итал.), прим. Пер.)

— *Ciao*, Сэл. (*Ciao* – Пока (итал.), прим.пер.)

Я нажала кнопку на своем блютулсе, отключаясь и попыталась решить, должна ли я рассказать Бенни о звонке Сэла.

Проезжая по «Брендал» решила, что сообщу ему, возможно, в понедельник.

Или по телефону во вторник.

Я парковалась на своем месте рядом с «Эксплорером» Бена, снова чувствуя себя счастливой и в то же время озадаченной, когда увидела, что мое второе гостевое место занято блестящим синим седаном «Крайслер» с номерами Иллинойса, когда мой мобильный снова зазвонил.

Однако я была в нескольких секундах от Бенни, поэтому решила, что звонок может подождать.

Звонивший, очевидно, решил то же самое, потому что телефон прозвонил всего дважды, прежде чем отключился.

Я была не в себе и боролась с желанием вскочить (или побежать) к своей входной двери, когда дверь открылась и вышел Бен.

Футболка, джинсы, кроссовки.

Вкуснятина с головы до пят.

Я решила бежать, но не сделала первого шага, потому что жесткое выражение на лице Бена остановило меня. Если бы не помогло его жесткое выражение, то он поднял руку ладонью ко мне, останавливая.

Я встретила его на тротуаре в конце дорожки к моей двери.

— Позвонил тебе, а ты уже заняла свое место, — объявил он и тут же продолжил: — Пять минут назад у нас появился гость.

Я оглянулась на машину на моем месте для гостей, которую никогда раньше не видела, затем на Бенни, и услышала голос.

— Фрэнки!

Громкий. Веселый. Ничто не могло его расстроить никогда, он просто не позволял.

Я узнала этот голос.

Энцо Кончетти, старший.

Мой отец.

— Черт, — прошептал я, не отрывая глаз от Бенни.

— Твой отец, — подтвердил Бен то, что я уже знала. — Я хотел захлопнуть дверь перед его носом, но не смог. Решил позвонить, но ты как раз подъехала.

— Черт, — вырвалось у меня до того, как папа спустился.

Несмотря на то, что у меня была сумочка и сумка для компьютера, которые сделали бы любые объятия неловкими, он обнял меня за талию, поднял и встряхнул.

— Моя малышка! — воскликнул он.

Я не могла пошевелить руками, поэтому просто смотрела на него сверху вниз, сказав:

— Привет, пап.

— Привет, красавица. — Он улыбнулся мне, затем опустил на землю, разжал объятия, повернулся и с силой хлопнул Бена по плечу, оставив свою руку на его плече, сжимая.

— Девочка, ты подцепила лучшего Бьянки.

Лицо Бена превратилось в гранит.

Что касается меня, то у меня все внутри съежилось.

Папа, казалось, не заметил реакции Бена и полной неуместности его слов, сжав плечо Бена, покачивая его вперед и назад, говоря:

— Без обид на мертвых и того другого, э-э... Мэнни.

Я наблюдала, как медленно Бен опустил взгляд на руку моего отца на своем плече, прежде чем перевел взгляд на меня.

Это заставило меня выйти из ужасного оцепенения, крикнув отчаянно и, следовательно, громко:

— Давайте отнесем мои вещи внутрь.

Папа еще раз качнул Бена, пока я задерживала дыхание, надеясь, что Бенни не взорвется до того, как папа отпустит его плечо, сказал:

— Отличная идея.

К счастью, папа отпустил плечо Бена, но, к сожалению, отпустил и направился к моей входной двери.

Я поймала взгляд Бенни, послав ему невербальный, но все еще кричащий: «Прости».

Бен протянул руку и взял мою сумку с компьютером, затем свободной рукой схватил меня за руку и повел по тропинке, по которой шел мой отец, к дому.

— Как ты нашел меня, пап? — спросила я ему в спину, перекладывая ручку своей сумки на плечо.

Он остановился, повернулся и улыбнулся мне.

В этом взгляде я увидела то, что видела всю жизнь: я унаследовала многое от него — темные блестящие волосы (даже без всех этих масок для волос); светло-карие миндалевидные глаза с ресницами, которые мне никогда не приходилось завивать, потому что их кончики завивались от природы; а также хорошее телосложение.

Правда, папа был высоким, я — нет, не совсем. И мне досталась мамина фигура и ее светлая кожа.

Глядя на него сейчас, когда он был уже далеко за пределами своего расцвета, в возрасте, он выглядел лучше, чем большинство мужчин в расцвете сил могли когда-либо надеяться выглядеть. Полный жизни. Сильный. Красивый.

— А это был секрет? — спросил он, широко улыбаясь. Причем мой ответ был бы совершенно не важен, секрет или нет. Ему было наплевать. Даже если бы я не хотела его видеть, он все равно пришел бы.

Я знала это, потому что он тоже это отлично знал.

Но на самом деле, это был секрет. И секрет по одной из многих причин, по которым я сбежала из Чикаго. Так что это была не очень хорошая новость, что он нашел меня в Браунсберге.

Прежде чем я успела ответить, он продолжил, снова поворачиваясь к двери:

— Энцо младший.

В этот момент я решила, что как только найду способ избавиться от отца, успокою Бенни, накормлю его и займусь с ним сексом, а потом прямиком отправлюсь в аптеку и куплю большой, толстый, красный маркер «Шарпи». Затем вернусь домой и маркером вычеркну имя моего брата из своего рождественского списка.

— Детка, — тихо произнес Бен со странным намеком, не на гнев... на предупреждение.

Мне не понравилась идея предупреждения, особенно когда плохие новости уже настигли меня и потрясли меньше чем за минуту.

Но я прервала свое наблюдения, как отец исчез в моей квартире, поймав взгляд Бена.

Как только я поймала его взгляд, он сказал:

— У нас не так много времени, сага, но приготовься. Он не один, и, если ты попадешься на его удочку, не думай, что будешь счастлива.

Что это означало?

У меня не было возможности спросить.

Мы были уже у двери.

К счастью, я собралась с духом. Вдобавок к этому счастью, Бен крепче сжал мою руку и в кои-то веки первый вошел в дом.

Это дало мне возможность оценить обстановку, переварить удар, нанесенный мне в живот, и частично прийти в себя, прежде чем мне пришлось столкнуться с этим лицом к лицу.

Стоя среди спокойных, приглушенных синих, зеленых и фиолетовых тонов моей мебели, и моих вейний фэн-шуй в отделке, которые были лаконичными и отражали приглушенные тона моей мебели в гармонии с моей индивидуальностью (или тем, какой я хотела видеть свою индивидуальность, которая была далека от приглушенности), стояла женщина моего отца.

Я не запомнила ее имени, потому что встречалась с ней всего дважды. Однажды, когда папа мимоходом заглянул ко мне домой в Чикаго, тогда она была с ним. Он затащил ее ко мне только потому, что: «Детка, твоему папочке нужно срочно отлить». Он занимался своими делами, пока мы с ней вели неловкий разговор. Потом он вышел, поцеловал меня, и они отправились дальше, даже не сказав мне ее имени.

Во второй раз Энцо был в городе, и мы собрались все вместе — Нэт, Дэйви, Кэт, ее муж, Арт, Энцо и девушка, с которой он встречался в то время (с которой он также расстался во время той встречи, что сделало нашу встречу менее приятной, взбесив Энцо).

Конечно, это превратилось в столпотворение, когда Кэт сказала что-то, что вывело Нэта из себя. Они начали ссориться, громко сквернословя. Энцо попытался сыграть роль миротворца, но его втянули в перепалку, поэтому он стал громко сквернословить. Папа слетел с катушек под конец, потому что мы «поставили его в неловкое положение» перед его женщиной, и он выгнал нас всех, даже меня, а я ничего не сделала.

Это было по меньшей мере год назад. Может два.

Но, в конце концов, я давным-давно научилась не запоминать имен его женщин. Они приходили и уходили. Когда я была моложе, цеплялась за них, надеясь, что у одной из них хватит выдержки и, возможно, он даст мне то, чего у меня не было в детстве и в молодости, чего хотела больше всего — нормальную семью. Большую часть времени его женщины были довольно крутыми, некоторые из них были очень любящими, иногда искренне, иногда делали вид, думая, что смогут достучаться до папиного сердца через его детей.

Однако они так и не прижились, и после того, как у маленькой девочки неоднократно разбивалось сердце, теряя очередную его женщину, дрейфующую по ее жизни, я научилась вообще не обращать на них внимания.

Научилась.

Так что я не запомнила ее имени.

Папа стал старше, но возраст его женщин остался прежним. Проблема заключалась в том, что у него был возраст, опыт, и, хотя зрелости было немного, но все же какая-то была. У его женщин обычно ничего этого не было, по крайней мере, последней части уж точно, поэтому они ему легко надоедали.

Эта задержалась намного дольше, чем большинство других.

И я поняла, что она скорее всего протянет еще дольше (хотя гарантию не дам), потому что она была беременна.

У моего брата были две женщины, которые неминуемо собирались родить от него детей, а также подать судебные иски о взыскании алиментов.

И следующий ребенок моего отца был бы тетей или дядей для детей моего брата, фактически погодками.

Сейчас.

Ну и ну.

Что, черт возьми, с ними не так?

Я не осознавала, что застыла прямо за пределами своего маленького фойе, пока не почувствовала, как рука Бена сжала мою.

Когда это произошло, я перевела взгляд с женщины, стоявшей в моей гостиной, на моего отца.

— Скажи мне, что это чертовская шутка, — потребовала я.

— Фрэнки, — тихо сказал Бен рядом со мной.

Я почувствовала, как он придвинулся, не отрывая глаз от моего отца.

— Франческа, — отрезал папа, жизнерадостный тон «ничто-его-не-расстраивает-потому-что-он-не-позволял-себя-расстраивать» испарился, на смену пришел гнев.

Я быстро взглянула на женщину, которая, как рассеянно отметила, была очень привлекательной, но она сильно побледнела.

— Без обид, это к вам не относится. Вы, наверное, потрясающая. Но... — Я снова посмотрела на папу. — Ты, мать твою, не шутишь?

— Мы пришли, чтобы поделиться нашим хорошим известием с вами, чтобы ты порадовалась, а в итоге, что получили? — резко спросил папа.

Я, опять же, быстро взглянула на женщину и повторила:

— Еще раз, это к вам не относится... — Мои глаза вернулись к отцу. — Хочу сказать, в следующий раз делись своей радостью по телефону.

Папа упер руки в бедра и ответил:

— Я не верю, что ты так себя ведешь.

— Не веришь? — спросила я, вытаскивая свою руку из руки Бена, чтобы я могла жестикулировать двумя руками. Затем подняла руку и прижала палец к щеке. — Ну, давай кое-что припомним... с чего это я так реагирую на беременность твоей женщины? — Я вскинула руку и саркастически закончила: — О, вспомнила! Ты решил привести в этот мир ребенка, а ты из тех мужчин, у которых другой твой ребенок, которого ранили, а ты, — я наклонилась к нему, крича, — даже не навестил меня в больнице!

Я услышала, как за мной закрылась дверь, что означало, что Бен закрыл ее, но он быстро вернулся ко мне, и я поняла это, когда почувствовала, как его рука обвилась вокруг моей талии. Он оттащил меня на фут назад, а затем встал передо мной, немного сбоку.

Я взбесилась до чертиков, но все же, он сделал это...

Господи.

Бенни.

— В тебя стреляли? — спросила женщина, ее голос звучал встревоженно, и я перевела взгляд с Бенни на нее.

— Да, и это было в новостях по телевизору, — поделилась я.

— Я не смотрю новости, — тихо произнесла она, переводя взгляд на папу. — Ты знал об этом, Энцо?

— Да, он знал, моя мама позвонила ему той ночью, когда это случилось, — вставил Бен, но не допустил дальнейшей реакции на эту новость. Будучи потрясающим Бенни, он сразу же перешел к завершению нашей короткой сцены. — А теперь, поздравляю с вашим радостным известием. Желаю вам всего наилучшего, — сказал он женщине, затем повернулся к папе и продолжил: — Но все прошло не слишком хорошо, и вам предстоит долгая поездка, думаю, нам следует закончить встречу, пока совсем все не испортилось.

Рациональное предложение Бена было проигнорировано, в то время как женщина уставилась на моего отца, и мой папа, прочитав ее взгляд, заявил:

— Милая, это случилось с Фрэнки примерно в то время, когда ты сообщила мне, что у тебя будет ребенок.

— И я сказала тебе, что у меня будет от тебя ребенок, и ты был очень взволнован этой новостью, Энцо, но в течение шестимесячного праздничного торжества не могу сказать, что у тебя не было телефона, Интернета или машины с азбукой Морзе, — огрызнулась она в ответ, и я почувствовала, как мое тело дернулось, а в глазах потемнело. Сильно.

Ни одна из папиных женщин никогда так с ним не разговаривала.

Ни одна.

Кроме, может моей мамы.

— Крисси, милая, я не хотел, чтобы... — начал папа.

— Ни слова, Энцо Кончетти, — прошипела она, наклоняясь к нему. Затем ее взгляд остановился на мне, Бен прижался ко мне, даже когда я вжалась в его спину, увидев выражение ее глаз. — Как ты сейчас? — спросила она, затем махнула рукой в мою сторону.

— Я имею в виду, после ранения.

— Э-э... да. Это было сто лет назад уже.

— Это была случайность? — выпалила она.

— Ум... не совсем. Меня похитил один криминальный авторитет, доставил в дом на берегу озера. Я сбежала, спасая свою жизнь, с другой женщиной. Криминальный авторитет догнал нас и выстрелил в меня. Затем Бен, — я сделала неубедительный жест в воздухе к нему, указывая на Бенни, — и его двоюродный брат Кэл, парень женщины, с которой я сбежала, застрелили его. Увидев, как Кэл выстрелил ему в голову, он бы не выжил. Хотя Бен выстрелил ему в живот, туда же, куда выстрелил этот парень мне, могу засвидетельствовать, только при ранении в живот, какое-то время дела у него шли бы не очень хорошо. Однако, к счастью, он мертв, и я говорю это не потому, что я плохой человек. Я говорю это, потому что он был сумасшедшим, реально одержимым человеком, поэтому стрелял в меня.

Когда я закончила бессвязно бормотать, ее прищуренные глаза медленно остановились на моем отце.

— Ее похитили и стреляли? — спросила она.

— Крисси...

— Ты знал о похищении? — потребовала ответа Крисси.

Папа не сказал ни слова, но выглядел смущенным.

Однако Бен произнес одно слово, и это было «Ага».

Крисси выглядела так, словно она окончательно слетела с катушек. Пока я протягивала руку, чтобы поймать руку Бенни, пытаюсь вдохнуть воздуха, забитого яростью беременной женщины, боролась с желанием рассмеяться. С трудом боролась.

Наконец, она посмотрела на меня, и дальнейшая ярость на ее лице заставила меня теснее прижаться к Бенни.

Затем ее ярость полностью испарилась, и она прошептала:

— Мне очень жаль.

Я уставилась на нее, гадая, она действительно произнесла эти слова или мне показалось.

Бен был не так ошарашен, как я.

Я поняла это, когда он заявил:

— Вам не за что извиняться. Вы не знали. Вы ведь не семья. — Бен мотнул головой в сторону отца. — Но он обязан извиниться и не только.

— Я... — начал папа.

— Заткнись, — внезапно рявкнул Бенни с такой яростью, что все мое тело дернулось. —

Ты не имеешь права на извинения. Я не знал, что Франческа уже подъехала, когда впустил тебя, но теперь знаю. Так что собираюсь тебе сказать, это последний раз, когда ты устраиваешь подобную сцену с Фрэнки. Ты не был хорошим отцом. Ты нехороший человек. Ты глупый эгоист, думая, сколько бы лет ты ни прожил на этой земле, в первую очередь о своем члене. Твоя дочь лежала на больничной койке после того, как протащила свое окровавленное тело по лесной листве, после того, как она сбежала, спасая свою жизнь, а у тебя, бл*дь, хватило наглости заявиться к ней домой без предупреждения и сбросить на нее эту бомбу, даже ни слова, бл*дь, не сказав о том, через что она прошла без поддержки своей чертовой семьи?

Бен покачал головой, его глаза пригвоздили папу к месту в другом конце комнаты, и он продолжил.

— Фрэнки смирилась с вашим семейным дерьмом, потому что она хорошая женщина, хорошая дочь. Она — Фрэнки. Но я ее мужчина, говорю тебе прямо сейчас, я не собираюсь мириться.

Папа расправил плечи и заявил:

— Может нам стоит уйти.

— Хорошая идея, — парировал Бен, немедленно перемещаясь со мной, так что мы больше не загораживали входную дверь.

Именно тогда папа сделал то, что делал папа, когда что-то угрожало выбить у него почву из-под ног.

Немедленно вышел из ситуации.

И в данном случае он не посмотрел ни на одну живую душу — даже на женщину, носящую его ребенка, стоящую рядом с ним, не на дочь, с которой пришел повидаться, вышел прямо за дверь.

— Это была очень плохая идея, и мне так жаль, — тихо произнесла Крисси, двигаясь за ним.

— Опять же, ты не должна ни за что извиняться, — произнес Бен.

Она кивнула ему и смущенно взглянула на меня, опустив подбородок, чтобы попрощаться, но я ей не позволила вот так просто уйти.

Когда она проходила мимо меня, я схватила ее за руку.

Она остановилась и подняла на меня глаза.

— У меня будет брат или сестра?

Надежда вспыхнула в ее глазах, и я еще больше разозлилась на своего отца, потому что, увидев ее надежду, поняла, что она хотела, чтобы все прошло намного лучше, чем на самом деле. Я также поняла, что дать ее ребенку семью было для нее важно. Так что я поняла, если я когда-нибудь узнаю ее получше, вероятно, мы сможем стать с ней подругами.

— Сестра, — ответила она.

Я улыбнулась ей. Это было то небольшое, что я могла ей дать, прошептав:

— Тебе, наверное, нужно идти, но позвони Энцо-младшему. Возьми у него мой номер телефона. Оставайся на связи.

Блеск наполнил ее глаза, и она прошептала в ответ:

— Я думала, это будет приятный сюрприз. Я бы никогда не поехала с Энцо, если бы знала...

Я оборвала ее, крепче сжав ее руку.

— Прости, что так получилось. Но я действительно желаю тебе всего наилучшего, чтобы моя младшая сестра появилась на свет.

Она кивнула и сжала мою руку в ответ, тихо сказав:

— Спасибо, Франческа. И я позвоню твоему брату. Возьму у него твой номер телефона.

— Хорошо, — ответила я. — Теперь сделай так, чтобы отец в безопасности доставил вас двоих домой, — приказала я, опуская взгляд к ее животу.

Она улыбнулась мне, на этот раз без блеска в глазах, снова кивнула и поспешила к двери.

Как только дверь закрылась, Бен заявил:

— Истинная, черт побери, Фрэнки.

Я посмотрела в его сторону.

— Что?

— Твой лучший выбор — держаться подальше от этой ситуации, которая прямо сейчас не очень хороша с прогнозом того, что все станет по-настоящему чертовски запутанным, но ты сказала ей, чтобы она оставалась с тобой на связи.

— Она носит мою младшую сестру, — ответила я.

— Да. Истинная, бл*дь, Фрэнки.

Именно тогда я разобралась с выражением его лица.

Поэтому улыбнулась.

Бен не улыбнулся.

Он приказал:

— Иди сюда, Франческа.

Наше счастливое воссоединение, как ни странно, задержалось из-за безумия, я немедленно сделала то, что он мне сказал.

* * *

— Фрэнки, *tesorina*, остановитесь.

Я закрыла глаза, вынула член Бенни изо рта и неторопливо открыла глаза и посмотрела наверх.

Это было после сцены с папой, время для хорошего воссоединения после плохого, когда все началось не очень хорошо.

И все это было на моей совести.

Возможно, это было вызвано визитом папы и его новостью. Это также могло быть из-за того, что он сказал, что я подцепила лучшего Бьянки.

Но в основном это было связано с тем, я подумала, что мне давно пора заняться кое-чем, чего я не делала с тех пор, как мы с Бенни занялись физическими упражнениями в постели. Он часто лизал мою киску, каждый раз добиваясь впечатляющих результатов.

Либо из-за того, что я бессознательно избегала этого, либо из-за того факта, что Бен руководил всем в постели (полностью), я не отвечала взаимностью.

Так вот, я решила ответить.

И я была так напряжена, думая, что он знал от Винни, что у меня это плохо получается, беспокоилась, что он думает так же, поэтому слишком старалась.

Я открыла глаза и посмотрела в его сторону, вот оно. У меня это плохо получалось. Лицо Бена совсем не походило на тот темный голодный взгляд, который я привыкла видеть, когда мы находились в постели.

— Иди сюда, детка.

Я не хотела идти.

Мне хотелось схватить свой телефон и убежать в ванную, запереться там и существовать на пицце и китайской еде на вынос, пока не узнаю, что Бенни ушел и принял решение никогда больше со мной не встречаться.

— Фрэнки, иди сюда, — повторил Бен.

Я все еще не двигалась, потому что застыла от унижения.

Я много раз испытывала смущение в своей жизни.

Например, когда мне было семь лет, и моя мама надела в церковь черное облегающее платье с запахом, в котором было такое глубокое декольте, что почти виднелись соски, у отца Патрика глаза чуть не вылезли из орбит, когда он начал служить мессу и увидел мою маму. Не говоря уже о том, когда он произносил слова, его лицо выглядело таким напряженным, я понимала, что он был недоволен моей матерью и тем фактом, что все мужчины уделяли больше внимания ее груди, чем его проповеди.

Кроме того много раз мой отец сталкивался с кем-то, с кем он не слишком ладил, не имело значения, где мы находились в этот момент — на игре «Кабс», в «Бургер Кинг», он не собирался игнорировать этого человека. Он подкалывал с сарказмом, парень отвечал ему тем же, и все выглядело не очень красиво. Однажды он даже подначивал мужчину, который пришел со своей женой и детьми и по выражению лица того мужчины, было понятно, что он не хотел, чтобы его втягивали в это дерьмо. Но папа не отступил до тех пор, пока у мужчины не осталось другого выбора, кроме как принять словесный вызов отца.

Закончилось все совсем плохо для обоих мужчин, папа не только сделал это на глазах у своих детей, не задумываясь, он подтолкнул этого человека сделать то же самое на глазах его семьи.

Но даже при всем этом, что еще хуже, я никогда не была так смущена, как сейчас.

Это, конечно, заставило меня замереть, увековечив мое смущение, понимая, что я стою на четвереньках рядом с членом Бенни, неподвижно уставившись на него.

— Черт, — пробормотал Бен, согнулся пополам, схватил меня под мышки и подтянул к себе. Он перекатился и накрыл меня своим телом.

— Кажется, мне нужно в ванную, — прошептала я, уставившись ему в глаза, скорее всего, как олень на дороге пялился на свет фар.

— Нет, не нужно. Тебе нужно поговорить со мной. Что, черт возьми, с твоей головой?

Мой взгляд переместился к его уху.

Его рука поднялась к моему подбородку, он приказал:

— Фрэнки, посмотри на меня.

Я посмотрела на него.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Я не сильна в минетах, — призналась я.

— Почему? — спросил он, и я моргнула от абсурдности его вопроса.

Если бы я знала почему, у меня бы получалось намного лучше.

— Почему? — повторила я, не зная, что еще сказать.

— Да, почему?

— Э-э... Думаю, тебе не нужно объяснять причины, Бенни, — указала я на очевидное, но даже высказав свое мнение, мне совсем не хотелось, чтобы он объяснял мне причины, почему я не сильна в минетах.

Он покачал головой, сказав (то, чего я боялась):

— Ты хочешь, чтобы я объяснил, я объясню, милая. Но сейчас я хочу знать, как ты заводишься и выкладываешься по полной, теряешь контроль от поцелуя, но тут же напрягаешься, как только хочешь насытиться моим членом.

— Потому что я в курсе, что ты знаешь, что у меня это плохо получается, — объяснила я.

— Ладно. Есть еще что-то?

— Разве этого недостаточно?

Что-то промелькнуло в его глазах, я не уловила, он спросил:

— Это дерьмо с твоим отцом пожирает тебя сейчас?

Я кивнула.

— Что-нибудь еще? — продолжил он.

Мой голос звучал испуганно, передавая мои ощущения, когда я напомнила ему:

— Он сказал, что «подцепила лучшего Бьянки».

— Думаю, твой отец уже доказал, что он мудака, детка, — ответил Бенни.

— Твой комментарий, Бенни, более мудацкий, чем обычный мудака, — отметила я.

— Хорошо, твой отец доказал, что он еще больший засранец, чем обычный заурядный засранец, Фрэнки, — ответил Бен.

— Ты был взбешен, — указала я ему.

— Я разозлился не на то, что он сказал. Он сказал, и я увидел твою реакцию, и твою реакцию разозлила меня. Я также знал, кто поджидает тебя внутри дома. Но он последовал за мной, и у меня не было возможности предупредить тебя, и это тоже разозлило меня еще больше. Не говоря уже о том, что этот засранец положил на меня свою руку.

Отец правда положил руку Бенни на плечо, и Бенни это совсем не понравилось.

— Прости, Бенни, — тихо произнесла я.

— Почему женщины твоего отца все время извиняются за него, это выше моего понимания.

Он мудака и засранец, но ты-то нет.

— Он мой отец.

— Да. Он — мужчина, чья семья создало тебя. У меня хороший папа, детка. Я знаю разницу.

Я уставилась на него, его глубокие слова поразили меня.

Я была совсем не похожа на своего отца. Я вела себя по-другому, никак он. Я жила другой жизнью, никак он. Он участвовал в создании меня, но дальше...

Что ж, дальше я стала самой собой.

И до меня начало доходить, что я долгое время была самой собой.

Всегда...

И это было огромное осознание.

Каким бы грандиозным не было это открытие, лежа обнаженной в постели с Беном после того, как сделала ему ужасный минет, который был настолько плох, что Бен почувствовал необходимость прекратить наше празднование, затеяв этот разговор, но сейчас я не поделилась с ним своим прозрением.

Вместо этого сказала:

— Тебе повезло, Бенни.

— Знаю, Фрэнки, — заявил Бен. — Теперь хватит о нем. Это все?

— Думаю, что да.

— На работе все хорошо?

— Да.

— Твои сестры или брат звонили тебе недавно? — продолжил он задавать вопросы.

Я отрицательно покачала головой.

— Хорошо. Теперь ты можешь себе бл*дь представить, как невероятно горячо видеть твое тело, со всеми этими безумно красивыми волосами, рассыпавшимися по всему моему животу и бедрам, когда ты берешь мой член в рот?

Мое тело дернулось, даже когда я почувствовала спазм между ног.

— Нет, — прошептала я.

— Мне казалось, я кончу, как только ты прикоснешься губами к кончику головки. Ты забрала всего... Черт.

С этими словами выражение его лица изменилось, к которому я так привыкла в постели, когда мы были оба обнажены, и почувствовала, как мои ноги беспокойно задвигались.

— Я... — начала я, но его лицо приблизилось, и я оборвала себя.

— Лижи его, детка, — прошептал он, и я почувствовала, как волна возбуждения сменила спазм у меня между ног. — Пробуй меня на вкус. Полностью. Не торопись. Соси. Ласкай языком. Сделай меня мокрым. Запретов нет. Смотри на меня, когда берешь мой член в рот. Смотри, что ты делаешь со мной. Или, если хочешь, я доведу тебя до оргазма, если ты сядешь мне на лицо, пока будешь сосать мой член. Мой рот будет прикован к тебе, обещаю, ты не будешь думать ни о чем, кроме моего члена и получения удовольствия.

О Боже, я хотела этого. И он был прав. Если бы его рот ласкал мою киску, я бы не думала ни о чем, кроме того, что он делал со мной, делая это же с ним своим ртом.

Я продолжала передвигаться вниз по телу Бенни к его паху.

— Или ты можешь встать на колени рядом со мной и дать мне свою киску. Я поиграю с ней, пока ты будешь отсосать.

На этом я перестала ерзать и начала извиваться, потому что тоже этого хотела.

Немедленно.

Мои руки начали двигаться по всему телу Бенни.

— Или, — продолжал он, — ты встанешь передо мной на колени, и я сделаю всю работу, трахая тебя в рот.

И с этими словами я уперлась ногой в кровать и перевернула его.

— Выбор за тобой, — произнес он, когда я оказалась сверху, а он лежал передо мной на спине.

— Заткнись, Бенни.

Он ухмыльнулся мне.

Эта усмешка была вызовом.

И я вдруг почувствовала себя отчаянным смельчаком.

Я двинулась вниз по его груди и впервые обнаружила, если Бенни не руководил, у меня появилось время открыть для себя то, чего никогда раньше не было.

И все его великолепие красовалось передо мной, так что я воспользовалась этим временем, используя свои пальцы, рот, зубы и язык. Предмет был большим, который я исследовала, полностью из плотного шелка, что было невероятно завораживающим. Волнующий вкус. Ощущение его пальцев в моих волосах и прикосновения, возбуждающие прикосновения. Звуки, которые он издавал, и то, как я заставляла его тело двигаться от возбуждения, выводили меня из себя и заставляли думать только о том, что я делала с Бенни.

Стремясь дать ему еще больше.

Так что к тому времени, когда я добралась до места назначения, я была настолько готова, что мне действительно захотелось схватить его член, забраться на него и оседлать.

Вместо этого я расположилась между его ног и приняла полностью его член другой своей частью тела.

Как только я это сделала, Бен зарычал.

Мои глаза расширились, глядя на выражение его лица, хотя его член все еще находился у меня во рту.

Как только мои глаза встретились с его горячим взглядом, он простонал:

— Черт, детка.

Наблюдая за ним, я скользнула вверх, а затем взяла его так глубоко, как только могла.

Его ноги согнулись, голова откинулась назад, я увидела мускулистую шею и все, что было Бенни, а у меня между ног запульсировало.

Я снова взяла его и почувствовала, как напряглись его ноги рядом со мной.

Ему нравилось.

И внезапно мне тоже понравилось.

Я лизнула. Погладила рукой. Скользила губами. Использовала губы и руку. Я так увлеклась этим, что половину времени наблюдала за Бенни, а половину времени была поглощена отсасывая, издавая стоны, заметив, как он упирается пятками в матрас, я так сильно от этого кайфовала, что с отчаянием хотела сама стимулировать себя рукой между ногами, чтобы тоже испытывать эти ощущения, что и он.

Мне следовало позволить Бенни поиграть с моей киской, пока я ласкала его член.

Не забыть бы сделать это в следующий раз, например, позднее этой ночью.

И с этой мыслью я глубоко взяла в рот член Бена, застонала. А затем его член вдруг исчез.

Я удивленно пялилась на свою пустую руку, потом подняла глаза на Бенни, но он уже стоял на коленях. Затем он развернул меня и опустил на матрас, я оказалась лицом к краю своей кровати на четвереньках.

Затем вошел.

О да. Две вещи, которых мы никогда не делали: догги-стайл.

— Бенни, — выдохнула я.

Он не произнес ни слова. Руками сжимая мои бедра, дернул меня назад, вонзаясь, и именно тогда я почувствовала.

Бен не руководил. Не контролировал процесс. Не получал удовольствия сейчас, доводя меня до кульминации.

Он потерял контроль.

Бен трахал меня, потому что ему необходимо было меня трахнуть.

И именно я довела его до такого состояния.

Я.

Фрэнки.

У меня никогда такого не получалось.

Никогда.

Это было феноменально.

От одной только этой мысли я почувствовала, прилив влаги между ног, соответствующую пульсацию, накрывшую тело, голова откинулась назад, я уперлась на предплечья на кровати.

Но Бен наклонился ко мне, запустил руку в мои волосы и потянул их назад, заставив мою голову подняться, а шею выгнуть так же, как и спину, мое лоно прижалось к его.

Это было так чертовски горячо, что я вскрикнула, мгновенно кончая, задыхаясь, тяжело дыша и постанывая.

— Вот так, Фрэнки, — прорычал он, входя в меня.

— Еще, — умоляла я, все еще кончая.

Он входил еще и еще, вколачиваясь в меня. Затем его рука отпустила мои волосы, обе руки опустились на мои бедра, и он толкнулся вперед, изливаясь внутри, скрепя зубами и постанывая во время оргазма.

Его толчки затихли, его пальцы впились в кожу на бедрах, потом они стали слегка блуждать по коже моей задницы, я задрожала.

Бен отстранился, но прошло прилично времени, склонился надо мной. Я чувствовала, как он прижимается грудью к моей спине, а его руки обнимают меня. Затем я встала на колени, Бенни обхватил меня за живот, другой рукой — под грудью. Одна его рука поднималась по моему телу, обхватывая, а его губы приблизились к моему уху.

— Моя Фрэнки, если полна решимости что-то сделать, то делает все по-крупному, — прошептал он мне в ухо.

Я была права.

Ему понравилось.

Очень.

Я опустила голову ему на плечо и скрестила свои руки поверх его на своем теле.

— Поцелуй меня, милая, — приказал он.

Я повернула голову, откинув немного назад, но я не поцеловала Бенни. Он прижался губами к моим и поцеловал меня. Он целовал меня долго. И пока он целовал меня, то делал это глубоко, влажно и сладко.

Когда он прервал поцелуй, приподнял голову, чтобы коснуться губами моего носа, затем переместился, уткнувшись лицом мне в шею, сжав меня руками.

Казалось, ему было хорошо в таком положении, вот так стоять молчаливо, обнимать меня, я не жаловалась.

Наконец, он заговорил.

— Ты меня так завела, что я забыл о презервативе.

И я так возбудилась, что до этого момента даже не думала об этом.

— Ты встречаешься с кем-то еще? — поддразнила я.

— Черт возьми, нет, — ответил он.

Немедленно и твердо.

Сладко.

И это почему-то навело меня на неприятную мысль, которую лучше не оглашать. То, как я поступила с Бенни, ранив его чувства, оставив на несколько месяцев и сделав это

практически в середине наших отношений, которые могли бы продвинуть то, над чем он так усердно трудился, выстраивая между нами отношения.

Так вот, это мысль, пришедшая мне в голову из-за этого разговора.

И это был вопрос, который я должна была задать.

Но я задала его спокойным тоном.

— Ты встречался с кем-нибудь, пока меня не было?

Я почувствовала, как его нос скользнул вверх по моей шее, и он прошептал мне на ухо:

— Был в застое.

Мое тело застыло как вкопанное.

О мой Бог.

В застое? Бенни Бьянки? Насколько я знала (а я обращала внимание на такие вещи, связанные с Бенни), последний период застоя, который он перенес, был четыре года назад, тогда друг подруги сообщил мне, что он один. И этот период застоя длился всего три недели.

— Дольше всего, — продолжал он, все еще шепча.

Я моргнула.

О мой Бог.

— Очевидно, — продолжал он, — когда мужчина находит ту, которую хочет, а потом теряет, нелегко вернуться в седло, даже если он на самом деле никогда не садился в седло.

О Боже.

Бенни только что это сказал. Он только что сказал это мне.

Господи.

— Бен, — тихо сказала я, не в силах сказать что-либо еще, выражая миллионом цветистых слов, насколько это было важно и как много это значило для меня.

— Мы двинулись дальше, — ответил он, нежно меня сжав. — И это хорошо, к чему мы перешли. Итак, дело сделано.

Истинный Бенни. Случилось дерьмо, он смирился с ним и двинулся дальше.

Но прелесть для меня заключалась в том, что на этот раз я двигалась вперед вместе с ним.

Так что я двигалась вперед с ним, все тяжелое, оставив позади, пошутив:

— Ладно, значит у тебя нет венерических болезней?

В его голосе прозвучал смех, когда он ответил:

— Неа.

— У меня тоже.

— Значит, у нас все хорошо? — Настала его очередь спросить, и по его интонации я поняла, что вопрос касался большего, чем то, что мы сейчас обсуждали.

— Я принимаю таблетки, малыш, — сообщила я ему.

— Заметил, просто решил уточнить, — ответил он с еще одним пожатием. Затем спросил:

— Ты хочешь сходить в ванную или хочешь, чтобы я тебя туда отнес и вымыл?

Идея, что Бенни отнесет меня и вымоет, была интригующей, но я уже тщательно изучила кое-что интригующее в Бенни и решила частично отказаться от хорошего.

— Я сама.

— Хорошо, милая.

Он поцеловал меня в шею и отпустил.

Я вскочила с кровати, схватила его футболку, натянула ее через голову по пути в ванную.

Я произвела все необходимые процедуры и направилась обратно в свою комнату, обнаружив Бена, прислонившимся к изголовью кровати, все еще обнаженного, со слегка раздвинутыми ногами. Снова вкуснятина с головы до пят, только на этот раз еще вкуснее. Я забралась на кровать и тут же забралась на Бенни.

Он не замедлил засунуть руки под футболку, скользя ими по моей пояснице, прежде чем одна рука поднималась по позвоночнику, а другая опустилась, обхватив меня за задницу.

Я положила руки ему на грудь и посмотрела в глаза.

— Спасибо, — тихо произнесла я.

Он улыбнулся причем широко, белоснежной, ослепительной улыбкой.

Затем спросил:

— Ты это серьезно?

Я была абсолютно серьезна. Я чувствовала, что его терпение, руководство и способность заводить меня и подстегивать, когда смущалась и формировала план забаррикадироваться в ванной после неудачной попытки минета в первый раз, он заслуживал искренней благодарности от меня, высказанной серьезно.

Поэтому мое «Да, вполне серьезно» вышло отрывистым.

— Детка, — сказал он, все еще улыбаясь, надавливая рукой мне между лопаток, притягивая меня к себе. Когда он притянул меня к себе, то заявил:

— Ты же знаешь, что благодарить меня за то, что сделала мне действительно оху*нный классный минет, странно.

Я не думала об этом с такой точки зрения.

Он продолжил.

— Ты так меня завела, что мне оставалось только либо кончить тебе в рот, либо трахнуть тебя.

Черт, я только что кончила, а он снова заставлял меня ерзать.

Его рука оставила мою задницу, чтобы он смог обхватить меня обеими руками и притянуть еще ближе, прижимая мои руки к своей груди.

— Такая чертовски сексуальная. — Его глубокий, непринужденный голос был похож на рокот. — Я был таким чертовски мокрым, когда вошел в тебя, не знаю, как я это выдержал, ожидая, когда ты кончишь.

Я облизнула губы.

Его глаза тут же переместились на мои губы, вспыхнули, затем вернулись к моим глазам.

— Тебе понравилось. — Это было заявление.

— Да.

— Все?

— Ага.

— Тебе было не больно, когда я потянул тебя за волосы.

Я еще сильнее заерзала и повторила:

— Нет.

Его глаза загорелись, хотя и стали вальяжными, опустившись на мои губы, он предупредил:

— Было хорошо, детка, в каком-то смысле я думал, что это здорово. Теперь я точно знаю еще один твой талант. Так что готовься.

Мои бедра сжались на его бедрах, волна пробежала по всему телу.

Его руки напряглись, и я поняла, чего он хотел, приподняв подбородок и подставив свои губы.

Он снова целовал, не торопясь, медленно, влажно и глубоко. Потом он оторвал свои губы от меня, но все равно удерживал меня в этом положении.

— Ты собираешься меня кормить? — поинтересовался он.

— Конечно, — ответила я, ухмыляясь, понимая намек Бена на то, что разговор после секса окончен, пора двигаться на кухню, но для этого мне нужно было с него слезть.

Я попыталась, но его руки продолжали крепко держать меня, я оглянулась на него.

— Ты не против того, что я выложил твоему отцу?

Я пожалала плечами как можно спокойнее, пока Бенни удерживал меня на месте.

— Ты переживаешь за меня.

Он покачал головой и повторил:

— Ты не против того, что я выложил твоему отцу?

Я и так была очень близко к нему, но нашла способ придвинуться еще ближе, тихо ответив:

— Нет, Бенни, не против, потому что ты беспокоишься за меня. Это было безумие, полный бардак, но у меня бы не хватило духу указать ему на дверь. Мне нужно было, чтобы ты сделал это за меня. Ты сделал. Так что да, милый, я не против, что ты выложил моему отцу. И, что еще лучше, я в полном порядке от того, что ты сказал, потому что он не из тех мужчин, которые снова устроят подобную сцену, так что, скорее всего, мне не придется еще раз это терпеть. — Я протянула руку и прикоснулась своими губами к его, отстраняясь и заканчивая: — Из-за тебя. Так что я не только в порядке, а скажу тебе спасибо, малыш.

Он вытащил руку из-под своей футболки и поднял ее, убрав волосы с одной стороны моего лица, его глаза следили за его рукой, затем скользнули к моему лицу.

— Бенни? — Позвала я, поскольку он не двигался, не говорил, просто блуждал глазами по моему лицу.

Когда я позвала его, его взгляд встретился с моим.

— Безумно красивая, — прошептал он, и мое сердце дрогнуло.

Он имел в виду меня. Не только то, как я выглядела, а всю меня.

— Я безумно красивая, потому что позволила тебе разобраться с моим отцом? — тихо спросила я.

— Ты безумно красивая, потому что ты из тех женщин, у которых есть доброе сердце, и оно не позволяет ей указать твоему отцу на дверь. — Он ухмыльнулся и закончил: — А я получил от этого несказанное удовольствие.

— Ты просто сумасшедший, — сказала я ему, но в словах не слышался сарказм, прозвучали даже нежно, и следовало признать, прозвучали даже мило.

— О да, я сумасшедший, — прошептал он, его глаза снова блуждали по моему лицу, и я напряглась, зная, что он имел в виду и это тоже.

Он был без ума от меня.

— Бенни, — выдохнула я, и он поймал мой взгляд.

— Ты должна накормить своего мужчину, Фрэнки.

Я посмотрела ему в глаза и решила позволить ему поиграть в эту игру.

Позволила, потому что он был Бенни.

Я делала это для себя, потому что мои шкафы не были пустыми. Они лопались от продуктов. У меня было двенадцать разных видов картофельных чипсов, и я планировала приготовить угощение для своего мужчины, чтобы показать ему, как сильно я его ждала.

Когда мы добрались до кухни, и я выложила (стейки, тушеные грибы, запеченный картофель с начинкой, спаржу на пару, булочки «Пиллсбери кресент» и купленный в

магазине, но все равно потрясающий, пирог с кремом на десерт), Бену понравились мой план на ужин.

Но он все время жевал чипсы барбекю, пока я готовила, на что сказала ему, что нахожу это раздражающим.

Хотя не находила.

Потому что сама находилась в зоне женской влюбленности.

Так что я тоже была сумасшедшей.

16

Каким чудом она стала

Я взяла со скамейки свою сумку для тренировок в раздевалке корпоративного спортзала и нажала кнопку «Вызов» на своем телефоне.

Вышла из раздевалки, затем из спортзала, услышав звонок телефона.

Я получила голосовое сообщение, пока ждала лифт.

— Ты достала меня. Теперь скажи мне, зачем я тебе понадобилась, — прозвучало мне на ухо голосовое сообщение моей сестры Кэт, которую я слишком хорошо знала.

Как только прозвучал звуковой сигнал, я заговорила:

— Я достаю тебя, потому что звонила тебе миллион раз за последний месяц, звонила тебе семь миллионов раз до этого, а в ответ тишина, Кэт. В нашей семье что-то происходит, Энцо сказал, что он тоже не может до тебя дозвониться. Может что-то случилось, папа не разговаривает со мной, я не разговариваю с ним, не знаю, разговаривала ли ты с ним. Есть кое-что, что тебе нужно знать, но ты не отвечаешь на мои звонки, я начала волноваться. — Двери лифта со свистом открылись, и я закончила словами: — Позвони своей старшей сестре, Кэт, пожалуйста.

Я отключилась, вошла в лифт и нажала на кнопку, думая, что моя сестра Кэт довела синдром среднего ребенка до крайности.

Конечно, у нее были основания так себя вести, хотя она поднимала этот вопрос каждый раз, когда ее чувства были задеты, что случалось довольно часто. В ее случае, когда Энцо был любимчиком папы. У мамы была любимицей Нат. Я была старшей, поэтому относилась ответственно ко всем своим младшим сестрам и брату, не думая о том, что могла бы тоже обидеться из-за того, что не была любимицей своих родителей.

С другой стороны, все наши бабушки и дедушки считали меня крутой, вероятно, потому, что они были хорошими, любящими, понятия не имея, почему что-то пошло не так с Энцо и Нинетт, и смотрели на меня как на спасение, думая, что во мне они в конечном итоге приложили руку к созданию чего-то правильного и хорошего.

Конечно, всю свою жизнь я думала совсем по-другому. А эти мысли пришли ко мне в голову после того, как я стала встречаться с Бенни и он указал, что фамилия у меня может и Кончетти, но я была Фрэнки с самого рождения, потому что была самой собой.

Мой дедушка был непревзойденным Кончетти. Он был потрясающим. Он меня обожал, и был полный отстой, когда он переехал аж в Аризону (выбор, который увел его подальше от моей матери — не самого любимого для него человека), с дедушкой мы потеряли и Нану Кончетти, потому что она тоже была потрясающей.

В ряду отпрысков Кончетти, Кэт шла прямо за мной. Она работала в строительной компании и долгое время встречалась со своим мужем Артом, он тоже работал в этой компании. Арт даже умудрился проработать там более десяти лет, что было подвигом для любого, кто был связан с Кончетти.

Арт был очень горячий парень, а также очень вспыльчивый. Кэт также была вспыльчивой, и это означало, что они ссорились как сумасшедшие. Не помогало и то, что они оба не стеснялись, что были большими любителями выпить. Стоило им выпить, как Кэт и/или Арт становились слишком разговорчивыми и забавными, или раздражительными и вредными, доводя и то, и другое до крайности. В конце концов, было неприятно сталкиваться с тем и другим, потому что, если они были разговорчивыми и забавными, то не затыкались, и вы не могли вставить даже словечко, а это всегда раздражало.

Кэт, как и каждый член моей семьи, была склонна к трагедиям, и не было ничего неслыханного в том, что она могла затаить молчаливую обиду на целую вечность.

Но это было крайностью.

И я не врала по телефону — я волновалась.

Обе женщины Энцо-младшего родили — мальчика и девочку, и, хотя обычно это радостная новость, у моего брата все складывалось не очень хорошо. По мнению Энцо, они обе пытались заманить его в ловушку рождением детей, честно говоря, это звучало так, как будто одной из них это удалось. Другая, с которой я познакомилась, и она мне понравилась, обожала Энцо. В то время я сочувствовала ей, потому что она думала, что ее отношения с моим братом надолго, потому что Энцо произвел на нее такое впечатление.

Итак, одна разозлилась, что не получила Энцо, а в итоге родила ребенка и была полна решимости заставить его заплатить. Вторая вызывала у меня горечь во рту, и она была намного хуже.

Энцо находился в полной ж*пе.

Он прислал фотографии, малыши были очаровательными.

Двери лифта открылись. Я направилась к входу и чуть не остановилась как вкопанная, когда почувствовала вибрирующую атмосферу — вибрация несчастья гудела по всему этажу. Я медленно вошла в помещение, увидев сбившихся в кучу людей, нескольких директоров за закрытыми дверями офиса, почти у всех шок на лицах.

Что-то было не так.

Я подошла к столу своей помощницы Тэнди. Когда я остановилась, она подпрыгнула и подняла на меня глаза.

— Фрэнки, — поприветствовала она.

— Что случилось? — тихо спросила я.

— Пол Гартнер убит.

Я ошеломленно уставилась на нее, хотя понятия не имела, кто такой Пол Гартнер.

Поэтому спросила:

— Пол Гартнер?!

— Доктор Гартнер. Ученый. Исследования и разработки. Он был ведущим на «Генрикс»,

— сказала она мне.

«Генрикс» был новым продуктом для лечения высокого кровяного давления, который мы готовили к запуску. За неделю до этого Рэнди председательствовал на собрании команды, рассказав нам все об этом товаре.

Рэнди был взволнован до такой степени, что для парня, который нечасто бывал в хорошем настроении, а в остальное время был придурком, эта встреча получилась довольно-таки странной.

Она выглядела еще более странной, потому что его выступление показалось мне наигранным. После долгих лет тестирования, различных этапов испытаний, вложенных миллионов долларов, которые можно было бы спустить в унитаз на любом этапе, если бы продукт не сработал, восторг от того, что что-то новое, ультрасовременное, как сообщалось, очень успешное в борьбе с гипертонией, по моему мнению, не нуждалось в наиграннысти. Но следовало признать, что у меня сложилось не хорошее впечатление от встречи, но я была в компании не так давно и не присутствовала при запуске другого продукта, поэтому решила, возможно, так всегда вел себя Рэнди, когда ему нужно было быть в хорошем настроении по такому поводу.

Но все остальные директора и менеджеры на собрании команды переглядывались друг с другом, отчего чувствовала я себя не лучше после его выступления. Тогда я объясняла это тем фактом, учитывая, как многие избегали его, единодушные команды совпадало с моим мнением, что Рэнди был придурком.

Но смерть человека, стоявшего за этим новым продуктом, после той странной предстартовой встречи не очень-то меня обрадовала.

— Как это произошло? — Спросила я.

— Не знаю. Полиция ведет расследование. Они пришли и поговорили с мистером Барроу и мистером Бергером. Мистер Бергер немного меня пугает, но он вышел со встречи с полицией и обошел вице-президентов и директоров с таким видом, будто кто-то сказал ему, что его собаку только что переехала машина.

Его состояние понятно.

Я подозревала, что Трэвис Бергер был порядочным парнем. И также это было связано с тем, что, когда он добрался до того места, где сейчас находится в пищевой цепочке компании, он приложил все усилия, уговорив нашего президента и генерального директора Клэнси Барроу начать агрессивную охоту за головами и привлечь лучших биомедицинских ученых в отрасли. «Уайлер» заплатила целое состояние за подписание бонусов, опционов на акции и зарплат, чтобы продукты, которые в настоящее время тестируют эти ученые, и новые продукты, которые будут ими разработаны, будут лучшими на рынке.

Один из этих ученых внезапно умер, это означало, что мы потеряли огромные инвестиции. Что меня также не удивило, так это то, что Бергер вышел и поделился этой новостью. Я видела Клэнси Барроу лишь мимоходом несколько раз. Он произвел на меня странное впечатление. Он позволял Бергеру заниматься повседневными делами и почти всем остальным. Бергер был везде, он был агрессивен, целеустремлен и трудолюбив, Барроу, что удивительно для человека в его положении, был практически невидим, позволяя своему исполнительному вице-президенту быть лицом «Уайлер» на самых разных фронтах.

Конечно, был и другой способ взглянуть на это. Если бы что-то пошло не так, скорее всего, именно Бергер взял бы вину на себя, даже если бы не он был виноват в том, что пошло не так.

— Полиция выяснила, как это произошло? — спросила я Тэнди.

На секунду ей стало неловко, прежде чем она сказала:

— Подробности не обсуждаются, но я точно знаю, что в него стреляли.

Она также знала, что в меня стреляли, и я помнила то, что вспоминала каждый день примерно по пятьдесят раз на дню. Дело в том, что мне нравилась Тэнди. Она была

забавной. Она носила обалденную одежду. Была трудолюбивой и находилась на своем месте. Но также она была милой.

— Это ужасно, — указала я на очевидное.

— Да. Я была с ним не знакома, но все равно, это ужасно, — сказала она, ее глаза блуждали по полу офиса. Они вернулись ко мне, и она продолжила: — Материалы «Тенрикс» у тебя на столе. Челси принесла файлы, пока ты была в спортзале.

Что-то в этом совпадении заставило холодок пробежать у меня по спине, но я кивнула, пробормотав:

— Спасибо, — улыбнулась ей и отправилась в свой кабинет.

У меня был миллион дел, но после того, как я бросила свою сумку для тренировок, потянулась прямо к файлу «Тенрикс». Многого из содержания я не поняла, потому что речь шла о химии и биологии, нам сообщили, что кто-нибудь (хотя, очевидно, не доктор Гартнер) объяснит нам все подробно.

На чем я сосредоточилась, на макетах глянцевого брошюра, на которых большими красными буквами было оттиснуто «Преимущества». Я прочитала их, прочитала то, что «Тенрикс» обещал сделать.

И, зная, что Рэнди Бирман говорил то же самое на собрании команды, как ни странно, я не поверила ни единому слову в этих брошюрах.

Звонок моего телефона оторвал меня от файла «Тенрикс».

Я не стала отвечать, делая полмиллиона из тех миллионов вещей, которые должна была сделать, когда ближе к пяти мой телефон опять подал звуковой сигнал.

Я посмотрела на экран, взяла в руки и улыбнулась.

Это было сообщение от Бенни, в котором говорилось: «Думаю о тебе, детка. Позвони мне, когда вернешься домой с работы. Я возьму перерыв».

Прошло чуть больше месяца после сцены с папой.

К сожалению, в этом месяце я много ездила в командировки.

К счастью, одна из моих поездок была в Чикаго — богатая перспектива, поездка, основной целью, которой было поставить мою репутацию на место. Возможно, у него было больше опыта в фармацевтической области, чем у меня, но он был моим единственным представителем, который не только не превышал своих показателей, но и не выполнял их. Я продлила эту командировку, работая из дома Бенни три дня, а затем проведя с ним выходные.

Мне понравилось. Мне нравилось бывать у Бенни и играть в «дом», следуя схеме, которая включала в себя совместные выходные (он брал отгул) и его работу. Я не возражала, когда он уходил вечерами в ресторан. Я ходила в пиццерию с друзьями и видела его, или оставалась у него дома и ела овощи.

Но это было нечто большее.

Было не вполне нормальным то, что у нас было, когда я уезжала. Любые отношения — это кропотливая работа, но в дали друг от друга эта работа становилась тяжелее. Мне не нравилось уезжать от него и, когда он уезжал от меня, с каждым разом расставание становилось все труднее.

Когда я работала из дома Бенни, мне казалось это вполне нормальным. Его дом казался мне родным. Наш график был естественным. Как жизнь и проведение совместного времени любой среднестатистической пары. Мне нравилось. Я хотела такой жизни.

То же самое нельзя было сказать, когда Бен приезжал меня навестить.

Когда Бенни приезжал меня навестить, это определенно был визит. Не его возвращение домой. Неестественное. Ненормальное. Ничего, кроме удовольствия побыть с Бенни.

Мне нравилось проводить время с Бенни.

И все же я хотела большего.

В прошлом месяце Бен предпринял попытку нанести двухдневный визит в середине недели, чтобы не заставлять Мэнни или Винни работать на кухне в самые загруженные вечера — в выходные.

Все прошло не очень хорошо. В основном потому, что он приехал утром, когда я была на работе, и единственное, о чем могла думать весь день, находясь на работе, как бы побыстрее вернуться к нему домой. Пока я находилась в офисе, он коротал время у меня дома и тусовался с Кэлом и его женщиной, плюс с двумя девочками-подростками, планировавшими свадьбу вместе с беременной мамой.

Бен был отсрочкой для Кэла.

Что касается меня, Бен был в Браунсбурге, а я сидела в офисе, и мне это не нравилось, и то небольшое время (всего два дня), которое у нас было, и тот факт, что он едва ко мне приехал, как ему придется очень быстро уехать.

Другими словами, для меня это не работало.

Но моя проблема заключалась в том, что мне совсем не нужно, чтобы в моем резюме было написано, что я каждый год меняю работу. Любой здравомыслящий работодатель может не прямо сказал бы, но определенно дал понять, что не собирается тратить деньги и время на обучения сотрудника, который не отработает даже год. Так что я чувствовала, что по крайней мере мне придется еще шестнадцать месяцев потеть в «Уайлере».

Другая проблема заключалась в том, хотя Бен казался таким же разочарованным, когда я уезжала от него, он ни слова не говорил о нашем будущем, что оно может принести или возможно, нам придется как-то все планировать по-другому, чтобы вернуться к нормальной жизни. Это включало бы возможность проводить вместе больше нескольких дней в месяц, а затем такие несбыточные мечты, как свадьба, дети и семья.

Я точно не становлюсь моложе. На самом деле, до моего дня рождения оставалось несколько недель.

Бен тоже не молодец.

Я не знала, как затронуть эту тему. Если Бен был доволен тем, что у нас существовало на данный момент, после того, как я чуть все не испортила в самом начале, я определенно была не сильна в раскачивании этой лодки.

Но это не означало, что Бен даже не заводил разговор на эту тему, что начинало меня беспокоить.

Я не написала всего этого в ответную смс-ку ему, а написала только: «Хорошо, дорогой, я уйду через несколько минут».

И сосредоточилась на том, чтобы сделать как можно больше из того полумиллиона дел, которые мне необходимо было сделать, чтобы я могла вернуться домой и позвонить своему мужчине, провести с ним не длинный разговор, скорее короткий в его короткий перерыв, который определенно заставлял меня захотеть большего, затем в одиночестве поужинать, провести время в одиночестве и лечь спать тоже в одиночестве.

Одна.

Я была близка к завершению своих полумиллиона дел на сегодня, ощущая, что сделала на сегодня все необходимое, когда зазвонил мой телефон, и я увидела, что время на

компьютере показывало уже больше шести вечера. Другими словами, я потеряла счет времени, так «несколько минут», о которых говорила Бенни, не получились.

Скорее всего он волновался, и с этой мыслью я взглянула на экран телефона.

Мои брови сошлись вместе, когда я увидела на экране надпись — «Звонит Кира».

Я схватила телефон, приняла вызов и приложила его к уху.

— Привет, милая.

— Мама рожает!

Мое сердце сильно заколотилось в груди, и я вскочила со своего кресла.

— Прямо сейчас? — Спросила я.

— Да! — прокричала она, а затем пропела нараспев. — О Боже, о боже, о боже.

— Где ты? — тут же спросила я.

— Дома. Кейт, типа, сходит с ума! Звонил Джо. Они ходили ужинать, там все и случилось.

Он отвез ее в больницу. Мы должны привезти ее сумку. Нам нужно заправиться, потому что Кейт говорит, что у нее почти закончился бензин. И мы должны позвонить всем.

— Замолчи, — прервала я. — Кейт в состоянии тебя подвезти?

— Мы должны ехать! — взвизгнула она. — А мне нужно сделать около семи миллионов звонков.

Я поспешно выключила свой компьютер.

— Не выходите из дома, Кира. Я приеду и заберу вас обоих.

— У тебя двухместный автомобиль, — отметила она.

— Мы возьмем «Мустанг» Вай.

— О, точно, — пробормотала она.

Я продолжала собирать всякое барахло с собой, пока говорила:

— Послушай меня. Ты меня слушаешь?

Ее голос звучал так, словно она задыхалась, когда сказала:

— Я слушаю.

— Возьми ключи от машины твоей мамы. Убедитесь, что у нее в сумке есть все необходимое для нее и Анджелы. Захвати бутылки с водой и чего-нибудь перекусить, потому что нам, вероятно, придется там подождать. Звони кому хотела. Глубоко вдохни. Я буду у вас, как только смогу.

Я мчалась по почти безлюдному этажу к лифту, когда Кира ответила:

— Тебе понадобится вечность, чтобы добраться к нам.

— Чтобы ребенок появился на свет, тоже требуется какое-то время, милая. Просто постарайся сохранять спокойствие. Я приеду так быстро, как смогу, и мы поедем в больницу к твоей маме и Кэлу.

— Хорошо, Фрэнки.

— В сумке Моуди нет ночных рубашек! — Услышала я из телефона, как Кейт издали завизжала Кире.

Я вошла в лифт и улыбнулась.

С Беном в Чикаго и Кэлом, Вайолет и девочками, единственными близкими друзьями, которые у меня были, я проводила время. Ужины у них дома, ужины у меня, ужины в ресторане «Фрэнк» в городе. Это было единственное, что удерживало меня в здравом уме, находясь вдалеке от Бенни и всего родного.

И во время ужинов я лучше узнала семью Винтерс–Каллахан.

И теперь я знала, что Кейт обычно уравновешенная, в данный момент потеряла самообладание, потому что ее мама в данный момент собиралась подарить ей еще одну сестру.

— Что ж, купи ей! — крикнула Кира в ответ.

— Кира, милая? — Позвала я.

— Да, Фрэнки? — спросила она.

— Дыши глубоко. Спокойно. Все будет здорово. Это будет потрясающее событие. Происходит что-то прекрасное. Да?

Я услышала прерывистое дыхание, сопровождавшее ее «Да».

— Скоро буду, — пообещала я.

— Хорошо. Скоро увидимся, Фрэнки.

— Пока, милая.

— Пока, Фрэнки.

Я отключилась от звонка. Лифт открылся. Я ворвалась внутрь, нажала кнопку парковки, нижнего этажа, и когда двери закрывались, не стала смотреть последние новости в соцсетях. А набрала номер Бена.

— Привет, детка, — поприветствовал он.

— Вай прямо сейчас рожает Анджелу, — сообщила я ему.

Последовало молчание, прежде чем он спросил:

— Что ты сказала?

— Вай... рожает... Анджелу прямо сейчас! — Я сама была близок к тому, чтобы завизжать, когда закончила.

— Господи, это чертовски здорово, — ответил Бен.

— Э-э... да, — согласилась я. — Я поеду за девочками. Не хочу, чтобы Кейт вела машину, они очень взволнованы. Я не хочу, чтобы она садилась за руль.

Последовало еще одно молчание, на этот раз веское, прежде чем он прошептал:

— Моя Фрэнки.

— У меня сейчас нет времени, чтобы быть милой, Бен. У меня есть время только для того, чтобы ты сказал мне, что приедешь так скоро, как только в человеческих силах.

В его голосе прозвучала улыбка, когда он ответил:

— Я приеду так скоро, как только в человеческих силах.

— Потрясающе, — прошептала я, когда двери открылись.

— Езжай аккуратно с девочками, — приказал он.

— Я так и сделаю.

— Ладно. Люблю тебя, детка.

Я остановилась как вкопанная в своем безумном рывке к своей Z.

— Пока, — закончил он.

— Э-э... пока, Бенни.

Он отключился.

А я стояла, застыв на месте.

«Люблю тебя, детка».

О мой Бог.

«Люблю тебя, детка».

О боже мой!

Бен говорил, что он никогда не любил женщину.

А теперь он только что сказал мне, что любит меня.

Меня не волновало, что охрана видела на мониторах и справедливо подумала, что я сумасшедшая, то, что я сделала дальше.

Кэл и Вай ждали сию минуту появления своего ребенка.

А Бенни Бьянки любил меня.

Я издала боевой клич вместе с прыжком чирлидерши с откинутыми назад ногами. На шпильках. Держа свой телефон, сумку с компьютером, сумочку, перекинутую через плечо. Прямо как женщина в рекламе, которая успешно пережила свой напряженный рабочий день в качестве руководителя, фактически не потея.

К счастью, я твердо приземлилась на шпильках.

Затем побежала к своей Z.

* * *

Я сидела в приемной родильного отделения региональной больницы Хендрикса.

Рядом со мной сидела взвинченная, нервничающая Кейт.

Напротив меня сидел мужчина, который представился как Пит Райли, отец Вай. Он не так давно приехал из Чикаго.

Кира стояла и покачивала на руках спящего младенца по имени Джек.

Ребенок принадлежал двум другим людям, которые находились здесь же. Кейт представила их как «Колт и Феб», и я узнала их, потому что Вай рассказывала о них как о своих соседях, хотя я с ними не встречалась (до сих пор).

Я также узнала их, потому что некоторое время назад они были во всех новостях, когда серийный убийца устроил резню во имя Феб. Понятное дело, что она никому не желала смерти, а также того внимания, которое вызвало это событие, поскольку этот маньяк убил множество людей и покончил с собой. Но, тем не менее, в жизни случается всякое дерьмо, и приходится с ним справляться.

В случае с Феб она справилась с этим дерьмом, наконец-то выйдя замуж за своего горячего парня, возлюбленного еще со школы, а именно Колта, родив ему ребенка.

Здесь же присутствовала еще одна женщина. Ее звали Шерил. У нее было много светлых волос, она демонстрировала много открытой кожи, а той, которую не было видно, все равно существовал намек, так как все, что на ней было надето, было облегающим, а у нее был большой бюст. Она мне сразу понравилась, и я пожалела, что не будет такой возможности, когда я смогла бы познакомить ее с Нэт (если я когда-нибудь снова начну с ней общаться), возможно она смогла бы вдохновить мою сестру к чему-то другому, не позиционировать себя шлюхой, например.

С ней же был и ее сын Итан, который уже давно заснул в кресле, наклонившись вбок, опираясь на Колта, обнимая этого парня одной рукой.

Колт и Феб принесли огромный баскет из KFC. Шерил принесла «все, что у них осталось» из «Мими», офигенной кофейни на Мейн-стрит в Браунсбурге, которую я открыла для себя пару недель назад. Это означало изобилие печенья и брауни.

Таким образом, закуски, которую принесли Кейт и Кира, оказались ненужными.

Были сделаны звонки, и в конечном итоге должно было прибыть еще несколько человек. Прежде чем у меня появился шанс, Кира позвонила Винни и Терезе. Они также (как ни странно, на мой взгляд) позвонили родителям покойного первого мужа Вай, которые, по-видимому, были близки с новой семьей Вай, включая Кэла. Не говоря уже о том, что они позвонили своему дедушке, который, не теряя времени, добрался сюда, и множеству других людей, о чем свидетельствовало присутствие здесь Колта, Феб, Джека, Шерил и Итана.

Так что все было в порядке.

Вот только никаких вестей по поводу родов Вай.

Мы получили новую информацию, предоставленную нам Колтом, полицейским, как только он прибыл, когда мы прождали больше часа, а нам ничего не сообщали. Он показал свой значок, и мы узнали, что у Вай отошли воды во внедорожнике Кэла, и все происходило быстро. Быстро, так как по прибытии «все раскрылось». Намек на то, что события будут продолжать развиваться очень быстро.

Но это было несколько часов назад.

— Это нормально? — тихо спросила Кейт рядом со мной, и я увидела, как голова Киры резко повернулась, когда Кейт задала вопрос.

Я потянулась и взяла ее за руку.

— Да, милая.

— Кажется, это занимает много времени, — отметила она неуверенным и дрожащим голосом.

— Такое случается, — ответила я ей.

— По телевизору люди могут навестить роженицу примерно... через целую вечность, прежде чем она родит, — сообщила она мне.

Это было правдой, и сейчас все происходило не по телевизору.

Я не стала этого говорить Кейт.

А сказала:

— Все дети разные, так и все рождаются по-разному. Иногда роды занимают много времени.

— Мне это не нравится, — прошептала она, и я сжала ее руку.

— Все будет хорошо, — сказала я ей, не сводя глаз с Киры, но внезапно Феб зашевелилась, быстро встала и направилась прямо к Кире.

Моя голова повернулась в ту сторону, когда я почувствовала движение и поняла, почему Феб пошла забрать своего сына у Кейт.

Кэл в халате и маске направлялся в нашу сторону.

Он выглядел изможденным, мое сердце пропустило удар, но он даже не успел полностью остановиться, хрипло объявив:

— Вай в порядке. Энджи все хорошо. Все здоровы.

Кейт вскочила со своего места и почти одновременно с Кирой сделали все возможное, чтобы сбить Кэла с ног, врезавшись в него со всей силы. Но Кэл был большим, сильным парнем. Он покачнулся, но устоял на ногах.

Именно тогда я получила один из тех неожиданных, но ценных подарков, которые может преподнести жизнь, наблюдая, как Кэл заключает обеих девочек в свои длинные, крепкие объятия, наклоняет свою темноволосую голову и целует их в волосы, бормоча:

— Энджи потребовалось некоторое время, чтобы захотеть присоединиться к нам, но теперь все хорошо, детки.

Я услышала сдавленный всхлип Кейт, но Кира просто теснее прижалась к Кэлу.

Я встала вместе со всеми остальными, мы подошли, но не близко, давая им возможность на мгновение прижаться друг к другу.

— Вы хотите увидеть своих маму и сестру? — спросил Кэл девочек, полностью сосредоточившись на них. Больше никого не существовало во вселенной (кроме, конечно, Вай и его рожденной дочери).

— Да, — неуверенно ответила Кира.

— Конечно, — хрипло произнесла Кейт.

Наконец, его взгляд упал на собравшуюся толпу, и он пробормотал:

— Скоро вернусь.

Он переместил девушек, повернул их и повел в том направлении, откуда пришел.

Я смотрела, как они уходят. Затем одарила радостной улыбкой людей, которых едва знала, которые так же радостно улыбались мне в ответ, я направилась прямо к своей сумочке.

Достала телефон и позвонила Бенни.

Только когда я услышала его глубокий, непринужденный, сладкий голос, говорящий:

— Сообщай хорошие новости, детка, — я расплакалась.

Но мои слезы были радостными.

* * *

Бенни припарковался на месте для гостей Фрэнки, выключил мотор «Эксплорера» и выскочил, поворачивая к квартире Фрэнки, только чтобы увидеть, как она спешит ему навстречу, с развивающимися волосами, вечернем макияжем, милая, в ярко-оранжевом сарафане, открывающем декольте, в сексуальных босоножках на высоком каблуке. Она несла огромную корзину, покрытую целлофаном, с массивным розовым бантом, казалось, что корзина была заполнена гигантской горой детской одежды, всей розовой. Она неловко держала ее сбоку.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не одевалась так на работу, — заметил он, как только она оказалась в десяти футах от него.

Она посмотрела на него.

Прошло два дня, как у Вай родилась Анджела. Два дня — слишком долгий срок для Фрэнки, которая так хотела, чтобы он как можно быстрее к ней приехал. Но у Вай родилась Энджи во вторник, поэтому он ждал четверга, когда сможет провести со своей женщиной долгие выходные.

Но его родители первыми отравились и покинули Браунсбург, этим утром вернулись в Чикаго, чтобы помочь в ресторане, пока Бена не будет. Его папа с трудом смог увезти Терезу от Анджелы, потому что, как сообщил непосредственно Кэл Бенни «Можно подумать, что Тереза сама ее родила, так сильно она над ней кудахтала».

Бен расценил это как, что Кэлу не хватает времени побыть только со своей женщиной и девочками, особенно с новорожденной.

Сейчас было около шести часов, Фрэнки в этот день закончила работу, и Бенни приехал до выходных.

На три дня.

Все еще не сводя с него взгляда, Фрэнки приказала:

— Возвращай свою задницу в свой внедорожник. Мы прямо сейчас едем к Кэлу и Вай.

— Не как я рада тебя видеть с браунсбургским поцелуем? — спросил он, когда она повернула к пассажирской двери.

Ему не нравилось, когда она начинала командовать, не давая ему того, что он хотел.

Вместо этого она открыла заднюю дверь его машины, поставила корзину на сиденье, захлопнула дверцу и забралась прямо на переднее сиденье рядом с ним.

Он наклонился на водительском сиденье и повернулся к ней, чтобы точно сказать, что он чувствует, что она не поздоровалась. В ту минуту, как только он повернулся к ней, она обхватила его голову руками, притянула к себе и прижалась к нему в горячем, влажном поцелуе.

Потом оторвалась от него, но не отпустила его голову, прошептав:

— Добро пожаловать в Браунсбург, Бенни.

Он ухмыльнулся ей и ответил:

— Именно так мне нравится, Фрэнки.

Что-то еще более безумно красивое, чем та безумно красивая, какой она всегда была, зажглось в ее глазах, прежде чем она продолжила шептать:

— Она такая красивая, ты даже себе не представляешь.

Он знал, что дочь Кэла должна быть безумно красивой, и ему стало интересно, когда у Фрэнки родятся дети, насколько более безумно красивыми они будут.

— Тогда отпусти меня, детка, чтобы я мог с ней познакомиться, — прошептал он в ответ.

Она ухмыльнулась и отпустила его.

Бен повернулся к рулю, завел мотор и включил передачу.

Он уже собирался нажать на газ, когда она заявила:

— Кстати, этот подарок от нас с тобой.

— Хорошо, учитывая, что я не буду покупать ничего девчачьего, детка. Когда у них появится мальчик, я приму участие. Хотя, говоря приму участие, не собираюсь мотаться по магазинам. Все будет происходить следующим образом: ты мне позвонишь, получишь мое одобрение, прежде чем что-либо купить.

На это он получил молчание, и это молчание длилось до тех пор, пока он не оказался у ворот ее комплекса.

Поэтому он позвал:

— Фрэнки?

Ее голос был мягким, когда она сказала:

— Договорились.

Он остановился, чтобы свернуть на главную дорогу, поэтому повернул голову и посмотрел на нее.

Ее взгляд был направлен в сторону, но он увидел ее улыбку. Ему нравились все ее улыбки, но эта нравилась ему больше всего. Эта улыбка давала ему понять, что у нее есть секрет.

И секрет был хорошим.

Но у Фрэнки не было никаких секретов, кроме тех, что похоронены глубоко внутри нее, благодаря ее чокнутой семье.

— Что у тебя на уме, сага? — спросил он, и она посмотрела на него.

— Я просто рада, что ты приехал, Бенни.

Дело было не в этом, что он приехал, но он согласился с ее игрой. Ему нужно было встретиться с двоюродным братом, и он проголодался. Но также он знал, что она расскажет ему потом, когда будет готова.

Поэтому он просто улыбнулся ей в ответ, посмотрел по сторонам и свернул на дорогу, когда не было других проезжающих машин.

Он припарковался на подъездной дорожке Кэла и Вай, вышел и обошел машину, чтобы взять корзину. Он держал ее в одной руке, руку Фрэнки — в другой, и они направились к входной двери.

Фрэнки постучала, но едва она убрала руку от двери, как дверь открылась, на пороге стоял Кэл с рукой, согнутой в локте, на которой лежал маленький сверток в крошечной светло-зеленой шапочкой на голове, ее детское тельце было туго завернуто в мягкое розовое одеяльце.

Секунду Бенни не мог пошевелиться. Он не первый раз видел, как его двоюродный брат вот так держит ребенка. Последний раз это было почти два десятилетия назад, он держал маленького Ники, красивого мальчика, вокруг которого, Бен был почти уверен, что Кэл убедил себя, вращается весь мир. Прекрасный малыш, которого бывшая жена-наркоманка Кэла утопила в ванне.

Его взгляд переместился с Анджелы на Кэла, и он прошептал:

— *Cugino*. (*Cugino* – кузен, итал. Прим. Пер.)

Кэл ухмыльнулся такой улыбкой, какой Бен никогда раньше у него не видел. Хотя видел. Такую улыбку он видел, когда его отец смотрел на его мать. Такую улыбку он несколько раз видел у Мэнни.

Это была улыбка человека, довольного тем, что у него есть все.

— Тащите свои задницы в дом, — заявил Кэл в качестве приглашения и отодвинулся от двери.

Бен затащил Фрэнки внутрь, и к нему сразу же обратилась Кира, а затем Кейт. Кира забрала у него корзину после того, как обняла Фрэнки. Кейт обняла Франческу, а Бен подошел к Вай, лежащей на диване.

— Я бы встала, но у меня был довольно долгий день, — объяснила Вай, поднимая руки, чтобы обвить ими его плечи, когда он наклонился к ней, чтобы коснуться губами ее щеки и обхватить ее руками для быстрого, легкого пожатия. — Тереза и Винни уехали, а Джо практически вышвырнул папу вон. Мне пришлось вмешаться. — Она понизила голос. — Джо не знает, но папа остановился в отеле у шоссе, предоставив нам немного личного пространства.

— Тебе не обязательно вставать ради меня, я не скажу ему ни слова, — произнес он ей на ухо и выпрямился, чувствуя, как ее руки соскальзывают, когда он отпустил ее, улыбаясь ей сверху вниз, пока она улыбалась ему в ответ.

И это был взгляд женщины, у которой тоже было все, она потеряла большую часть этого и обнаружила, что у нее снова все появилось.

Затем он повернулся к Кэлу.

— Хочу познакомиться со своей кузиной.

Кэл подошел к нему и остановился в двух футах. Он посмотрел сверху на дочь и сказал:

— Энджи, это Бенни. — Затем посмотрел на Бена и закончил: — Бен, моя малышка Энджи. Бенни подождал и начал посмеиваться, когда его двоюродный брат просто стоял и не предлагал ему подержать ребенка.

— Ты позволишь мне подержать ее? — спросил он сквозь смех.

— А ты знаешь, как держать ребенка? — переспросил Кэл в ответ.

— Э-э, да. У Карм трое, и когда-то все они были младенцами.

Кэл колебался. Бен перестал хихикать и начал смеяться, услышав, как к нему присоединились четыре женщины.

Кейт протиснулась к двум мужчинам и взяла руководство на себя, мягко забрав Энджи у Кэла и повернувшись вместе с ней к Бенни.

— Это малышка, моя сестренка, — заявила она, передавая Энджи Бенни.

Бен обхватил ее обеими руками, прижимая к своей груди. Ее рот был поджат, а глаза лениво открылись, затем закрылись, Бен прижал ее к себе.

Глядя на нее сверху, он увидел, что Фрэнки оказалась права. Она была красивой, он даже не мог себе представить насколько.

— Я принесу тебе пива, Бенни, — произнесла Кира, затем спросила: — Фрэнки, хочешь, Джо откроет вина?

— Это было бы здорово, милая. — Услышал он ответ Фрэнки, подходя к креслу и садясь.

— Джо, это намек для тебя, чтобы ты принес Фрэнки вина, — подсказала Кира, и Бен поднял глаза, увидев, как Кэл хмуро смотрит на него сверху вниз, расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Со мной она в полной безопасности, *cugino*, — заверил он своего кузена, сдерживая улыбку.

— Он так ведет себя со всеми, — заявила Кейт, садясь у ног матери, быстро поднимая их и кладя себе на колени. — Я думала, он хорошенько врежет дедушке, когда тот взял на руки Энджи.

Бен мог в это поверить. Не потому, что Кэл до безумия готов был защищать свою новорожденную дочь. Поскольку Кэл до безумия заботился о своем сыне, он был человеком, который серьезно относился к защите своих близких, но он потерял Ники, когда его не было рядом.

Бен полагал, что любому, кто окажется рядом с Энджи, придется сначала иметь дело с Кэлом, получив его одобрение.

— Джо, я могла бы открыть бутылку вина, — предложила Кира.

Тело Кэла дернулось, и он повернулся в ее сторону.

— Хорошо, Кира.

Бен перевел взгляд со своего двоюродного брата на Вай и тихо сказал:

— Ты проделала хорошую работу, милая.

Она гордо ухмыльнулась, ее глаза опустились на свою дочь на руках Бена, прежде чем она снова посмотрела на Бенни и заявила:

— Я знаю.

Бен многозначительно посмотрел на своего двоюродного брата с дочерью Вай и снова на Вай, прежде чем повторил:

— Ты проделала отличную работу, милая.

Ее лицо смягчилось, а улыбка стала милой, и она снова повторила:

— Я знаю.

Бен улыбнулся в ответ, прежде чем откинуться на спинку кресла и обратить свое внимание на младенца, которую держал на руках.

Он почувствовал, что Фрэнки села на подлокотник его кресла, и ему не пришлось поднимать голову, потому что она наклонилась. Он почувствовал запах ее волос, ее духов и почувствовал, как ее грудь прижалась к его руке, когда она приблизилась и посмотрела на Анджелу.

Она повернула голову, и ее глаза встретились с его.

— Что я говорила? — тихо спросила она, ее глаза были такими теплыми, что он мог чувствовать их нежность своей кожей.

— Такая красивая, что я даже не представляю, — ответил он.

Она улыбнулась.

Затем наклонилась еще ниже и поцеловала маленькую шапочку Энджи. Она придвинулась и поцеловала Бенни в подбородок. После этого села, повернулась к Вай и спросила:

— Что у нас на ужин и чем я могу помочь?

— «Шанхайский салон», — ответила Вай. — Мы ленимся готовить.

— Идеально, — ответила Фрэнки.

— Я принесу меню! — воскликнула Кейт, сняв ноги матери с колен и бросившись на кухню. Вошла Кира с бокалом вина, передав его Фрэнки, бутылку пива поставила на подставку на столе рядом с Беном.

И тогда Кэл направился к своей женщине, не сел у ее ног. Как будто она была хрустальной, он взял ее на руки, развернул, сел и усадил ее к себе на колени, она облокотилась на грудь Кэла, он обнял ее за талию.

Голова Вай естественно опустилась ему на плечо, и ее взгляд упал на Бена, держащего ее дочь.

Глядя на Кэла с Вай, держа на руках результат любви, которую он видел на диване, Бен снова посмотрел на Анджелу, задаваясь вопросом, узнает ли она когда-нибудь каким чудом она стала для этой семьи.

Он задавался этим вопросом.

Но надеялся, что не узнает.

* * *

Бен почувствовал, как каждый мускул в его теле превратился в камень.

Каким-то образом, однако, ему удалось заставить свой рот двигаться, тихо и медленно спросив:

— Что?

Фрэнки рядом крутилась на кухне. Была суббота, утро, они только что вернулись из пекарни, заведения под названием «Хиллигосс». В заведении, которое делила Вай, были лучшие пончики, пожалуй, где-либо в мире. Место, куда Фрэнки часто водила Бенни, когда он приезжал повидаться с ней.

Он съел несколько вкусных пончиков, но Вай была права. «Хиллигосу» стоило подумать об открытии второй пиццерии «Винни и Бенни» прямо по соседству.

В данную минуту Фрэнки открывала белую коробку, в которой лежала дюжина пончиков, которые они должны были заглотить в ближайшие два дня, сожалея, что больше нет.

Она также рассказывала:

— Я знаю. С ума можно сойти. Убийство. Убит в своем собственном доме. Выстрелом прямо в голову.

У Бена было не хорошее предчувствие по этому поводу, главным образом потому, что у него никогда не было хорошего предчувствия по поводу убийства.

У него также было нехорошее предчувствие от ее новости, потому что Фрэнки только что сообщила ему, что сотрудник ее компании был убит, а Фрэнки, как магнит, притягивала к себе неприятности. Именно она безумно следовала за какими-то головорезами, похитившими трех человек в другом штате, именно она.

И привлекала она к себе неприятности, даже ничего не делая, а просто дыша.

Люди проживали жизнь, скажем, их бойфрендов не убивали. Самих не подстреливали. И работая в крупной фармацевтической фирме, никто у тех нормальных среднестатистических людей не получал пулю в лоб.

Фрэнки же собрала все три неприятности, которые с другими нормальными людьми просто не могли бы случиться.

И еще кое-что.

— Дело в том, — продолжила Фрэнки, — что у меня странное предчувствие.

От этих слов Бенни не почувствовал себя лучше.

— Странное предчувствие по поводу чего? — спросил он, доставая из коробки пончик в сахарной пудре с шоколадным кремом и протягивая ей.

— Доктора Гартнера убили.

— Детка, его убили. У любого бы это вызвало странное предчувствие.

Она откусила кусочек, прожевала, проглотила, он потянулся за глазированным пончиком, когда она продолжила.

— Он был ведущим разработчиком крупного продукта, который мы готовы выпустить на рынок. Какое-то время о его разработках вообще молчали. Хотя разработали упаковку, брошюры, листовки. Организовали предпродажные показы и переговоры через представителей. Разное барахло вроде этого. Но его босс, большая шишка в области исследований и разработок, вызывает у меня мурашки по коже.

И Бен снова не почувствовал себя лучше.

— Каким образом он вызывает у тебя мурашки по коже? — спросил он, откусывая пончик.

Она подошла к кофеварке, начала наполнять чашки, которые оставили на прилавке, отправившись за пончиками, делая это одной рукой, а другой держа свой пончик в воздухе, говоря:

— Он мудака.

Тело Бена снова напряглось.

— Мудака, в каком смысле?

Она посмотрела на него.

— В каком смысле может быть мудака? Просто придурок.

— Он ведет с тобой как мудака?

— Не совсем. Он просто широко проявляет свою мудацкую сущность.

— И поэтому он мудака... — Бенни замолчал.

— Не знаю, — заявила она, забирая кружку и ставя перед ним, где он стоял у барной стойки, отделявшей кухню от обеденной зоны. Она поставила свою кружку на стойку рядом. — Все это просто вызывает у меня странное предчувствие. Он полностью поглощен этим продуктом, как и должно быть. Фармацевтические компании вкладывают кучу денег в разработку, поэтому, конечно, хотят получить качественный продукт, чтобы выбросить его на рынок и, наконец, заработать на нем деньги. Но у меня... — Она покачала головой, подняла свою чашку, сделала глоток, поставила ее на прилавок и поймала его взгляд. — Странное предчувствие.

— Ты имеешь какое-то отношение к этим разработкам и этому парню-мудаку?

— Не совсем.

— Не имей ничего общего с этой разработкой и с этим придурком, — приказал Бен.

Ее глаза сузились, и она заявила:

— Я обязана с ним работать, Бен.

— Хорошо. Я все понимаю. Но держись от всего этого подальше. Держись подальше от разговоров об этом убитом. Не во что не ввязывайся. Делай свою работу. Пусть все, что случилось, уляжется.

Ее глаза оставались прищуренными, когда она ответила:

— Я вроде бы так и собиралась поступить.

— Убери из своей фразы «вроде как», и будет все отлично.

— Бенни! — рявкнула она.

— Детка, ты, убийство и мудаки... не очень хорошее сочетание. Это дело не имеет к тебе никакого отношения. Так позволь там событиям развиваться так, как они должны развиваться с этой историей, которая не имеет к тебе никакого отношения.

— Эта история не имеет ко мне никакого отношения, Бен. Ходят слухи, что стрелок был профессионалом. Очевидно, парень связался с кем-то ради денег или разозлил кого-то, чего ему не следовало делать. Я имею в виду, это шокирует, но дерьмо случается. Это не имеет ко мне никакого отношения.

— Пусть так и остается.

При этих словах ее брови взлетели вверх.

— Я вряд ли собираюсь начинать свое собственное любительское расследование.

— Хорошие новости.

— Бенни! — рявкнула она, на этот раз громче.

— Сара, этого парня убили, а он работал в твоей компании. Моего брата тоже убили. Мою женщину ранили. Ты живешь в Браунсберге. Я живу в Чикаго. Мне нелегко присматривать за тобой так, как мужчина должен присматривать за своей женщиной, и понятное дело, что мне это не нравится. Когда твоих коллег убивает профессионал, мне это действительно не нравится. Дай мне в этом случае небольшую поблажку, ладно?

Она свирепо посмотрела на него и объявила:

— И это еще один раз, когда твоя заботливость обо мне раздражает.

Он ухмыльнулся, сделал выпад рукой, схватил ее за шею сзади и притянул к себе, она врезалась в его тело.

К счастью, она поставила свою кружку на прилавок.

Также, к счастью, она откинула голову назад, чтобы высказать что-нибудь умное, так что у него была цель, и он прицелился.

Его язык скользнул по ее губам — пончик, кофе и Фрэнки. Понимая, несмотря на то, что он трахнул ее до пончиков и кофе, он снова хотел ее.

На коленях.

Трахнуть ее рот.

Потом взять ее киску.

Поэтому он приказал:

— Доедай свой пончик. Я в настроении трахнуть тебя снова.

Ее глаза расширились, тело растворилось на его груди, но ее губы сказали:

— Такой раздражающий.

— Мы могли бы провести день у бассейна, — предложил он.

— Раздражающий.

Он ухмыльнулся.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя.

Она сверкнула глазами и рявкнула:

— Раздражаешь!

Его рука сжалась на ее затылке, и он приблизил свое лицо к ее лицу.

— Ты этого хочешь.

— Бенни, из-за тебя у меня теперь пончик не лезет в горло, — поделилась она.

Он прижался губами к ее губам и прошептал:

— Заканчивай быстро есть, детка. Я хочу, чтобы ты опустила прямо здесь на кухне на колени и взяла мой член в рот.

И снова ее глаза расширились перед тем, как ее веки опустились.

С тех пор как он сказал ей о ее превосходном минете, в постели теперь не существовало ничего, что могло бы смутить его Фрэнки. Она была готова на все, без каких-либо проволочек.

Теперь, когда ее раздражение исчезло, сладкое удивление сменило, когда она спросила:

— У тебя стояк?

— О да.

Она скользнула рукой по его паху, а он прикоснулся языком к ее нижней губе.

— Я могу съесть пончик позже, — заявила она и подтвердила это, положив его на стойку.

Бен тоже мог съесть свой пончик позже, зная, что он это сделает, когда Фрэнки опустилась перед ним на колени, расстегнула его ширинку, вытацила член, не колеблясь ни секунды, глубоко взяла его.

Голова Бена откинулась назад от восхитительного ощущения сладостного притяжения, когда она отодвинулась, выпустив его изо рта, и еще более сладостного скольжения, когда взяла его снова.

Он опустил глаза, наблюдая за ней, и это продолжалось недолго, прежде чем запустил пальцы в ее волосы с обеих сторон, откидывая их назад, а затем накрутив на руку.

Она ухватилась руками за его бедра, пока он смотрел на нее. Он трахал ее в рот, сначала медленно, но услышав ее первый стон, вибрирующий на его члене, он ускорился. Наконец, увидел, как ее тело задвигалось в его ритме, поднимаясь и опускаясь на коленях, будто она оседлала его член своей киской при каждом его движении вперед, и он знал, что ей это нравится почти так же сильно, как и ему, когда он заметил, как ее рука потянулась вниз к трусикам.

Именно тогда он отстранился, наклонился, рывком поднял ее и прижал передом к кухонной стойке.

— Малыш, — выдохнула она.

Он задрал ее юбку платья, опустил трусики до колен. Она раздвинула ноги и приподняла попку.

Черт, Фрэнки. Готовая. Желаящая его. Скорее всего, она была такой мокрой, что промокли даже трусики.

Он вошел.

Полностью мокрая.

Черт.

Фрэнки.

Он продолжал входить в ее влажную, тугую киску, наклонившись над ней, положив руку на стойку и прижавшись грудью к ее спине, лицом к ее шее, вдыхая ее запах, чувствуя ее шелковистые волосы, трахая ее, слыша ее вздохи и хныканье, весь его мир был сосредоточен на его женщине.

Она изогнулась, прижавшись к его груди, ее бедра к нему, простонав:

— Бенни.

Он скользнул рукой по ее животу, вниз, нашел клитор.

— Бенни, — выдохнула она, ее тело дернулось, рука переместилась, накрыв его руку на стойке, ухватившись за нее.

Он согнул колени и сделал глубокий вдох.

Ее шея изогнулась, спина выгнулась дугой, ее влагалище сжалось вокруг его члена, и она закричала кончая.

Он убрал палец с ее клитора, обхватил рукой живот, удерживая ее неподвижно, вошел глубже.

Она захныкала, крепко сжимая его своей киской, подводя к экстазу. Он зарылся лицом в ее шею, вырвался стон, прижимаясь к ее спине.

Он продолжал врезаться в нее, скользя рукой по низу ее животу и внутрь, обхватывая, чувствуя, как его член медленно входит и выходит, чувствуя какой она была мокрой. Черт, он не видел ее лица, но все, что получал от нее, было безумно красивым.

Она скользнула рукой вниз по его предплечью, запястью, затем накрыла его руку между своих ног, слегка удерживая там, но переместив указательный палец, чтобы она могла провести им по его члену, когда он вытаскивал его и снова вводил внутрь.

Он глубже зарылся лицом в ее шею.

Наконец, он вывернул свою руку, убирая ее руку между ног, и выскользнул наружу. Он выпрямился, положил руки ей на бедра и повернул ее лицом к себе. Он задрал ее трусики и спустил эластичную юбку до ее чертовски сексуального, накинутого-как-будто-ничего-не-было, прямо-со-страниц-журнала обтягивающего черного платья.

Он выпрямился, прижимаясь губами к ее губам, ее руки вцепились в пояс его джинсов, когда он это сделал.

Наконец, он поднял голову и сказал:

— Теперь ты можешь доесть свой пончик.

Ее глаза все еще были прикрыты, насытившись после оргазма.

Но все же, как истинная Фрэнки, она прошептала:

— Такой раздражающий.

* * *

— Не любезничай ни с той, ни с другой, Фрэнки.

Лежа на нем сверху на своем диване, она подняла голову с его груди и посмотрела на него сверху.

Они развалились на диване после ужина, собираясь посмотреть фильм, обсуждая, какой из них посмотреть, пока Бенни просматривал Netflix, и каким-то образом перешли к тому, что Фрэнки уже давно ничего не слышала о Кэт.

— Бен, она может исчезнуть, но она никогда на столько времени не пропадала. Я волнуюсь.

— Франческа, в последний раз я видел Кэт и Арта на поминках Винни. До этого, каждый раз, когда я их видел, они находились в полшаге от реальных алкоголиков. Они нажрались на поминках Винни, наблюдая за ними, я понял, что они сделали эти полшага, став алкоголиками. Она пыталась уехать с Артом, у которого были ключи от машины. Вмешался папа. Арт вылил свое дерьмо, и нам с Мэнни пришлось вмешаться, посадить их в такси.

Ее глаза расширились, пока он говорил, и когда он закончил, она спросила:

— Правда?

— Ага, — ответил он.

— Как я могла такое упустить?

— Не знаю. Может потому, что твоего мужчину тогда убили. Он умер в тридцать два года. Понятно, что ты была вне себя от горя. А твоя сестра, которая должна была быть рядом с тобой и держать тебя за руку, пила водку с тоником так, будто на следующий день водку собирались запретить.

— О, да, — прошептала она. — Наверное, именно поэтому я этого и не заметила.

Он покачал головой и пробормотал:

— Невероятно.

— Что именно? — спросила она.

— Ты чуть не похоронила наши отношения, собираясь бросить меня, но ты держишься мертвой хваткой за все, что у тебя есть и было, неважно, что это ничего не принесло тебе хорошего.

— Она моя сестра, Бенни, и у папы со дня на день должен родиться ребенок. У Энцо уже двое. Энцо говорит, что она тоже не отвечает на его звонки. И Нат говорит, что не получала от нее вестей дольше, чем я.

Он почувствовал, как его брови сошлись на переносице.

— Ты разговаривала с Нат?

Ее голова склонилась набок.

— Не совсем. Я спрашиваю о ней Энцо.

— Я думал, она умерла для тебя, — заметил Бен.

Фрэнки на мгновение прикусила губу, прежде чем сказать:

— Умерла для меня, но на самом деле она не умерла.

Господи.

Фрэнки.

— Оставь все как есть, — приказал он.

— Я не могу, — ответила она, повысив голос.

Он крепче обнял ее и притянул к себе на грудь, так что они оказались лицом к лицу.

— Понимаю, — тихо произнес он. — Тебе не за что было ухватиться, найти опору, когда ты росла. Само собой разумеется, что ты хватаешься за все, что у тебя есть. Но ты должна научиться избавляться от дерьма, которое сказывается на твоём здоровье.

Ее лицо смягчилось, лицо просветлело, когда она скользнула рукой вверх, взяв его за подбородок, сказав:

— Бен, теперь я многое поняла, но я такая, какая есть. И мне нужно, чтобы ты видел меня такой, какая я есть. Мне также нужно, чтобы ты видел, что сейчас со мной все хорошо. Намного лучше. Потому что теперь у меня действительно есть что-то крепкое и, когда наступит нездоровая часть, я смогу с ней справиться.

Она подчеркнула «справиться», надавив пальцами ему на грудь, Бенни нутром почувствовал ее слова, ему понравилось.

Так что он не стал уточнять.

Пока.

— Итак, дай угадаю, ты общалась с Криси, — отметил он.

— Ага, — призналась она.

— Сколько раз?

Ее глаза прищурились.

— Двенадцать тысяч семьдесят три.

Он подавил усмешку, сжал ее в объятиях и повторил:

— Так сколько раз?

Ее глаза скользнули в сторону, прежде чем вернуться к нему.

— Семь.

— Как она? — спросил он.

— У нее с папой не совсем хорошо, она волнуется, что он особо не проявлял внимания, а ей предстоит родить еще одну девочку, так что само собой разумеется, что он не будет

носиться с моей младшей сестрой. Но с точки зрения протекания беременности у нее все хорошо.

— Держишься за все, что можешь, ты даже хватаешься за новое дерьмо, которое к тебе особо не имеет отношения.

Она закатила глаза и пробормотала:

— А, ладно, неважно.

Когда она посмотрела на него, он выдержал ее пристальный взгляд и еще яснее выразил свою мысль, спросив:

— Как Сэл?

Она плотно сжала губы.

— Он звонит? — выдал Бен.

Она разжала губы, чтобы ответить:

— Вообще-то, он звонил некоторое время назад, в тот день, когда к нам заявился папа, так что я потерялась во всем этом и своей новообретенной способности делать потрясающий минет, поэтому забыла упомянуть тебе о его звонке.

Бен почувствовал, как его тело задрожало под ней от ее комментария о минете, но это не удержало его спросить:

— И? — не сдавался он.

— И, ну... в последний раз, когда я была у тебя, я позвонила поболтать с Джиной, договориться с ней о ланче. Джина сказала, что она в Тоскане. Они ездили в Италию на праздники.

Бену это не понравилось.

— Ты скрываешь это дерьмо от меня?

— Нет, — поспешно ответила она. — Просто ее не было в городе, и я не могла пойти с ней на ланч, поскольку с тобой не о чем было спорить, я решила избежать лишних хлопот. Если бы она была в городе, я бы тебе сказала.

Если бы он был на ее месте, он бы тоже затеял такую игру, чтобы ее не беспокоить лишним раз по этой теме.

— В конце концов, нам придется поговорить на эту тему, — отметил он.

Ее глаза снова скользнули в сторону, когда она пробормотала:

— В конце концов, нам придется о многом поговорить.

— Что это значит? — спросил он.

Ее взгляд не торопился возвращаться к нему, и он не ожидал, что она ему открыто скажет.

— Мой день рождения через три недели.

— Да, и тебе нужно будет доставить свою задницу ко мне домой к этому дню.

Ее глаза снова стали большими, и она спросила:

— Правда?

— Хотел тебе сказать, ты должна приехать. Не я к тебе. Так что делай то, что должна делать на работе, чтобы это случилось.

Ее взгляд стал настороженным, а голова склонилась набок.

— Почему?

— Бенни и Фрэнки живут вместе в относительной гармонии, когда дело доходит до дней рождения, Дня Святого Валентина, юбилеев и Рождества, ты не задаешь вопросов.

Ее тело расслабилось в его объятиях, и улыбка осветила ее глаза, прежде чем она мягко сказала:

— Я смогу это сделать.

— Бенни и Фрэнки живут вместе в относительной гармонии, когда дело доходит до этих дней, мы вместе. Никакой работы. Ничего отвлекающего. Никаких оправданий. Тебе придется много ездить по работе, ты планируешь свои поездки. И к этим дням я добавлю Пасху, День благодарения и четвертое июля.

Ее губы изогнулись, когда она заявила:

— Наконец-то я дожидая до такого времени, когда не возражаю против того, чтобы ты командуешь.

Он ухмыльнулся, пробурчав:

— Заткнись, Фрэнки.

Она опустила голову, прикоснувшись губами к его губам, отстранилась, заявив, явно лукавя:

— Я вернулась к тому времени, когда возражаю против того, чтобы ты командуешь.

Он снова ухмыльнулся и спросил:

— Что мы будем смотреть?

— На твой выбор, — предложила она.

— Я выбираю, ты не будешь ныть.

Ее брови взлетели вверх.

— Какой смысл отказаться мне от выбора, если я не смогу ныть?

Бен посмотрел на потолок и вздохнул.

— Хорошо, я не буду ныть, — сдалась она, и он снова посмотрел на нее. — Хочешь попкорна?

— Угу.

— Включай фильм, а я приготовлю попкорн.

— Договорились.

Она улыбнулась ему, глядя сверху, затем снова опустила голову, наклонилась, коснувшись губами его шеи. Затем оттолкнулась руками от дивана и отодвинулась.

Наблюдая, как ее задница в обтягивающей юбке движется на кухню, он переключил свое внимание на телевизор, подумав, что этот разговор прошел не слишком удачно. Она не отступила, оставив в своей жизни людей, которые относились к ней как к дерьму, манипулировали ею.

По крайней мере, он получил ее согласие по поводу совместных важных праздников.

Это было уже что-то.

И с Фрэнки он согласен и на это малое.

С другой стороны, с Фрэнки он готов был на все.

* * *

— Я ненавижу это, — прошептала Фрэнки ему в грудь.

— Да, детка, — прошептал Бенни ей в макушку.

Он почувствовал, как она сделала глубокий вдох и отпустила его. После этого запрокинула голову, глядя на него.

— Ты позвонишь мне, когда приедешь домой?

— Да.

— Хорошо, Бенни.

Она приподнялась на каблуках и прижалась губами к его губам.

Он наклонил голову, взял неторопливо ее губы. Он запоминал ее вкус, ее запах, ощущение ее в своих руках. Только когда все это глубоко въелось в его душу, чтобы продержаться несколько недель на расстоянии, он ее отпустил.

Она сжала свои руки на нем, улыбнулась, и с неохотой выбралась из его объятий.

Наклонилась, подняла свою сумку с компьютером с тротуара, куда ее поставила, Бен стоял перед ее домом и смотрел, как она пошла к своему Z.

Она помахала рукой, прежде чем сесть за руль.

Еще помахала, выезжая задним ходом.

И помахала, отъезжая.

Бен наблюдал за ее движением с улыбкой.

И он наблюдал, пока ее машина не скрылась из виду.

Потом сдвинулся с места только для того, чтобы пройти по тротуару и осмотреть ее дом, затем остановился, не сводя глаз с прямой Индианской дороге, ведущей в одну сторону на кукурузные поля, в другую — прямо в центр города.

Он смотрел, больше не улыбаясь.

И думал, что это дерьмо пора заканчивать — Фрэнки уезжает от него или он уезжает от Фрэнки. Он согласился на это три месяца назад.

Но подсознательно он знал, что это дерьмо не закончится. Она была хороша в том, что делала, ей нравилась ее работа, и он ее любил. Он не мог послать все к черту ради нее.

Так что ему приходилось набраться терпения и ждать, когда она дойдет до того, что сама вернется к нему и покончит с этими междугородними переездами.

Это совсем не означало, что ему это нравилось.

Ему совсем не нравилось.

17

Электрическая

Бен захлопнул дверь своего внедорожника и направился в трейлер, стоявший удаленно на строительной площадке от шума и передвижений.

Он поднялся по двум ступенькам, дважды ударил кулаком в дверь и услышал женский крик: «Войдите!»

Он вошел в узкое помещение, на удивление убранный. Планы строительных работ, прикрепленные по стенам. Шкафы с картотекой. Брошюры. Стол с компьютером и телефоном, заваленный бумагами, за которым сидела очень симпатичная темноволосая женщина в темно-синем поло с белой нашивкой «МакКандлесс Конструкшн».

Она подняла голову, на ее привлекательном лице застыло рассеянное выражение.

Пока не заметила его.

Именно тогда Катарина Кончетти Лугар заявила:

— Я не буду с тобой разговаривать.

Не очень хорошее начало.

Бенни проигнорировал ее слова и прошел дальше в офис, решив попытаться вернуть разговор в нужное русло, даже несмотря на то, что он не очень надеялся на успех, хотя и поздоровался:

— Привет, Кэт.

Она не поздоровалась в ответ. А приказала:

— Бен, я на работе. Уходи.

Он покачал головой и сказал:

— Твоя сестра беспокоится о тебе. Завтра у нее день рождения. Она приедет сегодня вечером, я звонил, ты не отвечала, поэтому подумал, что передам приглашение лично. Я бы хотел, чтобы ты с Артом пришли завтра вечером в пиццерию на вечеринку по случаю дня рождения Фрэнки. Более того, Фрэнки была бы счастлива тебя видеть.

— Я игнорировала твои звонки, потому что мы с Артом и близко не подойдем к твоей пиццерии, — парировала она.

Теперь все становилось еще хуже.

— Ты не хочешь объяснить мне почему? — спросил он.

— Не хочу, — отказалась она.

— Придется, — приказал он, удерживая ее взгляд.

Она пристально посмотрела на него, прежде чем заглянуть в окно, раздраженно выдохнула и снова посмотрела ему в глаза.

— В мою сестру стреляли, — объявила она.

— Я знаю. Я был тем, кто нес ее через лес после того, как случилось это дерьмо.

— Да, знаю. Фрэнки, по уши влезла в дерьмо другого Бьянки, — выпалила она в ответ.

Бен почувствовал, как его кожа начала зудеть, разозленный тем, что еще одна из Кончетти подняла эту тему. В то же время ему было интересно, почему, черт возьми, они не хотели вытащить свои головы из задницы и понять, почему их сестра захотела стать частью хорошей, порядочной, любящей семьи. И Фрэнки не относилась к тем женщинам, которые добивались расположения мужчины, как, по их мнению, она добивалась. Уж они-то должны были ее знать достаточно хорошо.

С другой стороны, поскольку их головы находились в задницах, они занимались только собой, чему тут удивляться.

Он все же взял себя в руки и заговорил, стараясь не кричать.

— Я не испытываю особого расположения тебе что-то объяснять, учитывая, что твоя сестра провела на больничной койке полторы недели, а ты даже не позвонила. Потом она поправлялась у меня дома, а ты даже не появилась. Франческа беспокоится о тебе. Это ее день рождения. Я хочу, чтобы она перестала беспокоиться и получила то, что для нее важно в свой особенный день. Не уверен, что согласен с тем, что для нее важно, учитывая, что большинство из вас, Кончетти, относятся к ней как к дерьму, но разговор не обо мне, а о ней, поэтому я здесь.

Ее лицо начало краснеть, даже когда во взгляде появился лед, пока он говорил, она без колебаний ответила, когда он закончил.

— Кончетти обращается с ней как с дерьмом?! — спросила она. — А что насчет Бьянки?

— Если бы ты поговорила со своей старшей сестрой, то узнала бы, что все в прошлом, мы все двигаемся дальше.

— Да, ходят слухи, что она еще и в твоей постели. Я знаю, как ты двигаешься дальше.

— Знаешь меня ни один год, Кэт. Честное слово, думаешь, я собираюсь пасть достаточно низко, чтобы обсуждать с тобой свою личную жизнь? — подрезал Бен.

Она рассержено посмотрела на него, не как Нат, а скорее, как Фрэнки, только выглядя гораздо менее симпатичной, потому что он ее не любил, более того, она ему никогда настоящему не нравилась.

— Знаешь, — начала она, — парня моей старшей сестры убивают в войне мафий, потом в нее стреляют, потом все узнают, что брат ее покойного парня влез в ее дерьмо, а потом все

говорят, что они встречаются, девушка должна принять решение. Или она продолжает влезать дальше в эту нелепую проблему, на самом деле нездоровую проблему, или отрекается и пытается вести себя достойно. Мы с Артом много говорили об этом. Он дружен со своими предками, со своими братьями. Он не понимал. Почему я хотела разорвать все связи со своей семьей. Пока Фрэнки не ранили, ты не был в этом замешан. Фрэнки связалась с другим Бьянки. Тогда Арти все понял. Полностью запуталась. Совершенно нездоровая проблема на ее задницу.

Она взмахнула рукой, но не заткнулась, а продолжала.

— Мы с Артом ходили к семейному психологу, чтобы перестать ссориться все это чертовое время. На консультациях у семейного психолога мы с Артом выяснили, возможно, было бы неплохо не пить так чертовски много. Мы с Артом бросили пить, и теперь у нас с Артом все хорошо, так что мы пытаемся завести ребенка. У нас все хорошо, какое-то время это продолжается. Мы не хотим, чтобы этот кто-то нам все испортил. Более того, когда у нас появится ребенок, мы не хотим, чтобы наш ребенок был вовлечен в *б*нутое дерьмо твоей и моей семьи.

Бенни не мог поверить своим ушам.

— Вы бросили пить? — спросил он.

— Ага. Почти год ни грамма водки.

— Поздравляю, Кэт, — пробормотал он.

— Ага, устройте вечеринку по этому поводу, — ответила она.

— Кэт...

Она покачала головой и остановила его поднятой рукой.

— Нет. В мою сестру стреляли. До этого ее парень был в мафии. Теперь, после многих лет общения с Бьянки, как будто она все время находилась на грани, готовая умолять вас на коленях, чтобы вы ее удочерили, она переходит от одного брата к другому, чтобы не потерять вашу семью.

— Она этого не делает, — сказал Бен напряженным голосом.

— Ага, не делает? — спросила она с сарказмом. — Она как всегда великолепна. Я знаю. Милая. Забавная. Я понимаю, почему ты хочешь ее заполучить. Полностью. Я люблю ее до безумия, свою старшую сестренку. Единственная, кому было не наплевать на меня... всю мою... жизнь. Пока я не встретила Арта. Но она запуталась, Бенни. Мне потребовалось некоторое время, но я, наконец, очнулась и поняла, что мне пора выбираться из того безумия, в которое меня втянула моя семья. Я люблю ее. Вижу твой взгляд, ты не веришь моим словам, но я люблю ее. Но это не значит, что она должна присутствовать в моей жизни. Это было трудное решение, но я должна позаботиться о себе. И хочу тебе тоже дать совет — тебе тоже нужно выбраться из ее дерьма, пока она не разжевала тебя и не выплюнула, как Нинетт разжевывает каждого мужчину, который хотя бы посмотрит в ее сторону.

— Твоя сестра не Нинетт, — отрезал Бен.

— Да?! А кто? Кто живет с одним братом, а потом после смерти первого начинает встречаться с другим? — парировала она, качая головой. — Вот именно. Никто так не поступает.

— Винни умер семь лет назад.

— Но он все равно остается твоим братом... хотя и мертвым.

— Он перестал быть моим братом, когда присоединился к мафии.

На это она резко захлопнула рот.

Ага.

Своими словами о Фрэнки, она зацепила Бена.

— Жизнь — отстой, Кэт, для всех, не только для тебя, — сказал он ей то, что она и так знала. — Дерьмо случается, ты принимаешь решения, которые могут твою жизнь сделать еще более отстойной. Из твоих слов, вижу, что ты пересмотрела свое отношение, решила внести позитивные изменения. Но твои действия, говорят об обратном, ты не отвечаешь на звонки Фрэнки, значит твои позитивные изменения не во всем. Ты не спрашивала, но то, что она совершила, когда ее ранили, было безумием. Безумно глупым и безумно храбрым. Она спасла жизнь женщине. Никто не может повернуться спиной к женщине, которая приняла пулю, спасая совершенно незнакомую ей женщину. Она всю свою жизнь оберегала и прикрывала тебя. Воспринимала тебя такой, какая ты есть, не осуждая, когда ты находилась в трех шагах, став законченной алкоголичкой, она никогда не закрывала дверь у тебя перед носом.

По выражению ее лица он понял, что выиграл, но все равно сделал шаг назад, качая головой и поднимая, а затем опуская руки.

— Это твое решение; твоя жизнь. Я зашел, мы перекинулись парой слов. Я уйду, ты продолжаешь свою жизнь. Я рад за тебя. Ты пытаешься стать хорошим родителем, ты хочешь создать семью. Но это не значит то, что ты говоришь, не есть полная чушь. И вопрос заключается в том, что ты прекрасно знаешь об этом. Ты осуждаешь Франческу, те решения, которые она принимает, при этом понимая, что ты даже не позвонила и не пришла ее навестить, когда твоя сестра лежала на больничной койке с дыркой в теле. Но Фрэнки и это забыла, продолжая тебе звонить, так как беспокоится о тебе. О чем это говорит, Кэт? О ней? И хочу тебе дать совет — подумай, как это характеризует тебя?

Он понял, что набрал еще одно очко, когда румянец сошел с ее лица, и она побледнела.

Но ему было насрать. С этим делом было покончено.

— Ужин в семь, — выдал он. — Вы приходите или нет, мы не кровные родственники, так что я не собираюсь мириться с твоим дерьмом. Если ты не появишься, Фрэнки все равно продолжит о тебе беспокоиться и будет тебе звонить. Но, поскольку, я ее люблю, когда-нибудь она станет матерью моих детей, тебе придется потрудиться, чтобы я впустил тебя в наш дом, потому что, честно говоря, Кэт, мне не нужна моя женщина или мои дети в окружении такого дерьма, которое ты вбила себе в голову по поводу своей старшей сестры. Он оставил все как есть, повернулся и вышел, решив, что не скажет Фрэнки о визите. Кэт и Арт придут завтра, тогда он получит от нее благодарность за то, что приложил столько усилий, чтобы вернуть ей сестру. Если не придут, то ей не нужно знать об этом разговоре. В любом случае, его совершенно не интересовала Кэт, анализируя, каким невеселым оказался его визит, но следующий, который он собирался нанести, будет чертовски намного хуже.

* * *

Бен оглядел огромный дом, через который Джина вела его, думая, что она полностью реконструировала это чертовое место с тех пор, как он был здесь в последний раз.

Поскольку он потерял счет, когда был этот последний раз, нечему было удивляться. Это было более восьми лет назад. Но по ощущениям больше походило на пятнадцать.

Теперь в доме были мраморные полы. Целые акры мраморных полов.

Должно быть, дела в мафиозном бизнесе идут хорошо. Он не смог бы подарить Фрэнки акры мраморных полов. Но она бы и не захотела, а если бы захотела, то впахивала бы, как черт, чтобы их заработать.

— Действительно здорово, что ты появился, Бенни, — пробормотала Джина, и он посмотрел на нее.

Она немного прибавила в весе, немного, у нее больше не было той стройной, хорошо сложенной фигуры, которая была пару десятилетий назад. Это не означало, что на ней плохо смотрелась одежда. Она всегда хорошо одевалась. Немного переборщила с украшениями и яркими цветами, но она не была стереотипной женой мафиози, которую можно было увидеть в фильмах.

Но она была старше среднего возраста, и на ее лице не было ни единой морщинки, которую он мог бы разглядеть. И она покрасила волосы так, что в них не было ни одной седой пряди. Она сама о себе заботилась. С другой стороны, она могла себе это позволить. У нее были деньги и было время.

Не имело значения, если бы она этого не сделала, Сэл был предан своей жене. Души в ней не чаял. В те далекие времена, когда они часто общались, не было такого времени, когда он не был бы нежен или не смотрел на нее так, словно она каждое утро заставляла весь мир крутиться.

Это не означало, что он не ходил налево. Ходил. Всегда. Даже сейчас. Слухи разлетелись по семье, независимо от того, хотите вы слышать это дерьмо или нет, Бен знал, что у Сэла на стороне были две женщины, содержанки, обе на тридцать лет моложе Джины.

Джина, вероятно, тоже знала, но держала язык за зубами. Это было свойственно таким мужчинам, как Сэл, и женщинам с ними приходилось с этим мириться. Это был его способ показать, какие у него большие яйца и что они все еще работают.

Это было неудачно, как и все остальное, что делал Сэл.

— Рад видеть тебя, Джина, — пробормотал он, желая показаться приветливым, даже если он не имел этого в виду. Она ему нравилась, но это не означало, что она не вызывала плохих воспоминаний.

Она повернула голову, взглянув на него через плечо, и по печальному выражению ее глаз он понял, что она знает, что он ей солгал.

Ее муж зарабатывал на жизнь серьезным дерьмом, а это означало, что каждый день могло случиться что угодно, и это «что угодно» могло включать в себя его заключение в тюрьму или убийство. Когда ты живешь такой жизнью, семья очень важна, не друзья, а именно семья.

Он не мог сказать, что не испытывал к ней никаких чувств. Она была хорошей женщиной. Но он не хотел ей помогать, простив убийство своего брата и предоставив ей большую семью, которая сделала бы дерьмо в ее жизни менее дерьмовым. Она сделала свой выбор.

Она снова посмотрела вперед и вывела его во внутренний дворик с бассейном, беседкой и домиком у бассейна. Там был огромный фонтан, бивший водой в глубокую часть бассейна. Повсюду были расставлены горшки с цветущими цветами и зеленью. Похоже, ему самое место на курорте, а не в богатом пригороде Чикаго, который предпочел бы, чтобы местный босс мафии не покупал здесь дом, но никто не мог отказать Сэлу, опасаясь, что на следующий день найдут лошадиную голову в своей постели.

И как будто он был на своем личном курорте, которым и был, Сэл Джилья сидел за столом с бокалом со льдом, стоящим перед ним, с планшетом, прижав телефон к уху.

Он был симпатичным мужчиной, крупным, высоким, широкоплечим. Когда-то он был крепко сложен, но время взяло свое. Его темные волосы посеребрились, он оставил их как есть, зачесывал назад, даже, чтобы посидеть в своем патио. Он хорошо одевался — дизайнерские поло, красивые брюки, сшитые на заказ итальянские мокасины. Он был похож на Тони Сопрано с большим количеством волос, классическими чертами лица и лишними пятнадцатью годами.

Когда они вышли, взгляд Сэла остановился на Джине и Бенни. Затем он что-то сказал в телефон, закончил разговор, бросил сотовый на стол и встал, расплывшись в широкой улыбке.

Бен почувствовал, как у него запершило в горле, но он подавил желание сжать руки в кулаки или, что было бы лучше, повернуться и уйти.

— Бенни, *figlio*, — позвал Сэл, пока они шли по дорожке к Сэлу. (*figlio* – *сын*, *итал. Прим. Ер.*)

Figlio.

Мудак.

— День рождения Фрэнки, я прав? — спросил Сэл, глаза его загорелись, он неправильно оценил ситуацию, думая, что Бен завел роман с безумно красивой Франческой Кончетти, означало, либо он думал своим членом, либо его она подцепила на крючок.

— Не совсем, — ответил Бен, его взгляд переместился на Джину, потом обратно на Сэла, давая понять, что то, что он собирается сказать, Джина не должна слышать.

Широкая улыбка Сэла померкла, но лишь слегка, он взял за руку свою женщину, притянул ее ближе, поцеловал в щеку и, выпрямившись, попросил:

— Принеси Бенни выпить, хорошо, сага?

— Конечно, — ответила она, улыбаясь своему мужу, прежде чем обратить эту улыбку к Бену. — Что тебе принести, Бенни?

Бен покачал головой, подыскивая слова, которые смягчили бы остроту ситуации.

— Спасибо, Джина. Фрэнки приедет сегодня вечером. После разговора с Сэлом, мне еще нужно будет выполнить кое-какие дела, так что я не на долго.

Она понимающе кивнула, пытаясь скрыть разочарование, но потерпела сокрушительную неудачу. Она еще раз улыбнулась своему мужу, затем ушла.

Сэл протянул руку, приглашая:

— Садись.

Бен не хотел садиться. Он не хотел дышать одним воздухом с Сэлом.

Но у него не было выбора.

Итак, он сел, снял с головы и надвинул на глаза солнцезащитные очки, чтобы защититься от солнца, и устремил взгляд на Сэла.

— Последнее место, где я хотел бы находиться, — тихо произнес он.

При его словах рот Сэла сжался.

— Только не говори мне, что моя Джина впустила тебя в наш дом, чтобы ты сидел в моем чертовом патио и вел себя со мной как придурок.

— Последнее место, где я хотел бы быть, но я здесь, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для Фрэнки.

Сэл внезапно замер.

Превратившись в слух.

Сосредоточившись.

Бен не понимал, почему Сэл и Джина «вонзили свои когти» во Фрэнки до и после смерти Винни. В нее можно было влюбиться, да, он сам в нее влюбился. Но эти люди понимали, что такое лояльность. Но не та здоровая лояльность, которую они давали Фрэнки.

У них все же было две дочери.

Поэтому Бену казалась их привязанность к Фрэнки бессмысленной.

Но у него не было времени, чтобы разобраться в этом вопросе. Сейчас он сидел перед Сэлом, у Сэла дома, три месяца назад он сказал бы, что лучше бы пустил себе пулю в лоб, нежели пойти за помощью к Сэлу.

Но сейчас он сидел здесь.

— На самом деле, две вещи, — продолжил Бен.

— Ты собираешься мне сказать эти вещи? — спросил Сэл.

— Да, — ответил Бен. — Во-первых, завтра вечером мы устраиваем вечеринку в честь дня рождения Фрэнки в пиццерии.

Брови Сэла взлетели вверх.

— Ты и Джина не приглашены.

Брови Сэла опустились, и он нахмурился.

— Это не неуважение, — тихо произнес Бен, и это была правда. — Хотя со стороны выглядит именно так, но я уважаю свою семью и желаю счастья своей женщине. Мама и папа не хотели бы, чтобы ты был там, Фрэнки хотела бы, чтобы все хорошо провели время, но, зная, мое отношение и... , она чувствовала бы себя хреново. Это было бы неловко, а я не хочу, чтобы Фрэнки в свой день рождения чувствовала себя неловко. Но Фрэнки захочет с вами встретиться, поэтому я забронировал столик в «Крикетс» на бранч с шампанским завтра утром, — сказал ему Бен и закончил словами: — Меня там не будет.

Сэл медленно кивнул.

— А вторая вещь?

— Одного парня на работе Фрэнки замочили.

Брови Сэла снова взлетели вверх, но Бен не упустил из виду, что его тело напряглось.

Он словно приготовился к прыжку. Как и Бенни, он знал, что Фрэнки притягивает не лучшие проблемы.

— Замочили?! — переспросил Сэл.

— Профессионально, один выстрел в голову у него дома. Ничего не украдено. Ничто даже не шелохнулось. Киллер пришел, сделал свое дело и ушел. Убитый был врачом, работал над разработкой лекарств для ее компании. У полиции нет подозреваемых. У Кэла есть друг, полицейский в Браунсберге, который поспрашивал. Столичная полиция Индианаполиса понятия не имеет, почему замочили этого парня. Ничего в его жизни не вело к подобному концу. Полиция уже неоднократно все проверяла и обсуждала. У него есть жена, двое детей в колледже, хороший дом. Никаких азартных игр. Никакого употребления наркотиков. Не большой любитель выпить. Дети не лажали. С женой все в порядке. Играет в гольф в клубе. Никакого дерьма в прошлом. Никаких сомнительных друзей. Ни одной гребаной вещи.

— И ты рассказываешь мне это' потому что...? — подсказал Сэл.

— ...потому что Фрэнки сказала мне, у нее имеется предчувствие по поводу этого странного убийства, и она чувствует себя немного странно с боссом этого парня.

— Черт, — пробормотал Сэл.

— Ага, — согласился Бенни, зная, что Сэл все понял. — Ее странное предчувствие может умереть на корню, а может расцвести, Фрэнки — это Фрэнки, я хочу пресечь ее предчувствие в самом зародыше, пока оно не расцвело.

— Скажи ей, чтобы она держалась от этого подальше, — посоветовал Сэл.

— Извини, я думал, ты достаточно хорошо знаешь Франческу Кончетти, — ответил Бенни, и Сэл ухмыльнулся.

— Импульсивная, это да, — пробормотал он. — И упрямая.

— Упрямая и сумасшедшая, — добавил Бенни, и ухмылка Сэла превратилась в улыбку, очевидно, именно этими чертами Сэл восхищался в Фрэнки. Самое неприятное в этом было то, что Бен тоже восхищался в Фрэнки этими чертами характера. — Сказал ей, чтобы держалась подальше. Она пообещала мне, что так и будет себя вести, просто будет делать свою работу. Насколько я знаю, она так и делает.

— И ты пришел, потому что хочешь, чтобы я навел кое-какие справки, выяснил, кто замочил этого парня и почему.

Вот почему Бен пришел к Сэлу.

Попросить Сэла об одолжении.

Бл*дь.

— Вот почему я здесь, — подтвердил Бен.

— Считаю, что дело сделано, — ответил Сэл.

Вот черт.

— Я делаю услугу и беру плату, — продолжил Сэл, едва переведя дыхание, прежде чем назвать маркер — плату.

Черт побери.

Бен уставился на него сквозь темные очки, но ничего не сказал.

Сэл произнес:

— Когда вы двое поженитесь, мы с Джиной будем присутствовать.

Спина Бена выпрямилась, и он наклонился к Сэлу, начиная:

— Сэл...

Сэл покачал головой, поднял руку и опустил ее.

— Не на прием. Мы сядем в задней части церкви. Но я хочу видеть мою Фрэнки счастливой. Я хочу подарить этот день моей Джине. И я в курсе, что не очень тебе нравлюсь, Бенни Бьянки, но я все равно хочу видеть тебя счастливым. Как и Джина. Ты предоставишь нам этот день, а я выясню все, что можно, что происходит в Инди.

— Твоя просьба кажется слишком простой, — подозрительно заметил Бен.

— Потому что то, чем я буду заниматься в Инди, касается не тебя. А Фрэнки. Но она не просила об этом, ты попросил, так что ты платишь.

Он услышал и мог заплатить этот маркер без особой головной боли.

За исключением одной вещи.

— Но, чтобы мои родители вас не видели, — заявил Бенни, и лицо Сэла стало жестким.

— Я не собираюсь красться в церковь, как змея, и Джина тоже не будет заниматься этим дерьмом.

— Мне не важно, как ты войдешь, — ответил Бенни. — Просто сделай так, чтобы мои родители вас не видели.

Сэл выдержал его взгляд, прежде чем кивнуть.

Согласился.

Сделка была заключена.

Господи.

— Тогда мы закончили, — закончил Бен, и лицо Сэла изменилось, Бенни не понял, потом до него дошло.

Сэл Джилья не хотел расставаться с Бенни. С Бьянки. С семьей.

Бен понятия не имел, как этот человек думал, что сможет удержать кровные узлы, если он забрал брата из семьи, фактически, пролил кровь кровных уз.

Он никогда этого не понимал, и ему нужно было еще заскочить в одно место. Затем завести кое-что домой, прежде чем поехать за Фрэнки в аэропорт. Так что он особо не стал задумываться над этим вопросом.

— Мы закончили, — произнес Сэл.

— Передай Джине мое «до свидания», — пробормотал Бен, поднимаясь с кресла, Сэл последовал за ним.

— Передам, — ответил Сэл.

Бен кивнул, повернулся и пошел прочь.

Он остановился, когда Сэл вдруг произнес:

— Тогда она выбрала не того брата.

Он повернулся, у него снова запершило в горле, он направил свои очки на мужчину.

Сэл еще не закончил.

— Винни был хорошим парнем, но не для нее. Она создана для тебя. Всегда это знал.

Бен ничего не сказал.

Сэл же продолжил:

— Она будет сводить тебя с ума, черт возьми, но ты будешь наслаждаться каждой минутой своей жизни.

Бен хранил молчание.

— Рад за тебя, *figlio*, — тихо закончил Сэл.

С тех пор как Винни умер, Бен почти не виделся с Сэлом, терпя его в больнице той ночью, когда Фрэнки ранили, только потому, что у него не было выбора.

Теперь же он понял, почему Фрэнки держалась за такого мужчину, как Сэл. Вдали от него это не имело никакого смысла.

Но, черт возьми, этот мужчина был симпатичным. Всегда таким был.

Так что, возможно, у Бенни появился кусочек головоломки относительно того, почему его брат делал то дерьмо, которое делал, и наличие этого кусочка было чудом.

Бен не сообщил об этом Сэлу, главным образом потому, что все остальные кусочки головоломки не сходились.

Он только снова кивнул и убрал свою задницу из дома Сэла.

* * *

— Ты можешь мне объяснить, почему собралась только на шесть дней, а багажа у тебя столько, словно ты собралась у меня остаться на всю оставшуюся жизнь? — Ворчал Бенни, таща огромный чемодан Франчески вверх по лестнице заднего крыльца вместе с ее ручной кладью.

— Я же сказала тебе, что могу сама его отнести, — ответила Фрэнки. Он повернул шею, взглянув на нее, так что она широко раскрыла глаза и продолжила: — Если ты хочешь быть защитником, заботиться о своей женщине, итальянский парень, ты не должен ворчать.

Она была абсолютно права.

Но ему нравилась Фрэнки с широко раскрытыми глазами, она была такой милой, так что он собирался продолжать ворчать.

Он отпустил ее чемодан, чтобы открыть дверь, спрашивая:

— Что у тебя вообще в этих сумках?

— Ты не дал мне ни намека на то, что планируется, поэтому мне пришлось подготовиться самой, — ответила она, когда он протиснулся в дверь, таща за собой ее сумки с чемоданом.

— Под «подготовленной» ты подразумеваешь, что прилетела подготовленной к штурму Белого дома? — спросил он.

— У меня в этих сумках одежда и обувь, а не штурмовые винтовки, — парировала она.

— По весу, там полтонны Си4, — пробормотал он.

— Заткнись, Бенни, — ответила она, но он услышал улыбку в ее голосе.

Это заставило его улыбнуться, когда он продолжал двигаться к двери в холл.

Как только он дошел до лестницы, то сказал:

— Черт, детка, забыл положить твою фанту в холодильник. Она в кабинете. Я отнесу твоё барахло наверх. А ты брось пару банок в холодильник, и пока будешь этим заниматься, налей мне пива.

— Твое логово — это не кабинет. Это свалка в кабинете, — ответила она.

— Ты нальешь мне пива или как? — ответил он, все еще улыбаясь.

— Хорошо, — пробормотала она, и он услышал, как ее сумочка ударилась о стол.

Он оттащил сумки к подножию лестницы, оставил их там и вернулся, идеально рассчитав время, чтобы оказаться перед дверью в кабинет и увидеть, как Фрэнки, прижав руки ко рту, закричала:

— О Боже мой! Бенни!

Он улыбнулся, наблюдая, как она мгновенно опустилась на корточки, а плюшевый, в складках щенок бульдога — коричневый, с белыми лапами, животом, мордочкой и ушами, с маленькими коричневыми пятнышками на одном висячем ухе и коричневыми разводами по краям глаз — вразвалку направился к ней.

Бенни прислонился к косяку, когда она взяла щенка на руки и потерлась щекой о его гладкую шерсть.

— Познакомься с Черчиллем, — произнес он.

Она откинула голову назад, посмотрела ему в глаза, когда он встретился с ней взглядом, Бен замер.

— Гас, — прошептала она хриплым голосом, ее глаза блестели от слез. — Его зовут Гас.

Глядя в эти безумно красивые глаза, которые были полны слез и любви, Бен обнаружил, что не может пошевелиться.

Собака и Фрэнки могли.

Собака стала извиваться у нее в руках. Фрэнки поднялась с корточек и двинулась к нему, прижимая щенка к лицу, не сводя с него глаз.

Она остановилась всего в футах от него, и он тихо сказал:

— На день раньше, но не мог же я оставить его одного. — Его голос понизился: — С днем рождения, детка.

Он едва вымолвил эти слова, когда увидел, как слеза скатилась у нее по щеке.

Но она не пошевелилась.

Поэтому он спросил:

— Ты собираешься меня поцеловать?

Она потерла все еще извивающегося щенка о свою щеку и спросила в ответ:

— Ты хоть представляешь, какой ты классный?
— В значительной степени да, — отшутился Бенни.
— Нет, ты даже не представляешь, — прошептала она, и у него внутри все сжалось.
— Иди сюда, Фрэнки, — прорычал он.
Она подошла. Он обнял ее (и собаку), наклонил голову, завладев ее ртом.
Она отдавала ему свою любовь.
Он поцеловал ее глубоко.
Но недолго.
Потому что в середине их поцелуя, используя щенячий язычок, Гас облизал их обоих.

* * *

— Это нормально? — спросил Бенни, припарковываясь за пиццерией на следующий вечер.
В вечер дня рождения Фрэнки.
— Ты приготовишь пиццу на мой день рождения? — спросила Фрэнки в ответ.
Бен ухмыльнулся, выключая зажигание.
— Да.
— Тогда, нормально, — наконец ответила она.
Он посмотрел в ее сторону, чтобы убедиться, не разыгрывает ли она его, и увидел, что она наклонилась вперед к зеркалу заднего вида, проводя блеском для губ.
Но предельвала это по улыбающимся губам.
Вот оно. Она не играла с ним.
Ей настолько нравилась его пицца, что она была совершенно счастлива, съесть ее в свой особенный день.
Она закончила с блеском и прыгнула вниз к тому времени, как он добрался до ее дверцы.
Он захлопнул за ней дверцу и еще раз окинул ее взглядом с головы до ног, с мыслью, что с нетерпением ждет, что произойдет через несколько минут. Но Фрэнки в красном платье с короткой обтягивающей юбкой и топом без рукавов, спадающим с одного плеча, с пышными волосами, макияжем, подобранным под «выход в свет», украшениями, подобранными под «серьезно навороченные», и босоножках на высоком каблуке, выглядела так, что он с нетерпением ждал момента, намереваясь почувствовать ее каблук на своей спине.
Он взял ее за руку, повел к задней двери, она начала говорить:
— Хотя ты должен был мне сказать. Я могла бы пригласить Ашику, Джейми и еще кое-кого с моей старой работы и попытаться заставить Кэт перестать обижаться. Обида, какой бы глубокой она ни была, не идет ни в какое сравнение с пиццей Бьянки. — Он распахнул дверь и втащил ее внутрь, ее взгляд остановился на нем, и она поспешно сказала: — Прости, я не хотела, чтобы это прозвучало так, будто я хотела, чтобы собралось много людей. Ты хочешь, чтобы мы вдвоем, мне тебя вполне достаточно, так что я согласна с тобой. Ты, я, твоя пицца в твоей пиццерии. — Она наклонилась к нему и закончила с яркой, счастливой улыбкой: — Идеально.
Все должно было быть идеально, все в порядке.
— Рад, что ты смирилась с этим, милая.
— Полностью, — заверила она его, сжимая его руку.
Он повел ее через шумную кухню, кивая на ходу своей ребятне.
Затем повел ее через короткий коридор, в зал ресторана.
Наконец, он привел ее в зал.

Когда они попали в это место, он знал, что парень, которому он приказал не пропустить их появление, не облажался, потому что в ту минуту, когда он оказался в зале и притянул Фрэнки к себе, раздалась какофония хлопков хлопушек, конфетти разлетелось по воздуху, вместе с криками «Сюрприз!»

Именно тогда Бен увидел, что его мама тоже выполнила свою работу.

С одной стороны, был накрыт стол, на нем стоял огромный торт с белой глазурью, с кучей розовых и фиолетовых цветов с надписью — «С днем рождения, Фрэнки», а вокруг него были разложены подарки. Ресторан закрыли на этот вечер, поэтому было устроено так, что все пространство занимали два длинных прямоугольных стола со скатертями в красно-белую клетку. На каждом столе несколько огромных букетов из воздушных шаров, плавающих по всей длине стола, и большие букеты цветов посередине.

Его глаза пробежались по улыбающейся толпе, он увидел Ашику со своим кавалером. Подругу Фрэнки Джейми со своим парнем. Мэнни с Селой. Его мама и папа, понятное дело, тоже были здесь. Ашика рассказала друзьям Фрэнки со своей старой работы, включая ее бывшего босса, и все они пришли. Как и лучшие школьные друзья Фрэнки, и старушка Замбино со своей командой по боулингу.

Наконец, он с удивлением отметил, что Кэт тоже пришла, смотревшая куда угодно, только не на Бенни и Фрэнки, а рядом с ней стоял ее муж Арт.

— Привет, девочка, ты там живая? — крикнула Ашика, до Бенни дошло, что Фрэнки неподвижно стоит рядом с ним.

Он посмотрел на нее сверху и увидел, что она смотрит на толпу полностью ошеломленная.
— Детка, — позвал он, потянув ее за руку в свою сторону, и она посмотрела вверх, чтобы взглянуть на него.

Именно тогда в его груди потеплело, потому что ее лицо все еще оставалось ошеломленным, но ее взгляд был полон такого удивления и нежности, и увидев этот взгляд ее безумно красивых глазах, для самого Бенни было удивительно, как он мог еще дышать.

— Как ты собираешься превзойти это в следующем году, Бенни Бьянки? — тихо спросила она.

— Я потрясающий, поэтому что-нибудь придумаю, — ответил он.

Ее глаза снова заблестели, но на этот раз ни одна слезинка не упала.

Это произошло потому, что она бросилась в его объятия и прижалась к нему в горячем, влажном поцелуе.

Послышались свистки, крики поддержки, предложения снять для них комнату, и его мать воскликнула:

— Слава богу, отец Фрэнсис не смог приехать! — прежде чем он прервал ее и мягко сказал:

— Пора начинать печь пиццу, детка.

Она выдержала его взгляд и крепко прижалась к нему, ответив:

— Хорошо, Бенни.

Он подмигнул ей, сжал в объятиях и развернул ее к своим гостям.

Когда он это сделал, она вскинула руки вверх и закричала:

— День рождения началось!

Две секунды спустя ее окружили друзья и семья.

Бенни наблюдал за этим, улыбаясь.

Затем он пошел на кухню, чтобы начать печь пиццу.

— О Боже мой! — закричала Фрэнки. — Я обожаю это!

Фрэнки сидела во главе стола, Бенни рядом, по ее возгласу понял, что ей действительно понравился только что открытый подарок, смотря, как она тут же сорвала свои браслеты с руки и надела подаренные.

Она потрясла ими перед его лицом.

— Разве они не великолепны, милый? — спросила она.

— Великолепны, — пробормотал он, улыбаясь и вообще не глядя на браслеты.

Она посмотрела на него, опустила руку, наклонилась к нему и прошипела:

— Не будь таким милым.

Он посмотрел вдоль стола, заставленного пустыми тарелками от торта, оберточной бумагой, использованными ленточками и конфетти от второго (и третьего) раунда «Стример попперс», и людьми, любившими Франческу Кончетти.

Затем снова посмотрел на нее и спросил:

— Да, что ты?

— Если ты в настроении быть милым..., — продолжила она, — может быть, ты сможешь попросить кого-нибудь из своей ребятни принести еще кьянти. У меня пересохло во рту.

— Я пойду в бар, — пробормотал он, но она поймала его за запястье, когда он сделал движение встать со стула.

— Я еще не закончила с подарками, ты не можешь уйти. Если ты уйдешь, перед чьим носом я буду покачивать браслетами и кого заставлю понюхать мои свечи?

Бенни получал удовольствие, видя свою детку счастливой.

Он не получал удовольствия, что драгоценности покачивались у него перед носом, и когда у него начиналась головная боль от очередной подаренной ей ароматической свечи, которую она заставляла его нюхать.

Он посмотрел через стол на Арта и сказал:

— Перед Артом.

— Отлично, — пробормотал Арт, закатив глаза к потолку.

Бенни проигнорировал его, встал со своего места, наклонился к Фрэнки и сказал ей на ухо:

— Вино для моей женщины.

Он отстранился, она широко улыбнулась ему, и он пошел к стойке, чтобы сказать бармену еще выставить вино на столы.

Он направлялся обратно к ней, когда краем глаза заметил движение. Ашика, поэтому остановился.

— Йоу, детка, — поприветствовал он.

— Привет, Бенни, — ответила она, останавливаясь рядом с ним. — Отличная пицца, как обычно.

— У нас тут вроде как есть практика в этом деле.

Она кивнула, ее губы изогнулись вверх.

— О Боже! Я обожаю этот лосьон! Он лучший! — взвизгнула Фрэнки, Бен и Ашика посмотрели в ее сторону, увидев, как она сунула бутылочку лосьона под нос Арту.

По лицу Арта нельзя было понять понравился ему запах, но, по крайней мере, парень нюхал его.

— Девушка дышит полной грудью, — тихо произнесла Ашика, и Бенни повернулся посмотреть на нее, как раз в тот момент, когда ее рука поймала его за руку. — Прими мою благодарность, Бенни.

— Даже не знаю, что на это сказать, поскольку я единственный, кто получает удовольствие от Франчески Кончетти, у которой на душе стало намного легче.

— Ты это сделал.

Он крепче сжал ее руку и тихо сказал:

— Ценю, Ашика.

Она сжала его руку в ответ, отпустила и подошла к столу как раз в тот момент, когда Кэт отошла со своего места, стратегически далекого от Фрэнки.

Арт полностью отдался делу, и то, как он отдался делу, напомнило Бену, что он был хорошим парнем, когда не бухал.

Кэт весь вечер вела себя отстраненно. Она не дулась и не настаивала на своем. Она держалась в стороне, не желая находиться в гуще событий.

Теперь она направлялась к Бенни.

Дерьмо.

— Бен, — поприветствовала она.

— Кэт, рад, что ты пришла, — ответил он.

— Я тоже, — произнесла она. — Прошло так много времени, мне казался вкус пиццы Бьянки — это мечта. Теперь я знаю, что в реальности лучше, чем я помнила.

Она остановилась рядом с ним, когда один из ребят, работавших в зале, проходил мимо с двумя бутылками вина в каждой руке.

Когда официант ушел, Бен, посмотрев на столы, заметил:

— Держишься на расстоянии от своей сестры.

— Я же сука, — прошептала она, и Бенни посмотрел на нее сверху с удивлением.

— Ты исправилась сегодня вечером, Кэт, — напомнил он ей.

— В нее стреляли, а я в тот момент лелеяла свой эгоизм и глупость, а теперь заявила к ней на вечеринку по случаю ее дня рождения за бесплатной пиццей и тортом? — сказала она, глядя в сторону стола, на который были направлены и его глаза.

— Разбираться и менять свою жизнь не глупо, — заметил он.

— Так поступать, значит быть сукой, — ответила она.

— Лучше понять это поздно, чем никогда, — заметил он.

— Чушь собачья, и ты это знаешь, — парировала она.

— Фрэнки ведь никогда не давила на тебя? — спросил он.

Она перевела взгляд на него, потому что знала ответ. Фрэнки предоставляла своей сестре пространство, главным образом потому, что Кэт сама занимала это пространство. Но она не придавала этому значения.

— Поверь мне, она примет тебя такой, какая ты есть, — сказал он. — Она просто рада, что ты пришла. Она дарит тебе этот подарок, Кэт, просто наслаждайся им.

Она тяжело вздохнула, снова посмотрела на стол, помолчала несколько минут, затем спросила:

— Это правда, что последняя сучка папы рожает от него ребенка?

— На днях, — подтвердил Бен.

— Черт, — пробормотала она.

— У тебя будет сестра, — сказал он ей.

Она продолжала бормотать.

— Господи.

— Я не самый большой поклонник Энцо старшего, Кэт, но его женщина кажется мне хорошей.

— Они все были хорошими, — сказала она, глядя на стол, Бен в этом не сомневался. Еще один вопрос, который остался без ответа, заключался в том, как хорошие женщины постоянно связывались с такими мудаками, как Энцо старший.

Он решил не отвечать на этот вопрос и оглянулся на стол, увидев старую леди Замбино, сидящую на его месте, наклонившись к Фрэнки, по выражению лица своей женщины Бенни не мог сказать, собирается ли она рассмеяться, заплакать или закричать.

— Думаю, мне стоит пойти к ней, — заявил он.

— Угу, — ответила Кэт.

Бен сделал движение, но остановился и обернулся, когда она окликнула его по имени.

— Спасибо, что у тебя хватило наглости прийти и выложить мне все, как есть, — произнесла она.

— Она по-прежнему любит тебя, и она всегда будет тебя любить. Если ты снова облажаешься, я снова приду к тебе и выложу все, как есть.

Впервые за эту ночь он увидел ее улыбку.

— Думаю, постараюсь сделать все возможное, чтобы избежать этого.

— Было бы отлично.

Она закатила глаза.

Он услышал, как Фрэнки расхохоталась, и, повернувшись обратно к столу, увидел, что ее рука обхватила затылок миссис Замбино, она прижалась к ее лбу своим лбом, и хихикала до тошноты, все ее тело сотрясалось от смеха.

Миссис Замбино не смеялась.

Она кричала.

— Франческа Кончетти, ты испортишь мне прическу!

Фрэнки не отпускала ее.

Она просто продолжала хохотать.

Бен не оставил ее наедине со старушкой, попытался забрать свою женщину от соседки, пока миссис Замбино не обнажила свои ногти и не вычеркнула его из своего списка рождественских подарков.

Снежки Фрэнки с шоколадной начинкой были его любимыми.

Но домашнее печенье миссис Замбино, вырезанное в виде листьев пуансеттии и покрытое сливочной глазурью зеленого цвета, занимало второе место.

* * *

Бен лежал на своей кровати спиной к изголовью, укрытый одеялом до пояса, и ему едва удалось избежать травмы, когда Гас попытался прыгнуть прямо на его член. Фрэнки подхватила его на руки и положила на кровать, прежде чем побежать в ванную, чтобы привести себя в порядок после того, как он ее трахнул. И Бенни сделал мысленную пометку следить, чтобы она больше так не делала.

Он подтянул собаку к себе на грудь и получил мокрые слюни за свои усилия. Он оставил собаку на своей груди, почесывая ей за ушами. Это вызвало щенячье дыхание прямо ему в лицо, потому что Гас начал радостно усиленно дышать, пытаясь дотянуться до его подбородка, чтобы лизнуть.

Бен продолжал удерживать его на месте и чесать, когда Фрэнки, теперь в милой короткой ночнушке, выскользнула из ванной, направившись напрямиком к кровати, запрыгнула на нее, приземлившись на колени. Она подобралась к нему по кровати, оказавшись верхом на нем.

Оказавшись в нужном положении, она забрала Гаса у него из рук, поднесла его к своему лицу и проворковала:

— Кто у мамы особенный маленький мальчик?

Она была такой классной, немного чокнутой, что тоже было мило, но Бен замер.

Потому что Фрэнки выскользнула из ванной, запрыгнула на кровать и запрыгала на ней.

Фрэнки, после нескольких часов с семьей, друзьями, едой, подарками и неограниченным количеством вина. После того как впиалась шпильками ему в спину, с огромным желанием оседлав его член.

И вот она.

Электрическая.

— Гас — мамин особенный маленький мальчик? — спросила она, и ему пришлось вырваться из своего оцепенения, поднять руки и положить их ей на бедра.

— Детка, не говори с ним так, — приказал он, пытаясь игнорировать тепло в животе от счастья, написанного на лице женщины, сидящей верхом на его бедрах.

Она посмотрела на него сверху и прижала Гаса к своей груди.

— Почему?

— Потому что он английский бульдог, — объяснил Бен.

— И? — подсказала она, когда Гас предпринял успешную попытку побега, что означало, что он успешно приземлился всеми лапами на грудь Бена, отчего Бенни хрюкнул.

Фрэнки подвинула щенка к животу Бена, не сводя глаз с Бена, ожидая ответа.

Бенни перевел дыхание и продолжил.

— Он кобель английского бульдога. Другими словами, он из породы крутых парней. Если с ним так сюсюкать, у него из ушей может пойти кровь.

Она ухмыльнулась.

— У него не пойдет кровь из ушей.

— Не зови меня на помощь, когда будешь ворковать с ним так, и это дерьмо случится.

Она закатила глаза, потом посмотрела на него и заявила:

— Просто чтобы ты знал, твое раздражение не убьет весь мой кайф. Я имею в виду, что пришли Кэт и Арт, и старая леди Замбино, которая все еще была так зла, что я тебя бросила, она не разговаривала со мной месяцами, но она все же пришла.

Он склонил голову набок и спросил:

— Вы об этом разговаривали с миссис Замбино?

Она кивнула, но сказала:

— Она разозлилась на меня, что я сорвалась с места и не перешла улицу, чтобы, — она подняла руки и сделала кавычки, — набраться мудрости. Но во мне была твоя пицца и тонна вина, так что она тоже не смогла перебить мой кайф.

Он посмотрел в ее сияющие глаза, сжал ее бедра и тихо спросил:

— Ты счастлива?

— И да, и нет, — ответила она.

Он почувствовал, как его голова дернулась от удивления.

— Что значит «нет»?

— Ты надрал задницу этому дню рождения. Я имею в виду, Бен... — Она подхватила Гаса на руки и снова прижала его к своей груди. — Ты закрыл весь ресторан. Торт. Цветы. Воздушные шары. Вечеринка-сюрприз. Сестринское воссоединение. — Она крепче прижала Гаса к себе, закончив: — И этот чертов щенок.

— И есть какая-то часть из этого, которая не делает тебя счастливой? — он подтолкнул, когда она больше ничего не объясняла.

— Да, учитывая, что практически невозможно тебя будет переплюнуть в твой день рождения, а у меня едва ли остался месяц на подготовку.

При этих словах Бенни расхохотался, конфисковал собаку. Он также обнял свою женщину, повернулся, наклонился в сторону и поставил собаку на пол. Затем лег на спину, увлекая Фрэнки за собой так, как он хотел, одной рукой все еще обнимая ее, другую, запустив в ее волосы, прижимая ее к себе.

— Мой день рождения — все будет просто, детка. Ты, пара милых ночнушек и бутылочка шоколадного соуса.

Ее глаза расширились, и она спросила:

— Шоколадного соуса?

— Ага.

— Это же будет липко, — заявила она, но таким тоном, который говорил, что это может быть липко, но об этом не может быть и речи.

— В том-то и дело, Франческа. Ты станешь вся липкая, а я сделаю тебя нелипкой.

Ее бедра прижались к нему.

Было уже больше двух часов ночи, после вина, еды, торта, друзей, подарков, а она была готова снова.

Электрическая.

Он провел рукой по ее заднице.

— И у меня большой душ, если что.

— Мм, — пробормотала она, опустив глаза к его губам.

— Ты должна придерживаться этой мысли, *tesorina*. Я отнесу собаку на ее место, у меня не будет настроения вставать с кровати после того, как я сделаю это с тобой.

— Хорошо, милый, — прошептала она, затем наклонилась и прикоснулась губами к его губам.

Он сжал ее задницу, прежде чем отпустить. Она оттолкнула его, и он встал с кровати, поднял собаку, подхватил его на руки и направился к двери.

— Бен? — позвала она, когда он был почти у двери.

Он обернулся и увидел ее волосы и ее тело, сидящую на одном бедре, поджав под себя ноги, и смотрящую на него.

— Да, Фрэнки?

— Я привезу ночнушки и шоколадный соус, все, что ты захочешь, — сказала она ему. — Но я все равно найду способ дать тебе больше, чтобы ты запомнил свой день рождения навсегда, так, чтобы это событие никогда не переставало вызывать у тебя улыбку и чувство полного счастья, как я собираюсь запомнить сегодняшний вечер.

Господи, серьезно?

Она говорила ему такие вещи, когда он находился вдвоем с ней в спальне?

— Не будь такой милой, когда я голый и у меня на руках щенок, и я нахожусь с тобой в спальне.

Именно тогда она дала ему всю ту благодарность, в которой он нуждался.

Она улыбнулась той самой улыбкой. Той улыбкой, которая говорила, что у нее есть секрет, и это был действительно хороший секрет.

Затем произнесла:

— Поторопись.

Бен повернулся и направился в холл, зная, что у Фрэнки нет никаких секретов. То, что она хотела прошептать ему на ухо, было не словами.

А ее стоны.

И ему нравилось их слушать.

Так что он не терял время впустую.

18

Это семья

Я была здесь, но даже не понимала, почему здесь оказалась. Это было последнее место, где я должна была находиться.

А должна была я находиться в данную минуту в своей машине, ехать домой, чтобы подготовиться к репетиционному ужину Кэла и Вай и часовой поездке на курорт Лейксайт, где мне необходимо было быть.

Но если я не попаду в сумасшедшую пробку, то успею. Правда времени было немного, но оно все же было. И я не хотела появляться, пока будет идти репетиция. Во-первых, им не нужны были лишние люди. Я не должна была участвовать в репетиции, хотя Бен был шафером Кэла. Во-вторых, у меня было достаточно дел, у меня не было возможности слоняться без дела, ожидая, когда они закончат.

Это было неправдой. Я успела со всеми своими делами, и отдых на курорте на берегу озера вряд ли был пыткой.

И то, что должна была сделать, я не сделала.

Вот почему я находилась здесь, воспользовавшись своим удостоверением сотрудника, чтобы попасть на наше производство. Здание находилось в двадцати минутах езды от главных офисов, хотя во время посвящения новых сотрудников у меня была экскурсия по производству, сейчас у меня не было абсолютно никаких причин здесь находиться.

И если бы Бен узнал, что я оказалась здесь и почему, он бы сошел с ума. Так что у меня не только не было причин сюда приехать, но я не должна была сюда приезжать.

Но этим утром кое-что произошло, и я, казалось, просто не могла остановиться.

Этим «кое-что» был Рэнди Бирман, появившийся в моем офисе. Без стука. Без предупреждения. Без поднятых бровей, есть ли у меня минутка, невербальных вопросов, можно сказать. Он просто вошел, скрестил руки на груди и уставился на меня, глядя сверху вниз, поскольку я сидела за своим рабочим столом.

Именно тогда все, что было в Рэнди, поразило меня.

Он был высоким и долговязым, вероятно, лет на десять старше меня. У него были каштановые волосы, которые не были ни светлыми, ни темными, но имели легкий рыжеватый оттенок, привлекательный. Как и черты его лица. Он не был красавчиком, от которого захватывало дух, но, если бы я была одна, и он купил бы мне выпивку в баре, у меня нашлось бы для него время.

И эти мысли меня посетили, пока не стало ясно две секунды спустя, когда он, без сомнения, показал, что огромный мудака.

Я разговаривала по телефону со своим представителем в Шарлотт и была далека от завершения разговора с ней, но я не могла продолжать разговор, пока он пристально

пялился на меня. Это было неудобно, он выводил меня из себя, я не могла сосредоточиться на том, что она мне говорила.

Так что в итоге я ей сказала, что кое-что случилось, и мне нужно идти.

Как только я положила трубку, Рэнди заявил:

— Ваш представитель в Чикаго, у него слишком низкие показатели. Заметно ниже, чем у представителя, который был там до того, как вы заняли это место.

Я понятия не имела, почему он ворвался в мой офис, чтобы поделиться со мной этой новостью, учитывая, что я и так это знала. Мне также не очень понравилась часть «до того, как вы заняли это место», как будто проблема была полностью во мне, а не в моей репутации. Кроме того, у меня была огромная команда, которая, помимо парня из Чикаго, не только увеличила показатели, но и превосходила и те показатели, которые они имели до того, как я «заняла это место». Так что его инсинуация в мой адрес выглядела не только некрасивой, но и нелепой.

Кроме того, он занимался исследованиями и разработками. Я же продавала то, что разрабатывала его команда. Почему он зашел ко мне в кабинет, чтобы перекинуться со мной парой слов о моем представителе в Чикаго, было выше моего понимания. В конце концов, это было не его дело. Надо мной стоял босс его уровня, поэтому, если у него были проблемы, он должен был сообщить о них моему боссу, а не врывать в мой офис, прожигать меня взглядом, пока я разговаривала по телефону, и выдавать то, что я знала и без него.

Моим единственным вариантом ответа было:

— Я в курсе.

— Ты здесь уже довольно давно, Франческа, а он у нас уже несколько месяцев, и его показатели не улучшаются, — отметил он.

Господи.

Что за придурок.

— Этот факт тоже не ускользнул от моего внимания, — поделилась я.

— Сможет ли он выполнить показатели по «Тенриксу»? — немедленно спросил Рэнди.

Я почувствовала холодок на спине при упоминании «Тенрикса».

— Конечно, — ответила я.

— Он не выполняет показатели по нашему текущему каталогу продуктов, поэтому само собой разумеется, что с «Тенрикс» у него будет ненамного лучше, а «Уайлер» многое делает для того, чтобы этот продукт преуспевал.

Я все это знала.

— И об этом я тоже в курсе, Рэнди, — ответила я.

— Я предпочитаю, чтобы подчиненные называли меня мистером Бирманом, — мгновенно парировал он.

Я моргнула, затем уставилась на него, потому что работала с ним уже целую вечность, и хотя у меня была возможность обратиться к нему напрямую всего несколько раз, я всегда называла его Рэнди, и он не возражал.

Это было просто возмутительно, сама постановка вопроса.

— А я предпочитаю, чтобы моя команда обращалась к своим коллегам по именам. — Мой босс, Ллойд Гастер, внезапно оказался у меня в кабинете, и мои глаза метнулись по стеклянной стене к столу Тэнди.

Она сидела за своим столом, заглядывая через плечо в мой кабинет, глядя на меня широко раскрытыми глазами и растягивая рот в улыбке, я поняла, что она слышала мой разговор с придурком Рэнди, и пошла к Ллойд, вызвав подмогу.

Тэнди мне очень нравилась.

Рэнди повернулся к Ллойд.

— Разве я приглашал тебя на эту встречу?

— А у нас встреча? — невинно спросила я, возвращая свое внимание к мужчинам в моем кабинете, Рэнди снова перевел свой сердитый взгляд на меня.

— Хотел бы надеяться, что нет, — вставил Ллойд. — Директор, проводящий совещание по продажам и эффективности работы члена моей команды с другим членом моей команды без моего ведома, не сделал бы меня очень счастливым.

Я попыталась не улыбнуться злорадной улыбкой, когда Рэнди снова обратил свое плохое настроение на Ллойда.

— Трэвиса это, вероятно, тоже не очень обрадовало бы, — продолжил Ллойд, прежде чем Рэнди успел что-либо сказать. — Ему, как правило, нравится, когда мы соблюдаем субординацию. Я верю, что он также очень заинтересован никому не навязывать иерархию, скажем, заставляя их обращаться к вам официально.

— В Чикаго все плохо, — отрезал Рэнди.

— Фрэнки и я оба прекрасно осведомлены о том, что происходит в Чикаго. Мы не спускаем глаз. Принимаем меры. Надеюсь на улучшение. Но если такового не произойдет, мы будем вполне способны принять трудные решения и выполнить их.

— Приятно это слышать, — коротко ответил Рэнди.

— Я рад, что вы довольны, — пробормотал Ллойд, затем его внимание к Рэнди усилилось, и он заявил гораздо громче: — В будущем, если у вас есть опасения по поводу того, что происходит в моем отделе, попрошу вас сообщать мне о них, как, если у меня возникнут опасения о том, как выступаете вы и ваша команда, я тоже с вами поделюсь.

Рэнди на это ничего не ответил. Он просто бросил на Ллойда мрачный взгляд, перевел его на меня и вышел.

Когда он ушел, Ллойд подошел к моему столу и тихо сказал:

— Извини, Фрэнки. Этот парень — задница.

Я сжала губы, чтобы не согласиться. Мне это удалось (с трудом), но я не смогла удержаться от кивка.

— Если он доставит тебе еще какие-нибудь неприятности, дай мне знать. Хорошо?

— Хорошо, Ллойд, — согласилась я.

Он улыбнулся мне, затем вышел за дверь, а Тэнди, будучи невероятно крутой, выждала ровно столько, сколько положено, прежде чем зашла в мой кабинет с папкой, которая мне совсем была не нужна.

— О боже мой, — прошипела она, прежде чем положить ненужную мне папку на мой стол и сесть напротив меня. — Рэнди Бирман — такой придурок.

Вероятно, нехорошо было так разговаривать в офисе, но поскольку она была абсолютно права, а наш главный босс только что назвал его задницей, я не сказала ни слова, чтобы опровергнуть ее слова.

— Почему он цепляется сегодня? Знаешь, что случилось вчера, — спросила она.

— А что случилось вчера? — переспросила я в ответ.

— Ну, вчера Миранда попросила, чтобы ее перевели к кому-нибудь другому.

Я уставилась на нее.

Миранда была ассистенткой Рэнди Бирмана.

— Она сказала, что ее даже не волнует будет это понижением в должности, или ей придется работать на другом этаже, или что-то в этом роде, — продолжила Тэнди. — С Бирманом она завязала, окончательно.

— Вот это новость, — отметила я, хотя и не отметила, что это была новость, которой она должна была поделиться со мной вчера.

Вероятно, также было нехорошо поощрять офисные сплетни, но поскольку я всегда была принимающей стороной, выслушивающей, а не распространяющей, я поощряла их с моей ассистенткой. Но мне нравились свежие сплетни, а не застоявшиеся за день.

— Она ходила к мистеру Бергеру по этому поводу.

На этот раз я сильно моргнула и спросила:

— Не может быть!

— Да, она пришла, поболтала с ним, он вышел, выглядя очень сердитым. Он поболтал с мистером Бирманом, затем мистер Бирман ушел и не вернулся. После этого Миранда была на своем рабочем месте, но сегодня ее там уже не было. Дженни говорит, что она переходит на производство. Одна из ассистенток ученых уходит в декретный отпуск, и Миранда идет ей на замену, пока та будет отсутствовать, пока они не смогут найти ей новое место. А новое место, по словам Дженни, которая получит Миранда, ей гарантировано.

Мой взгляд переместился на стеклянную стену, когда я пробормотала:

— Это очень странно.

— Да, если ты хочешь перевода, ты не идешь просить об этом вице-президента. Ты идешь в отдел кадров, — согласилась Тэнди.

И она была абсолютно права.

Более того, если вам не нравился ваш босс и перевод был невозможен, делались другие вещи. Например, копали до сути проблемы или исправляли ее, или пытались по крайней мере. Или, скажем, говорили сотруднику, что очень жаль, что он не смог поладить со своим руководством, и советовали найти другую работу.

Не прилагая особых усилий, чтобы найти место для этого сотрудника, прилагая столько усилий, чтобы перевести его на постоянной основе в течение дня.

Это отдавало чем-то большим, намекая, что у Миранды были рычаги своего рода воздействия на руководство компании. Я не хотела быть заинтригованной, что это за рычаги. Мне следовало держаться от всего этого странного дела подальше. Но я была все же Фрэнки Кончетти. Поэтому мне стало любопытно.

— Миранда сказала, что у него окончательно съехала крыша с «Тенриksom», — заявила она, и мои глаза метнулись к ней, еще один холодок пробежал по моей спине.

— Как съехала крыша?

— Ллойд — потрясающий парень, но, когда я услышала, как мистер Бирман нападает на тебя, я, не колеблясь, пошла к нему. Потому, что почти все знают, что вчера Бирман напал на Хита, а у него дела идут не так хорошо, как у тебя. Ллойд рвал и метал, когда Хит рассказал ему, но Хит рассказал ему о разговоре с Бирманом, когда разговор уже был в прошлом. Так что Ллойд был готов, когда Бирман набросился на тебя.

Хит был моим коллегой по продажам, его территория находилась в западной части США.

И хотя его представители не набирали таких показателей, как мои, его показатели были далеки от отстойных.

Еще больше сплетен, которые не были свежими.

Мне нужно было бы переговорить об этом с Тэнди.

Прежде чем я успела это сделать, Тэнди продолжила:

— Бирман ведет себя так, будто единственный продукт, который мы продаем или когда-либо будем продавать — это «Тенрикс». Не знаю, я не присутствовала еще ни при одном запуске нового продукта, но мне кажется Бирман просто помешан на «Тенриксе».

Я тоже не присутствовала еще во время запуска, но он действительно казался помешанным на «Тенриксе».

Абсолютно.

Через шесть месяцев мы запустим совершенно новый продукт. У него должно быть много других дел, а не ходить по офису, отчитывая меня за одного недостаточно результативного моего представителя.

— Фрэнки? — Позвала Тэнди, и я поняла, что смотрю на нее невидящим взглядом.

Поскольку сосредоточилась на этой странности.

Странность, касающаяся не только досаждающего коллеги, превращающего жизнь окружающих в страдания. В каждом офисе был по крайней мере один такой досаждающий коллега.

Нет, странности, на которых я сосредоточилась, включали досаждающего коллегу, «схотившего с ума» по поводу нового продукта, его помощницу, обратившуюся к вице-президенту за переводом (и получавшим его), и ученого, без видимой причины прострелившему голову.

— Ты в порядке после разговора с этим придурком? — спросила она.

— Нужно гораздо больше, чем такой парень, как Рэнди Бирман, чтобы добраться до меня, милая, — ответила я.

Она ухмыльнулась, вскочила со своего места и сказала:

— Да. — Она склонила голову набок, все еще ухмыляясь. — В любом случае, моя очередь идти в кофейню за латте. Я сейчас вернусь.

Не сказав больше ни слова, она ушла, чтобы принести нам латте, наш ежедневный латте, еще одна причина, по которой Тэнди была крутой.

Но я не могла выбросить все, что она сказала, и о чем я подумала из своей головы. Не после того, как Тэнди ушла. Не весь день.

Дело в том, что я не знала, почему все эти странности засели у меня в голове.

Не то чтобы я никогда не работала с придурками. Черт возьми, мой первый босс был полным придурком, и с каждым из его продавцов Рэнди Бирман выглядел просто дилетантом.

С другой стороны, в автосалоне никого не убили.

Не в силах выбросить все эти странности из головы, вместо того, чтобы поехать домой, собраться и отправиться в путь, я отправилась в «Уайлер Продакшен». Я использовала свое удостоверение сотрудника, чтобы войти. Затем поднялась на смотровую площадку, чтобы посмотреть вниз на гигантское пространство со стерильным оборудованием и людьми, которые что-то делали в белых куртках, белых сетках для волос, белых перчатках и защитных очках. Я смотрела, смотрела внимательно, пялилась так, будто пространство могло говорить со мной.

Что я хотела найти или что я буду делать с этой найденной информацией, понятия не имела.

Что у меня было, так это спонтанное решение, мне давно следовало научиться, когда у меня появляются такие спонтанные решения, уничтожать их просто на корню.

Вместо этого я сейчас находилась здесь, где мне следовало быть в последнюю очередь, и это стало еще более очевидным, когда услышала:

— Фрэнки?

Я повернулась и вздрогнула, увидев Трэвиса Бергера, направляющегося в мою сторону. Вот дерьмо.

— Привет, Трэвис, — небрежно произнесла я.

Он посмотрел на меня, потом на производственный цех, затем снова на меня, прежде чем остановился в нескольких футах.

— Есть причина, по которой ты здесь? — спросил он.

Нет, причины не было.

Но я быстро соображала, поэтому медленно начала:

— Мозговой штурм.

Его брови сошлись вместе.

— Что?

Я соображала еще быстрее и сразу же начала нести чушь.

— Я решила провести мозговой штурм... ну, я обеспокоена результатами одного члена моей команды. Мы с Ллойдом обсуждали это, я неоднократно с ним разговаривала, но ничего не помогает. Его показатели были лучше до моего прихода, так что я знаю, что он может работать лучше. Я просто... ну, — я махнула рукой в сторону производственного цеха, — думаю, может он находится слишком далеко от дома. Не того дома, конечно, где он живет там в Чикаго, — пробормотала я. — А нашего дома фирмы «Уайлер». Если бы я привела его сюда, устроила ему еще одну экскурсию, напомнила о том, что мы делаем и как это круто. — Я посмотрела вниз и неуверенно закончила: — Не знаю.

Бергер изучал меня, а я старалась не переступить с ноги на ноги.

Наконец, он сказал:

— Чикаго, значит.

Трэвис Бергер, похоже держал во всем руку на пульсе, зная такого рода детали.

С другой стороны, именно поэтому он зарабатывал большие деньги.

— Чикаго, — подтвердила я

— Ты слишком с ним терпелива, — отметил он.

Я пожала плечами.

— Наш бизнес — это лекарства, но эти лекарства производятся для того, чтобы помогать людям. Наши сотрудники — тоже люди. Поэтому я думаю, что как компания, которая занимается оказанием помощи другим людям, должна исчерпать все возможности, прежде чем принимать более экстремальные решения, которые негативно скажутся на жизни конкретного человека.

— Да, — сказал он, поворачиваясь к окнам. — Я согласен, несмотря на то, что эти попытки могут очень раздражать.

Я была рада, что он не смотрел на меня, потому что почувствовала, как мои глаза расширились, у меня было такое ощущение, что он имел в виду себя, чьи сегодняшние выходы заставили меня оказаться здесь.

— Ну что ж! — Сказала я слишком громко, и он сразу же повернулся ко мне. — Мне нужно попасть на репетицию ужина. Мне лучше идти.

Он кивнул, не выдавив ни улыбки, ни даже ухмылки, когда сказал:

— Наслаждайся вечером, Фрэнки.

— Спасибо, Трэвис, буду. Э-э... пока.

Он снова кивнул и оглянулся на производственный цех.

Я убрала свою задницу оттуда.

И сделала это, думая, что все происходящее меня не касается.

Я продавала фармацевтические препараты. Я не работала в отделе кадров и не расследовала убийство.

Итак, Рэнди Бирман довел слово «мудак» до крайности, и кого-то из его команды замочили. Это не имело ко мне никакого отношения.

И все же я не могла отделаться от мысли, даже если это не имело ко мне никакого отношения, все равно почему-то имело.

* * *

К тому времени, как я добралась до курорта на берегу озера, где должна была состояться свадьба Вай и Кэла уже сгущались сумерки.

Во время одного из многочисленных случаев, когда я заходила к Кэлу и Вайолет выпить вина, поболтать, побыть сторонним наблюдателем, пока Вай, Кейт и Кира обсуждали свадебные планы, Вай показала мне рекламные буклеты этого места. Но когда я вышла из своего Z, оставила сумку, чтобы забрать ее позже, сунула клатч под мышку и направилась к величественному, но гостеприимному, украшенному цветами зданию из красного кирпича с белыми колоннами спереди, я поняла, что фотографии все равно не передали всей той красоты.

Репетиция ужина проходила в одной из частных комнат внутри. Свадьба должна была состояться на улице, у озера.

И, взглянув на изящное здание, я поняла, что оно потрясающее.

Я вошла и обнаружила вывеску, указывающую на лаундж с видом на озеро, где должен был состояться ужин.

Я опоздала на пару минут, отправила сообщение Бенни, когда выходила из дома, а затем продолжила гнать как сумасшедшая, чтобы добраться вовремя, так что я опоздала не больше, чем обычно и более сумасшедшие, чем обычно, пятничные пробки угрожали мне опоздать больше.

Я увидела двойные двери в комнату были открыты. Прошла через них и остановилась.

И замерла главным образом потому, что задняя часть комнаты состояла из окон, из которых открывался потрясающий вид на безупречную зеленую лужайку с горшками и цветочными клумбами, наполненными яркими красками и зеленью, а за ней — огромное спокойное озеро, одно из многих в Индиане.

Замерла еще и потому, что заметила три уютно расставленных шестиместных столика с белыми скатертями, свечами и изысканными букетами из пушисто-зеленой гортензии, кремовых роз с пурпурными ирисами.

О да, просто взглянув на организованную репетицию, поняла, что девочки молодцы. Я также знала, что эта свадьба будет потрясающей. С другой стороны, даже если бы они украсили неоновыми цветами и попросили всех надеть наряды 80-х, свадьба была бы все равно потрясающей из-за присутствующих людей и того, что означала эта свадьба.

Конец десятилетиям горя Кэла.

То же самое для Вайолет и ее девочек.

Я оглядела комнату и заметила Бенни, одетого в пиджак, стоящего спиной ко мне, Кэла с одной стороны, одетого в темно-серые брюки и черную рубашку с открытым воротом, сшитую на заказ. Вай находилась с другой стороны от Бена, и когда я увидела ее, то улыбнулась.

Кэл и Вай были очень похожи на нас с Бенни в плане ссор, и это событие, каким бы радостным оно ни было, не обошлось без упомянутой ссоры.

Поскольку Вай поделилась во время одних вечеров у нее дома, я знала, что Кэл хотел, чтобы его кольцо было у нее на пальце, и он хотел, чтобы это было сделано вчера. Ему было насрать, как это произойдет, он просто хотел, чтобы это произошло. Без промедления.

Вай, с другой стороны, не собиралась во второй раз быть на свадьбе в платье для беременных, что она сделала в восемнадцать лет на своем первом большом мероприятии.

— Я уже это проходила. На этот раз я хочу свадьбу, о которой мечтала, — сказала она мне. Поскольку Кэл любил ее до сумасшествия и хотел, чтобы у нее было то, чего она хочет, он уступил, но немного. Это означало, что он хотел, чтобы свадьба состоялась как можно скорее, после того как она родит ребенка.

Так начались новые ссоры, потому что Вай не хотела вторую свадьбу, когда отходила от родов, но она также не хотела носить всю свадьбу на руках ребенка на свадьбе своей мечты. Я действительно была у них во время одной из таких ссор, на что Кэл заметил:

— Да мне плевать, если у тебя есть лишний фунт или два.

— Больше похоже на все сорок, — парировала Вай.

— Ладно, мне пох*й, есть у тебя лишний фунт или сорок, — ответил Кэл.

— А мне нет! — огрызнулась Вай. — Свадебные фотографии делаются на вечность.

— Да. И мы будем смотреть на них и вспоминать, как за пару недель до этого события, ты подарила мне мою малышку. Чем это плохо?

На самом деле к этой логике нельзя было придаться, и Вай согласилась, только посмотрела на Кэла, но больше ничего не сказала.

Поэтому Вай, набрав тридцать пять фунтов, провела последние шесть недель, делая все возможное, чтобы избавиться от них.

К счастью, она была активной по натуре и вернулась к своей работе через пару недель после рождения Энджи. Она работала в садовом центре в Браунсбурге, но также приводила в порядок газоны и ландшафт нескольких личных клиентов. Так что, хотя вес резко не уменьшился, она сбросила пятнадцать фунтов и спланировала заранее, заказав свадебное платье, которое было на два размера больше.

На ее последней примерке в понедельник его пришлось ушивать.

И теперь она стояла там, одетая в фиолетовое коктейльное платье без бретелек с лифом с рюшами и кокетливой юбкой чуть ниже колен, с длинной зеленой атласной лентой в качестве пояса, такой же украшающей подол. На ней были зеленые босоножки на шпильках с ремешками, а ее сказочные густые темные волосы были убраны с лица и собраны в конский хвост сбоку, который представлял собой копну мягких локонов.

Она улыбалась чему-то, что говорил Бенни.

Она выглядела потрясающе.

Она также выглядела совершенно счастливой.

Что делало меня совершенно счастливой.

Я перестала смотреть на нее и перевела взгляд на приз (широкие плечи Бена в пиджаке), направившись в их сторону.

Взгляд Кэла остановился на мне, когда я находилась в пяти футах от него, улыбка Вай — через пару футов. Бен заметил и начал поворачиваться, когда я остановилась.

Поэтому, когда я обхватила его руками за талию, увидела его лицо. Это означало, что смогла приподняться на носках своих босоножек с ремешками и прижаться губами к его губам.

И почувствовала запах его лосьона после бритья, почувствовала его силу и поэтому не смогла удержаться, чтобы прикоснуться кончиком языка к его губам, прежде чем отстранилась.

— Привет, малыш, — прошептала я.

— Йо, — прошептал он в ответ, затем изогнулся еще сильнее и развернул меня так, что я оказалась рядом с ним, его взгляд опустился на мое платье.

На мне не было изящного и в то же время кокетливого платья, как на Вай.

Мое платье было кораллового цвета, короткое, облегающее, с одним длинным узким рукавом и одним открытым плечом. Я приглушила украшения (несмотря на это, мои тонкие кольца со стразами почти касались плеч) и сделала прическу пышнее. Мои туфли были медного оттенка. Макияж темный, но влажный.

Я сократила этот процесс, так что подготовка к поездке сюда не заняла целую вечность.

Но по выражению глаз Бена и его руке, крепче обнимающей меня за талию, я поняла, что он оценил мои усилия.

Я прижалась к нему ближе и переключила свое внимание на Вай и Кэла.

— Привет, ребята. Как прошла репетиция?

— У нас все готово, — ответила Вай. — Завтра, в пять часов по местному времени.

Я ухмыльнулась и ответила:

— Потрясающе.

Едва я произнесла это слово, как увидела, как Кэл приблизился и прикоснулся губами к губам Вай, бормоча:

— Пойду проверю, как там Энджи.

— Милый, она спит, и она с Мими. С ней все в порядке, — сказала ему Вай.

Он не отодвинулся, но сосредоточился более пристально на ее лице, когда повторил:

— Пойду проверю Энджи.

Вай изучала его лицо около двух секунд, прежде чем прошептала:

— Хорошо, малыш.

Он снова прикоснулся губами к ней, скользнул глазами по Бенни и мне, кивнув нам, и ушел.

— Как все продвигается с малышкой? — спросил Бен, когда Кэл ушел, а Вай провожала глазами своего будущего мужа, потом перевела взгляд на Бенни.

— Надеюсь, когда Энджи достигнет возраста Ники, когда он потерял его, он, возможно, успокоится, — ответила Вай, Кэл был безумно внимателен к Энджи. — Хотя, он Джо. В обычный день он доводит свою заботу до крайности, так что, возможно, он не успокоится. Он не имел удовольствия наблюдать, как созданный им ребенок расцветает во что-то красивое, умное и сильное. Поэтому сейчас он новоиспеченный родитель. Я не против, потому что это не вредно для здоровья, но в то же время очень красиво.

На это она слегка ухмыльнулась, но ее улыбка слегка поблекла, когда она продолжила.

— В моей истории не было его трагедии, но с Кейт у меня было то же самое. Как и у Тима, несмотря на то, что мы были подростками. Так что я не слишком беспокоюсь по этому поводу.

Тим был мужем Вайолет, которого убили несколько лет назад. И Вай была права. Кэлу не удалось продвинуться от стадии ново испеченного родителя, чтобы узнать, что все будет хорошо, наблюдая, как вырастет его ребенок.

Но он обязательно это узнает.

Иначе у Энджи на руках будет чрезмерно заботливый отец, встречающий ее бойфрендов на своем крыльце с пистолетом, засунутым за пояс джинсов.

Были вещи и похуже, как я хорошо знала.

И меня натолкнуло на эту мысль то, что миссис Замбино сказала несколько месяцев назад. Я почувствовала, как тепло разливается по сердцу, потому что поняла, когда Анджела Каллахан вырастет, она посмотрит в зеркало и увидит то, что Кэл и Вай научили ее видеть. Ничего, кроме красоты.

У меня возникла эта счастливая мысль, и я изучала выражение лица Вайолет, отметив:

— Ты кажешься довольно спокойной. — Я сказала это, но мне показалось, что она казалась не столько спокойной, сколько совершенно безмятежной. — Если бы это была ночь перед моей свадьбой, я бы, наверное, с ума сходила.

— Ну, у меня есть уже две дочери, которые проявляют признаки таланта в организации свадеб, и одна из них — Кейт. Она могла бы быть секретарем президента и сохранять хладнокровие во время очередного ракетного кризиса, — ответила Вай, и я хихикнула, услышав низкий смешок Бена. — Они держат все под контролем. — Она улыбнулась. — Чтобы я могла успокоиться, расслабиться и просто наслаждаться своей идеальной свадьбой. Мне понравилось, поэтому и сказала ей об этом.

— Это замечательно, Вай, — тихо заявила я.

— Знаю. — Она тоже говорила тихо. — Я счастливица.

Если вспомнить через что она прошла, через столько трагедий, но осталась самой собой. Ее история — она стала несовершеннолетней невестой с ребенком, вышла замуж за мужчину своей мечты, потом его потеряла, ее преследовал человек, убивший ее мужа, но она покончила с этим ужасом, бегая со мной по лесу, она заслужила этот день.

Трудный путь.

Кейт обошла свою маму, посмотрела на меня, остановилась и пробормотала:

— Привет, Фрэнки.

— Привет, милая.

Она ухмыльнулась мне и посмотрела на свою мать.

— Мауди, где Джо? Пора садиться за стол

— Он с Мими и Энджи, — ответила Вай, и Кейт понимающе кивнула.

— Пойду скажу ему, что пора, — ответила она.

— Я помогу Кире рассадить всех по местам, — предложила Вай.

— Спасибо, — пробормотала Кейт, одарила Бена и меня еще одной улыбкой и ушла.

— Извините, — произнесла Вай.

— Конечно, — ответила я.

Бен освободил ей путь, когда она направилась к своим гостям.

Затем он передвинулся, встав передо мной и обхватив обеими руками.

Я подняла на него глаза.

— Как Гас?

Он улыбнулся, хотя и покачал головой.

— С Гасом все в порядке. Гас с миссис Замбино сейчас. Я тоже в порядке, на случай, если тебе интересно. И все было хорошо еще и до того, как я увидел тебя в этом платье, но сейчас гораздо лучше.

Его взгляд опустился на мою грудь, поэтому я сжала его руку, чтобы вернуть его внимание.

— Ты не можешь винить меня за то, что я беспокоюсь о своем щенке. Ты подарил мне его в подарок, а сейчас заботишься о нем.

Он не переставал улыбаться, ответив:

— Потому что ты половину времени ездешь в командировки, живешь в съемной квартире и там у тебя полно классного барахла. Я живу в большом доме, и мое барахло — это просто барахло, которое он может грызть столько, сколько захочет.

Я почувствовала, как мои брови сошлись вместе, и сказала:

— Ты не должен разрешать ему грызть вещи, Бен.

— Ты бы не позволила? — спросил он.

— Я бы не позволила, если бы он жил со мной.

Он притянул меня ближе, наклонив голову ко мне, тихо глубоко и непринужденно сказав:

— Он уверен, что моя детка будет возвращаться ко мне.

— Говоришь так, будто этого уже не должно происходить, — прошептала я свой ответ.

Его взгляд опустился на мои губы, прежде чем его губы коснулись моих, затем он отстранился и предложил:

— Хочешь выпить, прежде чем мы сядем за стол?

Я кивнула.

— «Беллини» или что-нибудь еще? — спросил он.

— С удовольствием выпью «Беллини».

— Тогда я принесу тебе один, — сказал он, сжимая мою талию.

От этого я почувствовала себя спокойно и счастливой, несмотря на то, что Бенни регулярно демонстрировал, что все, чего я хочу у меня будет. Как щенка. Он даже показал, что может дать мне то, о чем я и не подозревала, что хочу. Как на потрясающей вечеринке по случаю дня рождения. И последнее, он показывал, что сделает для меня практически все. Например, устроит банч с шампанским, чтобы я могла отпраздновать свой день рождения с Сэлом и Джинной.

Достаточно сказать, что я больше не была в режиме влюбляющейся сумасшедшей женщины.

Я перешла в гораздо более опасный режим — безумно влюбленной женщины.

— Мы сидим за главным столом с Вай, Кэлом и девочками, — сообщил мне Бен, кивнув в сторону столика у окон.

— Хорошо. Встретимся там.

— Хорошо, — сказал он после еще одного пожатия и прикосновения губ к моему виску. Затем отпустил меня и направился к бару.

Я подошла к столу, мне была оказана честь сидеть с молодоженами, потому что я была парой Бена. Он был шафером, а Кейт и Кира были подружками невесты Вай. Мэнни также присутствовал на свадебной вечеринке Кэла, как и Колт. Подружек невесты Вай сопровождала ее подруга Шерил. Это означало, что присутствовали еще Мэнни и Села, Колт и Феб и Шерил, с сыном и его девушкой.

Также прибыл отец Вай (без ее мамы, они не были близки), а также Тереза и Винни — единственные родители, которые были у Кэла. И поскольку Вай была близка с родителями своего первого мужа, это означало, что Беа и Гэри Винтерс тоже приехали, замыкая третий стол.

Все расселись по своим местам. Бен принес мне коктейль, затем снял пиджак, оставшись в темно-зеленой сшитой на заказ рубашке. Он повесил пиджак на спинку стула. Появился Кэл, он пришел с Кейт, я была в курсе, что присутствовала еще одна подруга Вай и Феб — Мими (леди, которая владела шикарной кофейней в Браунсбурге), она должна была присутствовать на самой свадьбе, сейчас приехала пораньше, чтобы присмотреть за Энджи и Джеком, сыном Колта и Феб.

Я потягивала свой «Беллини», откинувшись на спинку и слегка наклонившись в сторону, потому что Бен наклонился ко мне, его рука лежала на спинке моего стула. Я улыбалась, болтала, смеялась. Разносили шампанское, красное и белое вино (на выбор, высшего сорта), а также тарталетки, фаршированные сыром и кремообразным крабовым мясом.

Затем тарелки с закусками убрали, бокалы вновь наполнили, мы болтали в ожидании наших основных блюд, когда раздался звон ножа о бокал с вином.

Все взгляды обратились к столу родителей, Гэри поднялся с бокалом шампанского в руке.

Разговор прекратился, его глаза обратились к Вай и Кэлу, он произнес:

— Приношу извинения. Мне есть что сказать, правда, у меня были сомнения, стоит ли выступать. В конце концов, я решил, что должен сказать. Я поговорил с Беа, и мы решили, что более уместно выступить сегодня, в небольшой тесной компании, нежели завтра.

Он глубоко вздохнул, его голос стал мягче, но все еще звучал отчетливо, когда он продолжил.

Теперь его глаза были устремлены только на Вай.

— Мой прекрасный цветок, — начал он, и я даже не знала, что он собирался сказать, но его начало заставило меня глубоко вздохнуть, пытаюсь не расплакаться. — Этот день стал днем, о котором я никогда не думал, что он наступит. Этот день стал днем, которого я никогда бы не пожелал, чтобы он наступил. Но вот мы здесь, наблюдаем, как ты закрываешь одну книгу и открываешь другую, еще не заполненную. Книгу, которую тебе посчастливится написать, ту историю жизни, которую собираетесь создать. Беа и я знаем в глубине души, что эта книга будет такой же необыкновенной историей, великолепной, которую ты создала в первый раз, — он кивнул в сторону Кейт и Кире, — эта не будет отличаться от первой.

— Святое дерьмо, — прошептала я, и рука Бена перестала свисать со спинки стула, а обняла меня за плечо.

Гэри перевел взгляд на Кэла.

— Этот день — день, которого я никогда не хотел, чтобы он наступил. Но ты должен знать, для нас с Беа большая честь, что ты позволил нам находиться здесь сегодня вечером, разделить ваше радостное событие завтра, что мы можем стать неотъемлемой частью вашей жизни. Однако это нечто большее, Джо Каллахан. Для нас с Беа невообразимая честь познакомиться с таким мужчиной, с такой любовью в сердце, как ты, готово по зову сердца отдавать свою любовь нашим девочкам, силой ума и тела защищать их, твердостью своей решимостью заботиться о них. Несмотря на то, что новую книгу, которую вы напишете с Вайолет, означает для меня с Беа, что мы должны закрыть нашу книгу, которая больше не будет никогда открыта, но нет другого мужчины в мире, которого бы мы хотели видеть на месте рядом с Вай и нашими девочками. Мы рады познакомиться с тобой. Рады, что ты стал частью нашей семьи. И мы желаем тебе, Вай, Кейт, Кире и маленькой Энджи обладать всей красотой, которую вы все заслуживаете, когда будете писать свою историю жизни.

Он поднял свой бокал, но я услышала, как Вай всхлипнула, но не стала смотреть в ее сторону, поскольку Гэри продолжал.

— Будущим Джо и Вайолет Каллахан, желаю вам историю жизни полной любви, надежды, обещаний, радости и смеха, которых вы не только заслуживаете, но и полностью выстрадали.

Раздались «За Кэла и Вай», мы все подняли наши бокалы и сделали по глотку.

Кроме Вайолет, которая поднялась со своего стула, с раскрасневшимися щеками и мокрыми сияющими глазами подошла к своему свекру, обняла его и уткнулась лицом ему в шею.

А я сидела и думала, что мне это нравится. Мне понравилась эта эмоция от Вай. Понравилось, что она относилась к тем людям, готовых принять, возможно, слегка неловкое, но понимая, что в итоге все получится потрясающе красиво.

И я сидела в этом зале у окон, оглядываясь по сторонам, увидев, как Кэл уделяет свое внимание Кейт и Кире, обоих переполняли эмоции от речи бабушки, обе были ему не кровными дочерьми, но все равно стали его. Я перевела взгляд на Винни и Терезу, которые находились здесь не как родственники, потому что заслужили свое место здесь, будучи единственными настоящими матерью и отцом, которые были у Кэла всю его жизнь.

А потом появилась я. Полюбив одного брата, его убили, и, спустя годы, влюбилась по уши в другого, потому что он был всем, чем должен быть мужчина, и он дарил мне всю эту красоту.

И я сидела здесь и думала о том, что происходило в этом зале.

Это была жизнь.

Семья.

Беспорядочное, странное, неуклюжее, сумасшедшее скопление людей, которые полностью подходили друг другу, когда не должны были. Отчего речь Гэри стала такой же красивой, даже несмотря на разбитое сердце от осознания, что они пришли сюда, потому что их сына не было рядом с Вай.

Это было то, чего я всегда хотела.

И это было то, что у меня всегда было. Возможно, моя семья была не такой принципиальной, не такой приличной, странной, еще более неуклюжей и определенно более сумасшедшей.

Но это была семья.

И, сидя рядом с Бенни Бьянки, в окружении семьи, я знала, даже не сомневаясь, что на планете нет больше места, где я предпочла бы находиться.

* * *

Я стояла у панорамного окна нашей с Бенни хижины, глядя на темное озеро.

В отеле было семьдесят пять номеров и вереница домиков вдоль озера. Бенни поселил нас в одном из домиков на все выходные. Так что после завтрашних празднеств у нас с Беном будет почти целый день побыть в окружении этой природной красоты.

Но завтра Бен, Кейт, Кира, Феб и я собирались отправиться на озеро в лодке Колта, которую он спустил на воду. Мы собирались покататься на тюбинге и водных лыжах.

Шерил и Вай собирались в спа-центр отеля, сделать массаж, освежить лицо, навести лоск перед тем, как сделать прическу и макияж.

Меня пригласили в спа, но я не хотела. Вчера я сделала маникюр / педикюр, вполне могла сама сделать прическу и макияж.

Что мне было нужно, так это время с Бенни и время на скоростном катере по прекрасному озеру с двумя великолепными девушками, классной цыпочкой и приятным парнем.

Бен пришел в отель пешком из домика на репетицию, поэтому он отвез меня назад на моей Z.

Он принес мою сумку в спальню.

Я смотрела на озеро, думая, что никогда не испытывала того чувства, которое испытывала сейчас. Я не знала, что это было за чувство, потому что это было не просто счастье.

А нечто большее.

Мне казалось, что я чувствовала себя так же, как выглядела Вай сегодня вечером (когда она не плакала из-за речи Гэри).

Безмятежно, умиротворенно.

— Думаю, что Кэл не подумал, когда потребовал, чтобы они поженились после появления Энджи на свет, — крикнул Бен, входя в комнату. — Девочки едут в Чикаго, чтобы провести неделю с Беа и Гэри. Но Энджи поедет с Вай и с ним в «Вирджин Горда». Я не уверен, что медовый месяц будет всем, чем он может быть.

— Когда Кэл полон решимости что-то сделать, думаю, у него все получится, — заявила я в окно.

— Ага, — ответил Бен, затем спросил: — Холодильник полон, детка. Хочешь выпить?

— Нет, мне достаточно.

Мне правда было и так хорошо.

Лучше, чем когда-либо.

Две секунды спустя мне стало еще лучше, когда Бен прижался своей грудью к моей спине и обнял меня.

Я почувствовала его лицо на своей шее, и мне стало еще лучше, когда он прошептал:

— Моя детка успокоилась.

— Твоя детка счастлива.

Его руки сжались.

— Спасибо, что подарил мне этот вечер, Бенни Бьянки.

Он слышал меня. Еще ближе прижал к себе. Он понимал, что этот вечер означал для меня.

Я поняла это, когда он прорычал:

— Господи, Фрэнки, — уткнувшись мне в шею, его руки очень крепко сжались.

— Некоторое время назад, — сказала я, глядя на озеро, — ты сказал, что любишь меня.

Его руки не ослабли, но губы скользнули к моему уху.

— Да? Когда это было?

Как будто он не помнил.

Но я напомнила ему:

— В тот день, когда родилась Энджи.

— Ну, я не врал.

Он вспомнил.

Я закрыла глаза, чтобы в полной мере ощутить великолепие его слов, окутывающих меня.

— Больше ты никогда этого не говорил, — отметила я.

— Я показывал, — ответил он.

Он действительно показывал. Постоянно.

— Да, — прошептала я, скользя ладонями по его рукам, пока он держал меня, положив свои руки на его. — Мне показывать?

— Tesorina.

Больше он ничего не сказал.

— Я хочу показать, — сказала я так тихо, что едва слышала себя, но я чувствовала, как мой голос дрогнул от чувств. — Я хочу знать, что я показала. Хочу знать, что ты почувствовал. Даже когда ты далеко от меня. Хочу знать, что ты просыпаешься каждое утро и ложишься спать каждую ночь, зная, что у тебя есть моя любовь.

— Никогда ты мне этого не говорила, Фрэнки.

Я открыла глаза и посмотрела на озеро.

— Ну, я говорю это сейчас. Я люблю тебя, Бенни Бьянки. Даже когда тебя нет со мной, я просыпаюсь, зная, как сильно люблю тебя, и ложусь спать с этим же чувством.

Я только произнесла слово «чувством», как исчез вид озера, потому что Бен развернул меня в своих объятиях. Рука скользнула вверх по моим волосам, другая прижала меня к нему, и он наклонил ко мне голову.

Затем поцеловал медленно, глубоко, великолепно.

Но когда он поднял голову, то просто тихо сказал:

— Пойдем в постель.

Не было другого места, где я предпочла бы сейчас оказаться с ним.

Я не озвучила этого Бену.

Просто почувствовала, как он отпустил меня, взял за руку, а потом повел меня в постель.

* * *

— Детка, я должен уже быть у Кэла! — крикнул Бенни в сторону ванной, где Фрэнки засела уже полвека назад, натягивая пиджак от смокинга и благодаря Бога за то, что Кэл был таким, каким был Кэл. Будучи человеком, ненавидящим галстуки, следовательно, человеком, который не только не надевал их на свою свадьбу, но не ждал, что другие мужчины, стоявшие рядом с ним, наденут их.

Шаферы Кэла были одеты в смокинги с темно-фиолетовыми рубашками, Кэл и Вай заказали всю одежду специально для каждого, все, включая смокинги, они могли оставить себе.

Ему не нужен был смокинг, хотя он и не сказал «нет». Но даже темно-фиолетовый цвет был темным, материал — прекрасным, так что рубашка была просто крутой.

Кэл был одет в черную рубашку со смокингом. С другой стороны, кроме синих джинсов, Кэл никогда не носил ничего, кроме черного.

— Езжай! — крикнула Фрэнки в ответ через закрытую дверь. — Я поеду на Z.

— Не нужно ехать на двух машинах, стоянка будет забита битком. К тому времени, как ты доберешься туда, тебе придется преодолеть целую милю. Ты должна меня отвезти. Можешь потусоваться с Мими, — ответил Бен.

Он направился в ванную, чтобы открыть дверь, но внезапно остановился, когда дверь открылась и появилась Фрэнки.

Ее волосы были уложены в большую, беспорядочную, сексуальную, свободную прическу на затылке с завитками и волнами. Макияж и украшения были лучше, чем вчера, вероятно, потому что это была свадьба. На ней не было туфель.

Ему нравились ее шпильки, но это платье не нуждалось в шпильках.

Бирюзовое, без бретелек, короткое, обтягивающее, с двумя толстыми полосками черного кружева, идущими по диагонали — одна на бедре наискось огибала ребра, другая на ребрах с другой стороны, наискось огибала грудь и заканчивалась на верхе платья, в виде рюшки, выступающий из бирюзы, была такой чертовски милой, что походила на еще один аксессуар.

Фрэнки умела всегда менять оттенки безумно красивой.

Он никогда не видел никого за всю свою жизнь настолько чертовски сногшибательного.

— Я только возьму свои туфли... — начала она.

— Да ну? — прервал он ее.

Она перестала двигаться, и ее глаза обратились к нему.

Прочитав его мысли, он понял, что она прочитала его намерения, когда начала пятиться, говоря:

— Бенни, моя прическа...

— Да ну, — сказал он снова, на этот раз как утверждение, начиная приближаться к ней.

— Мы не можем, Бенни. Ты должен быть уже в отеле.

— Мы сделаем все быстро, — ответил он, и она врезалась в стену.

Она начала скользить по стене, но он остановил ее, упершись рукой в стену рядом с ней.

— Даже быстро... — начала она.

— Задери юбку, — приказал он, убирая руку со стены, другой, охватывая ее за талию, остальная часть его тела вошла в ее личное пространство.

Ее глаза расширились, также вспыхнули, и он понял, что означал ее взгляд.

Но она заявила:

— У нас нет времени, Бенни, — но ее голос звучал тихо.

— Задирай юбку, детка.

— Бен...

Он припал губами к ее губам.

— Сейчас же.

Ее веки опустились, руки потянулись к юбке, чтобы ее задрать.

Как только она подняла, его руки потянулись к ее трусикам, чтобы стянуть их вниз.

Затем он поднял ее за задницу и прижал к стене.

Руки на ее голой заднице, губы прикасаются к ее губам, он сказал:

— Нужны твои руки, детка.

Она знала, что ему нужно, и ее пальцы потянулись к его штанам. Не теряя времени, она высвободила его член и попыталась двигать рукой, охватив полностью.

Господи, Фрэнки.

Он стиснул зубы и приказал:

— Направь его в себя.

Она слегка прикусила его губу, и от этого электрический импульс пронзил прямо его член, потом еще, как только она дотронулась головкой до схода своей мокрой киски.

— Чертовое экстази, — простонал он и вошел внутрь.

Ее руки поднялись, она обхватила его за плечи и прошептала:

— Нет, детка, это экстаз.

Она не ошиблась, стало лучше, когда он сильно и быстро прижал ее к стене, ее руки и ноги обвились вокруг него, ее киска с силой сжалась, ее губы коснулись его губ, их дыхание участилось, пока его не стало затрудненным и прерывистым от ее стонов, а ее — прерывистым.

— Люблю тебя, Бенни, — прошептала она ему в губы, крепко ухватившись за него всем, что у нее было.

Господи.

Фрэнки.

Чертовый экстаз.

Он скользнул рукой по верху ее спины, прижав ближе.

— Я тоже люблю тебя, сага.

— Уже близко, — захныкала она, еще сильнее сжав руки и ноги.

— Давай, милая, отпусти себя.

Она отпустила, задыхаясь у его рта.

Как только кончила, он последовал за ней, сильнее и быстрее трахая ее, пока не достиг оргазма.

После того как он вернулся на землю, которую она ему подарила, он скользнул губами к ее шее и поцеловал ее там.

И сказал:

— Может нам стоит купить тебе несколько толстовок.

— И упущу свой шанс, чтобы Бенни Бьянки прижал меня к стене? Мне так не кажется, — ответила она ему на ухо, слова звучали хрипло.

Он поднял голову и улыбнулся ее красоте, оставаясь внутри и прижимая ее к себе, пробормотав:

— Теперь мне действительно пора.

— Хорошо, милый. Найди мои туфли. Я приведу себя в порядок, и мы поторопимся.

Он прикоснулся губами к ее, выскользнул и поставил ее на ноги, удерживая, пока не понял, что она устойчиво стоит на ногах.

Он поправил одежду и застегнул молнию. Она привела себя в порядок и натянула трусики. Он подобрал с пола ее туфли, поставил перед ней, и она засунула туда сначала одну, потом другую ногу.

И он держал ее за руку, когда они шли к ее Z.

* * *

— *Cugino*, ты не шутишь?

Им только что сообщили, что пришло время занять свои места в беседке у озера.

Мими пришла, чтобы забрать Энджи у Кэла, но Кэл приказал ей уйти, его малышка будет с ним.

Вот тогда-то Бенни и задал свой вопрос.

Кэл посмотрел на него.

— Ей хорошо со мной.

— Брат, ты сейчас женишься, — заметил Бенни.

— И она будет со мной, — заявил Кэл.

Бен заметил улыбку Мэнни, адресованную Колту, который ухмыльнулся в ответ, затем направил свою ухмылку на свои ботинки.

Затем Бен посмотрел на Мими и сказал:

— Ты можешь идти, дорогая. Спасибо.

— Хорошо, — пробормотала она со смехом в голосе. — Удачной свадьбы! — громко заявила она, прежде чем исчезнуть.

— Кольцо у тебя? — спросил Кэл.

— Ты думаешь, я бы забыл что-то подобное? — переспросил Бен в ответ.

— Я не так спросил. А спросил, с тобой ли оно, — ответил Кэл.

— Конечно, у меня.

— Блестяще. Давайте покончим с этим дерьмом, чтобы я мог раздобыть что-нибудь поесть, — пробормотал Кэл, крепче прижимая дочь к себе и направляясь к двери.

Бен покачал головой, но сделал это, тихо посмеиваясь, следуя за своим кузенком.

Они вышли через боковую дверь, и Бен увидел то, что он видел ранее, когда приехал составить компанию Кэлу и его дочери перед свадьбой.

Много белых стульев, внешние ряды соединены на концах зелеными и фиолетовыми лентами, на некоторых стульях висели букеты цветов кремового и фиолетового цветов, цветы также украшали внутренний ряд стульев, но без лент.

Крыша беседки была усыпана цветами. Также к огромному букету в передней части беседки были прикреплены белые ленты, которые вели к столбам, воткнутым в землю на каждом третьем стуле по всему пространству. Бен мало что знал о свадебном украшении, но ленты и шести были приятным штрихом, создавая ощущение интимности, несмотря на то, что они находились на улице, при этом не загораживая феноменальный вид вокруг.

Судья, проводивший церемонию, стоял в беседке, а струнный квартет играл «Канон в ре» Иоганна Пахельбеля.

Не колеблясь и ни на кого не глядя, Кэл направился прямо к беседке, неся Анджелу в ее маленьком фиолетовом платьице с фиолетовой лентой, обернутой вокруг ее хорошенькой, лысой, если не считать намека на темный пушок, головы.

Бен встал на ступеньку рядом со входом в беседку, Мэнни занял свое место на траве рядом с ним, потом Колт, и едва они встали, как Шерил ступила на белую дорожку, ведущую к проходу. Она была в облегающем зеленом атласном платье без бретелек, в руках тонкий букет пурпурных ирисов, стебли которых по всей длине были перевязаны зеленой лентой. Кейт и Кира шли за ней, держась за руки, одетые в фиолетовое платье без бретелек, но не в обтяжку. Их платья были с пышными юбками с такими же букетами.

Он оторвал от них взгляд и увидел Фрэнки, сидящую между Селой и его мамой в первом ряду, она полностью развернулась на своем месте, наблюдая, как девочки идут по проходу. Осмотрев ее от волос до шпилек, именно тогда он понял, что ему следовало подождать, чтобы трахнуть ее после того, как она наденет туфли.

При этой мысли он услышал, как Кэл издал низкий, грубый звук, и его глаза оторвались от Фрэнки, которая теперь поднималась со своего места, Бенни перестал дышать.

Под руку со своим отцом, держа огромный, пушистый букет, в котором, как заметил Бен, были кремовые розы, большие цветы из вчерашнего украшения стола белого цвета, и маленькие фиалки, Вай шла по проходу.

Ее платье цвета слоновой кости без рукавов было отделано кружевом, начиная от V-образного выреза, делающего намек на декольте, до длинного шлейфа,двигающегося за ней. Вокруг талии широкая фиолетовая лента, концы которой переплетались со шлейфом. Ее волосы были собраны вверх, переходя в свободный хвост сбоку от шеи, вокруг и расходящимися от него лучами были вплетены стразы и крошечные настоящие фиалки.

Ее рука лежала на сгибе руки отца.

Ее глаза были прикованы к Кэлу.

И ее лицо сияло.

Бен заставил себя вздохнуть и наблюдая, как Вай идет по проходу под канон Пахельбеля, ее глаза не отрывались от Кэла, улыбка не сходила с лица.

Кэл встретил ее у подножия лестницы, она качнула головой своему будущему мужу, прежде чем наклонилась и поцеловала их дочь в макушку.

Отец передал ее, и Кэл повел ее вверх по ступенькам.

Через пятнадцать минут они поженились.

Объявленные мужем и женой, даже держа свою дочь на руках, Кэл прижал жену к себе. Поцелуй был долгим, влажным и глубоким до такой степени, что Бенни услышал смех. Он не смог сдержать улыбку, и вместе с толпой Бенни участвовал в аплодисментах и криках.

Поцелуй закончился только тогда, когда Анджела проявила характер, сообщив громким детским визгом.

После поцелуя Кэл прижал свою девочку, затем повел свою жену и малышку по проходу, оба они останавливались, улыбаясь гостям, Вай наклонялась и прижималась щекой к женщинам, Кэл кивал подбородком, позволяя некоторым гостям прикоснуться к пухлой детской щечке своей дочери.

Бен вышел в проход, взял Кейт под руку, Киру — под другую и последовал за молодоженами.

Колт и Мэнни встали по бокам Шерил и последовали за Бенни и девочками.

Короткая, милая и чистая красота.

Именно так Энтони Джозеф Каллахан сделал Вайолет Винтерс своей женой.

19

Ни в коем случае

Бен был взбешен не потому, что только что зазвонил его телефон и на дисплее высветился номер Сэла.

А потому что сегодня был его день рождения, в четверг, после свадьбы Кэла и Вай, и Фрэнки должна была приехать сегодня утром, а уехать завтра.

Но она позвонила накануне и сказала, что у нее возникли дела на работе, которые не сможет перенести. Это означало, что она вылетела бы к нему поздним дневным рейсом, он пригласил бы ее на ужин и трахнул, а затем она улетела бы первым утренним рейсом. Рейсом, вылетающим в 6:30, а это означало, что они должны были выйти из дома до пяти, чтобы успела на самолет.

Технически, она побывала бы на его дне рождения, так что он не злился бы на нее.

Но он явно выразил все, что ожидал, когда дело доходило до особых, важных дней.

Но ее работа была ее работой, она многое значила для нее, ему пришлось отступить.

В этот раз.

И было интересно, когда, черт возьми, придет время, и он не отступит. Они любили друг друга. Они озвучили эти слова. Показали всеми способами. Когда они были порознь, это было нормально, они держались так близко, как только могли, соблюдая расстояние, но это было далеко не так хорошо, как когда они были вместе.

Когда они были вместе, это был настоящий взрыв.

Она должна была хотеть большего, не так ли?

У него не было ответа на этот вопрос, и он все больше расстраивался из-за того, что Фрэнки даже не пыталась задать этот вопрос, а это означало, что ему придется задать его, и, возможно, ее ответ ему не понравится.

С этими мыслями он заехал к себе в гараж после утреннего похода в спортзал. Ходил в спортзал, когда ему следовало ехать в аэропорт за Фрэнки.

Нет, когда он должен был находиться дома, уже приехав из аэропорта, и праздновать день рождения со своей женщиной в своей постели.

А вместо этого разговаривал с Сэлом по телефону.

Другими словами, до сих пор это был чертовски дерьмовый день рождения.

Он схватил телефон, ответив на звонок, забрал свою спортивную сумку и выбрался из машины.

— Сэл, — поприветствовал он после того, как поднес телефон к уху.

— Бенни, *figlio*.

Бен стиснул зубы, желая, чтобы Сэл прекратил это дерьмо с «*figlio*» — *сынком*.

— Слышал, Вайолет была прекрасной невестой, — продолжил он, Бенни вышел через боковую дверь гаража на свой задний двор.

— Да, — согласился Бен, не собираясь говорить ему, что, по его мнению, было круто, что они с Джинной отклонили приглашение Вайолет, понимая, что на этом маленьком курортном сборище Бьянки будет трудно избегать родственников.

Это было неплохо по отношению к Кэлу и Вай, не ставя их в неловкое положение, не говоря уже об уважении к его маме и папе, которым не нужно было это дерьмо в день, когда они были на седьмом небе от счастья.

— Надеюсь увидеть фотографии, — пробормотал Сэл.

Бен промолчал. Хотя у него на телефоне было около трех тысяч фотографий, все они были сделаны Фрэнки, ее телефон не помещался в ее крошечной сумочке, которую она взяла лишь для того, чтобы положить туда блеск для губ.

Даже если бы у него были фотографии, он бы их Сэлу не отправил.

Он вошел в заднюю дверь дома и сменил тему, спросив:

— Есть хоть одна причина, по которой ты звонишь?

— К сожалению, да, — ответил Сэл.

Сэл никогда не был силен в словах «к сожалению».

Бен бросил свою спортивную сумку на стол и подошел к холодильнику за водой, подсказывая:

— И это...?

— Навел справки, Бенни, копнул поглубже. Вот почему это заняло так много времени. Похоже, работа, о которой ты спрашивал, была выполнена умельцем из другого города. Никаких следов. У меня ничего нет.

Бен опустил голову, глядя на свои кроссовки.

Он не знал, как отнестись к этой новости.

С одной стороны, Фрэнки больше не упоминала об убийстве, и в ее компании казалось все улеглось.

С другой стороны, она сказала ему, что у нее была прямая стычка с тем мудаком, с которым она работала, что-то с этим парнем, что совсем не означало, что «все улеглось». Причем этот мудака сам спровоцировал стычку; Фрэнки не поддалась. Она просто выполняла свою работу, когда он неожиданно наехал на нее.

Однако, когда она рассказала ему об этом в воскресенье после свадьбы Вай и Кэла, почему-то говорила как-то осторожно.

Он не знал Фрэнки, чтобы она говорила так осторожно, скрытно. Следовательно, для нее не совсем «все улеглось». Даже когда она продинамила его вопросы, единственная причина, по которой у него не было ответов на то, почему она это сделала, заключалась в том, что она сама их не знала.

И из-за этого у него было нехорошее предчувствие по поводу скрытности и осторожности Фрэнки.

— Но ты же знаешь, что это был заказ, — заявил Бен.

— Было заказное убийство, — подтвердил Сэл.

— Ты просто не знаешь, почему оно было заказным, — продолжал Бенни.

— Нет, Бенни, не знаю почему, — снова подтвердил Сэл.

Нехорошо. Это было нехорошо.

— Ты хочешь, чтобы я продолжил копать? — спросил Сэл в тишине, и Бен поднял голову, но невидящим взглядом уставился на старый календарь у себя на стене.

— А что говорит твоя интуиция? — спросил Бенни.

— С Фрэнки? — переспросил Сэл, а затем ответил: — Я продолжу копать.

Именно это и подсказывало внутреннее чутье Бенни.

Вот черт.

— Это будет еще один маркер? — поинтересовался он.

— Работа не выполнена, Бенни, — ответил Сэл. — Так что нет.

Бен втянул воздух и двинулся к двери в холл, немного смягчившись по причинам, о которых он, черт возьми, понятия не имел.

— Я попрошу Фрэнки прислать тебе несколько свадебных фотографий.

— Джине бы это понравилось.

Да, что угодно.

— Мне пора, — сказал ему Бен.

— Addio, figlio.

— Пока.

Бен закончил разговор и побежал вверх по лестнице, размышляя, должен ли он сначала принять душ, а затем вывести Гаса на прогулку, или выпустить Гаса из заточения конуры, вывести его на прогулку, а затем принять душ с Гасом, грызущим коврик в ванной комнате. Он смотрел себе под ноги и думал о щенке — щенке Фрэнки, которого она должна была сегодня выгуливать, войдя в свою спальню.

Это означало, что он резко остановился, вскинув голову, услышав, как Фрэнки сказала:

— С днем рождения, Бенни.

Он стоял неподвижно и смотрел на нее в своей постели, одетую в ночнушку темно-сливового цвета, середина которой была из прозрачного материала, немного ниже бедра, и на согнутой ноге он заметил тонкую кружевную полоску ее трусиков, он надеялся, что эта полоска, мать твою, превратится в стринги.

Ее волосы представляли большую массу локонов, ниспадающих на плечи и спускающихся по груди, именно так, как ему нравилось.

Ее макияж был густым, но стильным, как раз таким, как ему нравилось.

И даже на расстоянии нескольких футов он чувствовал легкий запах ее духов.

Все это, вся она, лежащая в его кровати, улыбающаяся ему своей улыбкой, точно так, как ему нравилось.

— Итак, — произнесла она и встала на колени, что заставило его член затвердеть так, он понял, этот раз побьет рекорд. Потому что он увидел только маленький треугольник сливового цвета, прикрывающий ее лоно, и полоски, проходящие по выпуклостям ее бедер сквозь прозрачную ткань, не говоря уже о хорошем виде ее слегка раздвинутых кремовых бедер. — Ты так надрал задницу моему дню рождения, что мне пришлось проявить творческий подход... — Она склонила голову набок, и ее волосы взметнулись в сторону, прежде чем продолжила: — Ну, немного ввела тебя в заблуждение.

Она потянулась за спину, а потом в ее руке оказалась большая пластиковая бутылка шоколадного соуса.

— Я прибыла подготовленной, — закончила она, размахивая бутылкой в воздухе рядом с головой.

Он внезапно почувствовал, что это будет лучший день рождения, который у него когда-либо был.

Чтобы не откладывать переход к этой части, он подошел к краю кровати, остановился, встав перед ней, бросил свой телефон и бутылку воды за Фрэнки на кровать.

Когда он сделал это, Фрэнки положила свободную руку ему на грудь и прошептала:
— Потный.

Бен взял бутылку у нее из рук и бросил ее так, что она приземлилась вместе с остальным дерьмом.

Она откинула голову назад, поймала его взгляд, и спросила:

— Не голоден?

— На сколько ты удержишься? — спросил он в ответ, и игривый огонек вспыхнул в ее глазах.

— До утра.

Разочаровывающий огонек.

У него, и мерцающий — у нее.

— Сколько ночных рубашек ты привезла? — не останавливался он.

— Пять.

Вот это было уже кое-что.

— Эта самая лучшая? — продолжил он.

— Не знаю, — ответила она. — Тебе придется их оценить.

Он готов был их оценить.

Но сначала ему нужно было бы лучше познакомиться с этой ночнушкой.

Поэтому он наклонился к ней, приподняв прозрачный материал, найдя кончиками пальцев полоску ее трусиков, провел по ней пальцами по ее бедру к верхней части ягодицы и вниз, пока не наткнулся на полоску, исчезающую в заднице.

Стринги.

Господи.

Фрэнки.

Она скользнула руками по бокам его футболки, потом вверх по коже по бокам его ребер, ее голова откинулась назад, глаза смотрели на него, больше не игриво, а как ему чертовски намного больше нравилось.

Он просунул средний палец под полоску, провел подушечкой между половинками ее задницы, ее веки опустились, губы приоткрылись, а его член подпрыгнул.

— Мне нравится, детка, — пробормотал он.

— Там написано «С днем рождения»? — спросила она.

— Черт возьми, да.

— Ты собираешься открыть свой подарок?

Его палец наткнулся на влажность, показывая, что она готова, он прорычал:

— Черт возьми, да.

Ее руки скользнули назад, нырнув в его тренировочные штаны, обхватив его задницу, она наклонилась вперед, так что ее губы коснулись его губ.

— Тогда начинай, милый.

Определенно.

Этот день рождения должен был быть чертовски лучшим.

Он наклонился и провел кончиком пальца по ее влажности вверх, скользя им внутрь.

Ее пальцы сжались на его заднице, и она выдохнула:

— Бенни.

Он засунул палец поглубже и спросил:

— Что еще ты запланировала, Фрэнки?

— Хорошо, — прошептала она, и он вошел глубже, затем вытащил и вошел обратно, снова и снова, пока ее руки не перестали сжимать его задницу и не потянулись вверх по спине. — У меня есть шоколадный соус.

— Видел, милая.

— А у миссис Замбино есть ингредиенты для торта, который я собираюсь испечь позже.

Он продолжал трахать ее пальцем, глядя ей в глаза, чувствуя, как его член начинает болеть, наблюдая, как она возбуждается, сказал:

— Буду с нетерпением его ждать.

— У нее также есть все необходимое для ужина, который я собираюсь приготовить тебе позже. Вдвоем, только ты и я. Я позвонила Терезе, и они с Винни с радостью подождут, чтобы отпраздновать с тобой в выходные.

Только ты и я.

Да.

Она определенно надирала ему задницу с днем рождения.

— Звучит заманчиво, — пророкотал он, продолжая вводить в нее влажный палец.

— И, конечно, я купила тебе подарок, — хрипло продолжила она.

Он глубоко ввел палец, заставив ее ахнуть, и отметил:

— Казалось, мой подарок лежит прямо передо мной.

— Я купила тебе еще кое-что, — выдохнула она.

Ему не нужен был еще «кое-что», но ради нее он бы согласился.

— Что еще, Фрэнки?

Она скользнула рукой с его спины по животу вниз по его твердому члену, ее бедра двигались вместе с его пальцем, готовые двигаться дальше, и он знал это, когда она умоляла:

— Мне нужно, чтобы ты трахнул меня, Бенни.

— Что еще ты запланировала, детка?

— А чего ты хочешь, милый?

— Ты сядешь мне на лицо, пока будешь мне отсасывать.

Ее бедра дернулись, а губы прошептали:

— Да.

— Ты будешь скакать на мне голышом, играя со своими сиськами и клитором?

Ее рука на его члене начала потирать, когда она с придыханием повторила:

— Да, Бенни.

Он вытащил палец, сильно потер им ее клитор и увидел, как ее глаза закатились, а из горла вырвался стон.

— Ты позволишь мне делать с тобой все, что я захочу?

— Да, Бен.

— Тогда поворачивайся на колени, лицом к матрасу, задницей вверх, и дай мне свою киску, — приказал он.

Она мгновенно сделала, как он ей велел, встав на колени с опущенной головой, задницей кверху, от этого вида, ее безупречной кожи ее задницы в этих стрингах чуть не заставил его кончить в штаны.

Он этого не сделал.

Он спустил стринги с ее бедер, вытащил член, расположился и вошел.

Ее голова откинулась назад, темные, блестящие волосы разлетелись во все стороны. Он протянул руку, накрутил ее волосы на руку и сильно потянул.

— Да, — сказала она со сдавленным криком.

— Чего ты хочешь? — спросил он, входя глубоко и жестко.

— Трахни меня, Бенни.

— Жестко?

— Да.

Он входил глубоко, врезаясь.

— Моя детка хочет, чтобы было жестко?

— Пожалуйста, — взмолилась она.

Он потянул ее за волосы.

Ее киска конвульсивно сжалась вокруг его члена, а бедра начали двигаться ему в такт, она насаживалась, когда ее сладкая, тугая киска скользила на его члене.

Чертовый экстаз.

Он отбросил ее волосы, но еще больше наклонился над ней, обхватив за плечо, и даже когда она отпрянула, он придвинул ее к себе, другой рукой, шлепнув по бедру, заставив ее подпрыгнуть.

— Быстрее, детка, — приказал он хриплым голосом, его член был готов взорваться.

Он жестко трахал, пока она, ускоряясь, трахала себя.

— Быстрее, — повторил он, еще раз шлепнув ее по бедру. Ее голова откинулась назад, тело выгнулось, он услышал, как она вскрикнула, почувствовав, как кончила, сжав его член.

Он подвинул ее по кровати, встав коленями на матрас, продолжал насаживать ее киску, и вскоре после этого, сжимая руками ее бедра, его голова откинулась назад с хрипом, он глубоко вошел и выстрелил еще глубже.

Едва он кончил, как вышел, перевернул ее на спину и упал вперед между ее ног, перенося часть своего веса на нее, часть на предплечье.

Все еще тяжело дыша, чувствуя, как ее грудь поднимается и опускается в такт ее собственному дыханию, он поднял руку и провел большим пальцем по ее нижней губе, прежде чем поднять на нее глаза и прошептать:

— Придется мне напрячься.

— Ч-что? — прошептала она.

— Придется напрячься на твой день рождения в следующем году. Потратил недели на планирование, беготню, всякую хрень, а ты за двадцать минут надрала мне задницу.

Ее глаза потеплели. Она крепко прижала свои бедра к его бокам и обвила его руками, все в ней говорило — это она хотела ему дать, и все это Бенни нравилось.

— Люблю тебя, Бен, — прошептала она.

Это ему нравилось еще больше.

Он наклонился, прикоснулся губами к ее губам, приподнялся и прошептал в ответ:

— Я тоже люблю тебя, сага.

— С днем рождения, — мягко произнесла она тоном, который подразумевал именно это.

— Спасибо тебе, детка, — тихо ответил он тем же тоном.

Затем поцеловал ее.

Потом они оба оделись, выпустили Гаса из собачьей конуры и повели своего щенка на прогулку.

* * *

Бен зашел на кухню и увидел Фрэнки в его футболке за стойкой, миска перед ней была окружена продуктами — «праздничный торт».

Гас сидел у своей миски с едой, уткнувшись в нее мордой. Несмотря на то, что он был сосредоточен на еде, он видно почувствовал присутствие Бенни, завиляв хвостом, хотя его морда даже не оторвалась от миски.

Они выгуляли Гаса, вернулись, он насытился Фрэнки на диване, потом трахнул ее там же на диване. Приняли душ, потом он накинул одежду и отправился к миссис Замбино за продуктами Фрэнки, пока она кормила Гаса. Он отправился за купленными Фрэнки продуктами, потому что не хотел, чтобы она выходила из дома. Он не хотел, чтобы она одевалась во что-то, кроме одной из своих ночнушек или его футболки, это был его день рождения, поэтому Фрэнки дарила ему то, что он хотел.

Двигаясь к ней, Бенни решил, что хочет чего-то большего, поэтому он скользнул рукой с ее бедра вниз и внутрь. Под его футболку, кожа к коже, скользнул вверх по ее животу, ребрам и обхватил ее грудь.

Она откинула голову и прижала к его подбородку, говоря:

— Хотя вызов брошен, думаю, что справлюсь, но не уверена, каким будет вкус твоего торта, если я буду его готовить, пока ты будешь меня ласкать.

— Отлично, у нас есть шоколадный соус, — сказал он и услышал ее тихий смех.

Ему нравился ее смех. Ему нравилась она в его футболке у него на кухне, когда она готовила для него праздничный торт. Ему нравилось, когда она у него на кухне делала что угодно.

Он просто любил Франческу Кончетти.

Она повернула голову, запрокинув ее назад, встретившись с ним взглядом, но ее глаза не смеялись.

А были полны переживаний.

Какого хрена?

— Знаю, ты расстроился, когда я сказала, что не смогу приехать. Но ты сделал на мой день рождения такой сюрприз. Я тоже хотела подарить тебе что-то особенное. Было отстойно расстраивать тебя, но...

Полный п*здец. Она беспокоится, что расстроила его.

Он заставил ее замолчать, опустив голову и коснувшись губами ее губ, прежде чем отстранился и прошептал, сжимая ее грудь:

— Детка, я хоть слово сказал?

Она сжала губы и покачала головой.

— Люблю своих родных, люблю проводить с ними время, но ты в этой ночнушке, мокрая, ждущая меня в моей постели — это был лучший сюрприз, который ты могла мне преподнести.

— Хорошо, — тихо ответила она, затем продолжила: — Я хотела остаться на выходные, но завтра у меня встреча за ланчем, которую я не смогу пропустить. Хотя, смогу подъехать после работы, чтобы оказаться на семейном празднике в субботу вечером.

Он ухмыльнулся ей.

— Согласен.

Она улыбнулась в ответ и повернулась к своей миске. Бен убрал руку с ее груди, взялся за другую и обхватил обеими руками ее живот под своей футболкой.

— Как ты добралась ко мне из аэропорта? — спросил он.

— Миссис Замбино забрала меня, — ответила она. — Но я договорилась о такси аэропорта на утро, так что тебе не придется вставать безбожно рано, чтобы отвезти меня.

— Отмени вызов.

Она повернула шею, взглянув на него.

— Бен, я должна выйти от тебя в 4:30.

— Отмени, Фрэнки.

Она на мгновение задержала на нем взгляд, поняла, что нет смысла продолжать дискуссию, кивнула и снова посмотрела на миску.

— Завтра, наверное, стоит притащить свою задницу к миссис Замбино, глянуть, может ей нужно что-то починить. Расплата, что она забрала тебя из аэропорта.

— Это было бы круто, — сказала она, отмеряя муку.

— Хотя, скорее всего, она без колебаний притаскивает сюда свою задницу и просит починить ей очередное дерьмо, если нужно.

Она снова повернула шею и посмотрела на него.

— Она так делает?

— Ага.

— И ты чинишь?

Его брови сошлись, потому что он посчитал это идиотским вопросом.

— Конечно.

Ее лицо смягчилось, и она прошептала:

— Истинный Бенни.

— Это просто быть хорошим соседом, — отметил он.

— Это просто быть хорошим человеком, — пояснила она, ее слова и выражение глаз, в которых играло отчасти изумление, будто она не могла до конца поверить, что он настоящий, отчасти гордость и большая любовь, заставили его руки непроизвольно сжать ее.

— Нравится, когда ты так на меня смотришь, — пробормотал он.

— Привыкай к этому, — ответила она.

Черт.

Фрэнки.

— Люблю тебя, детка, — прошептал он.

— Тоже люблю тебя, Бенни, — тихо ответила она.

Он хотел, чтобы этот момент длился вечно. Хотел, чтобы она поскорее покончила с тортом и надела еще одну ночнушку. Но она еще не закончила с тортом, она хотела устроить ему настоящий день рождения, старалась изо всех сил, все спланировала, так что ему ничего не оставалось делать, как позволить ей осуществить свои планы.

Поэтому он отвлек свои мысли от этого момента, спросив:

— Какой торт ты собираешься мне испечь?

— Шоколадный с мараскиновой вишней, — ответила она, и его подбородок дернулся.

Его любимый, бесспорно.

Только его мать готовила ему такой торт.

— Мама дала тебе свой рецепт?

— Ага.

Это было не сюрпризом, а полным шоком. Тереза Бьянки была похожа на своего мужа (и на некоторых других из предков), когда дело касалось кулинарии. Ее секретные семейные

рецепты принадлежали исключительно только ей. Она готовила «эти секретики» для ресторана, но ни с кем не делилась рецептами, даже с членами семьи.

Поэтому он пробормотал:

— Черт возьми.

— Знаю, — она повернулась обратно к стойке. — Она сдалась без просьб, без подкупа, без «будешь должна», чем меня напугала.

Бенни понравилось, как это было сказано.

Много лет назад Конни просила этот рецепт, мать отказала ей. Конни была так разочарована, что не могла подарить своему брату, то есть ему на день рождения то, что ему нравилось больше всего, Конни хотела сделать сама этот торт, чтобы он получил этот подарок от нее лично, а не от мамы. Но Конни относилась к тем женщинам, которые не станут настаивать. Она скрывала свое разочарование, больше никогда не просила.

Фрэнки попросила, мама тут же ей дала.

— Она любит тебя, — тихо заметил Бен.

Он наблюдал за ее профилем, она улыбалась.

— Да.

— Она любит тебя из-за меня.

Ее улыбка осталась на месте, но лицо снова стало мягким.

— Ага.

Он наклонил голову, подбородком убрал копну волос с ее шеи и поцеловал ее.

Приблизив губы к ее уху, сказал:

— Ты готовишь шоколадный торт с мараскиной вишней, я хочу, чтобы он был вкусным, поэтому поиграю с тобой после того, как он будет готов.

Она повернула голову и поймала его взгляд, сказав:

— Договорились.

Он наклонился, прикоснулся губами к ее губам и почувствовал, как отпустил ее.

— Я убрал продукты? — спросил он, осматривая пол в поисках Гаса, но не найдя его двинулся к двери, чтобы выглянуть в коридор. Он оказался именно там, волоча за шнурок один из кроссовок Бена по коридору.

— Да, ты просто расслабляйся. Сегодня я сделаю всю работу.

Это было не совсем правдой, но она всего лишь позволяла ему делать ту работу, которая ему нравилась.

Он прошел по коридору и спас свой кроссовок от зубов Гаса, бросив его на обеденный стол, который, опять же, был завален разным дерьмом, но куча еще больше возросла, поскольку он сваливал туда все, что должно было находиться подальше от Гаса, и все, что должно было находиться подальше от Гаса, было фактически всем.

Он нес пса подмышкой на кухню, держал его, пока подогрел кофе для Фрэнки, подогрел свою кружку, затем сел с щенком за кухонный стол.

Гасу не нужна была обувь, если у Гаса маячила перед мордой грудь, шея, подбородок и руки Бена, поэтому Бенни откинулся на спинку стула, положил его себе на грудь.

— В эти выходные я займусь столовой.

Это объявление было сделано Фрэнки, и взгляд Бена переместился с собаки у него на груди на его женщину.

— О чем ты?

— Нет, твоим кабинетом. Я думаю, мне следует начать с него, потому что половина дерьма в столовой все равно окажется там, — продолжила она.

— Э-э... ты не могла бы пояснить? — повторил Бенни.

Она посмотрела на него через плечо, помешивая тесто в миске.

— Нам придется купить какие-нибудь подвесные полки или шкафчики, может небольшие картотечные шкафчики или несколько полок для размещения того количества папок. Выбери сам, но это должно где-то стоять или лежать, а не разными кучками по всей поверхности и полу.

— О чем ты говоришь, Фрэнки?

Она повернулась к подготовленной форме и начала выливать тесто.

— У тебя большой дом, а ты пользуешься только четырьмя комнатами, потому что остальные забиты хламом. И половина дерьма, которое я там видела — это просто мусор. Итак, я начну с кабинета, затем со столовой, затем в кабинет перенесем то, что оставим, когда разгребем столовую. — Она перестала наливать и махнула рукой, указывая на кухню. Она снова начала наливать и продолжала говорить. — Когда ты был на работе в прошлый раз, а я была здесь дома, рискнула забраться в твой подвал. Бросила один взгляд и убежала, прежде чем на меня кто-нибудь напал. Об этом тоже нужно позаботиться. Там, внизу, могут быть бомжи.

Бен ухмыльнулся и поймал Гаса, пытающегося спрыгнуть с его груди на пол, затем наклонился и поставил его на пол, сказав:

— Там нет никаких бомжей.

Она поставила миску на стойку и спросила:

— Когда в последний раз ты туда заходил? В 1977?

Он не собирался говорить ей, но такое вполне могло быть. Он взглянул на подвал, когда осматривал весь дом, помещение было забито до отказа, но он не мог сказать, что спускался туда с тех пор, даже чтобы проверить, убрали ли оттуда все то дерьмо перед тем, как он въехал. В основном потому, что его совершенно не интересовал подвал, поэтому он не задавался этим вопросом.

— Это твой дом, — продолжила Фрэнки. — Разбери его. Вещи из Малой лиги могут быть перенесены в подвал, тогда освободится спальня для гостей.

— Мне не нужна спальня для гостей.

— Э-э... да, тебе нужна, — сообщила она ему. — Вай, Кэл и девочки, возможно, захотят к нам приехать и остаться. А это значит, что у тебя, вероятно, должен быть футон или что-то в этом роде в кабинете.

— Я не буду расчищать кабинет на тот случай, если Вай и Кэл приедут и им понадобится место для ночлега. В основном потому, что ма сойдет с ума, если они останутся у меня, а не у нее.

Она поставила форму в духовку. Когда он закончил говорить, она закрыла дверь духовки, повернулась к нему и уперла руки в бедра.

— А как насчет того, когда Энцо приедет в город? Или мой брат Дино с семьей?

Эти слова заставили Бена замереть и уставиться на нее.

— Нам нужна комната для гостей, — заявила она.

Чертовое дерьмо.

Она сказала «нам».

Она посмотрела на пол, увидела, что Гас перетаскивает коврик перед раковиной в другое место, которое ему казалось лучше, подошла к нему, наклонилась, взяла его на руки и крепко прижала к себе, одновременно отодвигая коврик босыми ногами, и все это она проделывала, продолжая говорить:

— Итак, сначала я займусь кабинетом. И тебе нужен компьютер с Интернетом, Бенни. Возможно, ты захочешь разобраться, как нужно общаться в нашем современном мире, используя не только свой мобильный телефон, но ты упускаешь легкодоступное время игры, просмотров фильмов, актуальную погоду, статус моего рейса, так что нам придется этим заняться. — Она подняла глаза на него, не собираясь затыкаться. — Я не говорю, что ты, имея компьютер, сразу же запустишь свой профиль на Facebook. Полагаю, ты думаешь, если попытаешься ввести информацию в своем профиле на Facebook, твои пальцы загорятся. Я просто говорю, что в наше время дом — это не дом без компьютера.

Дом — это не дом.

Господи.

Мать твою.

Фрэнки продолжала командовать.

— Ты занимаешься подвалом. Но пока я разбираю вещи, ты будешь нужен мне, чтобы я смогла спросить, если я найду что-то, и не буду знать выбросить или оставить.

Она закончила, подвинув Гаса поближе к своему лицу, чтобы прижаться к нему, и щенок выразил свою признательность, лизнув ее в подбородок.

Голос Бенни звучал хрипло, когда он спросил:

— А где я буду?

Она посмотрела на него.

— Что?

— Ты сказала, что я понадобится тебе. А где я буду?

— Ну, не знаю, может устроишь мужской трюк и исчезнешь, когда нужно делать дерьмовую работу, которую ты не хочешь делать, о чем свидетельствует факт, что ты прожил в доме чертовски долгое время и ничего не разобрал.

— О чем мы вообще говорим, детка? — тихо спросил он, и ее брови сошлись вместе.

— Речь идет о том, чтобы сделать твой дом настоящим домом, Бенни.

Чертовое дерьмо.

— Для меня или для нас? — не унимался он, и ее лицо стало пустым.

Именно тогда он понял, что она понятия не имела, что это значит, все, что она говорила.

У него было представление о том, что это значит. Он просто чертовски надеялся, что был прав.

Поэтому он продолжал настаивать.

— Ты переезжаешь ко мне?

Ее голос звучал хрипло, а ее хватка на Гасе стала крепче, когда она ответила вопросом.

— Ты спрашиваешь меня?

— Именно, ты можешь себе это позволить, — ответил он.

— Бенни, — прошептала она, ее лицо смягчилось, в глазах теперь были только изумление и любовь.

Много любви.

Господи, она была на другом конце кухни, и в ее глазах светилось столько любви, что он чувствовал ее каждым дюймом своего тела.

Он воспринял это как «да».

И вот. Его день рождения просто становился все лучше.

— Ты сможешь себе это позволить? — спросил он.

— Я... у меня договор аренды.

— Когда он кончается?

— В октябре.

— Тогда ты переедешь в октябре, — заявил он.

— Бен, я работаю в Индианаполисе, — тихо ответила она.

— Ты половину времени проводишь в разъездах, и с этим у них нет проблем, ты можешь работать и отсюда. Спроси, можешь ли ты иметь домашний офис в Чикаго и конференц-колл для проведения совещаний. Ты в моей постели, в моем доме, у меня нет проблем с уборкой подвала, приобретением компьютера с Интернетом и предоставлением спальни твоей чертовой семье, желающей остаться у нас, сводя меня с ума, чтобы мы смогли отпраздновать, когда они уберутся нах*й.

Она уставилась на него, но ничего не сказала.

— Ты думаешь, твое руководство пойдет на это? — спросил он.

— Думаю, когда я проработаю у них год, а это будет в том же самом месяце, когда заканчивается срок моей аренды, если они не согласятся, я уволюсь и найду работу в Чикаго.

Господи.

Боже мой.

— Иди сюда, Фрэнки, — прорычал он.

— Нет. Я хочу, ты будешь занят со мной, и торт подгорит.

— Иди сюда, сага.

— Нет, я вижу по твоему лицу, что ты счастлив, и я супер счастлива, и все это счастье превратится в испорченный праздничный торт.

— Детка. Поставь собаку на пол и иди... сюда.

Она наклонилась, чтобы поставить Гаса на пол, и подошла к нему. Когда она подошла ближе, он усадил ее задницу к себе на колени и обхватил ее руками. Пока он обхватывал ее руками, Фрэнки обняла его за плечи.

Когда она оказалась у него на коленях, где он и хотел, он мягко заявил:

— Лучший день рождения в моей жизни.

Красота пропитала ее черты, больше, чем он когда-либо видел, а он потратил десятилетия, видя много красоты в Франческа Кончетти.

— Мой потрясающий Бенни, — ответила она шепотом, ее руки напряглись, одна нашла его шею и обвилась вокруг, но ее тело растворилось в нем.

— Ты сделала меня счастливым человеком, *tesorina*.

— Я рада.

— Поцелуй меня, Фрэнки.

— Хорошо, Бенни.

Она прижалась губами к его губам, Бенни завладел ее ртом, наклонившись к ней, отчего она выгнула спину, одна его рука скользнула вниз, затем вверх по его футболке и снова вниз к трусикам, обхватив ее голую задницу, обе ее руки погрузились в его волосы.

Он прервал поцелуй, но не отодвинулся, подождал, пока ее глаза медленно откроются, одарив его безумной красотой, прежде чем сказать:

— Люблю тебя, Франческа.

— Я тоже люблю тебя, милый.

Он улыбнулся, прижал ее ближе, но приказал:

— Теперь иди готовь торт.

Она закатила глаза, оттолкнулась от него и встала с его колен.

Гас путался у нее под ногами, она не обращала на него внимания, Фрэнки приготовила торт.

* * *

— А вот и я, — воскликнула Фрэнки, вприпрыжку входя в его спальню этой ночью. Это было после ужина, который она ему приготовила (ростбиф из вырезки, отварной молодой картофель, спаржа, политая маслом с поджаренными семенами кунжута, и булочки, которые миссис Замбино купила накануне в пекарне). После торта. После того, как он сказал ей, что хочет, чтобы ее задница была в кровати, потому что он хотел увидеть другую ночнушку. Она надела другую ночнушку, проносила ее около пяти минут, прежде чем он снял ее, чтобы она села ему на лицо, и он мог прикоснуться к ней своим ртом, пока она использовала свой рот на нем.

Она снова надела ночнушку (красный атлас с прозрачной вставкой по низу и трусики в тон, с прозрачной попкой, милые, но не такие сладкие, как сливовые), спустилась вниз, чтобы забрать для него спрятанные подарки.

Теперь она вернулась, держа руки за спиной, пряча подарки.

Она запрыгнула на кровать, подползла на коленях к нему и плюхнулась, прежде чем вытянула руку и шлепнула ему на грудь почти квадратный, тонкий, большой сверток.

— Этот самый глупый подарок, — заявила она. — Ты получишь самое вкусное вторым. У него уже было все самое вкусное.

Она знала это, поэтому он промолчал. Открыл подарок и делал это под ее слова.

— Первый, может и бестолковый, но найти его было намного сложнее. Мне пришлось заказывать его через Интернет, так как в это время года они не продаются. Мне также нужно было найти такой, чтобы тебе понравился, но такие вещи не делаются для парней. Таких парней, как ты. Речь идет не о сиськах, задницах и гоночных машинах, на которые я бы не хотела смотреть, но этот оказался не слишком девчачьим, чтобы ты выбросил его в мусорное ведро, так что, думаю, я все сделала правильно.

Разорвав бумагу, он повертел ее в руках и увидел календарь на этот год, тема — фотографии озера Мичиган.

На нем не было целлофана.

Бен подержал его в руках, пялясь на него, перестав дышать.

— Видишь? Совершенно бестолковый, — заявила она, не почувствовав перемены в его настроении, просто протянув руку, забрала календарь у него из рук, что-то бормоча. — Твоему, наверное, лет десять. С ума сойти. Это отчасти шутка, а отчасти и нет. — Она начала листать и нашла то, что хотела, показав ему месяц, в котором вписала что-то в маленькие квадратики, перешла к следующему, в котором было больше ее записей. — Видишь, я вписала все дни рождения — Мэнни, Села, Винни-старший, Тереза, Карм, Кен и дети. Я поместила сюда Вай, Кэла и всех девочек, а также дату свадьбы Мэнни и Селы.

Глаза Бенни смотрели на календарь, а его сердце колотилось как отбойный молоток.

— И здесь, — сказала она, листая назад. — Я написала все свое расписание командировок, время, номера рейсов, информацию об отелях и все остальное. Ты можешь писать дальше, когда у меня появятся следующие.

Она перестала бормотать, наконец посмотрела на него, и когда взглянула, заметно успокоилась.

Они смотрели друг на друга пару секунд, прежде чем она нерешительно сказала, совершенно не понимая его взгляда:

— Другой подарок намного лучше, Бенни.

— Только одной вещи я хотел в своей жизни, — заявил он.

— Ч-что? — пробормотала она, заикаясь.

— Всю свою жизнь у меня не было больших надежд и мечтаний. Я хотел только одного.

— Я... — Она сглотнула, не сводя с него глаз, и спросила: — Чего, милый?

— Жизнь, которая означала, что у меня на стене на кухне висел бы календарь, заполненный днями рождения, юбилеями, вечеринками, тренировками и особыми случаями. Все дерьмо, которое делает жизнь хорошей, записанной в даты, напечатанными на глянцевой бумаге, и он висел бы на стене.

Ее глаза заблестели, а дыхание стало поверхностным.

— Ты хотела бы такой жизни? — спросил он.

— Да, Бенни, — мгновенно ответила она.

Немедленно.

Да.

Она собиралась подарить ему такую жизнь, как и этот календарь.

И он собирался ей подарить такую жизнь.

Самый... лучший... чертовый... день рождения... в жизни.

— Без дерьма, иди сюда прямо сейчас, Фрэнки, — приказал он.

Она отбросила календарь в сторону, тот приземлился на кровать, немедленно подвинулась к нему.

Бен сжал ее в своих объятиях, перевернул на спину и снова нашел причину избавить ее от прозрачной красной ночнушки.

В конце концов, она спала рядом с ним в ярко-розовой с черными кружевами ночнушке.

Ее вторым подарком были дорогие, красивые часы с надписью на обратной стороне: «Для Бенни, с любовью Фрэнки».

Они были чертовски крутые.

Но часы были не лучше, чем календарь.

Ни в коем случае.

20

Качаясь на ветру

— Ты в порядке?

Я перевела взгляд с экрана компьютера, на котором одержимо наблюдала за временем в правом нижнем углу, на Тэнди, стоящую в дверях моего офиса.

Ответ на ее вопрос был — нет, я совсем не в порядке.

Сегодня был понедельник после того, как я провела выходные с Бенни, а также присутствуя на семейном праздновании, которое состояло из того, что он задул свечи на пицце, которую он же и испек, и все его сотрудники смогли сделать несколько глотков кьянти во время работы. Бен открывал подарки в перерывах между приготовлением теста для пиццы и раздачей заказов. Тереза, Винни, Мэнни и Села — все были рядом, в основном вели себя шумно, мешаясь под ногами.

Я тусовалась с Беном всю ночь на кухне, моя задница занимала место на стойке, так как я сидела на одной из них с бокалом вина в руке, попеременно болтая со своим мужчиной, выкладывая ему всякую чепуху, и общалась с теми, кого он называл своей «ребятней». Я потратила это время, чтобы познакомиться с ними поближе, мне они понравились, так как были хорошей ребятней, с ними было весело.

На самом деле Бен управлял кухней легко с юмором. Хотя это была работа, определенно — горячая работа с включенными духовками, люди суетились вокруг, всегда были заняты. Но я бывала на кухне, когда на ней заправлял Винни, хотя он не был балагуром, скорее он был надсмотрщиком.

Было странно, познакомившись с методами отца, увидеть полную противоположность — методы управления его сына.

Они оба серьезно относились к тому, что делали. Оба сообщали об этом открыто. Но Бен относился к своей работе гораздо более непринужденно, и ребяшня реагировала на его методы определенным образом.

Наблюдая за его работой, в режиме твердо влюбленной женщины, я влюблялась еще больше, моя и без того огромная гордость за то, что я женщина Бенни, росла, наблюдая, как он управляется на своей кухне. Он нравился своей ребяшне. Он организовывал хаос без каких-либо видимых усилий. Он не кричал и не командовал. Спокойно говорил и направлял. И каждая пицца или блюдо, поставленные в духовку, выглядели аппетитно, потому что я знала, что так оно и есть.

И не было похоже, что он прилагал усилия по ликвидации последствий стихийных бедствий с этой ребяшней.

Все выглядело легко и потрясающе.

В субботу днем и в воскресенье, прежде чем я уехала домой, мы с Бенни разобрали его кабинет. В пятницу Бен позвонил в кабельную компанию, чтобы установили интернет-разъемы. В субботу мы пошли и купили шкаф для хранения документов, измельчитель и настольный компьютер. Это заняло у нас несколько часов, но мы внедрили систему, которая могла бы облегчить остальные наши усилия по дому. Мы выбросили кучу дерьма, кое-что убрали в архив, и в конце концов кабинет стал больше похож на офис, а не на свалку. Такую комнату можно обнаружить в любом доме, а не в холостяцкой берлоге.

Другими словами, я решила, что каждая минута стоила затраченных нами усилий.

Самое классное в этом было то — я обнаружила, что Бенни не был Гобсеком. Он просто не потрудился выбросить все это дерьмо, когда его следовало выбросить. Не было никаких баталий по поводу «необходимо оставить, пригодиться». Он также не выключался из работы, как большинство мужчин в течение первых пятнадцати минут, когда им надоедает разбирать свое же барахло, судорожно ища предлог, чтобы сбежать. За исключением того, что я бурчала, что он ленивый осел, Бенни ухмылялся, мы работали бок о бок в полной гармонии.

Это было даже в некотором роде весело.

Домашнее блаженство в стиле Фрэнки и Бенни.

Итак, сегодня наступил понедельник. Понедельник после того, как я была восхищена кухонным мастерством Бенни в ресторане и получила от него еще одно обещание, что жизнь с ним будет хорошей, учитывая, что передо мной не маячила жизнь с барахольщиком или кем-то, кто свалил бы всю работу на меня, а сам отправился хорошо проводить время с друзьями.

В понедельник после того, как я устроила Бенни то, что считала неубедительной расплатой за день рождения, а он счел мной устроенный ему день рождения чем-то совершенно другим. И то, что он считал его чем-то другим, заставило меня влюбиться в него еще больше, потому что Бенни высоко оценил все мои старания, и мне это понравилось. Очень сильно.

И последнее, это был понедельник после того, как я подарила ему дурацкий подарок, предполагая, что Бен посмеется над ним и отбросит его в сторону, и мне самой придется повесить его на стену на кухне и записывать в нем всякую всячину, оказалось все совсем не так.

Мне понравилось, что это было именно не так. На самом деле понравилось, почему это было именно не так.

Это был подарок, который, как мне казалось, изменил наши жизни.

Потому что, неожиданно, мы начали строить планы на будущее — съехаться.

Но когда я подарила ему этот календарь, мы начали строить планы провести остаток жизни вместе.

Я была согласна. Мне не нужно было думать об этом дважды, потому что я этого хотела.

Потому что Бенни Бьянки всегда был для меня обещанием, в то же время Бенни Бьянки был призом в этой сумасшедшей жизни.

Так что не было причин думать на эту тему дважды.

И еще я больше никогда не буду чувствовать себя глупо по поводу своих дурацких подарков.

Теперь наступил понедельник, у меня была назначена встреча на четыре часа с боссом, где я хотела спросить о возможности разрешить мне работать из домашнего офиса в Чикаго, начиная с октября, если компания готова будет это рассмотреть.

Я нервничала, боясь получить отрицательный ответ, поскольку все менеджеры работали в нашем головном офисе в Индианаполисе.

Мне нравилась эта работа. Я зарабатывала большие деньги. Мои представители (все, кроме одного) были просто потрясающими. Они хорошо трудились, отчего я выглядела в глазах своего руководства неплохо, прямо скажем. И у меня была отличная ассистентка. Я не хотела терять ничего из вышеперечисленного.

Кроме того, поиск работы отстойное занятие.

Так что от встречи с боссом зависело многое.

Если руководство мне откажет, я уволюсь. Но сейчас очень надеялась, что мне не придется идти на этот крайний шаг.

— Я в порядке, — солгала я Тэнди.

— Ты кажешься немного странной, — заметила она, входя и глядя на меня. Она села напротив меня и продолжила: — Я знаю, это назойливо с моей стороны, совсем не круто, если ты не хочешь говорить, но в пятницу ты казалась в хорошем настроении. Но вернувшись от своего парня после этих выходных, теперь кажешься, ну... не в хорошем настроении.

Она была такой милой.

Было бы паршиво, если мне пришлось бы с ней расстаться.

Еще одна причина, от которой мне становилось нехорошо.

— У нас все в порядке, Тэнди, — заверила я ее, по крайней мере, это было правдой, хотя и преуменьшением.

— Хорошо, — ответила она таким тоном, словно совсем мне не поверила.

— У меня просто в голове предстоящая встреча с Ллойдом, — объяснила я. — Как только я с ним встречусь, расскажу тебе все.

Она склонила голову набок, и мне не понравилось выражение ее лица, когда она посмотрела на меня.

— Мне есть о чем беспокоиться? — спросила она, объясняя этот взгляд.

— Нет, — быстро ответила я, протягивая к ней руку и глупо, но, надеюсь, успокаивающе похлопывая ее по руке. — Абсолютно не о чем. Дело не в тебе.

Она внезапно скосила глаза в сторону (очевидно, мое успокаивающее постукивание не сработало), когда пробормотала:

— Я просто подумала, что ты, возможно, знаешь... — И замолчала, повернула шею, глядя на мою стеклянную стену, затем снова на меня, но больше не произнесла ни слова.

— Знаю, что? — подсказала я.

— Ничего. Это глупо. Вероятно, это ничего не значит, — заявила она.

— Что именно, вероятно, ничего не значит? — Надавила я, не получив ответа, это было на нее совсем не похоже.

Она сделала вдох, затем поерзала на стуле, как будто устраивалась поудобнее, и наклонилась ко мне. Когда она заговорила, ее голос звучал более низко, тихо, заговорщицки.

— В этом не было ничего особенного. Я сказала Ллойд, и он позаботился об этом, так что я действительно не хотела тебя беспокоить, но в четверг, когда у тебя был выходной в Чикаго, мистер Бирман пришел и попросил меня дать ему копию твоего расписания. Он спросил, сколько раз ты ездила в Чикаго по делам компании и сколько выходных ты брала. О мой Бог.

— Зачем ему это нужно? — Спросила я.

— Не знаю, — ответила она. — И я не отдала ему. Я сказала ему поговорить с Ллойдом, если у него возникают вопросы по поводу твоего расписания. Он разозлился, как обычно, бывает, и Хит увидел, что происходит. Он вышел и вмешался. Мистер Бирман отступил и ушел, но Хит сказал мне, что я должна сообщить об этом Ллойд, и пошел со мной, когда я отправилась к боссу. Когда я все рассказала, Ллойд выглядел по-настоящему взбешенным. Он пообещал, что позаботится об этом. Потом они с Хитом на долго остались у него в кабинете, не похоже было, что разговор был счастливым. Позже Сэнди рассказала мне, что когда Хит был в Сан-Франциско на прошлой неделе, мистер Бирман попросил такую же информацию о нем.

Сэнди была ассистенткой Хита, и Сэнди была похожа на Тэнди, такая же милая, умная, энергичная и очень симпатичная.

У меня также было ощущение, что Хит имеет не только рабочие отношения с Сэнди, что было бы нехорошо, если босс завел нерабочие отношения с работником под его началом. Но если это и было, то она молчала, и, очевидно, Хит тоже. Если бы она что-то говорила об этом, Тэнди бы мне сказала.

У Хита с Сэнди было немало встреч за закрытыми дверями, где через стеклянную стену было видно, как они улыбаются друг другу и часто смеются. В эти моменты Хит смотрел на нее не так, явно не думая, что она так отлично организовала его рейсы в Сиэтл, что они заливались от смеха вдвоем, а смотрел так, будто ему нравилось видеть ее в своем кабинете так же, как ему понравилось бы позже выпить с ней бокал вина и получить от нее минет.

Однако в тот момент я не могла думать о Хите и Сэнди.

А думала только о том, что злюсь на Рэнди Бирмана, настоящего мудака.

— Ради всего святого, зачем? — огрызнулась я.

Тэнди неловко поджала губы, затем наклонилась еще ближе и сказала:

— По слухам, он думает, что вы оба недостаточно хороши.

— Мы оба превышаем все объемы продаж по показателям, — отметила я.

— Я знаю. Ллойд это тоже знает. Мистер Бергер это знает. Но девочки поговорили, и мы на самом деле думаем, что дело не в тебе и Хите. Это касается Ллойда. Он нацелился на вас, ребята, чтобы подорвать репутацию Ллойда.

Я почувствовала, как мои глаза расширились.

— Что? Почему? Ллойд потрясающий.

На этот раз она подвинулась вперед на своем стуле так, что буквально легла на мой стол, прошептав:

— Некоторое время назад, после убийства доктора Гартнера, Ллойд запросил кое-какие подробности о «Тенрикс», которые он не смог найти на серверах, обычные материалы, к которым он, как директор, должен иметь доступ. Наверное, что-то важное, хотя я не знаю, что это за материалы. Но их там не оказалось. Ему нужны эти материалы, поскольку он должен дать вам вводные — тебе и Хиту, чтобы ваши представители продавали этот продукт. Мистер Бирман сказал Ллойд, что найдет эти материалы и передаст. Но он ничего не передал. Ллойд спрашивал, наверное, миллион раз. Перед тем, как Миранда свалила, сказала Дженни, которая рассказала мне, что слышала, как мистер Бирман и Ллойд спорили в одном из задних конференц-залов, Ллойд сказал мистеру Бирману, если тот не предоставит ему эту информацию в течение двадцати четырех часов, он пойдет к мистеру Бергеру.

— Он предоставил ее?

Она кивнула.

— Да, но вот тут-то и начинается самое странное.

О, черт.

Еще одна странность.

— Что именно странное? — Спросила я.

— Кэтлин сказала, что эти материалы были датированы в компьютерных файлах тем днем, когда он передал информацию Ллойд.

Кэтлин была секретарем Ллойда, но даже в этом случае Ллойд получал электронную почту напрямую, и конфиденциальные документы не проходили через нее.

— Откуда она это узнала?

Тэнди смутилась.

— Она, э-э... вроде как заглянула ему через плечо и увидела.

Я пропустила это мимо ушей и подтолкнула:

— Это значит...?

— Фрэнки, эти файлы должны были быть сохранены доктором Гартнером, примерно, несколько месяцев назад. Некоторые из них годами назад. Они все были сохранены в один и тот же день, и этот день был тем самым днем, когда он отдал эти данные Ллойд.

О нет.

У меня было предчувствия, что я понимаю, что это может означать, и это совсем было не хорошо.

— Может кто-то вносил в них правки? — Поинтересовалась я.

Она покачала головой.

— Не знаю. Эта деталь не ускользнула от внимания Ллойда, и Кэтлин сказала мне, что он обратился по этому поводу к мистеру Бирману. Мистер Бирман все объяснил, но, Фрэнки, это подозрительно. Все так думают.

Я тоже так думала.

И еще подумала, что ассистенты слишком глубоко суют свой нос во что-то, что может плохо для них закончиться.

Поэтому посоветовала ей:

— Тебе нужно быть осторожной, милая.

Она посмотрела на свои колени.

— Тэнди, — позвала я, и она оглянулась на меня. — Тебе нужно вести себя более осторожно. Я понимаю, что он мудака, он ведет себя больше мудаком, чем обычно, политика в офисе становится отвратительной, он ведет себя странно, а вам, ребята, любопытно. Но я не думаю, что все это хорошо закончится, так что, что бы ты ни делала, должна действовать так, чтобы я смогла тебя защитить. Ллойд или Бирман, или кто-то еще узнает, что вы, ребята, суете нос не в свое дело, скорее всего, это исключительно конфиденциальная информация. Поэтому ваше любопытство будет трудно объяснить, может послужить основанием, в лучшем случае, для письменного предупреждения, в худшем — для увольнения. Это также означает, если об этом узнают, это серьезное нарушение, я не смогу вас защитить.

Чего я не сказала ей, что доктор Гартнер, в чьи файлы были внесены изменения, был убит, она знала об этом, но могла не знать, чем все может закончиться для нее и другой ассистентки.

А означало это, если одно связать с другим, я на самом деле не смогла бы защитить ее, когда речь шла бы о ее жизни.

— Пусть сами разбираются, — заявила я ей, заканчивая. — Я забочусь о тебе, когда говорю тебе делать свою работу, не во что не ввязываться, обезопасив себя, позволить случиться тому, что должно случиться. Ллойд не глуп. Он работает в этой компании уже шесть лет. Он вложил деньги. Он не самый большой поклонник Бирмана. Пусть большие рыбы докажут, у кого самые острые зубы.

Она сжала губы так, что у меня пробежались мурашки по коже. Предчувствие стало прямо-таки колючим, когда она несколько секунд избегала посмотреть мне в глаза. Но я почувствовал себя лучше, когда она снова посмотрела на меня и кивнула.

— Хорошо, милая, передай Сэнди, Дженни и кем угодно еще мою точку зрения и будь умной девочкой, хорошо?

— Хорошо, Фрэнки.

Я улыбнулась ей.

Она одарила меня маленькой, странной улыбкой в ответ, которая также не вызвала у меня теплых мурашек, и покинула мой кабинет.

Я снова посмотрела на свой компьютер и увидела, что до встречи осталось семнадцать минут.

Это означало, что я схватила свой мобильный, нашла номер Бенни и нажала вызов.

Он ответил:

— Йо, сага, я думал, у тебя встреча только в четыре?

— Бен, Бирман нацелился на меня и моего коллегу Хита, пытаюсь выставить моего босса в дурном свете, способ, которым он нацелился на меня, заключается в попытке получить информацию о моих поездках в Чикаго и моих выходных.

Бен помолчал минуту, прежде чем пробормотать:

— Черт.

— Угу, — согласилась я.

— Ты подстрахована здесь? — спросил он.

— В первый рабочий год отгулы начисляются не очень быстро, но они у меня есть. У меня есть три дня по болезни и еще один личный выходной день, так что здесь все чисто. Мои представители занимаются производством, так что здесь тоже все чисто. У него нет возможности найти, пока я была в Чикаго, что со мной нельзя было связаться, со мной постоянно можно было связаться, пока я была в Чикаго. Тем не менее Бирман превращается из мудака в полного мудака. Я не знаю, как ведут себя полные мудаки, офисная политика может стать уродливой в этом деле. Нет ничего необычного в том, что члены команды становятся мишенью для кого-то, кто нацелился на высокопоставленного руководство, и эти члены команды первыми принимают огонь на себя.

— Ты думаешь, что это не очень хорошая идея, раз он начал копать по поводу твоих поездок в Чикаго, обращаться к своему руководству с просьбой о вне офисной работы в Чикаго, — предположил Бен.

— Нет. Я думаю, что нам с тобой обоим нужно быть готовыми к тому, что все может обернуться некрасиво. И твоя часть в том, если все станет плохо, тебе придется слушать мои разглагольствования и мириться, что я буду регулярно психовать. Потому что я надрываю задницу в этой компании, если они откажут мне в работе из Чикаго, так тому и быть. Но если на меня будет нападать этот мудака, замышляющий вендетту против моего босса, я не из тех девушек, которые сдаются без боя.

В его голосе была улыбка, когда он сказал:

— Вот это моя Фрэнки.

Да. Вот кем я была.

Бенни — это Фрэнки.

Внезапно я перестала нервничать.

— Это еще не все, — сообщила я ему.

— Судя по твоему тону, не похоже, что ты хочешь сказать мне, что в настроении позвонить мне сегодня вечером, когда я вернусь домой из ресторана, чтобы мы могли заняться сексом по телефону.

При этом я сделала мысленную пометку завести будильник, чтобы смогла проснуться и позвонить Бенни, когда он вернется домой из ресторана, чтобы мы могли заняться сексом по телефону.

И сказала:

— Нет, детка, это не повлияет. Более того, моя помощница в сговоре с несколькими другими ассистентками, они выяснили, что происходит еще больше странное дерьмо, что идет добавкой к тому серьезному странному дерьму, которое уже происходит с Бирманом.

— Не вмешивайся в это, Фрэнки, — приказал Бен, и моя спина выпрямилась.

— Я, не вмешиваюсь, — прошипела я. — Но моя ассистентка похоже вмешивается, а она мне нравится. Я сказала ей бросить это занятие, она заверила меня, что бросит, но почему-то от ее обещания у меня на душе совсем не потеплело.

— Она подставляет свою шею, это ее проблема, не твоя.

— Бен... — начала я.

— Не твоя, Франческа, — прервал он меня. — Ты сказала ей не совать нос куда не следует.

Она сует, это ее решение и ее последствия.

Когда он произнес слово «последствия», у меня внутри все перевернулось.

— Детка? — Позвал Бенни.

— Что? — Спросила я.

— Ты согласна со мной?

— Она хорошая девушка, Бенни. Она мне нравится. И то, что она обнаружила, не очень хорошо.

— Так доложи об этом своему боссу, — посоветовал Бенни.

— Если я ему доложу, он узнает, что она и ее команда вынюхивали конфиденциальную информацию.

— Она получит свои последствия, — повторил Бенни. — Если все плохо, ты сообщаяешь ему об этом, и пусть он сам во всем разбирается.

— Думаю, он уже в курсе, — пробормотала я.

— Тогда это хорошо. Пусть он решает.

Я вздохнула и посмотрела на часы на своем компьютере.

Четырнадцать минут до начала.

— Мне пора, — сказала я Бену. — Мне нужно морально подготовиться к встрече, возможно, сегодня вечером мне придется начать искать другую работу, за последнее время это стало моим не любимым занятием, стоит выше в листке, чем выдергивать волосы с корнем.

В его голосе послышался смех, когда он посоветовал:

— Думай о призе, детка.

Да.

Нужно думать о маячившем призе.

— Хорошо, милый, — тихо ответила я.

— Позвони мне после встречи, — приказал он.

— Обязательно.

— Удачи, *tesorina*, — мягко сказал он.

— Спасибо, Бен, — прошептала я.

— Люблю тебя, детка.

— И я тебя.

Я услышала его смешок, прежде чем он сказал — «Пока», получив мое «Пока» в ответ, и мы разъединились.

Я смогла сосредоточиться на ответе на целых два электронных письма, прежде чем набрала в грудь воздуха, встала со стула и направилась в офис Ллойда.

* * *

Было уже больше пяти, когда я вышла из офиса Ллойда.

Не потому, что у нас было подробное стратегическое совещание, каким образом я могла бы продолжать выполнять свою работу из домашнего офиса в другом городе. А потому что Ллойд воспринял нашу встречу как возможность получить от меня информацию абсолютно обо всем, чем я занималась.

Он хотел проверить как дела. Не потому, что у него были какие-то проблемы с тем, как я вела бизнес. Нет. Он готовился к удару, поэтому ему нужно было четко знать, куда будут бить и как отбивать.

К тому времени, как я вернулась в свой кабинет, Тэнди уже ушла. Я проверила электронную почту, разобрала кое-какие вещи на своем столе, затем выключила компьютер, взяла свой мобильный и покинула кабинет. Не нажала «Вызов Бенни», пока не оказалась в лифте и сделала это только потому, что вошла в лифт одна.

— Что он сказал, детка? — услышала вместо приветствия.

Он хотел, чтобы я сообщила ему хорошие новости. Он также хотел, чтобы моя задница находилась в его доме в Чикаго.

От этого я стала намного счастливой.

Мои новости не прибавляли счастья.

— Он сказал, что у него с моим решением нет проблем, но такого никогда не было в истории компании, ему придется обсудить с мистером Бергером, — сказала я ему. — Он также сказал, что обсудит на этой неделе и даст мне знать.

— С его «без проблем» действительно ли тебе показалось, что у него с этим не будет проблем?

Вопрос Бена сообщил, что Бен был не глуп, но я это уже знала.

— Он точно не хлопал в ладоши и не поздравлял меня с развитием моих отношений с мужчиной, которого я люблю.

Я услышала улыбку в его голосе, несмотря на то, что дальше он сказал совсем серьезно:

— Значит, ты понятия не имеешь, поддержит ли он тебя.

— Я знаю, что он хорошо ко мне относится и не хочет меня терять. Как это будет передано, когда он обратится к Бергеру, я понятия не имею.

— Итак, никаких ответов, просто на шаг ближе к ответам, — пробормотал он.

— Ага, — ответила я.

— Ты будешь ждать их решения или спланируешь все заранее?

— Сегодня вечером я буду просматривать онлайн-объявления о вакансиях, поедая свою постную еду.

Голос Бена звучал удивленно, когда он спросил:

— Ты ешь постную еду?

Я ухмыльнулась в телефон, когда дверь лифта открылась.

— Нет, милый. Я, наверное, заскочу к «Арби».

Последовала минута молчания, прежде чем он пробормотал:

— Мне нужно, чтобы моя детка была дома, чтобы я мог ее лучше кормить.

Так вот, от этого у меня потеплело на душе.

— Минута за минутой, Бенни, — мягко сказала я, идя через парковку к своей машине.

— Минута за минутой, детка, — ответил он. — Мне нужно вернуться на кухню.

— Хорошо, Бен.

— Пока, сага.

— Пока, милая, люблю тебя.

— И я тебя.

Я ухмыльнулась отсоединившись. Затем открыла дверцу своей машины, забралась внутрь, держа телефон в одной руке, сумочку через плечо и сумку с компьютером в другой руке.

Я поудобнее устроилась, вставила ключ в зажигание и невидящим взглядом уставилась в лобовое стекло. Но от того, что я увидела, я сосредоточилась и не стала поворачивать ключ.

Тэнди, Сэнди и Дженни, с чертовой Мирандой (которая должна была работать на производстве) и парнем-айтишником, который пришел и настроил мой компьютер в мой первый день (его имя ускользнуло от меня), все стояли, сбившись в кучку, рядом с синей Honda CR-V.

И сборище не выглядело так, будто Тэнди уговаривала их все оставить как есть.

У меня было одновременное желание выйти поболтать с ними, но эта половина желания испарилась, как только зазвонил мой телефон. Я посмотрела на экран, телефон лежал на верхней моей сумочки на пассажирском сиденье, и увидела надпись — «Кэт».

Кэт оттаяла, хотя это не означало, что мы каждый день болтали как подружки о том, что на нас надето, каких горячих парней мы видели и как к нам относились наши мужчины.

Я была рада за нее и Арта, что они бросили бухать по-черному, потому что всегда хотела поддерживать с ней связь. Семья разрасталась как сумасшедшая, пока Кэт и Арт пили, им было наплевать на свой брак, свое будущее и на то, какое будущее они могли бы дать своей семье, меня гораздо больше тогда взволновала возможность, что они принесут в мир больше крови Кончетти, чем запутанные связи, которые связывают моих брата и отца.

Я схватила телефон, ответила на звонок и поздоровалась:

— Привет, детка.

— Ну что ж, это случилось. Папина сучка родила нам младшую сестру. Ее зовут Домино.

Я моргнула, глядя на ветровое стекло, затем спросил:

— Домино?

— Именно, — ответила она. — Дом... ми... чертовое... но.

О, Боже. Я даже бы не рискнула начать перечислять, как злые дети могли бы высмеивать ее за это имя.

О чем они думали?

Кэт ворвалась в мои мысли.

— Хочешь еще последних новостей?

Чего я хотела, так это узнать, почему Крисси не позвонила мне, чтобы поделиться хорошими новостями, и, что более важно, почему она не проконсультировалась со мной по поводу имени.

У меня не было возможности сказать это Кэт.

Кэт продолжала:

— Последний чувак мамы бросил ее, и она осталась без пятнадцати тысяч долларов, потому что купила платье и не может вернуть его назад, как и остальное дерьмо.

У меня отвисла челюсть, и несколько секунд я не произносила ни слова. Я не могла в это поверить. Ни один из других мужчин ма не бросал перед свадьбой. Да, никогда.

Я взяла себя в руки, чтобы спросить:

— Он ее бросил?!

— Очевидно, она не сообщила ему, что до него у нее было еще четверо, и он не испытал той любви к надписи, которую увидел.

— О Боже, — прошептала я.

— Она напугана, — продолжила Кэт. — Сказала Нэт, что он любовь всей ее жизни, и что она не может быть рядом с ним, поэтому она переезжает обратно в Чикаго. Нэт рассказала Энцо, который в настоящее время отсиживается где-то, скрываясь от всех сумасшедших сук в своей жизни, а теперь еще и от мамы. Он рассказал мне о маме. И мы все знаем, что это означает, что она облажалась с точки зрения денег, и ей нужно отсидеться у кого-нибудь, кто бы оплачивал ее счета.

Внезапно мне стало интересно, может Бенни переедет в Индианаполис ко мне, хотя бы временно.

— Излишне говорить, что я не отвечаю на ее звонки, — продолжила Кэт.

— Вероятно, это хорошая идея на какое-то время, — пробормотала я, имея в виду примерно восемь месяцев.

— Она может изменить планы и отправиться в Инди, так что это мое тебе дружеское, сестринское предупреждение, чтобы избежать дерьма с ней.

— Она не сможет здесь остаться, потому что меня здесь не будет через несколько месяцев,
— сообщила я ей.

— Что? — спросила она.

— Я переезжаю обратно в Чикаго, буду жить с Бенни.

Это вызвало тишину, которую, как мне показалось, я могла прочесть.

Поэтому решила заняться этим позже и начать с самого начала.

— И Кэт, Крисси не стерва. Она действительно милая. Я думаю, она любит папу, знаю, что она в восторге от своего ребенка. Итак, она назвала ее странным именем. Мы будем знать ее Минни или как-то еще.

Кэт не ответила.

— Но я с тобой по поводу ма, — продолжила я. — Ты должна сосредоточиться и тоже завести ребенка, может искусственным путем, но надеюсь, не назовешь его Пасьянсом, и я поддержу твою игру с нашей мамой, если она позвонит. И Бен никогда в этой жизни не позволит ей жить у него в доме. Он не самый большой поклонник мамы и папы, так что, к счастью, я смогу его попросить ответить ей один раз, ему будет насрать, но он выскажет все. Он во всем меня поддерживает, думаю, что ему действительно понравится, если я скажу Нинетт двигаться дальше. Если Нэт возьмет ее к себе, то это ее проблема.

Кэт продолжала молчать.

Я проигнорировала ее молчание, продолжая бормотать.

— С этим нам приходится жить — растущая семья сумасшедших, половину времени раздражающая, постоянно выводящая из себя, но, несмотря на это, мы любим друг друга. Я никогда по-настоящему не понимала этого до недавнего времени. Понимаю, все у нас могло бы быть лучше. Мы все могли бы принимать лучшие решения. Но думаю, каждый на этой планете, вероятно, может сказать о себе то же самое. У нас есть то, что есть, и если мы принимаем это, каким бы безумным оно ни было, устанавливаем границы, с чем можем справиться, помня, что в этой гремучей смеси присутствует любовь, то у нас все будет хорошо.

Кэт молчала.

Поэтому я позвала:

— Кэт, ты здесь?

— Он всегда прикрывает тебе спину? — спросила она, и я улыбнулась, глядя на свой руль.

— Да. В этом он потрясающий.

И во многих других способах, не только в этом.

Я перестала улыбаться и начала чувствовать разные виды теплых мурашек, когда до меня снова донесся голос Кэт.

На самом деле, дело было не только в том, что она говорила. Дело было в том, как она это говорила.

— Ты так долго раскачивалась на ветру, Фрэнки, что даже не смешно, — тихо говорила она, ее голос дрожал. — Даже с Винни, ты все равно раскачивалась на ветру в одиночку. Все думали, что ты стоишь за его дерьмом, он позволял им так думать. Хотя должен был вмешаться, прояснить ситуацию, не позволять тебе тащить его бремя. Но он этого не сделал. И это выводило меня из себя. Затем он нанес окончательный удар, бросив тебя на произвол судьбы, а потом его убили. — Она сделала паузу, я затаила дыхание. — Я рада, что у тебя наконец-то появился мужчина, не позволяющий тебе раскачиваться на ветру в одиночку.

Я не ожидала от нее такого услышать.

Даже близко.

Но то, что она сказала, было намного лучше.

И это напомнило мне о том, почему я любила свою сестру и почему всегда она доводила меня до безумия.

— Спасибо, Кэт.

— Не за что, дорогая. И, хочу сказать, что мои границы намного менее гибкие, чем твои.

— Я понимаю.

— И, говоря это, я не против, потому думаю, что твои границы гибкие, а у Бена — нет.

В этом она не ошибалась.

— Да, — согласилась я.

Я услышала, как она шумно вздохнула, прежде чем спросила:

— Крисси не стерва?

— Нет.

— Пару раз, когда я ее видела, она казалась мне именно стервой, — отметила Кэт.

— Пару раз, когда ты встречалась с ней, рядом находились все мы, а когда мы все собираемся, то никого не видим, кроме себя.

— Мне понятна твоя точка зрения, — пробормотала она.

— Она милая, — повторила я.

— Она тебе нравится?

— Да. Я имею в виду, мы иногда болтаем. Не то чтобы я вписала ее в свое завещание, но она довольно крутая.

— Они все такие.

В этом она тоже не ошибалась.

— Ну, она родила нам сестру, так что полагаю, что будет теперь с нами по жизни, — отметила я.

— Даже если она милая, это не вызывает у меня желания прыгать от радости, потому что Энцо-старший в очередной раз все испортит, и мы обе это знаем.

— Младшая сестренка, Кэт, — напомнила я ей о том, чем обернется это безумие для нее и для меня, мысленно надеясь, что смогу заставить Крисси прислать мне фотографии. Я также подумала, что пришло время наладить отношения с папой. И, наконец, мне стало любопытно, как мне уговорить Бенни не сходить с ума, если я налажу отношения с отцом.

— Выматывающие и раздражающие, но мы любим друг друга, — сказала Кэт. — Мы такие, какие есть.

— Думаю, что все остальные тоже. Они просто лучше справляются с этим или идут на большие поблажки друг с другом.

— Да, — тихо ответила она. — А теперь иди домой, потрахайся, сделай мне племянницу или племянника, позвони мне через месяц с хорошими новостями.

— Я спрошу Арта, как он относится к имени Пасьянс, — пошутила она, когда я включила зажигание.

— Я все равно буду любить ее... и тебя, — я не шутила.

— Ты — слабачка, — заявила она, но ее голос звучал мягче и немного хрипло.

— Думай, как хочешь, — ответила я.

— И придурок, — продолжила она, ее голос не звучал мягко и хрипло.

— Я вешаю трубку.

— И, если ты думаешь, что я стану мягкотелой, просто хочу сообщить, что это еще одна граница, которую не перейду.

— Я уже повесила трубку, — солгала я.

В ее голосе звучала улыбка, когда она сказала:

— Пока, Фрэнки.

— Пока, Кэт.

Я закончила разговор, бросила свой телефон на сиденье рядом и посмотрела в лобовое стекло.

Тэнди, Сэнди, Дженни, Миранда и айтишник ушли. Как и пропала Хонда CR-V.

Я завела мотор, надеясь, что Тэнди увела всех подальше от любопытных глаз, чтобы им сказать прекратить заниматься этим дерьмом, из-за которого их могут уволить, вести себя профессионально, хотя у меня было такое ощущение, что Тэнди в этот момент делала прямо противоположное.

Затем я выехала со своего места, заехала в «Арби», потом домой и начала искать вакансии.

* * *

— Я завязываю, — заявила Шерил, наклоняясь ко мне через стойку бара.

Я не поняла, с чем она завязывает, но тоже решила завязать.

Как и завязала сегодня вечером с объявлениями о поисках работы.

Также завязала с ожиданием в одиночестве более трех часов у себя дома, лечь спать потом проснуться, когда Бенни вернется с работы, чтобы я смогла ему позвонить и услышать, как он произносит слова, доставляющие мне оргазм.

Итак, я переделалась в джинсы и блузку со складками, облегающую, обула потрясающие босоножки на шпильках, распушила волосы и отправилась в «Солун Джей энд Джей», местный бар, принадлежащий Феб.

Феб сегодня работала. Как и Шерил.

Это было хорошо, так как я мало с кем была знакома в Браунсбурге, кроме Вай, Кэла, Кейт, Киры, Энджи, Колта, Феб и Шерил, плюс еще нескольких подруг Вай (также подруг Феб и Шерил), с которыми я познакомилась на свадьбе и с которыми сблизилась из-за «Беллини». Все они были замужем, у большинства из них были дети, так что нам еще предстояло осуществить то, что мы обещали сделать на свадьбе — устроить девичник. Дочери Вай, конечно, не считались, как и Энджи, поскольку она только недавно родилась. А поскольку Вай и Кэл все еще находились в «Вирджин Корда», а Кейт и Кира были не того возраста, чтобы ходить по барам (и они все еще находились в Чикаго), мне повезло, что Шерил и Феб обе работали этим вечером, в итоге я не выглядела как стильно разодетая завсегдатайка баров.

Как только я добралась до салуна, пожалела, что не заглянула сюда раньше, хотя столько времени жила в Браунсбурге.

Конечно, я больше довлела к приглушенному освещению в барах, сказочному декору, относилась к тому типу девушек, которые предпочитают, чтобы им подавали каждый напиток в бокале для martinis, но в этом баре все было по-другому. В основном он был деревянным, грубым и изношенным из-за времени, несомненно, на счету этого бара было более чем достаточно драк. В задней части стояли бильярдные столы, а бильярдные столы обычно означали, что в такие заведения я предпочитала не ходить.

Но мне понравилось.

Может потому, что я вошла, Шерил и Феб посмотрели в мою сторону, и обе поздоровались, Феб сказала: «Привет, детка! Круто, что ты наконец-то появилась», а Шерил сказала: «Привет, Фрэнки, как дела?», и это было приятно.

Очутившись вдали от всего родного, я имею в виду Чикаго, где мне все казалось таким знакомым, зайти в бар в другом городе, когда женщины за стойкой улыбаются и приветствуют, впервые с тех пор, как я перебралась в этот город, я почувствовала себя в Браунсбурге как дома.

Мне было приятно болтать с ними обеими, пока пила бокал охлажденного белого вина, наблюдая за окружающими.

Хотя я не поняла с чем Шерил завязала.

— Ты завязала с чем?

— С мужчинами, — тут же выдала она.

Мы же обсуждали лучшие марки лака для волос с дополнительной фиксации.

Когда мы успели перейти к мужчинам?

— Э-э... почему? — Поинтересовалась я.

— Потому что, видишь ли, я живу в этом городе уже, наверное, целую вечность, и в ту минуту, как мое дерьмо выплеснулось за границы города, началась беспрецедентная для меня засуха. А я работаю в баре. Это дерьмо невозможно.

— Засуха? — Спросила я.

— Детка, огромный период засухи. Например, я не спала уж ни с кем... вечность, — поделилась она.

Понятно, поскольку она едва меня знала, если не считать, что мы вместе с ней в больнице ожидали рождения Энджи, а также общались на свадебном приеме, она посчитала своим долгом поделиться со мной. И как сестра, даже без многолетнего общения за мартини (или текилой) в период обсуждения лучших косметических брендов, я обязана была позволить ей высказаться.

— Это отстой, — заметила я, хотя не стала делиться с ней, что сама, возможно, установила мировой рекорд по засухе после смерти Винни, так что я понимала ее боль, как никто другой.

— Так и есть, — согласилась она. — И от этого становится еще хуже, заметив, как ты только что появилась у нас в баре, а Таннер Лейн уже положил на тебя глаз. С того момента, как он вошел в ту дверь, его взгляд остановился на твоей заднице, а глаза блуждают в твою сторону последние двадцать минут.

— Какой из них Таннер? — Спросила я.

Она мотнула головой вдоль стойки, и мой взгляд переместился на другой конец барной стойки, где сидел очень симпатичный темноволосый мужчина, улыбаясь и разговаривая с Феб.

— Таннер Лейн. Так вот с ним бы я пошла на все, — объявила Шерил. — С ним бы я пошла на многое, как только мой радар засек, что он недавно переехал в город, а я даже никогда с ним не встречалась, я просто чувствую его невероятную способность доставлять качественные оргазмы. Я бы пошла прямо сейчас с ним в ванную или в офис. Но он смотрит на меня только, чтобы заказать выпивку. С тобой однако...

Она замолчала, и я сказала:

— Я занята.

— Да, ты — это ты, и вся в этом «ты», — ответила она, обводя рукой мою голову, включая мои пышные волосы. — И твой мужчина очень горячий. Но он в Чикаго. Ты такая какая есть, Таннер Лейн похож на него, твой парень в Чикаго, может случиться разное.

— Я подарила ему на день рождения календарь со своим новым расписанием, днями рождениями семьи и тому подобной чепухой, и он мне сказал, что это все, чего он когда-

либо хотел. Жизнь, отраженная в напряженных семейных буднях, записанных в календаре, прикрепленном на стене на кухне. Он спросил, собираюсь ли я жить с ним такой жизнью, и я ответила «да». Так что этот парень горячий, и Бенни, возможно, в Чикаго, но «разного не случится».

Я закончила свое заявление, Шерил уставилась на меня, сказав:

— Он сказал, что это все, чего хотел в жизни?

— Ага.

— И это тебя не пугает?

— Абсолютно нет.

— А чего ты хочешь в жизни?

— Мужчину, который хочет, чтобы на стене в его кухне висел календарь, сплошь исписанный событиями семьи.

— Тогда с тобой все в порядке, — отметила она, ее глаза загорелись, губы изогнулись.

— Ага, — согласилась я, зная, что мои глаза загорелись, а губы улыбнулись.

— За исключением того, что ты живешь здесь, а он живет там, — указала она.

— Срок моей аренды истекает в октябре, и тогда я буду жить с ним.

На это ее глаза расширились, настроение изменилось, и она неожиданно рывкнула:

— Что?

— Ну, — нерешительно начала я, неуверенная в ее внезапной смене настроения. — Я вернусь к Бену.

— Отлично, — выдавила она. — Наконец-то, когда ты решила заглянуть в «Джей энд Джей, и я решила попросить тебя быть моим «вторым пилотом». Феб не может пойти со мной, потому что она беременна, и у нее есть уже ребенок, Колт сойдет с ума, если я потащу ее с собой прогуляться. Раньше со мной ходила Вай, потом она переспала с Кэлом, он, возможно, более крутой, чем Колт, и определенно сойдет с ума, если Вай решит со мной погулять. И я точно знаю об этом, потому что я спросила, она спросила у него, что я попросила, и он сошел с ума. Ты выглядишь так, будто была бы хорошим «вторым пилотом», и ты единственная вроде бы как — одинокая женщина, которую я знаю в Бурге, и которая мне нравится. И ты решила уехать?

Я сочувствовала ей. «Второго пилота» было трудно найти.

Поэтому ответила:

— Да.

— Чертовски круто, — заявила она, совсем другое имея в виду. — Теперь, как мне потрахаться?

— Мы могли бы с тобой прогуляться, пока я еще здесь. У тебя есть пара месяцев.

— Что ты делаешь в среду? — мгновенно спросила она, и я ухмыльнулась.

— Прогуливаюсь с тобой, — ответила я.

Вот тогда-то она и ухмыльнулась.

Движение Феб привлекло мое внимание, и я посмотрела в конец бара, увидев, что Таннер Лейн сейчас отвечает на телефонный звонок.

Он действительно был горячим парнем.

Но Бенни был намного сексуальнее.

Эта мысль и возраст мужчины заставили меня перевести взгляд на Шерил, и я спросила:

— У Таннера Лейна есть дети?

— Да, говорят, два мальчика.

— А одного случайно не зовут Джаспер? — Спросила я.

— Понятия не имею, поскольку он не ведет со мной подобных разговоров, чтобы мы перешли с ним к разговору наедине о том, сколько потомства могли бы произвести по сценарию Брэйдди Банча.

Я улыбнулась ей, но продолжала смотреть на Таннера Лейна, пробормотав:

— Интересно, он отец Джаспера. — И сказала я это, потому что его гены, несомненно, будут доминирующими, а это означало что, как только Кэл снимет запрет, Кира получит этого парня.

— Кто такой Джаспер? — Поинтересовалась Шерил, и я оглянулась на нее.

— Парень, в которого влюблена Кира.

Она высоко вздернула подбородок с «Ах». Затем сказала:

— Я выясню, — и направилась к Феб.

Я сделала глоток вина, и через пару минут Шерил вернулась.

— Джаспер — старший, — подтвердила она. — Второй Трипп, младший. Ни Колт, ни кто-либо другой, насколько известно Феб, не поймали их за глупым занятиями. Но она хочет допросить Колта о пригодности Джаспера для Киры.

— Это было бы хорошо, учитывая, что Кэл неохотно дает ей добро, чтобы она могла с ним встречаться, потому что, по словам Кейт, он игрок в старших классах.

— Я попрошу Феб заняться этим, — сказала она.

— Спасибо, — пробормотала я, затем мы обе замолчали, так как Таннер Лейн бросил несколько купюр на стойку, кивнув Феб.

Он прошел вдоль стойки, не сводя с меня глаз, и когда подошел ближе, его голова слегка склонилась набок, губы приподнялись, взгляд стал ленивым. Затем он прошел мимо и вышел за дверь.

Должна была признать, что мои соски немного покалывало, но опять же, это была автоматическая женская реакция на наклон головы горячего парня/кончики губ.

Я также должна была признать, что было приятно осознать, что во мне есть кое-что, сидя на барном стуле, словить наклон головы горячего парня/кончики губ.

Но в основном, это было просто приятно, пока я коротала время, пока не пришло время звонить Бенни.

* * *

— Ты в порядке?

Это было приветствие Бена в тот же вечер в 12:45.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты уже почти в кровати, — ответила я, голос звучал сонно и хрипло. Во-первых, потому что я проснулась и позвонила Бенни. Во-вторых, потому что я одновременно делала два дела — разговаривала с ним и уже включила свой вибратор.

В голосе Бена больше не было озабоченности, но было что-то намного лучшее, когда он потребовал:

— Сага, ты это серьезно спрашиваешь?

— На полном серьезе, Бенни.

— Как далеко ты подвинулась? — спросил он.

— Все еще нужно твое участие, милый, — ответила я.

— Черт, детка, — прорычал он, и вот оно. Единственное, что мне следовало услышать. Бенни принялся за работу.

К счастью, это было не всем, что Бенни выдал мне. Он выдал мне гораздо больше и выдавал до тех пор, пока не услышал, как я кончаю. Затем я отложила вибратор, перекадилась на

бок, свернулась калачиком и своим хриплым, тихим, посторгаженным голосом дала ему гораздо больше, пока не услышала, как кончил он.

Я немного помолчала, ожидая, пока он придет в себя, прежде чем прошептать:

— Я скучаю по тебе, милый.

— Приеду к тебе на этих выходных.

Я моргнула, уставившись в свою подушку.

— Что?

— Моя очередь.

— Так скоро? — Спросила я, мое сердце подпрыгнуло, надеясь, что он подтвердит, что так скоро приедет ко мне.

— Я у тебя или ты у меня каждые выходные.

Несмотря на то, что мне понравилась эта идея, меня это беспокоило.

— Да, но как же ресторан?

— Это всего лишь два месяца. Семья меня прикроет.

Я знала, что со стороны семьи это была жертва ради Бенни.

Я была счастлива не только потому, что видела его чаще, а потому что он хотел видеть меня чаще, и он был мужчиной, готовым пойти на такую жертву ради меня.

— Шерил придется довольствоваться «вторым пилотом» по будням, — пробормотала я, думая, что это сработает для нее, потому что она скорее всего большую часть выходных работала.

— Что? — спросил Бен.

— Ничего, — ответила я.

— «Вторым пилотом» Шерил? — настаивал он, и я сжала губы, потому что у меня было ощущение, что Бен был больше похож на Колта и Кэла. — Фрэнки, — подсказал он предупреждающим, не хриплым, сексуальным, посторгаженным тоном, а рычащим, сексуальным, выходящим из себя, посторгаженным тоном.

Да, Бенни явно больше походил на Колта и Кэла.

Так что произнесла:

— Шерил попросила меня быть ее «вторым пилотом».

— И ты согласилась? — Спросил Бен, словно я сообщила ему, что Шерил попросила меня помочь ей взорвать канадское посольство.

— Ей необходимо потрахаться, — объяснила я.

— Видел ее, думаю, она может совершить этот подвиг самостоятельно, — отрезал Бен.

— Каждой девушке нужен компаньон – «второй пилот», Бенни, — выпалила я в ответ, мой голос тоже больше не был хриплым после оргазма, в основном потому, что я немного разозлилась.

— Возможно. Просто ты ей не пара, — заявил Бенни, и я вроде как перестала злиться.

— Почему?

— Тебе и твоей заднице, волосам, ногам, сиськам и улыбке не нужно ходить по пятам за чертовой Шерил, привлекать к себе внимание и попадать в неприятности.

— Бенни Бьянки, неужели ты думаешь, что через миллион лет я сделаю что-нибудь, чтобы поставить под угрозу данное тебе обещание? — огрызнулась я.

Бенни на мгновение замолчал, прежде чем тихо спросил:

— Данное мне обещание?

— Ага, — прошипела я. — Обещание, данное тебе.

— Детка, я — твой. Как я могу быть обещанием? — спросил он, теперь осторожно, и у меня внутри все сжалось от этого «я — твой».

Но все же.

— Каждый день — это новое обещание, Бен, — резко заявила я ему. — Каждую ночь я ложусь спать, зная, что это обещание, каждый день я просыпаюсь, зная, что каким-то образом оно будет выполнено. И повторяю. Надеюсь... навсегда.

— Фрэнки, — прошептал он, но не продолжил.

Я проигнорировала глубину его шепота, заявила:

— Так что не говори мне, что я не могу прогуляться с Шерил. Она забавная. Раздражительная, но милая. Думаю, Вай не подпустила бы ее близко к себе и девочкам, если бы у нее не было золотого сердца, хочу сказать, что Кэл тоже бы не подпустил. И так, у меня осталось два месяца в Бурге. Все время, что я здесь прожила, мне казалось, что я нахожусь в подвешенном состоянии — без дома, вдали от всех, кого люблю, в первую очередь от тебя, и это действительно было не очень приятно. Так что я собираюсь куда-нибудь сходить повеселиться с одним из немногих людей, которых знаю, и ты не должен меня останавливать.

— Хорошо, детка.

Я снова устала в свою подушку.

— Хорошо?!

— Да, сходи куда-нибудь повеселиться.

— Вот так просто? — с сомнением спросила я.

— Ну, да, — ответил он.

Я не поверила.

— Означает ли твое согласие, что ты тоже поработаешь «вторым пилотом» какому-нибудь своему знакомому, пока меня не будет?

— Франческа, когда у меня есть для этого время? Я работаю, а когда не работаю, моя задница с тобой.

О да.

Верно.

— Но, ты хочешь сказать, что ты можешь, а я не могу? — продолжил Бен.

— Ты горячая штучка, — отметила я. — Девушки любят таких сексуальных.

— Надо сказать, что ты тоже не уродина с задницей, — ответил он.

Должна была признать, что это было правдой.

Он продолжил:

— И ты думаешь, что через миллион лет я сделаю что-нибудь, чтобы поставить под угрозу данное тебе обещание?

Боже.

Бенни.

Внезапно я совсем перестала злиться.

— Нет, — прошептала я.

— Я не Энцо, — заявил Бен.

— Знаю, что нет.

— И ты не Нинетт.

— Знаю.

— Так ты закончила меня бесить? — спросил он.

— Думаю, что да, — ответила я. — Но хочу отметить, что ты это начал.

— Черт, — пробормотал он.

— Между прочим, жених Нинетт бросил ее, — сказала я ему, чтобы сменить тему.

В ответ не услышала никакого ответа.

— Она направляется в Чикаго, пытаюсь найти место, где могла бы зализать раны, — поделилась я.

— Это точно не у меня, — твердо заявил Бен.

Я знала, потому, что просто знала, поэтому улыбнулась.

Продолжая делиться новостями.

— И Крисси родила.

Еще одно отсутствие ответа.

— Назвали девочку Домино.

Это нашло отклик.

— Господи.

— Мы будем звать ее Минни.

— Ставлю жирную точку прямо сейчас, детка, наших детей не будут звать дурацкими именами.

Наших детей.

Господи.

Бенни.

— Я подумываю о Пасьянс, — солгала я.

— Ты подумываешь неправильно.

— Спейд?

— Нет.

— Клуб?

— Нет.

— Монополия?

Он усмехнулся.

— Блядь, нет.

— Как насчет Джона?

— Джон, я подумаю.

Я улыбнулась в свою подушку и сквозь улыбку тихо сказала:

— Люблю тебя, Бенни.

— Тоже люблю тебя, Фрэнки, — мягко ответил он. — Теперь иди спать с обещанием от меня, и завтра я обязательно сделаю что-нибудь, чтобы выполнить его.

Боже.

Я, мать твою, любила Бенни Бьянки.

— Хорошо, милая.

— Спокойной ночи, Фрэнки.

— Спокойной ночи, Бенни.

Я ждала, и он ждал, затем первая отключилась.

После этого поднесла свой телефон к губам, как будто это был сам Бенни, и я могла прикоснуться своими губами к его губам в качестве пожелания спокойной ночи.

Через пару месяцев.

Тогда я была бы по-настоящему счастлива.

Я отложила телефон в сторону, свернулась калачиком и заснула.

В заднем кармане Бенни зазвонил телефон. Он закрыл крышку коробки, которую разбирал в подвале, достал свой телефон и увидел, что звонит ма.

— Привет, ма, — ответил он.

— Бенни, мы зашли в магазин, — произнесла она то, что ему действительно не нужно было знать.

— Она потащила мою задницу с собой! — Услышал он крик отца, а это означало, что, где бы они ни находились, все это слышали.

— Тише, Винни, — шикнула его мама на папу.

— Ма, — позвал Бен, чтобы вернуть ее внимание в надежде закончить этот разговор быстрее.

— Мы в мебельном магазине и только что увидели самую милую кровать, — объявила она.

— Она думает, что кровать милая, — услышал он крик своего отца. — Я думаю, что она девчачья.

— Винни, не кричи, — рявкнула мать.

Но Бен понял, в чем дело. Он сообщил им, что Фрэнки переезжает к нему, поэтому он разбирает разное барахло, готовясь к ее переезду.

Теперь он понял, что это был глупый поступок с его стороны, сообщить своим родителям, что Фрэнки хочет иметь комнату для гостей.

— Ма, позволь Фрэнки выбрать самой мебель, — только и сказал он.

— Я позволяю, — бойко ответила она. — Но ей нужно увидеть эту кровать, поэтому мне нужен ее адрес электронной почты, чтобы я смогла отправить ей фотографию. Я не хочу отправлять ей по смс. Она должна увидеть ее всю, во всей красе.

Бен на мгновение задумался стоит ли сделать косметический ремонт для Фрэнки. Его мысли витали по приглушенным тонам, свечам, минимуму безделушек и фотографий, которыми она украшала свою квартиру. Поскольку ему все это нравилось, он перестал думать об этом.

Чего он не думал, что любая кровать, выбранная его матерью, была бы чем-то таким, какую бы захотела Фрэнки. Это неожиданность, но, когда дело доходило до дома, Франческа Кончетти была не о блеске, а о вкусе и минимизации. Тереза Бьянки предпочитала масштаб с большой долей католицизма.

Но он все равно дал своей матери адрес электронной почты Фрэнки. Бонус заключался в том, что его Фрэнки могла справиться с его матерью, когда та становилась слишком настойчивой. Он не чувствовал никакой своей вины, что дал матери электронную почту Фрэнки и, что именно Фрэнки способна управлять его матерью. Ему придется смириться с ее порочной семьей, ей придется мириться с его слишком заботливой семьей.

Он неоднократно отмечал, что у Фрэнки не только не было с этим проблем, ей действительно это нравилось.

— Хочешь отец приедет, чтобы помочь тебе с подвалом в эти выходные? — спросила она, отвлекая его от приятных мыслей.

— Сейчас как раз занимаюсь подвалом, ма. И собираюсь в Браунсбург на эти выходные.

— О, да, конечно, — пробормотала она. — Хочешь, чтобы я отправила отца сейчас тебе на помощь?

Винни-старший, откручивая крышку с бутылки пива, найдет какую-нибудь коробку, на которую можно присесть, и два часа будет командовать его задницей?

Нет, он этого не хотел.

— Я справлюсь сам, — ответил он.

— Уверен? — спросила она, и он вздохнул.

— Да, ма, уверен.

— Мальчик, избавь меня от этого! — услышал он крик отца, и Бен посмотрел на ноги и покачал головой.

— Ладно, если мы понадобится, позвони, — его мама проигнорировала крик отца и с благодарностью закончила разговор.

— Пока, ма.

— Пока, Бенни.

Он выключил телефон, сунул обратно в карман и перешел к другому ящику. И обнаружил, что бывшие владельцы оставили ему весь свой хлам. Кое-что он мог даже отдать в Армию спасения, остальное выбросил бы на свалку.

Похоже за один день он не разберет. Это заняло бы по меньшей мере неделю, нельзя сказать, что он ожидал этой работы — по разбору подвала с нетерпением.

Но он ждал, с нетерпением ждал того, что скоро ему не придется ездить к Фрэнки каждые несколько недель или ждать, когда она придет к нему. Он хотел этого. Она хотела этого. Он хотел, чтобы она сделала его дом своим. Так что он готов был надрывать задницу, делать все, что мог, чтобы она могла сделать его дом своим.

Он собрал еще две коробки, прежде чем его телефон зазвонил снова. Он вытащил его, ожидая, что опять звонит его мать, увидев еще один предмет мебели или бог знает что, но на этот раз она хотела, чтобы он сам увидел. Такое случалось часто, когда его мать была одержима какой-нибудь идеей.

Не в первый раз он понимал замысел Карм — переехать в другой конец страны.

Но на его дисплее отобразилось: «Сэл».

Он поднес мобильник к уху и поздоровался:

— Привет, Сэл.

— Где ты? — рявкнул Сэл, и спина Бена выпрямилась.

— В подвале, — ответил он, не испытывая добрых чувств к приветствию Сэла.

Сэл разговаривал с кем-то еще, приказав:

— Пусть он приставит к ней кого-нибудь, а ты сейчас же поезжай к ней.

Бен испытал удар в самое сердце, вызванный этими словами, быстро подошел к своей собаке, лежавшей на спине, задрав четыре лапы, спящей на куче тряпья, которую Бен бросил в угол. Гас вырубился, потому что Гас атаковал все доступные для атаки предметы в подвале, а их было довольно много, и он занимался этим целый час.

Бенни наклонился, подхватил Гаса, который от неожиданности подпрыгнул у него на руках, а затем сразу же начал извиваться, готовый к игре, несмотря на то, что только что проснулся. Но Бену пришлось на этот раз проигнорировать его, он направлялся к лестнице. И пока он быстро двигался, потребовал:

— Говори.

— По Инди поползли слухи. Один парень ищет киллера. Для легкой мишени. Какой-то компьютерщик, который работает на «Уайлер Фармасьютикалз». На этот раз он спешит и не возражает, если будет местный. Он нашел местного.

Господи, что, черт возьми, происходило там, где работала Фрэнки?

— Ты, бл*дь, издеваешься надо мной, — прорычал Бен, направляясь на кухню.

— Я нет. Получил инфу, но вчера получил больше.

Чертовски блестяще.

Больше.

— Что? — Прорычал Бенни.

— Частный детектив там, подонок и посредник по разным делам, нашел себе работу, решил потролить одного парня, который трахает свою секретаршу. Угадай, где работает этот парень?

— Что за херня? — Спросил Бен, поднимаясь по лестнице на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

— Это дерьмо — нехорошее дерьмо, чем бы это дерьмо ни было. Но я не знаю все это дерьмо, и мне это не нравится. Так что собираюсь выяснить. Я также знаю, что два киллера на двух людей, работающих там, где работает Фрэнки, и этот частный детектив, не очень хороший парень, Бенни, он кусок дерьма — если он замешан, мне это совсем не нравится. У меня там есть друзья. Они приставят человека к Фрэнки, пока мой мальчик не придет к ней, чтобы его сменить.

Бен остановился как вкопанный в своей спальне.

— Почему ты это делаешь?

— Почему?! — отрезал Сэл. — Потому что это Фрэнки. Она способна стоять посреди дня в поле, и на нее упадет мертвое тело.

Он не ошибался.

Фрэнки родилась в семье, которая особо не баловала ее своей любовью, не обращала на нее внимания и по сей день причиняла много головной боли. Ее первый и единственный настоящий парень был убит, когда связался с мафией. Ее игра в искупление с его семьей получила второй шанс. Теперь у нее была работа, на которой людей просто отстреливали.

Бл*дь.

— Почему компьютерщик является мишенью? — спросил Бен.

— Без, мать твою, понятия, — ответил Сэл.

— Ты не знаешь, знает ли его Фрэнки?

— Нет, но знаю, что у парня, который трахает свою секретаршу, должность такая же, как у Фрэнки, только у него на двери написано «Запад», а у нее «Восток».

— Ее коллега, — пробормотал Бен, принимая решение. Он поставил Гаса на пол и пошел к своему шкафу. Вытащил сумку, которой часто пользовался последние месяцы, и сказал Сэлу: — Я собираюсь в дорогу, направлюсь туда через десять минут.

— Мой парень уже в пути к ней, Бенни. Он будет повсюду следовать за ней, не спуская с нее глаз. На тебе ресторан.

— Не подумай, что высказываю неуважение, Сэл, на этот раз я серьезно, я не большой поклонник того, что один из твоих парней будет по всюду следовать за Фрэнки.

— Ты думаешь, она его вычислит? — спросил Сэл, и брови Бенни поползли вверх.

— Ты же не скажешь ей, что за дерьмо происходит? — переспросил Бен в ответ.

— Черт возьми, нет, *figlio*. Она и так знает, но она обладает такой особенностью совать своей нос не в свое дело. Она на поле и мертвое тело падает на нее? — спросил, но сделал это, не дожидаясь ответа. — Может это ее друг, которому она захочет помочь.

В его словах был смысл.

Бен бросил свою сумку на кровать.

— Не поэтому я не хочу, чтобы один из твоих людей следовал за ней.

— Он позаботится о ней, Бенни.

— Это моя работа — заботиться о ней, — ответил Бен.

Сэл молчал.

Бен произнес:

— Объясни мне свою точку зрения.

— Тут нечего объяснять, — ответил Сэл. — Я только знаю, что все это нехорошо, и Фрэнки находится на линии огня.

Бенни думал о том же.

— У нее есть парень, который работает с ней, забыл его имя, фамилия Бирман, — сказал ему Бен. — Он придурок, Фрэнки говорит, что он нацелился на нее, чтобы убить ее босса.

— Еще один стрелок?

Чертовый ад, мир, в котором жил Сэл.

— Офисные интриги, Сэл.

— Ааа, — пробормотал он. — Понятно.

— Чтобы добраться до ее босса, он решил дискредитировать Фрэнки и ее коллегу, — сказал ему Бен. — У тебя есть имя, стоящее за заказным убийством?

— Так это не работает, Бенни. Обмениваются деньги на имя парня, которого хотят убить.

— Как зовут этого парня, которого заказали?

— Питер Ферлок.

— Ты представил к нему своего парня?

— Насрать мне на него.

Он доставал разное барахло из своего ящика и бросал его в сумку, когда сказал Сэлу:

— Я должен позвонить в полицию и сообщить им о готовящемся убийстве, Сэл.

— Ты не можешь этого сделать, Бенито Бьянки.

Бен замер и выпрямился.

— Мое имя повсюду в Инди, задающем разные вопросы, — холодно заявил Сэл. — Ты привлекаешь к этому делу копов, они суют свой нос, выясняют, что я расспрашивал, они сводят концы — один и один будет два, и я у них на ладони. У меня не так много бизнеса в Инди, но бизнес, который там есть, и отношения, которые у меня там есть, я хочу сохранить. Я спрашиваю о чем-то, о чем пронюхивают копы, мое имя пользуется такой популярностью, которая мне не понравится. Я люблю тебя, *figlio*, но никто не будет трахать меня, даже ты, тем более копы и люди, которые мне доверяют.

Черт возьми!

Ему не следовало просить Сэла вмешаться в это дело. Он прекрасно об этом знал. Проблема заключалась в том, что это дело касалось Фрэнки, и это было важно, ему больше не к кому было обратиться.

— Тогда приставь человека к этому парню, — ответил Бен.

Сэл молчал.

— Сэл, приставь человека к этому парню, или у нас будут проблемы, — тихо произнес Бен.

— Я не хочу иметь с тобой проблем по очевидным причинам. И я не хочу иметь с тобой проблем из-за Фрэнки.

— Я почти уверен, что от твоего внимания не ускользнуло, что я не фонд благотворительности.

— Сделай это ради Фрэнки, — ответил Бенни.

— Насколько она находится на линии огня? — спросил Сэл.

— Я не знаю, что происходит с этими убийствами, Сэл, но, судя по тому, что она мне рассказала, детектив, скорее всего, был нанят Бирманом. Это может означать, что он может нанять его и для Фрэнки. О стрелках я понятия не имею. Частный стрелок, подходит.

— Верно, — подсказал Сэл, когда Бенни перевел дыхание.

— С этим парнем происходит странное дерьмо, выходящее за рамки офисной политики, — продолжал Бен. — Я никогда не работал в офисе, но мне кажется чрезмерным нанимать частного детектива для поиска компромата на члена команды, чтобы поймать рыбу покрупнее. Фрэнки старается держаться в стороне, не заикливаясь на всем том странном дерьме, которое происходит. Ее ассистентка — нет. Она сует нос в дела компании с другими ассистентками, которым, вероятно, не нравится этот парень и они хотят видеть, как его задницу вышвырнут, возможно, подвергая себя опасности.

— Мне нужны подробности, Бенни.

— У меня их нет.

— Так достань, — приказал Сэл. — Езжай к Фрэнки. Ты берешь ее за задницу, я возьму за задницу Ферлока. И ты хочешь, чтобы я решил это тихо — типа, ты держишь свою задницу в этом Бурге, став ногами Джильи.

У Бена начало гореть в горле, и он прорычал:

— Этого дерьма не будет.

— В моем совершенно новом отделе благотворительности, Бенни, — заявил Сэл со вздохом.

Бенни глубоко вздохнул.

Затем он принял другое решение.

— Мне нужно сделать несколько звонков по поводу ресторана. Нужно собрать побольше информации. Тогда я отправляюсь в путь. А ты тем временем выясни, копает ли на нее частный детектив.

— Сделаю. Если получишь информацию, позвони мне.

— Сделаю.

— И захвати с собой пистолет, Бенни, — посоветовал Сэл.

Бл*дь.

— У тебя плохое предчувствие, — тихо предположил Бен.

— Насчет Фрэнки? Не знаю. О чем оно? Да. Определенно, — подтвердил Сэл.

— Хорошо. Пока, Сэл.

— Увидимся, *figlio*. Бенни?

— Ну?

— Ты хороший человек.

Отлично.

Он получил одобрение от Сальваторе Джильи.

Сэл положил трубку.

Бен пошел искать сумку побольше.

* * *

— Что? — спросила Фрэнки приглушенно тридцать минут спустя, когда Бен сидел в своем внедорожнике и направлялся в Бург. Он позвонил Фрэнки, чтобы сказать ей, что приедет не на два дня.

Ее голос звучал отчасти испуганно, но в основном взволнованно.

Ему понравилось ее возбуждение, он не был большим поклонником ее волнений, но он не придавал большого значения тому факту, когда она узнает зачем он приехал, то скорее всего взбесится.

— Я направляюсь в твою сторону. Буду у тебя примерно в то же время, как ты придешь с работы, все объясню, когда приеду.

Ее голос звучал намного менее возбужденно, теперь она просто волновалась, спросив:

— Объяснишь все по поводу чего?

— Детка, расскажу, как приеду.

— Все в порядке?

Совсем не в порядке.

— Я увижу тебя через несколько часов и тогда все объясню.

— С Терезой все в порядке? — настаивала она.

— Да, — ответил он.

— А с Винни?

— Да, милая.

— С Мэнни и Селой?

— Все хорошо, Фрэнки, — терпеливо говорил он. — Есть просто кое-что, что тебе нужно знать, и кое-что, что мне нужно сделать.

Она немного помолчала, прежде чем заявила:

— Это все странно, Бенни.

— Знаю, детка. Но я ничего не скажу, пока ты на работе. Через несколько часов ты будешь знать все.

— Пока я на работе?! — многозначительно спросила она.

— Детка, — сказал он гораздо менее терпеливо. — Я приеду. Все объясню. Всё. Когда увижу тебя.

— Хорошо, Бен. Ты ведешь себя как человек-загадка. Мне любопытно, — ответила она.

Бен вздохнул.

— О, черт, — пробормотала она.

— Что?

— Сегодня вечером я договорилась прогуляться с Шерил.

— Уже не пойдешь.

— Бен, милый, она с нетерпением ждет этого момента.

— Она может с нетерпением ждать этого в другой раз.

— Я люблю тебя. Я хочу тебя увидеть. Я не в состоянии быть вдали от тебя три дня, и я чертовски взволнована, что вернусь домой, а ты будешь уже там, или я буду там, а ты придешь сразу после меня. Но она моя сестра. Нельзя сказать сестре, которой необходимо потрахаться, что не можешь быть ее «вторым пилотом» в последнюю минуту.

— Ты это не серьезно, — заявил Бен, надеясь, что это именно так.

— Совершенно серьезно. — Ее голос понизился, когда она закончила. — Прости, милый. Надеюсь, она быстро найдет с кем ей переспать, и я вернусь домой пораньше.

Бен принял другое решение.

— Я пойду с тобой.

— Срань господня, ты не можешь этого сделать, — немедленно ответила она, в ее голосе звучал шок. — Я не могу быть «вторым пилотом», придя со своим парнем.

Бен стиснул зубы.

Затем сказал:

— Мы тоже поговорим об этом позднее.
Она считала его тон, он понял, что она все поняла по его тону, ответив:
— Вероятно, это хорошая идея.
— Заканчивай в пять, детка.
— Как будто ты едешь ко мне, а я задержусь хоть на минуту на работе, чтобы почистить свой почтовый ящик, — пробормотала она.
— Фрэнки? — позвал он.
— Что? — ответила она.
— Ответ на «Заканчивай в пять, детка» — «Хорошо, милый», — сообщил он ей.
— Раздражаешь, — пробормотала она.
Услышав это, он ухмыльнулся.
Затем сказал:
— Скоро увидимся.
— Хорошо, милый.
Услышав это, он усмехнулся.
И сказал, что любит ее, получив в ответ от нее те же слова, затем отключился.

* * *

Бен только что зашел домой к Фрэнки, сначала минимизировав опустошение, которое Гас мог учинить, отнеся его в ее комнату, взял пиво и сделал большой глоток, опустил подбородок с бутылкой, увидел через окно ее гостиной, как Z въезжает на парковочное место.

Он поставил пиво на стойку, направился к двери, вышел на крыльцо, и в тот момент, когда он появился из ниши ее входной двери, увидел, как она перестала идти к своему дому и побежала вприпрыжку.

На каблуках.

Чертовая Фрэнки.

Он улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ, бросилась в его объятия, сильно ударив его своей сумкой с компьютером по бицепсу.

— О, прости, — прошептала она, приблизив свое лицо к его лицу.

Он промолчал.

Потому что ему было наплевать на то, что она ударила его сумкой, но ему было не наплевать, что ее губы оказались так близко.

Поэтому он проигнорировал первое и воспользовался вторым.

Он прервал поцелуй, забрал у нее сумку, затем взял ее за руку и завел в дом.

Она бросила ключи на столик у двери, обернувшись к нему в ту же секунду, как только закрылась входная дверь, сказав:

— Ну?

— Ты не хочешь переодеться? — спросил он, наклоняясь, чтобы поставить ее сумку на пол у стены рядом со столом.

Он также увидел, что на ней были туфли-лодочки на высоком каблуке и еще одно платье делового типа, с высоким воротом и короткими рукавами, черного цвета.

Облегающее.

Короткое.

Господи.

— Я хочу узнать, почему меня неожиданно навестил Бенни Бьянки, — ответила она.

— Не хочешь сначала выпить пива?

— Я уже ответила на твой вопрос.

— Не хочешь позволить мне выпить пива и расслабиться после поездки, учитывая, что я приехал сюда примерно на пять минут раньше тебя?

— Бенни, — рявкнула она.

— Не прошло и десяти секунд, детка, — мягко заметил он, направляясь на кухню к своей бутылке пива.

Она не последовала за ним, просто развернулась, когда он шел вперед, и оказалась перед ним, преградив ему дорогу.

— Ну? — повторила она.

— Некоторое время назад я кое-что сделал.

Ее тело застыло, на лице появилось выражение, которого он не понял и не смог прочесть. Впервые за долгое время она бросила на него взгляд, который он не смог прочесть. Особенный.

Взгляд был не очень хороший.

— Что сделал?! — спросила она.

— Ты сказала мне, что парня из твоей компании замочили, поэтому я пошел к Сэлу, чтобы узнать, сможет ли он выяснить, кто это сделал, и, возможно, почему.

Сейчас он смог прочесть по ее лицу. Ее глаза стали огромными, а рот приоткрылся.

Она захлопнула рот и спросила:

— Ты ходил к Сэлу?!

— Ага.

— И какова плата?

— Он и Джина приглашены на нашу свадьбу.

При этих словах ее лицо смягчилось, глаза потеплели, а напряжение в ее теле настолько ослабло, что он приготовился подхватить ее, если она вдруг упадет на пол.

— Нашу свадьбу?! — тихо переспросила она.

Вот тогда-то он и получил нужную реакцию, которая ему очень понравилась.

— Возможно, ты захочешь жить в лачуге до конца наших дней, но я не хочу мириться с маминым дерьмом, если мы сделаем что-то подобное, — ответил он. — Не говоря уже о том, что я хочу всю жизнь любоваться своими кольцами на твоём пальце. Так что да, именно в ту сторону мы и движемся. К нашей свадьбе.

Это вызвало у нее любовь и восхищение, будто она не могла поверить, что он реален, не могла поверить в свою удачу, ему это чертовски нравилось. Чертовски.

К сожалению, в этот момент он не смог воспользоваться этим преимуществом.

— Думаю, я хочу расцеловать тебя всего, — тихо заявила она, и он ухмыльнулся, предпочитая, чтобы она сделала это, но сначала ему нужно было покончить с этим дерьмом.

— Ты хочешь знать, из-за чего все это произошло? — спросил он.

— Ладно, думаю, что хочу расцеловать тебя всего после того, как ты расскажешь мне, в чем дело, — уточнила она, и его ухмылка превратилась в улыбку.

Он почувствовал, как улыбка угасла, как только начал делиться:

— Не уверен, что ты будешь в таком настроении, когда я закончу, детка.

— О, черт, — ответила она.

— Ты не хочешь присесть? — предложил он.

— А мне нужно присесть?!

— Просто предложил. С пивом.

— О, черт, — повторила она.

— Присядь, сага. Я принесу тебе пиво.

Она посмотрела на него долгим взглядом, затем направилась к дивану. Большой, мягкий, с подушечками, приглушенно-зеленый диван, невероятно удобный, отлично смотрелся бы в его гостиной с ее приглушенно-голубым, мягким пухлым креслом и пуфиком. Не говоря уже о ее первоклассном квадратном журнальном столике взамен его потертого прямоугольного. Хотя бы потому, что ее был первоклассным, но еще и потому, что он не был потертым, а в основном потому, что он был больше и на него можно было поставить гораздо больше барахла, типа пивных бутылок и пакетов с чипсами.

Он отказался от ее фиолетового кресла с откидной спинкой потому, что оно было фиолетовым, ну, еще и потому, что он хотел бы оставить свое кресло с откидной спинкой. Когда он подошел к ней с открытым пивом, она лежала на этом самом приглушенно-зеленом диване, без спилек, поджав под себя ноги.

Он передал ей пиво, сел рядом и положил руку ей на колено, притягивая ее ближе, руки не убрав.

— Ты знаешь парня по имени Питер Ферлок? — спросил он, и ее брови сошлись вместе, склонив голову набок.

— Нееет.

— Он работает в «Уайлер Фармасьютикалз».

— Ну, — медленно произнесла она, ее взгляд тут же стал настороженным, тело снова напряглось.

— Он компьютерщик, и Сэл узнал, что его заказали.

Она ахнула, ее глаза стали огромными, что было мило, но ему это выражение не очень понравилось, она воскликнула:

— О боже, Бенни!

— Ага, — согласился он.

— Ты позвонил в полицию? — спросила она.

Он набрал в грудь воздуха, выдержал ее взгляд и ответил:

— Я не могу, детка. Сэл узнал об этом. Сэл засветился, узнавая информацию от своего имени. Мы не знаем, что происходит, и кто за этим стоит. Профи не сможет помешать никто, кроме Сэла, Сэл же может стать уязвимым, а Сэл не любит быть уязвимым.

— Черт, — пробормотала она, все поняв. Затем пристально посмотрела на него и медленно спросила:

— И тебя устраивает, что этим занимается Сэл?

— Я не возражаю, потому что Сэл присматривает за этим парнем Ферлоком. Он также досконально изучает всю эту ситуацию. И если бы был не согласен с этим, то Сэл бы тоже был не согласен со мной, мне осталось около двух месяцев до того, чтобы стать по-настоящему чертовски счастливым мужчиной. Мне не нужно это дерьмо, более того, нам не нужно это дерьмо.

Она выглядела встревоженной.

— Как ты думаешь, он правда позаботится об этом парне Питере?

— Думаю, Сэл не заставил меня смириться с решением, которое, как он знает, мне не очень нравится, но он не позволит этому Питеру одиноко качаться на ветру.

— Хорошо, я... поняла... — Она покачала головой. — Но я не понимаю. Что происходит?

— Сэл тоже не понимает. Но собирается выяснить, а я собираюсь ему помочь.

— Что? — прошептала она.

— Твой коллега, парень, который занимается продажами на Восточном побережье, трахается со своей секретаршей.

Ее глаза снова стали огромными, когда она выдохнула:

— Откуда ты знаешь?

Он склонил голову набок.

— Ты знала?

— Нет, я догадывалась, — ответила она ему.

— Если ты догадывалась, то любой другой мог бы тоже догадываться? — спросил он.

— Возможно. Они скрывают, но язык их тела и совместные разговоры просто кричат об этом

— У вас это не одобряется в компании?

— Ну, Бен, я довольно хорошо читала свой контракт и правила внутреннего поведения, но не заучила все это наизусть. Даже если это и не противоречит внутренней политике, к этому все равно относятся неодобрительно.

— Если у Бирмана есть этот компромат на твоего коллегу по Востоку, значит у него есть рычаги влияния на него?

Ее рука поднеслась ко рту, и сквозь пальцы она произнесла:

— О Боже мой.

Это означало «да».

Он изучал ее выражение и решил сделать решающий шаг.

— Фрэнки, детка, это отстой. Мне неприятно тебе это говорить, но всю дорогу я пытался придумать лучший способ покончить со всем этим дерьмом для тебя, обезопасить тебя, и лучший способ заключается в том — у тебя нет выбора, кроме как уволиться.

Ее рука опустилась ото рта.

— Что?

— Детка, это место — бардак, ужасное место, где-на-людей-вымещают-свое-зло. Ты должна убраться оттуда к чертовой матери.

— Но мне нужна работа, Бенни.

— Работай в ресторане, пока не найдешь подходящую. — Ее глаза начали щуриться, поэтому Бен дернул ее за колено, подчеркнув свою точку зрения, при этом сказав: — Франческа, частный детектив ведет расследование в отношении твоего коллеги, который имеет шашни со своей секретаршей, чтобы затем иметь рычаги воздействия на них. Так что убирайся... на хрен оттуда.

— Это «Тенрикс», — не к месту произнесла она.

— Что? — спросил он, и она придвинулась к нему ближе, упершись коленом в его бедро, положив руку ему на грудь.

— Послушай, Бенни, я знаю, что Бирман одержим «Тенрикс», продуктом, который мы выпускаем на рынок в конце года. Он помешан на продавцах, которые будут его продвигать, а продукт еще даже не запущен. Мой босс не позволяет ему вмешиваться в дела нашего управления, а также усиленно наседавал на него, чтобы получить информации о продукте, которая почему-то исчезла с серверов. Информацию, наконец, ему передали, но файлы, скорее всего подделали. Ведущий научный сотрудник этого проекта был убит профессионалом, по-видимому, по какой-то причине. А теперь простой случайный айтишник попал под прицел.

— Ты рассказываешь мне это, потому что...? — подсказал он.

— Я рассказываю тебе, потому что думаю, что айтишник — это тот парень, разговаривающий с Тэнди и другими девушками на парковке в тот день, когда я посоветовала им не совать свой нос в это дерьмо. Но было похоже, что обсуждали они совсем противоположное, не перестав совать свой нос в дерьмо. У них был такой вид, словно они обсуждали именно все это дерьмо, в которое сунули свой нос.

— Значит, она не отступила, — отметил Бен. — Как я уже говорил, детка, она будет пожинать последствия своего поступка.

Она покачала головой и придвинулась еще ближе.

— Нет, Бен, я хочу сказать, что айтишник, скорее всего установит подделали файлы или нет. И если у него есть доступ к серверам и резервным копиям, скорее всего он сможет получить в свои руки те первоначальные файлы.

— Детка, я повторю еще раз, это не твоя проблема и не твое дело, и это будет совсем не твое дело, если ты уволишься и вернешься домой в Чикаго.

— Бенни, — тихо сказала она. — Ты меня не понял. Были подделаны важные файлы о фармацевтическом продукте, который вскоре выпустят на рынок. Ученый, возглавлявший проект, мертв. — Она еще придвинулась. — Бен, я думаю, есть кое-что, чего мы не знаем о «Тенрикс», а не должно быть ничего, чего бы ты не знал о лекарстве. На этапе разработки все строго конфиденциально. Но как только препарат выпускается, информация о нем должна быть полностью прозрачной. Единственное, что можно скрывать о препарате, который неминуемо выходит на рынок, что препарат опасен для здоровья.

Он уставился на нее.

— Кто бы стал скрывать такое дерьмо?

— Бирман, директор по исследованиям и разработкам, который может получить довольно солидный бонус за успешный запуск продукта, он же поддерживает этот продукт в течение многих лет.

— Подвергая риску бешенное количество людей, принимающих этот препарат? — спросил Бенни не в силах поверить, что кто-то способен совершить нечто подобное.

— Весьма вероятно, что побочные эффекты проявляются не у всех испытуемых, принимавших «Тенрикс», иначе они не смогли бы это скрыть. Вероятно, побочные эффекты проявляются редко, обнаружались на более поздних стадиях испытаний, это означает, что чем дольше пациент принимает препарат, тем сильнее проявляется побочный эффект. И на данном этапе, отказавшись от «Тенрикс», потеря финансовых вливаний на завершающем этапе была бы просто колоссальной.

— Значит, с лекарством все в порядке? — надавил Бен.

— Нет, — ответила Фрэнки. — Но для такого типа, как Бирман, это может стоить риска.

— Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов должно было одобрить этот препарат, Фрэнки.

— Да, — согласилась она. — Но что именно они одобрили?

— Черт, — прошептал Бенни, поняв, что она имела в виду.

— Если это лекарство наносит вред здоровью, Бен, я не могу допустить его выпуск на рынок.

Бл*дь.

Вот. У Фрэнки растрепались волосы, она явно хотела принять участие в изысканиях своей ассистентки.

— Ты не суешь в это свой нос, — заявил он.

Ее глаза снова расширились, на этот раз ему это абсолютно не понравилось.

— Итак, допустим, я увольняюсь, повернувшись спиной, и Бирману удастся запустить «Тенрикс», люди через пару месяцев приема этого препарата, или через пару лет, или через пару десятилетий начнут страдать от побочных эффектов? Побочных эффектов, которые стоили уничтожения данных и гибели двух человек?

— Мне показалось, ты сказала, что твой босс уже озадачился этой проблемой.

— Да, но, озадачиться в чем-то подобном, нужны доказательства, а сделать фол в игре. Ты не можешь голословно выдвигать обвинения, не подкрепив их ничем.

— Пусть он и найдет это что-то конкретное.

— А что, если он не найдет?

Он повернулся к ней и выпалил в ответ:

— А что, если ты найдешь? — Он поднял руку, обхватил ее за шею и притянул к своему лицу, они оказались почти нос к носу. — Этот парень в отчаянии из-за этого препарата, он убивает людей, ты уже находишься на линии огня, потому что он хочет убрать твоего босса, который стал задавать ненужные вопросы. Если ты влезешь глубже, как думаешь, что он сделает?

Ее глаза скользнули в сторону, прежде чем вернуться к нему, она объявила:

— Вот тут-то ты и Сэл вступите в игру.

Он опустил руку и откинулся на спинку дивана, положив голову на подголовник, посмотрев в потолок, прежде чем пробормотать:

— Черт побери меня.

Он поднял голову, когда почувствовал, что Фрэнки собирается сесть на его ноги, она отставила свое пиво и задрала юбку. Грязная игра, потому что Фрэнки в таком виде ему слишком нравилась, ему больше нравилась ее юбка, задранная на бедра, она прекрасно знала об этом, а она еще даже не начала говорить.

Потом заговорила:

— Я бы хотела поговорить с Ллойдом, но не могу. Ещё рано. Я бы хотела поговорить с Колтом, но и этого тоже не могу сделать, не подставив Сэла. Итак, но я могу поговорить с Тэнди, ускорить все это дерьмо, получить ровно столько данных, чтобы это не подпадало под санкции офисной политики, если я пойду к Ллойд со своими опасениями по поводу Бирмана. Найти информацию будет нетрудно. Медсестры работали над испытаниями по всей стране. Должны быть свидетели, данные, файлы, и не все они хранятся в компьютере. Этот препарат тестировался целую вечность. Должно же что-то быть.

Он посмотрел ей в глаза и заявил:

— Ты же знаешь, что я нес тебя через лес, когда ты истекала кровью от огнестрельного ранения.

— Знаю, — мягко ответила она.

— Поэтому понимаешь, что я вроде как не хочу повторения.

Ее лицо было нежным, когда она сказала:

— Сэл и ты защитите меня.

Он обхватил пальцами ее бедра и сообщил ей:

— Это не очень умная игра, Фрэнки.

Она подняла руки, чтобы обнять с двух сторон его за шею, и ответила:

— Это единственная игра, Бен. На карту поставлено здоровье людей.

Он уставился на нее, думая, что она права. Если такое возможно, было бы идиотским поступком уволиться в надежде, что кто-то другой разберется с этим дерьмом.

Но Фрэнки не была таким человеком. Если такое возможно, а похоже, что так оно и было, она никогда не уйдет с линии огня.

И теперь она собиралась прямо идти по этому чертовому «минному» полю.

Но это была работа Бена — работать с чертовым Сальваторе Джилья, следить за тем, чтобы на нее в этом поле не свалился труп.

Или, черт возьми, гораздо хуже, ее прекрасное тело не превратилось в этот труп.

Он продолжал смотреть на нее, думая, что хотел бы привлечь к этому Кэла. Они с Вай вернутся домой из медового месяца через три дня.

Но они только что поженились; Кэл был не только молодоженом, но и вновь стал отцом.

Он не мог втягивать Кэла в это дерьмо.

Оставались только Сэл. Сэл и Бенни.

Бл*дь.

— Мне все это не нравится, — заявил он ей.

— Это не займет много времени, — ответила она. — Думаю, команда Тэнди уже кое-что нашла, — она наклонилась к нему. — Это может оказаться пустым звуком. Возможно, Бирман и «Генрикс» вообще не причем. Возможно, он просто огромный мудака по жизни. Возможно, убийство не имеет никакого отношения к этому. Возможно, «Уайлеру» просто не везет, и фирма привлекает ненормальных, но тогда мне придется принять другое решение, потому что я не хочу работать в подобном месте, даже из домашнего офиса в Чикаго.

Бен продолжал пристально смотреть на нее, зная, что все это связано друг с другом. Компания была большой, но совпадений было слишком много. И все совпадения должны были сложиться в единый пазл.

Он просто не хотел, чтобы Фрэнки стала именно тем человеком, который сложил бы этот пазл. Просто не хотел.

Но хорошо зная свою девочку, у него не оставалось выбора.

Поэтому он сказал:

— Ты не сделаешь и шагу, чтобы я не знал об этом.

Она ухмыльнулась, наклонилась и прикоснулась губами к его губам, огонек в ее глазах ему не понравился, и ее тело напряглось по-другому поводу.

Без страха. Все в игре. Готовая рвануть.

Чертовая Фрэнки.

Отодвинувшись, она тихо сказала:

— Хорошо.

— Я должен посвятить Сэла во все это дерьмо.

Она кивнула и повторила:

— Хорошо.

— Я буду здесь с тобой надолго, — заявил он, и ее голова склонилась набок.

— А как насчет ресторана? — спросила она.

— Папа и Мэнни им займутся.

— Все будет хорошо? — спросила она.

— А у меня есть другой выбор? — спросил он в ответ.

— Ну... Сэл, — ответила она, и его пальцы впились в ее бедра.

— Я оберегаю и забочусь о тебе.

Она подарила ему еще один нежный взгляд, прежде чем прошептала:

— Мой Бенни. — Затем внезапно ее голова дернулась, и она спросила: — Куда ты дел Гаса?

— Отнес его в твою вторую спальню, когда приехал.

Ее глаза снова стали огромными, на этот раз такими, как ему нравилось, и она громко спросила:

— Ты привез его?

— Не оставлять же его на неопределенный срок у миссис Замбино. Он может забыть, кто покупает ему корм.

— О боже! — воскликнула она, и он тут же потерял ее из виду, она соскочила на ноги и побежала в холл.

Бен откинул голову на спинку дивана и снова уставился в потолок, гадая, не сошел ли он с ума.

Он повернул голову в сторону и увидел, как Фрэнки вернулась, обнимая и воркуя с Гасом, босиком, в облегающем, сексуальном деловом платье «не трахайся со мной» (которое он собирался снять с нее минут через пять), ее грива волос была зачесана назад, с непослушными завитками, спадающими вниз, он понял, что не сошел с ума.

Он подумал, что похоже становится конченным подкаблучником.

— Я не внесла залог за питомца, — объявила она.

— Это проблема? — спросил он в ответ, и она одарила его широкой улыбкой.

— Нет, поскольку я не испытываю угрызений совести из-за того, что они выселят меня раньше срока.

Ему чертовски понравился этот ответ, поэтому он приказал:

— Иди сюда, Фрэнки.

— Хотя, они так и сделают, пока я использую свои доселе не задействованные способности сыщика, чтобы раскрыть, вероятно, особо тяжкое преступление в крупной транснациональной фармацевтической компании.

— Иди сюда, Франческа.

Она снова склонила голову набок.

— Гаса выгуливал? — спросила она.

Бл*дь.

Он забыл об этом.

Бен встал с дивана и приказал:

— Надевай балетки.

— Я могу выгуливать и на каблуках.

Он скосил на нее глаза.

— Если ты наденешь каблуки, чтобы прогуляться с Гасом, то окажешься задницей на капоте первой машины, мимо которой мы пройдем, и устроишь представление своим соседям. Ты хочешь дать своему мужчине отдохнуть от всего этого, — он махнул рукой в ее сторону, — надень балетки, возможно, я смогу контролировать себя, пока не заведу тебя и нашу собаку обратно через эту чертовую парадную дверь.

Она ухмыльнулась своей ухмылкой «У меня-есть-секрет-и-я-хочу-рассказать-тебе-об-этом-на-ухо» и ответила:

— Я купила шлепанцы.

— Хорошее решение, — пробормотал он.

Она наклонилась опустить Гаса на пол, мучая Бенни тем, что давала ему прямой обзор своей задницы в обтягивающей юбке, еще больше натянутой, с благодарностью выпрямилась, повернулась и пошла обратно в холл.

Гас посмотрел на Бенни, затем на Фрэнки, идущую по коридору, и тут же вразвалку побежал за ней.

Она вышла в шлепанцах, взяла на всякий случай несколько пластиковых пакетов, и они повели Гаса гулять.

После этого Бен добрался до ее кровати, прежде чем снял с нее платье.

Двадцать пять минут спустя, когда он заставил ее кончить, она простонала ему на ухо свой секрет.

Он состоял из трех слов.

— Люблю тебя, Бенни.

* * *

— Моя очередь! — объявила Фрэнки, когда Бен вернулся из туалета в салоне «Джей энд Джей» и подошел к Шерил и Фрэнки.

Она нанесла ему жесткий, и быстрый удар, уничтожив всякую возможность статуса «второго пилота» (не то чтобы он уже подзабыл что это такое, когда играл на поле), ухмыльнувшись ему, затем демонстративно прошлась, сексуально покачивая бедрами, в сторону туалета.

На глазах у всех мужчин заведения, провожавших взглядом ее задницу в обтягивающем платье, или провожающих ее длинные обнаженные ноги, обутые в чертовски сексуальные туфли на каблуках.

Хотя Бенни и оценил ее внешний вид, но был чертовски раздражен.

— Ты — новая порода крутых парней, — заметила Шерил, привлекая его внимание к себе.

— Что? Не расслышал, — произнес он, заметив, что она пристально его изучает.

— Типа «заявить-и-потребовать-пойти-на-свидание-со-своей-женщиной-чтобы-убедиться-что-у-нее-не-будет-неприятностей». Ты не новая порода задир, а обычная порода. «После-того-как-ее-ранили-подставить-свою-шею-чикагской-мафии-за-ее-спиной».

Господи.

Фрэнки рассказала этой женщине, что происходит? Сколько он проторчал в этом чертовом туалете?

Его желудок сжался, он наклонился к ней, удерживая ее глаза на себе, намеренно приблизившись, потому что не было места, но также и потому, что ему нужно было кое-что сказать.

— Ей не следовало тебе рассказывать, — тихо произнес он.

— Какого х*я? — спросила она в ответ.

Он ничего не ответил на это.

Но приказал:

— И тебе не следует говорить мне «х*й».

Ее глаза сузились.

Он уже видел Шерил, на свадьбе Вай и Кэла.

Фрэнки называла ее раздражительной.

Бенни и любой другой мужчина, взглянувший на нее хоть раз, назвали бы ее грубой.

Когда она встретила их в «Джей энд Джей», без платья подружки невесты, счастливой, что ее подруга счастлива, Бен понял, именно поэтому она не могла никого подцепить.

Мужчинам не нравился грубый секс со стороны женщины. Им нравилась мягкость. Они не возражали, когда женщина начинала показывать когти, и были такие, как Бенни, которым нравилось, когда его женщина показывает коготки. Некоторым мужчинам доставляло

удовольствие сглаживать острые углы, но, когда он привозил ее домой, она дарила ему все самое сладкое.

А Шерил была полной противоположностью — прямолинейной и суровой. Ее глаза говорили: «Ты не достучишься до моего сердца, как бы ты ни пытался сделать, так что не утруждай себя пустыми попытками». И все в ней говорило о том, что она возьмет то, что хочет, и ей будет совершенно наплевать доставит ли тебе это удовольствие или нет. Скорее всего мужчина не получит ничего, возможно оргазм, но и то не очень хороший.

Эта женщина не стремилась попасть с мужчиной в будущее или просто хорошо провести время, немного расслабиться и посмеяться.

Эта женщина хотела жестко оседлать тебя, пока не получит то, что ей нужно, потом слезет, даже если ты еще не кончил, одеться и пойти домой.

Преданность, которую она получала от Вай, а теперь и от Фрэнки, заставляла его задуматься, почему она не давала мужчинам то, что давала своим подружкам, чтобы не только переспать, но и найти себе постоянного мужчину.

— Ты меня не знаешь, но я не дура, — заявила она холодным как лед голосом, доказывая правильность его мыслей.

— Полагаю, что так и есть, просто хочу сказать, чтобы ты не была такой.

Она проигнорировала его слова, заявив:

— Но ты знаешь свою женщину, так что понимаешь, что она тоже не дура. Если бы она мне не доверяла, то ничего бы не рассказала о мафии.

Она была права.

Но ставки были высоки.

— Она играет с огнем, — отметил он.

— Тогда проследи, чтобы она не обожглась, — парировала она.

— Я как раз этим и занимаюсь, но ты должна держать рот на замке и не делать глупостей, например, решив, что каким-то образом сможешь помочь моей женщине, разыгрывая сценарий Лаверна и Ширли. (*«Лаверна и Ширли»* (англ. *Laverne & Shirley*) — длительный американский комедийный телесериал, транслировавшийся на канале ABC с 26 января 1976 по 10 мая 1983 года. В сериале снялись Пенни Маршалл в роли Лаверны и Синди Уильямс в роли Ширли, персонажи которых были соседками по комнате и вместе работали на пивоваренном заводе в Милуоки в конце пятидесятых годов. — прим.пер.)

Ее взгляд скользнул в сторону.

Господи.

— И которая из них ты? — спросил он, и ее взгляд вернулся к нему. — Лаверна или Ширли?

— Я знаю парня — ас в слежке, — ответила она, слегка приподняв подбородок.

Она взяла на себя роль Лаверна.

— Понятно, — пробормотал он, отведя взгляд и потянувшись за своим пивом.

— Почему ты влез в это дерьмо, парень, который владеет пиццерией?

Он отхлебнул пива, стараясь не допустить, чтобы ее замечание разозлило его, прежде чем напомнить ей:

— Она спит в моей постели.

— А у моей мамы высокое кровяное давление. И она принимает от него лекарства.

Бенни покачал головой.

— Шерил, у меня есть парень в Чикаго, которому я все рассказал, пока моя женщина занималась сексом, чтобы потом пойти выпить со своей подружкой, дразня здесь каждого парня, ни один из них даже близко не приблизится к ней, хотя все они хотят, и все это

чертовски меня раздражает. И у моего парня есть ресурсы. Твой парень ас в слежке, возможно, и крутой, но думаю, мой парень справится.

Внезапно она улыбнулась, если бы у него была вагина, он бы посоветовал ей показать эту улыбку на всю комнату, потому что ее улыбка была почти милой, определенно игривой и показывала, что у нее есть чувство юмора. Ее улыбка означала, плюс ее пышные волосы, красивые сиськи и обнаженная кожа, что ее период засухи закончится примерно в то время, которое потребуется ей дойти из туалета или добраться до машины.

— Я понимаю твою точку зрения, — сказала она сквозь улыбку.

— Я в восторге, детка, — пробормотал он, потягивая пиво, прежде чем сделать еще один глоток и пересесть на табурет Фрэнки.

Она отпила немного из своего коктейля.

Когда она это сделала, Бенни намекнул ей.

— Просто хочу заметить, возможно, было бы неплохо, если бы ты искала «таланты» не в том баре, где работаешь.

Она посмотрела на него.

— Ага. Я знаю. Проблема в том, что я пеку здесь пироги, но это единственный бар поблизости. Я не хочу попасться на удочку полиции вождения автомобиля в нетрезвом состоянии, поэтому придется вызвать такси, чтобы добраться до дома. А это будут огромные деньги за такси, и я не смогу купить шесть пачек печенья «Ореос» своему мальчику, как делаю каждую неделю, потому что этот ребенок съедает все эти чертовые пачки, как только я достаю их из пакета.

Еще одна вещь, которая сделала бы ее победительницей, если бы мужчина узнал об этом — для нее ребенок стоял на первом месте, несмотря на засуху, если так ставился вопрос — она готова была страдать от засухи, но печенье своему ребенку купить.

— Тогда, может тебе стоит закинуть сеть по шире и ловить рыбу не только в барах, — предложил Бенни, и она удивленно дернула головой.

— Например, где?

Черт, он ввязался в дискуссию, в которой не хотел участвовать, потому что, с его точки зрения, она была пустой.

— Не знаю, — ответил он. — А какого мужчину ты хочешь?

— Мужчину, который хорошо выглядит, лучше трахается и любит детей. — Она выдала ему свой ограниченный список желаний и склонила голову набок. — У тебя есть друзья?

— А ты готова переехать в Чикаго?

— Нет.

— Тогда нет.

Она одарила его еще одной улыбкой, даже когда сказала:

— К слову, ты портишь мне всю игру сегодня.

Он окинул взглядом не переполненный бар, вечер выдался тихим, затем снова посмотрел на нее.

— Есть здесь кто-нибудь, кто тебя хотя бы отдаленно интересуется?

— Нет.

— Тогда позволь мне угостить тебя выпивкой, и ты расскажешь мне о своем сыне.

Ее ухмылка превратилась в улыбку при упоминании о ее сыне, улыбку, которая, если бы она показала ее открыто, могла бы принести ей нечто большее, чем просто секс, как раз в этот момент вернулась Фрэнки, спросив:

— Я что-то пропустила?

Бенни начал передвигаться со стула, чтобы она могла сесть, но она быстро скользнула к нему, заставив его сдвинуть бедро и повернуться на высоком стуле, чтобы она смогла прижаться бедром и боком к его промежности и груди, встав между его ног, опирающихся на перекладину стула.

Гораздо лучше, чем он, стоящий позади нее у стула, прижимаясь к ее спине.

— Ничего, — ответила Шерил. — Ночь никудышная.

— Йоу, детка. — Услышали они.

Бен уже собирался повернуть шею в сторону мужского голоса, когда заметил кое-что промелькнувшее на лице Шерил, как только она услышала этот голос и ее взгляд переместился поверх плеча Фрэнки.

Это длилось всего секунду, но Бен заметил, и, если не ошибался, это была боль. Такая боль отражается, если ты хочешь чего-то, но не сможешь этого получить, зная об этом, поэтому остается только смириться, но от этого боль не становилась меньше.

— Йоу, Мерри, — ответила Шерил, и Бен, наконец, посмотрел на симпатичного, высокого, темноволосого мужчину, остановившегося сбоку от них. — Мерри, это Фрэнки и Бенни, — продолжила она. — Ребята, это Гаррет Меррик. Завсегда «Джей энд Джей». Детектив полиции Лос-Анджелеса. Приличный парень, насколько я могу судить, который умеет держать себя в руках, достаточно умен, чтобы смеяться над моими шутками.

— Господи, дорогая, может ты еще им сообщишь размер моих ботинок? — спросил Меррик, дружелюбно улыбаясь ей, глядя на нее сверху, что говорило только одно — они просто друзья. Другого интереса к ней у него не было.

— Десятый размер обуви, — заявила Шерил, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Фрэнки и Бенни.

— Ошиблась на один, — пробормотал Меррик, и Шерил оглянулась на него.

— Больше или меньше? — спросила она.

— Не скажу, — ответил он.

Она закатила глаза к потолку.

— Пожалуйста, Боже, ради всех моих сестер, сделай на один размер больше.

Меррик расхохотался. Фрэнки тоже. А Бен только усмехнулся, чувствуя себя дерьмово.

И чувствовал он себя дерьмово, потому что она была хорошей женщиной. Грубоватой, но хорошей. И теперь она была молодцом, изо всех сил стараясь шутить, потому что ей нравился этот парень, но она знала, что он не из тех мужчин, которые заинтересованы брать на себя все дерьмо, от которого у нее встает. Он предпочитал женское, мягкое. У нее не было шанса, а у него даже не было мысли закрутить с ней интрижку, и то, что он был постоянным завсегдаем бара, лишь означало, что она видела его каждый раз и каждый раз понимала, что ее шансы равны нулю. Так что она готова была ухватиться за все, что он готов был ей предложить.

Дружба и шутки.

Меррик поздоровался с ними обоими, заказал пиво и присоединился к ним, стоя рядом с Шерил, болтая с ней, смеясь над ее шутками, отвечая взаимностью и вообще мучая ее, не имея ни малейшего представления о том, что он делает.

Час спустя Меррик ушел, Шерил объявила, что ей тоже пора домой или найти место, где можно продать почку, чтобы заплатить своей няне, Бен погрузил обеих женщин в свой внедорожник, чтобы Шерил не тратилась на такси.

Когда он остановился на подъездной дорожке у ее дома, напоминающего конуру, но все же опрятную и ухоженную, он поставил машину на нейтралку, и стал вылезать, когда Шерил попрощалась с ними.

Он поймал взгляд Фрэнки и сказал:

— Провожу ее до двери, мне будет спокойнее, когда она войдет внутрь. Сейчас вернусь.

Отчего получил взгляд, который говорил, что он выполнил обещание, о котором даже не подозревал, когда ее губы произнесли:

— Хорошо, милый.

Он улыбнулся ей, закрыл дверь и обогнул капот, встретив Шерил на короткой цементной дорожке, ведущей к ее входной двери, дорожке, по обе стороны которой росли густые, пышные кусты, при уличном освещении они были покрыты маленькими белыми цветами вперемешку с фиолетовыми.

Скорее всего она пекла не так много пирогов и не могла нанять садовника, он понял, что она вырастила эти кусты сама, что было удивительно.

Эти кусты многое говорили о ней, чего не узнал бы ни один мужчина, взглянувший на нее.

— Знаешь, я могу дойти до своей входной двери сама, — пробормотала она со смутным раздражением в голосе.

— Думаю, можешь, — вот и все, что он ей ответил.

Они добрались до ее невысокого крыльца, она открыла сетчатую дверь, затем внутреннюю, и именно тогда он остановил ее.

— Улыбнись, — сказал он, и она запрокинула голову, посмотрев на него снизу вверх.

— Что?

— Ты не такая жесткая, как хочешь казаться. Улыбаешься и говоришь искренне, это значительно повышает настроение. Хочешь покончить со своей засухой, сделай шаг к парню. И для этого тебе нужно всего лишь улыбнуться.

Она внимательно посмотрела на него, прежде чем сказать, словно разговаривая сама с собой:

— Определенно, ты другая порода крутых парней.

Он никак не прокомментировал.

А ответил:

— Если ты покажешь то, что показываешь своим подругам, любовь, которую испытываешь к своему сыну, свое чувство юмора и все, что заставляет тебя сажать цветочки вдоль своей дорожки, какому-нибудь парню, как Меррик увидит, и начнет двигать своей задницей.

Ее губы приоткрылись, лицо смягчилось, Бен мгновенно наклонился к ней ближе.

— Вот именно так, Шерил. Сделай так и парню повезет, не так, как ты хочешь, чтобы он думал. Он получит от тебя именно то, что хочет.

Ее лицо вытянулось, и она заявила:

— Уже один получил все это от меня, признаю, все продлилось меньше года, результаты были не очень приятными.

Бенни так и думал.

Поэтому он выпрямился и пожал плечами.

— Тебе решать. Но предупреждаю, в нашем возрасте парни уже не думают только о кисках. Они хотят женщину, которая способна подарить им такую улыбку, как у тебя, и обещание того, что стоит за этой улыбкой.

— Я работаю в баре, Бен, я знаю, что все это дерьмо неправда, — ответила она.

— Тогда у тебя либо наметанный глаз на придурков, либо ты не обращаешь внимания. И, судя по виду Меррика, хочу отметить, что ты не обращаешь внимания.

Она уставилась на него.

Он закончил словами:

— Спокойной ночи, детка, — и, не дождавшись ее ответа, ушел.

Он выезжал задним ходом с ее подъездной дорожки, зацепившись рукой за сиденье Фрэнки, когда она спросила:

— Что это было?

— Твоя подружка не хочет просто трахаться, — заявил он. — Она хочет перестать быть одной. И у нее имеются все средства для этого, но она ими не пользуется. Я просто ей сказал об этом.

Фрэнки молчала, пока Бен выезжал и вез их домой.

Бен думал, что дело сделано, пока не остановился на светофоре и Фрэнки не заговорила:

— Я говорила тебе, что ты сегодня потрясающий?

Он посмотрел на нее, ухмыльнувшись, ответил:

— Неа.

Его улыбка погасла, когда он увидел ее лицо, освещенное уличными фонарями и приборной панелью, и услышал ее слова:

— Ты потрясающий, Бенни Бьянки.

При этих словах Бен поднял руку, обвил ее шею и притянул к себе, опустив голову и завладев ее губами.

Машине позади пришлось посигналить, заставив их оторваться друг от друга.

Все было хорошо, поскольку там, куда они направлялись, он мог в полной мере выразить свою признательность, а для того, чтобы сделать это основательно, ему просто не хватало времени на красном свете светофора.

22

Потрясающий

На следующее утро, пожертвовав многим ради всех неизвестных людей, которые могли пострадать из-за того, что компания, где я работаю, выпустила плохой препарат, я оставила Бенни Бьянки в своей постели и рано отправилась в офис.

Я была не первой, пришедшей так рано.

Трэвис Бергер уже сидел в своем офисе.

Как и Рэнди Бирман.

Я добралась до своего кабинета, начав свой рабочий день, и каждый раз, когда замечала движение за стеклянной стеной, оглядывалась, чтобы посмотреть, кто пришел.

Так что я увидела, когда Хит вошел примерно через двадцать минут после меня.

Я также заметила, что Сэнди вошла всего через две минуты после Хита.

Хит не был дураком, и все же он был глупцом.

Я дала им время прийти в себя, потом появилась Тэнди, но этим утром она была не первой в моем списке.

Хит был первым.

— Привет, милая, — поприветствовала я Тэнди, выходя из своего кабинета и направляясь напрямиком к Хиту.

— Доброе утро, Фрэнки, — ответила Тэнди.

Я улыбнулась ей через плечо, не сбиваясь ни на шаг.

— Привет, Фрэнки, — поздоровалась Сэнди, когда я подошла поближе.

— Привет, Сэнди. — Я улыбнулась ей, но, опять же, не сбилась с шага и направилась прямо в его кабинет. Я увидела, как Сэнди открыла рот, чтобы что-то сказать, но к тому времени я уже подняла руку и стучала в косяк двери Хита.

Когда он поднял глаза, я спросила:

— Есть минутка?

Хит посмотрел на меня, через стекло на Сэнди, затем снова на меня, прежде чем ответить:

— Конечно.

Я вошла, закрыла за собой дверь и направилась прямо к стульям напротив его стола. Я села в одно из них, а затем задала более правдивый вопрос.

— Вернее больше минутки?

Он посмотрел на закрытую дверь, внимательно изучая меня, потом спросил:

— Все в порядке?

Я выдала больше.

— Даже близко нет.

Он стал изучать меня более пристально.

— Что не так?

— Не знаю, как сказать это более деликатно, — начала я. — Так что просто скажу, как есть. Я знаю, что у тебя с Сэнди что-то происходит за пределами этого офиса. Знаю это, потому что вы не очень хорошо это скрываете. Я также знаю это, потому что за вами шпионит частный детектив.

Лицо Хита побледнело, пока я говорила. Он также наклонился вперед, прежде чем я закончила.

Наблюдая за его реакцией, от моего внимания не ускользнуло, что он очень хорош собой. Песочно-каштановые волосы. Красивые голубые глаза. Хорошо подстриженный и подтянутый. Не высокий, но и не коротышка. На мой вкус, он был просто слишком худощав и слишком классически красив. Мне нравились мужчины другого типа. Грубее. Мощнее. Такие мужчины, на которого смотришь и понимаешь, что он закажет пиво, но он без возражений выпьет с тобой шампанского по счастливому случаю.

Хит, вероятно,пил мартини.

В этом нет ничего плохого, но мне нравилось, что Бенни заказывал пиво.

— Давай без вводной речи, — ответил Хит, — хочу спросить, какого хрена тебе нужно.

Я моргнула.

И сказала:

— Мне ничего не нужно, кроме того, чтобы ты пошел к Ллойд и рассказал, что у тебя с Сэнди отношения, тем самым поставив под удар того, кто нанял этого частного детектива, чтобы тебя дисквалифицировать.

— Разве это не ты? — спросил он.

— Зачем мне это делать? — переспросила я в ответ.

— А зачем кому-то вообще это делать?

Он серьезно?!

— Э-э... Хит, может тебе нужно осмотреться и начать обращать внимание на что-то другое, — предположила я.

— На что?

Боже, он серьезно это спрашивает.

Я наклонилась к нему.

— Понятия не имею, кто его нанял. Знаю лишь, что частного детектива наняли и что он нарыл. То есть я пока не знаю, кто его нанял. Но Рэнди наседает на твою задницу точно так же, как и на мою, так что у меня имеются свои подозрения.

— Да, потому что он придурок. Потому и решил наседать мне на задницу на работе, потому что он придурок и получает удовольствие от этого — это одно. Но нанимать частного детектива только потому, что я трахаюсь со своей секретаршей — это пахнет безумием. Я надеялась, что он не просто трахался со своей ассистенткой.

Но очевидно, что просто.

— Я не собираюсь идти к Ллойд и говорить ему, что я обжимаюсь с Сэнди, — продолжил он.

— Решать тебе, но если ты этого не сделаешь, то сделает тот, кто стоит за частным детективом, и он, скорее всего не пойдет к Ллойд. А пойдет к Бергеру.

— Кто бы ни стоял за этим... окажется прав, — ехидно заметил он. — Ты хочешь, чтобы я отправился к Ллойд и подписал на свою задницу увольнение, и когда Бирман свергнет Ллойда, несмотря на то, что у тебя стаж здесь на два года меньше, чем у меня, тебе выпадет прямой шанс занять место Ллойда.

Я поняла, что Хит тоже был придурком, просто ему лучше удавалось это скрывать.

В этом не было ничего удивительного, он был продавцом. Нехорошо говорить об одном из моих коллег, но они были моими коллегами, так что я могла так сказать.

Он продолжил:

— Амбициозная. Руководитель. Руководишь своими рабами представителями, чтобы они надрывали свои задницы, и ты хорошо выглядишь перед руководством, пока тусуешься со своим парнем в Чикаго. — Я ошеломленно уставилась на него и вспомнила, как сильно я ненавижу офисную политику, он сказал: — Да. Трей рассказал мне о тебе, интересуясь, не смогу ли я организовать его перевод на мою территорию.

Трей был моим представителем в Чикаго, я не была удивлена, что он хотел перейти под крыло Хита, потому что я поняла, что Трей был придурком. Но все же надеялась, что он рассказывал эту чушь только Хиту, не дальше.

К сожалению, Хит еще не закончил.

— У тебя нет яиц, ты просто разыгрываешь свою партию, чтобы заставить меня подставить свою задницу. Ну, к черту это, Фрэнки. Я разоблачу твой блеф.

— Я не претендую на место Ллойда, Хит. Мне нравится Ллойд, — сообщила я ему.

— Он мне тоже нравится. Но это не значит, что мне не нужны его зарплата и должность.

Да, полный придурок.

Я проигнорировала его слова и продолжила:

— Более того, если ты расскажешь ему, совсем не значит, что он тебя уволит.

Он еще больше наклонился ко мне через стол, выражение его глаз было уродливым, рот неприятно искривился.

— Может и нет, но он может приказать покончить с этим, а мне нравится получать удовольствие от Сэнди. Она чертовски виртуозно делает минет.

Слишком много не рабочей информации.

Я старалась не скривить губы, предлагая:

— Э-э... давай лучше вернемся к текущему вопросу?

— Какая-то личность, некая неизвестная организация, наняла частного детектива. Ты издеваешься надо мной? Ты серьезно относишься к этому дерьму?

Ладно. Я сделала все, что могла. Он захотел стать акулой, но рыба покрупнее заглочет его со всеми потрохами, значит, такова его судьба.

— Тогда ничего не говори Ллойд, — заявила я. — Но будь осторожен и начеку, Хит.

— Я не пойду к Ллойд, ты пойдешь? — выпалил он.

— Конечно, нет, — резко ответила я.

— К Бергеру? — спросил он.

— Это не мое дело. Я знаю звучит странно, потому что все тебе выложила, просто пыталась оказать тебе услугу.

Его глаза сузились.

— Откуда ты вообще знаешь об этом дерьме? У нас с Сэнди все было хорошо.

Ладно, может он не настолько умен, как я думала.

— Не могу сказать, поскольку пока не знаю, кто нанял частного детектива, только то, что он вас вычислил, — ответила я ему, решив не говорить, что они с Сэнди ведут себя совсем не круто в офисе.

— Ты не можешь мне сказать, но обладаешь этой информацией, и уверяешь, что не стоишь за ней? — спросил он едко, не говоря уже что с сомнением.

— Если бы за этим дерьмом стояла я, я не стала бы тебя предупреждать, а начала бы угрожать, не так ли?

— Не знаю. Я никогда не видел, чтобы кто-то делал что-то настолько безумное, наняв частного детектива, следить за мной, так откуда мне знать, ты это или не ты?

Я наклонилась вперед и тихо сказала:

— Подсказка, Хит. Сейчас. Seriously. Ключ к разгадке. И если тебе наплевать на Сэнди, я надеюсь, ты достаточно равнодушен к ней, чтобы узнать, что она сует свой нос в кое-что, происходящее здесь в офисе, это явно ускользает от твоего внимания. В лучшем случае, вся эта история может привести к ее увольнению. В худшем, без шуток, может привести к ее смерти.

Его брови взлетели вверх, и он резко спросил:

— Что?

Определенно не такой умный, как я думала.

Я не стала повторять.

— У меня есть кое-кто, кто занимается этой проблемой, когда я узнаю имя частного детектива и кто его нанял, тогда скажу. — Я вспомнила о Сэле, который влез в это дело и который любил меня, и поделилась: — Скорее всего узнаю скоро. Если хочешь, можешь выждать, прежде чем тот, кто стоит за этим, выложит все Бергеру или тебе, заставив тебя сделать то, что ему нужно. Или можешь собраться с духом и сам разобраться со своим дерьмом. Открыто сказать, да, трахаюсь со своей ассистенткой... — Я покачала головой и закончила: — Любовь никогда не ошибается. Если дело не в любви, и ваши отношения происходят в офисе, и она может не знать, что любовь с твоей стороны и не пахнет, то так тому и быть.

— Мне не нужны твои лекции по этике, Фрэнки, и тем более странные угрозы в адрес моей секретарши.

Я хотела ему помочь, но, понятно, что не смогла.

— Позже ты поймешь, что я оказала тебе услугу, Хит. Может не прямо сейчас, я не против. Приму твою благодарность позже.

— Ты рехнулась, — пробормотал он, уставившись на меня как раз в тот момент, когда дверь в его кабинет открылась.

Я обернулась, ожидая увидеть Сэнди.

У меня по коже пробежали мурашки, когда я увидела в дверях Рэнди Бирмана.

— Франческа, мне нужно поговорить с Хитом, — заявил он, смысл был ясен — неважно, о чем мы разговаривали, мне нужно было убраться к чертовой матери из его кабинета, немедленно.

Я посмотрела на Хита, сделала ему большие глаза, встала и вышла из его кабинета.

Проходя мимо Тэнди по пути в свой кабинет, сказала:

— Через пять минут зайди. Мы спустимся в кофейню и возьмем латте.

Ее глаза были устремлены на меня. Потом передвинулись в кабинет Хита, вернулись ко мне, она кивнула.

Я зашла в свой офис, проверила мобильный на столе, нет ли у меня пропущенных звонков, и когда увидела, что нет, сделала вид, что работаю, в течение пяти минут, пока Тэнди не подошла к моей двери и не спросила несколько громче, чем обычно:

— Эй, не хочешь сходить за кофе?

Я ухмыльнулась ей, достала кошелек из сумочки и встала с кресла. Порылась на столе, выбрала первую попавшуюся папку, надеясь, что выгляжу так, будто беру нужный, важный, срочный документ.

Подняла глаза на Тэнди.

— Возьми, пожалуйста, свой блокнот и телефон.

Ее голова слегка дернулась, прежде чем она подошла к своему столу и сделала, как я просила.

Мы стояли одни у лифтов, когда она спросила сквозь стиснутые зубы:

— Что это было с Хитом?

— Не беспокойся о Хите, милая. Мы поговорим в холле.

Она пристально посмотрела на меня, но все же прошептала:

— У меня неприятности?

Это ясно указывало на то, что она сделала что-то, из-за чего у нее могли быть неприятности, поскольку работала она великолепно, я понимала из-за чего она может беспокоиться.

— Мы поговорим в холле, — повторила я, но сказала тихо и мягко, надеясь развеять ее страхи.

Мы добрались до холла, заказали латте. Когда сели в удобные, мягкие кресла, в отдалении стоящие от кафетерия, не так близко к стойке регистрации, я поняла, что не развеяла ее страхи, потому что к этому моменту, когда мы сели, она выглядела готовой расплакаться.

Вот черт.

— Тэнди, ты знаешь Питера Ферлока? — Прямо спросила я.

От моих слов она побледнела, это был уже второй раз за это утро, когда при разговоре со мной, человек бледнел, и еле слышным писклявым голосом ответила.

— Да. — Потом наклонилась ко мне и поспешно продолжила: — Но, Фрэнки...

Я прервала ее.

— Он ищет вносились ли изменения в документацию «Тенрик», которые Бирман передал Ллойд, так?

— Он уже нашел, — прошептала она испуганно. — Он нашел резервные файлы и загрузил их до того, как мистер Бирман поручил кому-то добраться до них и заменить их на фиктивные.

О боже. Они продвинулись дальше, чем я могла себе представить.

Должно быть, именно поэтому Питер Ферлок стал мишенью.

— У тебя есть его номер? — спросила я, она кивнула. — Позвони ему прямо сейчас.

Убедись, что он находится за своим рабочим столом.

Ее глаза стали огромными, и она спросила в ответ:

— Почему?

— Просто сделай, как я прошу, милая.

Она отставила латте в сторону, переключила внимание на свой телефон и приложила его к уху. Я потягивала латте, перелистывала папку у себя на коленях, не замечая букв и слушая, как она соединялась с Ферлоком, а также ее неубедительное оправдание, зачем она ему звонит, совершенно не умея врать.

Я оглянулась на нее, когда она положила трубку, сказав.

— Он на месте.

Я кивнула.

— Значит, файлы на сервере, которые могут увидеть все, у кого есть доступ, поддельные?

Настала ее очередь кивнуть.

— А те настоящие исчезли, за исключением того, что они есть у Ферлока.

— Да, Фрэнки.

— Ты сообщила об этом Ллойдю? — спросила я.

— Пока нет, — ответила она. — Мы хотим выяснить все, решить все вопросы.

Решить все вопросы.

Черт побери.

— Какие вопросы? — спросила я, надавив.

Она вздохнула, взяла латте и сделала глоток, пытаясь выглядеть при этом невозмутимой и непринужденной — и потерпела неудачу, — затем снова посмотрела на меня.

— Ладно, Фрэнки, здесь много всего, — тихо произнесла она.

— «Тенрикс» опасен для здоровья, — заявила я так же тихо.

Она снова кивнула.

— У пяти процентов испытуемых, которые принимали препарат более трех лет, сформировались серьезные побочные эффекты в сердечно-сосудистой системе, и можно проследить прямую связь этих побочных эффектов с «Тенриksom».

Черт, черт, черт.

— Откуда узнали все? — Спросила я.

— Потому что Бирман — всего лишь прихвостень. Вдохновитель — Бэрроу.

Я втянула воздух.

Клэнси Бэрроу. Генеральный директор «Уайлер Фармасьютикалз».

Вершина пищевой цепочки. Акула номер один.

Дерьмо!

Я наклонилась к Тэнди и прошипела:

— Откуда ты знаешь?

— Хорошо, Фрэнки, ладно... — нараспев произнесла она, затем наклонилась ко мне. — Моя старшая сестра ходила в школу с одной девушкой — совершенно классной — ее зовут Рокси.

— Детка, выкладывай все, — предупредила я.

— Я уже выкладываю, — пропищала она. — Рокси некоторое время назад вернулась в Денвер. Она стала встречаться со своим бывшим парнем, вышла за него замуж. Он детектив.

— Хорошо, — подсказала я, когда она замолчала.

— Но его брат владеет крупной детективной фирмой.

Вот оно что.

Она продолжила:

— Мы проводили испытания «Генрикс» в исследовательском центре при больнице в Денвере.

— Итак, ты с сестрой позвонила этой Рокси, она впрягла в это дело шурина, и что он накопал?

— Парень, которого он нанял, узнал о двух случаях, Фрэнки, — она наклонилась ко мне еще ближе, — две медсестры во время нашего испытания попали в серьезные автомобильные аварии. Очень серьезные. Одна лишилась ног. У второй такая тяжелая травма головы, она больше не сможет работать.

— Разоблачители препарата, — прошептала я.

Тэнди кивнула.

— Мы тоже так думаем. Мы также узнали, что была жуткая текучка кадров медсестер во время этого эксперимента. Почти все они входили в дверь и выходили, надолго не задерживаясь. Детектив разыскал некоторых из этих медсестер, но они отказались говорить. Ни слова. Детектив подозревает, что они боятся, возможно, их подкупили. И Бирман может подкинуть немного денег, но мы полагаем, что у него нет таких финансов и ресурсов для такого рода операции. — Она сделала паузу, прежде чем закончить: — Но у Бэрроу есть.

Я решила, что они сложили все правильно.

— Детектив нашел доказательства подкупа? — Спросила я.

Тэнди покачала головой.

— Мы не можем оплатить часы работы ребятам-детективам, так что нет. Мы не стали их просить копать глубже. Они действительно крутые ребята и предложили продолжить в том же духе, согласовав с нами график платежей. Но мы действительно не можем им заплатить. Черт.

— Но Питер кое-что нашел, — заявила она, и я снова сосредоточилась на ней.

— Что?

— Он действительно хорошо разбирается в компьютерных штучках. Он кое-что проделал из своего «вуду» и узнал, что доктору Гартнеру платили и переводили эти деньги на счет его мачехи. Его отец умер, вероятно, именно поэтому копы не заметили. Не знаю, как ему это удалось, но он не прикасался к этим деньгам, и она тоже. Мы полагаем, по-видимому, он был супер-парнем — Гартнер делал вид, что играет в их игру, беря взятки, но на самом деле собирал доказательства, чтобы предъявить их Бергеру, совету директоров или кому-то еще, кто мог бы что-то сделать, что-то предпринять, помешав «Генриксу» выйти на рынок. Они узнали и убили его.

До этого момента я совершенно забыла об этом, но именно тогда вспомнила напряженный телефонный разговор, который частично слышала у Бирмана. До того, как умер Гартнер. Но он, судя по всему, мог угрожать кому угодно в этой ситуации.

— Миранда и Питер работают над этим, — сообщила мне Тэнди, и я снова сосредоточилась на ней.

— Работают над чем?

— Сейчас же она работает на производстве, а компьютер, файлы и ассистент доктора Гартнера находятся тоже на производстве. Они хотят найти, может он оставил какую подсказку, если они все не успели уничтожить.

Боже, у них все было по-настоящему. Переход Миранды оказывается был уловкой, чтобы она смогла перейти на производство.

Я была впечатлена.

Но я все еще не понимала.

Я отвела от нее взгляд и спросила, в основном саму себя:

— Почему за этим стоит Бэрроу?

— Потому что нашей компании нужен выигрыш, — ответила Тэнди.

Я оглянулась на нее.

— Что?!

— Отдел кадров охотился за вами, лучшими из лучших, чтобы запустить программу продаж, цифры, которой были бы лучшими, но это не означает, что у других фирм они не такие же. До тебя они охотились за Хитом. Он был крутым представителем в другой компании. За последние пять лет у нас было выпущено два крупных продукта, которые вышли на рынок в одно время с конкурирующими продуктами, что привело к снижению нашей прибыли. И у нас был один крупный продукт, который в последствии стал дженериком и теперь продается без рецепта. Компания не умирает, но им нужен выигрыш, а ни один из других проектов по разработке лекарств даже не приблизился к запуску. Предполагается, что «Тенрикс» станет таким выигрышем. Большая часть результатов испытания его потрясающая. Проблема заключается в том, что в немногих случаях он действует разрушительно и, если этот момент упустить, то его прием может привести к летальному исходу.

Она и ее команда выполнили домашнюю работу на отлично.

— Тэнди, — мягко начала я, — учитывая все это, не могла бы ты, пожалуйста, сказать мне, почему ты не пошла со всей этой информацией к Ллойд или Бергеру?

Ее плечи расправились, когда она заговорила, голос звучал тверже.

— Потому что мне нужна эта работа, Фрэнки. У меня есть соседка по комнате. Мы живем в хорошем месте, но только потому, что платим за аренду вдвоем. Одна бы я не смогла найти такое хорошее, безопасное место в хорошей части города. Я хотела бы сохранить свое жилье вместе с соседкой, не похоже, что отделу кадров в таких крупных компаниях позарез нужны ассистентки, типа меня. У меня нет накоплений, чтобы справиться со всеми проблемами, если меня уволят. Мне нужна эта работа. А учитывая масштаб этого дела никогда не знаешь, кто в нем замешан. Итак, если у нас не будет всего необходимого, чтобы доказать, что наши слова правда, если они нас уволят, нам нечего будет сказать прессе, чтобы их разоблачить.

Она и ее команда не просто выполнили свою домашнюю работу, они все тщательно продумали.

Но мой разум лихорадочно соображал, что делать дальше.

И пришла одна мысль.

— Мне нужно имя и номер телефона детектива в Денвере. Мне также нужно, чтобы Питер сделал копии абсолютно всего, что смог найти. Позвони ему и скажи, чтобы он сделал это, а потом я зайду к нему по пути из спортзала во время ланча, заберу. Ты же соберешь свою команду и спокойно скажешь им пока затихнуть. Я дам тебе знать, что будем делать дальше.

Выражение ее лица стало подозрительным, когда она сказала:

— Без обид, Фрэнки, но мы занимаемся этим намного дольше, чем ты, ты в некотором роде менеджер высшего звена. Так что я знаю, что ты крутая, но в таких вещах я должна точно знать, что ты крутая. Не думаю, что это хорошая идея — передать все тебе.

Я поняла ее точку зрения.

Мне придется подтвердить перед ней свою крутость.

— Хорошо, милая, сделай глубокий вдох, сохраняй хладнокровие, когда я расскажу тебе кое-что, что сведет тебя с ума, взбесит и вселит страх Божий.

Ее глаза расширились, но я продолжала.

— Причина, по которой я сую свой нос не в свое дело, заключается в том, что кто-то из моих близких обеспечивает безопасность Питера Ферлока. Потому, что его заказали. Теперь я беру это на себя, потому что у меня есть для этого ресурсы, у меня больше веса в этой компании, чем у любого из вас, и потому что я хочу, чтобы ты, Сэнди, Миранда, Кэтлин, Питер и кто бы то ни было остались в живых.

— О Боже, так вот почему ты попросила меня позвонить ему, — выдохнула она.

— Именно, вот почему, — подтвердила я.

— Мне нужно ему сказать? — спросила она.

— Если хочешь, я могу это сделать. Но думаю, он должен знать. К нему приставили человека, чтобы его защитить, но бдительность не помешает.

— Я обязана ему рассказать, — прошептала она. — Он доверяет мне.

Я кивнула.

— Понимаю, — заверила я ее, затем наклонилась к ней. — Но, пожалуйста, предупреди его, чтобы он не сворачивал с проторенной дороги. Мы не можем позволить тем, кто проталкивает это лекарство, узнать, насколько ты мне дорога или что делают те, кто работает со мной.

Она выглядела такой испуганной, что мне захотелось протянуть руку и пожать ее, но я не могла этого сделать, кто-нибудь мог увидеть.

Так что я продолжала сидеть, говоря:

— Теперь ты должна довериться мне. Вы проделали просто грандиозную работу, которая заставила кое-кого занервничать. Давайте вычеркнем это лекарство из каталога фирмы и сделаем это так, чтобы больше ни один хороший, храбрый человек не пострадал. Хорошо?

— Хорошо, — прошептала она.

— Тебе нужна минутка, чтобы прийти в себя? — спросила я, и она кивнула. — Тогда возьми блокнот, детка, делай записи.

— Точно, с блокнотом — хорошая идея. Просто обычная встреча Фрэнки и Тэнди за кофе, — произнесла она почти нараспев.

Я улыбнулась ей.

— Именно, милая.

Она снова кивнула, схватила свой блокнот и начала что-то записывать.

Я сделала глоток латте, обдумывая, что делать дальше.

Понятно, первое, Бенни.

Потом Сэл.

Я посмотрела на Тэнди, которая яростно строчила, будто я была надсмотрщиком, собирающимся вытащить свой хлыст.

— Детка, — позвала я, и она посмотрела на меня.

Я понизила голос, мои слова звучали четко, а тон делал их еще яснее.

— Ты хорошо поработала. Поступила правильно. Ты проявила инициативу, даже когда я сказала тебе отступить. Ты очень храбрая. И ты избавишь многих людей от душевной боли. Буквально. Я восхищаюсь тобой, Тэнди. — Ее губы начали дрожать, поэтому я мягко закончила: — Просто обычная встреча, милая.

Она выдавила слабую улыбку и ответила:

— Просто еще одна встреча, Фрэнки.

Я улыбнулась ей, сделав еще глоток своего латте.

* * *

Вечером в 5:05 я неторопливо направилась к своей машине точно так же, как в любой другой день направлялась к своей машине, только гораздо раньше.

Потому, что Бенни находился у меня дома, и я хотела быть с Бенни.

Еще и потому, что я хотела убраться из офиса к чертовой матери.

Последнее отчасти объяснялось тем, что я забрала все улики, которые команда Тэнди собрала, у явно напуганного Питера Ферлока. Хотя это и неприятно говорить, но он был приземистым, коренастым мужчиной с редующими светлыми волосами, носил очки с толстыми линзами либо из-за плохого зрения, либо из-за того, что постоянно щурился на экран компьютера или телевизора.

Несмотря на его внешний вид, он также хотел стать героем, потому что был умен, храбр и поступил правильно, все это я сказала ему, чтобы он успокоился, придерживаясь нашего плана, заверив, что мои «люди» его прикроют.

Когда он вернулся в логово, где прятались айтишники, выглядел менее испуганным, но все еще нервничал.

То, что он мне передал, лежало в моей сумке с компьютером.

Так что я хотела убраться из офиса, потому что от этого места у меня мурашки бежали по коже. Казалось, что у стен есть глаза, и то, что Хит исчез во время ланча и не вернулся, не помогало.

Сэнди повергло это в штопор по причинам, которые, вероятно, были не очень хорошими. Она заметно нервничала. Уронила пару вещей, в том числе полную кружку кофе. Она избегала Тэнди (и, следовательно, меня) как чумы. И дважды я видела, как она поспешно исчезала в туалете.

Возможно, неважно себя чувствовала.

Но скорее всего, исчезала там, чтобы выместить свою злость и/или разрыдаться.

С поведением Сэнди что-то было не так, либо из-за того, что я сказала Хиту, либо из-за того, что сказал ему Бирман.

Я позвонила Бенни и сообщила новости, подробно рассказав о расследовании Найтингейла, фирма, с которой подруга сестры Тэнди из Браунсбурга (из всех долбанных мест) имела связи. Бен ответил, что сам передаст все Сэлу, так что мне не пришлось ему звонить.

Не потому, что он не хотел, чтобы я разговаривала с Сэлом. А потому, что он не хотел, чтобы меня кто-нибудь услышал.

Поскольку все улики уместились на три флешки, мы обошлись без бумаг, я собиралась передать их через кого-нибудь Сэлу, чтобы они находились в безопасности.

Таков был мой план на этот вечер.

Я также собиралась обниматься со своим мужчиной, играть со своим щенком, и с нетерпением ждать того времени, когда таковой станет моя жизнь, но в Чикаго, и попытаться забыть обо всем этом дерьме.

До завтра.

Я находилась уже у своей машины, когда на мой телефон в сумочке пришло сообщение. Сев в машину, устроилась поудобнее, достала телефон и посмотрела на дисплей.

Когда я увидела сообщение, заставила себя вести нормально, учитывая, что в гараже находились камеры. И когда текст исчез на темном экране, я перешла к смс-кам, чтобы прочитать его еще раз.

«Маккэффри». Сейчас. Приходи одна.»

Это от Хита.

Одно я знала точно — я поеду в «Маккэффри».

Еще я знала, что приеду туда не одна.

Я подключила блютуз, набрала автоматом номер и двинулась со своего места, когда зазвонил телефон.

— Ты направляешься домой? — таково было приветствие Бенни.

— Нет, я встречу с тобой в заведении под названием «Маккэффри», где будет выступление Хита, моего коллеги, который исчез во время ланча после утренней встречи со мной, за которой немедленно последовала встреча с Бирманом.

— Черт, — пробормотал он. — Где это? — спросил он.

Я дала ему координаты, он ответил, будто уже бывал в том районе:

— Понял. Буду там через несколько минут. Но не входи туда без меня. Даже не паркуйся на стоянке без меня. Сегодня у меня был дерьмовый разговор с парнями Сэла, так что один из них сел тебе на задницу по дороге на работу и собирался проследить за тобой до дома. Он сможет уйти, когда приеду я, но ты не входишь в это заведение без кого-то за спиной. Катайся по округе. Я напишу тебе, когда приеду.

Похоже, Бен был хорош в шпионской теме.

Мне это показалось интересным.

И горячим.

— Хорошо, саро.

— Ладно, — сказал он с улыбкой в голосе, а затем добавил: — Увидимся.

Он отключился, и я тоже, хотя ненадолго, так как Браунсбург в хороший день находился в полчасе езды от «Маккэффри», а был час пик. Поскольку 86-я и ее окрестности, где располагался «Маккэффри», были безумно оживленными, пока добиралась туда, меня не покидало желание кого-нибудь убить от этих пробок. И желание не проходило, пока не зазвонил мой телефон, и я не увидела сообщение, в котором говорилось, что Бен прибыл на место.

Именно тогда я направилась в «Маккэффри», паб-ресторан на 86-й улице, куда заходили многие из «Уайлер» после работы, чтобы пропустить пару стаканчиков и съесть тарелку закусок. Я была там дважды, всегда с ребятами из «Уайлер».

Припарковавшись и собравшись выходить, Бенни уже стоял у моей двери.

— Это дерьмо с тобой, детка? — спросил он, и все повторилось снова. Он был хорош в шпионской теме. Я оставила сумку с компьютером на пассажирском сиденье. Вероятно, это была не такая уж хорошая идея — оставлять улики, которые собирала команда Тэнди, в старом Z возле паба, посещаемым сотрудниками «Уайлер».

— Хорошо, — пробормотала я, наклонилась внутрь салона, забрала свою сумку, вытащила флешки, Бенни тут же забрал их.

Я заперла машину. Он взял меня за руку и повел в бар.

Мы нашли Хита в стороне от толпы «немного выпивших» и пытающихся подцепить подругу или друга у стойки бара. Он сидел в боковой кабинки, не совсем у прохода. Очевидно, он не хотел пить пиво (или, в его случае, судя по бокалу для коктейля перед ним, я снова предположила, что это мартини) и рассказывать о нашем дне в шумной толпе. Я повела Бенни к Хиту, когда мы добрались до его кабинки, Бен сначала усадил меня, потом сел сам.

Мы едва засунули свои задницы внутрь, когда Хит спросил:

— Кто этот чертовый парень?

— Мой парень, — ответила я.

Он пристально посмотрел на меня.

— Мне казалось, я сказал тебе прийти одной.

— Она пришла не одна. Переживешь это или нет. Твой выбор. Мы уходим или остаемся?

— заявил Бен, и Хит свирепо посмотрел на него.

Затем пожал плечами.

— Какого хрена, это уже не имеет значения. Скоро это будет по всему Интернету, так что все смогут увидеть, — странно пробормотал он, затем повернулся, взял что-то со стула рядом с собой и бросил через стол в нашу сторону.

Это был конверт из плотной бумаги.

— Что это? — спросила я, потянувшись к нему.

— Доказательство того, что Рэнди Бирман — полный мудака, — ответил Хит.

— Не нужно объяснять, чувак, — сказал Бенни.

Хит посмотрел на меня, но мотнул головой в сторону Бенни.

— Еще раз, почему этот парень здесь?

— Он итальянец. Он переживает о тебе. Ему, как правило, не нравится, когда я выпиваю наедине с другими парнями, которым не очень нравлюсь, поэтому он здесь. Как он и сказал, смиришься с его присутствием, — ответила я, схватив конверт во время этого обмена репликами. Открыла и начала вытаскивать то, что было внутри.

Я засунула тут же обратно и даже не успела рассмотреть как следует.

Потому, что я увидела Хита, сидящего в красивом кресле, полностью одетого, с запрокинутой головой, а Сэнди находилась у него между ног и делала, что именно нельзя было не догадаться, совершенно голая.

Я едва успела засунуть фотографию обратно, как Бенни вырвал конверт у меня из рук и отправил его обратно Хиту.

— Не хочешь объяснить, почему ты показываешь это моей женщине? — потребовал он ответа, его голос был не ровным, не непринужденным, а рокоचущим и раздраженным.

Очевидно, он тоже успел увидеть.

— Подумал, что она должна знать, что оказалась права, — ответил Хит так, словно ему было наплевать. Я посмотрела на его бокал с мартини, который был пуст, подумав, сколько же он выпил.

Когда он заговорил снова, я снова посмотрела на него.

— Бирман. Как ты и думала. Сказал мне передать Сэнди, чтобы она держала себя в руках, иначе все по всему миру узнают, что у нее родимое пятно на заднице. А еще сказал закончить с ней. И последнее, сказал, если мое заявление об уходе не будет на столе Ллойда к понедельнику, то эта фотография, — он кивнул на конверт, — будет по всему Интернету. Я этого не понимала.

Поэтому спросила:

— Почему он хочет, чтобы ты ушел?

— Потому что он мудака, — ответил Хит.

Мне вспомнилось, как он начал нашу дискуссию.

— Так ты напишешь заявление?

— Черт возьми, нет, — отрезал он, и я моргнула.

Значит за все будет отдуваться Сэнди.

Какой придурок!

— Ты собираешься выставить свою женщину на всеобщее обозрение? — изложил мои мысли Бенни, но спросил недоверчиво, будто идея была настолько чужда ему, что он не мог ее переварить, и я вспомнила (не то чтобы я когда-нибудь забуду), как сильно я люблю Бенни Бьянки.

У Бенни Бьянки было много моей любви, но в предстоящем обмене он заработает больше.

— Я не позволю какому-то придурку силой заставить меня уволиться с чертовой работы, — заявил Хит. — И она не моя женщина.

— Твой член был у нее во рту больше одного раза, да? — спросил Бенни.

— Не то чтобы это тебя касалось, но да, — отрезал Хит.

— Тогда она твоя женщина, — постановил Бен.

Я ухмыльнулась и наклонилась к нему, обхватив руками его бицепс и пробормотав:

— Ты такой потрясающий.

Он наклонил голову, чтобы посмотреть на меня сверху.

— Детка, сосредоточься.

Я продолжала улыбаться и бормотать:

— Хорошо, — отпустила его бицепс и снова посмотрела на Хита.

Хит пристально смотрел на нас, объявив, когда мы смотрели на него:

— Кажется, меня сейчас стошнит.

— Я не представила вас друг другу, — вставила я, игнорируя его замечание. — Хит, это мой парень, Бенни Бьянки — мастер по приготовлению пиццы, суперзащитник, горячий итальянский парень и мужчина, который знает, как обращаться с женщиной. — Я посмотрела на Бена снизу. — Бен, Хит — парень, из-за которого у всех нас, продавцов, дурная слава.

— Господи, я позвал тебя сюда не для того, чтобы ты выкладывала мне подобное дерьмо, — сказал Хит.

— Ты вообще не приглашал меня сюда, — заметила я, когда Бенни спросил:

— Почему ты пригласил ее сюда?

Еще одно пожатие плечами.

— Коллеги и прочее дерьмо. Она попыталась меня предостеречь, а я швырнул ей свое дерьмо ей в лицо. Она должна знать, — сказал ему Хит.

— Этот парень сказал тебе, что отдаст фотографии, если ты напишешь заявление об уходе?

— Бенни не сводил с него глаз.

— Нет. Он сказал, что я не увижу их в Интернете, если уволюсь.

— Он будет всякий раз шантажировать тебя ими, когда ему что-то от тебя потребуется, — догадался Бенни.

— Если бы я совершил что-то столь слабое, как написал заявление об уходе, меня не будет тогда с ним рядом, чтобы он мог меня шантажировать, — ответил Хит.

— Ты, вероятно, пойдешь в другую фармацевтическую компанию, и тогда кто знает, чего он от тебя захочет получить, — мудро заметил Бенни.

— Тогда хорошо, я собираюсь разоблачить его блеф, — парировал Хит.

— Напиши заявление, — твердо ответил Бен, и глаза Хита сузились.

— Чувак, я тебя не знаю. Я тебя сюда не приглашал. Я не хочу, чтобы ты находился здесь.

И я чертовски уверен, что не собираюсь принимать от тебя советы по своей карьере.

Именно тогда Бенни потерял терпение и пригвоздил Хита взглядом.

— Прямо сейчас два чикагских умника обрабатывают частного детектива, который сделал эти фотографии. Вероятно, в течение получаса у них будет все, что у него есть на вас, так что у него не будет возможности нажимать на тебя. И ходят слухи, что этот парень большой поклонник шантажа своих клиентов. В ближайшие пару дней будет собрано все остальное. Ты пишешь заявление. Пока все это дерьмо не уляжется. Все понятно, в том числе, почему ты решил уйти. Через неделю, две вернешься на свою работу.

Голова Хита дернулась, когда Бен начал говорить, и он смотрел с открытым ртом, когда Бенни замолчал.

Он взял себя в руки и прошептал:

— Черт возьми, ты из мафии?

— Не я, даже близко. Но у Фрэнки есть связи, так что имей в виду, я бы не стал ее подставлять, — сказал ему Бен.

Глаза Хита чуть не вылезли из орбит, и мне пришлось подавить смехок. Поскольку это был такой громкий смехок, хотя было нелегко, я чуть не подавилась им.

Но Бен еще не закончил.

— Она прикрывает твою спину, думаю, что в большей степени она прикрывает спину твоей женщины, которую ты не хочешь прикрыть, но ты можешь наслаждаться перепавшей тебе защитой. Просто напиши заявление. Все будет хорошо.

— Как я могу быть в этом уверен? — настаивал Хит.

— Ты и не можешь, — возразил Бен. — Ты просто должен поверить, что не все в этом мире такие придурки, как ты.

Я не смогла сдержать хихиканье, и Хит бросил на меня хмурый взгляд.

Я махнула рукой, заставив себя перестать хихикать, сказав:

— Прости, прости. Неуместно.

— Ты собираешься меня надуть? — спросил он.

— Что я собираюсь сделать, так это убедиться, что Сэнди не будет крайней, не будет жертвой, а это значит, что ты тоже не будешь крайним, потому что идешь в комплекте с ней. Так что нет. Я не собираюсь тебя надувать, — заявила я ему.

Глаза Хита сузились.

— Ты знаешь, почему Бирман хочет, чтобы я ушел?

— Ты этого не узнаешь, — перевел разговор Бен, хотя я этого не знала, как и Бенни. Но, очевидно, Бен принял решение, что мы не будем больше рассуждать с таким придурком, как Хит.

Хит посмотрел на него.

— Почему не узнаю?

— Из-за своей женщины, — сказал Бенни.

— Это чушь собачья, — отрезал Хит. — На кону стоит моя задница, а не ее.

Именно тогда я поняла, что у Бена закончилось терпение.

Я поняла это, когда он заявил:

— Ладно, я проголодался. Не хочу сидеть здесь с тобой. Я хочу быть дома со своей женщиной и собакой, так что заканчиваем. От тебя это не зависит, но здесь замешано нечто

большее, и какова бы ни была твоя роль в этом, она невелика. Так что у нас нет времени возиться с тобой. Ты либо доверяешь Фрэнки, либо нет. Но я тебе кое-что скажу: если ты приходишь в офис в понедельник утром без распечатанного заявления об уходе, чтобы подставить спину женщине, которая согревает твою постель, ты не мужчина. Ты мудака, пронира и придурок. Та игра, которую ты разыграешь, будет за твой счет. И, может, это и не лезет тебе в голову, но я не могу представить, как могло бы быть иначе, если бы женщина, которую ты бросаешь прямо перед автобусом, заплатила за твои амбиции и, вероятно, заставила бы мужчин говорить ей гадости и даже делать с ней такое, чего она не заслуживает. Это может даже подвергнуть ее опасности, потому что они будут думать, что она шлюха.

Он наклонил голову к конверту, лежащему на столе, и продолжал говорить.

— Но я буду знать, и Фрэнки будет знать, и твоя женщина будет знать, и она проживет остаток своей жизни, мечтая не только никогда не унижать тебя, но и никогда не видеть твоего лица. Ты хочешь поступить так с ней, ты сможешь с этим смириться, верно. Но можешь и по-другому, несмотря на то, что ты придурок, пронира с огромной задницей.

Бен сказал свое слово, и мы ушли. Он вытащил меня прямо из кабинки, из бара, и отвел прямым путем к моей машине.

Он подтолкнул меня к двери и приказал:

— Ты впереди. Я слежую за тобой домой.

— Это было потрясающе, — ответила я.

Его губы скривились, он сказал:

— Я не исчезну из поля твоего зрения по дороге.

— И ты потрясающий, — продолжала я.

Это вызвало у меня ухмылку, он спросил:

— Фрэнки, ты меня слышишь?

— Ты сильно голоден? — переспросила я в ответ.

— Я тренировался после ланча, так что прошло достаточно времени.

Это меня удивило.

— Где ты успел потренироваться?

— Тебе очень важно знать эту информацию перед тем, как доберемся до дома?

— Нет, за исключением того факта, если ты очень хочешь есть — это облом, потому что я хотела бы наброситься на тебя, как только мы вернемся домой.

— Еда подождет.

Я улыбнулась ему и делала это очень долго.

— Но не три часа, пока ты будешь здесь стоять и строить из себя дурочку, потому что я потрясающий, — закончил он.

— Я люблю тебя, Бенни Бьянки, — выпалила я.

— Черт, — пробормотал он, затем наклонил голову, накрыл меня горячим, тяжелым, влажным, длинным поцелуем, который закончился тем, что я обняла его за плечи, запустив одну руку в его потрясающие волосы, а его ладонь положила себе на задницу, прежде чем он поднял голову, высвободившись из моих объятий, развернул меня, шлепнул по заднице и сказал:

— Поехали домой.

Он отступил на шаг и многозначительно уставился на водительскую дверь.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоить свое сердце и привести в порядок организм, прежде чем достала ключ, отперла дверь и поехала домой, чтобы сделать потрясающий минет своему мужчине.

И после этого его накормить.

23

Твою мать, наконец-то

Я проснулась, почувствовав, как рука Бенни скользит по моему животу вниз.

— Малыш, — сонно прошептала я.

Именно тогда почувствовала, как пальцы скользнули к краю моих трусиков, другая рука просунулась под меня, и я оказалась на спине, чтобы он смог уткнуться лицом мне в шею.

И тогда он прорычал:

— Шшш, Франческа, не двигайся.

Я почувствовала, как мое влагалище содрогнулось, став мокрым в тот же момент.

Хорошо, можно точно сказать, что просыпаться с Бенни Бьянки стало моей любимой частью дня. По целому ряду причин.

Одна из этих причин была очевидной, как только его средний палец коснулся моего клитора, а другая рука обхватила мою грудь, губы скользнули вверх по моей шее. Я поняла, что он не дурачился, приложив большой и указательный пальцы к моему соску, потянув.

Сильно.

Это было так приятно, что заставило меня прижаться бедрами к его промежности. Почувствовав его твердость, из меня вырвался стон.

Бен прикусил зубами кожу у меня на шеи, прежде чем сказать:

— Не двигайся, детка.

— Мне нужно двигаться.

— Не надо, — грубо приказал он, прижимаясь своим членом к моей заднице.

О Боже. Это было горячо.

Я перестала двигаться. Бен ласкал. Тянул и крутил. Повернул и сжал. Покусывал, лизал, посасывал, целовал. Все это время я лежала, стараясь не двигаться.

Это было нелегко, с каждой секундой я становилась все влажнее, все больше возбуждалась, и становилось все труднее не двигаться.

Наконец, стало почти не выносимо, поэтому с мольбой я прошептала:

— Бенни.

— Чего ты хочешь? – Спросил он.

— Твой член, малыш.

— Как ты его хочешь?

— Любым способом, которым захочешь ты.

— Спускай трусики, Фрэнки.

Я немедленно спустила, подцепив большим пальцем за край трусиков и потянув вниз. Бен почти мгновенно дал мне то, что хотела. Вошел внутрь.

— Боже, — выдохнула я.

Бен покрутил мой сосок, обвел пальцем клитор, вошел глубоко.

— Черт, ты мокрая, — простонал он мне в шею, уверенно входя, быстро, грубо, с силой, отчего все мое тело содрогалось от каждого толчка.

— Сильнее, Бенни, — взмолилась я.

Без промедления он перекатился на меня, все еще находясь внутри. Мне пришлось широко раздвинуть ноги, трусики натянулись до предела, впиваясь в бедра так, как мне нравилось. Все это было настолько потрясающе, что я почувствовала, как дрожь пробежала по всему телу.

Затем он резко поднял мои бедра вверх, продолжая глубоко входить. Он наклонился ко мне, запустив руку мне в волосы, сжал в кулак и потянул назад.

Господи.

Еще более возбуждающее.

— Приподнимись, детка, — потребовал он.

Я приподнялась на руках, он потянул за волосы, чтобы я поняла, он хочет, чтобы я встала.

Я выпрямилась, и как только это сделала, он приказал:

— Скидывай ночнушку.

Я потянулась руками к низу ночной рубашки и стянула ее.

И сразу же получила награду — руки Бенни прошлись по моей коже.

Я знала, что он наблюдал за движениями своих рук, пробормотав мне в шею:

— Чертовски красивая, — продолжая входить в меня.

— Мне нужен твой палец, милый, — сказала я ему.

— Я все проделал прошлой ночью, детка. Сейчас хочу, чтобы все прошло не так быстро.

Не хочу, чтобы ты моментально испытала оргазм.

Может, он и хотел не так быстро, но своими действиями он просто сводил меня с ума, в хорошем смысле слова, так что во мне не оставалось терпения.

— Я уже близко, — решила поделиться я.

Он резко еще раз вошел и замер.

Мне нравилось, что я наполняюсь им, Бен продвигался все глубже. Мне это так нравилось, что я застонала.

Его рука скользнула вниз и накрыла мое лоно, в то время как другая скользила вверх по моей груди, легко обхватив вокруг горло.

— Я мог бы трахать тебя часами, — пробормотал он мне в кожу.

Было субботнее утро, выходной. На следующий день после, к счастью, безоблачной пятницы, выходные, способные предшествовать Армагеддону, связанному с работой, я сразу же придумала план на предстоящий уикенд.

— Хорошо, тогда делай это.

— Мог бы заснуть, похороненный внутри тебя.

Я почувствовала, как задрожали бедра.

— Проснувшись, первое, что делаю, прежде чем открою глаза, начинаю трахать тебя, — продолжал он.

Мои руки потянулись к его запястьям, ухватившись за них, лоно сжалось от его слов. И промелькнула мысль, что ему совершенно не нужно двигаться внутри меня, чтобы я испытала оргазм, достаточно ему просто продолжать разговаривать со мной.

Он выскользнул и медленно скользнул обратно.

— Обожаю твою киску.

Ладно, может ему все же следует двигаться во мне.

— Бен, малыш.

Его рука скользнула от моего горла вниз по телу.

— Люблю твоё тело.

— Пожалуйста, Бенни, грахни меня.

Он прикусил зубами мочку моего уха, затем прошептал:

— Люби мою детку.

Меня пробрала дрожь с головы до пят.

Я ошибалась. Ему все же просто достаточно говорить мне вот такие разные слова, и я кончу.

— Бенни, — с мольбой выдохнула я.

— Ложись, Фрэнки. Я собираюсь дать тебе то, что ты хочешь.

Я согнулась, упершись предплечьями в матрас, Бен склонился надо мной. Положив одну руку на кровать для дополнительного давления и силы, он дал мне то, в чем я так нуждалась.

Оргазм пронзил меня, а Бен продолжал входить, усиливая мои ощущения, пока я не начала жестко кончать. Затем он отстранился, упал на спину, рывком передвинул меня к себе и поймал мой взгляд.

— Давай, Фрэнки.

Я выдержала его пристальный взгляд, быстро стянув с себя трусики, приподнялась и оседлала его. Я обхватила рукой его член, направила его внутрь и не сводила с него глаз, стала скакать на нем верхом.

— Хочешь еще? — спросил он, наблюдая за моими движениями, выражение его лица было ленивым, но очень возбужденным.

Мне нравился его взгляд.

Но...

Он что, с ума сошел?

— Да, — выдохнула я, падая вниз.

Он ухмыльнулся и передвинул руку так, расположив свой большой палец в стратегическом месте. Заняло некоторое время, но я испытала еще один оргазм. Оседлав его в своем оргазме, голова откинулась назад, одна рука на животе, другая обхватывает грудь, я почувствовала, как его руки крепко сжали мои бедра. Он дернул меня, прижимая к себе, приподнял бедра, застонал, и я поняла, что он кончает.

Я рухнула на него сверху, волосы разлетелись по сторонам, мне было наплевать. После двух утренних оргазмов, меня ничего не волновало.

Он убрал руки с моих бедер, обняв, приподнявшись на другой руке, чтобы собрать мои волосы сбоку на шее.

Повернув голову, прошептал:

— Люблю тебя, Франческа Кончетти.

Я почувствовала, как мои губы приподнялись, и сделала титаническое усилие, чтобы приподнять голову и посмотреть ему в глаза.

Выражение его глаз стоило затраченных мной усилий.

Увидеть его прекрасные глаза счастливыми и удовлетворенными стоило любых усилий.

— Тоже люблю тебя, Бенни Бьянки.

Он собрал мои волосы на затылке, большим пальцем, погладив мой подбородок, потом спросил:

— Хочешь пончиков?

О да, я любила Бенни Бьянки.

— Конечно, — ответила я.

Он ухмыльнулся.

— Хорошо, детка. Поцелуй меня. Слезь с меня. Мы прогуляемся с Гасом, а потом поедем в «Хиллигосс».

— Ты можешь привести Гаса, потом сходить за пончиками, а я останусь здесь и приготовлю кофе? Я хотела спросить, не мог бы ты прогуляться с Гасом, потом сходить за пончиками, пока я остаюсь здесь, наслаждаюсь своими оргазмами и, может быть, немного вздремну? Я подозревала, что Бенни понял сразу, что я хотела сказать, но он все равно спросил:

— Ты хочешь так?

— Ага, — ответила я.

— Хорошо, но где же часть с поцелуями.

Я улыбнулась ему, потому что мне удалось его поцеловать, а также потому, что он был Бенни. Он был потрясающим. И на этот раз он демонстрировал свою крутизну, выполняя мое желание, вытаскивая себя из постели, заботясь о нашей собаке и покупая пончики, пока я нежилась в кровати.

Я наклонила голову, чтобы поцеловать его, когда мой телефон на тумбочке зазвонил.

Повернула голову в ту сторону, когда Бен приказал:

— Не обращай внимания.

Поскольку эта идея мне понравилась больше, я сделала, как он приказал.

Посреди поцелуя мой телефон перестал звонить. Затем Бен перехватил поцелуй, и все превратилось в сеанс поцелуев, я оказалась на спине, Бенни на мне. И продолжался сеанс поцелуев довольно долго, пока мой телефон снова не зазвонил.

Бен прервал поцелуй, на этот раз именно он посмотрел на мой телефон.

— Не обращай внимания, — повторила я его приказ.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Два звонка за пять минут в субботу утром?

— Я занята, — ответила я. — Потому, что у меня на бедрах остались следы от трусиков. Мои трусики раз*баны до неузнаваемости, так как были так туго натянуты, что резинка, вероятно, порвалась. Твоя сперма вытекает из меня. Тебе нужно выгулять нашу собаку и купить для меня пончики с сахарной пудрой и шоколадным кремом, по крайней мере, три штуки. Все это соответствует определению «я занята».

Мой телефон перестал звонить, Бенни приподнял брови, его глаза загорелись смехом, выполняя обещание — третье за день, а мы проснулись меньше часа назад.

Он проделал все это, спрашивая:

— Раз*баны до неузнаваемости?!

— Испорчены до неузнаваемости, — пояснила я.

— Я знаю, что это значит, милая, — ответил он. — Просто не знал никого, кроме Танго и Кэш, которые бы так говорили. (Песня Harold Faltermeyer — Fubar Shock Therapy OST из «Танго и Кэш» <https://www.youtube.com/watch?v=NrKdwz1HbFA>)

Я почувствовала, как мои глаза прищурились.

— Не смейся надо мной, когда я отхожу после оргазма. Я умиротворена, счастлива, находясь после оргазма, во мне нет сил с тобой спорить.

Бен ухмыльнулся.

— Тебе не следовало мне это говорить, детка. Теперь знай, с этого момента я буду постоянно над тобой подтрунивать после оргазма.

Мои глаза стали еще более прищуренными, прежде чем я сообщила ему то, что он уже должен и так знать:

— Я быстро приду в чувство.

Его рука скользнула по моему бедру, спине, обхватив меня за задницу, лицо приблизилось к моему.

— Готов поспорить, что смогу быстро вернуть тебя в теперешнее состояние.

Он мог бы... причем быстро.

— Гас и пончики? — подсказала я.

— Ты хочешь определенные пончики? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Их быстро раскупают, Фрэнки.

— Подожди, пока приготовят еще.

На этот раз он не ухмыльнулся. А улыбнулся.

Потом сказал:

— Может, я и подкаблучник, милая, но не до такой же степени.

Я почувствовала, как мои брови взлетели вверх.

— А ты подкаблучник?!

— Детка, я заключаю сделки с Сэлом, нахожусь вдали от моего дома, моего ресторана, наблюдаю за твоей задницей, пока ты занимаешься чем-то, несомненно, стоящим, но вызывающим у меня беспокойство, и ты удивлена, что я не подкаблучник?

В его словах был смысл, хотя его слова вызвали у меня пьянящее ощущение власти, но также обеспокоили.

Поэтому я обняла его и напомнила:

— Мы решили заняться «Уайлером», потому что это правильно.

— Согласен, но мы также делаем это еще и потому, что мне нравится трахать тебя, есть тебя и смотреть, как ты скачешь на мне, и я могу получить все это так часто, находясь здесь, и делать тебя счастливой.

Внезапно я перестала чувствовать себя обеспокоенной.

А стала чувствовать себя раздраженной.

— И это все? — спросила я.

— А еще мне нравится смотреть на тебя, видеть твою улыбку и делать все, что в моих силах, чтобы сделать тебя счастливой. Это безумие, но я научился владеть своим безумием, потому что ты — это ты. Ты ненормальная. Бесстрашная. Желает защищать правду всеми средствами, хотя это может быть опасно. И я люблю все это в тебе. Самое безумное заключается в том, что я люблю все, включая даже твою ненормальность и желание везде совать свой нос.

Я скривилась и заявила:

— Ты снова ведешь себя мило, когда я раздражена.

Он наклонился к моим губам, его глаза все еще улыбались.

— Ты должна научиться справляться с этим, детка. Такое будет частенько.

Я сразу же смирилась, потому что у меня было счастливое предчувствие, что он собирается поцеловать меня снова, но он этого не сделал, потому что опять зазвонил мой телефон.

На этот раз мы оба повернули головы в его сторону.

— Черт, — пробормотал Бен, протягивая руку через кровать к телефону. Он посмотрел на экран, потом на меня, его лицо было непроницаемым, когда он сказал:

— Кэт.

Это могло означать что угодно, от радостной новости, что она залетела от Арта, до известия о том, что она сорвалась с катушек, была арестована за какую-то глупость и нуждалась в ком-то, кто внес бы за нее залог.

Бен знал об этом, и именно поэтому его лицо было непроницаемым.

Я выхватила телефон у него из рук и ответила на звонок.

Когда телефон оказался у моего уха, я сказала:

— Люблю тебя, но ты отодвигаешь наши пончики.

— Фрэнки, — прошептала она.

О Боже.

Услышав ее голос, мои глаза метнулись к Бенни, я приподнялась и села. Он отодвинулся в сторону, чтобы я могла сесть, я не отрывала от него глаз, сидя на бедре, натянув одеяло до груди и крепко прижимая телефон к уху.

— Что? — спросила я.

Последовала минута молчания, прежде чем она сказала:

— Ладно, прошлая ночь была ужасной.

Надеясь, что ее ужасная ночь не включала в себя выпитую стопку водки и совершение тяжких преступлений, я протянула руку и прижалась к груди Бена. В ту же секунду он обнял меня, притягивая к себе, к своему теплу, удерживая мою руку между нами.

— Что? — прошептала я, теперь мой взгляд был прикован к горлу Бена.

— Ладно, сначала, эм... немного лучшие, но все равно плохие новости.

Немного лучше, но все равно плохие?

— Кэт...

— Дэйви узнал, что Нэт снова ему изменяет. Они поссорились... сильно, Фрэнки. Действительно сильно. Он сказал, что с него хватит, я думаю, на этот раз он сказал все всерьез, потому что она растеряла все свое дерьмо. Она ударила его. Он ударил ее в ответ. Она вызвала полицию. Он был в полном беспорядке. У него сотрясение мозга, потому что она ударила его по голове то ли миской, то ли чем-то еще. Он многое ей прощал, Фрэнки, прежде чем его терпение кончилось. Он ударил ее один раз, чтобы она отстала от него, но в итоге именно он оказался в тюрьме.

Я закрыла глаза.

— Он не выдвигал обвинений, — продолжила она, — она выдвинула против него. Его мама позвонила мне. Вот откуда я все это знаю. Она в бешенстве, Фрэнки. Она знает, что Дэйви годами терпел ее дерьмо, его мать серьезно разозлилась. Но еще хуже то, что у них находилась наша мать.

О нет.

Я открыла глаза, увидела лицо Бенни, и впервые за долгое время его лицо меня не успокоило.

— Она гуляла, не участвовала в драке, пришла после, как приехала полиция. Она писала мне несколько дней назад, сказала, что я умерла для нее, потому что не отвечаю на ее звонки, не помогаю ей в трудную минуту. Наверное, именно поэтому она с Нэт и Дэйви. Но, по словам мамы Дэйви, она по уши участвует в дерьме Нэт, говорит гадости о Дэйви. Мама Дэйви хочет, чтобы обвинения были сняты, и Нэт и Нинетт убралась из дома, и она хочет, чтобы это произошло вчера.

— Кэт, я... — начала я, но она оборвала меня, тихо заговорив.

— Я не могу быть втянута в это, Фрэнки. У меня задержка.

Мое сердце бешено заколотилось, она продолжила:

— Всего пару дней, но у меня график всегда как часы. Мы с Артом собирались провести субботу, сделать тест на беременность, и, надеюсь, отпраздновать это событие. Все это... — Она замолчала, я действительно услышала, как она глубоко вздохнула, прежде чем продолжить: — И это еще не все, что произошло прошлой ночью, сейчас после всего я хочу не делать тест на беременность и купить бутылку водки.

Дерьмо.

Нет.

— Не делай этого, милая, — настояла я.

— Знаю, но все это тяжело.

— Сделай тест на беременность, — посоветовала я, затем сделала свой собственный глубокий вдох и закончила: — Я позвоню Нэт.

Руки Бена крепче обхватили меня, заставив меня взглянуть на него. Он был обеспокоен. Но, услышав имя Нэт, он разозлился.

Я покачала головой.

Он покачал головой в ответ.

— Я тебе еще не все рассказала, — прошептала Кэт мне на ухо.

Черт возьми.

Я посмотрела на ухо Бена и посоветовала:

— Говори.

— Крисси выгнала папу прошлой ночью.

— Черт, — прошептала я.

— Да, — согласилась она. — Он позвонил мне, подыскивая место, где можно переночевать.

Я хочу иметь свои границы, он вышел из себя, знаешь, как может поступить папа, когда ему не дают добиться своего.

— Да, я знаю, как папа может высказаться, — согласилась я, потому что я действительно это знала.

— Он сказал, что все его дети, кроме Энцо, заноза в заднице, и он больше никогда не хочет обо мне слышать. Потом сказал, что собирается к Энцо.

— О Боже мой, — выдохнула я в трубку. От одной мысли об Энцо Уно и Дью вместе и о том хаосе, который они могут учинить, у меня подскочило давление.

— Ага. Просто повышаю ставки, оставляю Крисси с новорожденным ребенком и направляюсь туда, где Энцо портит свою собственную жизнь и жизни всех людей вокруг.

Это было нехорошо, но я немного не поняла.

— Чем плохая новость от Нэт немного лучше, чем новость с папой?

— Ну, папа сказал, что Крисси облажалась, она же не работала, он ее содержал. Он сказал, что не нуждается в ее дерьме. Может, она и выгнала его, но это не значит, что она будет жить в его доме. Он сказал, что выставит дом на продажу, так что это означает, что Крисси помимо того, что безработная, скоро станет бездомной, а у нее только что родилась наша младшая сестра.

Бог. Мой папа.

— Папа что-нибудь говорил о Минни? — Спросила я.

— Ни слова.

Чертовый отец.

Я перевела взгляд с уха Бена на его глаза и сказала Кэт:

— Хорошо, предоставь это мне.

Бен из слегка встревоженного и слегка разозленного превратился в почти взбешенного, когда отрезал:

— Господи, Фрэнки.

— Что ты собираешься делать? — спросила меня Кэт.

— Понятия не имею, но что-нибудь придумаю.

— Может Сэл Джильи имеет к тебе должок? — спросила она.

Вряд ли.

— Нет, — ответила я.

— Очень жаль. Полагаю, у него достаточно средств вселить страх Божий в кого угодно, даже в Нэт, маму и папу.

Вероятно, она была права.

И все же я не собиралась натравливать Сэла на свою семью. Не потому, что они этого не заслуживали. А потому что мы с Бенни уже пригласили его на нашу свадьбу. Нам не нужно было, чтобы он заставлял нас платить ему за это, выдавая меня за муж.

— Иди, купи тест на беременность. Никакой водки. И перезвони мне, когда закончишь праздновать.

— Фрэнки, ты всегда разгребаешь их дерьмо и...

— Иди, — сказала я тихо, но твердо. — Тебе нужно сосредоточиться на том, что важно, Кэт, а их дерьмо не так важно. Твой муж, твой брак, то, что вы создаете семью — это важно. Сделай тест на беременность. Я буду посылать в твою сторону хорошие флюиды.

Долгое время она ничего не говорила. Затем сказала:

— Хорошо. Я соглашусь с тобой, но только с первым. Я сделаю все, что в моих силах, с тестом и Артом. Ты позвони мне, если я тебе понадобится, Фрэнки.

— Ты на правильном пути, — напомнила я ей. — Оставайся на нем.

— Все эти люди облажались, и они сводят меня с ума. Но они и моя семья тоже, Фрэнки. Ты потратила три с половиной десятилетия, разбирая их дерьмо. Теперь моя очередь вступить в игру.

Я прочувствовала ее слова, они были такими глубокими, теплыми и желанными, что снова закрыла глаза и повернула голову.

Бен поднял руку и обхватил сбоку мою шею, так что я открыла глаза и посмотрела на него в ответ.

Он больше не злился, или, по крайней мере, не совсем злился. Вернулся к легкому беспокойству.

Я покачала головой и слегка улыбнулась ему.

Это ни в малейшей степени не изменило выражения его лица.

— У нас есть план? — спросила Кэт мне на ухо.

— Это уляжется не быстро, и ты не сможешь исправить, отступишь. Если ты согласна на это, — сказала я ей, — тогда у нас есть план.

Она колебалась всего секунду, прежде чем сказать:

— Значит таков план.

— Хорошо, — ответила я деловым тоном. — А теперь позвони мне позже и сообщи хорошие новости.

— Надеюсь, что смогу, Фрэнки.

— Я тоже на это надеюсь, милая.

— Не позволяй им заставлять тебя разгребать их дерьмо, ты и так достаточно его разгребла, — приказала она.

— Наверное, так и сделаю, — ответила я, все еще глядя Бенни в глаза. — И Бен мне не позволит.

— Ну, наконец-то, черт возьми, — пробормотала она, и это заставило меня ухмыльнуться.

— Пока, Фрэнки.

— Пока, Кэт.

Мы разъединились, и едва я нажала кнопку на своем телефоне, как Бен практически рывкнул:

— Что?

Я потянулась к ночной рубашке, наполовину свисавшей с кровати, сказав:

— Очередная драма семьи Кончетти.

— Тебе сейчас мало драм? — спросил он, прекрасно подметив.

Он отпустил меня, чтобы я могла натянуть ночнушку, и я снова посмотрела на него.

— Бенни...

Он покачал головой.

— Вылезай из постели. Иди в ванную. Одевайся. Введи меня в курс дела, пока мы будем гулять с Гасом. Тогда твоя задница окажется в моем внедорожнике, и мы сможем купить пончиков. Мы сделаем то, что хотим сделать в наше субботнее утро. После того, как я доставлю пончики своей детке, эти придурки, которых ты называешь семьей, пусть попробуют отнять у тебя хоть кусочек.

— Но, Бен...

— Пусть попробуют, — оборвал он меня, сказав с ударением. — Я рядом, пока ты будешь беседовать с их задницами, если я хоть услышу гребаный намек на то, что они вонзают в тебя свои когти, я вступлю в игру.

Я уставилась на него.

Наконец-то, черт возьми.

Кэт была права.

Она была так права.

Вот почему я сдалась, сказав:

— Хорошо, малыш. Давай сначала позаботимся о Гасе.

Я увидела, как на лице Бенни появилось удивление, но я не стала останавливаться, чтобы увидеть, чем закончится его удивление. Гасу нужно было выбраться из конуры. Мне нужно было его обнять. Еще мне нужны были пончики. Кроме того, мне нужно было, чтобы у моего мужчины были пончики.

Только тогда я смогла бы разобраться со своей семьей, пока у меня был кто-то за спиной.

Наконец-то, черт возьми.

* * *

У меня в животе отлично устроились три пончика, только два из них были посыпаны сахарной пудрой и начинены шоколадным кремом.

Бен оказался прав. С шоколадным кремом быстро закончились, мы забрали последние три.

Я любила своего мужчину, поэтому пожертвовала один ему. Третьим пончиком, оказавшимся у меня в желудке, был пончик с корицей и съела его я первым.

Я уставилась на свой телефон в руке, лежащей на прилавке. И пялилась на него, пока не увидела, как Бенни поставил чашку со свежим кофе на стойку рядом с моей рукой. Это означало, что я пялилась все то время, пока он варил кофе.

Я повернула голову и посмотрела ему в глаза.

— Я понятия не имею, что делать, — заявила я ему.

Он допил кофе и ответил:

— Не удивлен.

— Не удивлен?!

— Нет.

Я предполагала, что он не будет удивлен. Услышанные новости вмещали много всего, чтобы разрулить эту ситуацию нужно было как бы влезть на гору, причем взобраться без веревки и этих колючих штуковин на ботинках.

— Я не только понятия не имею, что делать, я даже не знаю, с чего начать, — поделилась я.

Бен прислонился бедром к стойке.

— Это тоже меня не удивляет.

— Что сделал бы ты? — Спросила я.

— Вот почему я не удивлен, — ответил он. — Чтобы бы я сделал? Позволил им самим разбираться со своим дерьмом. Что посеешь, то и пожнешь.

Я покачала головой и запротестовала:

— Но Дэйви очередной раз простил мою сестру, потому что, наверное, ее любит, а в итоге получил в ответ кучу проблем.

— Разве он не пожинает то, что посеял?

Я моргнула.

Бенни продолжил:

— Если бы она ударила его, когда они только сошлись, я мог бы это понять. Но он неоднократно принимал назад ее задницу после того, как она позволяла другим парням заниматься с ней разными делами. Это его решение. Ему нужно было набраться мужества пять лет назад. Он этого не сделал. Теперь он в тюрьме, потому что у него нет яиц. Это его проблема. Чего я не понимаю, так почему ты или Кэт делаете их проблемы своими.

— Он член семьи, и он хороший парень, — объяснила я.

— Да, он хороший парень, но он слабак, — ответил Бен. — И то, что он слабак, вовремя не смог расставить в отношениях все по своим местам — не на твоей совести. На его совести. Их отношения в той или иной форме уверенно двигались к катастрофе с тех пор, как они сошлись. Честно говоря, я испытываю облегчение, что наконец-то он взорвался.

— Но его арестовали! — огрызнулась я.

Бен наклонился ко мне.

— Не. Твоя. Проблема.

— Ты думаешь, все так просто? — Спросила я.

— Абсолютно, — ответил он.

— Тогда что насчет Крисси и Домино? — Не унималась я.

Он выпрямился.

— Детка, она подцепила свою звезду — мужчину, который по возрасту годится ей в отцы.

— Это субъективно, — резко сообщила я ему, и его брови сошлись на переносице.

— Что именно?

— Ты не можешь контролировать, когда влюбляешься.

— Согласен, — заявил он. — Любовь может быть слепой, но не глупой, это совсем другое. У него был всего один брак много десятилетий назад, потом шла чередой женщин, с которыми он так и не дошел до брака, дети, которых он почти не видел, а когда видел, он ругался с ними, как подростки, и надирал им задницы. Если она не видела всего этого, написанного большими буквами на его стене, то это не твоя проблема.

— Но у нее появился от отца ребенок, Бен, — напомнила я ему.

— Ага. И она позволила мужчине в возрасте с таким прошлым обрюхатить себя. Опять же, это не твоя проблема.

Я кладу телефон на стойку и упираю руки в бедра.

— Ее дочка — моя сестра.

Он мгновение смотрел мне в глаза, прежде чем пробормотать:

— Это может стать нашей проблемой.

— Верно, — прошипела я.

— Хотя, — продолжил он, — я пропустил момент, когда ты показывала мне фотографии, присланные тебе в смс, твоей новорожденной сестры, и не слышал, чтобы ты говорила обо всех приглашениях познакомиться с ней, которые не могла принять, потому что живешь слишком далеко.

— У меня такое чувство, что Крисси, возможно, было не до этого, поскольку она стала мамой, — саркастически ответила я.

— Полагаю, что твои чувства верны. Все еще. Это не отменяет того, что я сказал, — парировал он.

— Каждый человек должен испытывать сострадание и стараться быть понимающим, и это вдвойне важно для твоих близких, людей одной крови, — парировала я.

Внезапно рука Бенни обвилась вокруг моей шеи сбоку. Он воспользовался, чтобы притянуть меня к себе, наклонив голову так, что его лицо оказалось близко к моему.

— Вот почему я так чертовски сильно люблю тебя, — заявил он, и когда он произнес эти слова, и так, как он их произнес, не глубоким и непринужденным голосом, а шероховатым от чувств, я поняла, что у меня перехватило дыхание.

Он еще не закончил.

— Не потому, что ты безумно красива. Не потому, что ты чертовски хороша в постели. Не потому, что мне нравится, как ты одеваешься, делаешь прическу, выходишь погулять с собакой, как большинство женщин отправились бы в клуб. Не потому, что ты заставляешь меня смеяться и не воспринимаешь мое дерьмо всерьез. Не потому, что ты хочешь сделать настоящий кабинет у меня в доме, можешь сделать даже запеканку из тунца потрясающей на вкус. Из-за всего этого и того факта, что тебе не наплевать на других. Даже на людей, которые совсем не заслуживают твоей доброты. Тебе настолько не наплевать, что ты готова подставиться сама ради них. Ты чувствуешь их боль глубоко. Отдаешь все, что у тебя есть. И самое приятное во всем этом то, что тебе есть что дать им, и большую часть своей глубины ты отдаешь мне.

Я смотрела в его глаза, прожигающие мои, чувствуя, как его слова проникают внутрь, проникают глубоко, внедряются там, внутри, таким образом, что не только запомню их навсегда, а буду помнить и те чувства, которые испытывала в данный момент, всю оставшуюся жизнь.

— Итак, тебе необходимо опять влезть в их дерьмо, — продолжил он, — так сделай это. Хотя оно разозлит тебя, разозлит меня, но я здесь для того, чтобы ты потом жаловалась и возмущалась, я здесь, чтобы принять решение, когда ты закончишь разбираться с их дерьмом. Так что, детка, ты должна вмешаться, тогда сделать свой первый звонок. Мой совет — Крисси. Нэт и Дэйви взрослые люди и уже должны знать, как самим разбираться в своем дерьме или продолжать барахтаться в нем. У Крисси родился ребенок, она, наверное, напугана.

Я не кивнула, не подняла телефон и не позвонила Крисси.

А спросила:

— Знаешь, почему я люблю тебя?

Интенсивность его взгляда изменилась. Не угасла, продолжая гореть, просто эмоции, стоящие за его взглядом, изменились.

— Да, — ответил он. — Потому что я потрясающий.

— Нет, — прошептала я. — Потому что ты — все, каким должен быть мужчина.

Его пальцы на моей шее сжались, а губы прошептали:

— Иисусе.

— Впервые в моей жизни слова «Я люблю тебя» не передают всей силы, — сообщила я ему.

Он притянул меня на дюйм ближе и приказал:

— Заканчивай, Фрэнки.

Я не закончила. Ему нужно было услышать то, что я хотела сказать.

Да.

Он заслужил услышать.

— Ты спас меня. Не только тогда, когда в меня стреляли. Когда в меня стреляли, ты вынес меня оттуда и отвез в то место, где меня могли вылечить, и потом ты не отказался от меня. Ты подарил мне семью. Показал, что быть собой — это нормально. Ты подарил мне себя. Ты дал мне все.

— Заткнись, Фрэнки.

— Я потеряла твоего брата, и это сломало меня. Если я когда-нибудь потеряю тебя, я не смогу жить дальше.

Я услышала, как кофейная кружка Бенни ударилась о стойку, прежде чем он поднял другую руку, положил ее мне на шею и запустил обе руки в мои волосы, когда наклонил свой лоб, прижавшись к моему, его глаза смотрели в мои и обжигали глубиной чувств, которые он позволил мне прочитать.

Потом он сказал:

— Франческа, не говори этого дерьма.

Я проигнорировала его и продолжила:

— Да, я бы дышала, возможно ела бы. Возможно, когда-нибудь рассмеялась бы. Но я бы не жила. Для меня нет жизни без тебя.

Он не сказал в очередной раз, чтобы я заткнулась, его голова наклонилась, пальцы впились в кожу моей головы, а губы жестко прижались к моим. Его губы раскрылись, мои сделали то же самое, его язык проник внутрь, я крепко обхватила его руками, прижимаясь ближе, откидывая голову назад, чтобы дать ему больше. Отдать все. Использовать этот поцелуй, чтобы показать, что каждое сказанное мной слово — правда. Чтобы заставить его почувствовать это. Поверить в мои слова. Чтобы он никогда их не забывал, никогда.

Потому что он их заслужил.

Мне потребовалось много времени, чтобы дать ему все, что я хотела, и это означало, что мы целовались у меня на кухне, пока Гас не стал хватать ремешок, свисающий с моих босоножек на высоком каблуке. К сожалению, он проделывал это таким образом, что я не могла больше игнорировать, главным образом потому, что его щенячьи зубы начали впиваться в плоть моей лодыжки.

Я все еще держалась за Бена, когда прервала наш поцелуй и посмотрела вниз на нашу собаку. Милый щенок, которого Бенни подарил мне на день рождения, вырастит милой собакой, с которой мы будем гулять, гладить и обниматься, дарящей нам свою любовь и которая, вероятно, позволит нашим детям играть с ним, даже если это будет сводить его с ума.

Вот тогда-то я и почувствовала, как слезы наворачиваются у меня на глазах.

Обещание Бенни. Каждый день. Везде. Это всегда будет со мной.

Я подвинула ногу, тихо сказав:

— Нет, детка.

Гас не сдавался до тех пор, пока я не согнула ногу в колени, убрав ремень из зоны его досягаемости. От этого он плюхнулся на задницу, тяжело дыша, посмотрел на меня вверх.

— Туфли нельзя, — сказала я ему, и в этот момент руки Бена выскользнули из моих волос вниз по спине, обняв меня.

Гас немного отдышался, затем встал и вразвалку направился к коврику перед раковиной. Он вцепился в него зубами, мотая головой из стороны в сторону, рыча, потащил его из кухни.

— Детка, — позвал Бен. Я сделала глубокий вдох, сдерживая слезы, и посмотрела на него, запрокинув голову вверх.

Боже, он был так прекрасен.

Мой Бенни.

Он убрал руку, обнимавшую меня, обхватив ладонью мой подбородок.

— Я спасу коврик, — предложил он. — Ты позвонишь Крисси.

Я кивнула.

Он не пошевелился.

Я тоже.

— Ты в порядке? — наконец спросил он.

— Гораздо лучше, кем когда-либо была, — ответила я.

Его пальцы глубже впились в мою кожу, прежде чем он потребовал:

— Перестань быть такой милой. Если ты будешь такой милой, мне придется трахнуть тебя на кухонном полу, а потом придется купить новый коврик.

— Я уже распрощалась с этим ковриком, — заявила я ему. Затем, чтобы отвлечь нас от сладкого и тяжелого, потому что мы оба нуждались в этом, я продолжила поток информации: — Я также покончу с твоим ковриком у раковины. Когда я перееду, мы купим новые кухонные принадлежности — полотенца, коврики, прихватки. Ну, после того, как ты покрасишь кухню в желтый цвет и положишь новую плитку. Задние панели и пол.

Его рука расслабилась, как и выражение лица, губы приподнялись.

— Я должен это сделать?

— У тебя же линолеум, — напомнила я ему.

— А у тебя проблемы с линолеумом?

Он что, сошел с ума?

— Э-э... ага.

Кончики его губ изогнулись в усмешке.

— Тогда моя детка получит новую плитку. Но даже если ты распрощалась с этим ковриком, Гасу не нужно его грызть.

Я кивнула и заметила:

— У нас и так достаточно забот, поход к ветеринару будет перебор.

— Ага, — согласился Бенни.

Я сжала его в объятиях.

— Ладно, ты занимаешься Гасом. Я звоню Крисси.

Он кивнул, прежде чем опустить голову, я затаила дыхание от восхитительного ощущения, когда Бенни коснулся кончика моего носа своим, прежде чем сжал меня в ответ и отпустил.

Я решила сделать глоток бодрящего кофе, прежде чем звонить Крисси. Это также дало мне возможность понаблюдать, как Бен выходит из кухни. Затем я перегнулась через стойку, чтобы его увидеть, наблюдая, как он вступает в перетягивание коврика кто кого с Гасом. Бен выиграл.

Хотя это и не удивительно, Гас почувствовал, что утешительный приз — это атака на подол джинсов Бенни, когда он возвращался на кухню с моим ковриком. Это было мило. Было еще милее, когда Бен наклонился, схватил Гаса, поднял его и прижал носом к носу горячего парня.

— Никаких ковриков. Никаких джинсов. У тебя есть жевательные игрушки, приятель, — сказал он собаке, а затем закончил словами: — Пойдем купим одну.

Затем он сунул щенка под мышку и неторопливо вышел. Я наблюдала за тем, как двигается задница Бена, попеременно наблюдая за покачивающейся попой Гаса и его виляющим хвостом, и я наблюдала за этим, пока они не скрылись в конце коридора.

Это было хорошее шоу и приятная передышка.

Но я была самой собой.

Я не могла больше медлить. Мне нужно было разобраться с родственниками.

Поэтому я поставила чашку, схватила телефон и набрала номер Крисси.

* * *

— Мне казалось, что я для тебя умерла.

Таково было приветствие Нэт.

Понятно, что это был мой второй звонок.

Поразительно, но первый прошел отлично.

Папа порвал с Крисси, только потому, что Крисси порвала с папой.

И во время разговора она заявила:

— Он продаст этот дом только через мой труп.

Я же истолковала ее слова так, что он продаст дом только через свой труп, потому что, если попытается, она убьет его.

И еще поняла, что Крисси не была слабаком. Она оказалась умна, и несмотря на то, что влюбилась не в того парня, но стала мамой и души не чаяла в своем ребенке, поэтому у нее появились четкие приоритеты в жизни.

— В любом случае, Фрэнки, я парикмахер. Нетрудно найти работу по укладке волос, — сказала она мне. — И все мои клиенты умирают от желания заполучить меня обратно. Я имею в виду, я не думала так быстро возвращаться к работе, но... А моя мама будет присматривать за Евой. Мама была не большой поклонницей Энцо, но она обожает Еву. И это круто, что ты позвонила, чтобы поинтересоваться как я, но все будет хорошо.

Евой, кстати, звали Домино. Папа первым добрался до свидетельства о рождении и назвал ее тем именем, которым хотел. Именем, которое Крисси сказала ему, по ее словам, нельзя было неправильно истолковать, она ни за что на свете не назовет свою дочь Домино.

Это не было началом их конца, но это определено (и не удивительно) было фактом.

Второе имя моей младшей сестры было Ева, так ее назвала Крисси и хотела, чтобы все остальные тоже называли ее так.

Ева была очень хорошенькой, но, как ни странно, я прониклась симпатией к Минни.

Об этом Крисси я не сообщила.

Просто молча восхищалась ее мужеством, сказав, что всегда рядом, насколько могла, пока жила в Бурге, но буду чаще помогать, когда вернусь в Чикаго.

Она поблагодарила меня, сказала, чтобы я заглянула познакомиться с Евой, когда снова буду дома, и пообещала прислать мне фотографии моей новорожденной сестры. После того как мы повесили трубку, она выполнила свое обещание примерно за наносекунду, отправив мне пятнадцать фотографий.

Пятнадцать.

Ева была очаровательна.

Даже Бенни так решил.

Очень легко оступитья, но так трудно подняться снова.

И, услышав приветствие моей сестры, я поняла, что мне следовало подкрепиться еще одним пончиком (или двумя), прежде чем переходить к самому сложному.

— Нэт... — начала я, но меня прервали.

— Вокруг меня происходит достаточно дерьма, мне не нужно еще и твое.

— Пожалуйста, выслушай меня

— Он ударил меня, — огрызнулась она.

Должна была признать, что мне не понравилось, даже зная Нэт, должна была признать, что она, вероятно, не оставила ему выбора.

Нуждаясь в дозе его поддержке, я посмотрела через стойку туда, где Бенни развалился на диване, положив ноги на мой кофейный столик с включенным телевизором, там шла игра, но его глаза были прикованы ко мне.

И на этот раз я почувствовала успокоение.

— Кэт сказала мне, что ты ударила его миской, — вставила я.

— Это была не миска, а ваза. И он заслужил это.

Боже. Это моя сестра.

Я покачала головой и посмотрела на столешницу, спрашивая:

— Он заслужил, потому что ты изменяла ему, и он наконец-то порвал с тобой?

— Ладно, ты не поняла, что я не нуждаюсь в твоих нотациях? — резко спросила она.

— Тебе не приходило в голову, что ты лишаешь меня возможности обсуждать это с тобой, потому что я говорю правду?

— И что же это такое, о мудрая Фрэнки, что, по-твоему, ты хочешь, чтобы я поняла? — ехидно ответила она.

Я привыкла к ехидству Нэт и научилась игнорировать его, возвращать или вмешиваться другим способом.

Это было достаточно важно для меня — найти другой способ.

Поэтому, когда я ответила, я сделала это тихо.

— Образ женщины, которая влюблена в мужчину, с которым эта женщина поступила неправильно.

Нэт промолчала.

Я продолжила:

— Дэйви хороший человек, и он любит тебя. Он этого не заслуживает, Нэт. И каким бы хреновым ни было наше воспитание, я знаю, что где-то глубоко внутри ты прекрасно это понимаешь.

— Значит, он может меня бить? — спросила она.

— Он сорвался и сделал это, чтобы причинить тебе боль, или сделал потому, что у него не было выбора?

— А это важно?

— Ну, если ты живешь в черно-белом мире, то нет. Это не имеет значения. Но если ты ударила его вазой по голове, он получил сотрясение мозга, потерял самообладание, как я знаю, ты часто теряешь самообладание, так что он сделал это в целях самообороны, это довольно серо. Так что нет. Он должен тебя бить. Но если ты издеваешься над ним, и у него нет выбора, кроме как есть твоё дерьмо или применить физическую силу, чтобы отделаться от тебя, то да.

Моя сестра ничего не ответила.

Поэтому я настаивала:

— А у него был выбор?

Она хранила молчание.

— Наталья, у него был выбор?

— Я никогда не думала, что Дэйви может меня ударить.

Я замерла от ее слов и от того, как она их произнесла. Все, кроме моей головы, которую я подняла, устремив взгляд на Бенни, который все еще наблюдал за мной.

По ее голосу я поняла, что ей было больно, вероятно, не физически, а эмоционально.

Нэт не выказывала особых эмоций. Она была копией Нинетт, умноженной на тысячу. Единственное, всегда хотела делать то, что хотела, и ничего, что могло бы остановить ее хотение. Но это совсем не означало, что она была без эмоциональной. Всего лишь означало, что она может с раннего возраста научилась не показывать своих эмоций.

Я сочувствовала своей сестре. Это было следствием ее эгоистичности и глупости, но я знала, что она по-своему любила Дэйви. И поскольку Нэт была заиклена полностью на себе, потребовалось бы чудо, заставить ее увидеть дальше своего «я» и свою роль в этой чертовой сцене.

Мне пришлось заставить свои губы зашевелиться, когда произнесла:

— Нэт, милая, пожалуйста, пожалуйста, послушай. Кэт и Арт пришли в себя и строят семью. Они уже давно не пьют. Они работали с семейным консультантом, чтобы прийти в себя перед тем, как завести ребенка. У меня есть Бенни, и я счастлива. Он добр ко мне, и мне с ним очень хорошо. Я научилась жить без отца, а Кэт научилась не вести себя как мама. Мы обе счастливы. Теперь тебе пора извлечь из этого урок. Разобраться в себе. Это нехорошо, что ты делаешь с Дэйви. И это действительно нехорошо, то, что случилось с Дэйви прошлой ночью.

— Что бы ты ни говорила, Фрэнки, нет оправдания тому, что твой мужчина тебя ударил.

— Есть ли оправдание тому, что женщина ударила своего мужчину? — Выстрелила я в ответ.

Она не ответила.

— Ладно, я знаю, ты знаешь, что ответ на это — большое, жирное «нет». Так что теперь скажи мне вот что: это нормально, когда жена постоянно изменяет своему мужу? — Спросила я.

— Ты издеваешься надо мной, Фрэнки, — ответила она.

— Тебе должен это кто-то сказать, Нэт, — ответила я.

— Нет, потому что, видишь ли, его гребаная мать по уши в этом дерьме, и Нинетт по уши в своем дерьме, и телефон, бл*дь, не перестает звонить. Мне нужно поработать сегодня, и мне не нужны лишние проблемы. Ты доставляешь мне проблемы. Так что ты ошибаешься. Мне не нужно твоё дерьмо, потому что моя жизнь сейчас и так чертовски дерьмовая, и я не позволю тебе ее еще больше испортить.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но то, что услышала по телефону, не могло быть ничем иным, она повесила трубку.

И все же позвала:

— Нэт? — Но в ответ были гудки.

Я закрыла глаза, отняла телефон от уха и увидела, что она отключилась.

Я оглянулась на Бенни.

— Она повесила трубку.

— Неправильный ответ — «хорошо», но это единственный, который у меня есть, детка.

— Я не знаю, что делать дальше, — сообщила я ему.

— Ничего, — ответил он. — Ты попыталась. Ты дала ей хороший совет, Франческа. Она не слушала. Ты сделала все, что могла, но она не хочет выбираться из своего дерьма. Сейчас для тебя начинается самое трудное, потому что ты должна оставить ее в покое, пусть она барахтается, как хочет.

— С ней живет Нинетт, и это не изменит ничего к лучшему, — напомнила я ему.

— Еще одно последствие. Она впустила свою мать, пусть получает последствия.

— Может, мне стоит позвонить маме и...

Бенни прервал меня, отрезав:

— Даже не думай об этом.

Я закрыла рот. Очевидно, именно с Нинетт Бенни подвел черту под тем, что моя семья «вгрызалась в меня».

— Иди сюда, — приказал он.

— Мне нужно съесть пончик.

— Хорошо. Возьми. И мне один. И тащи свою задницу сюда.

Я стояла на кухне на каблуках, разгребая семейные проблемы, так что мне нужен был перерыв. Это была единственная причина, по которой я не стала спорить с Бенни. Вместо этого взяла коробку с пончиками и пошла в гостиную.

Бен забрал у меня коробку, бросил ее на кофейный столик, Гас сразу же обратил на нее внимание. К счастью, он был слишком маленьким и неуклюжим, чтобы подняться на лапах и взять пончик (или целую коробку). К сожалению, он не сдавался. Я не хотела, чтобы он поранился, поэтому перегнулась через ноги Бенни, чтобы схватить его.

Я добралась до Гаса точно так же, как Бен добрался до меня. Я прижала Гаса к своей груди.

Бенни посадил мою задницу к себе на колени.

Гас лизнул меня в подбородок, затем потянулся к Бенни.

Бен взял собаку в одну руку, другой обнял свою женщину и поймал мой взгляд.

— С Крисси и Евой все в порядке. Твоей младшей сестре не дали идиотское имя, что является вишенкой на торте. Неудивительно, что твоя вторая сестра — чокнутая. Итак, поскольку Еву зовут Ева, ты не будешь сражаться с пятью сотнями в этой неразберихе. Думаю, только с семьюдесятью пятью, что тоже неплохо.

Я подняла руку, чтобы почесать попку Гаса, и устроилась поудобнее на коленях Бенни, отметив:

— Ева, будучи Евой, определенно луч надежды.

Гас бросился на диван, затем плюхнулся боком на подушку и начал приводить себя в порядок. Бенни обхватил меня обеими руками и притянул ближе.

— Ты позвонишь своему отцу? — спросил он.

— И что я ему скажу? Ты придурок? — переспросила я в ответ.

Бен улыбнулся.

Я покачала головой и дала ему настоящий ответ:

— Нет. Мне нечего ему сказать, а даже если и было, он не стал бы меня слушать, по сравнению с Нэт. В любом случае, это не имеет значения. Крисси — боец. Если он не будет платить на Еву, она проследит, чтобы он точно это сделал.

Его руки крепко сжали меня.

— Вот это моя Фрэнки.

Мне нечего было ответить, потому что я была его Фрэнки, и наслаждалась его словами и пожатием его руки настолько, что это привлекло все мое внимание.

— Итак, ты закончила разбираться со своей чокнутой семейкой? — спросил он.

Я ухмыльнулась.

— Мне надоело иметь дело со своей чокнутой семейкой... — Я сделала паузу, затем закончила предупреждением, которое он уже знал: — Сегодня.

Это вызвало еще одну улыбку Бенни, прежде чем сказать:

— Хорошо. На выбор: смотреть игру или заняться любовью на диване, а затем посмотреть игру.

На самом деле выбора не было.

Я продолжила, обнимая его за плечи.

— Заняться любовью на диване, а потом посмотреть игру.

Его взгляд опустился на мои губы, и он пробормотал:

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Настала моя очередь улыбаться.

Бен запустил руку мне в волосы и притянул мою голову к себе.

Затем он изогнулся и передвинулся так, что я оказалась спиной на диване, он на мне, а его язык у меня во рту.

Я услышала, как зазвонил мой телефон.

Никто из нас не прервал поцелуй. Мы оба проигнорировали его.

Некоторое время спустя, после поцелуев и просмотра игры, я пошла на кухню, чтобы приготовить своему мужчине и себе сэндвич на ланч.

Прежде чем сделать их, проверила голосовую почту.

Когда включила, услышала радостную новость, что моя сестра забеременела.

Наконец-то, черт возьми.

Я принесла наши сэндвичи в гостиную и насладилась ухмылкой Бена, когда достала семь пакетиков чипсов, а также несколько банок пива и маринованные огурцы. Затем позвонила Кэт, чтобы отпраздновать это событие и рассказать ей всю подноготную о психах нашей семьи. Затем заявила ей, что с меня хватит, она не лезет в их дела, и с этого момента пусть они сами разбираются со своим дерьмом.

Ее ответ был:

— Наконец-то, черт возьми.

24

Список рождественских открыток

На следующее утро меня разбудил звонок на телефоне Бенни, и я поняла, что этот звонок разбудил и его, когда услышала, как он пробормотал:

— Бл*дь.

Это заставило меня улыбнуться, поскольку я была склонна улыбаться в любой день, просыпаясь рядом с Бенни, даже если он, просыпаясь ругался. Я почувствовала, как его тепло разлилось по моей спине, там, где он обнимал меня. Повернулась вместе с ним, открыв глаза, и увидела, как он тянется к тумбочке, чтобы взять телефон.

Он приподнялся на локте, приложил телефон к уху и произнес:

— Бенни слушает.

Он слушал несколько секунд, прежде чем повернул шею, его глаза остановились на мне, и мой желудок сжался от его взгляда. Затем он приподнялся, чтобы опереться спиной о спинку кровати, отнял телефон от уха, нажал кнопку на экране, и из динамика донесся очень привлекательный низкий мужской голос.

— ...расследования, — произнес голос. — От наших бывших клиентов узнал, что у тебя есть копии того, что они нарыли, они думают, что для вас было бы безопаснее передать это нам. Я хотел бы попросить вас как-нибудь сегодня сходить в ресторан под названием Фрэнк на Мейн-стрит в Браунсбурге. Там будет человек по имени Херб. Ты можешь отдать ему флешки. Мой человек уже едет в Браунсбург. Он встретится с Хербом и заберет флешки. Дальше мы сами разберемся.

Голос замолчал, Бен сказал в трубку:

— Приятель, без обид, но я тебя не знаю. Ты — голос по телефону, звонящий рано утром в воскресенье без предупреждения. Так что я ничего не отдам какому-то незнакомому парню в ресторане.

— Мне сказали, что вам сообщили, что наше агентство занимается этим делом, — ответил голос.

О мой Бог.

Это был тот самый Найтингейл?

Мой взгляд метнулся к Бенни, и я увидела, как он ответил в телефон:

— Послушай, — сказал он. — Повторяю, я тебя не знаю, так что я не собираюсь ничего обсуждать.

— Вы можете найти нас в Интернете, — ответил голос. — Как я уже сказал, я Ли Найтингейл. Я владею детективным агентством «Расследования Найтингейла». Человек, которого я посылаю к вам — Люк Старк. Он прибудет сегодня днем. Нам нужны флешки до его прибытия, чтобы мы могли разобраться с ними и без промедления дать ему задание.

— Если бы ты занимался тем, чем зарабатываешь на жизнь, то знал бы, что там происходит, и твоя женщина работала бы в этой компании, ты бы ответил на телефонный звонок парня, которого не знаешь, и сделал бы то, что он тебе сказал?

Последовало секундное молчание, затем:

— Я понимаю твои сомнения. Найди нашу контору в Интернете. У тебя есть электронная почта, дай адрес мне. Я пришлю тебе письмо, и в адресе будет указан наш домен.

— Не уверен, что мне от этого станет легче, — заявил Бенни, ничего не зная ни об электронной почте, ни о том, что зарегистрировать и использовать доменное имя было бы непростой задачей только для того, чтобы первым делом отправить его ничего не подозревающему, заботливому, горячему итальянскому парню воскресным утром.

— Тогда я скажу следующее, чтобы ты почувствовал себя лучше, — ответил Ли Найтингейл. — Мы начали расследование этого дела, но у наших клиентов закончились финансы. Нам не понравилось то, что мы накопили, поэтому не прекратили расследование, хотя они больше не могли оплачивать наши услуги. У нас улик, несомненно, больше, чем у вас, возможно, достаточно, чтобы раскрыть это дерьмо и не допустить попадания плохого

препарата на рынок. Если у вас есть доказательства, так сказать, «заключительный аккорд», мы были бы вам очень признательны. И если бы мы могли перестать заниматься пустым трепом, а получили бы флешки до того, как будут объявлены новые мишени. И последнее, сделай все это до того, как Сальваторе Джилья и его головорезы влезут еще больше во все это дерьмо, отчего могут снять обвинения из-за участия мафии.

Услышав это, я тихо ахнула, и Бенни посмотрел на меня.

Найтингейл знал о Сэле.

Когда Бен поймал мой взгляд, я сказала:

— Может нам стоит встретиться с этим парнем Хербом у «Фрэнка».

— Это Франческа Кончетти? — спросил Ли.

Я посмотрела на телефон и ответила: «Да».

— Ты отстранена от задания, — немедленно заявил он (властно). — Как и все остальные. Люди Джилья разобрались с наемным убийцей Ферлока. Теперь ты можешь отозвать Джилью. Доставь флешки Хербу. Завтра можешь пойти. На работу. Дальше мы сами разберемся.

Что?!

Какой-то незнакомый парень указывает мне по телефону: «Дальше мы сами разберемся».

Я наклонилась к телефону Бенни и рявкнула:

— Многие долгое время подставляли свои шеи, и от этого многое зависит.

— Фрэнки, — пробормотал Бен.

— Скажи им затихнуть, — ответил Найтингейл.

— И это хорошо, — вставил Бенни.

Я перевела на него взгляд, чтобы увидеть, что он смотрит на меня, и впиалась в него взглядом.

Он перевел взгляд на свой телефон и в то же время поднес его ближе к своему лицу (подальше от меня).

— Мы ответим тебе. Отправь электронное письмо. Напиши что-нибудь, о чем знают только близкие к этому Хербу люди. Если информация подтвердится, мы встретимся с этим парнем Хербом у «Фрэнка» в час дня. Мы сделаем копии. И мы хотим напрямую связаться с тобой и этим парнем Старком, чтобы могли быть в курсе того, как обстоят дела, и под этим я не имею в виду электронную почту.

— Люк не занимается электронной почтой, — пробормотал Найтингейл, и я увидела, как Бен бросил на меня самодовольный взгляд, так что я закатила глаза. — Это моя личная почта, — продолжил он. — Напиши мне свой адрес электронной почты. Мы договоримся с Хербом, чтобы он встретился с тобой у «Фрэнка».

— Хорошо, — сказал Бен.

— И, предупреждаю, Херб — он... — Найтингейл вздрогнул, сделал паузу и продолжил: — Необычный.

Я почувствовала, как напрягся Бен, когда спросил:

— Что значит необычный?

— Он не молод. Невысокий. У него рыжие волосы. Он любит выражаться. Скорее всего, скажет что-нибудь неуместное. И он в значительной степени родом из Индианы.

— Что это значит? — спросила я.

— Это значит, что он не носит красное, потому что он из семьи «Пердью», — ответил Найтингейл.

Я прожила в Индиане меньше года, и все же прекрасно понимала, что это значит.

— Не носит красное, — пробормотала я.

— У нас все хорошо? — спросил Бен Найтингейла.

— Да, — ответил Найтингейл. — Отправь электронное письмо. Мы раздобудем вам информацию о Люке, и вы со своей женщиной сможете отступить.

Бенни при этом не напрягся. Я могла сказать по его лицу, что он испытал сдержанное облегчение.

— Я поговорю с Сэлом и передам ему, — сказал ему Бен.

— Хорошо. Спасибо. Скоро это закончится.

— Чертовски надеюсь на это, — пробормотал Бен.

— Так и будет, — сказал глубокий, привлекательный голос Найтингейла, и он сказал это так твердо, что я ему поверила.

— Верно, — сказал Бенни. — Пока.

— Пока, — ответил Найтингейл, и Бенни нажал кнопку, завершая разговор.

Затем он нажал еще на несколько кнопок, спрашивая:

— Какой у тебя адрес электронной почты? — Я продиктовала ему свой адрес емейла, его палец летал по экрану. Должно быть, он нажал «отправить», потому что посмотрел на меня.

— Врубай свой ноутбук, сага.

Мои глаза прищурились от его приказа.

— Можно сначала поцеловать тебя, в качестве доброе утро?

— У тебя может быть трах с добрым утром — долгий, счастливый, праздничный — если мы сможем передать это дерьмо какому-то частному детективу из гребаного Колорадо, избавить Сэла от нашего долга, чтобы он не требовал от нас назвать нашего первого сына в его честь, и сконцентрироваться на тебе. Добиться разрешение на работу из Чикаго или найти работу в Чикаго, чтобы я мог вернуться домой и забрать с собой свою детку. — Он наклонился ко мне, чтобы закончить. — Все это требует, чтобы ты включила свой чертовый ноутбук.

— Ты материшься, когда тебя будит какой-то частный детектив из Колорадо, — заметил я.

— Да, учитывая, что это вынуждает меня заниматься кучей дерьма, которой я не хочу заниматься, а хочу погрузить свой член в свою женщину. — Я не пошевелилась, просто продолжая свирепо смотреть на него, он продолжил: — И я становлюсь еще более матершинником, когда моя женщина лежит вот так и смотрит на меня раздраженным взглядом вместо того, чтобы поднять свою сладкую попку с кровати и включить свой ноутбук.

— Думаю, я достаточно ясно дала понять, что твой командирский тон — не мое любимое занятие, — заявила я ему.

— Только, когда ты мокрая для меня, — ответил он.

Это было отстойно, но в чем-то он был прав.

И это меня раздражало, но в тот момент у меня был выбор: либо продолжать пялиться на него, играя в гляделки с Бенни, продолжая наш спор, что было довольно нелепо, либо пойти и включить свой ноутбук.

Я решила пойти за своим ноутбуком, но, сбросив с себя одеяло (и, следовательно, с Бенни, поскольку я намеревалась перелезть через него, потому что его сторона была ближе), я сделала это по-своему.

— Я возьму свой ноутбук и проверну первую часть операции. А ты иди гулять с Гасом.

Я пыталась перелезть через него, но не успела, его руки сжались у меня под мышками. Я издала удивленный звук, когда он перевернул меня на спину, накрыл и запечатлел на мне крепкий, короткий поцелуй.

Когда он поднял голову, то спросил:

— Довольна?

Не совсем.

— Лучше бы это было обещанием грядущего, — ответила я.

— А разве это не так? — спросил он.

И у него было еще одно замечание, на этот раз превосходное.

— Перестань быть такой крутой, когда мне есть чем заняться, — ухмыльнулся он.

Я скорчила гримасу.

Это заставило его улыбнуться. К сожалению, он сделал это без моего участия, так что я не почувствовала всей силы его улыбки, хотя в этом были свои преимущества, поскольку я могла заниматься делом, а он мог прогуляться с Гасом, а затем мог приступить к выполнению своего обещания.

Я достала свой ноутбук, включила его и почистила зубы. Бен натянул джинсы, футболку и кроссовки, затем взял нашу собаку и поводок и ушел.

Я получила электронное письмо. Затем позвонила Тэнди, попросив ее узнать у своей подруги, какие цвета были использованы на свадьбе «Рокси и Хэнка». Натянула штаны для йоги и майку, пока Тэнди выясняла.

Бен вернулся, когда я готовила кофе.

— У нас все хорошо? — спросил он, отпуская Гаса с поводка, после чего тот вразвалку поскакал на кухню и начал подпрыгивать до моих икр.

Я наклонилась, взяла на руки, и как только он оказался в моих объятиях, сказала Бенни:

— Жду подтверждения от Тэнди.

Бенни кивнул и направился по коридору.

Я посмотрела на Гаса сверху и спросила:

— Завтрак?

Он по-щенячьи поцеловал меня в шею.

Я восприняла это как «да», уже заканчивала расставлять для него чистые миски с водой и едой, когда раздался звонок в дверь.

Я посмотрела в сторону двери как раз в тот момент, когда почувствовала, что Бенни вышел из коридора, услышав, как он спросил:

— Кто это, черт возьми, такой?

— Понятия не имею, — ответила я.

Он двигался к двери, но делал это, глядя на меня.

— Мне казалось, в твой комплекс нельзя заехать без кода.

— Нельзя, — подтвердила я.

Бен не выглядел счастливым, двигаясь к двери.

Он открыл небольшую дверь, которая на самом деле была с суперским глазком, и я услышала, как пробормотал:

— Господи.

— Что? — спросила я, обходя стойку и направляясь в гостиную.

К тому времени, как я добралась в гостиную, он открыл дверь, и я остановилась как вкопанная, увидев вошедшего Сэла.

Он громко приказал:

— Позовите к себе собаку.

Я продолжала пялиться на него.

— Рад тебя видеть, Сэл. Хочешь зайти? Выпьешь кофе? — саркастически спросил Бен, закрывая за ним дверь.

Сэл посмотрел на меня, оглядел с головы до ног, затем поприветствовал:

— Прекрасна, как всегда, amata. — Затем повернулся к Бенни. — Мы ехали к вам несколько часов, figlio. Не в настроении выслушивать твое дерьмо.

Бен вышел из прихожей, остановился, расставил ноги и скрестил руки на груди. Только тогда он предложил:

— Может ты начнешь с того, что расскажешь нам, почему твоя задница была в пути несколько часов к нам, и мы тогда сможем двигаться дальше.

— Считай, что это моя миссия доброй воли, — заявил Сэл, тыча большим пальцем себе в грудь и наклоняясь к Бенни. — Мне не нужны никакие пристающие частные придурки из штата Роки-Маунтин.

О Боже.

Он знал о Найтингейле.

В этом не было ничего удивительного. Сэл знал почти все, а если и не знал, то у него были способы узнать. Что было удивительно, так это то, что он, казалось, собственнически относился к своей «миссии доброй воли».

— Сэл, они занимаются этим делом дольше нас и смогут сделать все, что в их силах, не сбивая людей с ног и не избивая их, — отметил Бенни.

— Я не собираюсь никого избивать, — отрезал Сэл.

— Что случилось с наемным убийцей? — спросил Бен. — Не знаю, хочу ли я это знать?

Сэл откинулся на спинку стула и ухмыльнулся.

— Он получил предложение, от которого не смог отказаться.

Я начала хихикать.

Бен скосил на меня глаза.

Я сжала губы и перестала хихикать.

Бенни посмотрел на Сэла и тихо произнес:

— Это дерьмо не смешно. Мы обсуждаем, мать твою, наемного убийцу.

При этих словах Сэл выглядел так, словно начал злиться, и от этого у меня перехватило дыхание.

— На кону сотни, может тысячи жизней, это лекарство наносит вред, и его хотят выпустить на рынок, Бенни. Я не занимаюсь благотворительностью, но это не значит, что не понимаю саму суть происходящего, поэтому это дело нужно делать правильно. Но это еще не все. Это для моей Фрэнки. Неужели ты думаешь, что я сделаю что-нибудь, поставив ее задницу под удар?

Я подумала, что это очень мило, и благодаря этому Сэл и Джина попали в мой список рождественских открыток (и поздравительных открыток на день рождения, и, возможно, если я смогу это повернуть, не заставив семью Бенни сойти с ума, приглашу их на вечеринку по случаю нашей помолвки).

По какой-то причине слова Сэла не показались милыми Бену.

Я поняла это, когда он спросил:

— Объясни мне.

— Что объяснить? — переспросил Сэл.

— Почему ты принимаешь участие в делах Фрэнки, — заявил Бен. — Винни давно умер, Сэл. Она больше не член твоей семьи.

Этот комментарий заставил Сэла перестать выглядеть так, словно он вот-вот разозлится, он просто выглядел взбешенным.

Нехорошо.

Я двинулась к ним, прошептав:

— Бенни... — но Сэл остановил меня.

— Она всегда будет членом нашей семьи.

— Объясни мне, — повторил Бен.

— Семья никогда не умирает, — возразил Сэл.

— Такие, как ты умирают, — парировал Бен, при обычных обстоятельствах этот обмен репликами был бы не опасным. Такой обмен мог бы даже быть позитивным в смысле того, что мы наконец-то все выясним, что-то вроде исцеления.

Но в данном случае, было бы завершение конфликта, если бы один из двоих не был бы боссом мафии.

— Ты не понимаешь, — отрезал Сэл, его бешеный гнев искрился в воздухе, — потому что у тебя было все, чего не было у нее, когда ты рос. И если ты не найдешь способ дать ей все, значит, ты не тот мужчина, который ей нужен. Не тот человек, каким я тебя представлял. У нее не было настоящего отца, ему было на нее наплевать, и я, — он снова ткнул большим пальцем себя в грудь, — понимаю это.

От этой новости (глубоких, душераздирающих слов Сэла) у меня перехватило дыхание, я таранилась на него, глаза внезапно наполнились слезами, а он продолжал говорить:

— У тебя было все, когда ты рос, Бенито Бьянки. Когда у тебя этого нет, ты ищешь это счастье и молишься Христу, чтобы поиски не затронули всю жизнь, оставляя тебя на последнем издыхании и зная, что ты прожил жизнь, в которой никогда не было того, что ты хотел бы иметь. Я понимаю, почему я тебе не нравлюсь. Понимаю, почему ты не хотел бы, чтобы я находился рядом с Фрэнки. Но мне насрать. Если я смогу каким-то образом дать ей то, в чем она нуждается, я сделаю это. Джина может внести в это свою лепту, что она и делает. Нравится тебе это или нет.

— Сэл, — прошептала я, и его взгляд скользнул по мне.

— Ты прекрасна, Франческа Кончетти. У тебя внутри горит огонек, который твои родители не смогли погасить. Он ярко освещает нас с Джинной. У нас есть дочка. Мы понимаем этот свет. Мы знаем, какой это дар — обладать им. Мы знаем, что ты за человек, раз делишься им с нами, даже после того, что случилось с Винни. Если ты хочешь продолжать делиться с нами своим светом, мы с радостью его примем. Если ты прекратишь с нами общаться, нам это не понравится, но мы будем жить с твоим решением, потому что мы любим тебя.

Я почувствовала, как скатилась слеза по щеке, пока я застыла, уставившись на Сальваторе Джилья, наконец-то понимая после всех этих лет, почему он и его жена все еще находились в моем рождественском списке.

После того, как этот пристальный взгляд продолжался долгое время, я хрипло сказала ему:

— Я тоже тебя люблю.

— Я знаю, — тихо ответил он.

— Думаю, вас только что пригласили на вечеринку по случаю моей помолвки, — выпалила я.

Сэл ухмыльнулся.

Бенни пробормотал:

— Господи.

— Иди сюда, amata, — приказал Сэл.

Я пошла, и когда добралась до него, босс мафии заключил меня в свои крепкие отцовские объятия.

Я тут же его крепко обняла.

Мы некоторое время так и стояли, потом Бен позвал:

— Детка.

Я продолжала держаться за Сэла, но обратила влажные глаза на Бенни.

— Не хочу вклиниваться в такой момент, но мы с Сэлом должны разобраться в ситуации с Найтингейлом.

— Хорошо, — ответила я, и Сэл отстранился, но не полностью. Он прижал меня к себе, обняв одной рукой, я другой обнимала его, когда мы повернулись к Бенни.

— Отзови Найтингейла, — немедленно потребовал Сэл.

— Я разговаривал с этим человеком. И мне стало совершенно ясно, что он не из тех, кто выполняет приказы босса мафии или кого-либо еще, — ответил Бенни.

— Убеди его, — приказал Сэл.

Бен поднял глаза к потолку.

Я крепче обняла Сэла, и он посмотрел на меня.

— Может нам стоит позволить ему делать свою работу, посмотреть, как он с ней справиться, — сказала я Сэлу.

— Мы не знаем этого парня. Может он дерьмовый частный детектив, и то, что мы передадим ему, будет означать, что теперь ты не в такой безопасности.

Я ничего не знала о частных детективах, но сайт «Расследования Найтингейла» выглядел довольно крутым. Привлекательным. Очень мужским. Чрезвычайно профессиональным. Не многословным. На самом деле, за исключением заявления о миссии в одно предложение, которое было настоящим заявлением о миссии, а не фальшивым слоганом, все было обтекаемо.

С другой стороны, хороший веб-сайт не означает хорошего частного детектива.

Я сжала губы и посмотрела на Бенни.

Бенни вздохнул, прежде чем сказать:

— Хорошо. Если мы получим разрешение от Фрэнки, я позвоню Найтингейлу. Скажу, что мы согласны, но мы хотим встретиться с тем человеком, чтобы знать, кому передаем это дерьмо.

— И скажи ему, что его человек будет работать с моими людьми, — добавил Сэл.

— Сэл, — начал Бенни, — этот парень не только не произвел на меня впечатление человека, выполняющего чужие приказы, но и не произвел впечатление человека, который будет работать с партнерами в важном расследовании, причем эти партнеры — мафиози.

— Он оценит это благое дело, — ответил Сэл.

— Даже я не понимаю, почему ты делаешь благое дело, хотя только что был свидетелем, как подарил моей женщине что-то действительно хорошее и чистое, — ответил Бенни, и мое сердце пропустило удар, когда я почувствовала, как тело Сэла напряглось рядом со мной.

Я почувствовала, что оно расслабилось, и подняла глаза, увидев, как Сэл ухмыляется дерьмовой улыбкой, заметив:

— Думаю, ты только что сказал мне кое-что приятное, figlio.

— Обязательно запиши это в свой дневник, — пробормотал Бен, когда зазвонил мой телефон.

Я оторвалась от Сэла и бросилась на кухню, Гас последовал за мной по пятам, думая, что это игра, схватила телефон.

Это была Тэнди.

Я ответила на звонок и получила подтверждение, что Рокси и Хэнк сыграли свадьбу в канун Рождества, поэтому их цвета были зеленый и красный, сестра подруги Тэнди знала об этом, так как присутствовала на свадьбе.

Это были цвета, которые Найтингейл указал в своем электронном письме.

Найтингейл не врал.

Я поблагодарила Тэнди и сообщила эту новость Сэлу и Бену.

Как только сообщила, Сэл посмотрел на Бенни и приказал:

— Звони, figlio.

Бен долго смотрел на Сэла, прежде чем перевел взгляд на меня.

— Ты абсолютно уверена, что не хочешь работать в пиццерии? — спросил он. — В моей пиццерии такого дерьма не бывает.

Я улыбнулась ему.

Он ждал.

Я продолжала улыбаться, чтобы он понял, что единственным моим ответом будет улыбка.

— Черт, — пробормотал он и полез в задний карман за телефоном.

Гас лизнул мою ногу.

Я позвала:

— Сэл, хочешь кофе и вчерашний пончик?

Сэл повернулся и улыбнулся мне.

* * *

Этим днем мы зашли в ресторан «Фрэнка» в половине третьего, встречу перенесли из-за Люка Старка, который приземлился в международном аэропорту Индианаполиса, должен был взять напрокат машину и встретиться с нами. Изменение в планах, как я поняла из разговора Бенни, Ли Найтингейлу все это не очень понравилось. Изменение в планах, о котором мы узнали с того момента, как вошли в ресторан, Ли Найтингейл не сообщил Хербу.

И Херб был не один.

Мы поняли это, когда вошли и услышали женский голос:

— Ю-ху! Вы Фрэнки и Бенни?

Я посмотрела на дальний столик и увидела пожилую женщину с поднятой машущей рукой в воздухе. Рядом с ней, уставившись на нее как на ненормальную, сидел пожилой рыжеволосый мужчина.

Сэл пришел с нами. Двое его людей стояли у ресторана, один — в машине на другой стороне улицы. По какой-то причине он был готов к засаде.

Я действительно надеялась, что Ли Найтингейл — человек слова, так как не хотела, чтобы старомодное кафе, выглядевшее так, словно застыло в начале 60-х (не говоря уже о его посетителях), попало под перекрестный огонь телохранителей Сэла.

— Что-то все это не вызывает у меня хороших предчувствий, — пробормотал Сэл, не сводя глаз с машущей женщины, пока мы пробирались к дальнему столику, Бенни шел впереди, одновременно таща меня за собой за руку, Сэл следовал за нами.

Бенни остановился у столика и заявил без приветствия:

— Мы так поняли, что встречаемся здесь с Люком Старком.

— Так и есть, — ответил рыжеволосый мужчина. — Ли сказал мне, чтобы я пришел один.

— Он ткнул большим пальцем в сторону женщины, стоявшей рядом с ним. — Но она все равно захотела пойти. — Он посмотрел на нее. — Хочу сказать, что ты сама будешь объяснять это дерьмо Ли.

Она обратила к нему прищуренные глаза и предостерегающе произнесла:

— Херб, не произноси слово «дерьмо».

— Женщина, я взрослый мужчина. Я хочу сказать «дерьмо», значит скажу «дерьмо», — выпалил он в ответ.

— Это грубо, — возразила она и махнула рукой в нашу сторону. — Мы ведь едва знакомы с этими людьми.

— Едва знакомы? — Ввернул Херб. — Мы их совсем не знаем. — Затем он посмотрел на Бенни и спросил: — Ты говоришь «дерьмо»?

Бенни не ответил. Вместо этого он спросил:

— Где Старк?

Херб тоже не ответил. Посмотрел на Сэла и спросил:

— Ты говоришь «дерьмо»?

— Думаю, что мы закончили, — объявил Сэл.

Дерьмо.

Я хотела, чтобы у нас все получилось. Хотела, чтобы профессионалы разобрались в этом деле, чтобы больше никто не пострадал, хотела, чтобы все наконец закончилось быстро, чтобы Бенни мог вернуться домой, я могла поехать с ним, и мы могли начать нормальную жизнь (настолько нормальную, насколько я была способна).

Поэтому я быстро протянула руку в сторону женщины.

— Привет. Я Фрэнки.

Она улыбнулась, пожала мою руку и ответила:

— Я Триш. Мама Рокси. Ты знаешь Рокси?

— Нет, — ответила я ей, сжимая ее руку.

Она выглядела смущенной и пробормотала:

— Я думала, ты знаешь Рокси.

Я убрала руку, когда Херб заявил:

— Не все на планете знают Рокси.

Она перевела взгляд на него.

— Ну, Херб, они знают Ли. Если они знают Ли, могут знать Хэнка, а если они знают Хэнка, они знают и Рокси.

— Я сказал, что мы закончили, или я стал невидимкой? — спросил Сэл.

— Это Бенни, мой парень, — быстро произнесла я Хербу и Триш. — А это Сэл, мой, э-э... дядя.

— Привет! — Прокричала Триш, колыхнувшись волной всей передней частью тела.

— Кто-нибудь, убейте меня, — пробормотал Херб.

— Это мой муж, Херб, — в ответ произнесла Триш, кивнув в сторону Херба. — Он в плохом настроении, потому что не хочет здесь находиться. Он хочет рыбачить.

— Ты захотел бы здесь быть? — спросил Херб Бенни. — Или предпочел бы порыбачить?

— Если под «рыбалкой» ты подразумеваешь пребывание где угодно, только не здесь, то да, — ответил Бенни.

— Видишь?! — спросил Херб свою жену.

Она проигнорировала его и пригласила:

— Садись. Мы закажем всемирно известные блинчики «Фрэнка».

Я наклонилась к Бенни и пробормотала:

— Я бы съела парочку блинчиков.

Он даже не посмотрел в мою сторону, только тяжело вздохнул, затем выдвинул стул, чтобы я могла пристроить свою задницу. Я так и сделала, Бенни выдвинул стул рядом со мной.

— Это невероятно, — пробормотал Сэл, присаживаясь на место рядом.

— Даже не рассказывай мне, — заявил Херб. — Я и моя болтушка. Скажи ей, что Ли хочет, чтобы я для него кое-что сделал, она тут же решила, что это каким-то боком касается нашей дочери Рокси. Как Ли переводится в Рокси, я не знаю. И она постоянно вмешивается в мои дела, выходит я больше не нужен Ли. Если бы Бог не осуждал разводы, честное слово, я бы подумал о разводе.

— Не очень-то приятно такое слышать, — огрызнулась Триш.

— Не очень-то приятно сидеть там, где не хочешь, с людьми, которых не знаешь, — огрызнулся в ответ Херб.

— Мы на самом деле знаем этих людей. Это Фрэнки, Бенни и Сэл, — выпалила она в ответ. Херб посмотрел на Бенни.

— Держи уши остро. Твоя девушка, прекрасна. Такой же была и Триш, когда я встретил ее. Сейчас она не так уж привлекательна для глаз, стала постоянной занозой в моей заднице.

— Херб! — воскликнула Триш.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — раздался глубокий, грубый голос у нас за спиной. Я повернулась и увидела стройные бедра и плоский живот, едва прикрытый обтягивающей черной футболкой.

Я посмотрела вверх, выше и выше, и перестала дышать.

Потому что за нашими спинами стоял черноволосый мужчина с надирающим задницу усам, который не мог быть никем иным, как командос.

Самый горячий во Вселенной.

И самый устрашающий из них.

Он хмуро посмотрел на Херба и сказал:

— Мне казалось, Ли дал отбой.

— Так и было, но Триш захотела блинчиков, — ответил Херб.

Спецназовец запрокинул голову и посмотрел в потолок. Мое дыхание восстановилось, но только для того, чтобы сбиться, потому что я увидела его мускулистое горло и нижнюю часть сильной челюсти.

Вкусный.

Затем он сказал в потолок:

— Трахни меня.

— Лукас Старк! Что бы сказала твоя мать? — возмутилась Триш.

Он опустил подбородок и посмотрел ей в глаза, и от гневного выражения в них у меня снова перехватило дыхание, я боролась, чтобы не обмочиться в трусики.

— Ты Старк? — спросил Бенни, к счастью, отвлекая внимание Старка от Триш, и я почувствовала, как мой мужчина поднимается со своего стула.

— Ты Бьянки? — переспросил Люк Старк после утвердительного кивка.

Бен не ответил, но протянул руку.

Старк пожал.

— Элейн! Можно нам меню? — Крикнула Триш.

— Сейчас подойду, — отозвалась официантка.

— Я так понимаю, ты Джилья, — произнес Старк, и я посмотрела на Сэла, заметив, как он встает и окидывает Старка оценивающим взглядом.

Сэл также не подтвердил свою личность. Он просто сказал:

— По крайней мере, ты выглядишь серьезным.

Я не знала, стонать мне или хныкать, когда Старк непреклонно ответил грубым голосом:

— Да. Очень серьезным.

Именно тогда Старк посмотрел на меня, и черты его лица смягчились.

Определенно достойны стона.

— Ты Франческа, — заявил он, и, к счастью, так оно и было.

Я протянула руку.

— Да. Фрэнки.

Он взял мою руку, сжал ее не слишком сильно, не слишком легко и отпустил.

Затем посмотрел на Херба.

— Теперь можете идти.

— Слава богу, — произнес Херб, немедленно отодвигая стул.

— Что? Что ты имеешь в виду? — спросила Триш. — Мы еще не ели блинчиков.

— Мы съели ланч два часа назад, — вставил ей Херб.

— Ну, а сейчас у меня настроение для блинчиков, — ответила она ему.

— Херб, — предостерегающе прорычал Старк.

— Хорошо, — сказал Херб, затем посмотрел на свою жену. — Видишь того парня?

Он указал, и она посмотрела, я тоже посмотрела в ту сторону, что он указывает на парня Сэла за окном.

— А этого? — спросил Херб, и я оглянулась в другую сторону, увидев, что он указывает на другую сторону ресторана.

Я оглянулась через плечо и увидела, что он указывает на другого парня Сэла.

— Эти парни — ребята этого парня, — продолжил Херб, и я оглянулась, заметив, как он кивнул в сторону Сэла. — Те и этот парень означают, что нам пора сматываться. Мы уходим. Не будем есть блинчики. Мы убираемся отсюда к чертовой матери. — Он посмотрел на Сэла. — Без обид.

— Принято, — пробормотал Сэл.

Херб посмотрел на Триш.

— Пойдем.

— О, ладно, — пробормотала она. Оттолкнув стул, встала, схватив свою сумочку, она протянула мне руку. — Приятно с вами познакомиться.

— Мне тоже, — ответила я, принимая ее рукопожатие на прощание.

То же самое проделали Бенни и Сэл, затем она обошла стол, подошла к командос Старку, похлопала его по руке и наклонилась, поцеловать в щеку.

Тот факт, что Старк позволил ей поцеловать себя в щеку, потряс меня до глубины души, отчего я вытаращила глаза на Бенни.

Бенни не видел моих огромных глаз. Он смотрел на Херба, пожимающего руку Старку, и делал это отнюдь не с довольным видом.

Херб и Триш удалились, Элейн положила меню на стол и спросила:

— Кофе?

— Всем, — приказал Бенни за всех, вероятно, чтобы заставить ее уйти.

— Отлично, — сказала она и поспешила прочь.

Старк сел на место Херба, спиной к стене, лицом к нам, а Бенни и Сэл устроились поудобнее.

— Можешь заверить нас, что время комедиантов закончилось? — немедленно спросила Сэл.

Сэл выглядел пугающе, но я была не уверена, что даже Сэлу стоит встречаться лицом к лицу с этим парнем. Я упомянула о его плоском животе, но не о широких плечах и четко очерченных, выпуклых бицепсах на груди, которые так сильно натягивали материал футболки, что от любого резкого движения она могла лопнуть.

Интригующая мысль.

— Херб и Триш — родители Рокси, — ответил Старк. — Рокси — невестка Ли. Она одна из лучших женщин, которых я когда-либо встречал, отличная жена, выдающаяся мать. Они воспитали ее такой. Они чертовски ненормальные, но хорошие люди. Они не комедианты. Они дружелюбны к людям. И они не имеют никакого отношения ни к Ли, ни к его бизнесу. — Я бы сказала, что это означает «да», — пробормотала я, и Старк посмотрел на меня.

Его суровое лицо снова смягчилось, и он тихо произнес:

— Да. Это означает «да».

Я ухмыльнулась ему.

Его губы приподнялись, затем он посмотрел на Бенни.

По чисто женской привычке я воспользовалась моментом, взглянув на его руку, лежащую на столе. И увидела очень широкое, очень блестящее золотое обручальное кольцо.

К счастью, со мной был лучший мужчина в мире, иначе вид этого кольца был бы опустошающим.

— У тебя есть что-нибудь для меня? — спросил он Бенни.

— Не-а, — вмешался Сэл. — Прежде чем мы дадим вам что-нибудь, мы должны получить гарантии, что вы не напортачите.

Старк перевел холодный взгляд на Сэла.

— Я даю гарантии только тем людям, которые мне платят.

— Я плачу только тем людям, которые могут все сделать правильно, — парировал Сэл в ответ, и я затаила дыхание, когда Люк Старк повернулся торсом в сторону Сэла. Что означало обратил все свое внимание на Сэла. Что означало, что только такой человек, как Сальваторе Джилья, не съезжился под его мрачным взглядом.

— Тогда скажу, что Ли делает все правильно. Он находит дерьмо, которое ему не нравится, например, возможность появления на рынке плохого препарата, компания, производящая его, скрывает доказательства того, что их продукт приносит ущерб здоровью, и Ли начинает копать. Он заинтересован. Итак, Ли копает, и когда Ли что-то делает, он делает все правильно.

— Я не разговариваю с Ли, — настаивал Сэл.

— Нет, — прорычал Старк, явно теряя терпение. — Ты обращаешься ко мне, но когда я говорю «Ли», я имею в виду себя, потому что он втянул меня в это дерьмо. Так что это означает, что именно я сделаю все это дерьмо правильно.

Сэл открыл рот, но я быстро заговорила, потому что не думала, что кому-то пойдет на пользу, если Люк Старк окончательно потеряет терпение.

— У меня есть вопрос. — Старк посмотрел на меня. — Ты можешь надрать задницу Чаку Норрису?

Люк Старк улыбнулся ленивой улыбкой.

Мое сердце бешено заколотилось.

— Я стремлюсь быть Чаком Норрисом, — ответил он.

Я улыбнулась в ответ.

— Для меня этого достаточно. — Я посмотрела на Бенни. — Отдай ему флешки, малыш. Бену, очевидно, тоже понравился внешний вид Старка, потому что он зашевелился, чтобы засунуть руку в карман, когда Сэл сказал:

— Подожди.

В этот момент рука Бена замерла, он посмотрел на Сэла.

— Посмотри на этого парня, — приказал он.

Сэл не смотрел на Старка. Он хмуро смотрел на Бенни.

— Черт возьми, Сэл, мне даже не нужно видеть его в действии, чтобы понять, что этот парень может успешно осуществить государственный переворот в одиночку в маленькой южноамериканской стране, — заявил Бенни.

Я хихикнула.

Сэл перевел свой хмурый взгляд на меня.

— Это серьезно, Франческа.

— Тебе же не кажется, что мистер Старк похож на комика, Сэл? — спросила я, мотнув головой в сторону Старка.

Сэл посмотрел на Старка.

— Кто будет защищать Фрэнки? — спросил он.

Брови Старка сошлись на переносице, и он посмотрел на Бенни.

— Я думал, ты ее мужчина.

— Так и есть, — подтвердил Бен.

— Тебе нужна помощь в защите? — спросил Старк.

— Черт возьми, нет.

Старк оглядел его, от торса до волос, и сказал:

— Я тоже так думаю.

Мило. Комплимент от командос.

Я пнула Бенни ногой под столом.

Бен посмотрел на меня и покачал головой.

Я ухмыльнулась ему и снова посмотрела на сидящих за столом.

Старк перевел взгляд на Сэла.

— Еще какие-нибудь проблемы?

— Когда будет сделано? — спросил Сэл.

— Зависит от того, что на флешках. Если много всего, то во вторник, — ответил Старк, и брови Сэла взлетели вверх.

— Ты обещаешь во вторник?

— Да. Во вторник, — твердо повторил Старк.

— Так быстро? — спросил Сэл.

— Мы не валяем дурака, — заявил ему Старк. — У нас есть три медсестры, готовые повторно дать показания. У них есть данные. И у нас есть данные о пяти пациентах, которые, если бы им было известно, что прием этого лекарства негативно отразится на их сердце, они позвонили бы своим адвокатам, что и сделают. Кое-что, могу вас заверить, они сделают во вторник.

Я наклонилась к столу, и когда я наклонилась, Старк, уловив мое движение, обратил на меня свои очи черные. И очи черные, как я только что заметила, были голубыми, они были такими темными.

Удивительными.

— Ведущий ученый проекта сейчас мертв, его оригиналы документов находятся на флешках, — поделилась я.

— Превосходно, — ответил Старк.

Бен снова зашевелился, засунув руку в карман джинсов.

Подошла Элейн с подносом, уставленным кофейными кружками и кофейником, поставила все это на стол.

— Я знаю, что уже почти три, но сегодня еще и воскресенье, хочу сказать, вы были бы просто дураками, если бы не попробовали блинчики Фрэнка в воскресенье, — заявила она.

— Мне с черникой, — тут же ответил Старк, беря кружку, которую Бен пододвинул к нему по столу.

— У тебя есть время на блинчики с черникой? — раздраженно спросил Сэл.

— Всегда найдется время для блинчиков с черникой, — небрежно ответил Старк.

Я наклонилась к Бенни и прошептала:

— Мне нравится этот парень.

Бен посмотрел на меня и снова покачал головой.

Я посмотрела на Элейн.

— Можно мне тоже блинчики с черникой? — Спросила я.

— Живи на всю катушку, — ответила Элейн, что, как я догадалась, означало «да».

— Господи, — пробормотал Сэл.

— Мне без черники, но побольше сиропа, — заказал Бенни, откидываясь на спинку и кладя руку на спинку моего стула.

Вот так. Глядя на Старка, он мог сказать, что может доверять ему. Теперь все, что ему нужно было сделать, это присматривать за мной, отчего скорее всего, он чувствовал облегчение. Я поняла все это по тем флюидам, которые он излучал.

И это сделало меня счастливой, поэтому наклонилась к нему.

Он положил руку мне на плечо.

— Господи, я бы тоже взял с черникой, — наконец произнес Сэл.

Я посмотрела на Бенни и ухмыльнулась.

Он наклонил голову и прикоснулся губами к моим.

Получив от него порцию доброты, я повернулась к столу и потянулась за своим кофе, взглянув на Старка.

— Ваша жена тоже командос?

Один уголок губ поднялся вверх прежде, чем он ответил:

— Она графический дизайнер.

— Она разрабатывает логотипы для экипировки командос? — Продолжала интересоваться я.

Уголок губы приподнялся выше.

— Нет.

Я продолжала смотреть на него.

— Она мать племени малышей-командос?

Он покачал головой, но свет отразился в его глазах, свет, который проник мне прямо в сердце, согревая.

— Пока что все девочки.

По его словам и по тому, как он их произнес, я поняла, что означал этот свет. Я уже знала, когда его дочери достигнут определенного возраста, посмотрят в зеркало, то увидят истинную красоту. Я подумала, судя по его внешнему виду, его жена, вероятно, тоже была привлекательной, так что было бы без преувеличения сказать, что их дочери станут красавицами.

Но не той красотой, которую они видели в зеркале.

Они увидели бы красоту, которая приходит, когда смотрят на себя глазами своего отца. За глотком кофе я скрыла свои эмоции, вызванные этими мыслями. Эмоции, если дать им волю, я могла бы и разрыдаться. Пока я потягивала кофе, прониклась в слова Сэла, сказанные ранее.

Затем до меня дошли вчерашние слова Бенни.

И вдруг мне захотелось броситься в туалет и посмотреть в зеркало.

Но я знала, что там увижу.

Итак, миссис Замбино была далеко не дурочкой.

Я уже поняла это.

Чего я с нетерпением ждала, так возвращения домой в Чикаго, чтобы перейти улицу и встретиться с ней.

Она бы не удивилась.

Она еще тогда видела эту красоту во мне.

Ну, что ж, увидит и второй раз.

* * *

Я стояла, положив руку на стойку, расстегивая ремешки на босоножках после того, как мы с Беном вернулись домой, вывели Гаса на прогулку на поводке, потом вернулись.

Бенни снял поводок с Гаса, затем плюхнулся на диван, потянувшись за пультом дистанционного управления, что свидетельствовало о том, что он, возможно, готовился к отсроченной блинной коме.

Блинчики были очень вкусными. Еще больше мне понравился Люк Старк, когда он не смотрел грозно и не пугал, а был непринужденно крутым и в то же время дружелюбным.

Но что касается меня, я была просто рада, что все это скоро закончится и мы сможем подумать о чем-то более хорошем.

Например, подобрать плитку и кухонные полотенца.

Как только я разулась, подошла к Бенни, заметив, что он наблюдает за мной. Это означало, что он был готов, поэтому я без колебаний рухнула на него сверху.

Он приготовился к удару, принял его и обнял меня.

Я передвинулась так, чтобы мои руки оказались у него на груди, и посмотрела ему в глаза.

— Тебе понравился внешний вид Старка, — заявила я.

— Не так сильно, как тебе, но да, — ответил он, и я склонила голову набок.

— Что значит «не так сильно, как мне»?

Его губы дрогнули, прежде чем он сказал:

— Детка, глядя на него, у тебя практически текли слюнки.

О-о-о. Бенни заметил.

— Что ж... — Я начала, потом остановилась, потому что понятия не имела, что сказать и почему губы Бенни подергивались, и он не впадал в ревнивую собственническую ярость горячего итальянского парня.

— Ему тоже понравилось, как ты выглядишь, — отметил Бенни.

Я почувствовала, как мои брови взлетели вверх.

— Ему понравилось?

— О да, — заявил Бен.

— Откуда ты знаешь? — заинтриговано спросила я, хотя понимала, что не должна спрашивать.

Бенни, как ни странно, ни секунды не раздумывая, ответил:

— Он остался сидеть за одним столом с Сэлом, словно это была попытка у стоматолога, где ему предстояло вырвать зубы. Он терпел присутствие Сэла, потому что увидел тебя и понял, возможно, ты в опасности. Он также понял, что Сэл принимает участие в этом деле, потому что ты что-то значишь для Сэла, а Сэл что-то значит для тебя. Он не проявлял к нему особого неуважения, но он проявил к нему больше уважения, если бы встретил его в другом месте, и это все ради тебя. Он решил, что ты такая, какая есть — красивая и забавная. Такой мужчина, как он, не станет нежничать с мафиози. Ты ему понравилась.

— Но он женат.

— Он женат, но у него есть глаза.

— Я думаю, он очень сильно любит свою жену, — сообщила я ему.

— Определенно, — согласился Бенни. — Мужчина, который носит такое обручальное кольцо, испытывая слабость перед своей женой, которая выбирала ему это кольцо или потому, что он по уши влюблен в свою жену. Хотя в этом человеке нет ни йоты слабости.

Это правда.

— Разве ты не... Я имею в виду, он привлекательный, и ты заметил, что я это заметила. Ты не злишься?

— Детка, ты моя, но у тебя тоже есть глаза. Это не значит, что только потому, что ты трахаешься со мной, ты не должна обращать внимание на парней, на которых приятно посмотреть.

— Тебя это не расстраивает? — Спросила я.

— Ты собираешься с ним трахаться? — спросил он в ответ.

— Нет, — резко ответила я.

Это вызвало у него улыбку и вопрос:

— Тогда почему это должно меня расстраивать?

— Но тебе не понравилась идея, что я буду «вторым пилотом» у Шерил.

— Когда тебе нравится парень, который женат, сидя рядом со мной — это одно. Когда ты идешь с одной из своих подруг, а на твоём пальце нет моего кольца, и любой парень обратит на это внимание, возможно, наберется смелости подойти — это совсем другое.

— Я бы не стала трахаться ни с кем из них, — заметила я.

— Тебе понравится, если какая-то женщина будет приставать ко мне, когда тебя нет рядом? Спросил он.

Я поняла, к чему он клонит, и поджала губы.

Его взгляд опустился на мои губы, когда он снова посмотрел на меня, в его глазах плясали смешинки.

Я поняла его мысль, но не доверяла предыдущей части и сказала ему почему.

— Значит, ты будешь пялиться на хороших женщин со мной, и мне не стоит возражать?

— У меня тоже есть глаза, детка. И я могу обратить внимание на красивую женщину, но даже если и обращаю, не сделаю никакого движения, потому что нутром знаю, что я не увижу ничего прекраснее того, что вижу в тебе.

Боже.

Бенни.

Мне так понравились его слова, что я не смогла удержаться и опустила голову, прижавшись лбом к его шее, именно так я и застыла, глубоко вздохнув, пытаюсь не разрыдаться.

Бен скользнул рукой вверх по моему позвоночнику и опустил руку на затылок, прошептав мне в макушку:

— Видишь, с этим я справился.

— Иногда твоя сладость переполняет меня, — призналась я, прошептав ему в горло.

— Вызов принят.

Я подняла голову и снова посмотрела на него.

— Что?

Он посмотрел мне в глаза.

— Вызов принят, я ищущу способы подарить тебе только самое прекрасное на всю жизнь.

Я могла бы глубоко дышать целую вечность, но все равно бы не остановила слез, наполнивших мои глаза.

— Ты только что сделал это снова, — прошептала я.

Он улыбнулся и прошептал в ответ:

— Хорошо.

Я посмотрела на его улыбку, потом снова ему в глаза, теплые, нежные и прекрасные, и тоже улыбнулась, продолжая шептать:

— И снова.

Он запустил руку мне в волосы и ответил:

— Детка, ты чувствуешь все, я вижу, что ты чувствуешь, не доводи это до слез. Поцелуй меня.

Мой Бенни.

Такой мудрый.

Это была гораздо лучшая идея.

Поэтому я не заплакала.

Я приподнялась и поцеловала его.

Бен подвинул нас на диване так, что оказался сверху и поцеловал меня в ответ.

Потом занялся любовью.

После этого Бен прижал меня к себе, я отключилась, пока он смотрел игру.

* * *

Позже мы вместе приготовили ужин и посмотрели фильм.

А еще позже, прежде чем лечь спать, я стояла в ванной в ночной рубашке и смотрела на себя в зеркало.

Я видела то, что видела всегда, но совсем по-другому.

Человека, получившего любовь, верность и защиту. Человека, получившего все это, потому что смогла вернуть саму себя. Видела человека, которым всегда была, но никогда не видела себя такой.

И женщина в зеркале передо мной была прекрасна.

Я перевела взгляд со своего отражения на Бенни, одетого в светло-голубые пижамные штаны, приближающегося ко мне.

Он наблюдал за мной в зеркало, приближаясь, но потерял из виду, прижавшись к моей спине, обняв за талию, уткнувшись лицом мне в шею.

— Ты как? — он коснулся кожи на шее.

Я скользнула ладонями по его рукам, удерживая их на себе, отвечая:

— Хорошо.

Он обнял меня и пробормотал:

— Иди в постель.

Бенни должен был выполнить еще одно обещание в этот день.

— Хорошо, детка, — прошептала я.

Именно тогда мне довелось пережить вторую часть этого дня — лучшую. Может она была связана с первой частью. Заняться любовью с Бенни Бьянки, а потом заснуть с ним рядом. Услышать его глубокий и непринужденный голос, пожелавший мне спокойной ночи. Отчего я погрузилась в спокойный сон, зная, что завтра проснусь рядом с Бенни и всеми удивительными обещаниями, которые он обязательно сдержит.

25

Обещание

— Не выходи из своего офиса, — приказывал Бен следующим утром, пока вез меня на работу, он все время командовал, пока я собиралась на работу. — Я буду у тебя в вестибюле в полдень, чтобы повести тебя на ланч. Ты не задерживаешься. Я буду ждать тебя у входной двери в пять. Буду поддерживать связь со Старком. Если они не «забьют гвозди в крышку гроба» сегодня, то завтра мы сделаем то же самое.

— Хорошо, Бенни, — ответила я, понимая, что ему просто необходимо, чтобы я слушалась его, не спорила и ни к чему не придиралась, заметив его нервное состояние. И то, что он трахнул меня жестко и по-быстрому, совсем не уменьшило его нервозности. Я поняла это, когда он прихватил с собой пистолет, засунув его в бардачок перед тем, как мы отправились на работу.

— Никаких разговоров, просто сиди и работай. Даже не смотри на Бирмана, если в этом нет необходимости, — продолжал Бен, как будто я ничего не говорила.

— Хорошо, малыш.

Бенни замолчал.

Я посмотрела в его сторону.

— Как ты? — тихо спросила я.

Он взглянул на меня, затем снова на дорогу, прежде чем пробормотать:

— Проснулся с дерьмовым предчувствием.

Великолепно.

— Все будет хорошо, — заверила я его, надеясь, что так и будет.

Он ответил не сразу, когда ответил, то только сказал:

— Да.

Но я поняла, что он не верил в это.

Поэтому промолчала. Просто протянула руку и сжала его бедро. Когда хотела уже убрать руку, он схватил мою руку, переплел пальцы и прижал ее к своему бедру.

Наконец-то у меня наступила хорошая жизнь, и было бы эгоистично желать большего, но я хотела, хотя, конечно, не круто с моей стороны, но я хотела бы каждый день ездить на работу с Бенни Бьянки, держащим меня за руку.

Остаток пути мы оба погрузились в свои мысли, храня молчание, пока Бен не подъехал к входу в «Уайлер Фармасьютикалз». Он отпустил мою руку, чтобы поставить свой внедорожник на стоянку.

Я повернулась к нему, он уже смотрел в мою сторону.

Он опередил меня, когда сказал:

— Люблю тебя, Фрэнки.

Я улыбнулась ему, наклонилась в его сторону и прикоснулась губами к его губам, прежде чем отстраниться на полдюйма, ответила:

— Я тоже люблю тебя, Бенни.

Ответная улыбка не коснулась его глаз, поэтому я подняла руку и коснулась его лица, прежде чем сказать:

— Увидимся за ланчем.

— Ага.

— Хорошо тебе провести время с Гасом.

Он покачал головой, но улыбка заиграла в его глазах, когда ответил:

— Будет сделано.

— Ты не хочешь позвонить Кэлу? — спросила я, думая, что провести время с Кэлом, вернувшимся из своего медового месяца, было бы хорошим способом отвлечь его от темных мыслей.

— Нет. Если он узнает, что я здесь, будет задавать вопросы, почему я не уехал, а решил задержаться, начнет беспокоиться. Мы расскажем ему, что произошло, после того, как все закончится.

Я кивнула, испытывая еще большую благодарность к Бенни, что он не захотел лишний раз волновать Кэла, хотя Кэл явно не относился к тем мужчинам, которых можно было чем-то разволновать. Скорее он относился к тем мужчинам, которые быстро принимают меры вместо того, чтобы волноваться, и Старк обо всем позаботиться. А новоиспеченному папочке и мужу Кэлу не нужно вмешиваться.

— Увидимся, — произнесла я.

— Хорошего дня, детка, — ответил Бен.

Я одарила его еще одной улыбкой, убрала руку с его лица, подхватила свою сумку с ноутбуком и вышла из машины.

Помахала Бенни, прежде чем войти в здание, заметив, что он и его внедорожник не сдвинулись с места ни на дюйм, готовясь к отъезду. Я знала, что он не уедет, пока я не войду внутрь.

Мой Бенни.

Я вошла внутрь и направилась прямо к лифтам, по пути улыбнувшись секретарше. У лифтов я выглянула в окно и увидела, как Бенни отъезжал.

Лифт зазвонил, я вошла еще с тремя сотрудниками, хотя, как мне показалось, только я одна сделала глубокий вдох, прежде чем нажать кнопку этажа.

Добравшись до своего этажа, я провела разведку через окна офисов, пока шла к своему кабинету.

Клэнси Бэрроу не было в его кабинете, но, с другой стороны, его часто не бывало в кабинете. Он часто путешествовал, предположительно по делам, но ходили слухи, что он много играл в гольф и у него был строгий график деловых поездок в места, где были лучшие поля для гольфа.

Трэвис Бергер находился в своем кабинете.

Как и Рэнди Бирман.

Моего босса не было, Хита тоже. Хит не подал заявление об отставке в пятницу, и я задавалась вопросом — подаст ли он заявление сегодня. Несмотря на то, что он был придурком, я все же надеялась, что Старк сможет все уладить, чтобы его отставка продлилась всего двадцать четыре часа. Компания вот-вот должна была пережить серьезные потрясения. Нам нужно было как можно больше стабильности. Хотя Хит и был придурком, но он хорошо справлялся со своей работой.

Я приготовилась к сегодняшнему дню, включила компьютер и проверила голосовую почту. Вскоре после этого увидела, как Ллойд выходит из лифта, затем появился Хит.

Он заглянул прямо ко мне в кабинет, и выражение его лица было как у человека, который только что высосал лимон.

Глядя на его выражение лица, я подумала, что он готов был подать заявление.

Что ж, по крайней мере, он решил не бросать Сэнди под автобус, образно выражаясь. Это было хорошо.

Я надеялась, что впереди будет еще кое-что хорошее.

Сэнди не появилась вслед за Хитом через две минуты. Кабинеты и рабочие столы заполнялись, Тэнди появилась раньше Сэнди.

До конца не совсем разбираясь во всех этих шпионских играх, Тэнди посмотрела на меня и широко помахала, на ее лице застыла смесь испуга и напряженности.

Она не подошла к своему столу. А напрямик направилась к моей двери, воскликнув с повышенным возбуждением, нежели требовалось:

— Привет, Фрэнки! Надеюсь, ты отлично провела выходные.

Я ухмыльнулась ей.

— У меня были хорошие выходные, детка.

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— У меня тоже! Теперь моя очередь идти за латте. Хочешь пойти со мной?

Я кинула взгляд на стеклянную стену кабинета офиса, затем снова на нее и тихо ответила:

— Может нам лучше сегодня остаться за своими рабочими столами, милая. Бенни придет в полдень, отведет меня на ланч. Ты можешь пойти с нами, я куплю тебе латте на обратном пути на работу.

— О, точно, хорошая идея, — пробормотала она, затем просияла: — Ты гений!

Очевидно, она тоже испытала облегчение из-за участия Найтингейла.

Она подскочила к своему рабочему столу, и через несколько минут я увидела, как вошла Сэнди.

Она и близко не выглядела хорошо. Она выглядела бледной, осунувшейся, словно ее били мешками всю ночь. Она ни на кого не посмотрела, пробираясь между рабочими столами, чтобы добраться до своего места. Она, конечно, не подошла к кабинету Хита, чтобы взволнованно сказать ему «Доброе утро».

Скорее всего, Хит с ней закончил отношения. И, судя по ее внешнему виду, Сэнди надеялась то, что у них было, было нечто большее, чем то, что оказалось на самом деле.

Бедняжка Сэнди.

После того как она села за свой стол, я принялась за работу, решив с головой окунуться в дела, пытаюсь ускорить течение дня. Я потратила две минуты на это неудачное занятие, потом зазвонил мой телефон.

На появившемся номере был код города три-ноль-три.

Денвер.

Я взяла трубку и поздоровалась:

— Фрэнки Кончетти.

— Детка. Подними глаза. Левый угол твоего кабинета над окнами, — ответил мне знакомый низкий голос.

Мой взгляд поднялся вверх, но я ничего не увидела, поэтому прищурилась, чтобы взглянуть повнимательнее, и именно тогда увидела крошечный красный огонек.

— Улыбнись. Ты в камере, — произнес Люк Старк мне на ухо.

Святое дерьмо. Как ему удалось проникнуть внутрь и установить камеры? Здание охранялось службой безопасности.

— Скоро закончим, Фрэнки, — продолжил Старк. — Оставайся на своем месте. Мы следим за тобой и твоей командой. Мы также приставили охрану к Ферлоку. У меня за спиной местные таланты, они наготове на случай, если что-то пойдет не так, чего не случиться, так что пусть это тебя не пугает. Это всего лишь меры предосторожности.

— Э-э... хорошо, — ответила я.

— Команда просмотрела то, что было на флешках. Отлично. Колеса пришли в движение. Звонил Бьянки, сообщил твое расписание на день. Придерживайся его.

— Тэнди пойдет с нами на ланч, — сообщила я ему.

— Хорошо, — ответил он. — Ассистентка Трэвиса Бергера назначит ему срочную встречу сегодня вечером в шесть. Мы позвоним тебе после, как будет сделано. Ты все поняла?

Я посмотрела на экран своего компьютера и пробормотала:

— Угу.

— Хорошо. Будь умницей, — произнес он на прощание, и у меня не было возможности ответить ему что-нибудь остроумное или нахальное, потому что он отключился.

Едва я положила телефон на стол, как увидела Хита с белым конвертом в руке, выходящим из своего кабинета, с опущенной головой.

Я посмотрела на Сэнди, которая даже не взглянула в его сторону. Затем я не хотела этого делать, но не смог удержаться, мои глаза быстро метнулись к кабинету Бирмана.

Он наблюдал за Хитом с самодовольным выражением на лице.

Что-то в его выражении заставило меня внезапно почувствовать приподнятое настроение.

Если он был доволен поведением Хита, значит понятия не имел, что за этим последует.

И это было потрясающе.

Мой взгляд вернулся к Хиту, и я увидела, как он поднял глаза. Когда он поднял глаза и его взгляд зацепился за что-то, что заставило его остановиться как вкопанного.

Я посмотрела в ту сторону и увидела Ллойда, направлявшегося ко мне.

Он улыбнулся моей помощнице и сказал:

— Доброе утро, Тэнди, — проходя мимо нее и подходя к моей двери, остановился. — Привет, Фрэнки. Хорошие выходные? — поинтересовался он.

— Да, а у тебя?

— Да, Фрэнки. Спасибо. — Он склонил голову набок. — У тебя есть минутка, чтобы обмолвиться парой фраз со мной и Трэвисом?

Трэвис и он. Большой босс, мой босс и я?

Это было неожиданностью, и мне потребовалось немало усилий, чтобы не поднять глаза на камеру.

— Конечно, — ответила я, отодвигая стул и хватая сотовый.

— Не стоит беспокоиться, — произнес Ллойд. — Мы с Трэвисом просто хотим поговорить с тобой о твоих планах по поводу Чикаго.

Вот оно. Они приняли решение.

Я надеялась, что это будет вторая хорошая новость за это утро, но, как бы то ни было, это был важный вопрос о моем будущем, на который требовался ответ, и я вот-вот его получу. Я кивнула Ллойд, он отошел в сторону, пропуская меня вперед.

— Мы поговорим в офисе Трэвиса, — произнес он мне, шагая рядом.

— Ллойд, — позвал Хит, и мы с Ллойдом посмотрели в его сторону. — После того, как ты поговоришь с Фрэнки, у тебя найдется минутка?

— Конечно, Хит. С Фрэнки не займет много времени, — ответил Ллойд.

Хит кивнул и, избегая смотреть Сэнди в глаза, вернулся в свой кабинет.

Я пошла с Ллойдом в офис Трэвиса.

Войдя, поняла, что Трэвис Бергер относился к людям, которым не нужно доказывать свою значимость. Когда мы вошли, у него не было важного телефонного разговора, он не рылся в компьютере, не читал файл и не делал пометок. Он наблюдал за нами, не сводя с меня глаз, с ничего не выражающим лицом. В этом было что-то такое, что заставило меня уважать его еще больше. Ему была нужна я и то, что он наблюдал, как я вхожу в его офис на импровизированную встречу, говорило о том, что эта встреча была важной, я была важна для компании, и он хотел, чтобы я это понимала.

Состоялся обмен приветствиями. Он предложил мне сесть. Я села. Ллойд сел в кресло рядом со мной перед столом Трэвиса, затем Трэвис спросил:

— Хочешь, Пенни принесет тебе кофе?

Сегодня я еще не принимала допинг на работе и не отказалась бы от порции «джо», но все равно отрицательно покачала головой.

Трэвис откинулся на спинку кресла, переплел пальцы на своем плоском животе. Его взгляд не переместился на Ллойда, остался на мне.

Затем он начал.

— Ллойд сказал мне, что в твоей жизни кое-что происходит, и ты хочешь вернуться в Чикаго.

Я кивнула, подтвердив:

— Да.

Он мгновение изучал меня, его голос стал тише, когда он сказал:

— Наш выбор нанять тебя был превосходным, мы ни в коей мере не пожалели об этом, несмотря на то, что ты задержалась с выходом на работу.

Я не думала, что напоминание о моем переносе выхода на работу сулило что-то хорошее.

Он продолжил:

— Твой начальник хорошо отзывается о тебе. Ты нравишься своим подчиненным. Твои представители работают. Однако, наша политика разрешает сотрудникам работать из дома и делать это регулярно, но наши правила не разрешают сотрудникам работать удаленно, например, из другого города.

Плохие новости.

Дерьмо.

— Понятно, — мягко ответила я.

— Я сам видел твои цифры, Фрэнки, и Ллойд высоко отзывается о тебе, — продолжал Трэвис. — Нам было бы жаль с тобой расстаться. Есть ли какой-нибудь способ, чтобы твой парень переехал в Инди?

— Он управляет семейной пиццерией, второе поколение. Его ресторан действует уже сорок лет. — Я заметила скуку на лице Бергера, говоря ему о важных для себя вещах, на которые

ему было насрать, поэтому перешла к сути: — Хочу сказать, нет. Семейный бизнес важен, и я бы не стала просить его сделать такой шаг.

Бергер кивнул один раз, прежде чем заявить:

— На данном этапе я чувствую необходимость отметить, что у «Уайлера», Фрэнки, много возможностей. Особенно для отличных исполнителей. Тридцать пять процентов нашего руководящего персонала составляют женщины. Очевидно, что это не мое дело, но в моем положении частью моей работы является удержание хороших работников, сохранение в неприкосновенности команды, которая преуспевает, и иногда мне приходится выступать в роли советчика. И как советчику мне не хотелось бы видеть, как ты упускаешь возможности только лишь потому, что твоя вторая половинка не понимает важности твоей карьеры.

Я уставилась на него, потом перевела взгляд на его руку и увидела обручальное кольцо. Оно было не широким, не пафосным.

Увидев его обручальное кольцо, я задалась вопросом, вспоминая, когда я приходила до восьми утра, а он уже сидел у себя в кабинете, словно пробыл там не несколько минут, и другие случаи, когда я уходила после шести, а он все еще сидел в своем кабинете, выглядя так, словно даже не собирался домой, что его жена думала о том, что он расставлял приоритеты своей карьеры, а не своей «второй половинке».

С другой стороны, без сомнения, он зарабатывал шестизначную сумму, возможно, она чувствовала себя лучше в связи с отсутствием мужа, выходя из магазина с очередной парой туфель.

— Я намерена провести с ним остаток своей жизни, — ответила я, хотя это было не его дело. И добавила для пущей убедительности:

— И я только что получила новость, что у моей сестры будет ребенок. Она живет в Чикаго. Моя семья разрастается, и я планирую построить свою собственную семью с Бенни. Я не могу быть рядом со своей сестрой или создать семью с Бенни, находясь в Инди. По крайней мере, это нелегко.

На мгновение мне показалось, что я увидела его смущение, будто находиться мне с моей сестрой или со своей «второй половинкой», строя совместную жизнь, было для него чуждым понятием, и мне внезапно стало жаль его жену.

Затем он заявил:

— Жизнь трудная штука, Фрэнки.

— При всем уважении, Трэвис, я пришла в себя после огнестрельного ранения. Я знаю об этом. Жизнь трудная штука и знаю, что важно в этой жизни.

Он изучал меня некоторое время.

Затем посмотрел на Ллойда и спросил:

— Ллойд, ты не мог бы дать нам минутку?

Я посмотрела на Ллойда и увидела, что он не хочет давать нам ни минуты. Он заботился о своих сотрудниках. Но это был исполнительный вице-президент. У него не было выбора.

Он кивнул и сказал:

— Конечно.

Он встал со стула, затем бросил на меня понимающий взгляд и слегка улыбнулся, прежде чем уйти, закрыв за собой дверь.

Я снова посмотрела на Бергера, он немедленно заговорил:

— Я уважаю твое решение, Фрэнки. — Но сказал он это так, словно совсем не уважал мое решение, вернее ему было наплевать, и мне вдруг стало интересно, уважаю ли я этого человека. Конечно, он был великолепен на работе, но жизнь — это не только работа. Даже

близко нет. — Если мы не сможем позволить тебе работать из Чикаго, и тебе придется покинуть нас, конечно, это будет ударом, но женщина должна делать то, что должна делать женщина.

Мне не очень понравилось его высказывание «женщина должна делать то, что должна делать женщина», как будто только женщины принимали подобные решения, но я пропустила это мимо ушей, не сводя с него глаз.

Внезапно его поведение изменилось, и мне не понравилось, потому что я не могла понять причины. Обычно он был не очень читабельным парнем. Но сейчас он казался полностью непроницаемым.

— Теперь, разговор окончен, и мы здесь одни, ты не хочешь мне кое-что сказать?

Я моргнула, не понимая, что он хочет от меня услышать. Я многое могла бы ему рассказать: Хита шантажировали; генеральный директор и директор по исследованиям и разработкам нанимали киллеров и устраивали несчастные случаи, трагически меняя жизни других людей. Но я не собиралась ничего из этого ему рассказывать.

— Э-э... — начала я.

Он наклонился ко мне, расплел пальцы и положил одну руку на стол, не сводя с меня глаз.

— Есть что-то важное, что мне нужно знать, очевидно, Фрэнки, поскольку это важное, я должен это знать.

Я почувствовала, как мое сердце начало сильно биться, и это было странное ощущение, потому что я почувствовала его у себя в горле.

Такое уже случалось со мной однажды.

Когда Дэниел Харт наставил на меня пистолет.

Телефон в моей руке зазвонил, и я подпрыгнула, когда это произошло.

С благодарностью, чтобы отвлечься от пристального взгляда Бергера, я посмотрела на экран и увидела код города три-ноль-три.

Это подсказало мне, что у Старка были не только камеры, но и микрофоны.

Да, эти ребята были определенно хороши в своей работе.

— Фрэнки, — позвал Трэвис, и я посмотрела на него. — Ты можешь потом перезвонить.

Мне стало интересно, что бы посоветовал Старк, но мне нужна была моя работа, пока я не найду другую (до октября хотя бы, когда закончится срок аренды и я уволюсь), поэтому я не ответила на звонок.

А должна была это сделать.

— Помимо того факта, что мне, как деловой женщине с возможностями карьерного роста, придется долго и упорно думать о том, каким будет мое будущее с «Уайлер», у меня нет ничего, что вам бы следовало знать, Трэвис.

Мой телефон перестал звонить.

Он снова изучал меня. На этот раз его изучение продолжалось дольше, как будто он давал мне возможность сделать другой выбор.

Но я молчала, поэтому он кивнул.

— Ладно, Фрэнки. Спасибо, что уделила мне время.

— Спасибо вам, Трэвис, что уделили мне время, — ответила я, вставая.

Он проследил за мной взглядом.

— Надеюсь, что ты примешь правильное решение.

Я знала, каким, по его мнению, должно быть мое правильное решение.

Проблема была в том, что мое решение было совсем другим.

Но я надеялась, что его жене действительно нравились туфли, которые она могла себе купить.

Я улыбнулась ему и убралась из его кабинета к чертовой матери.

Возвращаясь к себе, увидела Хита в кабинете Ллойда. После того как я увидела его, я заметила, что Тэнди не сводит с меня глаз.

Она не стала дожидаться своего обычного разумного количества времени. А вошла прямо за мной и закрыла дверь.

— Что все это значит? — спросила она.

Я посмотрела на нее, садясь за свой стол.

— Я запросила удаленный офис из Чикаго, чтобы переехать к Бенни. Трэвис отклонил мою просьбу.

Ее глаза расширились, затем лицо осунулось.

— Ты уходишь?

Я понизила голос, когда сказала:

— Возможно.

Вот тогда-то ее лицо и вытянулось.

— О, Фрэнки.

Мне так сильно нравилась Тэнди.

— Мне жаль, милая. Но я влюблена. У меня щенок. Мне нужно заняться столовой у него в доме, купить плитку для кухни и начать новую жизнь.

— Я понимаю, — тихо произнесла она. — Но я буду скучать по тебе.

Я ухмыльнулась ей и ответила:

— Ну, когда я устроюсь на новую работу, моей ассистентке придется усиленно попотеть, иначе придется искать новую.

Ее губы задрожали, но они сделали это прежде, чем улыбнуться.

— Мне хреново, потому что до тебя мне нравился мой босс, но он никогда не покупал мне латте. Даже в мыслях у него такого не было, — сказала она мне.

— Я обязательно куплю тебе еще, чтобы ты могла пополнить счет.

Ее улыбка осталась на месте, затем она посмотрела в стеклянную стену и снова на меня.

— Ты думаешь, Хит уйдет в отставку?

Мои брови поползли вверх.

— Ты знаешь об этом?

— Вчера вечером Найтингейл или кто-то из его команды позвонил всем нам. Проинформировал обо всем. Рассказал, как все будет происходить. Получил наши показания. Это было круто. Было приятно осознавать, что все скоро закончится.

— Согласна с тобой, — согласилась я.

— Просто отстой. Все закончится, Бирман перестанет широко распускать своего мудака, так что все снова будет хорошо, но ты уйдешь.

Да. Я буду скучать по Тэнди.

— Ты чертова бомба, Тэнди, — прошептала я.

— Ты тоже, Фрэнки, — прошептала она в ответ.

Мы смотрели друг на друга, борясь с эмоциями, которые могли проявиться самыми разными способами. Эмоции, связанные с переменами, потерей и облегчением.

Потом мы обе взяли себя в руки, и она вернулась к своему столу.

В ту минуту, когда ее задница оказалась на стуле, зазвонил мой телефон.

Три-ноль-три.

Я ответила:

— Сегодня два звонка от командос. Это рекорд.

В глубоком, грубом голосе Люка Старка слышался смех, когда он ответил:

— Ты молодец, детка.

— Одобрение принято к сведению, — ответила я.

— И, детка, — начал он, — нет ничего в этом мире важнее, чем строить жизнь с мужчиной, которого любишь.

У меня перехватило дыхание.

У них действительно везде стояли микрофоны.

А командос могли быть нежными.

Прежде чем я успела сообщить ему об этом, Старк отключился.

Или, может быть, он отключился, потому что знал, что я собираюсь выложить ему все начистоту.

В любом случае, я положила телефон на стол, принялась за работу, причем с улыбкой.

* * *

В десять часов мой телефон зазвонил снова.

Это был Бенни.

— Привет, милый, — поздоровалась я.

— Новости, — ответил он, и я поняла, что он все еще нервничает.

— Ну, некоторое время назад Хит вышел из офиса Ллойда с таким видом, словно его выпороли. Ллойд выглядел взбешенным, думаю потому, что он понимает, что я тоже скоро подам заявление, так что ему придется искать двух руководителей, а не одного.

Я еще не закончила со своими новостями, но вмешался Бен.

— Ты собираешься написать заявление об уходе?

Я забыла, что он был не в курсе, так как у него не было микрофонов, и все было так странно, что я не позвонила ему с новостями, хотя должна была.

— Получила новости непосредственно от Бергера. Никакой работы из Чикаго, — тихо сказала я ему.

— Черт.

— Начну искать.

— Да.

— Все будет хорошо, Бенни.

— Ты же знаешь, что так и будет, Фрэнки.

Его слова заставили меня почувствовать себя лучше, потому что он был прав. Я знала, что так и будет.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

— Сэнди, секретарша Хита, провела большую часть утра в туалете, остальное время она выглядела так, словно вот-вот разрыдается, и это было до того, как она побежала в туалет. Хит не открывает свою дверь и стоит спиной к офису с тех пор, как подал заявление об отставке Ллойд. Бирман выглядит скорее самодовольным, чем полным придурком, что очень сильно бы раздражало, если бы я не знала, что существует вероятность и к вечеру он будет за решеткой. И Тэнди пойдет с нами на ланч.

— Пойдет? — спросил Бен.

— Ага, — ответила я.

— Почему?

— Потому что она мне нравится. Мне придется с ней расстаться, буду скучать по ней, поэтому хочу провести с ней время. И последнее, я хочу познакомить ее с моим мужчиной.

— Это возможно.

Я закатила глаза, глядя на экран своего компьютера, прежде чем выдать ему финал.

— Мне кажется, Бергер знает, что происходит.

— Да. Позвонил Старк и сообщил последние новости. Он не сказал мне, что Бергер не дал тебе «добро» на открытие домашнего офиса в Чикаго, сказал, что Бергер допытывался у тебя о чем-то другом.

Это круто, что Старк оставил мне возможность сообщить Бенни эту новость.

Но я не стала об этом говорить Бенни.

А сказала:

— Не уверена, думаю, судя по тому, что Бирман по уши залез в мое дерьмо, он мог бы ругать меня и Хита, кроме этой мысли, мне нечего было ему сказать.

— Рад, что Хит оказался не таким уж придурком, каким он нам показался, но жаль, что он попался. Старк сообщил, что прошлой ночью они обыскали офис Бирмана и нашли копии фотографий, которыми он шантажировал Хита. Также Старк сказал, что они только что закончили прочесывать его дом и нашли кучу другого дерьма, включая еще копии других фотографий. Они нашли и другие его тайники, больше никакими фотографиями никого он не сможет шантажировать. Сэл получил все, что было у частного детектива. Все будет уничтожено. Это означает, что Сэнди ничего не угрожает, и Хиту можно было не подавать заявление об уходе.

От этого мне захотелось рассмеяться.

Но я не стала.

Вместо этого я воскликнула:

— Парень, а эти ребята реально хороши.

— Они запросто могли бы свергнуть правительство в маленькой южноамериканской стране.

Это заставило меня рассмеяться.

Бенни позволил мне немного посмеяться, прежде чем приступил к завершению разговора:

— Ладно, если тебе больше нечего мне сообщить, мне тоже. Увидимся через пару часов.

— Увидимся, милый.

— Пока, сага.

— Пока, Бенни.

Мы разъединились.

Я посмотрела на Хита и увидела, что он по-прежнему стоит спиной к офису. Потом перевела взгляд на Сэнди, увидела, что она сморкается.

Потом посмотрела на свой компьютер и пожалела, что не могу заказать латте.

* * *

Мой взгляд переместился в правый нижний угол экрана компьютера.

Было 4:43.

Семнадцать минут, и я смогу убраться отсюда к чертовой матери.

Ланч с Бенни и Тэнди прошел великолепно. Еще до того, как мы сели в его внедорожник, который стоял на холостом ходу у обочины перед парадными дверями, Тэнди, увидев Бена через окно его машины, воскликнула: «Боже, Фрэнки. Ты показывала мне фотографии, и я имела представление, но теперь я понимаю тебя».

И я тоже понимала себя. Одного взгляда на Бенни, даже через окно машины, хватило, чтобы любая девушка поняла бы.

Она поняла мое решение еще больше, пока Бен очаровывал ее во время ланча.

Тэнди, будучи Тэнди, очаровывала его в ответ.

Бенни высадил нас, и последнее, что он сказал мне, было твердое:

— В пять, детка.

Я кивнула, причем твердо. Ни за что на свете я не стану задерживаться сегодня вечером. Ни на минуту.

Хорошей новостью было то, что Бенни больше не казался взвинченным, а казался больше настроженным, и это было понятно.

Вторая половина дня тянулась медленно, как бы я ни старалась с головой погрузиться в работу. Я очень хотела, чтобы этот день закончился, как можно быстрее. Мне хотелось оказаться дома с Бенни, чтобы нам сообщили, что все закончилось. Потом я хотела бы продолжить свою жизнь, полную обещаний, чтобы ничто ее не портило.

Я глубоко вздохнула и подумала, что не мешало бы пораньше начать сворачивать рабочую деятельность, чтобы без промедления убраться отсюда.

В этот момент зазвонил мой телефон.

Это был Бенни.

— Привет, дорогой. Мы встречаемся...

— Не покидай своего рабочего места.

От его тона моя спина выпрямилась, а глаза устремились в стеклянную стену, на офис Бирмана.

Его там не было.

— Я в десяти минутах езды, — сказал мне Бен. — Я зайду за тобой в офис.

— Что происходит? — прошептала я.

— Команда Старка у вас, — тут же ответил Бенни, и я почувствовала, как мое сердце заколотилось. — Но они заняты, увидев, как двое головорезов в лыжных масках только что загнали Ферлока в угол туалета на третьем этаже и тащат его задницу вниз по лестнице к внедорожнику, который ждет у заднего служебного входа.

— О Боже, — выдохнула я и начала осматриваться по сторонам.

— Команда Старка нейтрализовала водителя, — продолжил Бен.

Хит находился у себя в кабинете на своем рабочем месте.

— Они вызвали копов, те едут, — продолжил Бен.

Сэнди сидела за своим столом.

— Но они не хотят, чтобы ты двигалась.

Ллойд у себя. Кэтлин у себя. Дженни у себя.

— Не спускай глаз со своей команды, — закончил он.

Взгляд, который я должна была не спускать со своей команды, упал на стол Тэнди.

Ее там не было.

У меня кровь превратилась в лед.

— Тэнди, — прошептала я.

— Что? — спросил Бен.

— Тэнди нет за ее столом.

— Черт, — пробормотал он. — Старк занят, но я позвоню. У него повсюду глаза. Если бы с ней что-то произошло, он был бы в курсе. Оставайся на месте.

Я снова окинула взглядом помещение.

Тэнди нигде не было.

— Бенни...

— Оставайся... на своем месте, *tesorina*.

Я начала глубоко дышать.

— С Ферлоком все будет хорошо?

— Ты думаешь, Старк позволит, чему-нибудь случиться?

Нет.

Думаю, что нет.

— Я почти на месте, детка. Мы выберемся и будем в безопасности.

Я уставилась на пустой стол Тэнди и сказала:

— Хорошо.

— Оставайся на месте, Фрэнки.

Он так хорошо знал меня, потому что я так хотела вскочить с места и разыскать Тэнди, убедиться, что с ней все в порядке.

Я представила, как приклеиваюсь к стулу, хотя у меня чесались руки вскочить, но все же сказала:

— Останусь, Бенни.

— Держи себя в руках, детка. Люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, милый.

Он отключился.

Я глубоко вздохнула и решила заканчивать работу.

Тэнди так и не появилась.

По истечении этого времени мой телефон зазвонил снова.

Это был Бенни.

— Бен, — прошептала я в знак приветствия.

— Оставайся на месте за своим столом. Я скоро буду.

Он уже говорил мне это.

Почему он снова говорит?

— Бенни...

— Обещай мне, что ты не покинешь своего рабочего места, Фрэнки.

Дерьмо.

Что-то пошло не так.

А Старк был занят.

И они решили воспользоваться Бенни.

— Бен...

— Пообещай мне.

— Это связано с Тэнди?

— Обещай мне.

— Бенни! — огрызнулась я.

— Мне нужно, чтобы ты пообещала мне.

О Боже.

Боже!

— Обещаю, Бенни.

— Хорошо, детка. Скоро буду.

— Будь осторожен, Бенни.

— Так и будет.

— Будь очень осторожен, Бенни.

— Так и сделаю, милая. Мне пора.

Его голос звучал нормально, хотя и с нетерпением. Почти по-деловому.

О Боже.

— Люблю тебя, — прошептала я.

— Я тоже тебя люблю. Скоро увидимся.

— Да.

Он отключился.

Я посмотрела на пустой кабинет Бирмана.

Затем на пустой стол Тэнди.

Потом посмотрела на свой телефон и позвонила Сэлу.

Он снял трубку при первом же звонке.

— Мы занимаемся этим, amata.

О Боже.

Чем?!

— Что это значит? — спросила я.

— Мне пора, Франческа, — заявил он в ответ.

— Сэл! — рявкнула я.

Он отключился.

Я вскочила со стула.

«Оставайся на своем месте, Фрэнки».

Тэнди иногда ходила в туалет, чтобы освежиться перед уходом с работы, собираясь выпить.

Я знала, что сегодня она не собиралась идти выпить.

Я не видела ее сумочки, потому что она запирала ее в ящик стола. Она бы не ушла, не предупредив меня. Если учесть, что рабочий день еще не закончился. Ни за что.

Мне захотелось сбегать в туалет и проверить, там ли Тэнди.

Я перевела взгляд на офис Бергера, говорящего по телефону. Он был далеко, но выглядел как обычно деловым, и мне захотелось подбежать к нему и рассказать, что происходит. Оторвать его большую задницу от руководящей должности и заставить его для разнообразия заняться чем-нибудь полезным, более приземленным.

Но я ничего этого не сделала.

А опустила свою задницу в кресло, перевела взгляд на свой телефон и стала гипнотизировать его взглядом, моля, чтобы он зазвонил.

Бирман сделал ход против Ферлока в «Уайлере».

Отчаянный.

До чего еще могут опуститься отчаявшиеся люди?

Бенни.

Мой Бенни.

Я услышала снаружи полицейские сирены, не одну, а множество, но я не рванула к окну, чтобы посмотреть, что происходит на улице.

А продолжала гипнотизировать свой телефон, мысленно повторяя: «Позвони мне, позвони мне, позвони».

Сирены приблизились и замерли внизу. Снаружи подросла полиция.

Я стиснула зубы.

Как Бенни удавалось — каждый день давать мне несметное количество обещаний, а затем их все выполнять? Каждое. Хотя их было десятки. Маленькие и большие. Каждый день.

Обещания.

А я едва могла сдерживать себя, чтобы не вскочить с кресла.

«Обещай мне».

— Боже, — прошептала я, чувствуя, как в горле начинает першить. — Бенни.

Я обязана была оставаться на месте. Я должна была сдержать обещание, данное Бенни. Я должна была доказать ему, что, когда ему нужно, чтобы я сделала что-то важное, я выполню. Когда он вернется, я должна ему показать, что я выполнила, данное ему обещание, сохраняя себя в безопасности ради него.

Я должна была сдержать свое обещание.

От этой мысли почувствовала, как волна шока пронзила атмосферу офиса, голова резко поднялась, глаза оторвались от телефона. Двое полицейских вошли в офис Бергера вместе с сотрудником службы безопасности «Уайлера». Еще четверо офицеров рассредоточились по помещению с таким видом, словно что-то искали.

Но Тэнди не было.

И Бенни тоже.

Я оставалась за своим рабочим столом.

Люди двигались, сходили с ума, я слышала шепот. Чувствовала на себе взгляды других сотрудников, но не сводила глаз с офицеров.

И крепко сидела задницей на кресле.

У меня перехватило горло. Защищало глаза. Я наблюдала, как Бергер быстро вышел из своего кабинета в сопровождении двух полицейских и охранника, они направились к лестнице. По полицейским рациям послышались пронзительные голоса, и двое полицейских, рассредоточившись, направились к офису Бирмана.

Я наблюдала, сжимая в руке телефон.

И сидела на месте.

Я перестала наблюдать и посмотрела в сторону лифтов. И закрыла глаза. Я не выпускала из рук свой телефон.

И сидела на своем месте.

Прошла целая вечность.

Затем раздался звонок прибывшего на этаж лифта.

У меня сжалось в груди.

Появился Бенни.

Моя грудь расслабилась, слеза скатилась по щеке.

Он огляделся, его взгляд остановился на мне, направился прямо ко мне. Двое полицейских в офисе Бирмана, двое с Хитом, Бен прошел мимо них, направляясь ко мне, входя в мою дверь, высокий, красивый, здоровый.

Я все еще оставалась на своем месте.

— Тэнди? — спросила я хриплым голосом.

— Внизу, с полицией, — ответил Бенни, обходя мой стол.

Я все еще оставалась на своем месте, поворачивая шею, не спуская с него глаз.

Он остановился рядом со мной, склонил голову набок, нахмурил брови, и спросил:

— Детка?

— Я не могу пошевелиться, — прошептала я.

Нежность смягчила его черты лица, прежде чем он прошептал в ответ:

— Иди ко мне, Фрэнки.

Вот тогда-то я и смогла двигаться.

Я вскочила с кресла и бросилась в его объятия.
Его руки мгновенно сомкнулись вокруг меня крепко-накрепко.

* * *

— Они добрались до ее соседки по квартире, — сообщил мне Бенни гораздо позже. После того как он, черт побери, поговорил с полицией, потом вытащил меня к чертовой матери из «Уайлера» и отвез домой. Мы выгуляли нашу собаку. Потом я надела штаны для йоги и футболку и позвонила, заказав пиццу, пока Бенни разговаривал со Старком. Наконец, мы растянулись на диване, я поверх Бенни, где мы и находились сейчас.

— Звонил сосед, — продолжал он. — Сказал Тэнди, что она у них и что ей нужно идти к своей машине в гараже. Схватили ее там, посадили в свою машину, уехали, и так как я был уже во внедорожнике, Старк позвонил мне и дал их координаты.

— Откуда Старк узнал, где ты можешь их найти?

— Я тоже хотел бы знать, — ответил Бенни. — Тогда я подумал либо он ясновидящий, либо у него вертолет, который видит передвижения сверху. — Я ухмыльнулась его остроте, а Бен продолжил: — Но он знал, где находится их база, так что, думаю, знал туда маршрут, по которому они поедут. Маршрут, который пересекался с моим маршрутом, поэтому Старк позвонил мне.

— А ты... что? — спросила я, хотя и не была уверена, что хочу знать.

— За мной шел Сэл и его парни, скорее всего, что он хотел меня подстраховать, потому что ты ему вроде как не безразлична. — Это вызвало у него еще одну ухмылку. — Они следовали за мной, и мы... — Он сделал паузу, прежде чем закончить: — Позаботились об этой проблеме.

— Это все, что я хочу знать? — спросила я, будучи запертой в своем кабинете, пока Бен разговаривал с полицией, так что я не слышала всей истории.

— Это все, что ты хочешь узнать, — подтвердил он.

— А что там было? — Все же спросила я.

— Добрые самаритяне увидели, как пару женщин втолкнули на склад, — ответил Бен. — Я заранее позвонил в полицию, чтобы они знали, что мы уже там. Никакой перестрелки, потому что ворвался разгоряченный Сэл и напугал их до чертиков. Полагаю, полиция все еще ломает голову, как Сэл и его парни просто случайно оказались там, разыгрывая из себя добрых самаритян. Думаю, что к настоящему времени они уже поняли, кто он такой. Но их оружие, и мое, кстати, каким-то образом исчезло во время спасения женщин до поездки в «Уайлер». Так что все хорошо.

Сэл определенно будет приглашен на вечеринку по случаю помолвки.

— Итак, все закончилось, — заметила я, и его руки сжались на мне.

— Все кончено, — тихо сказал он. — И если Бирман и Бэрроу уже не выиграли тюремный срок за то серьезное дерьмо, которое устроили, этот последний шаг — похищение женщин, определенно тянет на время за решеткой. Старк сказал, что у них есть план позаботиться обо всей команде детективов-любителей, включая женщин по имени Кэтлин, Дженни и Миранду. Бэрроу был подобран на поле для гольфа во Флориде. Старк также сказал, что Бэрроу держал свое дерьмо в чистоте, вероятно, поэтому, если что-то пойдет не так, Бирман возьмет вину на себя. Однако Найтингейл связал его с этим делом, крепко связал, так что его обработают и отправят обратно в Индиану, чтобы разобраться с бардаком.

— Они похожи на супергероев-частных детективов, — пробормотала я, настала очередь Бена ухмыльнуться мне. — Чего я не понимаю, так почему Бирман нацелился на Ллойда, Хита и тебя.

— У Старка есть ответ, детка, на твой вопрос — Бирману и Бэрроу нужна команда, чтобы держать оборону. Под огнем оказалась не только ты, этот придурок, и твой босс, но и Бергер и ряд других людей. Они собирались очистить фирму. У них уже были люди на все эти должности, с которыми они тайно беседовали.

— Ого, — прошептала я.

— Да. Они знали, что люди уже задают вопросы: твой босс — первый, Бергер — второй. Они знали, что им нужно создать свою собственную команду или, по крайней мере, людей, которых не было во время запуска продукта, способных задавать вопросы, они готовились к этому.

— Придурки, — пробормотала я.

— Мягко сказано, — ответил Бен с усмешкой.

Как раз в этот момент, когда я любовалась ухмылкой Бенни, раздался громкий стук в дверь. Ухмылка Бена погасла, глаза прищурились, когда он посмотрел в сторону двери.

— Господи, разносчик пиццы всегда так стучит?

— Нет, — ответила я, думая, что еще не пришло время появиться разносчику пиццы, учитывая, что он не мог с супер скоростью добраться до нас.

Бенни сел, увлекая меня за собой, затем поднял нас обоих на ноги. Он оставил меня стоять у дивана и направился к двери с таким видом, я поняла — разносчик пиццы получит нагоняй.

Я уже собиралась рухнуть обратно на диван, но не сделала этого, когда услышала, как дверь открылась, Бен начал: «Йоу», но был прерван громыхающим голосом Кэла, который рывкнул:

— Какого хрена, Бенни?

От его тона у меня отвисла челюсть. Я почувствовала, как тяжелый гнев заполняет меня, заметив, как Кэл своей крадущейся походкой входит в дверь, тут же задавая вопрос, может мне не стоило давать ему код от ворот. Он остановился и повернулся к Бенни, который неторопливо следовал за ним.

— Дай-ка угадаю. Тебе звонил Сэл, — заявил Бен.

— Черт возьми, да, он позвонил мне. Господи, Бенни. Ты попал в неизвестную ситуацию с Сэлом в качестве прикрытия и со мной в пятнадцати милях отсюда, понятия не имея, что дерьмо, в которое ты вмешался, серьезное? — раздраженно спросил Кэл.

— Как видишь, *cugino*, я жив, — ответил Бенни.

— Господи, трахни меня, — пробормотал Кэл, поворачиваясь ко мне. — И ты. На работе творится черт знает что, у тебя семья в пяти милях отсюда, а ты молчишь?

— Э-э... Бен и Сэл позаботились об этом, — ответила я.

Прежде чем Кэл успел вымолвить хоть слово, в дверь снова постучали. Я посмотрела на Бена, который уже направлялся ко входу, затем снова на Кэла, который хмурился, глядя на меня, и игнорировал Гаса, пытающегося залезть Кэлу на джинсы.

— Хочешь пива? — спросила я.

Кэл продолжал хмуро смотреть на меня.

Я не знала, означало это «да» или «нет», и у меня не было возможности это выяснить, услышав, как Вай рывкнула:

— Джо! Ради всего святого! Ты не можешь врывать в дом во время ужина.

Затем в комнату ворвалась Вай с Энджи на руках, Кейт и Кира следовали за ней по пятам.

— Привет, Фрэнки, — поздоровалась Кейт, натянув улыбку.

— Привет, детка. — Я улыбнулась в ответ, поскольку она не проигнорировала Гаса, когда он вразвалку заскакал к ней. А наклонилась, подняла его и прижала к себе.

— Привет, Фрэнки, — поздоровалась Кира.

— Привет, милая, — ответила я.

— Я думаю, нам нужно заказать еще пиццы, — пробормотал Бен, входя вслед за девочками.

— Круто! Пицца! — закричала Кира, забирая Энджи, но не отходя далеко. Она забрала свою младшую сестру из объятий матери только для того, чтобы Джо подкрался к ней и притянул к себе.

Он сделал это автоматически, все еще не сводя глаз с Бенни.

— Бен. Объяснение, — прорычал он.

Бенни направился на кухню и остался верен своему пути, сказав:

— Мне нечего объяснять. — Он открыл холодильник и посмотрел на Вай, потом на девочек.

— Вай? Девушки? Выпьете?

— Диетическую колу, — заказала Кейт.

— У Фрэнки есть что-нибудь из той диетической виноградной фанты? — спросила Кира.

— Фанту Фрэнки? — переспросил Бенни, обращаясь к Кире, и я поймала себя на том, что снова улыбаюсь.

— Это для меня, — сделала заказ Кира.

— Мне тоже, — отозвалась Вай, подходя к стулу и опускаясь на него. Затем она подняла на меня глаза. — У тебя есть какие-нибудь игры?

— Мы не будем играть в гребаную игру, — отрезал Кэл.

— Мы также не будем ссориться, — ответила Вай, поворачиваясь на стуле, глядя на своего мужа. — С ними все в порядке. Так что мы будем есть пиццу и проводить время в семейном кругу. — Затем она повернулась ко мне. — Должна тебе рассказать о «Вирджин Корда». О Боже мой, Фрэнки. Ты должна обязательно туда поехать с Бенни.

— Трахни меня, — пробормотал Кэл, и в дверь снова постучали.

Бенни вышел из кухни с банками шипучки, а Кэл направился к входной двери.

— Нам придется есть пиццу в два захода, — заметила я, когда он протянул Вай банку.

— Я займусь этим, — сказал он. Отдав банки Кейт и Кире, направился к двери, сунув руку в задний карман, вероятно, чтобы достать бумажник и расплатиться с разносчиком пиццы.

— Ребята, вам нужны стаканы? — спросила я девочек, готовая направиться к холодильнику, чтобы отточить навыки Бена по приему гостей.

Они не успели ответить.

Потому что я повернулась к входной двери, услышав восклицание Сэла:

— Боже милостивый, Кэл, она такая красавица!

Две секунды спустя Сэл вошел в мою гостиную с Энджи, прижатой к его лицу, Кэл крался за ним с выражением, подобным грому, а Бенни присоединился к вечеринке последним, выглядя отчасти смирившимся, отчасти раздраженным, а отчасти так, словно вот-вот расхохочется.

— Кто такая красивая девочка? Кто такая хорошенькая малышка? — Сэл что-то проворковал, затем крепко прижал Энджи к груди и заглянул в комнату. Он заметил Вай, Кейт и Киру и снова повернулся к Кэлу. — Ты молодец, *figlio*, комната наполнилась красотками. — Он повернулся назад. — Привет, девочки, — поприветствовал он Кейт и Киру. — Я дядя Сэл.

— Я Кейт, — сказала ему Кейт.
— Я знаю, — ответил ей Сэл.
— Я Кира, — сказала ему Кира.
— Это я тоже знаю, *bella*, — сказал ей Сэл.
— Не хочешь вернуть мне мою дочь? — Вмешался в разговор Кэл.
— Нет, — ответил Сэл.
— На самом деле это не вопрос, — заметил Кэл.
— Попробуешь забрать у меня эту красавицу, я отрежу тебе руку, — огрызнулся Сэл.
Кэл посмотрел на свои ботинки, прежде чем повторил:
— Трахни меня.
— Должна ли я еще раз сказать, я предпочла бы, чтобы ты воздержался от слова «трахни» в присутствии моих девочек? — огрызнулась Вай.
— Соседка, Энджи даже не понимает, о чем я говорю, — выпалил Кэл.
— Давай постараемся, чтобы до двадцати трех она не слышала от тебя этих слов, — парировала Вай.
— Да, — услышала я, как Бенни сказал в этот момент. — Это Бенни Бьянки. Двадцать минут назад мы заказали пиццу в «Брендал». Мне нужны, — он обвел взглядом комнату, — еще две. Большие.
— Я люблю с пепперони! — крикнула Кира.
— С сосисками! — закричала Кейт.
— Не забудь про перец, — вставил Сэл.
Вот тогда-то я и плюхнулась на диван и расхохоталась.
И почувствовала, что Сэл (и Энджи) сели рядом со мной. Когда я снова смогла видеть сквозь слезы смеха, увидела Кэла, сидящего на подлокотнике кресла Вай, положив руку ей на затылок, не сводя глаз с Кейт и Киры, которые устраивались поудобнее, Кира рядом со мной, Кейт на подлокотнике дивана рядом с Сэлом и Энджи.
И я услышала, как Бенни сказал:
— Наполовину пепперони, наполовину с сосисками. Другая со всем.
Кира прижалась всем весом ко мне и прошептала на ухо:
— Скоро начнутся занятия в школе, думаю, что Джо сдастся теперь в ситуации с Джаспером Лейном.
Я повернула голову, посмотрела в ее прекрасное лицо, и тут меня осенило.
Я была там, где всегда хотела. В безопасности. Дома. С моим мужчиной и моей семьей.
Момент, который стал началом всей моей оставшейся жизни.
Полной обещаний.

Эпилог

Все правильно

Я припарковалась за пиццерией, открыла дверь, выставила ногу в туфле-лодочке на высоком каблуке и вытащила свою задницу в деловом костюме из своей Z.
И влетела в дверь ресторана черного входа, пронеслась через пустую кухню, которая, тем не менее, была в беспорядке, напрямик в главный зал.
Все столпились поближе к входной двери. Винни, Бенни, Вай, Кэл с Энджи, Кейт и Кира. Тереза со своей камерой стояла перед ними.

— Привет! — крикнула я, обегая бар.

— Фрэнки! — воскликнула Кейт.

— Ура! — закричала Кира.

— Фрэнки! Как раз вовремя! Давай в кадр, — приказала Тереза.

— Не могу, дорогая, мне нужно успеть на другое собеседование. Но я хотела заскочить к вам и сказать «привет», — сказала я, обходя их, заметив запачканные белые фартуки у Кейт и Киры, держащих в руках основу из теста под пиццу.

Потому что Бенни потратил час, пока я пребывала на собеседовании, обучая их, как сделать тесто для пиццы.

Они готовились ко Дню благодарения. В это утро они пришли поздно, когда я направлялась на собеседование *numero uno*.

Тереза устраивала День благодарения (конечно же), и Карм, Кен и дети должны были приехать вечером.

Так что было хорошо, что мы с Беном привели в порядок нашу гостевую комнату, потому что, поскольку Карм с семьей приедут в город, это означало, что Вай, Кэл и девочки смогут остаться у нас.

Отчего я была счастлива.

С другой стороны, в дни, которые начинались в постели с Бенни и заканчивались так же, я всегда была счастлива.

Я быстро обняла и поцеловала всех, закончив девочками.

— Оставьте мне кусочек, — попросила я, с улыбкой глядя на потрясающе выглядящую основу теста для пиццы, которая, как я знала, будет также потрясающей на вкус, потому что Бенни научил их правильно готовить.

— Обязательно, — пообещала Кейт.

Я улыбнулась ей, а затем пошла к своему мужчине.

Прижав руку к его груди, поднявшись на цыпочки, я сказала ему на ухо:

— Вернусь, как только смогу.

— Срази их наповал, сага, — прошептал он мне на ухо, положив руку мне на талию и поцеловав в подбородок.

Я поцеловала его, запрокинув голову, одарила его улыбкой, собираясь выбежать.

— Фрэнки! Две секунды! Я хочу, чтобы ты была на этом кадре! — Прокричала Тереза.

— Я буду в следующем! — крикнула я в ответ, пробираясь вперед, но улыбаясь и махая всем.

— Фрэнки! — крикнула она.

— Люблю тебя, Тереза! — крикнула я из кухни, продолжая двигаться на выход.

Было паршиво, что за день до Дня благодарения, когда семья приехала в город, у меня было назначено парочка собеседований, но работа была местной, и обе были многообещающими. Дело было не в том, что я не хотела бы сделать передышку и некоторое время не работать. Это было приятно. Просто все барахло Бенни было рассортировано, в доме было чисто, комната для гостей прибрана, так что мне было нечем занять свое свободное время. Также было бы неплохо найти работу.

И в любом случае, я была права.

Я хотела быть на той фотографии, которую делала Тереза.

Но я буду обязательно на следующей.

Я отключила звонок, встала с дивана в гостиной и направилась по коридору. Услышав, как на кухне тихо играет Godsmack, достала себе диетическую виноградную фанту из холодильника, который Бен перенес в кабинет.

Затем пересекла холл и встала за детской оградой у кухонной двери, предназначенной, чтобы не впускать Гаса. И эта ограда совсем не нравилась Гасу, и я знала об этом, учитывая, что он сидел на заднице у двери, виляя хвостом и приковав свой взгляд за ограду.

Я перевела взгляд на кухню и увидела своего мужчину в опустошенном помещении, стены которого были недавно выкрашены в масляно-желтый цвет, сейчас он укладывал плитку.

— Я не совсем понимаю, как мое желание купить новые полотенца, вымыть пол и заднюю панель кухни привело к тому, что ты выпотрошил всю кухню, — заметила я, поворачивая язычок у банки с фантой.

— Это ты спрашиваешь меня, почему я что-то делаю?

Я ухмыльнулась.

— Да.

Он перевел взгляд с плитки, которую только что положил, на меня.

— Ты получишь новую кухню. Почему ты хочешь знать, почему я дарю ее тебе?

— Потому что у меня сейчас нет плиты, а мне нравится, когда у меня есть плита и я могу готовить.

Бен оглянулся на стены, где он укладывал плитку, и сказал:

— Примерно через неделю у тебя будет плита.

— Неделя — это долгий срок, — заметила я.

— Неделя есть неделя, — ответил он.

— Совершенно верно, — пробормотала я, улыбаясь. — Неделя есть неделя.

— Ты решила придать мне стимул? — спросил Бенни, кладя еще одну плитку.

— Возможно.

— Все что угодно, — пробормотал он, ухмыляясь плитке, будучи моим потрясающим Бенни, потому что я была женщиной, которая доставляла удовольствие своему мужчине, а он был мужчиной, которому это нравилось.

— Ты хочешь знать, что ответила Тэнди? — Спросила я.

— Да, — ответил он.

— Правление официально повысило Трэвиса Бергера с исполняющего обязанности генерального директора до генерального директора, поскольку он так хорошо справился со всем дерьмом, которое произошло после того, как «Тенрикс» вывели на чистую воду.

— И мне не насрать на это, потому что..? — спросил Бен.

Я ухмыльнулась поверх банки фанты и ответила:

— Просто к твоему сведению, — прежде чем сделать глоток.

— Что Тэнди сказала о твоём предложении по поводу работы?

— Узнав, что будут платить на десять тысяч больше в год, и я ей сказала, что уговорила своих новых боссов оплатить ее расходы на переезд, потому что она была такой хорошей помощницей, она согласилась.

Взгляд Бенни остановился на мне, и я обнаружила, не в первый раз, что была права: я не привыкну к красоте его глаз. Я никогда не привыкну к красоте его глаз. Особенно, когда они смотрели вот так — счастливые так, я знала, что он рад за меня.

— Хорошие новости, детка, — мягко сказал он.

— Ага, — ответила я так же тихо. — Команда Фрэнки и Тэнди надерут задницы на новой работе в Чикаго.

Он улыбнулся мне.

Нет, я никогда не привыкну получать все это добро от Бенни Бьянки.

— Мы отпразднуем это событие сегодня вечером. Заходи и составь мне компанию на кухне, — пригласил он.

— Это я могу, — ответила я ему, но только потому, что мне нравилось составлять ему компанию на кухне. — Теперь, я собираюсь предоставить тебе заниматься своим делом. А я собираюсь отправиться к миссис Замбино.

— Возьми Гаса с собой. От его пристального взгляда, я чувствую себя виноватым.

Я опустила глаза на Гаса, который действительно выглядел так, словно тосковал по своему папочке, несмотря на то, что его папочка был всего в шести футах от него.

Я оглянулась на Бенни.

— Хорошо, саро.

Бен бросил на меня взгляд, но сделал это с подергивающимися губами.

Я улыбнулась ему и сообщила:

— Теперь ты можешь снова включить музыку. — Затем хлопнула себя по бедру и позвала собаку, направляясь к входной двери. Гас последовал за мной, больше не тоскуя по папочке. Он тяжело задыхался, и на его лице появилась собачья улыбка, он был счастлив, что может провести время с мамочкой.

Музыка загрела громче. Я ухмыльнулась, натянув кардиган, надела поводок на Гаса, и мы вышли за дверь и перешли улицу. Я поднялась на крыльцо дома миссис Замбино, Гас, переваливаясь поднялся за мной.

Оказавшись перед дверью, я взяла поводок в руку с банкой шипучки и постучала в дверь.

Дверь открылась через две секунды, через полсекунды от меня потребовали ответа:

— Что ты с этой дворняжкой здесь делаешь?

Я окинула взглядом идеально уложенные волосы, сделав мысленную заметку спросить, где она купила такой свитер, чтобы я смогла купить точно такой же, прежде чем ответила:

— Мы пришли в гости.

— Мне кажется, Бенни обустроивает для тебя новую кухню, — заметила она.

— Так и есть, — подтвердила я.

— Тогда почему ты ему не помогаешь?

Я посмотрела вниз на свои потрясающие джинсы, потрясающий топ, стильный кардиган и великолепные туфли на высоком каблуке, затем подняла глаза на соседку.

— Я что, похожа на женщину, которая кладет плитку?

— Ему нужна помощь, — сообщила она мне.

— Мэнни собирается зайти, разобраться со шкафами и прочим, — сообщила я ей.

— Он кое-что делает для тебя, Франческа.

— Да, и моя работа — выглядеть потрясающе, напоминая ему почему, он... — Я провела рукой по своей груди, позволив все сказать без слов.

Она закатила глаза.

— Не хотите меня впустить? — Спросила я.

— Думаю, да, — раздраженно пробормотала она и отступила в сторону, но сделала это, все же бормоча. — Если хоть капля твой шипучки упадет на мою мебель, ты заплатишь за уборку.

— Я буду очень осторожна, миссис Замбино, — сказала я, когда мы вошли.

Мы устроились в ее гостиной. Я спустила Гаса с поводка, и он направился напрямик к ее ногам, развалившись на них.

Она ни слова не сказала против, несмотря на то, что называла его «дворняжкой», на самом деле она его обожала. Я знала об этом, потому что она приходила по утрам, требуя, чтобы Гас ходил с ней на силовые прогулки.

При этом она говорила:

— Ведь кто-то должен поддерживать эту дворняжку в форме, — хотя она знала, что Бенни или я выводила его по крайней мере на три прогулки в день.

Вместо того чтобы сказать что-нибудь о Гасе, она пронзила меня своим пристальным взглядом.

— Вижу, Бенни не надел тебе кольцо на палец.

— Пока нет.

— Он должен позаботиться об этом. Жить вместе без Божьего разрешения. Теперь, когда Мэнни наконец-то сделал из своей Селы честную женщину, Тереза зажигает свечу за свечой в надежде спасти ваши души.

Я ухмыльнулась ей из-за ее неприветливых слов, сказанных не зло, при упоминании о потрясающей свадьбе Мэнни и Селы.

А потом предложила:

— Почему бы вам не сделать мне одолжение, намекнув ему, что пора бы ему этим заняться?

Она посмотрела на свои колени, пробормотав:

— Я не хочу мешать его работе на твоей кухне.

Это означало, что она была счастлива доставить мне удовольствие, но не значит, что хотела бы доставить удовольствие Бенни Бьянки. Я подумала, что это не было связано с тем, что она боялась Бенни. Она ничего не боялась. Скорее всего она не хотела делать ничего, отчего он мог бы перестать что-то чинить у нее, когда ломалось, что случалось не часто, но ее дом был старым, так что это случалось регулярно.

— Миссис Замбино, — позвала я, и она оглянулась на меня. Я скрестила ноги и, не сводя с нее глаз, прямо сказала: — Ты оказалась права.

— Я всегда права, — ответила она, и я снова ухмыльнулась. — Но в чем конкретно я была права на этот раз?

— Любовь никогда не ошибается.

Она изучала меня, но готова была поклясться, что ее взгляд смягчился.

— Мне повезло, — тихо сказала я. — У меня есть пожилая женщина через дорогу, готовая всегда поделиться своей жизненной мудростью.

Она посмотрела на свой телевизор.

— Миссис Замбино, — снова позвала я, и она посмотрела на меня. — У меня заняло некоторое время, но ты завела тогда разговор, так что должна знать — сейчас я смотрю в зеркало и вижу то, что видишь ты.

Да, определенно. Ее глаза стали теплыми.

— Фрэнки, — прошептала она.

— Знаешь, что я вижу, когда смотрю на тебя? — Спросила я.

Она плотно сжала губы.

— Истинную красоту, — тихо произнесла я.

Именно тогда я увидела, как заблестели ее глаза, за секунду до того, как я увидела, как она вздернула подбородок, и услышала, как ее губы произнесли:

— Если ты думаешь, что сможешь добиться моего расположения, будучи милой со мной, забудь об этом. У меня достаточно девушек, дерущихся из-за моих украшений и сумочек.

Я завещаю что-нибудь тебе, перед смертью, тебе понравится.

— Конечно, понравятся, у тебя отличный вкус, — ответила я ей.

— Знаю, — ответила она.

Вот тогда-то я и расхохоталась.

* * *

Как только официант отошел от нашего столика, я схватила свой бокал с шампанским, перевела взгляд на Бенни, сидевшем напротив меня, поднесла бокал к губам и отставила его обратно.

Все.

Бенни расхохотался.

Мы были у «Джузеппе». На мне было феноменальное платье, я знала, что оно феноменальное, потому что мы опоздали в ресторан, поскольку Бенни пригвоздил меня к стене примерно через наносекунду после того, как увидел меня в нем.

Мы пришли к «Джузеппе», чтобы отпраздновать нашу новую кухню, что было немного безумно, учитывая, что я не хотела в ресторан. Я была сыта по горло ресторанами, едой навынос и приготовлением в микроволновке за последний месяц, который Бенни провел, делая ремонт на кухне.

Я хотела воспользоваться моей потрясающей новой плитой, засовывать голову в мой пугающе дорогой новый холодильник из нержавеющей стали, пока он не начнет пищать (закройте дверцу, откройте ее и снова уставитесь в похожее на пещеру пространство).

Но Бенни хотел отпраздновать это событие у «Джузеппе».

А Джузеппе был «Джузеппе».

Так кто же я такая, чтобы отказываться?

Бен потянулся к бутылке шампанского и начал наполнять мой бокал, говоря:

— Рад, что неделя в пиццерии была отличной и мне не придется брать кредит, чтобы оплатить сегодня наш чек.

В пиццерии «Винни и Бенни» каждая неделя была хорошей.

Но я этого не сказала.

А сказала:

— Очень удачно.

Он сунул бутылку обратно в ведро, затем сунул руку во внутренний карман пиджака, говоря при этом:

— Также рад, что бизнес налаживается, и я смог заплатить за новую кухню, которая, знаю, тебе очень понравилась, но ты все еще жалуешься, и поэтому я смог купить тебе вот это.

И он положил кольцо с бриллиантом передо мной.

Я уставилась на бриллиант огранки «подушечка», окруженный маленькими бриллиантиками, мерцающими в свете свечей. Кольцо, которое не было маленьким или неброским. Кольцо, которое было связано со вспышкой и ударом.

Кольцо, которое идеально подходило мне.

Затем мой взгляд метнулся к Бенни, мужчине, который идеально подходил мне.

Его брови приподнялись, но его глаза были прикованы к моим, когда его глубокий, непринужденный голос спросил:

— Хочешь провести со мной остаток своей жизни?

У меня перехватило дыхание.

— Фрэнки? — позвал он.

Я не двигалась и не говорила. Я просто сидела, застыв на своем стуле, уставившись на своего Бенни Бьянки.

— Сага, — прошептал он.

— Тебе обязательно спрашивать? — прошептала я в ответ, и его губы изогнулись в улыбке.

— Нет.

— Ты наденешь мне кольцо?

Именно тогда он одарил меня ослепительной, красивой улыбкой Бенни Бьянки.

— Да.

Я облизнула губы и протянула руку.

Бен протянул руку и взял кольцо. Он надел его мне на палец, и, клянусь Богом, я почувствовала электрический разряд каждым дюймом кожи, как только кольцо очутилось на пальце.

Затем он обхватил мою ладонь пальцами, прижав подушечку большого пальца к бриллианту, но его глаза не отрывались от моих.

— Ты собираешься выпить еще бокал шампанского? — Спросил он.

— Конечно.

— Не хочешь выпить его после того, как поцелуешь меня?

— Совершенно определенно.

Мы сидели в ресторане, Бен держал меня за руку, его большой палец был прижат к бриллианту, который он только что одел мне на палец, и никто из нас не двигался. Мы просто смотрели друг другу в глаза.

Это продолжалось некоторое время, Бен подсказал:

— Ты хочешь поцеловать меня до того, как вернется официант, прервет самый важный момент в моей жизни и выведет меня из себя?

Самый важный момент в моей жизни.

Господи.

Бенни.

Я зашевелилась, но Бенни не отпустил мою руку и продолжал не отпускать ее, даже когда я обогнула стол, а он отодвинул свой стул.

Мы были у «Джузеппе». Нужно было соблюдать приличия.

Но мне было все равно.

Я села к нему на колени, запустила пальцы свободной руки в его удивительные волосы, в то время как он прижал руку, которую держал у себя на груди. Оказавшись как можно ближе к своему мужчине, я наклонила голову и поцеловала своего новоиспеченного жениха.

Когда я закончила целовать, Бен не отпустил меня. Он обхватил ладонями мой затылок, прижал мой лоб к своему и не отрывал взгляда от моих глаз.

— Никогда не любил другую женщину. Никогда в жизни, — тихо сказал он, и у меня перехватило дыхание. — Ждал, когда у меня все получится правильно, — продолжал он.

Его рука сжала мою, он подвинулся так, что кончик его носа коснулся моего, и закончил:

— Я все сделал правильно.

Господи.

Бенни.

— Дорогой, — прошептала я.

— Люблю тебя, Фрэнки, — прошептал он в ответ.

— Я тоже люблю тебя, Бенни.

Я видела, как улыбаются его глаза, и на этот раз он поцеловал меня.

Закончив, он отодвинулся на дюйм и заявил:

— Сказал маме, что не подарю тебе кольцо тети Мэри. Должно быть, это ты сказала ей, что не хочешь этого.

Я отпрянула назад и рывкнула:

— Бенни!

Затем меня дернули вперед, крепко сжав в объятиях, на его коленях, и я слушала как раз в этот момент, почувствовав, как Бенни Бьянки расхохотался мне в шею.

Ну что ж.

Да, ради Бога.

Даже если Тереза разозлится на меня из-за кольца.

Она справится с этим.

* * *

Я сидела, свернувшись калачиком, в углу дивана Джини в ее гостиной, Сэл — в своем кресле рядом со мной.

Бенни был на кухне, помогал Джине готовить кофе для всех.

Потому что Бенни был потрясающим.

Но еще и потому, что он оставил меня с Сэлом, о чем я попросила его перед тем, как мы пошли на ужин к Сэлу и Джине.

— Горжусь этим мальчиком, — произнес Сэл, и я посмотрела на него. — Разошелся по-крупному. Моя Фрэнки заслуживает мужчину, который добьется успеха.

Я понятия не имела, о чем он говорит, пока он не протянул руку и не коснулся потрясающего бриллианта на моем пальце на руке, лежащей на подлокотнике рядом с ним.

— Да, он потрясающий, — согласилась я.

Сэл перевел взгляд с моего кольца в мои глаза, его глаза потеплели от счастья за меня, и он сказал:

— Да.

Должна признать, что мне нравилось, что Сэл полюбил Бенни ради меня.

И вот теперь пришло время.

— Кстати, о моем кольце, — начала я, немного выпрямляясь на диване и полностью поворачиваясь к Сэлу.

— Фрэнки, amata, все в порядке, — мягко произнес Сэл.

— Я...

— Мы с Джини понимаем.

— Сэл, если ты...

— Мы рады, что Бенни пришел с тобой к нам на ужин, чтобы мы могли воспользоваться моментом и отпраздновать ваше важное событие.

— Сэл...

Он протянул руку и сжал ее вокруг моей.

— Рад за тебя, Франческа.

— Могу я кое-что сказать? — Спросила я.

Он твердо выдержал мой взгляд и кивнул.

— Я поговорила с Винни и Терезой.

— Ты не...

— Сэл, — тихо перебила я его. — Пожалуйста, дай мне закончить.

Он замолчал.

— Бенни разговаривал с ними вместе со мной.

Когда я больше ничего не сказал, Сэл кивнул.

— Они согласились.

— Это радостный день для них, для тебя и Бенни, а мы с Джиной не...

Я снова перебила его.

— Они все поняли и согласились, если ты не против это сделать — повести меня к алтарю.

Сэл замер.

Я быстро произнесла.

— Это была идея Бенни.

Сэл уставился на меня.

Внезапно мне стало смешно.

— Папа все еще не разговаривает со мной, отчасти потому, что я не разговариваю с ним, и в любом случае, он не заслужил такой чести. Но если тебе это кажется странным... — начала я.

Именно тогда, внезапно, мою руку дернули, отчего она болезненно дернулась прямо перед тем, как я не была уже на диване, а вскочила на ноги и оказалась в крепких объятиях Сэла.

Он по-прежнему ничего не говорил. Он просто продолжал сжимать меня в своих объятиях.

Поэтому я спросила:

— Могу ли я расценивать это как согласие?

Он продолжал молчать, но сжал меня так, что у меня перехватило дыхание.

Я восприняла это как согласие.

* * *

— Твой отец — лошадиная задница.

Это сказала Крисси, сидевшая за столом рядом со мной.

Это была наша с Бенни вечеринка в честь помолвки. Огромное спасибо, на чем Винни и Тереза настояли с тех пор, как, как только Сэл согласился взять на себя честь выдать меня замуж, он буквально тут же вмешался, заявив, что оплачивает всю свадьбу. Они с Бенни поссорились, компромисс заключался в том, что мы с Бенни собирались оплатить репетиционный ужин и медовый месяц.

Итак, когда платить стало не за что, Тереза сошла с ума и объявила, что мы устроим грандиозную вечеринку по случаю помолвки. Затем она приступила к планированию этого мероприятия, как только получила официальное разрешение от нас с Бенни.

Бенни это раздражало.

Мне нравились вечеринки и повод купить потрясающее платье, которое заставило бы моего жениха возбудиться, так что я была абсолютное не против.

— Что? — спросила Шерил, сидя рядом со мной, Крисси, Кэт, Вайолет и Ашикой.

Я оторвала взгляд от Киры, которая привела похвастаться своего очень красивого молодого парня, Джаспера Лейна и посмотрела на Шерил.

Но Кэт, державшая на руках своего спящего сына Шона, заговорила первой.

— Энцо-старший, наш не столь выдающийся отец, ведет себя как придурок.

Неудивительно. — Она посмотрела на меня. — Это Нэт продолжает дуться на всех и вся.

Мне было больно.

Искренне.

Я позвонила ей, решив поделиться новостями и залатать брешь. Я решила позвонить, хотя у меня было предчувствие, что Нэт будет пребывать не в лучшем настроении, главным образом потому, что она находилась в процессе развода, жила с Нинетт, и ее дела шли неважно.

Нэт остается Нэт во всем, она попыталась настоять на своем, но Дэйви победил, учитывая количество полученных повреждений, а у Нэт даже не было синяка. Его мама внесла за него залог, и он вышвырнул Нэт вон из своего дома, сменив замки, устроился еще на одну работу, чтобы оплатить адвоката, которого нанял для подачи заявления на развод.

Нэт работала стриптизершей, жила с мамой, которая так и не повзрослела, и потеряла мужчину, которого любила, — и все это из-за того, что принимала неверные решения. Она отказывалась брать на себя ответственность за свои поступки, отказывалась взрослеть, осознавать и принимать со всей ответственностью свои решения, хоть как-то поменять свою жизнь, от этого она стала еще стервознее.

Она не чувствовала семейной любви, и когда я позвонила, чтобы залатать брешь, решив попросить ее быть подружкой невесты, она послала меня нах*й и попросила передать Бенни то же самое.

Я передала Бенни, как только он услышал мои слова и увидел мое лицо, пока я говорила, он заявил:

— С этой минуты эта сука для тебя умерла, *tesorina*, и я серьезно.

Я не могла не заметить выражения его лица, когда он это говорил, он говорил серьезно.

Но правда заключалась в том, что именно Нэт должна была между нами залатать брешь.

Она этого не сделала, и это мне причиняло боль.

Но это тоже было ее решение.

Нинетт решила встать на сторону Нэт, главным образом потому, что она не платила за квартиру и нутром чувствовала, где можно получить хлеб с маслом бесплатно.

Это было не больно. Я уже давно научилась не позволять эгоизму Нинетт воздействовать на меня.

Я попросила Энцо-старшего прийти. Он не ответил на мой звонок, поэтому приглашение было отправлено на голосовую почту. Он не ответил и на голосовую почту, и меня это устраивало, потому что я хотела, чтобы Крисси и Ева присутствовали на моей свадьбе, и я хотела хорошо провести время без неловких нюансов, поэтому в конце концов, я получила то, что хотела, поскольку он не ответил на мое приглашение. Энцо-младший не мог прийти, потому что у него не было денег, учитывая, сколько он платил алиментов на ребенка. Но мой брат Дино и его семья придут, а также Кэт с мужем.

Как и остальные мои, те, кто был верен, даже если они не были мне кровными родственниками.

— Можно просто сказать, что в нашей семье полный бардак, — заявила я Шерил.

— А в чей такого нет? — спросила она в ответ, и все знали ответ на этот вопрос.

Ничьей.

Каким-то образом ускользнув от Арта и Селы, которые присматривали за ней, Ева подбежала к своей маме, хлопнула ее ладонями по бедрам, затем повернулась ко мне и хлопнула своими ладошками по моим бедрам. И я подняла свою младшую сестренку, посадила ее к себе на колени, и она закричала:

— Фванки!

Я улыбнулась ей, низко наклонилась и потерлась своим носом о ее.

Она хихикнула, заметила Вай, поерзала у меня на коленях и бросилась в объятия Вай.

Что-то в этом заставило меня пройтись взглядом по комнате, я остановилась на Кэле, разговаривающим с Сэлом и Винни. Я продолжала осмотр и увидела Терезу с Тэнди и Кейт, с Энджи на руках.

Кэл стоял к ним спиной. В руке у него было пиво, и его губы изогнулись в ответ на то, что говорил Сэл.

Вот так. Кэл наконец-то обрел свое счастье.

И это счастье поселилось в моей душе.

— Новости из Бурга: отец парня Киры уже занят, — сказала мне Шерил, и я посмотрела на нее.

— Да?

— Сценарий Кольта и Феб, — объяснила она. — Очевидно, он влюбился в девушку много лет назад. Они расстались, теперь они снова вместе и блаженно счастливы.

— Круто для него, — сказала я.

— Еще одна неудача для меня, — ответила она.

Я улыбнулась ей, но краем глаза заметил Еву, бросившуюся в мою сторону, и наклонилась как раз вовремя, чтобы поймать ее.

— Я работаю на стройке, — заявила Кэт, намекая на то, чего Шерил не договорила. — Я могла бы познакомить тебя со многими парнями.

— Я живу в Индиане, — отметила Шерил.

Кэт окинула Шерил беглым взглядом, затем ответила:

— Они находят каких-то полных дур. Женщины... — Она покачала головой. — Ты не поверишь. Я думаю, они готовы были бы ездить, чтобы заполучить живого человека.

— Запиши мой номер в свой телефон, — приказала Шерил.

Вайолет посмотрела на меня и усмехнулась.

Я ухмыльнулась в ответ.

Сделав это, я перевела взгляд с Вайолет на другой конец комнаты.

Там увидела Бенни, стоявшего с миссис Замбино и половиной ее команды по боулингу. Казалось, они все говорили одновременно, но миссис Замбино мертвой хваткой вцепилась в руку Бенни, хотя казалось, что она отчитывает одну из своих девочек и делает это раздраженно.

Но мой мужчина смотрел на меня.

Я приложила все усилия, чтобы надежно прижать к себе свою активную сестру, даже когда поднесла пальцы к губам и послала ему воздушный поцелуй.

Он уловил мой жест, потому что с другого конца комнаты увидела улыбку в его прекрасных глазах.

Или, может мне показалось.

Но я знала, что его глаза точно улыбались мне, потому что я почувствовала его улыбку.

Странно, как он мог такое делать. Я сижу со своими девочками, окруженная людьми, которых люблю, праздную свою помолвку с лучшим мужчиной в мире, прижимаю к себе свою младшую сестру, а он снова, выполнив все свои обещания, меня поражает.

Одним лишь взглядом и чувством.

Исполняя еще одно обещание.

* * *

Я подписала счет за обслуживание номера, уставившись на него, внезапно застыла.

Вот оно. Черными чернилами.

Франческа Бьянки.

Потом вышла из ступора и улыбнулась.

Огромной улыбкой.

Я вручила счет сотруднику вместе с чаевыми. Он опустил подбородок и вышел за дверь. Я открыла и закрыла дверь номера и снова повесила табличку «Не беспокоить».

— Господи, Фрэнки, ты открывала дверь? — Зарычал Бэн, и я повернулась, глядя на него, как он выходит из душа с полотенцем на бедрах.

Не упускай из вида приз.

Вот он мой приз. Мой навсегда.

Бенни.

— Ты был в ванной, — указала я на очевидное.

— Да, всего две минуты.

— Мне нужно шампанское.

— И ты не могла подождать две минуты?

— Нет. И невежливо заставляя кого-то ждать за дверью две минуты, не говоря уже о том, что он мог уйти.

— Ты в ночной рубашке, — заметил Бен.

— Я уверена, что он видел женщин и в меньшем, — ответила я, затем заметила: — Ты в полотенце.

— Я парень. Он же парень?

— Да.

Его взгляд прошелся по мне во всю длину в моей маленькой, кружевной, облегающей ночнушке цвета слоновой кости.

— Господи, — пробормотал он, подходя к шампанскому.

Я посмотрела на окна.

Вай оказалась права.

«Вирджин Горда» был потрясающим курортом.

Или, по крайней мере, так выглядел.

Возможно, до конца нашего двухнедельного медового месяца мы с Беном увидим больше, чем только из окна нашего гостиничного номера.

Хотя я не питала особых надежд на это, поскольку мы пробыли здесь уже четыре дня и не выходили из комнаты.

Я услышала, как выстрелила пробка от шампанского, и посмотрела на своего мужа.

Он смотрел на меня.

— Ты хочешь, чтобы я налил в бокал? — спросил он, держа бутылку за горлышко.

— Неа, — ответила я.

Он ухмыльнулся мне.

Потом стал меня преследовать.

Я отступала.

Рухнув прямо на кровать.

* * *

Бен передал меню официанту и посмотрел через стол на свою жену.

Пышные волосы. Темный макияж. Красота при свечах.

Затем он опустил взгляд на ее полный бокал шампанского, к которому она не притронулась, когда официант поставил его перед ней, они изучали меню, официант вернулся, сделали заказ.

— Ты не собираешься сегодня вечером побить рекорд по быстрому употреблению бутылки шампанского? — поддразнивая спросил он.

Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась той улыбкой, которая ему так чертовски нравилась.

Но на этот раз у нее действительно был секрет.

Секрет, который она сообщит.

Он понял это, когда она ответила:

— Нет, я не смогу какое-то время принимать спиртное, потому что ношу твоего ребенка.

Бенни замер.

Она продолжила:

— Когда увидишь официанта, не мог бы ты заказать мне «Вирджин Беллини», малыш?

Бенни не ответил.

— Бенни? — позвала она.

Он не двигался и не говорил. Он просто сидел, застыв на стуле, уставившись на свою Фрэнки.

— Милый, — прошептала она.

— Иди сюда сию секунду, — прорычал он.

В кои-то веки его жена не стала его отчитывать за тон. Просто встала, обогнула стол, он отодвинулся, она села к нему на колени и приблизила свое лицо к его, чтобы он мог завладеть ее губами.

Закончив, он не сводил с нее глаз, положив руку на ее плоский живот, в котором зародилась новая жизнь.

Черт побери.

Фрэнки.

— Счастлив? — прошептала она.

— Абсолютно.

Она потерлась носом о кончик его носа, прежде чем тихо сказать:

— Люблю тебя, Бенни Бьянки.

Господи, так чертовски мило.

— Я тоже люблю тебя, Фрэнки Бьянки.

Он увидел улыбку в ее глазах, почувствовал, как она прикоснулась губами к его губам, затем соскользнула с его колен.

Он вытер ее блеск со своих губ, заметив Елену у стойки администратора, улыбающуюся им.

Ему было знакомо это чувство — иметь свое собственное место, куда выстраивались очереди, чтобы хорошо провести время. Он знал, что именно поэтому поколение за поколением надрывалось, чтобы это место процветало, чтобы потом ты мог передать его следующему наследнику семьи.

Но Елене доставалось лучшее, и к ней приходили часто. Люди приходили в ее ресторан именно по этой причине, чтобы поделиться самыми важными моментами своей жизни.

Он кивнул, затем снова посмотрел на свою беременную жену.

Десять минут назад она была безумно красива.

Сидя напротив него с его малышкой внутри, Бенни, без сомнения, знал, что в его жизни не было ничего, что он мог бы увидеть или почувствовать, что было бы в данный момент прекраснее его жены.

И он был неправ.

* * *

Бен скользнул рукой вниз по боку Фрэнки, обхватил ее голую попку. Он приподнял ее, чтобы она могла взять его член глубже, и когда она это сделала, почувствовал ее тяжелое дыхание у своего уха.

— Вот так, детка? — прошептал он ей на ухо, двигаясь медленно, но твердо и глубоко.

— Да, Бенни.

— Если хочешь большего, тебе нужно просто сказать.

Она крепче сжала ногу, обхватывая его бедро, провела пальцами вверх по его позвоночнику, пальцами другой руки скользнула по его волосам, снова взяв его член и тихо выдохнув, сказала:

— Я знаю, милый.

Бенни вдыхал запах своей жены, чувствовал ее волосы на своей щеке, ее влажную киску, сжимающую его член, и слушал звуки, которые она издавала, слыша через открытое окно шум прибоя, бьющегося о берег, крики и хихиканье его сына и дочери, игравших на песке с их бабушкой и дедушкой.

И у него снова получилось.

Это был момент в его жизни, когда он не сомневался, что когда-нибудь настанет другой, более прекрасный.

Однако на этот раз, даже когда он испытал этот прекрасный момент на себе и не сомневался в этом, он все равно знал, что окажется неправ, потому что потом наступит еще более прекрасный.

* * *

Бен вошел в огромную кухню огромного дома, который он купил для своей семьи шесть лет назад, когда Фрэнки родила его второго сына — третьего ребенка.

Войдя, он остановился как вкопанный, увидев Фрэнки в деловом костюме, на каблуках, стоящую с ручкой в одной руке и мобильным телефоном у уха в другой, пишущую что-то в календаре на стене и говорящую в трубку:

— Да. Мы сможем. Мы свободны. — Она помолчала мгновение, прежде чем сказать: — Круто. Что нужно принести?

Он услышал ее смех, и даже звук, который ему нравился, независимо от того, сколько раз он его слышал, а он слышал его часто, не вывел его из оцепенения.

— Мы сможем. Однозначно. Тогда увидимся. — Пауза перед тем, как сказать: — Да. Ты тоже. Пока, Вай.

Она отключилась, посмотрела на него и улыбнулась.

— Привет, малыш.

— Привет, сага, — тихо сказал он, ее улыбка и приветствие, наконец, вывели его из оцепенения.

— Вай и Кэл устраивают барбекю. Мы пойдем. Через две недели.

— Она снова беременна? — спросил он, и это вызвало у него еще одну улыбку.

— Нет.

Он подошел к кофейнику и спросил:

— Ты снова беременна?

— Насколько я знаю, нет.

Он наполнил себе чашку, пробормотав:

— Просто решил уточнить.

— У меня встреча, так что тебе придется забрать Алессандру с танцев. А на прилавке лежат поздравительные открытки. — Она наклонила голову в ту сторону. — Дети подписали их, на них стоят печати и адреса. Не мог бы ты подписать их и отправить по почте сегодня?

Он повернулся, оперся бедрами о стойку и ответил:

— Все сделаю, — прежде чем сделать глоток кофе.

Ее глаза поднялись к потолку.

— Они что играют там?

— Возможно.

— Им нужно собираться в школу.

— Поскольку каждый день я вожу их в школу, я знаю это, Фрэнки.

Она склонила голову набок.

— Ты стоишь здесь и наслаждаешься чашечкой кофе, Бенни.

— Это кажется, что я наслаждаюсь чашечкой кофе. А на самом деле — оказываю услугу учителям, позволяя нашим хулиганам выплеснуть немного своей энергии, прежде чем я отправлю их в школу. Значит, они будут сеять хаос здесь и только потому, что здесь можно сеять хаос.

— О, так вот что ты делаешь, — пробормотала она, скривив губы.

Он проследил за ее губами, прежде чем посмотреть ей в глаза и приказать:

— Перестань издеваться надо мной, поцелуй меня и иди на работу.

Ее глаза тут же прищурились.

— А ты перестань командовать.

Он улыбнулся ей.

Ее глаза стали еще прищуреннее.

— Иди сюда, детка, — тихо потребовал он.

Она закатила глаза и подошла к нему.

Он притянул ее к себе, прижался губами к ее губам, ее губы раскрылись, и, как всегда, Бен не упустил возможности. Он поцеловал глубоко.

Когда он поднял голову, она тихо сказала:

— Помнишь, сегодня мы придем на ужин в пиццерию.

Лучшие вечера на работе, когда Фрэнки водила всю их команду к нему в ресторан. Они всегда начинали ужинать за столом и всегда заканчивали на кухне, его девочка помогала своему папочке, его мальчики воровали шарики моцареллы и ели их в его кабинете, Фрэнки болтала с его «ребятней».

— Я помню.

— Хорошо, милый.

Он поднял голову и прикоснулся губами к ее лбу.

Она наклонилась и поцеловала его в подбородок.

— Папа! — услышали они крик Джоуи сверху. — Ван копается в моих вещах!

— Донован! — крикнул в ответ Бенни, все еще прижимая к себе свою Фрэнки. — Оставь вещи брата в покое!

Именно тогда они услышали Вана:

— У Джоуи длинный язык!

И именно тогда они услышали Джоуи:

— Это мои вещи!

И именно тогда он почувствовал, как жена снова поцеловала его в подбородок, прежде чем прошептать ему на ухо:

— Удачи тебе с ними, малыш.

Бенни посмотрел вниз и увидел, что она улыбается.

Она выбралась из его объятий, схватила свою сумочку, сумку с компьютером и дорожную кружку, крикнув в сторону двери:

— Мама уходит на работу, и она делает это, любя своих детей!

— Пока, мам, — крикнула Алессандра, их старшая дочь. — Люблю тебя!

— Пока, мам! — закричал Джоуи, их секундант.

— Пока! — Ван, их последний, вставил свое, затем проревел: — Джоуи!

Она улыбнулась Бенни и прошла через дверь в гараж.

Именно тогда Бен услышал лай Гаса — это всегда было предупреждением о том, что ситуация ухудшается.

Но прежде чем оторвать свою задницу от кухонного стола и пройти через свою огромную кухню, чтобы разобраться со своими детьми, он взглянул на календарь.

Разнообразные цвета чернил. Другой почерк. В основном Фрэнки. Немного Бенни. Даже немного Алекс и Джоуи. Все размечено. Почти нет пустых мест вообще. Танцы Алессандры. Карате Джоуи. Занятия Донована. Пижамные вечеринки для его девочки. Вечеринки с ночевкой его мальчиков. Дни рождения. Ужины с Мэном, Селой и их выводком. Мама и папа. Крисси и Ева. Кэт, Арт и их команда. И когда они могли ожидать, что люди, входящие в их дверь, получают еду, приготовленную Фрэнки самостоятельно.

Все дерьмо, из которого состоит хорошая жизнь, нацарапано в блоках, напечатанных на глянцевого бумаге и висящие на стене.

И в их календаре, полном каракулей, доказательство того, что Бьянки живут хорошей жизнью.

У них уже много лет были такие календари.

И Фрэнки сохраняла каждый из них. Снимала первого января, всегда, когда Бенни был на кухне. Затем вешала новый и аккуратно складывала прошлогодний на полку в гостиной у телевизора, где хранились детские книжки и их свадебный альбом.

Запись своей жизни в календаре означала, что Бенни улыбался, глядя себе под ноги, когда выходил из кухни, идя по коридору к подножию лестницы, прокричав, поднимаясь по ней:

— Отлично! Перестаем валять дурака! В школу! Сейчас же!

Он услышал топот ног.

Потом увидел Гаса на верхней площадке лестницы. Их собака гавкнула, сообщая, что присматривает за детьми.

И поскольку говорил папа, и даже Ван слушал, когда говорил папа, Бен стоял там, где стоял, скрестив руки на груди, ожидая своих детей, чтобы отвести их в школу.

* * *

Тереза Бьянки припарковалась за пиццерией.

Она повернулась к своей большой сумке, лежавшей на сиденье рядом, подняла ее и перекинула лямки через плечо, прежде чем выйти из машины.

Она вошла через заднюю дверь и направилась прямо в кабинет своего сына.

Там она увидела своего красивого мальчика, стоящего за своим столом с телефоном у уха. Всегда стоящий, ее Бенни. Она не думала, что когда-либо видела его сидящим за этим столом. Даже будучи ребенком, он всегда что-то делал.

Теперь, как мужчина, муж, отец, владелец бизнеса, он был таким же... только в большем качестве. Даже сидя и смотря игру по телевизору, он казался каким-то образом полным энергии.

Электрический.

Его взгляд остановился на ней, и его губы улыбнулись.

Она улыбнулась ему и вошла, снимая с руки свою сумку.

Она открыла ее и вытащила фотографию, которую вставила в рамку этим утром.

Она поставила ее на подставку на его столе, который был завален какими-то бумагами, но в основном завален фотографиями в рамках.

Так она делала с тех пор, как они открыли свою пиццерию, она по-прежнему развешивала семейные фотографии по всему залу. Так много, с тех пор, как ее дети были маленькими, и до тех пор, пока у ее детей не появились дети, стены были увешаны ими.

Вот только членов семьи Бенни было немного.

И связано было с тем, что ее сын не очень часто заходил в главный зал. Но он действительно проводил время в своем кабинете. И поскольку он проводил больше всего времени в своем кабинете, если он видел фотографию своей семьи, которую его мать повесила на одну из стен в их пиццерию, он снимал ее и ставил на свой стол так, чтобы она была в таком месте, где он мог ее видеть.

Итак, Тереза не повесила сделанные ею фотографии Бенни и его семьи в общем зале.

Она поставила их ему на стол.

И она поставила ее ему на стол. Восемь на десять. Черно-белая. Последнее день рождения Фрэнки.

На ней Бенни и Кэл стояли вплотную друг к другу у входной двери. Бенни держал Алессандру, тяжело прислонившуюся к его боку, почти сонную, потому что было поздно. Такая усталая, что ее густые, пышные ресницы касались щек. Рука отца обнимала ее за плечи.

Кэл держал на руках своего младшего сына, маленького Бена. Тетка ее мальчика Бенни спал. Джоуи, Ван и Вай, второй сын Кэла, Сэм, были в кадре — размытые, потому что они гонялись друг за другом.

Бенни и Кэл смотрели друг на друга и ухмылялись.

Чуть в стороне Фрэнки и Вайолет тоже стояли рядом. Фрэнки была одета в свое обтягивающее короткое платье, откинув голову назад, и смеялась. Вай держала Энджи за руку и смотрела сверху вниз на свою улыбающуюся дочь. Вай тоже смеялась.

С другой стороны Кейт и ее муж Тони, а также Кира и ее жених Джаспер стояли и разговаривали с Винни. Они тоже смеялись.

Вход был украшен гирляндами из воздушных шаров. Кэл, Вай и их семья готовились к отъезду.

Им потребовалось полчаса, чтобы выйти за дверь.

Но никто не жаловался.

Семье всегда было о чем поговорить, но в основном это происходило во время прощаний.

Это было потому, что никому не нравилось уезжать.

Как только Тереза положила фотографию на стол, она подняла глаза на своего сына.

Он смотрел на фотографию в рамке. Его лицо смягчилось от воспоминаний.

Затем он посмотрел на свою мать, и она увидела, что его глаза потептели от любви. Тереза одарила его еще одной улыбкой, молча выходя из его кабинета, и этот теплый взгляд любви в его прекрасных глазах она навсегда сохранит в памяти. Это был ее Бенни.

«Держи крепко» Меррик и Шэрил